

МИНУСИНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. Н.М. МАРТЯНОВА

**МАРТЯНОВСКИЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ
(2008-2009 гг.)**

Сборник докладов и сообщений

ВЫПУСК VI

МИНУСИНСК 2010

ББК 63,3 (253)
УДК 930-9

Ответственный за выпуск – Н.А. Голованенко
Редакционный совет – Л.Н. Ермолаева, В.Г. Чернышева, Т.А. Ключников, Е.В. Леонтьев
Компьютерная верстка, – О.В. Войда
технический редактор

Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. VI. Сборник докладов и сообщений. Минусинск, 13-15 декабря 2010 г. / Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. - Минусинск, 2010. - .

Данный сборник является 6 выпуском докладов и сообщений, которые были представлены учеными, исследователями, краеведами, преподавателями, сотрудниками музеев и работниками библиотек на XIX и XX Мартяновских чтениях в 2008 и 2009 гг. В сборник вошло 135 сообщений и докладов, посвященных различным темам: истории Сибири, краеведению, музейному делу и археологии. Впервые отдельной главой оказалась выделена тема «Образование», включившая в себя материалы, отражающие взаимодействие музеев и образовательных учреждений.

© Минусинский
региональный краеведческий музей
им. Н.М. Мартянова, 2010

662608, г. Минусинск, ул. Ленина, 60, тел./факс: 8(39132) 2-22-97, e-mail: martianov-muzey@mail.ru
Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мартьяновские краеведческие чтения проходят во исполнение решения комитета музея от 5 декабря 1904 г., который предложил в память об его основателе Николае Михайловиче Мартьянове «устраивать народные чтения в зале музея». Трудно сказать, устраивались ли они после 1904 г., в музейных отчетах нет об этом сведений, и уж точно их не было после 1917 г.

В 1977 г. музей, отмечая 100-летний юбилей, провёл первые краеведческие «народные» чтения, которые проходили в драматическом театре. В них принимали участие приехавшие на юбилейные торжества ученые – археологи: Э.Б. Вадецкая (Ленинград), М.А. Дэвлет (Москва), историки: Г.Ф. Быконя и П.Н. Мешалкин (Красноярск).

С 1990 г. чтения стали проводиться ежегодно и получили название – Мартьяновские краеведческие (это были вторые по счёту чтения). Инициатором возрождения традиции их проведения являлся директор музея Ковалев Владимир Алексеевич. Число участников было небольшое – краеведы Минусинска и сотрудники Мартьяновского музея, заслушали шесть сообщений.

Со временем увеличивалось число участников, изменялись и расширялись программа и тематика чтений. За период с 1990 по 2008 гг. заслушали около 900 докладов и сообщений. В программу XX Мартьяновских чтений уже было заявлено около 100 тем.

В 1994 г. чтения посвятили 150-летию Н.М. Мартьянова. Эта дата дала толчок и основанию музейной газеты «Минусинский край», первый её номер выпустили именно в тот период. Первым редактором газеты был В.А. Ковалёв. В 2002 г. Мартьяновские чтения были приурочены к 125-летию музея, в 2003 г. – 125-летию научной библиотеки музея, в 2007 г. – 300-летию вхождения территории южного Енисея в состав России. В 2009 г. главной темой юбилейных XX Мартьяновских краеведческих чтений стали две даты: 165 лет со дня рождения и 105 лет со дня смерти основателя музея Н.М. Мартьянова.

В рекомендациях чтений 1994 г. было записано: «Придать Мартьяновским чтениям общесибирский характер, закрепить их ежегодное проведение как составную часть работы Минусинского музея». Их подписали д.и.н., академик АЕН РФ, профессор А.И. Мартынов (Кемерово), д.и.н. И.Л. Кызласов (Москва), д.и.н. Н.М. Пирумова (Москва, Институт отечественной истории РАН). Они были выполнены. Теперь в Минусинский музей ежегодно в дни памяти Мартьянова для того, чтобы поделиться опытом, результатом новых исследований собираются ученые, сотрудники музеев и архивов, краеведы из различных регионов Сибири – Кемерово и Кемеровской области, Хакасии, Тувы, Красноярского края, Иркутск, Благовещенск. А также Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Казань, Барнаул.

Постоянными участниками Мартьяновских чтений все эти годы были Т.Е. Верещагина (г. Туран, Тува), В.Н. Тугужекова и В.Я. Бутанаев (Хакасия), В.И. Терентьева и Ю.П. Волченков (Шушенское), А.В. Броднева (Красноярск), Л.П. Чащина, М.В. Злобин и Г.Т. Харченко (Минусинск), а также ученые ХАКНИИЯЛИ, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, КГПУ им. В.П. Астафьева.

По примеру Минусинского музея во многих сибирских (и не только) музейных учреждениях стали проводиться чтения, которые посвящались основателям музеев (или чье имя носит музей). Так, в Енисейском музее – Кытмановские, в Литературном музее Красноярска – Астафьевские, в Барнауле – Геблеровские, в Идринском – Летягинские.

В 1999 г. музеем был издан первый сборник «Мартьяновские краеведческие чтения», где были представлены материалы участников чтений 1990-1998 гг. В настоящее время их выпущено уже пять.

Л.Н. Ермолаева, директор Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова
2009

Раздел I.

МУЗЕЕВЕДИЕНИЕ

Н.О. Аранова,
г. Абакан

Коллекция обуви в фондах Хакасского национального краеведческого музея имени Л.Р. Кызласова

Появление обуви связано с потребностью человека защитить ноги, однако со временем обувь, как и головные уборы, стала самостоятельным и очень важным элементом костюма. История обуви такая же древняя, как и история человеческой культуры, и форма обуви подобно всем прочим частям одежды, изменялась во все времена и у всех народов. В верхнем палеолите обувь, видимо, состояла из шкуры или кожи, которые наматывались на ногу. При раскопках в Горном Алтае найдена обувь из кожи и войлока примерно V в. до н.э. В Хакасии проводились раскопки А.В. Адриановым, затем Л.Р. Кызласовым Оглахты I-II, где были найдены предметы одежды и обуви – меховая куртка, сумочки, меховые рукавицы и меховая обувь периода таштыкской культуры (I в. до н.э. – V в. н.э.). Сейчас эти предметы хранятся в разных музеях страны: ГИМ, Эрмитаж и др.

Коллекция обуви в ХНКМ им. Л.Р. Кызласова поделена на повседневную (бытовую), этнографическую и производственную. Повседневная обувь насчитывает 142 ед. основного фонда и 68 вспомогательного фонда. Первое поступление этой обуви датируется 16.12.1974 г. – это туфли обувной фабрики «Саяны». Разнообразны виды обуви, хранящиеся в фондах музея – спортивная, бытовая, модельная. Страны-изготовители – Россия, Китай, Чехословакия и др.

Бережно хранятся в фондах мужские хромовые сапоги, полученные от Путиловой Федоры Андреевны, которая приобрела их в с. Екатерининское Идринского района Красноярского края в 1915 г. Сапоги хорошей сохранности, видимо, одевались только по праздникам.

В коллекции обуви имеются интересные дамские ботинки со шнуровкой до верха голенища 30-х гг. XX в. К сожалению, плохой сохранности, они очень потертые, имеются трещины. Ботинки переданы Пужаченко Виктором Тимофеевичем (с. Новомихайловка). Принадлежали его бабушке Еременко Дарье Петровне (1893 г. р.), переселенке из Полтавщины. (№6725/1)

Хранятся в музее полусапожки женские кожаные черного цвета, с шнуровкой до верха голенища. Датировка 30-е гг. XX в. Принадлежали Зыковой Аграфене Семеновне, работавшей зав. д/яслями в Аскизском районе. (5409/1)

Имеются в коллекции женские туфли военного и послевоенного периода (№ 7828). Принадлежали Тонких Марии Дмитриевне, участнице трудового фронта. Изготовлены на Ленинградской фабрике № 2 «Пролетарская Победа». И еще одна пара изящных туфель передана в музей Косовой Людмилой Ивановной, жительницей г. Абакана (7986/8). Туфли принадлежали ее матери Косовой О.Г., уроженке Ленинградской области. Людмилой Ивановной переданы в музей и резиновые боты, которые модница могла обувать, не снимая туфель т.к. в них имелось специальное углубление для туфельных каблучков (7986/16). Боты изготовлены Томским заводом резиновой обуви.

Уникальные форменные ботинки, хранятся в фондах музея отличной сохранности. Принадлежали они Тихонову Василию Гавриловичу, Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту авиации, доценту, почетному гражданину г. Черногорска. Такая обувь изготовлялась для высшего офицерского состава советской армии, она передана вместе с мундиром Тихоновой Маргаритой Леонидовной, вдовой героя.

Коллекция обуви пополнилась в 80-90-е гг. XX в. после проведения комплектования фондов для создания выставки «Вечные спутники». Очень плодотворная этнографическая экспедиция прошла в 1988 г. по г. Абакану и районам области. Было собрано огромное количество обуви, одежды, например, у

Коноваловой Александры Михайловны, жительницы г. Абакана. Хочется отметить тот факт, что в советское время передовые работницы в качестве поощрения за свой добросовестный труд премировались обувью. Например, 1979 г. Габайдулина Фаина, проживающая в Орджоникидзевском районе в пос. Сарала, передала в музей туфли, которые получила в качестве премии за ударный труд в колхозе «Саралинский» в 1946 г.

В коллекции «Обуви» имеются образцы изделий Абаканской обувной фабрики «Саяны», предприятия «Хакоблобувьбыт». Комплектование велось научными сотрудниками вместе с фотографиями, наградными лентами, грамотами. В те годы была отлажена связь с администрацией этих организаций. В музей передавались образцы обуви из обувной фабрики «Саяны» Челезубовой Ритой Викторовной, начальником технического отдела, Поляковой Марией Васильевной, начальником экспериментального цеха, Изотовой Ларисой Федоровной, секретарем партбюро. Образцы обуви передавались вместе с фабричными ярлыками, что намного облегчило составление карточек научного описания.

Неплохим для комплектования обуви явился кон. XX – нач. XXI вв. фонды музея пополнились персональными коллекциями таких известных в республике людей, как Степан Павлович Ултургашев, директор ИСАТ, профессор ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Манаков Николай Николаевич, генеральный директор обувной фабрики «Манаков и Ко», заслуженный работник бытового обслуживания, почетный гражданин г. Абакана. Большая коллекция экспонатов была передана сыном Эльзы Михайловны Коковой, главного режиссера Хакасского национального театра и заслуженного тренера республики Владимира Ильича Чаркова – Кириллом Владимировичем Чарковым в 2007 г. и др. Наряду с документальными материалами, пополнились коллекции предметов быта, личными вещами, в т. ч. предметами одежды и обуви.

Хранится коллекция «Обувь» в шкафах, внутри них в коробках, прокладывается бумагой. Часть обуви, хранящейся в фондах, нуждается в реставрации.

Литература

1. Большая Советская энциклопедия. БСЭ в 50-ти т. Т.30.-БСЭ.-1954. - С.402-403.
2. БЭ в 62-х т. Т. 33-М.: Терра, 2006. - С.262-263.
3. Панасенко В.А. Обувные товары. - М.: Экономика, 1975.- с. 235.
4. Роуланд-Уорн. Костюм.- Л.Нью-Йорк. Штутгард.М.,1999.- с. 64.

2008

И.Я. Василишина,
г. Минусинск

Использование литературы на английском языке из фондов научной библиотеки музея им. Н.М. Мартянова в работе учителя

Стимулирование интереса и поддержание высокой мотивации в изучении иностранного языка – одна из главных проблем современной школы. Другой важной задачей является разработка учебного материала, построенного с учетом лингвострановедческого и социокультурного аспектов в преподавании.

Сегодня необходим отбор такого содержания, которое вводит учащихся в различные пласты мировой культуры и учитывает социокультурный контекст изучения иностранного языка в конкретной стране, вовлекает учащихся в обсуждение актуальных проблем жизни человека в прошлом и в современном мире. Одним словом, необходимо содержание, обладающее большими потенциальными возможностями, и, прежде всего, фактором новизны как основы интереса. А роль интереса при обучении иностранного языка, как известно, является одной из ведущих.

Поэтому, более 20 лет в своей деятельности использую такую форму работы, как посещение музея и применяю полученные знания и информацию на уроках английского языка. И если в начале это

взаимодействие носило несколько односторонний характер, то сейчас можно говорить о заинтересованном сотрудничестве и взаимопомощи музея и школы.

Известный лингвист И.Л. Бим определила роль учителя иностранного языка на современном этапе. По ее убеждению, «учитель иностранного языка должен быть не только знатоком иноязычной культуры в широком объеме (политической, экономической, художественной, экологической, интеллектуально-этической, языковой и др.), но и своей национальной, поскольку процесс усвоения иностранного языка и дальнейшее его применение справедливо программируется как межкультурная коммуникация, как диалог культур».

Переосмысливая вышесказанное, определяю для себя методические цели. Так одним из этапов моей методической деятельности был отбор содержания по теме «Минусинск вчера, сегодня, завтра», который бы способствовал совершенствованию языковых знаний учащихся на краеведческом материале. Источником для содержания послужили книга В.А. Ковалёва, Л.Н. Ермолаевой, И.Е. Шадринной «Минусинск», изданная в 1986 г., публикации в периодической печати, информация тематических экскурсий и данные Статистического управления.

Результатом деятельности стало учебное пособие на английском языке, построенное по тематическому принципу, включающее восемь тем, лексический материал которых в целом отражает программную тему «Мой родной город». Тексты составлены с учетом их познавательной и развивающей ценности, актуальности, информативны, несут в себе большое воспитательное значение. Представленные упражнения направлены на: 1) развитие навыков устной и письменной речи; 2) поиск дополнительных источников информации по обозначенной теме; 3) развитие навыков эквивалентной передачи смысловой и стилистической информации предложений с помощью средств языка и перевода путем использования как собственной творческо-поисковой стратегии переводческой деятельности, так и существующих языковых предметов.

Пособие состоит из 27 слайдов, может быть использовано как в электронном, так и в печатном видах, комбинированное использование позволяет разнообразить процесс обучения.

На пособие получена рецензия профессора ХГУ им. Н.Ф.Катанова, кандидата филологических наук А.В. Безруковой, в которой отмечается его соответствие требованиям государственного стандарта, новизна и практическая значимость, взаимодействие английского языка с другими дисциплинами (историей, краеведением).

В 2006 г. пособие представлялось в Новосибирске на XII международной конференции «Английский язык как средство сближения культур и народов», организованной Национальным объединением преподавателей английского языка (президент С.Г. Тер-Минасова, декан факультета иностранных языков МГУ, доктор филологических наук, профессор) и Новосибирской ассоциацией преподавателей английского языка (президент О.В. Салкова, зав. кафедрой иностранных языков Т.Ф. НГТУ, кандидат педагогических наук, доцент). Представление работы вошло в сборник материалов конференции, включающий 122 работы, из них 2 – из Красноярского края (Красноярск, Минусинск).

Поэтому было вдвойне приятно представлять наш край и маленький город с богатейшим прошлым на таком представительном уровне на английском языке по теме «Изучение краеведения на английском языке».

Современному человеку важно обладать не столько определенной суммой знаний, сколько компетентностью, включая умение работать с различными источниками информации. Мною была поставлена задача найти информацию, которая помогла бы решить проблему непонимания учащимися того, что такое перевод, какую роль в нем играет контекст (и в узком, и в широком смысле – исторический, культурный), как на значение слов влияют знания, которые носитель языка зачастую имеет с рождения, но с которыми необходимо знакомить того, кто изучает иностранный язык. В качестве такого источника информации выступила книга американского путешественника и публициста Джорджа Кеннана «Сибирь и система ссылки» II том, изданная в 1891 г. в Нью-Йорке, предоставленная там научной библиотекой краеведческого музея. Книга много лет была запрещена в России, так как, познакомившись с политическими ссыльными, Кеннан стал «адвокатом русских революционеров».

Сейчас книга является библиографической редкостью. Работа с указанным изданием проходила в 2007 г. в рамках 17 часового предпрофильного курса в 9 классе. Ученики познакомились с понятием «краеведение», изучали словари, термины и лексические единицы, применяемые в данной области знаний, посетили тематическую экскурсию в краеведческом музее «Минусинск в XVIII-XIX вв.», изучали историю города по семейным фотоальбомам, прослушали беседу в научной библиотеке музея, приняли участие в викторине «Джордж Кеннан и Сибирь», работали с главами книги, повествующими о пребывании Джорджа Кеннана в Минусинске. Курс позволил: 1) расширить кругозор учащихся; 2) обогатить лексический запас; 3) совершенствовать навыки переводческой деятельности; 4) показать востребованность языковых знаний на практике.

На книжных полках научной библиотеки стоят десятки книг на английском языке. Это методическая литература, учебники, отчеты о научных экспедициях, словари, художественная литература, научная специальная литература. Помочь систематизировать имеющиеся издания, рассказать людям о тех книгах, которые могут быть им просто интересны, а возможно, и необходимы в профессиональной деятельности – задача моя и моих учеников сегодня.

Например, учителям английского языка, наверняка, будет полезна «Первая книга для обучения современным языкам» М.Д. Берлица (M.O. Berlitz «First book for teaching Modern Languages»), выпущенная Сибирским Областным государственным издательством в 1923 г. и «Учебник для домашних заданий по английской грамматике», изданный во Франкфурте в 1877 г. А несколько глав из 9-го издания Британской энциклопедии («Encyclopedia Britannica several articles from the Encyclopedia Britannica (Eleanor-Ether) 9 edition» – год издания неизвестен), поступившие в научную библиотеку краеведческого музея в 1945 г., уже стали для нас приятным событием. Ведь на английском языке наиболее известным и авторитетным энциклопедическим словарем является Британская энциклопедия, история которой интересна. Впервые она была издана в 3-х томах в период с 1768 по 1772 гг. Уже второе ее издание (1777-1784 гг.) было в 10-ти томах; а четырнадцатое (1929 г.) – в 24-х томах.

Т. о., издателям британской энциклопедии грозила опасность постепенного увеличения числа томов до неизвестных пределов, ибо объем знаний в мире беспрестанно возрастает. Ввиду этого после 1923 г. было принято решение издавать впредь энциклопедию в объеме лишь 24-х томов, и перепечатывать, по возможности, ежегодно все издания, одновременно исправлять те части или те статьи, которые устарели. В дополнение к Британской энциклопедии ее издатели решили, начиная с 1938 г., каждый год выпускать «Ежегодник Британской энциклопедии» («The Britannica book of the year»), в котором читатель может найти полезные сведения о событиях предыдущего года по многим темам. Вот так одна книга способна увести в мир глубоких знаний.

Литература научной библиотеки на английском языке воспринимается учащимися с большим интересом, повышает их мотивацию к познанию нового, обеспечивает возможность для расширения кругозора, развивает навыки работы с письменными источниками и способствует приобретению практического опыта использования языковых знаний в нестандартной ситуации.

2008

Ю.П. Волченков,
п. Шушенское

Фондовый потенциал музея-заповедника «Шушенское»

Музей в Шушенском 7 ноября 2008 г. отметил свой 78-й день рождения. За столь почтенные годы он побывал в разных качествах. Создавался по решению властей Западно-Сибирского края как историко-революционное отделение Минусинского краеведческого музея, затем функционировал как дом-музей В.И. Ленина. С 1970 г. – это мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина», а с 1993 г. – историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», т. е. музей сибирской деревни, в концепцию которого органически вошла и тема политической ссылки.

Переименование музея сделало его многофункциональным, сняло узкие тематические и хронологические рамки музейного документирования и других направлений его деятельности.

Разнообразнее и интереснее стали формы работы по сохранению и показу трудовых, бытовых и духовных традиций русского сибирского крестьянства. Посетители музея могут увидеть на экскурсии, как жили их предки сто и более лет назад, какими орудиями и как обрабатывали землю, пряли, ткали, вырезали из дерева и плели из ржаной соломки красивые изделия, изготавливали деревянную и глиняную посуду.

Заметно изменилась динамика комплектования музейных фондов. За 15 лет работы по новой концепции основной фонд увеличился почти в пять раз, и насчитывает 54340 ед. хр. Уже разработан проект фондохранилища с регулируемым режимом хранения. Строительство его запланировано на 2009-2010 гг.

Основными музееобразующими коллекциями являются музейные строения – деревянные дома, бани, амбары, конюшни, колодцы и т. п. – всего 194 объекта – и предметы крестьянского труда и домашнего быта, которых насчитывается около 15 тыс. Наиболее укомплектованы по отношению к кон. XIX – на. XX вв. коллекции ручных и конных орудий земледелия, инструментов и приспособлений различных промыслов, упряжи и средств передвижения, мебели, прядения и домашнего ткачества, праздничной и будничной одежды, полотенец, скатертей, деревянной, глиняной и металлической посуды и другой домашней утвари.

В 1998 г. краевой комитет по делам культуры и искусства, который в то время возглавлял Г.Л. Рукша, нашёл возможным выделить средства на выкуп ставшего вновь частным фонда бывшей Шушенской народной картинной галереи им. И.В. Рехлова. Уникальный фонд, представляющий изобразительное искусство всех республик бывшего СССР, передан на государственное хранение музею-заповеднику «Шушенское», тем самым сохранен от распродажи по частям, растаскивания и просто от физического уничтожения, поскольку условия для хранения там были самые неудовлетворительные.

Ныне художественный фонд музея-заповедника по объему и разнообразию – 1653 живописных, почти 18 тыс. графических и 130 скульптурных работ более тысячи авторов – «тянет» на целый музей, что позволяет к названию «историко-этнографический» добавить слово «художественный». Это название более бы соответствовало содержанию его фондов.

Экспедиционные сборы последнего десятилетия показывают, что предметы дореволюционной старины встречаются все реже. Чаще встречаются традиционные, изготовленные по старинным образцам и бытовавшие в XX в. Так самопряжки, ткацкие станы, этажерки, посудные шкафы-буфеты деревенских мастеров встречались нам довольно часто во время экспедиции по Краснотуранскому району, осуществленной в сентябре нынешнего года. Зато в одиннадцати деревнях мы не нашли ни одного самовара с топкой внутри, хотя такие самовары выпускались даже 40-50 лет назад.

Музей-заповедник «Шушенское» продолжает развиваться. Достраиваются шесть новых домов по старинным образцам из более северных районов края. Предполагается использовать их для кратковременного проживания туристов, пожелавших окунуться в крестьянский быт прошлого времени. При обустройстве интерьеров этих домов не обойтись без новоделов по старинным образцам, т. к. старые изношенные вещи не годятся для реального использования.

Сегодня уже не далекая старина привлекает основное внимание работников музея. На первый план выдвинулась задача комплектования фондов советского периода и современности. Всякий опыт может быть учтен или востребован в будущем, поэтому необходимо осуществить возможно полное документирование жизни сибирской деревни в условиях социализма, чтобы потомки могли видеть и плюсы, и минусы.

Музейными документами при этом могут быть любые бытовавшие в колхозной или совхозной деревне предметы материальной и духовной культуры: орудия труда, мебель, посуда, одежда, обувь, принадлежности туалета, украшения жилища, книги, игрушки, музыкальные инструменты. Особенно интересными экспонатами будут первые в деревенских избах радиодинамики и приемники, электроприборы, велосипеды, грампластинки 30-40-х гг.

Большое место в крестьянском труде пер. пол. XX в. занимала конная механизация. Музей уже имеет плуги, молотилку, сенокосилку. Но нет конных сеялки, жнейки, сноповязалки.

Интерес для музея имеют не только вещи, но и информация из первоисточников, от непосредственных участников событий о прожитом времени, о том, как проходили коллективизация, становление и развитие коллективных хозяйств, как все это отразилось на судьбах людей.

2008

Н.А. Голованенко,
г. Минусинск

Дата в истории: 300 лет в составе России

В 2007 г. широкое освещение в деятельности таких регионов как Красноярский край, Республика Хакасия получила дата 300 лет вхождения территории юга Красноярского края в состав России.

Немало программ, проектов, мероприятий, связанных с памятной датой, было разработано и осуществлено как в Хакасии, так и на юге края.

Главной отправной точкой для реализации ряда проектов и мероприятий на территории южных районов Красноярского края стала программа «300 лет вхождения территории Минусинской котловины в состав Российского государства». Основанием для ее разработки стало решение ассоциации местного самоуправления «Юг» от 02.06.2006 г. Эта программа была реализована при поддержке Администрации г. Минусинска. Руководитель проекта – Анатолий Иванович Кекин – в 2006 г. – Глава администрации г. Минусинска, председатель ассоциации местного самоуправления «Юг», Глава г. Минусинска. Автором идеи и инициатором проекта стала Ермолаева Людмила Николаевна, Председатель городской думы г. Минусинска в 2006 г., ныне директор музея им. Н.М. Мартянова, действующий депутат городского Совета г. Минусинска.

Срок реализации Программы был назначен на период 2006-2007 гг. Первоначально финансирование Программы планировалось в гораздо большем объеме, тем не менее, в конечном итоге исходная сумма составила 1 млн. 140 тыс. руб. Из них 500 тыс. руб. было выделено Минусинскому драматическому театру (в связи с 125-летием со дня основания) на постановку спектакля «Черный тополь»; 640 тыс. было выделено Минусинскому региональному краеведческому музею им. Н.М. Мартянова на следующие проекты и мероприятия: этнографические экспедиции по южным районам Красноярского края (15 тыс.руб.); историко-этнографический проект «Народы Южного Енисея» (285 тыс. руб.); выпуск энциклопедического издания «Минусинский край» (300 тыс. руб.); научно-практическая конференция «300 лет в составе России» (40 тыс. руб.).

Как один из реализаторов мероприятий данной Программы Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова в течение 2007 г. осуществил 4 проекта:

Одним из основных проектов стала историко-этнографическая выставка «Народы Южного Енисея». Автором научной концепции выставки являлся с.н.с. музея им. Н.М. Мартянова Е.В. Леонтьев, гл. художником – О.А. Володина

Целью выставки стало отражение состояния этнического состава населения Минусинского края, сложившегося в ходе его колонизации к кон. XIX – нач. XX вв. и формирование представления о некоторых особенностях традиционной культуры народов, населявших данную территорию в рассматриваемый период.

Задача, поставленная авторами выставки – это отображение уникальности, самобытности многонациональных культур народов, проживающих на территории Минусинского края. Идея для Минусинского музея не нова, т. к. еще основатель музея Николай Михайлович Мартянов подчеркивал необходимость отображения материала по народам, проживающим на территории Минусинского края и сопредельных территориях, осуществлял его сбор.

Хронологические рамки выставки охватили втор. пол. XIX – нач. XX вв. – указанный период отличался наиболее интенсивным наплывом сюда переселенцев из Европейской России.

При составлении тематической структуры выставки, авторы руководствовались сведениями переписей населения 1897 и 1926 гг., отбирая, численно наиболее представленные в крае этнические группы. В их число, т. о., вошли: русские, хакасы, украинцы, мордва, эстонцы, латыши, поляки, немцы и татары. Каждый из включенных в структуру разделов представил собой один или несколько сюжетных комплексов, несущих информацию об определенном наборе элементов традиции данного этноса.

Основную часть экспозиционной площади (всего 200 кв. м) на выставке заняли материалы, связанные с культурой и бытом русских старожилов – наиболее многочисленных – и коренных жителей края, хакасов. «Русский раздел» экспозиции при этом будет являться наиболее полным, включая в себя подтемы, частично повторяющиеся в рамках других разделов.

В ходе работы над выставкой авторы добились органичного сочетания на ней увеличенных фотоизображений (с видами поселений, жилищ, ландшафтов, сюжетных снимков представителей разных этносов) и средств декоративного оформления, призванных составить соответствующий «духу времени» фон для показа собственно музейных предметов.

Наряду с экспонатами-подлинниками, на выставке представлены новоделы традиционной одежды, специально изготовленные макеты, и интерьеры крестьянских жилищ. Выставка разместилась в трех залах музея. Вводная часть ее содержит общие сведения о миграции и этническом составе населения Минусинского округа по переписи 1897 г. (карта округа, костюмы русских крестьянок).

Первый раздел выставки посвящен русским старожилам края. В этом разделе представлен макет крестьянского двора и выполненный в натуральную величину интерьер русской избы со всем убранством и предметами домашнего обихода крестьян. Его дополняют костюмы сибиряков-минусинцев, мужской, женский и размещенные в верхнем поясе фотографии их семей. Также показаны религиозные представления старожилов в их повседневных занятиях и обрядах. Для этого построен комплекс – фотоизображения православных храмов и церковных процессий, с другой, увеличенный снимок с видом осенней жатвы и рядом на подиуме предметы (соха, лукошко с зерном, икона, снопок пшеницы, серп, печеный хлеб).

Следующий раздел выставки – «Украинский хутор», включил в себя комплекс, отражающий особенности расселения, жилищ, естественных условий обитания украинских переселенцев и их материальной культуры – это фрагмент хаты-мазанки, размещены подлинные музейные предметы: одежда, посуда из керамики, кузнечные изделия.

Рядом с украинцами представлен небольшой комплекс материалов, рассказывающий о польских жителях края. Как показало изучение фондов музея – документальный фонд по теме «польское население края» представлен достаточно богато, а вот что касается этнографии – оказалось, что предметов практически нет и сейчас комплектование его по данной теме является одной из первостепеннейших задач музея.

Раздел «Лютеранское поселение» посвящен культуре эстонцев и латышей, проживавших с 60-х гг. XIX в. в местных деревнях В. Суэдук, В. Буланка и Н. Буланка. Центральная часть комплекса – фотография с. В. Суэдук с изображением кирхи на переднем плане. Слева и справа от нее витрины, изготовленные в виде окон лютеранского храма. В них экспонируется одежда пасторов, церковная литература, образцы национальной вышивки, сканированные иллюстрации эстонцев и латышей. Уникальным здесь является экспонат – настоящий эстонский ткацкий станок, привезенный из с. Верхняя Буланка, а также домотканые скатерти и холсты.

Раздел «Община мордовских крестьян» представлен предметами-подлинниками мордовской этнографии: это женская одежда, обувь, долбленая посуда, туеса, а также женские украшения.

Экспозиция последнего зала посвящена традициям немцев, татар и хакасов. «Немецкий» раздел включает в себя этнографические комплексы, отражающие семейные обычаи, свадебную обрядность и особенности материальной культуры немецких крестьян.

Аспекты народной культуры, связанные семейной жизнью отражены на примере еще одного народа, татар. Во фрагменте интерьера татарского жилища кроме утвари, комплектов мужской и женской одежды, представлен манекен молящегося татарина. Подобный прием позволяет доступно рассказать посетителю об исламском вероисповедании, его особенностях. Комплекс дополняют фотографии с видами села Восточного и его жителей.

Завершает выставку раздел, названный «Хакасский улус». Его составили несколько сюжетно-тематических комплексов: кочевой быт хакасов; шаманистские обряды, связанные с разведением скота; обычаи и обряды хакасских охотников и хакасы Правобережья. Тему обрядности в быту скотоводов представляет манекен камлающего шамана, коллекция тесей и шаманских бубнов, картина Станевича, изображающая ритуал «освящения» скота.

Презентация выставки состоялась 15 ноября 2007 г. при участии представителей национальных общественных организаций юга края и Хакасии. Неотъемлемой и яркой частью презентации выставки, словно доказательством ее значимости для современности, стал концерт, включивший в себя выступления национальных творческих коллективов.

Источниковой базой выставки стали не только уникальные фондовые коллекции музея, но и этнографические материалы, собранные сотрудниками музея в результате экспедиций в 2007 г. по югу Красноярского края.

Именно эти этнографические экспедиции, направленные на сохранение национального культурного наследия, и являлись первым проектом Мартьяновского музея по Программе «300 лет вхождения территории Минусинской котловины в состав Российского государства». В июне-августе 2007 г. сотрудниками экспозиционного и фондового отделов проведены этнографические экспедиции: Краснотуранский район – польское с. Александровка (совместно с общественно-культурной организацией «Полония Хакасии»); Каратузский район – эстонское с. Верхняя Буланка, латышское с. Нижняя Буланка, мордовская д. Алексеевка; Минусинский район – татарское с. Восточное.

Результатом данных экспедиций стал не только сбор этнографического материала и пополнение музейных коллекций уникальными предметами, но и, главным образом, изучение национальных характерных черт народов, населяющих нашу территорию, проводилась фотофиксация современного состояния этих сел.

Одним из самых ответственных из всех Программных проектов, Мартьяновского музея – стал проект издания энциклопедии «Минусинский край». Энциклопедия была подготовлена в качестве учебного пособия для учащихся школ, студентов средних учебных заведений и вузов для изучения истории края и внедрения национального регионального компонента.

Энциклопедия была подписана в печать в июле 2008 г. Вышла в свет в сентябре 2008 г. в формате А4, 592 стр., в красноярском издательстве «Буква С», тиражом 3000 экз.

Финансирование основного тиража (1000 экз.) осуществлялось по бюджету в рамках региональной программы (администрация г. Минусинска – 300 тыс. руб.), а также за счет некоторых администраций южных районов.

В подготовке издания приняли участие около 100 человек. Большую помощь в сборе материалов оказали краеведы г. Минусинска и районов юга края, представители различных учреждений, в т.ч. культуры, спорта, здравоохранения, социальной защиты населения, администраций районов, школ. В уточнении материалов – специалисты архивов.

Заключительным проектом по Программе стала научно-практическая конференция «300 лет в составе России». Устроителями конференции стали Минусинский региональный музей им. Н.М. Мартянова и КГПУ им. В.П. Астафьева. Возглавил оргкомитет конференции Заслуженный деятель науки РФ, ректор КГПУ им. В.П. Астафьева, д.и.н., профессор Николай Иванович Дроздов.

Конференция состоялась 12-14 декабря 2007 г. в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартянова. В конференции приняли участие ведущие ученые и исследователи России: представители г. Барнаула, г. Новокузнецка, г. Кемерово, г. Ачинска, г. Красноярска, г. Минусинска, г. Саяногорска, г. Турана, г. Абакана, г. Черногорска, пос. Шушенского, с. Каратузского, с. Курагино, с. Краснотуранского, с. Идры, с. Алексеевка, с. Шалаболино, а также участниками конференции стали представители научных учреждений Японии и Германии. По итогам конференции в 2008 г. вышел сборник докладов и сообщений.

Участниками был подчеркнут высокий научный уровень конференции, а также высокий уровень организации и проведения конференции. Было отмечено, что юг Красноярского края остается

уникальнейшим регионом для исследований ученых, как России, так и зарубежных стран в плане практических изысканий в области археологии, культурологии, музееведения, естественных наук.

Конференция стала заметным и значимым явлением для научной, музейной общественности Сибири. По итогам конференции участниками были сделаны следующие предложения:

1. Обратиться в Архивное агентство при Администрации Красноярского края и в администрацию г. Минусинска о принятии срочных мер по реставрации и сохранению уникальных документов архива г. Минусинска, представляющих историю Южной Сибири (бывший Минусинский округ) XVIII-XIX вв. в т.ч. Саянского острога.

2. Обратиться в адрес Администрации Красноярского края, а также администрации г. Минусинска о принятии срочных мер по необходимому оснащению Минусинского музея специальными техническими средствами, обеспечивающих свободный доступ к работе с материалами, хранящихся в фондах и научной библиотеке музея. А также о предоставлении современной аппаратуры, с помощью которой возможно создать и поддерживать требуемые условия хранения.

Т. о., на примере празднования памятной даты – 300-летия вхождения территории юга Красноярского края в состав России, можно отметить несомненную пользу и важность разработки и реализации подобных региональных программ. Музеи, культурно-общественные организации получают возможность нового позиционирования своей территории через проекты, научно-практические конференции, появляется возможность пополнения музейных фондов в результате экспедиций. В связи с финансовой поддержкой подобных программ, основанных на знаковых датах, возможна реализация издательских проектов, направленных на изучение и популяризацию культурного наследия территории.

2008

Краснопеева Н.П.

г. Минусинск

Школьный музей

Сложные социально-экономические процессы в стране при рухнувшей идеологии, а также мой выход на пенсию, подтолкнули меня к поиску новых путей воспитания школьников.

Школа наша – старейшая в городе, и я посчитала уместным начать самую активную поисковую работу и оформление школьного музея, тем более опыт музейной работы у меня был (меня даже командировали за интересную работу на ВДНХ для участия во Всесоюзной краеведческой научно – практической конференции в Москву).

К тому же, 13 лет проработав завучем по воспитательной работе, я прекрасно понимала, что, выбросив школьные организации в лице октябрят, пионерии и комсомола, школа осиротела, ничего не дав детям взамен.

Поэтому в день празднования 60-ой годовщины освобождения Сталинграда, я обратилась с ходатайством к Совету Ветеранов, возглавляемый в то время Алевтиной Георгиевной Ведякиной бороться за присвоение школе имени Героя Советского Союза Михаила Поликарповича Хвостанцева, т.к. дети с улицы, носящей его имя, учатся в нашей школе.

Следом началась поисковая работа, писать пришлось много. Ответ пришёл с Украины от друга Михаила, бывшего комбата – Агрикова Романа Петровича. Он написал три книги воспоминаний о войне, две из них мы получили в подарок, а также письмо, из которого мы узнали тайну гибели Михаила, которую комбат осмелился опубликовать только спустя 60 лет после освобождения Сталинграда. Михаил Хвостанцев в боях подбил 4 танка, и при взрыве последнего – погиб.

Гитлер издал приказ «Взять Сталинград любой ценой». На закате дня 21 августа 1942 г. в д. Дубовый Овраг приехали немцы с телом советского солдата на лафете. Стоя на танке, немецкий офицер кричал своим солдатам о мужественном подвиге русского и призывал воевать так, как этот солдат. Затем с салютом и почестями они придали земле нашего земляка. Наши офицеры, отправляя в Москву просьбу

о присвоении Героя Советского Союза Михаилу Поликарповичу Хвастанцеву, решили не указывать факт захоронения его немцами, чтобы не осложнять процедуру награждения.

И только через 60 лет мы узнали правду о нашем земляке. 7 мая 2003 г. школе №4 было присвоено имя Михаила Поликарповича Хвастанцева. Через год – 2 февраля 2004 – на здании школы была установлена памятная плита в честь этого события. Плиту оформила в подарок родительница школы Оленина Светлана Александровна.

Два года поисковой работы принесли свои результаты, а спонсорская помощь Совета Ветеранов, Николая Николаевича и Веры Васильевны Фроловых, Михаила Николаевича Трухина, Николая Павловича Картамышева и Валентины Иннокентьевны Некрасовой, Дениса Чмутова, родителей и художника школы Микша Анатолия Сильвестровича помогли воплотить мою мечту в жизнь.

18 ноября 2005 г. состоялось торжественное открытие школьного музея, на котором присутствовали выпускница, а ныне директор городского музея им. Н.М. Мартьянова Л.Н. Ермолаева, учителя прошлых лет, а также директор Шошинской средней школы Мужайло Татьяна Ивановна.

Так завязалась дружба с Татьяной Ивановной. Позже мы съездили к ней в школу, познакомились с детьми и вместе побывали в музее у Владимира Ивановича Шеленкова в Новотроицком музее. Так родилась идея совместной поездки в Дубовый Овраг, где захоронен наш земляк.

В марте 2006 г. эта поездка осуществилась. Татьяна Ивановна со своими детьми и племянницей Михаила Ниной Николаевной, а от нашей школы Кравченко Елизаветой очень торжественно были встречены на далёкой героической земле. Впервые три школы, носящие имя Михаила Хвастанцева, встретились, и это был настоящий праздник для жителей Дубового Оврага.

Трудным был поиск сына Михаила Хвастанцева, но я обещала комбату его найти.

Обратилась в местную газету – откликнулась женщина, которая рассказала, что сына звали Юрий, жили они с матерью в Минусинске, но потом куда-то уехал. Через паспортный стол узнала, что он выехал в Имис Курагинского района.

Оказывается, перед уходом в Армию Михаил женился, а в 1940 г. у Клавдии Ивановны родился сын Юрий, потом началась война, и отцу с сыном так и не суждено было встретиться...

Весной 2007 г. мы пережили приятный момент: три года длился поиск выпускников 1941 г., которые ушли на фронт – и ни один не вернулся. После очередной экскурсии через ученицу Марию Накарякову я узнала, что она является племянницей выпускника тех лет Сидорова Василия. Она познакомила меня с тётёй, которая не только рассказала, но и показала дом на улице Ленина, где жила семья. Теперь на этом месте построили 20 магазинов. Василий погиб под Курском, а его близкий друг Михаил Учаев – под Сталинградом. Оба были выпускниками военного выпуска школы. Нет сомнения в том, что музей является той цементирующей составляющей рождения патриотизма.

Музей заметили – и потянулись ходоки: из школ Минусинского района приезжали 25 учителей, учителя города приходили, встретили делегацию из 25 руководителей школьных музеев из г. Черногорска, а также выпускники прошлых лет. Теперь же музей принимает гостей на всех семинарах, фестивалях и конференциях.

Профиль нашего музея – генеалогический, другими словами родословная школы, которая предполагает и наличие герба школы.

Утверждение эскиза герба произошло на расширенной школьной конференции, которая проводилась новым назначенным директором школы Фединой Евгенией Ивановной. Позже я попросила оформить герб классически герольдмейстера Багаева Владимира Павловича. Так у нас в школе появилась своя символика – и теперь за успешную работу в музее, а также за пропаганду патриотического воспитания мы награждаем лучших школьников и учителей своими дипломами.

В музее я занимаюсь и надучебной исследовательской работой. С результатами дети выступали на региональной конференции при Центральной городской библиотеке: Кравченко Лиза – о скульпторе Лаврове; Зенкина Наталья – о пионерских вожатых школы; Токарева Маша – о выпускниках – журналистах, поэтах и писателях; Егоров Даниил и Нурдаветов Роман – о нашем ученике – миротворце в Косово.

Следующие годы для школы юбилейные: 8 апреля 2009 г. – 70 лет выпускнику 1959 г. выпуска Плехову Валерию Сергеевичу, 21 ноября 2009 г. исполняется 90 лет со дня рождения Михаила Поликарповича Хвастанцева, а в 2010 г. – 90 лет школе №4.

Работы очень много и хотелось бы оставить результаты поиска в цифровом исполнении, но у меня в музее нет компьютера.

Но главная мечта моя – увидеть спектакль со сцены прославленного минусинского драматического театра о подвиге Михаила Поликарповича Хвастанцева.

2008

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Прижизненные издания работ В.И. Ленина в собрании научной библиотеки Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова

2008 год – юбилейный год для научной библиотеки – исполнилось 130 лет. Фонд библиотеки составляет более 124 тыс. единиц печатных и иных изданий, большая часть из них изданы в XIX – перв. пол. XX вв.

В библиотеке хранятся книги, журналы, принадлежавшие людям, чье имя неразрывно связано с Минусинском, музеем. Это книги из личных библиотек Н.М. Мартьянова, И.Т. Савенкова, минусинских купцов И. Лыткина, И.Г. Гусева, Г.П. Сафьянова и др. В 1999 г. фонд пополнился книгами (ок. 10 тыс. ед.) личной библиотеки В.А. Ковалева – бывшего директора музея.

Политические ссыльные, находившиеся на поселении в Минусинске и Минусинском округе (езде) также передавали книги в библиотеку: Г.М. Кржижановский и В.В. Старков передали 44 книги, а В.К. Курнатовский – 13 названий (в 27 томах), Амфитеатров А.В. – отдельные издания и др.

В научной библиотеке музея работали многие политические ссыльные – социал-демократы, народники, марксисты. Они пользовались изданиями для написания своих трудов. Ссылным было дано право пользоваться библиотекой бесплатно. Сохранился список читателей библиотеки музея за 1899 г., в котором записаны В.И. Ульянов (Ленин), Н.К. Крупская, Г.М. Кржижановский и В.В. Старков и др. Книги, с которыми работал В.И. Ленин и делал пометки на полях, были переданы в Институт марксизма-ленинизма в 1960-е гг.

В библиотеке имеются сочинения В.И. Ленина, изданные в разные годы, включая полные собрания сочинений. Большой интерес представляют прижизненные издания произведений В.И. Ленина – отдельные издания, журналы и газеты, в которых опубликованы работы.

Отдельно изданных работ В.И. Ленина (прижизненных) насчитывается более 40 ед., – с 1908 по 1923 гг.

Самые ранние издания относятся к 1908 г. – 2 ед.:

– Ильин Владимир. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Издание 2-е, дополненное. (Книга была написана в сибирской ссылке в 1898 г. – авт.). С.-Петербург. Книгоиздательство «Паллада», тип. В. Безобразова и К. 1908 г. На книге штамп – «М.Ю. Смотритель Ачинской тюрьмы». Книга поступила в музей в год выхода. В 2008 г. исполняется 110 лет со дня написания работы. Кстати, ссыльные социал-демократы ознакомились с нею в Минусинске во время встречи Нового 1899 г. – декабрь 1898 г.

– Вл. Ильин. Аграрный вопрос. Часть 1. С.-Петербург, Изд-во В. Безобразова и К., 1908. На книге печать «Росс. соц.-дем. Раб.партия. М.К.». Книга поступила в музей в 1908 г.

За 1909 г. издания в библиотеке музея имеется 1 работа В.И. Ленина:

– Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Издание «Звено», Москва, тип. А.С. Суворина, 1909 г. На книге имеются штампы «Иван

Сергеевич Торбаев» и «Рабочий отдел библиотеки Мингосмузея». В 2008 г. – юбилей издания – 100 лет (написано февраль-октябрь 1908 г.).

Книг, изданных в 1917 г., – 4 книги, из них 1 издание отпечатано в Томской типографии и 3 – в Петрограде, в т. ч.:

– В. Ильинъ (Н. Ленинъ). Из истории соц.-демократической аграрной программы. (Статьи 1901-6 гг.). Петроград, книгоиздательство «Жизнь и знание», типография «Научное дело», 1917. Серия «Библиотека обществоведения, кн. 38-ая».

Пять работ В.И. Ленина за 1918 г., которые были изданы в Петрограде (4) и Москве (1), в т. ч.:

– В. Ильинъ (Н. Ленинъ). Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Выпуск 1. Петроград, книгоиздательство «Жизнь и знание», 1918 г. Серия «Библиотека обществоведения. Кн. 40-я»

За 1919 г. – 11 книг, изданных в типографиях Москвы (7 ед.), Петрограда (3 ед.), Красноярска – издание Красноярского Губагенства ВИЦК, в т. ч.:

– Н. Ленин (В. Ильин). Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. Петроград, 1919.

На книге штампы – «Книжный склад. Минусин. уезд отд. Агентства Центропечати», «Минусинская центральная Округная библиотека имени 10-летия Октября»; печати «Библиотека Минусинского Союза Кооператоров. Печать», «Минус. Парт. профес. Рабочий клуб Имени Карла Маркса».

– Н. Ленин. Великий почин. (О героизме рабочих в тылу. По поводу «Коммунистических субботников»). Издание второе. Москва: Государственное издательство (бывшая типография И.Д. Сытина – авт.), 1919. Серия «Речи и беседы агитатора. № 4».

– Н. Ленин. Две речи на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию (6-19 мая 1919 г.). На титуле: «День советской пропаганды». Москва: Государственное издательство (бывшая типография Т-ова И.Д.Сытина – авт.), 1919. На брошюре имеются 2 штампа: Минусинская центральная Округная библиотека имени 10-летия Октября».

За 1920 г. – 5 изданий, отпечатанных в типографии Москвы (4) и Красноярска (1), в т. ч.:

– Н. Ленин. Революция и мелко-буржуазная демократия. Российская Коммунистическая Партия Большевиков. Красноярск. Енисейская Губ. Типография, 1920. Информационно-Инструкторско-Издательского Отдела.

За 1921 г. 3 издания, отпечатанные в типографиях Москвы (2) и Петрограде (1), в т. ч.:

– Н. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Москва, Государственное издательство, 1921.

Изданий 1922 г. в научной библиотеке всего 1 книга и 7 книг, которые были изданы в 1923 г. в Москве, Петрограде, Екатеринбурге (1), Томске (1), в т. ч.:

– Н. Ленин. Карл Маркс. Краткий биографический очерк, с изложением марксизма. Томский губернский комитет Р.К.П. Томское печатно-издательское т-во. 1923. На книге штампы: «Рабочий отдел. Биб-а Мингосмузея», «Фонд книжн. Палаты. Биб-а Мингосмузея».

– Н. Ленин (Вл. Ульянов). Аграрный вопрос в России к кон. XIX-го в. 3-е издание. Рабочее Кооперативное Издательство «Прибой», Петроград, 1923. Штампы – «Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (Секция КИМ). Минусинский гор. Минусинск» и «Минусинская центральная Округная библиотека имени 10-летия Октября».

– Н. Ленин. О марксизме. С приложением статьи Н. Ленина «Три источника и три составные части марксизма и с примечаниями проф. ст. Бобинского. Издательство Уралкнига, Екатеринбург, 1923. Печать «Минус. Парт. профес. Рабочий клуб им. Карла Маркса».

В научной библиотеке музея имеется первое прижизненное собрание сочинений В.И. Ленина, которое печаталось по Постановлению IX съезда РКП(б) с 1920 по 1927 гг. под редакцией Л.Б. Каменева.

Из периодических изданий, в которых опубликованы работы В.И. Ленина, в библиотеке музея следует выделить журналы – «Мир Божий» за 192-1906 гг., «Просвещение» за 1913 и 1914 гг., «Русская

мысль», «Русская богатство», «Красная новь» за 1921 г., а также газеты – «Правда», «Красноярский рабочий», минусинские газеты за 1914-1917 гг.

Данные издания представляют интерес для исследователей истории нашего государства, биографии В.И.Ленина.

Литература

1. Алфавитный указатель произведений, вошедших в полное собрание сочинений В.И. Ленина. – Москва, 1967.
2. Искра Ильича. – 1968. – 16 октября. – 2.
3. Мешалкин П.Н. В.И. Ленин в Минусинске. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1979.

2008

Е.В. Ткачева,
г. Минусинск

Музейный предмет в истории (опыт работы музея Минусинского с/х колледжа)

Школьное и профессиональное образование требует соблюдение принципа научности, а значит, и достоверности информации. В реализации этой задачи неоценимую помощь оказывает музей учебного заведения. В Минусинском с/х колледже музей боевой и трудовой славы был организован в сер. 80-х гг. XX в. Патрушевым В.И. – зам. директора по воспитательной работе с целью воспитания любви к Родине, к родному краю, гордости за достижения своих земляков, формирования духовности и нравственных качеств личности. Виктор Иванович сам со своими студентами делал витрины, комплектовал материал и строил экспозицию. Он был энтузиастом: работая ранее в средней школе №5 г. Минусинска, создал школьный музей.

На рубеже 80-90-х гг. XX в., музей сельхозтехникума был демонтирован, а в 1997 г. по инициативе администрации колледжа и при содействии ветеранов труда, Ловчидиса Н.И., Вальгера К.К. и др. музей был открыт в новом помещении, где ранее располагался физиокабинет. Экспозиция музея была дополнена новыми витринами и материалами. Музейная экспозиция состоит из разделов: «Минусинский с/х техникум 1921-1933 гг.», «Великая Отечественная война», «История техникума механизации и электрификации с/х 1951-1991», «Минусинский с/х колледж», «Спорт». Деятельность музея включает экспозиционно-выставочную, экскурсионную, массовую и просветительную работу, т.е. преобладает образовательно-воспитательное направление, а для хранения и сбора экспонатов нет специального помещения. Для оптимального использования возможностей музея необходимо комплектование фондов, обеспечение сохранности собранной коллекции.

В музее работает кружок экскурсоводов, члены которого участвуют в подготовке и проведении встреч с ветеранами войны и труда, экскурсий, оформлении выставок. Студенты колледжа посещают краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова, дом-музей Декабристов, картинную галерею. При содействии ветерана труда Евдокимовой Н.В. были оформлены альбомы в виде «раскладушек» по истории отделений колледжа, комсомольской организации, комиссии гуманитарных дисциплин. С их помощью можно проводить тематические экскурсии на классных часах в аудиториях. Отзывы об экскурсиях в музее студенты записывают в Книге отзывов и предложений, которая находится в музее.

Материалы музея используют студенты 4 курса при подготовке дипломных проектов, а классные руководители – при подготовке тематических классных часов и стенгазет.

В 2001 г. колледж отмечал 50-летие со дня своего открытия, были организованы встреча с выпускниками, торжественное заседание, посвященное этой знаменательной дате с использованием материалов музея.

Ежегодно колледж отмечает в марте День рождения. Студенты всех групп преподносят подарки, сделанные своими руками, участвуют в конкурсе стенгазет. Традицией стал День открытых дверей с целью

профориентации выпускников школ города и районов юга края. В этот день в музее проходят обзорные экскурсии.

К Дню защитника Отечества и к Дню Победы студенты встречаются в музее с ветеранами войны, тружениками тыла. В связи с празднованием 60-летия Победы состоялись встречи с участником Московской и Курской битвы Соловьевым М.Г., с защитником Ленинграда, почетным гражданином города Миллер В.К., с участником освободительной миссии Советских войск в Европе Козиным В.Н. В ходе этих мероприятий в качестве вещественных и письменных источников демонстрируются студентам военные реликвии: солдатские котелки, осколки мины, пулеметная лента, громкоговоритель, гильза из Сталинграда, гимнастерка участника Парада Победы 24.06.1945 г. Ковригина А.А., плакат «Ты записался добровольцем?», фотографии ветеранов войны, фронтовое письмо, фотография спец. кора газеты «Правда» В. Темина, изобретение Монастыршина А.Г., заменяющее ручную притирку клапанов к двигателю «Виллис» механической, которое демонстрировалось на ВДНХ в Москве. В 2005 г. в краеведческом музее им. Н.М.Мартьянова проходила презентация военных реликвий школьных музеев, в которой участвовал и музей колледжа. На презентации были представлены из нашего музея гильза, солдатские котелки, осколок мины.

В 2006 г. в музее была организована встреча с участником антитеррористической операции в Чечне Баштаковым Евгением студентом колледжа. В 1980-е гг. был собран материал об участниках войны в Афганистане (1979-1989 гг.), студентах нашего учебного заведения: фотографии, награды, воспоминания. Стенд с фотографиями был помещен около кабинета ОБЖ. Ежегодно к Дню Защитника Отечества воинов-афганцев приглашали на конкурс солдатской песни, на экскурсию в музей колледжа.

В 2006 году колледж отмечал 55-летний юбилей. В музее были оформлены две витрины и альбом о достижениях колледжа за последние годы.

Колледж прославили своими спортивными рекордами студенты: Космынин С., Воног А., Вишневецкий Д., Гончарук В. На всероссийских и международных соревнованиях. За свою историю 85 спортсменов, мастеров спорта вышли из стен нашего учебного заведения. Фотографии спортсменов, награды, кубки представлены в зеркальной витрине музея и в фойе колледжа.

Большую помощь в работе музею оказывает Совет ветеранов г. Минусинска и краеведческий музей им. Мартьянова. Члены Совета ветеранов – частые гости на встречах с ветеранами войны, на конкурсе солдатской песни. Музей колледжа неоднократно был отмечен Почетными грамотами, занимал призовые места в конкурсе среди музеев учебных заведений города.

Какие проблемы и трудности испытывают школьные музеи, в частности, музей колледжа?

Музейная работа требует энтузиазма, творчества, самоотдачи. Студентов труднее стало увлечь этой работой: молодежь более прагматична, чем прошлые поколения. Творческий потенциал подавляет бюрократизм: бумаготворчество, администрирование в работе преподавателя. Не хватает времени, сил для подготовки мероприятий, оформления выставок. Руководитель музея в нашем учебном заведении – преподаватель, вынужден вести уроки по 6-8 часов в день, чтобы получить зарплату, чуть-чуть больше прожиточного минимума. Из года в год администрация пытается дать «в нагрузку» должность классного руководителя. Труд руководителя музея не оплачивается, что не создает материальных стимулов к труду и морального удовлетворения.

На оформление музея не хватает материальных средств. Современный дизайн, просторное помещение, помещение для фондов остаются желаниями, а не реальностью. Соответственно не соблюдается требования по хранению музейных предметов и их учету.

С каждым годом всё меньше среди нас ветеранов Великой Отечественной войны – живых участников прошлых героических событий, поэтому приходится использовать музейные экспонаты в работе, которые несут в себе достоверные сведения, но без эмоционального, животворящего «дыхания времени».

В перспективе музей колледжа готовится достойно встретить 65-летие Великой Победы, сохранять традиции и приумножать достижения.

Музейные СМИ и издательская деятельность как один из способов формирования интеллектуального пространства и позиционирования музея в качестве центра интеллектуальных ресурсов

Изменения, произошедшие во многих сферах нашей жизни в последние два десятилетия, не лучшим образом отразились на деятельности учреждений музейного типа, которым приходилось и приходится буквально бороться за каждого посетителя, за право на существование. В этот период стала актуальной проблема популяризации или, как сейчас принято говорить, презентации музейных коллекций, экспозиций, материалов краеведческого характера. К сожалению, наши средства массовой информации не могут (в силу разных причин) предоставить столько площадей газетных страниц, сколько нам бы хотелось и сколько требуется для эффективного воздействия на читателя и передачи необходимой информации.

Минусинский краеведческий музей нашел выход из положения, создав свой печатный орган, свое средство массовой информации – краеведческую газету «Минусинский край», которая издается с 1994 г. Идея принадлежала В.А. Ковалеву, возглавлявшему на тот момент Минусинский музей. За эти 14 лет газета пережила и «взлеты и падения», были моменты, когда ее издание прекращалось (так складывались обстоятельства) и вновь возобновлялось.

В настоящее время она является приложением к газете «Власть труда» и распространяется не только в нашем городе, но и в других районах юга края. Здесь размещаются материалы краеведческого характера по истории нашего региона, Сибири, печатаются ранее не публиковавшиеся исторические документы, статьи о деятельности музея. Газету «Минусинский край» читают не только местные краеведы. Она стала хорошим источником для преподавателей и учащихся общеобразовательных школ, в частности для подготовки к краеведческому марафону - одной из форм совместной работы учреждений образования, музея и архива.

Ее уровень был оценен на Межрегиональном конкурсе, организованном газетой «Уральский музей» и проходившем в мае этого года в Екатеринбурге, где газета «Минусинский край» в номинации «музейное СМИ года» получила диплом II степени.

Наша газета это один из способов использования информационного потенциала фондов, научного архива музея для создания интеллектуального пространства.

В рамках проблем, рассматриваемых на нынешнем научном Совете, нельзя обойти стороной один их крупных проектов, который Минусинский музей (при поддержке общественной организации «Ассоциации «Юг») реализует в настоящее время, - это издание «Энциклопедии юга Красноярского края». Ее выпуск предусмотрен в рамках программы «300-лет присоединения юга Красноярского края к России». Инициатором идеи является Л.Н. Ермолаева – директор Минусинского музея.

Этот проект – показал, что наше учреждение не просто место для хранения предметов или проведение культурно-массовых мероприятий. Музей стремится стать центром интеллектуальных ресурсов. Над содержанием энциклопедического издания работала группа научных сотрудников музея, к подготовке материалов были привлечены специалисты различных учреждений, архивов и музеев южных районов, Шушенского биосферного заповедника, Минусинской геологоразведочной экспедиции, Государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское», краеведы.

В этом издании использованы различные источники из научного архива, фондов, библиотеки музея, архива г. Минусинска и районов. На 600 страницах собран огромный фактический материал, дающий представление о южной территории Красноярского края и ее особенностях развития, заселения.

Первая часть энциклопедии состоит из общих очерков: Рельеф, почвы, климат водные и минеральные ресурсы, природа, которые сопровождаются дополнительным справочным материалом (Основные водоемы: реки, озера; Основные месторождения и рудопроявления; Редкие и исчезающие

виды животных), исторические очерки (Древняя история, освоение юга края XVIII – нач. XIX в., Развитие юга края в XIX – нач. XX вв.), охватывающие большой период вплоть до 1990-х гг. XX в. со справочными материалами различного характера.

Вторая часть – восемь разделов, посвящены отдельно каждому району и городу. Здесь более подробно дается информация о географическом положении, истории развития, современном экономическом положении района и некоторые сведения из истории населенных пунктов, с приложениями.

Особое место уделено людям, оставившим след в истории, как региона, так и отдельных районов и внесшим определенный вклад в его развитие, общественным деятелям, Героям Советского Союза, России, Социалистического Труда, почетным гражданам и пр. Им также посвящено более 40 страниц главы «Персоналии».

Разработка такого издания продиктована необходимостью и потребностью общеобразовательных школ, да и студентов вузов в учебном пособии для краеведения. У издания, выпущенном в 2006 г. «Красноярье: пять веков истории» есть существенные недостатки. Оно не дает достаточно полной информации по южным территориям и опирается больше на историю центральных районов Красноярского края. Энциклопедия юга Красноярского более конкретизирована.

Издание также дает представление о заповедниках, природных памятниках, объектах туризма, туристических маршрутах, музеях региона, что может поспособствовать развитию туризма на территории юга Красноярского края.

Реализация этого проекта позволяет определить дальнейшие направления научной деятельности как Минусинского, так и других музеев региона. В процессе подготовки энциклопедии были выявлены наиболее слабоизученные аспекты истории юга края, скорректированы некоторые уже устоявшиеся факты и даты.

«Энциклопедия юга Красноярского края» – это первый, но далеко не последний крупномасштабный проект в издательской и научной деятельности музея. Но реализация подобных идей зависит не только от интеллектуальных ресурсов нашего учреждения, но и взаимопонимания и поддержки различных организаций и учреждений.

2008

В.Г. Чернышева,
г. Минусинск

Практика Минусинского музея в развитии туризма на территории юга Красноярского края

Минусинский музей – один из первых краеведческих музеев Сибири. Он носит имя своего основателя – Николая Михайловича Мартьянова.

Идею Н.М. Мартьянова о создании музея поддержала минусинская общественность, и 6 июня 1877 г. городская Дума приняла Устав музея. В 1878 г. при музее была открыта Общественная публичная библиотека, а в 1890 г. по проекту иркутского архитектора Рассушина построили специальное здание для музея.

В 1900 г. был возведен второй корпус музея на средства минусинский купцов братьев Даниловых.

Музей в короткое время стал известен в Сибири, России и за рубежом. Благодаря поддержке русских и зарубежных ученых, обществ позволило ему стать широко известным в научной среде, базой для научных исследований, хранилищем этнографической, естественно-исторической, археологической коллекций.

Музей представлял свои коллекции на различных выставках: в 1887 г. на Сибирско-Уральской промышленной выставке в Екатеринбурге, где музей был отмечен дипломом и малой серебряной медалью,

в 1893 г. в Чикаго, 1896 г. на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде – получил диплом I разряда, на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. – отмечен дипломом и серебряной медалью.

В фондах музея хранится более 180 тыс. предметов. В наст. вр. Минусинский музей представляет собой несколько объектов:

- центральный музей – 1 и 2 корпус, соединенный галереей, где собраны и экспонируются каменные изваяния с территории Хакасии, Тувы и Алтайского края.

- филиал 1 «Мемориальный музей «Квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова». Открыт в 1970 г.

- филиал 2 «Музей декабристов». Открыт в 1997 г. Единственный музей о декабристах в Красноярском крае. Располагается в доме, где жили ссыльные декабристы братья Крюковы.

- научная библиотека музея. В январе 2008 г. ей исполнилось 130 лет. Богатейший библиотечный фонд насчитывает более 122 тыс. ед. печатных изданий: книг, журналов, газет на русском, французском, немецком, английском, польском языках.

Регион, где находится Минусинский краеведческий музей, имеет свои особенности и сложную, неоднозначную историю. Такое явление как туризм (по сравнению с центральной Россией и Югом), здесь появилось сравнительно недавно и значительную роль в этом сыграло именно это учреждение.

В кон. XIX в. маленький (хоть и центр округа), сибирский, провинциальный город Минусинск мало кто знал. Здесь не было курортов, несмотря на наличие лечебных озер. Существовавшие пути сообщения желали лучшего. Отсутствовали какие-либо особые достопримечательности, ради которых стоило проделать столь долгий и трудный путь. Сюда забирались лишь ученые-путешественники за новыми археологическими, ботаническими или географическими открытиями. Даже появление здесь музея, получившего признание и в России, и за рубежом, не обеспечило потока туристов в Минусинский край (были другие интересы у того поколения, немного другие функции у музея и ряд иных причин).

Но, тем не менее, некоторые личности стремились побывать именно в Минусинском музее или «Жемчужине Сибири», как его тогда называли в прессе. Вероятно, это можно расценивать, как первые ростки туризма. В начальный период советского государства музей все чаще становится объектом для посещения различными группами посетителей, чаще – жителями и школьниками южного региона и как исключение – иностранцами (к примеру, международная делегация геологического конгресса 1937 г.).

Толчок к развитию туризма получил благодаря ленинской теме. Нашему региону в этом плане повезло. Здесь отбывал ссылку В.И. Ульянов и его соратники по политической борьбе, представители других партий и политических течений. Владимир Ильич неоднократно бывал в Минусинском музее, работал в читальном зале библиотеки.

Музей стал тем туристическим объектом, который был востребован временем, спросом благодаря политике государства.

С 1950-х гг. начинает усиленно развиваться внутренний туризм, в котором участвуют близлежащие районы юга Красноярского края и Хакасской автономной области (в тот период Хакасия входила в состав Красноярского края). Во многом этому содействовали государственная политика и поддержка. Но и Минусинский музей способствовал этому не мало. Он сумел вовремя перестроиться и работал не только за счет ленинской тематики. Его главным направлением стала история региона.

Минусинский музей дал жизнь двум другим туристическим объектам: в 1930 г. своему филиалу Дому-музею В.И. Ленина в с. Шушенском, ставшему позже самостоятельным, и Абаканскому областному краеведческому музею (ныне Республиканский национальный музей), передав ему часть своей этнографической коллекции.

С 1968 г. места, связанные с пребыванием вождя пролетариата, приобретают особое значение. Так появляется у Минусинского музея филиал «Квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова» в доме, где останавливался Ленин. Были разработаны новые экскурсии и мероприятия. На базе Дома-музея В.И. Ленина в Шушенском был создан музей-заповедник и ряд других мемориальных мест в окрестностях Шушенского, открывается музей в Ермаковском (филиал Шушенского музея-заповедника). Сеть музеефицированных объектов резко увеличилась.

На примере Минусинского музея можно проследить, как развивались туристические связи. В 1959 г. – это в основном соседние южные районы, Тува, Хакасия, Красноярск, затем появляются туристические группы из других регионов Сибири: Кемерово, Омск. На следующий год – Омская обл., Прокопьевск, Новосибирск, Томск, Даурский район (Дальний Восток). В 1962 г. появляются группы из Челябинска, Москвы, Казани, Горького. В этот период на территории юга Красноярского края открываются первые туристические базы (Шушенская и Минусинская – «Саяны»), с которыми Минусинский музей начинает тесное сотрудничество.

Пик туристического бума пришелся на 1970-80-е гг., когда Минусинский музей принимал по 16 групп, и на площади перед зданием стояла вереница автобусов. Музей тогда был включен в туристический маршрут всех близлежащих турбаз, экскурсионных бюро (Шушенское, Абакан, агентство «Интурист»). В 1976 г. музей принял 78 групп от турбаз и бюро. Были разработаны новые маршруты, Внемузейные экскурсии не только по городу, но и по территории юга края (Шушенское, Хакасию), направленные на знакомство с богатейшей историей края.

Появились первые иностранные туристы (организованные группы). К сожалению, развитие этого направления туризма ограничивался и до сих пор ограничивается рядом проблем. В первую очередь информационный вакуум, политика и туристический сервис, вернее его несовершенство, а зачастую и его отсутствие.

Туристический бум закончился вместе с советской эпохой. Выстроенная система рушилась, а музею необходимо было выжить в сложившейся ситуации. Продолжая сотрудничество с еще существующими турбазами, музей начинает выходить на прямой контакт с санаториями, расположенными на территории юга края (на озерах Кызыкуль, Тагарское, Шира).

Изменилось время, изменился спрос. Был сделан крутой поворот. В обиходе музейщиков появились понятия реклама, маркетинг и PR. Мы только учимся работать в новых условиях. Главным направлением по-прежнему является внутренний туризм, от которого нельзя отказываться. Но изменился его внутренний смысл – во главу поставлены история края, этнография, ремесла и природа, то, что привлекает нынешних туристов. В этом смысле музей для многих организаторов турфирм, туристических баз стал богатейшим источником информации. В фондах научной библиотеки будущие мастера экопоселения «Земля Обетованная» (Курагинский район) изучали секреты кузнечного, гончарного дела, деревообработки, лозоплетения, а позже – оказывал методическую помощь в организации экскурсионных маршрутов по экопоселению.

Завязалось тесное сотрудничество и с природным парком «Ергаки», где располагается туристическая база. И как результат выставка в музее, рассказывающая не только о его деятельности, но и пропагандирующая активный отдых на природе. Давно зарекомендовал себя турмаршрут (внемузейная экскурсия) в Шушенское (с посещением Государственного этнографического музея-заповедника) и Саяно-Шушенскую ГЭС с посещением с. Сизая, где вырос олимпийский чемпион по вольной борьбе Иван Ярыгин, также на Салбыкский курган.

В перспективе у музея разработка широкого спектра этнографических развлекательно-познавательных программ на базе филиалов и включение в программы туристических фирм, разработка новых туристических маршрутов на археологические, исторические объекты региона, а также в соседние республики Хакасию и Тыву (маршрут выходного дня) (слайд).

В последние годы наш регион, в частности музей, все больше стали посещать иностранные туристы (10-11 групп в год).

Музей сотрудничает с различными частными турфирмами «Саянское кольцо» (Красноярск), «Лига-Тур», Абакан (интуристы), Турагентство «Пальмира», «Туртрэвел» (Саяногорск, Хакасия), «Сибинтур», Турбазы «Ергаки», «Искра» и пр. (23 гр.) Им предоставлены прайс-листы, перечни экскурсий и мероприятий и т.д. Но взаимодействие с турфирмами, в настоящее время не очень плодотворно – основная масса местных турфирм работает на вывоз туристов (по России и за рубеж), из 14 (в т.ч. и из других городов) на прием туристов (как основной вид деятельности) работают только два. С ними определено

сотрудничество на взаимовыгодной основе – помимо музейных экскурсий и мероприятий, представители этих фирм пользуются архивами и библиотекой музея.

Более плодотворно работает музей с ближайшими базами отдыха, санаториями, профилакториями и т. д. Отдыхающие этих заведений регулярно посещают музей, в основном на обзорные экскурсии. При проведении в музее календарных этнографических мероприятий (Пасха, Троица, Масленица, Рождество и т. д.) многие из них проводятся по заказу для отдыхающих в местных лечебно-профилактических учреждениях.

Чтобы привлечь как можно больше туристов не только в музей, но и на другие туристические объекты возникла необходимость в развитии рекламы и PR. В наст. вр. рекламная деятельность музея начинает набирать обороты. Реклама музея постоянно размещается в рекламном еженедельнике «Минусинская ярмарка» (модульная о предстоящих мероприятиях) и так называемом «Первом маршрутном телевидении» (заставки в мониторах транслирующих рекламу в общественном транспорте), где пропагандируются и природные парки нашего края, памятники архитектуры археологии и истории.

Музей постоянно сотрудничает с местными и региональными телеканалами, которые анонсируют и освещают деятельность музея. В наст. вр. запускается новый проект (пилотные выпуски) познавательных роликов «Артефакты Минусинского края» на телеканале соседней республики Хакасии, в которых будет очень коротко рассказываться о наиболее интересных экспонатах музея, раскрываться сложные процессы взаимосвязи и взаимовлияния местной и всероссийской истории.

Совсем недавно музей вышел на другое информационное поле через Интернет. Пока Интернет-страничка только начала работать, но в наших планах стоит ее расширение.

С увеличением потока туристов возрос и спрос на сувенирную продукцию. В прошлые годы сувениры централизованно изготавливались на Шушенской сувенирной фабрике, Минусинской типографии, в Красноярске и пр. В 1990-е гг. «палочкой-выручалочкой» стали местные мастера (резьба по дереву, лозоплетение) и художники, предоставлявшие свои работы с пейзажами и сюжетами региона. За все это время в Минусинске так и не появилось предприятий по изготовлению сувенирной продукции. Это прерогатива других районов.

В наст. вр. сувениры, поступающие в Минусинский музей, изготавливаются в Хакасии, Шушенском. Тематика самая различная.

2008

Н.Я. Артамонова,
г. Абакан

Краеведческий музей в культурном развитии уездного города

Музеи всегда были хранителями культуры, духовности и нравственности. Это важнейшая функция их участия в общественной жизни. Велика роль краеведческих музеев в развитии культуры уездных городов Енисейской губернии. Понятие «краеведческий» исследователями стало употребляться в 20-е гг. XX в., в период «золотого десятилетия» краеведческой работы. В отношении к музеям XIX в. чаще всего употребляли словосочетание «местный музей», «публичный музей».

С сер. XIX в. культурно-просветительскую, научную роль в Сибири выполняли Русское географическое общество (РГО), его отделы и подотделы. Но уже с 70-х гг. XIX в. эти функции стали осуществлять музеи, которые, по словам известного сибирского культуролога, интеллигеноведа В.Л. Соскина объединяли «живые силы тогдашней общественности и которые своей деятельностью пытались поднять культуру своего родного края».¹

В посл. тр. XIX в. в просвещенной части российского общества усиливается интерес к сибирским древностям. Об этом свидетельствует активное общественное движение по организации музеев и различного рода обществ во всех уголках России. В Сибири подобные музеи были созданы в Ачинске,

Барнауле, Енисейске, Канске, Красноярске, Минусинске, Омске, Чите. Притом музеи рассматривались инициаторами движения не как «хранилища «раритетов», а как очаги культуры, способствующие делу просвещения народа, приобщения его к историческому прошлому».² В определенной мере, считает исследователь из Хакасии В.Ф. Буров, «это явление можно рассматривать «как момент пробуждающегося национального самосознания, носителем которого является не только небольшая группа образованных людей, но и широкие массы народа».³ Вполне справедливое замечание, если учесть и то, что начавшееся движение способствовало изучению и спасению сибирских древностей, а также благотворно сказалось на культурном развитии Сибири.

Особое место в ряду названных музеев занимал Минусинский публичный музей. Уже в первый год своего существования он стал центром культурной и научной жизни Енисейской губернии; вокруг него сформировался кружок единомышленников, ведущую роль среди которых играла ссыльная разночинная интеллигенция. По мнению основателя музея Н.М. Мартьянова, «всякий интеллигентный человек должен дать все, что может, для той местности, где проживает».⁴ Поэтому он использовал всестороннюю образованность и деловые качества ссыльных. Это, кстати, нашло отражение в Уставе музея, в котором было записано, что лица, не принадлежащие к городскому обществу, но проживающие в г. Минусинске, могут принимать участие в его деятельности. Это было важно, поскольку положение во многих местах политической ссылки было тяжелым именно из-за невозможности для ссыльного принимать какое-либо разумное участие в местной жизни и на этой почве, по мнению Ф.Я. Кона, «до 10% долгосрочных политических ссыльных погибало от алкоголя, огромный процент кончал самоубийством, огромный процент разлагался».⁵

По-разному осуществлялось сотрудничество ссыльных интеллигентов с Минусинским музеем. Об этом есть конкретные научные исследования, статьи краеведческого характера. Исследователи отмечают деятельность Александра Алексеевича Кропоткина, который с первых дней существования музея стал активным помощником Н.М. Мартьянова и одним из первых составителей Устава музея. На нем также лежала вся деловая переписка. Это человек, которому судьба уготовила печальный удел неостребованного и несостоявшегося таланта. А ведь он мог стать художником, поэтом, писателем и т.д.

Павел Александрович Аргунов, один из организаторов «Общества переводчиков и издателей» в Москве, находившийся в минусинской ссылке с 1885 по 1891 гг., работал сотрудником музея, принимал активное участие в работе, созданной при музее общественной библиотеки, проводил серьезные исследования в области сельского хозяйства. В 1892 г. в Казани вышел в свет его научный труд «Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог сельскохозяйственного отдела музея».

Л.П. Буланов и В.С. Лебедев помогали в устройстве экспозиции и сборе коллекций. Основная работа Буланова сводилась к метеорологическим наблюдениям, по результатам которых он составил очерк «Материалы для изучения климата г. Минусинска и окружного района с сельскохозяйственной точки зрения», подготовил статью «Климат Енисейской губернии». Благодаря усилиям Н.М. Мартьянова и ссыльных в некоторых селах были устроены метеостанции.

Личным другом и незаменимым помощником основателя музея был Д. Клеменц, человек необыкновенный, талантливый, одаренный житейским умом и воображением. Известно его тяжелое психологическое состояние в первые годы ссылки, когда он глубоко переживал положение политического ссыльного. Подспудной причиной такого настроения были, естественно, и кризис революционного народничества, и усиление реакции, и изменения идейно-политических взглядов некоторой части политссыльных.⁶ «Для учредителя Минусинского музея Мартьянова, – писал в своих воспоминаниях И.П. Белоконский, – Клеменц был неоценимый клад, но для Дмитрия Александровича Николай Михайлович был тоже дорогой находкой».⁷ Здесь Д. Клеменц написал свой первый серьезный труд «Древности Минусинского музея» с атласом рисунков, прекрасно выполненных ссыльным художником А. Станкевичем. Это сочинение, разосланное научным учреждениям и отдельным лицам в России и за рубежом, вызвало многочисленные отклики и поздравления с успехом.⁸

Спасительным для Д.А. Клеменца стало с трудом добытое им право отлучек из Минусинска, и он с головой ушел в экспедиционную работу сначала для пополнения экспозиций местного музея, а затем по заданию РГО. «Человек науки, – отзывался о нем И.П. Белоконский, – обладающий широким образованием, неисчерпаемым внутренним содержанием». И далее: «... при европейских условиях он непременно стал бы выдающимся профессором, а в России ему ... пришлось пройти революционную школу, чтобы вторую половину жизни посвятить тому, к чему у него было призвание».⁹

Феликс Яковлевич Кон, находясь в ссылке в Минусинске, дважды (1902, 1903 гг.) по заданию ВСОРГО побывал в почти неизученном Урянхае и Усинском пограничном округе. Результатом этих экспедиций явилась работа «Усинский край», удостоенная Золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.¹⁰ В своем письме к В.М. Крутовскому, правителю дел Красноярского подотдела, Ф.Я. Кон писал, что ему «удалось сделаться нужным человеком в селении: одним прививал оспу, другим писал прошения, с еще иных снимал карточки, а в обмен получал такие сведения, какие не часто удается добывать».¹¹ Интересны этнографические коллекции, собранные им для Минусинского музея. Только 24 июня 1903 г. им было отправлено на плоту 83 предмета, состоящих из одежды, обуви, посуды, охотничьих принадлежностей, вещей шамана, предметов для богослужения, игрушек, музыкального инструмента, орудия пытки и пр.

Гордостью не только Минусинска, но и всей Енисейской губернии стала созданная по инициативе того же Н.М. Мартянова и прогрессивной минусинской общественности, библиотека. В 70-х гг. XIX в. публичных библиотек в Сибири были единицы и Минусинская явилась одной из первых. С открытием библиотеки, количество людей, интересующихся историей своего края, жизнью и бытом населения, расширяется. Этому способствовали каталоги библиотеки, которые самой первой стала издавать библиотека Минусинского музея. Постоянными стали отчеты библиотеки и музея. С 1889 по 1913 г., по подсчетам исследователей, был напечатан 21 отчет.

Анализируя отчеты по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за несколько лет, нельзя не удивляться разнообразию тематики имеющейся там литературы. Это и произведения русской классики (Гоголь, Достоевский, Толстой), различные словари, справочники, энциклопедии: «Русская портретная галерея», «Иллюстрированная история Екатерины II», «Естественная история племен и народов», «Русский энциклопедический словарь» Березина, «Энциклопедический словарь» Семенова, специальные сочинения по сельскому хозяйству, археологии, этнографии, естественной истории, периодические издания: «Вестник Европы», «Исторический Вестник», «Сибирский Вестник», «Русский Вестник», «Русская старина», «Книжный Вестник», десятки наименований газет, каталогов и т.д.¹²

Благодаря музею и библиотеке происходило тесное общение с местной интеллигенцией, простым народом. По существу, культура в провинции держалась на одержимых людях. Сибирские краеведы понимали, что «изучение и охрана древностей – непосильная задача для отдельных энтузиастов», поэтому стремились объединить вокруг музеев всех, кто им сочувствовал, кто был равнодушен к истории своей родины. Представители минусинской общественности не только сочувствовали благому делу, но и принимали самое активное участие в создании этих двух очагов образованности, какими являлись местный музей и библиотека. По словам Ф.Я. Кона, «все минусинское общество в целом поддерживало все время музей и нравственно и материально». В их числе можно назвать Тимофея Сайлотова, местного учителя, бескорыстного сотрудника музея, члена его постоянного комитета, временного хранителя его коллекций. Он же совместно с другим учителем Н.И. Поповым, пропагандировал идею назначения музея в трудные дни его становления. Активное участие в делах музея принимали начальница местной женской прогимназии Е.Н. Зверева, местные жители Г.П. Сафьянов, И.Н. Макридина, И.Н. Гладышевский, первый переплетчик книг и один из активных и постоянных читателей библиотеки.

Музеям в деятельности Русского географического общества отводилась немалая роль: на их основе готовились научные экспедиции, осуществлялось последующее изучение и систематизация собранного материала, их хранение и использование в просветительной работе. К кон. XIX в. в Сибири действовало 18 музеев, 8 из них находились в ведении РГО.

Ссылные революционеры были первыми пропагандистами и летописцами Минусинского музея. Александр Осипович Лукашевич, активный участник «хождения в народ» 1874 г., написал краткий очерк развития и постепенного становления Минусинского музея за десять лет и высказал замечательную мысль о том, что музеи, как центральные, так и местные, должны выполнять «...общую просветительную миссию относительно менее образованных слоев и классов, представляя им случай пополнять иным путем пробелы в знаниях, приобретенных в школе».¹³

Этот труд стал основой для написания к 25-летию музея «Исторического очерка» Ф.Я. Кона, в котором автор воссоздал картину формирования и развития музея и библиотеки. В Приложении этого очерка есть алфавитный список жертвователей и сотрудников музея за 25-летие, который свидетельствует, насколько общество Минусинского уезда поддерживало музей, сочувствовало этому делу. Здесь были не только сотрудники, но простые горожане, крестьяне из соседних волостей. По словам Д. Клеменца «вся энергия г. Мартьянова не привела бы ни к чему, если бы музей был только его личным делом. Нашлись Малинины, Сайлотовы, Гусевы, Сафьяновы и многие др., которые дружно поддержали Мартьянова своей преданностью делу, пониманием цели и значения музея помогли созданию того, о чем в то время не мечтал сам инициатор дела».¹⁴ Значение музеев для Сибири обрисовал известный ученый М.Н. Богданов. Он предсказал им большое будущее в развитии края: «...музеи будут сохранением местных богатств от расхищения, они сосредоточат ценные научные и промышленные коллекции..., они завещают потомству известное умственное богатство и явятся историческим наследием».¹⁵ С большим уважением пишет М. Богданов о Н.М. Мартьянове: «... если б внизу, по всей широкой Руси, в каждом городе нашелся подобный фантазер, как бы было это хорошо и полезно. Это было бы неизмеримо полезнее чествования великих ученых, пролетающих кометами, светящимися, хвостатыми, но не греющими, не вызывающими развития жизни».¹⁶

В 80-90-е гг. XIX в. появились музеи, а следом и библиотеки в гг. Енисейске, Канске, Ачинске. Так же как для жителей Минусинска было значимо имя Н.М. Мартьянова, так и для жителей Енисейска были дороги имена А.И. Кытманова, Н.В.Скорнякова, М.О. Маркса (Енисейский музей); Д.С. Каргаполова (Ачинский и Канский музеи).

Н.М. Мартьянов всячески подбадривал, советовал, оказывал практическую помощь организаторам музеев. Наша задача, подчеркивал он, заключается в том, чтобы собрать и сохранить в музее все, что производилось и производится в природой и человеком.

В Енисейске, одном из развитых, читающих уездных городов Енисейской губернии музей был создан в 1883 г., годом позже – публичная библиотека.

По мнению Л.П. Бердникова, исследовавшего культурно-просветительские учреждения уездных городов Енисейской губернии, за двадцать с лишним лет существования Енисейской библиотеки была проделана поистине титаническая работа по собиранию сведений о родном крае. «Ни до, ни после такого богатого массива краеведческого материала не имела ни одна библиотека Енисейской губернии», подчеркивает исследователь.¹⁷ Енисейский музей был интересен такими редкими коллекциями, которых не было в других музеях. Конечно, в музеях уездных городов сосредоточивался не только краеведческий материал, в них был представлен широкий массив по исторической, экономической тематике, культуре и т.д. Енисейск тех лет был читающим городом. По подсчетам Л.П. Бердникова, его семитысячное население в 1892 г. выписывало 112 названий газет и журналов в 654 экземпляра.¹⁸

Четырехтысячный г. Канск, напротив, был самым бедным из уездных городов Енисейской губернии по количеству культурно-просветительских учреждений. Только в 1898 г. была открыта народная библиотека-читальня, в 1906 г. – публичная библиотека, в 1912 г. появляется частный музей. Это явилось важной вехой в деле сохранения и изучения сибирских древностей. Основатель музея Д.С. Каргополов, отличавшийся бескорыстной любовью к своему делу, отдал для музея предметы из личной коллекции.

В 1887 г. были открыты музей и библиотека в Ачинске, которые, по существу, пробили брешь невежества, косности ачинцев. К кон. 90-х гг. XIX в у населения Ачинска появляется интерес к книге, к журналам, газетам. Анализ документов и исследовательской литературы показывает, что перечень изданий, выписываемых библиотекой, в уездных городах губернии был одинаков, дело касалось только количества

экземпляров выписываемых изданий. В 1897 г., по подсчетам исследователей 1 экземпляр периодического издания приходилось на 27 человек (жителей в Ачинске тогда было чуть более 7 тыс.). Иногда попадались наименования изданий, очень редкие, необычные для уездного городка, например, журнал «Парижские моды». В то же время у ачинцев прослеживалась стойкая нелюбовь к произведениям Достоевского. В иные годы его ни разу в библиотеке не брали.¹⁹

Т. о., культурно-историческое значение музеев велико и многообразно. Музеи, в первую очередь, являлись источником культуры и духовности, ведь материального благополучия они не приносили. Необходимость создания музеев все больше осознавалась образованной частью российского общества учеными-просветителями. Все они осознавали необходимость сохранения и изучения историко-культурного наследия своего края. основополагающую миссию в этом благородном деле выполняли публичные, местные музеи, которые повсеместно создавались в уездных городах. Очень точно отметил один из современных исследователей: «Развитие культуры – это привилегия не только губернских городов, что и здесь за тысячи верст от Москвы и Петербурга, можно жить нормальной цивилизованной жизнью».²⁰ Мощный толчок к духовной жизни сибирскому обществу дали Минусинский музей и библиотека.

Примечания

- ¹ Соскин В. Л. Сибирь, революция, наука /В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1989, С. 9.
- ² Буров В.Ф. Свои и чужие (минусинские древности в контексте современной культурологии)/В.Ф. Буров. Абакан: книжное изд-во «РОСА» ХРИПК и ПРО, 1997. –С.94; Он же. Культурная среда и ее обитатели. Минусинские древности в динамике культуры/ В.Ф.Буров. Абакан. Хакасское книжное издательство, 2005. –С.105.
- ³ Буров В.Ф. Свои и чужие (минусинские древности в контексте современной культурологии)/В.Ф. Буров. Абакан: книжное изд-во «РОСА» ХРИПК и ПРО, 1997. –С.94.
- ⁴ См. об этом: Белокопский И.П. Дань времени. Воспоминания. 2-е изд. М.: 1928. – С. 273
- ⁵ Кон Ф. За 50 лет. М., 1933. С. 239-240.
- ⁶ Федорова В. И. Д. А. Клеменц в Минусинской ссылке//Политическая ссылка и революционное движение. Конец XIX-начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 128.
- ⁷ Белокопский И.П. Указ. соч. М., 1928. – С. 296
- ⁸ Кон. Ф. Я. Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет(1877-1902 г.). Казань, 1902. С. 84-85.
- ⁹ Белокопский И.П. Указ. соч.– С. 296).
- ¹⁰ Сейфулин Х. М. Феликс Яковлевич Кон// Ученые записки Тувинского науч. - иссл. ин-та яз., лит. и ист. Кызыл, 1964. Вып. XI. С. 354
- ¹¹ ККГА, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 21, лл. 22-22об.
- ¹² Отчет по Минусинской общественной бесплатной библиотеке за 1885 год//Восточное обозрение. 1886. N10.
- ¹³ Лукашевич А. О. Десятилетие Минусинского музея. 1877-1887. Томск, 1887. – С. 3.
- ¹⁴ Цит. по: Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.) Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1902. -С. 45
- ¹⁵ Богданов М. Несколько слов о деятельности сибирских ученых учреждений// Восточное обозрение. -1883. №13. – С.3.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Бердников Л.П. Из истории библиотек Енисейской губернии. <http://www.krasu.ru/exlibris/>.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.

О.И. Боярченко,
г. Минусинск

Реставрация музейных предметов по программе «Культура Красноярья»

Проблемы реставрации музейных предметов возникают у всех музеев, особенно у тех, история которых насчитывает более 100 лет. Таким является Минусинский региональный краеведческий музей, основанный в 1877 г. С первых дней в местный публичный музей поступали коллекции, которые в наст. вр. являются редкими и уникальными. Первые поступления в музей были предметы по этнографии (орудия труда, рыбной ловли и охоты, одежда, мебель, музыкальные инструменты, и пр.), естественной истории, археологии, искусству. По прошествии лет, в процессе хранения, экспонирования часть предметов утратили экспозиционный вид и требует реставрации.

В редких музеях, особенно в муниципальных, есть специалисты, которые осуществляют реставрацию предметов. Большинство музеев вынуждены искать реставраторов в других учреждениях, а средства на реставрацию вышестоящими организациями выделяются крайне редко или вообще не выделяются.

Вопрос реставрации коллекций в музее им. Н.М. Мартянова стоит давно. Составлены списки предметов, требующие реставрации, но средств на реставрацию не выделялось.

Лишь в 1994 г. в рамках краевой программы осуществлена реставрация трёх произведений живописи XVIII – нач. XIX вв. из собрания музея.

Реставрационные работы проводились в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря (г. Москва). Оплата была произведена по краевой музейной программе. Долгие 10 лет живописные работы находились в мастерских И.Э. Грабаря. В 2000 г. был возвращен с реставрации «Портрет Иннокентия Иркутского» (ОФ 7620/1), неизвестного художника. В 2004 г. возвращены две работы – «Портрет Митрополита с орденом Андрея Первозванного» (ОФ 7620/60) неизвестного художника и «Поругание Христа» (ОФ 7620/59), художник Мартын Хозяинов.

В 2005 г. музей разработал мероприятия по «Сохранению материального и нематериального культурного наследия края» и подал заявку на участие в краевой программе «Культура Красноярья, 2006-2009 гг.» по реставрации коллекций музея.

В программу реставрации были включены предметы из этнографической коллекции (предметы из меха, ткани) и коллекция икон.

Коллекция одежды народов Южной Сибири XIX в.: хакасов и тувинцев – одна из старейших в собрании музея. Впервые описание этой коллекции дано в объяснительном каталоге Е.К. Яковлева.¹ В наст. вр. большая часть редкой коллекции, особенно одежда из меха, тканей требует реставрации – это уникальные предметы, выполненные старыми мастерами, с особенностями кроя, с использованием меха различных домашних и диких животных отделанные вышивкой.

Хакасская коллекция экспонировалась в Париже на Всемирной выставке в 1900 г. и в наст. вр. постоянно находится в экспозициях и на выставках.

Хакасская одежда кон. XIX в. насчитывает около 30 ед.: платья женские, рубахи мужские, штаны, шубы, сикпэны (суконные накидки), головные уборы, сигидеки (безрукавки), отделанные бисером, перламутровыми пуговицами, раковинами каури.

Наиболее полно в собрании музея представлена зимняя одежда хакасов – овчинные шубы, шубы, отделанные мехом белки, выдры. Женские праздничные шубы, покрытые шелком, плисом, украшенные национальным орнаментом, меховыми опушками из лапок белки, соболя.

В музее хранится около десяти головных уборов, в основном женских, и три головных убора шамана. Отдельные головные уборы поступили в музей до 1900 г. Хакасская головные уборы выполнены из овчины, мерлушки, меха выдры, лисицы, бобра. Тульи обычно имеют коническую форму, сшиты из бархата или шелка, парчи.

С течением времени одежда обветшала, требуется реставрация меха, повреждений, разрывов на ткани, на вышивке недостает отдельных деталей из бисера, бусинок, раковин.

Результатом работы должна стать возможность сохранения коллекции, её экспонирование, научная обработка, использование в публикациях и создание каталогов.

Вторая коллекция, вошедшая в программу – иконы, выполненные на холсте и дереве. Музей располагает коллекцией церковной утвари, одежды, икон, которая была скомплектована, в основном, в 1930-е гг., когда закрывались церкви. Иконы поступали от разных лиц и в разное время и уже при поступлении в музей имели неудовлетворительную сохранность. У большинства икон был частично утрачен красочный слой, лики и фрагменты изображений стерты частично или полностью, неразборчивые надписи, имелись общие загрязнения, трещины, царапины. Часть икон находилась в законсервированном состоянии и не выставлялась на обозрение посетителей, т.к. лики на иконах не просматривались, были утрачены отдельные фрагменты изображений. Лишь единичные иконы выставались в экспозициях.

В целях улучшения состояния и сохранения исторических ценностей, использование их в выставочной деятельности, и в целях ознакомления с историческим прошлым, с произведениями искусства русских мастеров XIX в., и введении их в научный оборот коллекцию икон необходимо было реставрировать.

Для этого был проведен научно – экспертный анализ состояния икон (с участием искусствоведа) и составлена программа реставрационных работ. Определен первоочередной список работ.

Сложность состояла и в том, чтобы найти грамотных специалистов, способных выполнить качественно реставрацию этих двух коллекций. Найти специалистов, которым мы смогли бы доверить свои коллекции. Для этого пришлось связываться с Министерством культуры края, с коллегами из других музеев с близлежащих территорий к г. Минусинску, искать в Интернете.

В результате был заключён договор с реставратором по тканям из Томского краеведческого музея – Еленой Викторовной Новиковой. Она имеет стаж и опыт работы, проходила стажировки в Государственном Эрмитаже в г. Санкт-Петербурге, в Свердловском областном краеведческом музее.

В 2007-2008 гг. были отреставрированы 3 ед. (на сумму 256 250 руб.): шуба хакасская меховая отделка: меховая мозаика, ткань вышивка, шелковые нити (ОФ 1695); шуба хакасская из ткани с отделкой из меха, вышивки, тесьмы (ОФ 2021); костюм шамана – куртка (ОФ 3164), шапка (ОФ 3183). Костюм шамана возвращён в экспозиционные залы и представлен на выставке «Народы южного Енисея».

В один из приездов в Минусинск реставратор Е.В. Новикова провела учебное занятие по технологии обработки и чистки предметов из ткани.

В 2009 г. из этнографической коллекции на реставрацию были отданы 4 предмета (на 118 750 руб.): шапка хакасская, мех, парчовая ткань, кисти из крупных ниток. (ОФ 3176); шапка хакасская, мех, парчовая ткань, кисти из шелковых ниток. (ОФ 3295); шапка хакасская, бархат, вышивка тамбурным швом, цветными нитками. (ОФ 1779); жилет женский хакасский, шелк, тесьма, бахрома. (ОФ 3291).

В нач. 2007 г. в г. Красноярске начали работать «Реставрационные музейные мастерские». Мастерские выполняли реставрационные и ремонтные работы картин, икон, рисунков, гравюр, музыкальных инструментов, антикварной мебели. Создание этих мастерских положительно сказалось на решении проблемы реставрации музейных предметов. Уже ряд музеев края воспользовались услугами мастерских.

Минусинским музеем был заключён договор на реставрацию икон с ООО «Реставрационные музейные мастерские».

В рамках краевой целевой программы «Культура Красноярья» на 2007-2009 гг. для Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова отреставрировано 11 икон (на сумму 375 тыс. руб.), в т. ч.: в 2007 г. – 5 ед. (на 147, 5 тыс. руб.), в 2008 г. – 3 ед. (на 125 тыс. руб.), в 2009 г. – 3 ед. (на 102, 5 тыс. руб.).

В 2007-2008 гг. отреставрированы 8 икон:

- «Православная месячная икона на январь с изображением основных церковных праздников» XIX в. (ОФ 9122/2).

- «Серафим Саровский» XIX в., (ОФ 7182/7).
- «Знамение Пресвятой Богородицы» XIX в. (ОФ 7183/1).
- «Образ Святого великомученика Пантелеймона». XIX в. (ОФ 7183/1).
- «Казанская пресвятая богородица». II пол. XIX в. (ОФ 7094).
- «Св. царь Константин и Св. царица Елена». МКМ ОФ 7182/10. ж.-67
- «Святитель Николай». XIX в. МКМ ОФ 7182/2. ж.-59
- «Богородица. Неопалимая купина». XIX в. МКМ ОФ 7182/15. ж.-72

В 2009 г. теми же реставрационными мастерскими ведутся работы и будут закончены в декабре ещё три иконы:

- «Христос Вседержитель». XIX в. I половина. (ОФ 8196/121).
- «Распятие с предстоящим» (старообрядческая) (ОФ 9126).
- «Воскресение Христово с праздниками и страстями». Кон. XIX – нач. XX вв. (ВФ 919/2).

В результате реставрационных работ произведена очистка Икон от грязи, смывка старых лаков и красок, стяжка и проклейка основы (доски), укреплен и местами восстановлен левкас и живописный слой.

18 мая 2009 г. в одном из залов музея была открыта выставка «Иконы. Из собрания музея», где были представлены иконы, получившие новую жизнь после реставрационных работ.

В 2010 г., после реставрации, будет открыто здание I корпуса музея, где планируется представление этнографической коллекции. Поэтому на будущее мы планируем реставрацию предметов, которые будут представлены в новой экспозиции.

Всего по программе «Культура Красноярья» для Минусинского музея в 2007-2009 гг. было отреставрировано предметов на сумму 750 тыс. руб., в т. ч.: икон – 375 тыс. руб., хакасская одежда – 375 тыс. руб. В 2009 г. поданы заявки для формирования программы «Культура Красноярья 2010-2012 гг.» – планируется реставрация мебели, музыкальных инструментов, предметов этнографической коллекции.

Примечания

¹ Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, типография В.И. Корнакова, 1900 г.

2009

А.С. Вдовин, г. Красноярск,
С.В. Кузьминых¹, г. Москва

Н.М. Мартьянов и частные археологические коллекции

Роль музеев в общественной жизни сибирского общества – в отличие от Европейской России – была огромна, и прежде всего в связи с тем, что они являлись фактически единственными научно-исследовательскими учреждениями во многих городах Сибири. Музеи объединяли под своей крышей представителей различных социальных групп населения: золотопромышленников, купцов, чиновников, учителей, политических ссыльных, всех тех, кто был заинтересован в изучении местного края и распространении просвещения. «Только при местных музеях можно собирать и уберегать местные материалы. Особенно это важно теперь, когда наезжает масса новых людей в Сибирь и стараются вывозить из нее сувениры. Судьба этих сувениров – валяться на письменных столах и этажерках любителей, и они пропадают для науки бесследно. Около местных музеев группируются местные силы; это дает возможность собирать сведения путем переписки с отдаленными местностями. При небольших средствах, – эти музеи дают возможность собрать материалы о любопытной местности, не посылая туда экскурсанта», – писал Д.А. Клеменц о значении сибирских музеев одному из своих корреспондентов.¹

С образованием Минусинского музея проблема частного коллекционирования и рынок продажи древних предметов приобретает иной поворот. Музей становится конкурентом частных коллекционеров, которые старались «обходить» музей стороной и не афишировать свою деятельность по скупке древностей. Примером тому И.П. Товостин, уклонявшийся от контактов с музеем, а при продаже своей обширной коллекции просивший А.М. Тальгрена не раскрывать как факта, так и условий сделки в Минусинском музее и местном обществе.² В то же время не без участия Н.М. Мартьянова пополнялись и частные собрания. В тех случаях, когда Минусинский музей не мог приобрести ту или иную вещь, они покупались для И.А. Лопатина, который постоянно поддерживал переписку с Н.М. Мартьяновым по этому вопросу и просил покупать в год древностей на 200-300 руб.³ Через музей коллекционер устанавливал связи с теми, кто мог бы помочь ему в приобретении древних вещей. Так, в письме к Мартьянову (1877 г.) Лопатин писал: «... хочу его (отца Степана из с. Абаканского – авт) попросить покупать для меня древние вещи при случае».⁴

Н.М. Мартьянов прекрасно знал ситуацию с частными сибирскими коллекциями. Об этом свидетельствуют его письма 1888 г. в Императорскую Археологическую комиссию. Последняя обращается к Мартьянову с просьбой: сообщить о составе и стоимости коллекции сибирских древностей живущего в Енисейске англичанина Бойленга. В ответ директор Минусинского музея подробно пишет в ИАК о состоянии дел на рынке собирания и продажи древностей.

Коллекция Бойленга, к счастью, осталась в России. Владелец продал ее за 2050 р. известному красноярскому купцу И.Г. Гадалову. Последний передал основную часть собрания в археологический музей Томского университета в дар к годовщине со дня открытия первого сибирского университета⁶, а некоторые материалы – в Минусинский музей.⁷

Уникальные археологические коллекции Минусинского музея собирались усилиями его сотрудников и учеными, передававшими в музей свои научные коллекции, так и благодаря частным дарителям. Ф.Я. Кон приводит список жертвователей (около 100 человек), пополнивших собрание древностей Минусинского музея. Среди них – вице-губернатор В.Л. Приклонский, исправники Баранов, Н.П. Коновалов, казак д. Ирек Барзов, протоирей Г. Бенедиктов, священники Е. Новочадовский, Г. Олофинский, К. Либутский, юрист из Красноярска А.А. Верещагин, учителя сс. Таштыпское С.С. и Аскизское Н.Т. Потемкин, золотопромышленники И.В. Вохмин, И.О. Губанов, Н.П. Пашенных, студенты В.О. Гандельсман, С.В. Гемпель, И.И. Лыткин, А.Н. Макарьевский, топограф В.В. Федоров, фельдшеры М.Ф. Шварц, С.И. Ярошевский, врач П.И. Чистяков, горный инспектор П.К. Яворский, торговец Н.П. Юхневич, купцы Г.В. Юдин, П.П. Мыльников, статистик С.П. Швецов, чиновник П.П. Остаткин, инородцы Е.П. Мохов, М. Костяков, основатель Ачинского и Канского музеев Д.С. Каргаполов, крестьяне Л.И. Королева, Е.Ф. Корчиков, мирской судья Д.Е. Лаппо, офицер Н.А. Соллогуб и др.⁸

Именно благодаря многотрудным усилиям Н.М. Мартьянова, многих поколений сотрудников Минусинского музея, ученых и краеведов, а также благородству жертвователей Минусинский музей по праву является главнейшей сокровищницей сибирских древностей.

«11 апреля 1888 г. В Императорскую Археологическую комиссию. В полученном мною письме от 8 марта с[его] г[ода] Императорская Археологическая комиссия обращается ко мне с просьбой сообщить о составе и стоимости коллекции сибирских древностей живущего в Енисейске англичанина г[осподина] Бойлинга. Считая своим долгом исполнить желание Императорской Археологической комиссии, прежде всего позволю себе высказать несколько соображений об оценке местных археологических предметов вообще. Не считая себя компетентным в этом последнем, я могу только заметить, что обыкновенный способ собирания древностей, к которому прибегают посещающие наши и соседние округа ученые и любители древностей, состоит в личных разъездах по округам для скупки предметов у разных лиц. При разбросанности и сравнительной немногочисленности лиц, в руки которых каким-либо образом попали археологические предметы, ученому или любителю-коллектору, обыкновенно, приходится потратить немало времени и средств на эти разъезды. Поэтому, мне кажется, труд и средства, затраченные на разъезды, по справедливости, должны быть приняты во внимание при определении стоимости собранных древностей наряду с суммой денег, употребленных на их покупку. И если приобретение за ничтожную плату вещей, в сущности очень ценных, является делом счастливого случая, то, с другой стороны,

такая счастливая случайность уравнивается прежними тратами, часто неизбежными ни для частного лица, ни для нашего Музея при одном из обыкновенно практикуемых ими способов собирания археологических предметов, – именно через посредства случайных, часто неопытных и незнакомых с археологической наукой лиц, которые по своей неопытности или незнанию покупают по дорогой цене вещи или совершенно негодные, или такие, стоимость которых ничтожна. В виду всего этого, я не могу не разделять вполне мнения И.А. Лопатина, к которому я не раз обращался за советами и мнением, и который оценивает все предметы медного века в составе коллекции не менее чем пр 100 отдельных номеров – по пяти рублей за номер, а предметы железного века по 2-3 р[убля]. За номер, не считая между последними наконечников стрел, стоимость которых ничтожна.

Переходя теперь к коллекции г[осподина] Бойлинга, я спешу уведомить, что в целом этой коллекции я не видел; мне пришлось видеть только некоторые предметы и слышать о других. Г[осподин] Бойлинг в бытность свою по личным делам в Минусинском округе в 1879 г. и 1880 г. предпринял две поездки по нему с целью собирания древностей. Относительно результатов его поездки я имею некоторые сведения. Именно, г[осподином] Бойлингом собрано было каменных вещей – 12 (жернова, точильные камни), медных вещей – 90 (из них кинжалов – 7, ножей – 30, серпов – 3, топоров – 8, долот – 6, удил – 8 и мн[ого] др[угих]) железных вещей – 52. Многие из предметов этой первой коллекции были срисованы; рисунки эти были посланы мною на время в прошлом году графине П.С. Уваровой. Из первой коллекции я видел некоторые предметы, как, напр[имер], (из числа) медных: медный снаружи кинжал, с железным внутренним стрежнем, присутствие которого было обнаружено только благодаря отверстию, образовавшемуся от повреждения верхнего медного слоя; затем бляхи поясные, изображения оленей. Знаю также, что в числе медных вещей встречаются китайские монеты и зеркала, это вещи, не принадлежащие медному веку. Что касается качественного и количественного состава коллекции г[осподина] Бойлинга, собранной им во вторую поездку по Минусинскому округу, то я теперь не могу дать каких-либо определенных сведений. Я видел только некоторые предметы из этой коллекции, как напр[имер], серебряные подвески, медные долота, ножики, застёжки, некоторые каменные орудия, из последних выдается по своему интересу палица в аршин длины, представляющая из себя в сущности отпечатки ствола дерева кноррии каменноугольной формации (*knorria imbricate*), находимые в Минусинском и Ачинском округах и в соседней Монголии. Вообще же, сравнивая состав археологических коллекций г[осподина] Бойлинга и нашего Музея, я прихожу к тому выводу, что за исключением двух-трех каменных вещей все остальные повторяются и в нашем Музее.

Искренно сожалею, что я теперь не имею возможности дать Императорской Археологической комиссии более обстоятельных сведений об археологических коллекциях г[осподина] Бойлинга, – прошу принять уверения в моем глубоком почтении и полной готовности к услугам. Николай Мартьянов».⁹

Примечания

¹ Один из авторов данного сообщения (С.В.Кузьминых) работал при поддержке РГНФ (проект №08-01-00024а).

² Из ученой переписки Д.А. Клеменца // ИВСОПГО. 1917. Т. 45 (1916 год) с. 174.

³ Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П.Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Вып.

³. Красноярск: КГПУ им. В.П.Астафьева, 2007. С. 88–91.

⁴ Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т. 1, вып. 1.

⁵ МГА, ф. 73, оп. 1, д. 1, л. 55

⁶ Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // ЗРАО. - 1887. - Т. III. с. 13-16.

⁷ Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). - Казань, 1902. с. 224.

⁸ Там же. с. 223-254.

⁹ РА ИИМК, ф.1, 1883, д. 46, л.180-182об

Литература

1. Дэвлет М.А. Очерки комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея (1877–1917) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 5. - М., 1963 г.
2. Енисейский общественный местный музей. Отчет о деятельности музея с 1 октября 1883 года по 1 октября 1908 г. и краткий перечень коллекций музея. - Красноярск, 1909 г.
3. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). - Казань, 1902 г.
4. Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П.Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск: КГПУ им. В.П.Астафьева, 2007 г. С. 88–91.
5. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1888 г. Т. 1, вып. 1.
6. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // ЗРАО. - 1887. - Т. III.

2009

А.С. Вдовин
г. Красноярск

К истории археологического отдела Минусинского музея в 1930-е гг.

Впервые об идеологической перестройке музеев было заявлено в 1928 г. в Постановлении ВЦИК И СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР». В декабре 1930 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский музейный съезд.¹ Надежды делегатов из провинции не оправдались: I Всероссийский музейный съезд явился, прежде всего, идеологическим мероприятием. Его решения привели к ликвидации ряда музеев, реэкспозиции в большинстве из них, созданию новых, «марксистских» экспозиций, «съезд надолго вверг развитие музейного дела в русло идеологической пропаганды».² Ход съезда, его атмосфера и решения не являются случайными: I Всероссийский музейный съезд, созданный в 1930 г. уже после чистки научных и краеведческих учреждений и практически полного обновления состава оргкомитета, идеологически оформил разгром отечественного краеведения. Показательно, что подавляющее большинство делегатов этого съезда (85%) начали работу в музеях в годы советской власти, а значительная часть из них имела стаж музейной работы не более года или двух лет.³

Съезд поставил перед музеями задачу – «участия в культурной революции, во всех областях социалистического строительства, с целью бесповоротного разрыва с аполитизмом в музейной практике». Фактически это означало переход музеев из научно-исследовательских учреждений в разряд политико-просветительских. На первый план выдвигалась коммунистическая пропаганда, говорить о науке в музее уже не приходилось. Не случайно, что именно в 1930 г. упразднены Главнаука и соответственно Музейный отдел (восстановленный только в 1933 г.), при Наркомпросе⁴. Важнейшим показателем деятельности музеев становится построение новой экспозиции на основе марксистско-ленинского учения.

На страницах журнала «Советский музей» разгорелась дискуссия по вопросу созданию новых экспозиций, в свете решений Первого музейного съезда. Обсуждались и археологические отделы музеев, в т. ч. и сибирских. Первыми публикуются материалы по археологической экспозиции Красноярского музея, в статье В.Г. Карцова «К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях».⁵ Показательными являются редакционные замечания к этой статье: «Старые археологические отделы музеев являются до сих пор наиболее отсталыми по своей экспозиции. Собственно показ только археологических коллекций в краеведческих музеях не мыслится. Археологический материал должен предлагаться зрителю совместно со всеми предметами материальной культуры определенной эпохи и в особенности этнографическими. Только в отдельных случаях, например показ определенного могильника или демонстрация эпохи, от которой сохранился единственно археологический материал (палеолит),

он дается изолированно от прочего. Хотя схема показа дается автором по таблице проф. Городцова («Археология», т.1., М., 1925), все же, учитывая, что статья публикует экспозицию Красноярского музея, редакция находит возможным напечатать статью В.Г. Карцова в порядке обсуждения и надеется, что она послужит толчком к поступлению в редакцию от археологов-музейщиков новых проектов». ⁶ Позднее были опубликованы материалы по Музею истории материальной культуры при Томском университете, Троицкосавскому музею и др. ⁷

Не обошел вопрос о реэкспозиции и Минусинский музей. Начиная с 1932 г. начинается работа над новой экспозицией. Сентябрьское совещание музеев Западно-Сибирского края в Новосибирске вопрос о профилях музеев, в т. ч. и Минусинского. ⁸ Работу над новой археологической экспозицией начинает В.П. Левашева, которая уже через год подготовила основные материалы. Естественно, новая экспозиция должна была получить одобрение сверху. Такой организацией был Музейный отдел Наркомпроса, который для экспертного заключения отправляет все материалы в Московское отделение ГАИМК. Была создана специальная комиссия, в которую вошли М.П.Жарков (руководитель доклассового сектора МОГАИМК), С.В.Киселев, П.А. Дмитриев – сотрудники МОГАИМК. ⁹

21 ноября 1933 г. состоялось заседание специальной комиссии, на котором обсуждался план экспозиции археологического отдела и текст путеводителя, составленные В.П. Левашевой. К плану были приложены 30 чертежей витрин и 7 чертежей их дополняющих. План на этом заседании представлял директор Минусинского музея Харчевников А.В. ¹⁰

Отзывы на проект экспозиции дали члены комиссии Жаков М.П., Дмитриев П.А., Киселев С.В. В своем заключении С.В. Киселев пишет: «Положительной стороной экспозиции является преодоление страха перед вещами, составлявшего основной тон у музейных работников даже центральных музеев еще недавно. Богатство, поистине изумительные, археологической коллекции Минусинского Музея использованы в достаточной мере и умело, так что вещами не затемняет с основное значение экспозиции дать очерк истории Минусинской котловины, а с другой стороны, этому очерку не принесены в жертву вещи – опасность, недавно столь решительно осужденная т. Бубновым в ряде центральных музеев». ¹¹ Подводя итоги, Киселев С.В. отмечает, что реэкспозицию, предпринятая археологическим отделом музея «надо только приветствовать, как показатель решительного сдвига в самых глубинах музейной сети в сторону овладения высотами марксистско-ленинской методологии, ведь не надо забывать, что за пределами Москвы, Ленинграда, да еще пары университетских городов на этом участке музейного фронта продолжает царствовать кунсткамера и в лучшем (не в худшем ли) случае формализм буржуазно-типологического направления». ¹²

В отзыве Дмитриева П.А. одним из положительных моментов предложенной В.П. Левашевой экспозиции считает, что в основу была положена работа С.В.Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее» (1933). ¹³

В целом, комиссия делает вывод, что реэкспозиция проводится «в правильном направлении – дается история развития общественных формаций применительно к Минусинской котловине, причем правильно привлекается весь пояснительный (диаграммный и иллюстративный) материал. Касаясь содержания экспозиции, необходимо отметить, что основные положения соответствуют современному уровню требований советской марксистской исторической науки» ¹⁴, нужны лишь некоторые исправления.

Т. о., реэкспозиция археологического отдела Минусинского музея была одобрена одной из первых в стране и первой из Сибирских музеев. В 1936 г. вышел из печати составленный В.П. Левашевой «Краткий путеводитель по историческому отделу от палеолита до XVII в.», из которой можно получить картину, какой была эта экспозиция.

В заключении следует напомнить о том, что именно эта экспозиция стала объектом критики в 1937 г., когда на территории Красноярского края было сфабриковано, так называемое «дело музеев».

Примечания

¹ Кузина Г.А. Первый Всероссийский музейный съезд // Российская музейная энциклопедия. 2005. С. 493-494.

² Там же. С. 494.

³ Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд // История СССР. 1980. №12. С. 165.

⁴ Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1932. №9.С.71.

⁵ Карцов В.Г. К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях // Советский музей. 1931. №6. С. 71-75.

⁶ Там же. С. 71

⁷ Квашнин Н. Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете // Советский музей. 1935.№3. С.67-74; Успенский С.А. Троицкосавский краевой музей // Советский музей. 1935.№3. С.75-78; Томский И. О Красноярском музее // Советский музей. 1936.№5. С.82-85.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.А-2306, оп.70, д.1054., л.32

⁹ Там же, л.6.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАРФ, ф.А-2306, оп.70, д.1054., л.9.

¹² Там же.

¹³ ГАРФ, ф.А-2306, оп.70, д.1054., л.7-7об..

¹⁴ ГАРФ, ф.А-2306, оп.70, д.1054., л.6

2009

Т.В. Воеводин,
г. Кемерово

Храмовые сооружения в музее. Цели и задачи

Сохранение культурного наследия является актуальной проблемой сегодня для каждого учреждения, где особое место занимают музеи. Одним из направлений деятельности музея-заповедника «Томская Писаница» является сохранения историко-культурного и природного наследия. Основной спецификой работы музея состоит в освящении жизни человека на протяжении длительного времени, где основным аспектом его существования являлось обожествление сил природы до принятия Христианства. Свидетельствуют об этом экспозиции расположенные на территории музея-заповедника «Томская Писаница».

На территории музея-заповедника расположены два новых музейных объекта. Одна из них часовня Воскресения Христова, расположенной на строящейся экспозиции «Русское Сибирское село» в д Писаная. Освящена 12 мая 2009 г. Построена часовня по аналогии Илимской церкви во имя Казанской Пресвятой Богородицы (1679 г.). Часовня Воскресения Христова строилась на средства жертвователей Кемеровской области. Являлась часовня центром, концентрирующим вокруг себя жизнь русской деревни XVII в. Она была непременным атрибутом быта русского человека, служившая как центром объединения поселенцев в новом крае, а также обеспечивающее покровительство «небесных сил». Часовня представляет собой небольшую конструкцию без алтаря (т.е. в ней не совершается литургия), часто с иконами и лампадой.¹ Часовни имеют четкое разграничение типов. Одна часовня никогда не может концентрировать в себе все религиозные обряды. Они строились по определенным обетам и были необходимы не только для новой обживаемой территории и местного населения, но и для правительства, поскольку эти сооружения были единственным способом сохранения контроля за местными чиновниками и порядком на данной территории. Часовни строились часто и потому, что было достаточно легко получить разрешение и при строительстве их не требовало больших вложений.²

Часовни могли выступать еще местом хранения различных реликвий, не только как предметов церковного происхождения, но и принесенных местным населением на хранение.³

Необходимость часовни на строящейся экспозиции «Русское Сибирское село» обусловлено тем, что при освоении Сибири в XVII в. и взаимодействие с местными происходило посредством христианизации

и в первую очередь начиналось со строительства часовни, а все остальное уже происходило потом. Т. о., произошло более тесное взаимодействие русской культуры с местным населением, которое уже существовало. Это взаимодействие отчетливо показывает экспозиция «Шорский улус Кезек», где как раз этот процесс.⁴

Вторым храмовым сооружением вокруг которого формируется музейное пространство является «Храм-часовня в честь святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия», построенная по инициативе губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева и освященная 19 сентября 2008 г. На основе этого пространства планируется создание стендового показа о святых Сибири и процесса становления и существования православия на данной территории.

Сотрудничество Кемеровской и Новокузнецкой епархии и музея-заповедника «Томская Писаница» существовало давно. С появлением этих храмовых сооружений сотрудничество стало тесным. Процесс этого взаимодействия проходит через часовни, расположенных на территории музея-заповедника. Выигрышным является то, что посетитель может посмотреть и познакомиться детально с церковными праздниками с элементами этнографии, проходящими в музее. Общение не только в целом с действием, но и более конкретными людьми. Узнать больше от участников и при этом стать самим участником, знакомясь со структурой и последовательностью проведения обрядов и служб. Иметь возможность побывать на молениях, крещениях и других обрядах проводимых на территории этих объектов. Заказать через смотрителя часовни службу за здоровье или за упокой в Никольском и Спасском соборах, расположенных в городе Кемерово. Плюсом для музея-заповедника является то, что посетителю уже приходится рассказывать определенные моменты этнографического праздника: Крещение, Рождество, Пасха, Троица, День славянской письменности, Спас и т.д. уже на наглядном материале, а не как это происходило раньше. Проводится большая фондовая работа, связанная предметами, которые собирались на протяжении существования музея-заповедника. Предметы (иконы, книги и т.д.) в фондах существовали разрозненно. Теперь же планируется постепенное объединение всех предметов в единую церковную коллекцию.

Такое сотрудничество привело к тому, что храм-часовня стала популярной среди посетителей музея-заповедника «Томская Писаница». В д. Писаная работа планируется совместно с работой с работой комплекса «Русское Сибирское село».

Примечания

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1984. Т.4. с. 584.

² Майничева А.Ю. Русские Сибири: Зотчество в аспекте этнокультурной адаптации XVII-XX вв. Докторская диссертация. – Новосибирск: Отдел музееведения института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук, 2005. с. 167-170.

³ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Т.1. СПб, 1886. с. 15-16.

⁴ Археология: Древняя Русь: Быт и культура. – Москва: Изд-во Наука, 1997. с 48-50.

Литература

1. АМЗП Ф.2. Оп.1. Д.62. Концепция МЗП. – Кемерово, 1998.
2. Археология: Древняя Русь: Быт и культура. – Москва: Изд-во Наука, 1997.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1984. Т.4.
4. Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998.
5. Майничева А.Ю. Русские Сибири: Зотчество в аспекте этнокультурной адаптации XVII-XX вв. Докторская диссертация. – Новосибирск: Отдел музееведения института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук, 2005.
6. Москвина Е.А. Леонтьев С.Н. Экспозиция «Мифология, Эпос» в музее-заповеднике «Томская Писаница». // Музееведение и историко-культурное наследие. – Кемерово, 2006 – Вып. 1
7. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Т.1. СПб, 1886.

Программно-проектные формы работы дома-музея «Мемориальная квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова»

Дом-музей был открыт 19 апреля 1970 г. к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина в деревянном двухэтажном доме постройки 1878 г., принадлежавшем местному жителю Фёдору Ермиловичу Брагину, где в кон. XIX – нач. XX вв. жили ссыльные социал-демократы.

В 1968 г. было принято решение передать здание музею, а в 1969 г. – проведена реконструкция этого здания: ремонт кровли, замена внутренних перекрытий, обновление окон, дверей, фасада, установка электропечей, воссоздание городской усадьбы кон. XIX – нач. XX вв.

За прошедшие 39 лет проводились косметические (побелка, покраска) и текущие (замена кровли) ремонтные работы здания и надворных построек, так как на капитальный ремонт денег не отпускалось, хотя музей состоит на федеральном учёте.

За этот период произошёл значительный износ, ветшание дома, основных строений и даже утрата (колодец-журавль). Отсутствует молниезащита, устарело электрооборудование.

Сегодня остро стоит вопрос о проведении капитального ремонта с частичной реставрацией, а на это необходимы немалые средства.

В 2005 г. были разработаны проекты охраны мемориального музея. В 2006 г. удалось провести монтаж видеонаблюдения (35 тыс. руб.), ежемесячный мониторинг которого составляет 5548 руб.

В 2007 г. провели полную замену сигнально-охранной системы в здании мемориального музея на беспроводную (167 тыс. руб.), однако на других строениях у нас отсутствует пожарно-охранная сигнализация (ПОС). В перспективном планировании этот вопрос на первом месте.

В 2008 г. в стадии подготовки находилась проектно-сметная документация (ПСД) на полную замену электроснабжения. На первый этап необходимо 110 тыс. руб.

Чтобы сохранить культурное наследие для потомков, мало нашего желания, необходимы немалые финансовые вливания, а так как музей находится на муниципальном бюджете, то средств на капитальный ремонт не выделяются. Остаётся один путь – участие в краевых программах.

По прошествии почти двух десятков лет, можно сделать следующий вывод о том, что 90-е гг. XX в. губительно сказались на музее: вандализм, отсутствие денежных средств, «немодность» темы и «ленинского» музея вообще.

Тем не менее, музей жил, работал, искал новые формы. Вначале своей деятельности все экспозиционные площади мемориального музея были посвящены теме «Ленин и его соратники в Минусинской ссылке». Но время постепенно вносило свои коррективы. С 1992 г. два зала 1-го этажа были задействованы под сменные выставки, которые подбирались с учётом временных границ, представленных в основной экспозиции (кон. XIX – нач. XX вв.). Начало положила выставка прекрасной коллекции самоваров из фондов Мартьяновского музея, а далее были: «Часы и календари», «Меры веса», «Хлеб всему голова», «Музыкальные инструменты в коллекции музея», «Живая глина», «С Новым годом! Счастливого Рождества!», «Мир игрушки», «Чудеса детей из простых вещей», «Древо жизни», «Школьное царство – мудрое государство», «От лучины до лампы» и многие другие.

Ленинская тематика претерпела изменения, но, тем не менее, забвению предана не была. Это наша история, которая не подвластна времени. Поэтому в декабре 2002 г. после реконструкции на втором этаже мемориального музея открылась обновлённая экспозиция «Политическая ссылка в Минусинском округе в кон. 90-х гг. XIX – нач. XX вв.». На первом этаже был восстановлен интерьер столовой хозяев дома Брагиных, и продолжили работу сменные этнографические выставки, знакомящие с культурой и бытом сибиряков, живших в Минусинске XIX в. Разработали программу «Живая старина», которая даёт возможность в доступной и занимательной форме знакомить с памятниками истории и культуры региона, обычаями и традициями сибиряков. Чтобы приобщение к истокам русской культуры было более зримым и увлекательным,

в мемориальном музее проводятся народные обрядовые праздники: «Рождественская сказка», «Раз в крещенский вечерок...», «Широкая Масленица», «Троичные забавы», «Иван Купала» и др.

С 1985 г. в мемориальном музее стали проводиться новогодние утренники, которые и сейчас пользуются большой популярностью у детей. Это необычные утренники – скорее, новогодние познавательные-игровые программы со своими сложившимися традициями. Например, есть традиция украшать ёлку только самодельными игрушками детей, которые они заранее готовят музею в подарок и сами ими украшают ёлочку.

В последние годы мемориальный музей уделяет большое внимание музейно-образовательным программам. Работая по программе «Наследие – детям», мы ставим цель – учить воспринимать историческое прошлое, как часть настоящего и будущего через музейно-образовательные занятия. В 2008 г., объявленном годом Семьи, была разработана программа «Семьёй в музей». В неё вошли беседы: «Роль семьи в формировании личности. На примере семьи Ульяновых», «Семейная педагогика Э.Э. Розенберг»; этнографические праздники, например, «Святая Пасха», «Троичные забавы», «Широкая Масленица».

В 2009 г., который был объявлен годом Молодёжи, мы плодотворно сотрудничали со студенчеством. Со студентами Красноярского краевого колледжа культуры и искусства подготовили и провели этнографические праздники «Рождественская звезда» и «Веселая Троица». Учащиеся ПУ-61 не только активно приняли участие в музейных мероприятиях, но и значительно пополнили наши фонды коллекцией одежды народов России, созданной учащимися швейного отделения этого училища. Т. о., мы стараемся представить мемориальный музей «живым островком истории», воссоздающим и исторический, и этнографический фон.

В конце 2007 г. была разработана программа перспективного развития мемориального музея до 2013 г. Сюда вошли новые выставочные и музейно-образовательные проекты. Хочется отметить, что многие из них будут основываться на современных интерактивных и компьютерных технологиях, что значительно повысит их привлекательность для различных возрастных категорий посетителей.

За почти 40-летнее существование мемориального музея, сформировалась определенная система взаимодействия традиционных и новых современных форм работы во всех сферах его деятельности. В последние годы особое внимание мемориальный музей уделяет программно-проектным формам работы. Работая таким образом, мы поняли, что именно проектирование помогает более эффективно планировать работу и предвидеть её результаты на несколько лет вперёд.

2009

Н.А. Голованенко,
г. Минусинск

От идеи к реализации

(к вопросу о создании образовательного выставочного проекта в современных условиях)

В 2009 г., в год празднования 75-летия Красноярского края, Минусинский музей, являясь старейшим музеем Сибири, первым среди музеев Красноярского края, не имел права обойти эту дату и итогом года должно было стать создание выставочного проекта, который смог бы представить самое яркое, ценное и уникальное о всей территории края из собрания Мартьяновского музея. Таким образом, Минусинский музей стал инициатором выставочного проекта «Единый Красноярский край».

В течение года этой дате были посвящены выставки такие как: выставка работ К.Т.Луканина; выставка фотографий А.Заболоцкого «Жизнь подарила увидеть»; выставка «Культура Красноярья»; выставка работ Л.И. Порошиной «Люблю тебя, мой край родной!»; выставка «Палитра Красноярья».

Однако, выставочный проект, получивший название «Единый Красноярский край» стал достойным завершением юбилейного года. Идея его создания родилась в ходе обсуждения на заседании научно-методического совета музея, так как актуально стояла проблема создания такого выставочного проекта,

который стал бы востребованным не только в плане темы, которую он раскрывает, но и в плане научно-просветительной работы.

Что явилось принципиально новым в данной теме – это взгляд на территорию края в 4 плоскостях – четыре части света, каждая сторона в свою очередь заключает в себе какие-то свои уникальные не характерные для другой территории черты, свои особенности, в т. ч. географические, общественные, культурные. Но все четыре плоскости были представлены в тандеме, в обязательном пересечении и сосуществовании в едином территориальном пространстве – Красноярский край. В рабочую группу вошли: руководитель проекта – Н.А. Голованенко; авторы 5 модулей: «Красноярск» – Л.А. Бакриева, «Север» – А.Н. Шестаков, «Восток» – А.М.Рябцева, «Запад» – Е.Н. Васильева, «Юг» – В.Г. Чернышева, художник – Т.А. Лимонова, монтажные работы – А.А. Канкеев, техническая служба – А.А. Калюжный, П.А. Баранов, В.Н. Ермолаев, Е.С. Алькова, компьютерный набор, дизайн – О.В. Войда, С.В. Николаева, отбор экспонатов – О.И. Боярченко, Т.А. Садовская, фотоматериалы – Л.И. Порошина, А. Купцов, транспортное обеспечение – А.В. Кузнецов.

Данный проект должен был решить, и это, на взгляд авторов, удалось ряд практических задач: анализ собранных материалов Минусинским музеем по теме «Красноярский край»; дополнительное комплектование фондов музея путем налаживания связей с территориями, музеями территории; распределение имеющегося материала единой темы по направлениям «север», «юг», «восток», «запад»; возможность разработки и проведение уже имеющихся научно-просветительных мероприятий в рамках НРК на базе созданного выставочного проекта.

В процессе создания проекта стало возможным проанализировать и изучить полноту собранных материалов по теме «Красноярский край», а также появилась возможность обобщить и попробовать пополнить фонды по данной теме путем налаживания связей с территориями, музеями территории.

В период подготовки выставки сотрудники музея были вынуждены констатировать, что в разрозненном виде отдельные экспонаты, имеющие отношение к Красноярскому краю, в собрании музея присутствуют. Однако, это были не тематические группы, не отдельные фонды по той или иной территории края. В основном, это были отдельные экспонаты, причем относящиеся к северной и южной территориям. Уникальные экспонаты по югу края в собрание музея поступали на протяжении практически всего периода существования Мартьяновского музея. Что касается севера, то экспонатов также оказалось немало. Среди них уникальные, поступившие в музей еще в начале и середине XX в. Что касается современных поступлений, то сказался факт – Минусинск-Норильск-города побратимы, присутствие в г. Минусинске общественной организации «Землячество норильчан», непосредственное сотрудничество с переселенцами из северных муниципальных образований. Кроме того, горожане и сами сотрудники музея, многие из которых также являются переселенцами, приняли участие в акции по передаче предметов музею в рамках данного проекта. Дело в том, что авторами выставки было сделано обращение к минусинцам, которые, передав предметы о территориях, предприятиях, где прошла их трудовая молодость, смогли тем самым рассказать подрастающему поколению о всей территории края. Минусинцы откликнулись.

Что касается восточной, то она оказалось представленной в собрании музея им. Н.М. Мартьянова лишь сувенирной, рекламной продукцией. Основное поступление этих предметов было осуществлено в рамках городского мероприятия 2006г. «Дни Железногорска в Минусинске».

Несмотря на активное участие Минусинского музея в спасательных археологических раскопках на территории будущего затопления при строительстве Богучанской ГЭС, в фонды музея не поступило ни одного документального источника или предмета, рассказывающего о строительстве нового значимого объекта в крае – БогучанГЭС – в настоящий момент это поставлено в перечень задач для археологов в 2010 г.

Анализ фондов музея показал, что Западная территория края также практически не отражена в собрании. В связи с этим, для реализации выставочного проекта, было принято решение об организации и осуществлении экспедиции по западной, восточной территориям края. Практически за сутки сотрудники музея, авторы модулей «Запад», «Восток», «Центральная часть – г. Красноярск», в сопровождении музейного фотографа, проехали ряд населенных пунктов, в т.ч. Назарово, Ачинск, Железногорск,

Дивногорск, Красноярск. Это была интересная и весьма полезная поездка – члены рабочей группы воочию смогли увидеть различие территорий, увидеть как современные условия повлияли на развитие территории, побывать в музеях, получить совет от коллег – какие символы и знаковые предметы смогут как нельзя лучше представить их территории.

Впервые выставочный проект был целенаправленно создан как образовательный, сотрудниками научно-просветительного отдела музея был разработан ряд мероприятий, игровых программ, экскурсий и лекций, которые легли в основу образовательной программы в рамках НРК для учащихся на практическом материале по теме «75 лет Красноярскому краю». Выставочный проект позволил молодому поколению увидеть территорию своей малой родины в едином пространстве, а не в отрыве, увидеть ее отличительные черты и в то же время сравнить с другими территориями края – это являлось в рамках НРК едва ли не главной целью. И она была достигнута! Замечательным дополнением выставки стали видеоматериалы программ «Сибирский навигатор» информационного агентства «Информационное агентство «Новый регион»», г. Красноярск (руководитель Эдуард Альбертович Керн, ведущий Алексей Кривогорницын).

Доход от выставки составил почти 10 тыс. руб. за 1,5 месяца работы. Она не только окупилась, но и принесла прибыль, что в условиях современного рынка немаловажно.

Интересным стал и тот факт, что авторами модулей были закреплены сотрудники из различных подразделений музея (молодое поколение музейщиков), что позволило работать в команде, каждый отдел оказался неравнодушным к созданию проекта, ведь среди авторов был и их коллега, кроме того, были равномерно распределены творческие и физические силы по реализации выставки. Это стало полезным опытом и получило положительный отзыв, как у руководителей отделов, к которым относились авторы модулей, так и у самих экспозиционеров.

Авторы выставки ставят себе целью не положить проект «в дальний ящик на полку», а сделать его передвижным, что позволит рассказать подрастающему поколению других территорий края об уникальности и неповторимости нашей родины – Едином Красноярском крае.

2009

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

Работы художника А.Г. Поздеева в собрании Минусинского музея

Имя известного красноярского художника А.Г. Поздеева вызывает постоянный интерес у людей, не равнодушных к искусству.

Андрей Геннадьевич родился 27 сентября в 1926г. в пос. Нижний Ингаш Канского района, Красноярского края. Учился в школе ФЗО. В 1945-1946 гг. служил в армии на Дальнем Востоке. С 1940 г. участвовал в художественных выставках. В 1949 г. окончил Красноярскую художественную школу им. В.И. Сурикова. В 1961 г. принят в Союз художников СССР. В 1964 г. состоялась его первая персональная выставка в Красноярске. С тех пор прошло около 20 персональных выставок, в т. ч. в Москве, С-Петербурге, Таллине, Токио, Чехословакии, Мексике, Монголии, Англии, на Кубе.¹

Его работы хранятся во многих государственных и частных коллекциях, в музеях и галереях, в России и за рубежом: в Третьяковской галерее, Русском музее, Красноярском художественном музее им. В.И. Сурикова,² а также в музее им. Н.М. Мартьянова.

С именем А.Г. Поздеева связаны исследования и публикации краеведов г. Минусинска: так, на Мартьяновских краеведческих чтениях А.А. Шадрин осветил минусинский период жизни этого художника.³ Более подробно А.А.Шадрин рассказал о творчестве А. Поздеева в статье «Одержимые».⁴

В научном архиве Минусинского музея хранится книга приказов, в которой содержатся сведения о приеме на работу А.Г. Поздеева в качестве художника-оформителя с 4 октября 1947 г.⁵

К этому времени молодой художник создал уже немало этюдов с пейзажами, портретами земляков. Он смог представить 22 своих работы на выставку самодеятельных художников, проходившей в Минусинском Доме пионеров (ныне здание художественной школы) с ноября 1947 г. по декабрь 1948 г.⁶ Художественные работы А. Поздеева получили высокую оценку посетителей и организаторов выставки.

В архивном деле с материалами об этой выставке сохранился учетный листок участника, заполненный рукой Поздеева. В нем указано, что он родился в 1926 г., по национальности русский, имеет образование 8 классов, начал рисовать с 7 лет. Был участником художественной выставки в Красноярске в 1940 г. и имел живописные работы и рисунки, выполненные цветными карандашами, а также писал пейзажи и портреты. Там же художник указал свой домашний адрес: г. Минусинск, ул. Сталина, 16.⁷ Любопытно, что в 1948 г. 22-летний художник получал высокую зарплату в размере 600 руб. в месяц, наравне с директором музея.⁸

А. Поздеев проработал в музее неполные 11 месяцев и уволился по собственному желанию с 1 августа 1948 г. в связи с отъездом на учебу в Москву.⁹ Однако эта попытка стать студентом не увенчалась успехом, Андрею не хватило знаний.

Тогда Поздеев устроился художником-оформителем в Минусинское ремесленное училище речников, т.к. в музее его место было уже занято.

По сведениям ветерана Великой Отечественной войны Г.А. Дергунова, бывшего коменданта этого училища, семья Поздеевых занимала комнату на втором этаже здания центральной городской почты (ныне ул. Мира, 18, бывший радиоузел).¹⁰ Отец художника работал в 1947-49 гг. на этой почте.

В 1950 г., в связи с переездом семьи Поздеевых в Красноярск, Андрей покинул Минусинск.

Сегодня Минусинский музей обладает сегодня пятью подлинными работами А.Г. Поздеева.

В 1959 г. в музей поступила картина Андрея Поздеева «Общий вид Черногорских копей», приобретенная у краевого отделения художественного фонда. Она выполнена маслом на холсте размером 110x220 см по заказу директора Минусинского музея И.И. Павлючка. На картине изображен эпизод транспортировки угля в вагонетках конной тягой по узкоколейной железной дороге (1921-25 гг.). Стоимость этой картины в 1959 г. составила 7250 руб.

При подготовке выставки плакатов, изданных в годы Великой Отечественной войны, посвященной 60-летию Победы, среди музейных документов были обнаружены четыре портрета людей, одетых в кители сталинской эпохи с наградами Героев Социалистического труда.

На этих портретах размером 44x32см, мастерски выполненных карандашом на ватмане, не было никаких надписей, кроме автографа «Позде...». В документах имелись скудные сведения о данных рисунках: «Портреты Героев Соцтруда (не определены)».¹¹ В музее хранятся фотонегативы портретов нескольких героев, выполненные в 1948 г. фотографом Григорием Давыдовичем Ратковым, но их облик отличен от изображений, на найденных карандашных работах.¹²

В книге «Гордость земли минусинской», изданной в 2001 г.¹³ имеются биографические справки о Героях Соцтруда, однако их портреты в упомянутом издании разительно отличаются от работ художника. Например, Штромило Иван Илларионович, председатель Минусинского райисполкома, в книге изображен в профиль в молодом возрасте, с густой шевелюрой, а на музейном портрете мы видим его в солидном возрасте, в фас и совершенно без волос (В.Ф.783/11 а).

Другие герои портретов также значительно отличаются от приведенных в книге: Милочкин Николай Фёдорович – главный агроном Восточенской МТС, Мандрыкин Андрей Александрович директор МТС, Рузаков Георгий Андреевич – зав. районным сельхоз отделом.

Помощь в определении личностей Героев оказали их сыновья В.Н. Милочкин и В.Г. Рузаков, жители г. Минусинска. Они то и назвали всех героев поименно.

В определении автографа художника оказала консультацию Л.Н. Пономарева, член Союза художников России, завуч Минусинской детской художественной школы, лично знавшая автора портретов Героев. Она подтвердила подлинность работ и автограф А.Г. Поздеева, показав каталог выставки его картин с автографом.

С 10 января по 26 февраля 2008 г. в Минусинском музее работала выставка «Мир Андрея Поздеева», на которой были представлены графические работы художника копии его документов.

Выставку подлинных работ Поздеева представил Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова (по краевой целевой программе «Культура Красноярья»).

Примечания

¹ 100 знаменитых красноярцев. Красноярск, кн. изд-во. 2003г. С. 393-397. Енисейский энциклопедический словарь.- Красноярск, Русская энциклопедия, 1998. С. 480.

² Шадрин А.А. Художник Андрей Поздеев в Минусинске.// Мартьяновские краеведческие чтения. Сборник докладов и сообщений. Вып. III – Минусинск. 2005. С. 209-210.

³ Шадрин А.А. Одержимые. // Красноярский рабочий. 12.03.2004г. С. 9.

⁴ Ермилова В.В. Материалы Минусинского краеведческого музея по истории Черногорских угольных копей. // Сборник материалов III краеведческих чтений. г. Черногорск, изд. Черногорского музея. 2004. С.65-69.

⁵ АМКМ, ф.1, оп.1, д.831. л.10.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л.22. Нумерация дома на №18 изменена в 1954 году.

⁸ Там же. д.477. л.5.

⁹ Там же. д.1083. л.33.

¹⁰ Сведения Г.А.Дергунова, 2005г. Фото здания см. на диске МКМ ВФ 3061, также АМКМ, ф.1, оп.4, д.891, л. 36.

¹¹ МКМ ВФ 783/11.

¹² МКМ ОФ Н 4945, 4948, 4955, 4960.

¹³ Гордость земли минусинской. Красноярск, Буква, 2001. С. 32, 33, 38,48.

2009

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

Материалы документального фонда Минусинского музея по истории Абаканского железодобывающего завода

В документальном фонде музея им. Н.М. Мартьянова хранится около 240 предметов, связанных с историей возникновения и развития Абаканского железодобывающего завода. Известно, что владелец завода Григорий Маркианович Пермикин активно сотрудничал с Минусинским местным публичным музеем и передал в дар музею минералы и изделия своего завода в 1880 г.¹

История завода привлекла внимание одного из первых фотографов г. Минусинска Н.В. Федорова. В 1906 и 1911 гг. он создал, по сути, фотолетопись жизнедеятельности этого предприятия. Более 160 негативов и 70 фотоснимков представляют большой интерес для исследователей. Наш музей располагает также фотоснимками, выполненными в 1924-1925, 1931 и 1950-х гг.

В научном архиве музея хранятся подлинные документы, поступившие в фонд в 1930-1950-х гг. от братьев Косовановых Александра и Виктора Петровичей. Их отец Петр Павлович служил на Абаканском заводе в течение 20 лет (1871-1891, 1893-1899 гг.). Среди таковых документов – воспоминания об отце – П.П. Косованове, его жизнедеятельности (1956-1958 гг.).² Кроме того, имеется оригинал рукописи П.П. Косованова «Пионеры первой промышленной кооперации в Сибири» (из истории Абаканского железодобывающего завода), датированный 1938 г.³ Есть также ряд других документов: свидетельство об окончании П.П. Косовановым Шушенского приходского училища в 1870 г.; аттестат служащего стекольного завода М.А. Гусевой за 1882 г. Среди писем на имя П.П. Косованова имеется благодарственное письмо рабочих и служащих Абаканозаводской артели и приглашение П.П. Косованова на временное управление заводом от арендаторши Пермикиной, в связи с ее отъездом в 1887 г.⁴

Другие архивные материалы свидетельствуют о деятельности другого владельца завода с 1898 г. – Ратькова-Рожнова Владимира Александровича, действительного статского советника.⁵

В одном из архивных дел идет речь об открытии в 1895 г. в рабочем поселке абаканского завода магазинов минусинских купцов Н.П. Пашенных, С.И. Кочнева и И.Н. Макридина. Там же содержатся сведения о том, что из семей бывших артельщиков выдвинулись такие революционные деятели, как К.Е. Трегубенков, председатель первого Минусинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Вовк, член того же Совета и др.⁶

Всего в научном архиве Минусинского музея хранится 8 дел по истории Абазы.

По советскому периоду истории Абаканского завода в фонде музея имеется приказ № 15 Минусинского уездного комитета от 23 августа 1920 г. о срочной мобилизации квалифицированных рабочих в возрасте 18-50 лет (токарей, слесарей, сварщиков, машинистов, доменщиков, литейщиков и др.), а также тех, кто раньше работал на Абаканском заводе. В соответствии с данным приказом все мобилизованные из г. Минусинска и сёл Минусинского уезда пользовались правами красноармейцев, а их семьи – правом на получение красноармейского пайка. Причем, отмечалось в приказе, что «лица, уклоняющиеся от мобилизации и способствующие их укрывательству, подлежат революционному суду».⁷

В негативном фонде музея есть копия заметки о рабочей солидарности коллектива Абаканского завода и Минусинского отделения Губернского Союза кооперативов. Заметка была опубликована в газете «Власть труда» за 20 февраля 1924 г.⁸ В ней говорилось о подарке заводчан минусинским крестьянам литого чугунного блюда. На этом блюде была изображена пятиконечная выпуклая звезда и сделана надпись по ободку: «Минсоюзу от рабочих. Абаза. 1924 год. Да здравствует союз рабочих и крестьян!».⁹

К блюду прилагался памятный адрес с текстом: «... мы, рабочие Абаза, в знак нашей солидарности в деле укрепления союза серпа и молота, подносим вам, как проводнику идеи скрепления этого союза, отлитое на нашем заводе блюдо». Такое блюдо постоянно экспонируется в Минусинском музее.

Примечания

¹ Десятилетие Минусинского музея. 1877-1887 гг. - Томск, 1887. - С. 53.

² Косованов А.П. Жизнь и деятельность П.П. Косованова. 1956 г. // АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 155. Он же. Воспоминания об отце П.П. Косованове и членах его семьи. 1958 г. // АМКМ. Ф.1. Оп.4. Д.156.

³ Косованов П.П. Пионеры первой промышленной кооперации в Сибири (из истории Абаканского завода). 1938 г. // АМКМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 24.

⁴ Письма П.П. Косованову и документы. 1870-1913 гг. // АМКМ. Ф.1. Оп.4. Д. 113. Лл. 3-9.

⁵ Материалы по истории абаканского чугуноплавильного завода. 1883-1907 гг. // АМКМ. Ф.1. Оп.1. Д.20. О развитии железодельного производства в Сибири. // АМКМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 73.

⁶ Косованов В.П. Из истории Абаканского железодельного завода (1866-1900 гг.). 1959 г. // АМКМ. Ф.1. Оп.4. Д. 154. Лл. 92, 95.

⁷ Приказ Минусинского уездного комитета по трудовой повинности о мобилизации рабочих для Абаканского железодельного завода № 15 от 23.08.1920 г. г. Минусинск. Фотокопия. МКМ ВФ 689/14.

⁸ Рабочая солидарность. // Власть труда. – Минусинск, 1924, 20 февраля. // МКМ ОФ Н 5052/88.

⁹ Блюдо чугунное. МКМ ОФ 6530.

Л.Н. Ермолаева,
г. Минусинск

Николай Михайлович Мартьянов – основатель музея и сибирской музейной школы: история, продолжение традиций

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова – один из первых публичных музеев в Сибири. Он основан в июне 1877 г. Николаем Михайловичем Мартьяновым (1844–1904), провизором, ученым-ботаником.

Н.М. Мартьянов родился 15 июля (ст.ст.) 1844 г. в Виленской губернии (Западная Белоруссия), закончил 2-х классное училище в Минске, курсы помощников провизоров при Медико-хирургической Академии в Санкт-Петербурге и курсы провизоров при Московском университете. Работал в аптеках в Петербурге, Царском селе, Москве, Казани. До приезда в Сибирь, Минусинск, он уже являлся членом Санкт-Петербургского Ботанического сада, общества Естествоиспытателей при Казанском университете.

В марте 1874 г. приехал в Минусинск из Казани по приглашению врача А.В. Малинина на место заведующего вольной аптекой. Срок договора был 3 года, однако Мартьянов прожил в Минусинске 30 лет.

4 апреля 1874 г. Мартьянов пишет в письме профессору Казанского университета Н.Ф. Леваковскому: «Скажу, что не только не жалею о Росси, но напротив – от души благодарю судьбу, которая дала мне возможность оставить душливую немецкую сферу, в который я томился много лет на этот хорошенький уголок отдаленной Сибири... Между минусинцами я встретил несколько лиц, которым не чужды интересы науки и в особенности естествознания... Многие вполне сознают великую задачу естествознания и горячо сочувствуют ей. В этом отношении минусинцы больше прогрессивный народ. На коллекторов они смотрят не как на чудаков, а как на лиц достойных уважения».¹

В Минусинск он приехал с выношенной идеей организации в этом городе местного краеведческого музея. В письме к Г.Н. Потанину в 1882 г. Мартьянов признается: «Теперь Сибирь моя дорогая родина. Я стремился в неё ещё тогда, когда только сознательно начал применять свою страсть к собиранию естественно-исторических коллекций. В Сибири с самого моего приезда, даже по дороге в Минусинск, я нашёл искренних друзей, в Сибири мне дали возможность осуществить идею о местном музее и устроить идею мою в таком виде, о каком я мечтал чуть ли не с детства. Для Сибири я посвящу всё своё свободное время, остающееся от трудов для насущного хлеба и вполне буду вознагражден, если собранные мною материалы послужат на пользу этой прекрасной стране хотя бы и в далеком будущем».²

По приезду в Минусинск Мартьянов занимался изучением малоисследованного Минусинского края, собирал гербарий, древности, минералы. Это составило первые коллекции музея. Учитывая неудачный опыт других музеев, он объединил усилия многих людей, сумел направить их к полезной деятельности, увлек возможностью увидеть плоды этой деятельности.

В январе 1877 г. Н.М. Мартьянов подал заявление в Городскую Думу Минусинска с предложением о создании местного музея в городе. «Как действительный член Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете и член-сотрудник С.Петербургского Общества естествоиспытателей, я...поставил себе... задачею выполнение одного из важнейших пунктов Устава, именно: распространение естественно-исторических знаний. С этой целью я в прошедшем 1876 г. положил основание общественного музея, представив на первое время, собранные мною коллекции и некоторые другие предметы, как учебные пособия в пользование Минусинского училища,... Я нахожу вполне своевременным сделать настоящее заявление Минусинской Городской Думе и почтительнейше прошу принять некоторые условия, гарантирующие упрочение и официальное положение музея... 2) Музей должен именоваться «Минусинский Публичный местный музей».³

Городской Голова И.Г. Гусев поддержал Мартьянова и 18 февраля 1877 г. на заседании Городской Думы поставил вопрос об открытии музея в Минусинске, а также предложил для размещения коллекций помещения в собственном доме. Городская Дума приняла предложение Мартьянова «в виду той несомненной пользы, какую может принести впоследствии учреждение в Минусинске публичного местного музея

воспитывающемуся юношеству в научном отношении»⁴ и назначила комиссию по разработке Устава музея. На заседании Думы 6 июня 1877 г. были утверждены Устав музея и комитет музея, который возглавил городской голова. На должность распорядителя музея приглашен провизор Николай Михайлович Мартьянов, хранителя – старший учитель приходского училища Тимофей Николаевич Сайлотов, «... которые добровольно исполнение этих обязанностей на себя принимают, а потому утвердить их в этих должностях, пригласить ныне же заняться текущими делами музея согласно обязанности и прав каждого по утвержденному уставу».⁵

При участии учителя Н.У. Попова была разработана программа музея, опубликована в Трудах Общества Естествоиспытателей и врачей. Программа позднее была взята за основу другими музеями Сибири.

Д.А. Клеменц, хорошо знавший Мартьянова, отмечал: «первое правило Мартьянова – «пользоваться всяким человеком, обнаруживающим склонность быть полезным музею»; второе – «пользуясь всеми, быть полезным всем»; и третье – «не спать со своими коллекциями», а посылать их специалистам для определения, и, наконец, четвертое – «брать и составлять всякие коллекции, какие можно».⁶

А.В. Адрианов: «Собирая коллекции, устраивая и систематизируя их при помощи специалистов, сам Мартьянов не занимается научной разработкой собранного материала, не считая себя к этому достаточно подготовленным и вообще не чувствуя расположения к этому рода работе.... Но объем сделанного Мартьяновым настолько велик, что вызывает невольное изумление и уважение к этому выдающемуся, бескорыстному труженику науки».⁷

Особенность Минусинского музея и его основателя отметил А. Лурия: «Мартьянов, заведующий музеем, поступал, как Мартьянов, основатель музея: неумоимо работая сам, он заражал других и достигаемыми результатами умел заинтересовать общество, которое всегда являлось на помощь музею для выполнения задач, требующих значительных средств. И история музея есть история непрерывного роста: умножаются коллекции, расширяются помещения, увеличиваются средства, растут, наконец, известность и слава музея».⁸

Мартьяновым были заложены основы музейного дела в Сибири. По примеру и подобию минусинского музея в XIX в. создавались музеи в Енисейске (1883), Нерчинске (1886), Красноярске (1889), Кяхта (1890), Якутске и Благовещенске (1891), Чита (1895) и других сибирских городах. С создателями этих музеев Николай Михайлович поддерживал переписку.

Этнограф Дмитрий Евдокимович Лаппо в речи по случаю 20-летия Красноярского музея, говоря о значении местных музеев, дал следующую оценку деятельности Н.М. Мартьянова: «И невольно вспоминается имя незабвенного Ник. Мих. Мартьянова: он, как мифический пришелец, из другой страны, полубог Греции, вызвал к жизни целую сеть местных музеев в Сибири. Созданный Н.М. Мартьяновым Минусинский местный музей послужил образцом для других местных музеев, объединил образованных сибиряков на живом реальном деле, полном не одного только научного интереса. Составляя выдающееся явление сибирской жизни, Минусинский музей, как и другие местные музеи, он объединяет силы для выяснения этого самосознания, он способствует выяснению местных интересов».⁹

Заслуги Н.М. Мартьянова как ученого и организатора музейного дела отмечены научной общественностью в России и за рубежом. Мартьянов был признан членом 16 научных обществ. Он был почетным гражданином города Минусинска, почетным мировым судьей Енисейской губернии, почетным членом общества врачей Енисейской губернии. Его именем ботаники и палеонтологи назвали более 20 видов высших и низших растений и ископаемых форм, часть из них были открыты Мартьяновым (им открыто 181 вид низших и высших растений, неизвестных ранее науке). Благодаря Мартьянову и музею известность получил г. Минусинск.

В 1901 г. Минусинский городской голова И.П. Лыткин предложил образовать капитал имени основателя музея Н.М. Мартьянова, тем самым «почтить четверть вековую беззаветную деятельность заведывающего Музеем». Средства капитала, проценты, предлагалось использовать на экскурсии, экспедиции, закуп предметов, печатание трудов музея. В основе капитала были пожертвования от учреждений, частных лиц, ученых обществ. Красноярский Подотдел ВСО ИРГО открыт подписку на

сбор денег «путем широкой пропаганды в сибирской прессе и ... рассылки от своего имени циркуляров с подписными листами».¹⁰ В 1902 г. капитал составлял 5107 руб.¹¹, на 1 января 1914 г. – 9978 руб. 58 коп.¹²

В 1902 г. 25-летнему юбилею Минусинского музея было посвящено заседание Красноярского подотдела ВСО ИРГО. 30 ноября (ст.ст.) 1904 г. Н.М. Мартьянов умер. 5 декабря 1904 г. Комитет музея принял решение – устраивать в день смерти Мартьянова народные чтения в музее и служить панихиду в Спасском Соборе. В 1905 г. по решению Городской думы именем Мартьянова названы музей и улица. В музее был вывешен портрет основателя Н.М. Мартьянова. Сегодня, сохраняя традицию, портрет Н.М. Мартьянова представлен в первом зале музея.

Позднее имя Мартьянова было дано речке в Кузнецком Алатау, а в 1984 г. назван пик в Западном Саяне. В 1951 г. был установлен бюст Н.М. Мартьянова, автор – Г.Д. Лавров, во дворе музея, затем он был перенесен на центральный фасада.

Многое пережил мартьяновский музей за свою 132-летнюю историю. Главное, музей жил и работал, а его руководителями сохранили и продолжили дело Мартьянова. Это были люди беззаветно преданные музею – А.А. Ярилов (позднее – ученый-почвовед), И.Т. Савенков (педагог, археолог), В.Д. Кожанчиков (ученый-энтомолог), А.В. Харчевников (историк, декабристовед, репрессирован и расстрелян) и др.

Почти через 70 лет музей вернулся в своей деятельности, к тому, что было заложено основателем Н.М. Мартьяновым. Это было сделано директором музея В.А. Ковалевым (1971-1999 гг.), Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин города Минусинска.

Сегодня музейное собрание насчитывает более 180 тыс. предметов (ОФ и НВФ). В его составе – собрание древних бронз, каменные изваяния, гербарий Н.М. Мартьянова, коллекция бабочек П.П. Семенова-Тян-Шанского, коллекция раковин Н.Г. Потанина, фотонегативы на стекле Н.В. Федорова и др. уникальные коллекции. Научная библиотека музея открыта в 1878 г., насчитывает более 120 тыс. книг и журналов. В ней хранятся редкие издания XVIII и XIX вв., среди них – Труды П.С. Палласа, альбомы русского художника И.И. Шишкина, альбомы Тима и др. издания.

Музей имеет 2 филиала – мемориальный музей «Квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова» (1970 г.) и «Музей декабристов» (1997 г.), первый и пока единственный в Красноярском крае.

Музей, как и в мартьяновское время, вносит достойный вклад в научное изучение Сибири. Данные, полученные сотрудниками музея, являются основой для ряда исследований по ботанике, геологии, истории, археологии, этнографии, древнетюркской рунологии Саяно-Алтая. Материалами музея пользуются многие ученые, изучающие Южную Сибирь, представляющие как русские, так и зарубежные научные общества.

Музей успешно сотрудничает с Институтом археологии РАН, СО РАН, Евроазиатским отделом Германского археологического института, Хакасским государственным университетом им. Н.Ф. Катанова, Хакасским научно-исследовательским институтом языка и литературы, Тувинским институтом гуманитарных исследований, Новосибирской государственной консерваторией им. М.И. Глинки, Красноярским государственным педагогическим университетом им. В.П. Астафьева и др. научными учреждениями страны.

А.А. Ярилов, директор Мартьяновского музея, в 1905 г. писал о Мартьянове: «... в отношении к завещанному нам Николаем Михайловичем сокровищу не забудем своей обязанности сохранить и сделать её возможно более доступной и плодотворной для возможно большого числа людей. Это будет лучшим выражением нашей благодарности покойному и лучшим доказательством того, что мы достойны великого наследства и умеем это наследство ценить надлежащим образом».¹³

Примечания

¹ Муниципальное Учреждение «Архив Города Минусинска (МУ АГМ). Ф.73. О.1. Д.20. Лл.12, 13.

² Научная библиотека Томского госуниверситета. Архив Г.Н. Потанина. № 499–2.

³ МУ АГМ. Ф.73. О.1. Д.19. Л.1.

⁴ Ф.Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902. С.48.

⁵ МУ АГМ. Ф.73. О.1. Д.19. Л. 30.

⁶ Кон Ф.Я. К 25-летию Минусинского местного музея. - Русский антропологический журнал. – М., 1902, № 1. С.60.

⁷ Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1903. Т. IV. Вып. 2. С.141.

⁸ Минусинский музей. – Журнал «Землеведение». Т.IX. Кн. II–III, 1902. С.137–138.

⁹ Известия Красноярского Подотдела ВСО ИРГО. Т.II. В. 5. Красноярск, 1909.

¹⁰ Отчет по Минусинскому Местному Музею и общественной библиотеке за 1902 год. Минусинск. 1903. С.30.

¹¹ Там же. С.30.

¹² Отчет по Минусинскому Мартыановскому Музею, состоящему под покровительством Императорской Академии Наук и общественной библиотеке за 1913 год. Минусинск. 1914. С.22.

¹³ А.А. Ярилов. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартыанове. Юрьев, 1906. С.16

2009

Л.Я. Зверева,
с. Ермаковское

Межведомственные партнерства Ермаковского Музея природы и природного парка «Ергаки»

Музей природы МУ «Центр досуговой деятельности» администрации Ермаковского района расположен в центре с. Ермаковское, был и является постоянным помощником в работе Дирекции природного парка «Ергаки».

В Музее природы организован визит-центр природного парка, установлены стенды, оснащённые ярким, красочным материалом, где любой желающий может получить информацию не только о парке, но и о природе Ермаковского района и местных достопримечательностях.

Основными задачами совместной деятельности Дирекции парка и Музея природы являются осуществление экологического просвещения, направленного на обучение посетителей Ермаковского района и местного населения, исследовательская деятельность, сохранение и развитие народных промыслов и ремесел.

Проводятся экологические акции, эколого-просветительские лекции, тематические экскурсии, конкурсы, выставки, экологические десанты, беседы. Эти мероприятия проходят не только в Музее природы, но и на территории парка «Ергаки».

Разработаны и успешно реализуются совместные учебные программы по истории искусства родного края, о животном и растительном мире Западного Саяна, памятниках природы. Стало традицией проводить совместные акции и праздники, посвященные всемирным Дням Воды, Земли, Окружающей среды для учащихся общеобразовательных школ села Ермаковского.

Все совместные мероприятия освещены на страницах газет «Нива», «Ермак@инфо», газеты природного парка «Ергаки» «Жемчужина Саян», на телеканале «Саян-ТВ».

При Музее природы создан и успешно работает Общественный совет мастеров - умельцев, проводятся «круглые столы», мастер-классы, встречи, обмены опытом.

В 2005 г. дирекция природного парка «Ергаки» совместно с Музеем природы создали проект по устойчивому жизнеобеспечению населения «Альтернативные источники существования местного населения, который впоследствии был заявлен на получение гранта в организации ПРООН/ТЭФ. В итоге проект оказался лучшим, и дирекция парка получила грант в размере 473 тыс. руб.

В ходе реализации проекта было куплено деревообрабатывающее и другое оборудование. Теперь мастера-умельцы, проживающие в населённых пунктах, находящихся на территории парка «Ергаки», имеют возможность изготавливать изделия из дерева, тем самым получать дополнительную прибыль.

В этом году был организован и проведён региональный конкурс и выставка промыслов и ремесел «Живая нить времён» мастеров Шушенского, Ермаковского и Каратузского районов. В конкурсе приняли участие около 40 человек, все получили соответствующие месту грамоты и подарки.

Общение, обмен опытом, фото «на память» и в завершении все присутствующие дегустировали чай с лечебными Сбитнями, предоставленными нашим партнером и спонсором этого конкурса – дирекцией

природного парка «Ергаки». Эта выставка послужила возрождением традиции проведения «Михайловских» ярмарок в Ермаковском, прославившихся в XIX в. и дошедших до наших времён.

В 2006 г. совместно с парком «Ергаки» была организована исследовательская работа по сбору и изучению материала о функционировании Великого Сибирского пути, о строительстве Усинского тракта.

100 лет назад, а именно 19 июня 1909 г. было утверждено Законом Государственной Думы строительство дороги. Осенью этого же года начались строительные работы от Григорьевки в сторону Тувы. В 1954 г., (55лет) назад эта дорога была покрыта асфальтом.

Сегодняшний Усинский тракт – одна из красивейших дорог России. В наст. вр. она является федеральной трассой регионального значения и пересекает уникальный по своей красоте и неповторимости краевой природный парк «Ергаки», который не даром называют «Жемчужиной Саян».

На территории природного парка «Ергаки» в комплексе Араданского хребта есть пик, названный именем Николая Михайловича Мартьянова. Дирекция природного парка «Ергаки» и Ермаковский Музей природы предлагает в честь знаменательных и памятных дат, связанных с именем основателя Минусинского регионального краеведческого музея, летом 2010 г. совершить совместное восхождение на пик для установки памятного знака, а также разработать совместный проект по созданию экспозиции под открытым небом на пике им. Н.М. Мартьянова и ждём ваших предложений.

Музей природы сотрудничает со многими организациями, но природный парк «Ергаки» – это проверенный и надёжный партнёр во всех начинаниях Музея природы.

2009

Е.М. Катина,
п. Курагино

Школьные музеи. Истории и судьбы их основателей

Муниципальное учреждение культуры «Курагинский районный краеведческий музей» имеет три филиала: Историко-краеведческий музей с. Берёзовское, Горно-геологический музей п. Б. Ирба, музей им. А.М. Кошурникова. На примере историй двух музеев – Курагинского и Берёзовского раскрывается тема «подвижник – учитель». Судьбы музеев очень похожи и созданы они на базе школьных музеев. У каждого свои основатели, которые живы и здравствуют, только не все ещё полны энтузиазма и творческой деятельности. Собираательство, коллекционирование, устройство музеев всегда было делом подвижников.

В сентябре 1964 г. в Курагинской восьмилетней школе был открыт краеведческий музей, организатором которого стал учитель истории Чилеев Н.В., вложивший много сил и энергии в его создание. Придя в 1962 г. на работу в школу, Николай Васильевич включился в процесс краеведческой работы, по крупницам воссоздавал вместе с учащимися историю родного посёлка и окружающей природы, собирал материалы о декабристах и социал-демократах, отбывавших ссылку в Курагино, партизанском движении и участниках Великой Отечественной войны. На момент открытия школьного музея экспозиция была представлена тремя отделами: историческим, географическим и биологическим, материалы для которых были использованы на уроках-экскурсиях.

Но Чилеев, как истинный энтузиаст своего дела, считал это недостаточным. Он сам производил фотосъёмки походов и экскурсий, делал макеты, организовал общество «Юный историк». Вместе с учителем ребята участвовали в археологических раскопках вблизи с. Пойлово, под руководством известного археолога Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова Леонтьева Н.В. Был собран богатый материал, что позволило открыть археологический отдел.

У Николая Васильевича были помощники – учителя Ковалёва Н.И., Павленко А.Д., Связов А.К., Щербинин В.Г., Дерхо Ф.А., которые ездили с учащимися в туристические походы и экскурсии по памятным и ленинским местам, в Белоруссию г. Борисов, где погиб бывший ученик школы Герой Советского Союза сержант А.А. Петряев.

В 1967 г. Краеведческий музей Курагинской восьмилетней школы признан лучшим, в районном смотре восьмилетних школьных музеев. В 1968-1969 гг., музей вновь занял первое место среди восьмилетних школ в крае, и был награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ. К сбору экспонатов были привлечены не только школьники и их родители, родственники, но и население поселка. Материал «перерастал» рамки посёлка, охватывая весь район. 11 февраля 1969 г. Райисполком вынес решение: «Учитывая, пожелания общественности района краеведческий музей Курагинской восьмилетней школы реорганизовать в «Районный народный музей». Директором народного музея утверждён Чилеев Н.В. – учитель истории школы. Только места музею уже не хватало, и директор целый год добивался строительства пристройки к школе. 19 апреля 1970г. «Народный музей» открылся в новом здании. В короткое время музей приобрёл славу, стал заметной величиной и продолжал расти и обогащаться благодаря неутомимой энергии своего создателя. В скором времени Николая Васильевича назначили директором школы, но он продолжал руководить музеем.

В 1970 г. Чилеева Н.В. пригласили в Москву на Всесоюзное совещание актива школьных музеев, где он был награждён Почётной грамотой Министерства просвещения РСФСР. Такой же грамотой наградили и коллектив Курагинской восьмилетней школы за создание «Районного народного музея», ставшего победителем Всероссийского смотра школьных музеев. В 1972 г. Николая Васильевича назначили директором Ирбинской средней школы, где он продолжил свою краеведческую деятельность вместе с основателем Берёзовского школьного музея Климкиной Е.М., уже работавшей здесь завучем и учителем истории. Вместе с главным геологом Ирбинского рудника Посоховым В.Т. (будущим создателем горно-геологического музея п. Б.Ирба) они собирали историю Ирбинского железоделательного завода. В 1982 г. Чилеев Н.В. уехал на Север и вернулся только в 1996 г.

«Районный народный музей» просуществовал в восьмилетней школе до 1977 г. Когда было построено новое здание Курагинской СШ № 1, и произошло слияние старой средней школы № 1 и восьмилетки, музею там места не нашлось, пропало много предметов. Не нашлось и человека, кто бы взялся за обустройство музея и отстоял бесценные фонды, помещённые в подвал школы. Семь долгих лет музей переживал тяжелое время забвения и бездействия. Только благодаря Еськину И.Ф. в 1982 г. «Народный музей» возобновил свою деятельность. Ивана Фёдоровича, бывшего заведующего Районо, Заслуженного учителя РСФСР, ветерана Великой Отечественной войны пригласили преподавать историю в новую Курагинскую СШ № 1. 3 октября 1983 г. здесь вновь открылся музей. В 1984 г. Постановлением бюро Курагинского райкома КПСС и исполкома райсовета музею присвоено звание «Районный краеведческий музей на общественных началах». Направлял работу музея утверждённым райисполкомом Совет музея, состоящий из учителей, ветеранов войны и труда. Председателем назначен Еськин И.Ф. В школе был и второй Совет музея, состоящий исключительно из учащихся – активистов музея. В 1984-1985 гг. Районный краеведческий музей принимал участие во Всероссийском смотре работы школьных музеев боевой и трудовой славы и был представлен к награждению. Иван Фёдорович Еськин руководил музеем до 1990 г., возродив и пополнив фонды музея, он остался в памяти курагинцев (умер в 2008 г.) как продолжатель дела Чилеева. В 1995 г. районный музей переехал в здание старой почты, памятник архитектуры кон. XIX в., бывший торговый дом купца и золотопромышленника Н.П. Пашенных. В 1999 г. после ремонта, состоялось торжественное открытие и празднование 35-летия музея, на которое Чилеева Н.В. пригласить просто забыли. Курагинский районный краеведческий музей последнее десятилетие сотрудничал только в основном с Еськиным И.Ф., а Чилеева не тревожили, им не интересовались. Сегодня он живёт в с. Шалоболдино Курагинского района, в общественной жизни и музейной деятельности участия не принимает, переболело всё...

У историко-краеведческого музея с. Берёзовского своя история и своя судьба. Не каждая деревня или село в нашем крае имеют свой «музей истории села». Да ещё и специально построенный для него Дом. Березовский музей также как и Курагинский берёт начало своего создания со школьного музея.

В 1948 г. Кулигина (Климкина) Екатерина приехала по распределению в родной Курагинский район учителем истории и географии в Берёзовскую семилетнюю школу. Свой первый учебный год молодая учительница начала с организации историко-краеведческого кружка, положившего начало созданию

школьного музея. Юные краеведы помимо письменных источников собирали у старожилов и жителей села предметы прикладного искусства, быта, ходили с учительницей в походы по партизанским тропам. Екатерина Михайловна своим энтузиазмом, целеустремлённостью, любовью к истории и краеведению объединила самых активных и любознательных мальчишек и девчонок. Это их заслуга в том, что 22 апреля 1963 г. в Берёзовской восьмилетней школе торжественно открылся первый в районе музей «Наше село».

Климкина Е.М. была награждена краевой грамотой «За организацию сбора материала для школьного краеведческого музея» и приглашена на юбилейные краевые чтения «Педагогические чтения» с выступлением на тему «Работа историко-краеведческого кружка». Музей стал любимым местом посещения ребят, жителей села

Судьба проверяла Екатерину Михайловну на стойкость и выдержку. Очень нелегко пережила она смерть своих двоих сыновей, и двух мужей. Семейные обстоятельства вынудили Екатерину Михайловну уехать из села в п. Большая Ирба, где она работала завучем школы и учителем истории. Вместе с директором школы Чилеевым Н.В., открыли краеведческий уголок по собранным ими материалам Ирбинского железодобывающего завода. В 1983 г., уйдя на пенсию, она вернулась в с. Берёзовское. Немного преподавала в школе и занималась музеем, который к тому времени был как «сирота» в большой семье. В 1984 г. была построена новая Берёзовская средняя школа, но директор школы места для музея там не нашёл. При переезде многое сломалось, потерялось, а всё что сохранилось, свалили в одну небольшую комнату в школе. Вот тут сердце Екатерины Михайловны не выдержало. Она не могла допустить, чтобы её детище кануло в лету, и погибла история села и его тружеников. Боль и обида привела её в Совет ветеранов войны. Был составлен комитет по спасению школьного музея. С этой просьбой ветераны, больше было не кому, отправились к директору совхоза «Уральский» В.С. Абрамову, убеждая его в необходимости создания сельского музея на базе полусохранившихся материалов школьного музея.

К кон. 1987 г. новое двухэтажное здание украсило главную улицу села. Экспонаты перевезли, и началось оформление экспозиций. Только Екатерине Михайловне да «Дневнику», куда она ежедневно заносила записи о проделанной работе ведомо, сколько дней и ночей провела она (с плохим зрением) над схемами, планами, эскизами, письмами, научно-исследовательской работой по каждому разделу экспозиции. На эту работу ушло десять месяцев и 23 октября 1988 г., Берёзовский сельский историко-краеведческий музей торжественно открылся. Директором сельского музея назначена Климкина Е.М. От посетителей не было отбоя. Весь район и гости края побывали в музее.

Ещё десять лет Е.М. Климкина отдала музейной работе, даже в тяжёлые годы перестройки музей не закрылся, ей помогали её единомышленники – ветераны, работая несколько раз в неделю бесплатно. Екатерина Михайловна вела кружок юного экскурсовода, большую общественную работу. Выступала на местном телевидении, работала внештатным корреспондентом районной газеты, была депутатом Берёзовского сельского совета и женсовета, лектором общества Знание. Годы неумолимо подкрадывались, трудиться с полной отдачей мешало портящееся с каждым днём зрение, и она стала подыскивать себе замену. С ноября 1999 г. открылась новая страница в истории Берёзовского музея. Екатерина Михайловна, отдав полвека краеведению, ушла на заслуженный отдых, как ей тогда казалось. Но не такой она человек, не смогла без любимого занятия – краеведения, продолжала работу на дому, помогая музею. А когда в 2006 г. в связи с принятием закона № 131 в культуре начались необратимые перемены, и в с. Берёзовском было решено отобрать у музея его здание и разместить там сельский совет, Екатерина Михайловна опять встала на его защиту. По улицам и организациям были собраны подписи в поддержку сохранения музея в его Доме, музея созданного односельчанами для своих детей, внуков и будущего поколения.

Музей сегодня является украшением села и района. Экскурсия по музею всегда начинается с истории основания музея и рассказом о Климкиной Е.М., к тому же музей стоит на месте бывшей старой школы и школьного музея.

В 2008 г. село отмечало два юбилея – 45 лет музею и 80 лет его основательнице. Вклад Климкиной в сбережение исторического и культурного наследия села и района не оценим. Она была награждена Знаком «За заслуги перед Курагинским районом» и Благодарственным письмом Законодательного Собрания края, Почётной грамотой Районного Совета депутатов и другими наградами. Она и сегодня ещё полна

энергии и сил (несмотря на проблемы со здоровьем), ведёт исследовательскую работу по восстановлению списков матерей, потерявших в годы Великой Отечественной войны трёх и более сыновей, и мечтает об установлении мемориальной плиты с их именами в районном Парке им. 40-летия Победы.

Два музея схожи своими судьбами, созданы учителями истории, честь им и хвала. Восстанавливали же ставшие вдруг ни кому нужные музеи, не молодое поколение педагогов, директоров, а старая гвардия ветеранов, педагогов и ветеранов войны. Как много зависело в то время, да и сейчас от тех, кто принимал в руки бесценный дар созданного ими наследия. Любое неверное слово, некорректное отстранение их от работы, невнимательность оборачивалось обидой на долгие годы. В Курагинском музее нет выставки, посвященной истории создания музея, его основателю и сегодня музей пытаюсь наладить контакт с Николаем Васильевичем. Он уже начал собирать для музея свой личный архив, а значит, поделится своим опытом, памятью и новыми краеведческими находками для родного музея.

18 декабря 2009 г. Курагинский районный краеведческий музей будет отмечать свое 45-летие и чествовать основателя Чилеева Н.В.

Литература

1. «Внеклассная работа по истории». (Краеведение), Издательство «Просвещение», 1975 г.
2. Архив Курагинского районного краеведческого музея
3. Архив Историко-краеведческого музея с. Берёзовское

2009

Л.Ю. Китова, г. Кемерово
М.А. Дэвлет, г. Москва

Воспоминания В.П. Левашевой о работе в Минусинском музее

Варвара Павловна Левашева (1901-1972), ученица В.А. Городцова, приехала в Сибирь после окончания археологического отделения факультета общественных наук МГУ. В ее сибирской деятельности можно выделить два периода: Омский (1926-1929) и Минусинский (1929-1946). Эти 20 лет стали основополагающими для формирования В.П. Левашевой как специалиста. В Сибири произошло становление Левашевой в качестве опытного археолога и музейного работника. С ее именем связаны первые систематические археологические исследования в Омском Прииртышье, она возобновила археологическую деятельность Минусинского музея. Воспоминания В.П. Левашевой о работе в Минусинском музее, были записаны М.А. Дэвлет 15 июня 1960 г. в Москве.

Специалистов-археологов или людей, увлеченных археологией, тогда в музее не было. Директором музея был В.Д. Кожанчиков, ученый-энтомолог, очень образованный человек, приехавший в Минусинск перед Первой мировой войной из Петербурга, да так и оставшийся в Сибири. Научные сотрудники: Семен Романович Цыганков и Феодосий Петрович Кравченко окончили оба учительскую семинарию в Минусинске, увлекались энтомологией, Цыганков курировал также и гуманитарные отделы.

В 1924 г. В.А. Городцов по заданию Главного управления научными учреждениями Народного комиссариата просвещения проехал с инспекционной поездкой по ведущим сибирским музеям. Он должен был проконтролировать деятельность археологических отделов музеев Иркутска, Красноярска и Минусинска, ознакомиться с археологическими раскопками, ведущимися в окрестностях названных городов, а также помочь составить на местах планы систематических научных исследований.¹ По мнению В.А. Городцова Минусинский музей также был «музеем мирового значения, но дело археологических исследований при этом музее захирело».² Он обнаружил жалкое состояние археологических коллекций в Минусинском музее и в нелицеприятной форме раскритиковал за экспозицию и хранение фондов древностей директора В.Д. Кожанчикова. В.А. Городцов настоятельно рекомендовал расширить экспозиционную площадь археологического отдела и увеличить количество экспонатов в экспозиции. В Минусинском музее после критики Городцова был освобожден самый большой зал, в котором были

выставлены археологические находки. Также В.А. Городцов посоветовал сотрудникам музея использовать новые подходы при систематизации археологических предметов. С.А. Теплоухов уже создал классификацию культур Минусинского края и необходимо было ее применить при создании новой экспозиции. После посещения Городцова археологическая экспозиция музея строилась согласно типологической классификации С.А. Теплоухова. Выставляли материал С.Р. Цыганков и Ф.П. Кравченко. Сделанная ими экспозиция простояла около года.

В.П. Городцов инспектировал и систему хранения археологических коллекций в Минусинском музее. При Н.М. Мартьянове бронзовые и железные вещи разносились по разным спискам. На планшетах ставился номер находки, название, место находки. Археологический материал в Мартьяновское время подбирался типологически. В основном получалось так, что тагарские, карасукские и предметы других археологических культур находились на отдельных планшетах. В.П. Левашева рассказывала: «После распоряжения В.А. Городцова Цыганков завел инвентарные книги по разделам: камень, бронза, железо, а Ф.П. Кравченко сфотографировал предметы. Для того времени это была прекрасная система хранения».

В сентябре 1929 г. директором Минусинского музея был назначен Александр Васильевич Харчевников, окончивший в 1915 г. Харьковский университет, преподававший в течение 1915-1928 гг. в разных учебных заведениях Читы, имевший опыт работы в Читинском музее. Он был дважды в 1923 г. и в 1926 г. командирован в Москву и Ленинград для более глубокого изучения музейного дела. В 1928 г. А.В. Харчевников переехал в Омск, где недолго исполнял обязанности директора Западно-Сибирского музея, в котором в тот период трудилась В.П. Левашева. С сентября 1929 г. и до ареста в октябре 1937 г. он руководил Минусинским музеем.³ В воспоминаниях 1960 г. В.П. Левашева не говорит о Харчевникове, т.к. он был репрессирован. Однако когда она переезжала в 1929 г. в Минусинск, то хорошо знала, под руководством какого человека будет трудиться. Переезд А.В. Харчевникова в Минусинск повлиял на переезд В.П. Левашевой, хотя главная причина ее отъезда была другой. В Омске в 1928-1929 гг. В.П. Левашевой стало трудно работать, ее деятельность и деятельность музея постоянно критиковали. Особенно тяжело В.П. Левашевой пришлось, когда в 1929 г. был арестован директор Омского музея Ф.В. Мелехин и она – одна из немногих, кто вступился за него. В.А. Городцов и Н.К. Ауэрбах, исполняющий в тот период обязанности ученого секретаря Общества изучения Сибири, подбадривали ее. Московская секция ГАИМК предложила вступить Левашевой к ним сотрудником.⁴ Видимо, кто-то из ближайшего окружения, В.А. Городцов или С.В. Киселев посоветовали ей переехать в Минусинск. Там было обширное поле деятельности, в окрестностях много памятников и уже известный директор. Минусинскому музею нужен был опытный археолог-музейщик.

В Минусинском музее В.П. Левашева проработала заведующей археологическим отделом 16,5 лет с 19 декабря 1929 г. по май 1946 г.⁵ Почти сразу она занялась переустройством археологической экспозиции и обработкой археологических материалов. До нее в музее некоторые поступления при хранении в фондах разрознивались. Так, например, Брагинский клад – серпы и кельты находились в разных местах. Тюхтятский клад также был разрознен: удила и кинжалы – железные предметы хранились в одном месте, украшения – в другом, остальные предметы – в третьем месте. Только с приходом в музей В.П. Левашевой предметы кладов стали собираться воедино, однако не всё их количество удалось установить. Одной из основных задач в работе Варвары Павловны было создание единой системы учета коллекций. В 1920-е гг. Цыганков не успел заинвентаризовать железные предметы из археологических фондов музея. Прежние инвентарные книги В.П. Левашева решила оставить. За основу были взяты инвентаризационные списки по бронзе. Железо решили инвентаризовать с первого номера и ставить дополнительно крест. Комплексы железных находок шли в основную инвентарную книгу, которая была продолжением инвентарной книги по бронзе. Когда В.П. Левашева описывала археологические находки из железа, она оставляла старые номера, они помогали разобраться в материале.

Зимой 1930 г. В.П. Левашева взялась и за перестройку археологической экспозиции. Сначала точно рассчитала, сколько места отвести в экспозиции под каждую археологическую культуру. Затем в течение 1931-1933 гг. она составила тематико-экспозиционный план (ТЭП) и построила новую экспозицию

археологического отдела. Каждое лето Левашева проводила археологические изыскания, писала отчеты о проведенных исследованиях, обрабатывала новые материалы.

В 1933 г. Минусинский музей обследовала комиссия из Новосибирска, в составе которой был археолог Пемакин. Он только что окончил университет и начал работать инспектором. С музейной работой Пемакин не был знаком, тем не менее, при осмотре археологической экспозиции сразу негативно ее оценил. Его главное замечание состояло в том, что в экспозиции Минусинского музея использовано слишком много подлинного материала, а историзм, по его мнению, был основным недостатком экспозиции. Левашева вспоминала, что Пемакин начал даже вносить поправки в датировки археологического материала. Он пытался скорректировать датировку материалов с Афонтовой горы. В этом случае В.П. Левашева с ним резко не согласилась, предложив делать замечания только по методике экспозиции, а отнюдь не по научной разработке тем. Она показала ему статьи В.И. Громова и Н.К. Ауэрбаха о стоянках на Афонтовой горе, так что Пемакину пришлось с ней согласиться. Тем не менее, комиссия из Новосибирска оставила разгромное заключение по экспозиции. Тогда В.П. Левашева отправила тематико-экспозиционный план на отзыв в ГАИМК. Оттуда был получен положительный ответ. На следующий год Новосибирский музей пригласил В.П. Левашеву строить археологическую экспозицию и просил прислать тематико-экспозиционный план Минусинского музея.

В очередной раз перестраивали археологическую экспозицию в 1936-1937 гг., но больше не по содержанию, а по форме. Музей готовился к Международному геологическому конгрессу 1937 г., проходившему в Ленинграде, участники которого должны были приехать в Минусинск для знакомства с музеем, в первую очередь с археологическими и геологическими находками. Музею выделили средства, и в связи с этим можно было заменить кустарно изготовленные планшеты на щиты, обтянутые холстом, и поместить их в витрины. Как вспоминала В.П. Левашева: «В это время в моде был отказ от планшетов. Витрины и щиты обтягивали суровым холстом, экспонаты прикреплялись без планшет. Мелкие экспонаты прикреплялись при помощи булавок, у которых «откусывались» головки. Этикетки писали по трафарету, т.к. не было художника, и помещали их под стекло. Н.И. Тропин (один из старых музейщиков, работавший еще с Н.М. Мартыновым – авт.) говорил, что это «масло масленое» – помещать под стекло этикетку в застеклённой витрине, но зато это выглядело аккуратно».

После ареста А.В. Харчевникова в октябре 1937 г. директором музея был назначен Александр Николаевич Устинов, человек малосведущий в музейном деле. В период очередной проверки музея Московской комиссией во главе с Врочинской из ГИМа было сделано замечание о том, что отсутствие рабовладельческой формации в экспозиции Минусинского музея противоречит Энгельсу. Устинов приказал открыть в экспозиции тему по рабовладению, и В.П. Левашевой пришлось превратить таштыкскую культуру в рабовладельческую формацию. Однако она как ученый археолог на этом успокоиться не могла и послала в 1938 г. тематико-экспозиционный план музея в Москву в Институт истории материальной культуры на третейский суд. От Института ТЭП послали в двух вариантах на отзыв в ГИМ. Вскоре Минусинский музей получил заключение за подписью Врочинской: «Рабовладельческую формацию закрыть». При А.Н. Устинове очень трудно было заниматься научными изысканиями. Он считал недопустимым, чтобы сотрудник музея мог провести самостоятельную научно-исследовательскую работу.

Перед Отечественной войной исполняющим обязанности директора временно был назначен Е.Ф. Гушин. Когда началась война, он заявлял, что «музей надо закрыть на ключ, ключ в карман, а всех распустить». В.П. Левашева считала, что в период войны музей должен вести пропаганду патриотизма.

В кон. 1941 г. директором Минусинского музея был назначен старый учитель Иссинский. По словам Левашевой человек малодетельный, однако, большого вреда не приносил. Будучи директором музея Иссинский предложил, чтобы в газетах 1930-х гг. искали карикатуры, перерисовывали их и выставляли в окнах музея. Бронзу Иссинский предложил сдать в утильсырьё для переливки на орудия. Варвара Павловна собрала килограмм беспаспортных обломков древностей. Она и другая сотрудница музея М.Ф. Андреева (по словам Левашевой с незаконченным средним образованием, но разумная) были в ужасе. В.П. Левашева и завотделом природы В.П. Соколова (второй человек в музее с высшим

образованием) написали о задании директора музея в вышестоящую организацию, но ответа не получили. Тогда в апреле 1942 г. Левашева подготовила и прочитала для коллектива музея лекцию о бережном отношении к вверенному им государственному достоянию. Большинство сотрудников музея имели очень небольшой опыт работы в музее и среднее или незаконченное среднее образование. Варваре Павловне пришлось им как школьникам рассказывать о том, что «экспонаты – это основа музея и всей музейной работы. ... Экспозиция, правильный показ музейных экспонатов – это одна из отраслей общегосударственной политико-просветительной работы. ... Для правильного показа экспонатов музей должен вести большую и сложную научно-исследовательскую работу по разным отраслям наук». Особо она остановилась на роли фондов в музейном деле: «Музей, не имеющий фондов, – это все равно, что школа без учебников. Это бедный слабый музей». На примерах коллекций из различных фондов музея Левашева показала необходимость их сохранения в годы войны.⁶ Вопрос об утилизации древних металлических изделий больше не ставился. Вскоре Иссинского по партийной линии перевели в ЛИТО.

В годы войны из Красноярска в Минусинск приехали А.В. Китайкина и Т.Ф. Маркова. После перевода Иссинского Тамару Фёдоровну Маркову назначили директором. Как вспоминала Левашева: «Т.Ф. Маркова, окончив педтехникум, преподавала по Шестакову (автор догматичного и схематичного учебника по истории – авт.) историю в младших классах и считала себя историком. Первоначально ей было очень сложно, т.к. она ничего не понимала в музееведение, не знала, какими делами заниматься и следила только за внешней дисциплиной». Но постепенно Т.Ф. Маркова вошла в курс дела. Она настойчиво ходатайствовала о возвращении социалистического отдела, и руководство позволило его вновь открыть, и всё восстановить. В.П. Левашева считала, что этот отдел принес много пользы в годы войны. Когда воинские части офицеров с фронта направлялись в Минусинск отдыхать и учиться, то все занятия с офицерами политрук проводил в музее.

Свою последнюю экспозицию в Минусинском музее Варвара Павловна создавала в 1957 г. В.П. Левашева, в тот период старший научный сотрудник ГИМ, в порядке оказания помощи провинциальным музеям была командирована в Минусинский музей для работы по реэкспозиции отдела дореволюционного прошлого (до XVII в.). Впечатление от знакомства с состоянием музея у нее было нерадостным. По ее словам: «В деятельности музея чувствовался большой упадок, вызванный строительством нового здания, которое по завершении работ заняли под Совпаршколу. Музейное помещение, к которому делалась пристройка, было приведено в нежилое состояние. Отсутствовали полы, отопление, была сломаналестница и т.п. Для посетителей открыт лишь один отдел дореволюционного прошлого, находящийся в своем прежнем помещении на 2-м этаже главного здания. Однако и этот единственный открытый для посетителей отдел посещался очень плохо, посетители постоянно выражали недовольство состоянием музея».

Необходимость реэкспозиции была вызвана тем, что со времени разработки последнего ТЭП (1936-37 гг.) накопилось много новых археологических материалов, изменились некоторые методические подходы к строительству экспозиции. С 1946 по 1957 г. в музее большую часть времени не было специалиста-археолога, и при неоднократно производившихся перестановках витрин и перемещении экспонатов были допущены грубые ошибки в представлении артефактов и испорчена архитектура зала, которая разрывала единую линию экспозиции.

Новый ТЭП В.П. Левашева разработала в Москве. При его создании она учла все изменения в датировках. В прежней экспозиции по объему информации над всеми периодами довлела тагарская культура, таштыкская культура была представлена очень аморфно. Левашева посоветовалась с Л.Р. Кызласовым о том, какой материал взять из фондов и создала совершенно новую экспозицию таштыкской культуры. Было введено несколько новых тем и по другим периодам. Каменные изваяния перенесены из павильона в зал. Для того чтобы была лучше выдержана линия осмотра из экспозиционных залов убрали шкафы-бегемоты. Витрины были заново размещены с учетом маршрута экскурсии, наибольшего использования выставочной площади, наиболее выгодного освещения.

За 20 лет работы в Сибири она с шефской помощью приезжала в Красноярский и Абаканский музеи. Эти музеи она называла двоюродными. Минусинский музей и после отъезда в Москву для нее оставался родным, слишком много сил и души она вложила в его создание и в сохранение и приумножение его коллекций.

Примечания

- ¹ РИМ, ОПИ, ф. 431, д. 255, л. 105
- ² РИМ, ОПИ, ф. 431, д. 376, л. 15-16
- ³ Архив МКМ, ф. 1, оп. 1, д. 356, л. 1-8
- ⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 431, д. 411, л. 16-17
- ⁵ Архив КККМ, ф. 1827, оп. 1, д. 584, прилож., л. 3
- ⁶ Архив ММ, ф. 1, оп. 6, д. 1, лл. 1-4

Литература

1. Дэвлет М.А. Очерк комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея (1877-1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. – М., 1963. – Вып. V. – С. 327-372.
2. Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920-1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск, 2007. – 272 с.
3. Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – сер. 30-х гг.). – Воронеж, 1986. – 286 с.

2009

Л.А. Кудельская,
г. Минусинск

В моей квартире собраны миры (книги В. А. Ковалёва в собрании научной библиотеки Мартьяновского музея)

Научной библиотеке музея им. Н.М. Мартьянова – 130 лет. Возникнув вместе с музеем, она непрерывно пополнялась и сейчас насчитывает более 124 тыс. ед. хр. Всегда были люди, которые дарили музею книги. Это сотрудники, гости музея, минусинцы, учёные, писатели. Дарили и личные библиотеки как, например, купец Георгий Павлович Сафьянов, Иван Тимофеевич Савенков, бывший директор музея (1908-1911 гг.).

Но самая большая личная библиотека, которая была передана музею это библиотека В.А. Ковалёва, который возглавлял музей бесценно 28 лет (1971-1999). Музей принял в дар библиотеку в 1999 г. от семьи Ковалёва. Библиотека заняла достойное место в фонде книгохранения. Книги расставлены по темам и отражены в картотеке, а также в алфавитном и систематическом каталогах.

В течение 2009 г. была проведена работа по изучению книжного собрания В.А. Ковалёва. Изучался состав библиотеки, дарственные надписи, пометки на книгах, эксlibрисы.

Не многие знают, что домашнюю библиотеку Владимир Алексеевич собирал на протяжении 40 лет. Она насчитывает около 8000 экземпляров (в т. ч. 352 журнала), разносторонняя по содержанию и по тематике. В основном, книги датируются втор. пол. XX в., но есть образцы книгопечатания кон. XIX – нач. XX вв. Библиотека включает в себя буклеты, открытки, пластинки.

Самый большой отдел библиотеки Ковалёва – это отдел художественной литературы, в котором русской и советской литературы – 993 экз., зарубежной и древнего мира – 931, литературы народов СССР – 128, по естествознанию – 895, истории – 796, искусству – 696, литературоведению – 573, географии – 411, философии – 288, технике – 185, религии – 181, археологии – 181, этнографии – 95. Есть книги и другой тематики.

В отделе художественной литературы – романы и повести, изданные в сериях: «Всемирная история в романах», «Слава России», «Золотая летопись России», «Исторические повести». Много фантастики, поэзии, публицистики, драматических произведений, фольклора, книг серии «Литературные памятники», мемуарной литературы (воспоминания русских писателей, декабристов, революционеров, белогвардейских офицеров царской армии и др.).

Исторический раздел содержит книги по всем разделам истории: древнейшей, новой и новейшей, русской и зарубежной. Это один из наиболее полно, многогранно и интересно подобранных разделов. Хорошая подборка книг по истории Сибири, края, начиная с XVII в., по декабристскому движению в Сибири, о ссыльных. Имеются сочинения русских историков: Н.М. Карамзина, В.О.Ключевского С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, В.Н. Татищева, Г.В. Вернадского, А.А. Зимины, Н.В. Устюгова и др.

Книги археологического и этнографического отделов, о жизни народов Сибири, Тувы, Хакасии, Монголии, Бурятии в прошлом и современности.

В отделе искусства – литература по живописи, музыке, графике, скульптуре, архитектуре, декоративно-прикладному искусству, театру, фото и киноискусству. Литература о деятелях искусства, о памятниках деревянного зодчества, о городах и музеях мира.

Объем справочной литературы разнообразен: энциклопедии, и т.п. Книги популярной серии «Эврика» знакомят с основами естественных наук, таких как геология, биология, физика, химия, астрономия, математика, с жизнью и деятельностью учёных. Подробно представлен растительный и животный мир Красноярского края и Саян. Книги по краеведению во всех отделах библиотеки Ковалёва.

Пополнялась библиотека Ковалёва по-разному. Собирать книги Владимир Алексеевич начал ещё со студенческих времён, с 1950-х гг., когда еще жил в Ростове-на-Дону и учился в университете. Библиотека продолжала пополняться и в Красноярском крае, куда он с семьёй переехал осенью 1958 г. Книги Владимир Алексеевич покупал везде, где ему приходилось бывать – в Ростове-на-Дону, Москве, – в многочисленных деловых поездках, в местах отдыха и лечения. Об этом мы узнаём из надписей, сделанных рукой В.А. Ковалёва на титульных листах книг.

Книги В.А. Ковалёв, в основном, покупал, но были и другие каналы поступления книг в личную библиотеку. Это подписка на издания. Много книг дарилось Владимиру Алексеевичу, во время его работы директором музея. Это и авторские экземпляры писателей, и издания – подарки от известных людей, исследователей, учёных, краеведов, деятелей культуры и искусства.

Часть книг – это материалы научно-практических конференций, в которых Владимир Алексеевич принимал участие. Также он привозил книги из Красноярской краевой научной библиотеки, которая передавала их в дар Минусинскому музею.

В библиотеке Ковалёва есть раритетные издания – редкие и старинные книги, которым насчитывается 100 и более лет. Таких книг религиозного содержания со старославянским шрифтом более 60 экз. Темы разные. Книги были переданы Ковалёву старообрядческой церковью, семьей Ведерниковых. Часть книг попало в библиотеку Ковалёва благодаря его дружбе с красноярским библиофилом Иваном Маркеловичем Кузнецовым, с которым Владимир Алексеевич долгие годы находился в переписке. Кузнецов И.М. имел огромную домашнюю библиотеку, в которой также были старинные книги. Они обменивались изданиями.

Изучая библиотеку, обращает внимание, что на многих книгах стоят дарственные надписи. Вот некоторые, наиболее интересные из них: «Хранителю памяти народной земли Минусинской» – от поэта В. Вощенкова. «Геологу, поэту, доброму человеку, ценителю творчества» – сибирская поэтесса Т. Арчинова, «Подвижнику, собирателю и хранителю, человеку очень русскому по духу, равнодушному к судьбе Отечества.» – от писателя Н. Гайдука, «Другу, соратнику по фронту культуры, поэту» – от Г. Сысолятина, «Хорошему человеку, геологу, историку» – писал Яков Кумок, «Знатоку наших Саянских белогорий» – А.А. Шадрин, «Спасителю русско-сибирской культуры и истории и всего прочего» – В. Арманов), «Прекрасному человеку и литератору, поэту и историку» – эвенкийский поэт А. Немтушкин, «Дорогому нашему консультанту, мудрому краеведу в Сибири» – тувинский писатель, учёный-этнограф, Монгуш Кенин-Лапсан, «Вове Ковалёву, ПолуПоэту, ПолуГеологу, ПолуДиректору»

– такую надпись оставил абаканский художник и поэт В. Капелько Дарственные надписи на книгах Ковалёва оставляли учёные В.Р. Яценко, Ю.Алёхин, Ю. Вигоров, В.Я. Бутанаев, Л.Р. Кызласов, И.Л. Кызласов, Н.В. Леонтьев, М.А. Дэвлет. Художники: В. Капелько, В. Бутанаев. Дарственная надпись есть от сына Василия Яна, внука основателя музея – Н. Е. Мартьянова. Имеются и другие надписи: «В библиотеку музея. Ковалёв». Что говорит о том, что директор музея никогда не забывал о библиотеке музея, её он тоже пополнял.

Многочисленные галочки на полях, подчёркивания красным и другими карандашами цитат, целых абзацев книг, фамилий, каких-то краеведческих сведений говорит о вдумчивом прочтении книг Ковалёвым, о значимых для него в книге местах.

Как и всякий крупный библиофил В.А. Ковалёв имел свои книжные знаки – экслибрисы. Было найдено 5 книжных знаков Ковалёва. Есть примеры, когда на обложке стоят все четыре знака. Экслибрис «Sibirica BK» стоит на книгах 1973-1988 гг. издания. В библиотеке музея формировался специальный отдел «Сибирика» и имел непосредственное отношение к основателю Минусинского музея.

Экслибрис в виде герба из листьев – более ранний и ставился на книгах Ковалёвым в 1960-х гг. В зрелом возрасте у него появился экслибрис «Библиотека В.А. Ковалёва. Минусинск» и его проставляли абсолютно на всех книгах, которые полной коллекцией поступили в фонд библиотеки музея. Печать «Ковалёв В.А.» – отдельная, которую он ставил вдоль переплёта книги или под другими экслибрисами.

Владимир Алексеевич увлекался поэзией. Его стихи печатали в сборниках «День поэзии», в краевых газетах. Возглавлял он литературный кружок в Минусинске. В 2005 г. к 70-летию В.А. Ковалёва музей при финансовой поддержке Алексея Ковалёва (сына Владимира Алексеевича) выпустил сборник стихов «Есть невозможность жить иначе». Писал Ковалёв и книги. В 1986 г. вышла книга «Минусинск», в написании которой, наряду с другими авторами, принимал участие Ковалёв.

Когда Владимира Алексеевича в июле 1999 г. не стало, его библиотека была вывезена из дома в музей. Квартира оказалась практически пустой без книг. Для любимого музея Ковалёв сделал очень много. Он оставил не только хорошую память о себе, но и громадную по объёму и уникальную по познавательной значимости библиотеку с богатым собранием материалов. Библиотека значительно обогатила собрание научной библиотеки музея, разнообразила тематику. Она пользуется спросом не только у сотрудников музея, но и у сторонних исследователей.

2009

М.В. Москвитина,
г. Минусинск

Работы красноярских художников в собрании музея им. Н.М. Мартьянова

Художественный фонд Минусинского музея составляет около 2500 предметов. Первоначально он составлял часть историко-бытовой коллекции. В июне 1988 г. художественная коллекция выделилась в отдельный самостоятельный фонд с разделением на живопись, графику, скульптуру и предметы декоративно-прикладного искусства.

Формирование художественного фонда началось с первых лет существования музея. Многие художественные полотна были переданы музею меценатами и жителями Минусинска. Среди них – портреты Иннокентия Иркутского и митрополита с орденом Андрея Первозванного (XVIII в.) неизвестного автора, работа известного красноярского художника XVIII в. Мартына Хозяинова «Поругание Христа» (переданные Минусинской Спасской соборной церковью на открытие первого корпуса музея в 1890 г.). В 1894 г., в честь 50-летия основателя музея Н.М. Мартьянова иркутским меценатом И. Сибиряковым, были подарены картины «Байкал ночью» Н.Ф. Добровольского и «Станция Крюково» А. Коржавина.

В 1920-1940-е гг. художественная коллекция пополнилась большим количеством икон из разрушенных и закрытых церквей юга Красноярского края и г. Минусинска. Начиная с 1950-х гг. она

расширяется благодаря новым поступлениям из отделения художественного фонда Красноярского края и из Красноярского общества «Художник».

В 1980-х гг. Московской организацией живописного искусства в музей передана серия работ советских художников. За несколько десятилетий в художественном фонде сформировалась целая коллекция картин, принадлежащих кисти красноярских художников.

В музее хранятся работы Лаврова Георгия Дмитриевича, скульптора, заслуженного художника РСФСР. Лавров Г.Д. родился 1 мая 1895 г. в с. Назимово Енисейского уезда Енисейской губернии. Учился в рисовальной школе (1910-1912 гг.) и в Парижской академии художеств Жульена (1927-1935 гг.), в академии «Гранд Шамьер» у Бурделя (1927-1935 гг.). Жил и работал в Красноярске с 1945 г. по 1952 г. Умер в Москве в 1991 г. В музее 2 его работы: модель памятника Василия Сурикова и скульптурный портрет вирусолога Суриной.

Коллекция живописи и графики составляет более 200 работ членов союза художников России Красноярской организации – всего 35 художников. Среди них наши земляки. Прежде всего, Пономарева Любовь Николаевна (1948-2006 гг.). Ее называют мэтром минусинской живописи. Участвовала во многих выставках: городских, региональных, краевых. За участие во всероссийской выставке в Москве в 1976 г. удостоена премии Ленинского комсомола и принята в члены Союза художников России. В музее 11 работ художницы – портреты, пейзажи, натюрморты.

Владимир Феофанович Капелько (1937-2000 гг.), заслуженный художник РФ. За 40 лет творческой деятельности создал несколько тысяч живописных и графических работ. Его выставки организовывались в России и за рубежом. В музее 6 его работ: пейзаж «Гора Куныя», этюд «Тепсей» и большая совместная работа с Горенским Геннадием Георгиевичем «Партизанская могила».

Бондин Сергей Васильевич, выпускник Суриковского училища, а в 1992-1993 гг. обучался в высшей школе искусств в Швеции. Там же издан альбом с работами художника, большой художественный календарь за 1994 г., книга-сошэ «Спроси у ветра» на шведском языке с рисунками автора. В музее 9 работ: это и образ любимого города, и история города (картина «Минусинск начала XX века», выполненная на заказ к открытию выставки «Город, в котором хочется жить»).

Самый титулованный художник, чьи работы имеются в музее – Тойво Васильевич Ряннель. Народный художник РФ, Действительный член Петровской академии наук и искусств, Почетный академик Международной академии Туризма России, Действительный член географического общества России. В музее 7 работ художника. Ранняя работа «Портрет Пантелеева и Турбина», была передана музеем самим автором. Картина «Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС» была подарена Исполкомом Край Совета в 1973 г. трудящимся Минусинска к 150-летию со дня основания города. Картина «Карлов створ» поступила из Красноярского художественного фонда и три работы переданы автором в 1980-е гг.: «Исток перевала Буйбы», «Борус. Цветет багульник», «Саянский дождь».

Некоторые работы в 1970-80-х гг. были приобретены (по перечислению) для музея предприятиями г. Минусинска. Это работы Калинина Александра Федоровича, Климанова Алексея Яковлевича, Довнара Антона Аркадьевича (засл. худ. РСФСР).

В 2009 г. к 75-летию Красноярского края, в процессе подготовки выставки «Палитра Красноярья», подготовлен проект издания каталога «Работы красноярских художников из собраний Минусинского музея».

Литература

1. Л.В. Шумская, О.И. Миссинг. Минусинские художники. Минусинские художники (живопись). Абакан. 2007 г.
2. Художники Земли красноярской. Красноярск. 2007 г.

Деревянные часы в собрании Мартъяновского музея

Часы наши постоянные и неизменные спутники, без которых нам трудно представить свою жизнь. Они привычны и обыкновенны, пока не столкнешься с их интереснейшей историей.

В России в XVI в. появляются первые карманные часы. Вначале они имели лишь часовую стрелку, с XVII в. стали применять минутную стрелку, а примерно с 1760 г. – секундную.

В Минусинском музее хранятся уникальные карманные часы, корпус и детали которых, кроме пружины, выполнены из дерева. Это часы Российской фирмы «М.С. Бронников и сын», изготовленные в Вятке.

Эти часы заинтересовали автора, так как собственной часовой промышленности царская Россия не имела. Правда, еще в 1784 г. в местечке Дубровна (ныне Белорусь) была создана часовая фабрика-школа, в которой производство часов было организовано по мануфактурному типу. В 1793 г. фабрика была переведена в д. Купавно под Москвой. И хотя, качество изделий этой фабрики не уступало лучшим западноевропейским образцам, и ее часы оставались в распоряжении царского двора, она оставила заметного следа в развитии часовой промышленности России, т.к. вскоре после перевода из Белоруссии ее закрыли. В XIX в. часы в Россию либо импортировались, либо собирались на небольших сборочных предприятиях, принадлежавших в основном иностранным фирмам. Наиболее распространены были часы марки «Павел Буре», «Г. Мозер», «В. Габю», «Лангендорф» и др.

В результате поиска информации о часовой фирме «М.С. Бронников и сын в Вятке», выяснилось, что часы изготавливала династия мастеров Бронниковых из города Вятка.

Вятка, откуда родом мастера Бронниковы – лесной край, где дерево является основным строительным материалом. В этой местности зародился каповый промысел (кап – нарост на дереве). Кап употребляли для изготовления посуды, шкатулок, курительных трубок и прочих изделий. Кап, хорошо поддается обработке, не трескается, не ссыхается, не разбухает, не коробится. В нач. XIX в. за нарост капа весом более 8 кг (20 фунтов) платили до 50 руб., столько же стоил и породистый бык. Изготовлением изделий из капа занимались вяткинские столяр и токарь Иван Тихонович Бронников и сын его Семен Иванович Бронников. В 1837 г. Иван Тихонович получил предложение от организаторов первой губернской выставки: изготовить для демонстрации предметы своего ремесла. Ссылаясь на возраст, шестидесятилетний мастер отказался, но пообещал, что сын Семен «что-нибудь» подготовит. Спустя три месяца Семен Бронников поразил современников. Он представил не «что-нибудь», а исправно отсчитывающие минуты, созданные собственными руками миниатюрные часы: футляр, корпус, все механизмы, детали, стрелки, цепочка и даже заводной ключик были выполнены из капа. Их приобрел наследник престола, будущий царь Александр II. Так Семен Бронников занялся изготовлением диковинных часов. Впоследствии часы и детали к ним стали изготавливать из различных пород дерева таких как: орех, жимолость, пальма, закаленный бук. По сути, часы не могли конкурировать с более надежными и точными часами из металла, они использовались скорее, как редкие и дорогие подарки. Вскоре в отдельные механизмы часов стали устанавливать металлическую пружину для большей их долговечности. Часы делали на заказ, а стоили они дороже золотых. Три поколения Бронниковых на протяжении более 70 лет изготавливали диковинные часы. Высокое мастерство отца переняли сыновья Николай и Михаил, а также внук Николай Михайлович. Известно, что последний из династии, Николай Михайлович Бронников в 1909 – 1910 гг. переехал из Вятки в Москву, и по преданию, работал в торговом доме «Павел Буре», где карманные часы из дерева не производили.

Деревянные часы Бронниковы экспонировали на различных ярмарках, выставках, как в России, так и за рубежом. Неизвестно, доподлинно, сколько часов изготовили Бронниковы. В наст. вр. учтено около 50 штук. «Русскую диковинку» можно увидеть в разных музеях страны: Оружейной палате кремля, Политехническом и Государственном исторических музеях, Русском музее, Эрмитаже, в краеведческих музеях Кирова, Слободкого, Ангарска и мн. других, а также в частных коллекциях.

Исследования часов Бронниковых, хранящихся в разных музеях страны показало, что механизмы часов изготавливались вручную, от начала до конца. Все часы имеют разные размеры. Мастера Бронниковы подписывали свои часы. Это помогает отличить подделку от подлинника. Например, на крышках часов, из собраний Политехнического музея имеются надписи: «Бронниковъ въ Вятке», «М.С. Бронниковъ въ Вятке». В Кировском музее представлены часы с надписями «Братья Бронниковы въ Вятке». В 1994 г. на аукционе в Гонконге продавались часы с надписью «Бронниковы въ Вятке», оцененные в 1200-1400 швейцарских франков. В личной собственности коллекционера из Златоуста имеются часы «М.С. Бронников и сынъ въ Вятке».

На часах, хранящихся в мартьяновском музее, имеется точно такая же надпись: «М.С. Бронников и сынъ въ Вятке».

В Минусинском музее часы этой фирмы появились в 1985 г. Теперь Они были переданы в музей жительницей г. Минусинска Ольгой Лаврентьевной Петрашевой-Кабаленковой. Принадлежали часы её мужу Кабаленкову Вячеславу Николаевичу 1913 г. рождения, уроженцу г. Воткинска, республики Удмуртия. Хранил он их как память об убитом бандитами в 1917 г. отце. А так как республика Удмуртия по географическому положению находится не далеко от г. Вятки, где и находилась фирма мастеров Бронниковых, то вполне возможно, что часы, были куплены в Вятке.

Т. о., деревянные часы в коллекции мартьяновского музея являются подлинными часами, выпущенными на известной часовой фирме «Бронников и сынъ». Часовой механизм часов имеет металлическую пружину. Эти уникальные часы представлены на выставке «Старинные часы в собрании минусинского музея», которая открыта в музее Декабристов.

Литература

1. АМКМ, Ф. 1, О. 1, Д. 991, Л. 69.
2. Журнал «Мои часы», №4, 2003 г.
3. Либерман А.Л. Бронниковы из Вятки. – Наука и жизнь. – М., 1989, № 36. С.74-75.
4. Политехнический музей. Путеводитель. М. 1984г.
5. Хазан Г.Р. Истории вечной мгновенья. Концепция выставки. Архив Минусинского музея, 1994 г.

2009

Л.А. Осинская,
п. Шушенское

Деятельность музея-заповедника «Шушенское» по привлечению партнеров в сфере продвижения туристических услуг

На сегодняшний день одним из направлений деятельности музея-заповедника «Шушенское» является продвижение туристических услуг на туристическом рынке. Неуклонно сокращая финансирование музеев в целом, тем не менее, государство рассматривает индустрию туризма как перспективную отрасль экономики. Председатель Высшего Совета партии «Единая Россия», спикер Госдумы Борис Грызлов считает, что внутренний туризм в РФ может приносить ежегодно до 2% ВВП. Такое мнение он высказал, выступая на совместном заседании Высшего Совета и президиума Генерального Совета партии.

Очень сложно и в то же время очень важно, обозначиться в многогранном мире туристической индустрии. Сегодня у музея-заповедника «Шушенское» определился круг постоянных партнеров. Всего их 94. Из них 50 – постоянные партнеры, 24 партнера работают с музеем по долгосрочным договорам об экскурсионном обслуживании. Это туристические фирмы – 16; гостиницы, санатории, базы отдыха, оздоровительные лагеря – 20, учреждения образования (школы, колледжи, высшие учебные заведения) – 21, др. учреждения, организации, предприятия – 37. Наши партнеры представляют такие территории как Красноярский край, Республика Хакасия, Новосибирская область.

Формы привлечения партнеров разные. Это рассылка прайс-листов, информационных писем с сезонными предложениями, поздравлений с профессиональными праздниками. Это общение на туристических ярмарках, личные встречи в офисах партнерских организаций. При этом мы понимаем, что рекламный эффект прежде всего имеет предоставляемый нами качественный продукт, а это экскурсии, фольклорно-развлекательные программы, театральные представления и концертные выступления художественных коллективов музея. Обзорная экскурсия в нашем музее остается самой посещаемой. В летнее время она сопровождается демонстрацией старинных ремесел. Возрастает популярность мастер-классов по изготовлению народной куклы и игрушки из глины.

Особое внимание музей уделяет очному и заочному участию в туристических ярмарках. Представители музея ежегодно выезжают в г. Красноярск на Международную туристическую выставку-ярмарку «Енисей». Уже дважды сотрудники музея побывали в г. Абакане на туристической выставке-ярмарке «Туризм, спорт, отдых и развлечения в Хакасии».

Заочно музей участвует в таких туристических выставках-ярмарках как: «СИБ ИНВЕСТ», г. Красноярск; «ТУРСИБ», г. Новосибирск; «INWETEX-EXHIBITION», г. Санкт-Петербург; Московская Международная выставка «Путешествие и туризм»; «INTUR-MARKET», г. Москва; «ITB», г. Берлин.

На этих выставках-ярмарках Шушенский музей представляли турагентства г. Абакана и Новосибирской области. Музей-заповедник сотрудничает с Министерством туризма Красноярского края и Государственным комитетом по туризму Республики Хакасия.

Для партнеров специально создан информационный пакет услуг музея, в который входят: договор по экскурсионному обслуживанию посетителей, прайс-лист, краткое описание программ, описание художественных и творческих коллективов, различные информационные листовки (в том числе о музейных праздниках).

Одним из важных результатов партнерских отношений является включение посещения музея в программы региональных, межрегиональных, всероссийских и международных туров. Среди них такие как: «Саянское кольцо», «Малое Саянское кольцо», «Познавательное о Южной Сибири», «Культурно-познавательный тур по Хакасии», «Золотое кольцо Хакасии», индивидуальные туры.

Другое направление – это работа с финансовыми партнерами при подготовке и проведении на территории музея народных праздников «Широкая Масленица» и «Троица в деревне». Сегодня они имеют уже межрегиональный характер. Мероприятия затратные, требуется финансовая помощь и поддержка. Её нам оказывает администрация посёлка и наши партнеры-спонсоры. Суммы, которые выделяют, небольшие, но, как говорится, «с миру по нитке». Со своей стороны, музей не забывает поблагодарить их благодарственными письмами или через местную прессу.

Во время музейных праздников устраиваются ярмарки ремесел. В первых ярмарках принимали участие только шушенские мастера-надомники, инвалиды, пенсионеры, кружковые объединения. Качество продаваемых изделий было невысоким. Постепенно ярмарки, как и праздники, приобрели межрегиональный характер. Расширилось количество мастеров, сейчас их уже более 30, это представители Ермаковского, Шушенского, Минусинского районов, Республики Хакасия. Выросло и качество предлагаемых сувениров. Теперь уже мастера выступают как партнеры. Они являются не только украшением праздников, но и содействуют привлечению туристов из своих населенных пунктов. Выступают в качестве финансовых партнеров и «пиарщиков» – оплачивают бегущую строку на телевидении, публикуют статьи в газетах и журналах, приглашают на праздники родственников и знакомых. А «сарафанное» радио – очень мощное средство распространения информации.

И еще одно направление в работе с партнерами – это наполнение товаром музейной сувенирной лавки. Она прошла тот же путь, что и праздники. Начинали с продажи изделий шушенской сувенирной фабрики и поделок местных народных умельцев. Теперь с нами работают и профессиональные художники, и предприниматели. Качество и ассортимент продаваемых сувениров вырос. Товар музей принимает под реализацию. Несмотря на сезонность продаж, партнеры продолжают сотрудничество. Сегодня в ассортименте имеется продукция известных российских центров по производству сувениров.

Рады сотрудничеству с местными профессиональными художниками-мастерами прикладного творчества. Особенно приветствуем продукцию, непосредственно связанную с тематикой музея.

Что будет «завтра», загадывать сложно. Музей будет стараться не терять партнеров, расширять их круг, работать на взаимном интересе и взаимовыгодных условиях.

2009

Л.М. Салчак,
г. Кызыл

В.П. Ермолаев – организатор музейного дела в Туве

2009 год для Национального музея Республики Тыва стал юбилейным, ему исполнилось 80 лет. В связи с этой датой и оглядываясь в прошлое, нельзя не вернуться к истокам создания Тувинского музея, в котором немаловажную роль сыграл Владимир Петрович Ермолаев. Он родился 28 июля 1892 г. в с. Канско-Перевозинском Канского уезда Красноярской губернии, в семье ремесленных крестьян. В 1910-х гг. переехал в Красноярск, где любознательного юношу приняли на службу в местный краеведческий музей.

Как человек, интересовавшийся краеведением, фотофиксацией исторических событий Владимир Петрович был замечен лауреатом Нобелевской премии, путешественником и общественным деятелем Фритьофом Нансеном, который, будучи в 1913 г. в Красноярске, подарил юному Ермолаеву фотоаппарат, чем определил его увлечение фотографией на всю жизнь.

Из архивных материалов: письмо комиссара по делам Урянхайского края В.Ю. Григорьева Заведующему Устройством русского населения в Урянхае М.В. Шкунову по вопросу создания Урянхайского музея. Село Усинск 4 июля 1915 г.: «Написав Вам в прошедшем письме, что для Л.Л. Тугаримова (в то время директора Красноярского музея) и А.П. Ермолаева (брат П.П. Ермолаева) нужно 500 руб., я как вскоре же вспомнил, ввел Вас в заблуждение: нужны не 500, а по 500, даже 600 на каждого, – т.е. 1200 руб....» Оплатив только 500 руб. В.Ю. Григорьев с этим письмом отправляет группу в экспедицию, надеясь на финансирование Устройства русского населения в Урянхае. С этой экспедицией, с поддержки брата В.П. Ермолаев прибывает в Туву для сбора этнографического материала главным образом как местных урянхайцев, так и пришлого русского населения. Однако с началом гражданской войны в Туве, экспедиция возвращается в Красноярск и собранные материалы пополняют фонды Красноярского краеведческого музея. Но В.П. Ермолаева настолько заинтересовала самобытность, этнография тувинцев, что он стал постоянно жить Урянхайском крае с 1916 г., не прерывая научных связей с Красноярским краеведческим музеем.

Из архивных материалов: приказ № 76. Заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае Шкунова об определении на должность счетчика при статистическом обследовании Урянхайского края В.П. Ермолаева. г. Белоцарск 1916 г. С окладом в месяц 100 руб. и оплатой дорожных расходов в сумме 100 руб. В Туве он работает статистиком сначала в Переселенческом управлении, а при советской власти в краевом совете.

В 1924 г. при рытье оросительного канала в Подхребтинском районе (ныне Тандынский кожуун) были обнаружены остатки древних железоплавильных печей, а в 1925 г., организовали общество по изучению истории Тувы и ее древностей под названием «Кружок урянховедения», в составе были в основном русские поселенцы.

С 1925 г. В.П. Ермолаев принимал непосредственное участие в собрании первых экспонатов и создании Тувинского краеведческого музея, работая корреспондентом газеты «Красный пахарь». До 1929 г. в кружок поступили рукописные материалы от старожилов и бывших партизан о революционном движении и гражданской войне, предметы древности и сведения о памятниках старины. В то время не было условий для хранения предметов, поэтому многие из них терялись, портились. К ним также

относятся вещи исторического и художественного значения, конфискованные весной 1929 г. у салджаковского нойона после его смерти.

Перед Правительством и ЦК ТНРП ТНР возник вопрос о необходимости создания музея. Так 13 мая 1929 г. вышло постановление ЦК ТНРП «О создании Тувинского Государственного музея». Музей включал в себя три отдела: краеведческий, революционный и общеобразовательный. Указом комитета образования и культуры при Министерстве внутренних дел ТНР за подписью С.К. Тока директором Тувинского Государственного музея назначается Владимир Петрович Ермолаев, как человек знакомый с музейным делом, имеющий опыт работы, собравший большую коллекцию материалов по истории Тувы. Его руками были сделаны первые чучела животных и птиц Тувы, собраны разнообразные коллекции, представляющие большой научный интерес. Но одной из самых уникальных коллекций Тувинского краеведческого музея является коллекция фотонегативов Владимира Петровича. Его фотографии отражают жизнь и быт феодальной Тувы, гражданскую войну и борьбу за народную власть, становление промышленности и транспорта, развитие культуры и искусства в ТНР, участие в Великой Отечественной войне и т.д. В фондах тувинского музея до сих пор хранятся его негативы 4356 ед. хр.

В октябре 1929 г. Правительство ТНР при содействии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей предложило командировать В.П. Ермолаева в Москву и Ленинград для установления связей с научными учреждениями Академии наук СССР и музеями. При консульстве СССР в Кызыле представитель ВОКСа Шилин разослал письма в эти организации с просьбой оказать помощь Правительству ТНР в создании музея. В течение пяти месяцев В.П. Ермолаев посещал научные лаборатории, музеи, встречался с учеными, беседовал.

Письма ВОКСа и академика Ольденбурга помогли Тувинскому музею получить множество уникальных экспонатов и художественных произведений, включая 66 картин русских и западноевропейских живописцев из Русского музея и Государственного Эрмитажа, несколько скульптур, предметы старинного фарфора, коллекцию средневекового оружия. Зоологический музей передал чучела животных, птиц, мелких млекопитающих, насекомых, морских беспозвоночных. Минералогический музей АН СССР подарил коллекцию различных образцов минералов. Множество книг, фотографий, документов, репродукций, учебных пособий были переданы Историческим музеем, Государственным музеем им. В.И. Ленина, книжным издательством «Новая деревня» и другими организациям. Этот бесценный дар от Советского Союза для Тувинского Государственного музея был отправлен по железной дороге до Абакана, откуда санный обоз отправился в долгий путь в Кызыл, столицу ТНР. Морозный зимний февраль 1930 г. По Усинскому тракту из Абакана почти месяц движется обоз из двадцати подвод, с трудом преодолевая горные перевалы, снежные заносы в долинах рек. На передней подводе, закутавшись в большую овечью шубу, едет молодой В.П. Ермолаев. С крайней осторожностью подводы везут столь необходимый и бесценный груз для Тувинского Государственного музея.

Первое открытие экспозиции Тувинского музея состоялось в августе 1930 г. в небольшом домике из двух разделов: природы и истории.

В.П. Ермолаев был директором Тувинского Государственного музея с 1929 по 1934 гг., позднее – заведующим отдела природы и консультантом. В течение 45 лет он вел систематические фотосъемки природы Тувы, бытового уклада, занятий, промыслов коренного народа, различных событий в государственной и общественной жизни нашей республики. В нач. 1970-х гг. В.П. Ермолаев уехал к сыну в Абакан, где и скончался 1 апреля 1982 г.

В.П. Ермолаев также увлеченно занимался литературным творчеством, будучи внештатным корреспондентом со дня основания в 1924 г. газеты «Красный пахарь» (ныне «Тувинская правда»). Так на основе путевых заметок были опубликованы очерки «Странички из прошлого», напечатаны повести «Элескей», «Зарницы» и поэма «Легенда о Саине». О его доброте, отзывчивости, бескорыстности говорит тот факт, что он в годы Великой Отечественной войны передал две тысячи акша в Фонд помощи Красной Армии для постройки эскадрильи советских самолетов – истребителей от имени тувинского народа.

Его любовь к Туве, ставшей ему родной, снискала любовь и уважение среди простых людей, писателей, художников, собирателей и краеведов, общественных и государственных деятелей Тувинской АССР.

Указ Председателя Правительства Республики Тыва «О награждении сотрудников Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва» в честь 80-летия со дня основания музея за вклад в развитие музейного дела в Туве, изучение, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия народов Республики Тыва Ермолаева Владимира Петровича наградить Орденом Республики Тыва – первого директора Тувинского Государственного музея (посмертно). Председатель Правительства Республики Тыва Ш. Кара-оол. г. Кызыл 11 сентября 2009 г. № 201.

Литература

1. М. Татаринцева. Кандидат филологических наук. «110 лет со дня рождения Владимира Петровича Ермолаева». «Люди и события». 2002 г.
2. «Первый директор Тувинского музея» А.С. Хертек. Газета «Тувинская правда» от 18 мая 1990 г.
3. «Истории города в Центре Азии». Сборник архивных материалов. Нов. кн. изд., 2009 г.
4. «Тувинская правда» сентябрь 2009 г. Указ о награждении В.П. Ермолаева Председателем Правительства Р.Т. 2009

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Проект «Электронная библиотека» научной библиотеки Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова

В 2008 г. научная библиотека музея выиграла грант в конкурсе социокультурных проектов Фонда Прохорова «Новая роль библиотек в образовании», получивший название «Электронная библиотека». Сумма гранта составила 220 тыс. 439 руб., использовано было 207 тыс. руб., остальная сумма возвращена грантодателю. Программа была направлена на сохранение уникальных изданий научной библиотеки музея, которой в этом году исполнилось 130 лет.

При подготовке данного проекта ставилась проблема, о том, что преподаватели дисциплины «Краеведение» не имеют дополнительного материала по данной дисциплине.

Цель проекта – создание электронной систематизированной базы данных краеведческих материалов из фонда научной библиотеки музея в помощь преподавателям, учащимся, краеведам – для оперативного поиска сведений по истории родного края.

Работа по реализации гранта строилась по этапам:

1. Оформление договоров и финансовой документации и финансовый отчет.
2. Создание рабочего пространства. В помещении научной библиотеки была выбрана рабочая комната, где был сделан косметический ремонт, установлена и подключена оргтехника: компьютер, сканеры, произведен монтаж компьютерной сети. На головной компьютер (сервер) установлена библиотечная программа «ИРБИС». Второй компьютер установлен в читальном зале – для посетителей.
3. Отбор литературы осуществлялся по темам: «История края», «Литература (проза и поэзия)», «Природа», «Художественная культура». Было отобрано около 100 изданий, но в процессе сканирования некоторые издания были убраны (мягкий переплет при сканировании рвется). При отборе книг участники проекта ориентировались только на литературу на русском языке.
4. Перевод печатных изданий в электронный вариант. В первую очередь в электронный вариант заносились издания, находящиеся в ветхом состоянии и пользующиеся наибольшим спросом у посетителей научной библиотеки (История Сибири). Благодаря оборудованию, библиотечной программе,

приобретенных на средства гранта, научная библиотека музея сохранит для будущих поколений, в первую очередь, раритетные издания.

5. Публикация на РММЦ. На сайте Расширенного Межшкольного Методического Центра (при педагогическом колледже г. Минусинска) была создана страничка «Научная библиотека музея. Электронная библиотека» (эл. адрес: rmmc.minuspk.ru). На данной страничке представлен обзор книг из фонда научной библиотеки музея с цитированием глав по вышеперечисленным темам.

Выкладкой, корректировкой материалов (технически), устранение технических неполадок на сайте занимался П.С. Караваев.

По данному проекту научная библиотека музея приобрела библиотечную программу «ИРБИС» у регионального представителя Красноярской краевой научной библиотеки, г. Красноярск.

Программа «ИРБИС» состоит из трех рабочих мест «Администратор», «Каталогизатор», «Читатель». На головном компьютере установлены «Администратор», «Каталогизатор», ярлык «Читатель» выведен на второй компьютер для доступа посетителям научной библиотеки.

Электронный каталог представляет собой базу данных по различной тематике, которая включает все сведения обо всей литературе научной библиотеки.

В электронный каталог «Каталогизатор» заносятся книги из собрания научной библиотеки. Этот процесс требует внимательности, усидчивости, так как каталог состоит из девяти рабочих листов, которые, в свою очередь имеют свои подполя. Книги описывали в полном объеме, чтобы посетитель смог найти интересующую его издание по любому ключевому слову.

6. Запись на CD краеведческих материалов по вышеупомянутым темам. Материалы на диске расположены в определенном порядке: электронные варианты книг, представленные на эл. страничке; презентации (наглядное пособие); дополнительные материалы (по журналам XIX-XX вв., краеведческой газете «Минусинский край», справочный материал); библиографический список книг по истории Сибири.

Материалы, предназначенные для записи, скомплектованы в соответствующие разделы, папки, откорректированы технически, после чего распространены в учебные заведения, методические кабинеты управления образования города и района

О проекте «Электронная библиотека», о том, как проводилась работа по его реализации, при поддержке какого благотворительного фонда, для кого предназначен этот проект предоставлялась информация в СМИ.¹

3 декабря 2008 г. в музее проходил совет губернатора Красноярского края и А.Г. Хлопонин посетил научную библиотеку музея, ему была дана информация о работе библиотеки, в т. ч. и о гранте «Электронная библиотека».

Участники проекта считают, что проект «Электронная библиотека» (при поддержке фонда М. Прохорова) оказал существенную информационную помощь педагогам, учащимся, краеведам. В качестве примера: в научную библиотеку музея обратилась преподаватель английского языка школы № 16 (г. Минусинск) помочь в подборе книг по истории Сибири для использования их на своих уроках. В библиотеке есть англоязычная литература и преподавателю сотрудники библиотеки их предоставили. Но именно после этого посещения у преподавателя английского языка родилась идея нового проекта для участия в конкурсе «Новая роль библиотек в образовании» 2009 г.

После закрытия проекта в электронный каталог будет продолжена работа по занесению книг, журналов и газет. Электронная страничка научной библиотеки музея остается на сайте РММЦ и книги будут выкладываться далее.

Примечание

¹ Газета «Власть труда» (г. Минусинск). – 2008. - № 69. – 26 июня. – с.5; газета «Власть труда». – 2009. - № 8. – 23 января. – с. 2; программа «Новости» Минусинской городской телерадиокомпании в рубрике «Новости культуры». – 2009. – 12 февраля.

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

«Музейный иллюзион» – создание демонстрационного зала в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова

В 2009 г. Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова выиграл конкурс на реализацию социокультурных проектов муниципальными учреждениями культуры в области культуры в номинации «Эпоха культурного просвещения» с проектом «Создание демонстрационного зала «Музейный иллюзион». Срок реализации проекта ноябрь – декабрь 2009 г. Сумма проекта – 1 млн. руб. Руководитель проекта: зав. научной библиотекой Е.Ю. Сидорина, финансовая часть – зам. директора по АХЧ В.М. Ермолаева, техническая часть – звукооператор А.С. Ермолаев.

Партнерами музея в данном проекте выступили ГУК «Енисейкино» (г. Красноярск) и Минусинское отделение кинопроката.

Идея проекта возникла, благодаря следующим обстоятельствам:

– в музее сохранились афиши и билеты первых кинотеатров г. Минусинска – «Метеор», «Заря» и «Арс», которые работали в нач. XX в.;

– за свою 130-летнюю историю. Музей накопил достаточный фонд хроникально-документальных фильмов (пленка 35 мм) по истории края, города, района – киножурнал «Восточная Сибирь» (1974 и 1978 гг.), «Альманах клуба кинопутешественников» (съемки Ю. Сенкевича о Минусинске 1998 г.), «Минусинску – 150 лет» (1974 г.), фильм «Портрет с кометой Пушкина» киностудии «Казахфильм» о Н.А. Раевском (1990 г.);

– видеоматериалы (более 150 ед.), снятые музеем и местными телестудиями: «Мартьяновские чтения» (с 1991 г.), «Странички истории» (с 1995 г.) и др.

Успешному осуществлению проекта способствовал разработанный календарный план по следующим направлениям: подготовка зала, приобретение оборудования и расходных материалов, оцифровка пленок, прокат фильмов, изготовление печатной продукции. В средствах массовой информации – газеты и ТВ проходила информация о том, как реализуется проект.¹

В марте 2009 г. был отремонтирован зал (30 лет был закрыт), общая площадь зала составляет 102,7 кв. м: высота – 7,5 м, ширина – 8,3 м и длина – 16,5 м и 7 окон в два этажа. Зал просторный, светлый, хорошая акустика.

Первым шагом по подготовке зала было принятие решения по оформлению: расположение сцены, кино-звуко-оборудования, определение цветовой гаммы занавеса, штор и стульев. Выбор, раскрой ткани и пошив, дизайнерское оформление занавеса осуществляла М.В. Москвитина. Приобретение телескопической стремянки позволило качественно и безопасно повесить занавес. Открытие-закрытие занавеса осуществляется ручным управлением. На окнах зала были установлены жалюзи: в верхнем ярусе – автоматические, в нижнем ярусе – с ручным управлением, которые изготовили на ООО «Строй-лайф» (г. Абакан). Сцена не стационарная, состоит из семи сегментов. Пол сцены закрыт половым покрытием. В комнате оператора был выполнен ремонт.

Приобретение дорогостоящего оборудования по проекту проходило через торги, по результатам которых с Н.Г. Костиной (индивидуальным предпринимателем) был заключен контракт на поставку оборудования.

В рамках проекта специалисты ГУК «Енисейкино» (г. Красноярск) отреставрировали, оцифровали и записали на DVD-носители хроникально-документальные материалы по истории города Минусинска и Красноярского края.

В зале была оформлена выставка, посвященная истории кино в Минусинске. В фондах музея хранятся афиши, билеты, репертуары электротeatров г. Минусинска нач. XX в., а также кинооборудование. Минусинское отделение кинопроката предоставило для выставки кинооборудование прошлых лет.

Издательский отдел (О.В. Войда) подготовил наборы открыток по темам: «Артисты советского кино», «Артисты российского кино», «Любимое индийское кино». Печатная продукция была выполнена на принтере, приобретенному по проекту.

Торжественное открытие зала и презентация проекта «Музейный иллюзион» состоялось 18 декабря в рамках традиционного Декабрьского бала, который был посвящен истории кинематографа. Вход гостей в зал осуществлялся по входным кинобилетам. Во время презентация «Музейный иллюзион» демонстрировались фрагменты из немых фильмов нач. XX в. в сопровождении тапера (сотрудница музея И.В. Пеганова).

Открытие демонстрационного зала «Музейный иллюзион» позволит музею познакомить посетителей музея, в первую очередь, с хроникально-документальными фильмами по истории края, а также проводить совместные мероприятия (совмещая показ фильмов и музыкальные номера). Посетитель, комплексно посещая музей и демонстрационный зал, получит более качественную информационную услугу о коллекциях музея, по истории города и края и др.

В дальнейшем планируется осуществлять выездные мероприятия в отделанные населенные пункты Минусинского и других районов региона с мероприятия по пропаганде уникальных исторических кино материалов по истории родного края.

Примечания:

¹ Газета «Власть труда» от 10.11.2009 г. № 127. – с.1; «Минусинский край» –Вестник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова – приложение к газете «Власть труда» от декабря 2009. - № 7. – с.5; рубрика «Новости культуры» информационной программы Минусинской городской телекомпании (МГТК) от 16.12.2009 г.

2009

В.И. Терентьева,
п. Шушенское

Дальнейшая реализация концепции развития музея-заповедника «Шушенское», 1993 – 2009 гг.

Концепция развития музея-заповедника, разработанная группой сотрудников под руководством и редакцией заведующего сектором Российского института культурологии Министерства культуры РФ и Российской Академии наук Никишина Н.А., утверждена коллегией комитета по делам культуры и искусства администрации Красноярского края 31 марта 1993 г. на долгосрочную перспективу с учётом дополнений и изменений в последующие годы.

В концепции музей-заповедник позиционировался как учреждение культуры с разнообразными формами работы. Это позволило ему выйти из узких рамок откровенно идеологического учреждения, каким он оставался со времени своего создания в 1930 г. как Дома-музея В.И. Ленина и в 1970 г. как мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина».

В части второй Проектного раздела концепции отмечено, что историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» (правопреемник музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина») представляет собой единый экспозиционный комплекс, раскрытие темы которого происходит на 3-х уровнях.

Первый – экспонирование территории заповедника и находящихся на ней памятников крестьянской архитектуры, т.е. того, что первым попадает в поле зрения.

Второй уровень раскрытия темы предполагает показ экспозиций и выставок из фондовых коллекций. Если первый уровень имеет ограниченные временные рамки (так выглядело село в кон. XIX – нач. XX вв.), то второй уровень может значительно их расширить, предложив, например, в одном из домов экспозицию о возникновении села в сер. XVIII в., а в другом – о современных проблемах Шушенского.

Третий уровень предполагает использование характерных для данного культурного среза форм действия: обрядов, ремёсел, промыслов, праздников и т.д. Наличие этого уровня раскрытия темы поможет превратить знакомство с музеем из холодно-отстранённого его рассматривания в погружение во «время, пространство и действие», соучастие в нём, сотворчество.

Все три уровня раскрытия темы взаимосвязаны и призваны создать цельный, убедительный, эмоциональный, запоминающийся образ музея как явления культуры.

В проектную часть концепции 1993 г. была заложена возможность развития и расширения музея, воссоздания и строительства новых архитектурных объектов на пустующей территории в пределах охранной зоны музея-заповедника, условно названной зоной деятельностного экспонирования.

Дальнейшее развитие этой территории, развитие музея и новых форм его работы связывались с востребованностью временем и обществом, наличием музейных фондов и материальных ресурсов.

Спустя 15 лет реализация этих планов стала возможной в результате воссоздания 6 крестьянских усадеб с сохранением аутентичных культурных стилей 2-х полярных территорий Красноярского края (ангарская деревня и староминусинское поселение «гнездом»).

Основанием для проектирования этих усадеб явились материалы экспедиций по обследованию районов Приангарья и юга Красноярского края, выполненных институтом «Спецпроектреставрация» в 1980 г. Историческая ценность этих архитектурных объектов заключается в том, что они являются аналогами памятников деревянного зодчества из зоны подтопления Богучанской и Саяно-Шушенской ГЭС. Сохранение и музеефикация этих памятников является главной миссией музея в целом и вновь созданного архитектурно-этнографического комплекса – в частности.

Назначение воссозданного комплекса (34 строения различного типа) состоит в том, чтобы: создать более полный образ сибирского села кон. XIX – нач. XX вв.; показать архитектуру северных и южных крестьянских построек, образ жизни, материальную и духовную культуру жителей севера и юга Сибири, их единство и отличия; дать посетителям музея возможность более глубокого погружения в архитектурно-пространственную среду и атмосферу крестьянского быта кон. XIX в. в результате кратковременного пребывания внутри дома и на усадьбе в качестве его хозяина и возможности участия в конкретных бытовых ситуациях и технологических процессах. Причём, без ущерба для сохранности подлинных артефактов эпохи, так как предполагается размещение в домах и в надворных постройках новоделов, точных копий элементов убранства дома, посуды, хозяйственной утвари, орудий труда, средств передвижения и т.д. А уже это интересно как подтверждение преемственности, сохранения традиционных навыков их изготовления, наличия столь же талантливых мастеров и в наше время.

Посетители музея уже сегодня имеют возможность выбора интересных для них мастер-классов по освоению различных навыков: орудия земледельческого труда (освоение приёмов работы с сохой, плугом, орудиями, серпом, косой); кузнечное ремесло; гончарное ремесло; резьба по дереву (изготовление ложки, деревянной игрушки); традиционная кукла (из ниток, «закрутка» и другие); традиционное ткачество (работа на станке «кросна», плетение поясов); бисеронизание; народный костюм; основы народного танца; основы традиционного (народного) вокала; кухня сибирских крестьян (приобретение навыков работы с традиционной русской печью, приготовление традиционных блюд, в т. ч. обрядовых).

Знакомство посетителей с духовной культурой сибиряков в кон. XIX – нач. XX вв. осуществляется через участие в фольклорных развлекательно-познавательных программах музея: «Зимние святки», «Сибирская вечёрка», «Свадьба», «Старинные игры и забавы» и других. Эмоциональному восприятию программ способствуют выступления фольклорного ансамбля «Плетень», кукольного и этнографического театров музея. Любители событийного туризма могут принять участие в межрегиональных музейных праздниках «Широкая масленица» и «Троица в деревне».

Но проблема заключается в том, что за 1,5 – 2 часа, отведённых на экскурсию по музею, невозможно познакомиться со всеми сторонами жизни сибирского села и его обитателей разных социальных слоёв и рода занятий, тем более что унифицированная экскурсия не даёт права выбора. О необходимости такого выбора всё чаще говорят посетители музея. Частично эту проблему может решить организация свободного посещения музея. Появление же 6-ти воссозданных усадеб, в которых сочетается этнографическая

обстановка кон. XIX в. и современный комфорт проживания, позволяет предоставить эксклюзивное жильё для туристов и гостей Шушенского и дать им возможность более продолжительного и детального знакомства с музеем и формами его работы.

Открытие на территории музея-заповедника «Шушенское» нового архитектурно-этнографического комплекса с возможностью кратковременного отдыха и проживания очень своевременно, т.к. с постройкой фондохранилища 7 крестьянских усадеб, занятых под хранение музейных коллекций, будут освобождены для создания в них новых экспозиций и выставок. Ещё острее встанет вопрос о невозможности полного знакомства с музеем за один день на фоне растущего к нему интереса.

Решению этой проблемы будет способствовать разработка и освоение 1, 2-х и 3-х дневных программ, позволяющих спокойно и основательно познакомиться с жизнью сибирских крестьян в кон. XIX – нач. XX вв., принять непосредственное участие в театрализованных и игровых программах, отдохнуть в живописных окрестностях Шушенского.

Наличие вновь созданного архитектурно-этнографического комплекса как продолжения музея-заповедника и его неотъемлемой части позволит ему обрести новое качество, расширить спектр оказываемых услуг. У гостей музея появится возможность увидеть изнутри жизнь крестьянской семьи во всех ее проявлениях, а также окунуться в обстановку старинного сибирского волостного села – места царской ссылки декабристов, народников и социал-демократов.

Созданием нового комплекса из 6-ти крестьянских усадеб заложен значительный потенциал дальнейшего развития музея-заповедника «Шушенское» и его новых нетрадиционных форм работы с посетителями.

2009

Н.М. Тихомиров,
г. Дивногорск

Собрание произведений Т.В. Ряннеля в фондах Дивногорского городского музея

Строительство Красноярской гидроэлектростанции, явившее собой эпохальную веху в истории сер. XX столетия не только в масштабах Красноярского края, но и всей страны, с самых ранних своих шагов привлекло внимание интеллигенции и людей творческих профессий. Вдохновленные всеобщим трудовым порывом, искренним энтузиазмом, восторженностью гидростроителей и стекавшейся со всех концов Союза в крохотный поселок Скит, прижатый горами к самому берегу Енисея, комсомольской молодежи, они живо откликнулись на призыв партии и начали свою, художественную, летопись великой стройки. Среди них были поэты, писатели, деятели культуры, искусства. Кто-то побывал здесь лишь единожды, кто-то стал постоянным гостем поселка строителей, а потом и города, а кое-кто даже остался, навсегда связав свою жизнь с Дивногорском.

Не остались в стороне и красноярские художники, для которых строительство плотины и разраставшийся среди сосновых лесов город очень скоро становятся постоянным плацдармом для выездного пленера. Прихватив этюдники, краски и карандаши, они, пешком или на попутном транспорте, отправлялись к Шумихинскому створу, окунаясь в атмосферу кипучих трудовых будней. В ряду художников-пионеров, таких как Р. Руйга, В. Башмаков, Г. Шумков, В. Федоров и многих других, запечатлевших в своих зарисовках и картинах труд покорителей могучей реки, был и Народный художник России, поэт и публицист – Тойво Васильевич Ряннель.¹ Он, хотя и не переехал в Дивногорск, подобно В. Федорову, Н. Хомайко или Евгению Александровичу Шепелевичу – впоследствии ставшему Почетным гражданином города, чье имя носит детская художественная школа Дивногорска, но, тем не менее, часто посещал и посещает Дивногорск поныне: родственные узы и творческий интерес навсегда связали художника с городом строителей ГЭС.

Тойво Васильевич родился 25 октября 1921 г. в д. Тозерово Ленинградской обл. в крестьянской семье финнов-ингерманландцев. В 1931 г. семья была раскулачена и сослана в Сибирь² – на Ангару в

Северо-Енисейский район.³ Здесь политссылные работали на золотодобыче. С юных лет Тойво, вопреки обстоятельствам, пристрастился к рисованию и в свои восемнадцать, по специальному разрешению комендатуры, поступил в Омское художественное училище.⁴ Правда, закончить училище ему не пришлось – в 1941 г., в связи с начавшейся войной, оно было расформировано.⁵ На фронт Тойво не взяли: на то имелась секретная директива, согласно которой все финны, проживающие на территории СССР объявлялись неблагонадежными и их запрещено было призывать в действующие части Красной Армии.⁶ Ряннель возвращается на Ангару и работает учителем рисования в школе. Затем судьба, которую он связал с геодезической экспедицией, бросает его по самым отдаленным уголкам Приенисейского края.⁷ И все эти годы Ряннель не расстается с кистью: совмещая и без того нелегкий труд техника-геодезиста с творчеством, он становится настоящим мастером, что вскоре приносит свои плоды. В 1948 г. он становится членом Союза художников, а позднее занимает руководящую должность, став председателем Совета Художественного фонда в Красноярске.⁸

Знакомство Т. Ряннеля с Дивногорией состоялось в 1956 г., когда вместе с художником К.Ф. Вальдманом они совершили пеший поход на р. Бирюсу. А через год, в феврале месяце, по предложению директора Красноярского краеведческого музея, группа красноярских художников, в числе которых был и Т. Ряннель, по зимнику выехала на старом музейном грузовике в направлении п. Скит, где в это время велись изыскательские работы в русле Енисея. По прибытии, художники разбрелись по округе в поисках материала для натуральных зарисовок и этюдов.⁹ Именно эти работы Ряннеля (3 шт.), выполненные им в тот самый февральский день, а позднее, в 1980-е гг., переданные в музей, и составили основу собрания его произведений в фондах ДГМ. После этого, Ряннель уже без каких-либо указаний сверху, часто приезжал в Дивногорск по собственной воле. По словам художника, поездки на строительство плотины явились для него хорошей школой индустриального пейзажа. «Наши приезды всегда были продиктованы общественным интересом, и нам было желанно здесь работать. То есть, можно было не просто тематический промышленный силуэт делать; это было связано с землей, с красотой мира», – вспоминает Тойво Васильевич.

Начало формирования собрания работ Ряннеля относится к 1980-м гг., когда автор передал свои произведения в дивногорский музей, который в то время являлся филиалом Красноярского краеведческого музея (в инвентарных номерах этих работ до настоящего момента присутствует аббревиатура ККМ). Тогда в фонды музея были приняты следующие работы: «Красноярская ГЭС», 1969 г.¹⁰; «Створ плотины Красноярской ГЭС», 1957 г.¹¹; «Красноярская ГЭС. Первая дизельная правого берега», 1957 г.¹²; «Левобережный котлован Красноярской ГЭС», 1962 г.¹³; «Левобережная выемка под плотину», 1963 г.¹⁴; «Первые буровые», 1957 г.¹⁵.

23 января 2003 г. Т.В. Ряннель передал в фонды ДГМ еще 20 своих произведений, которые и составили главную часть собрания.

Основной фонд Дивногорского городского музея располагает 26 произведениями Т.В. Ряннеля. Собрание составляют работы, выполненные в разных техниках: серия живописных работ (4 эскиза гуашью, 11 акварельных этюдов, 5 – выполненных маслом), а так же серия графических листов (3 из них представляют собой фломастерные зарисовки, 1 – выполнен тушью). Условно собрание разбивается на работы пейзажного характера и сюжетно-тематические. 23 работы входят в серию сюжетно-тематического характера. Это «Красноярская ГЭС», 1969 г. (холст, масло)¹⁶; «Створ плотины Красноярской ГЭС», 1957 г. (картон, масло)¹⁷; «Красноярская ГЭС. Первая дизельная правого берега», 1957 г. (картон, масло)¹⁸; «Левобережный котлован Красноярской ГЭС», 1962 г. (картон, масло)¹⁹; «Левобережная выемка под плотину», 1963 г. (картон, масло)²⁰; 4 эскиза к неосуществленному замыслу «Владимир Ильич Ленин с соратниками на Енисее» (2 – картон, гуашь, 2 – бумага, гуашь)²¹; 2 этюда «Открыты донные отверстия», 1960-е гг. (бумага, акварель)²²; 2 этюда «Строительные краны ГЭС», 1960-е гг. (бумага, акварель)²³; графический лист «Буровые на Енисее», 1957 г. (мелованная бумага, тушь)²⁴; графический лист «Строительство бетонного завода», 1960-е гг. (бумага, фломастер)²⁵; графический лист «Поселок Дивногорск», 1957 г. (бумага, фломастер)²⁶; графический лист «Вагончик строителей», 1960-е гг. (бумага, фломастер)²⁷; 2 этюда «Дивногорск», 1970-е гг. (бумага, акварель)²⁸; «Строительство судоподъемника», конец 1960-х гг. (бумага, акварель)²⁷; 2 этюда «Секции водоводов Красноярской ГЭС», 1966 г. (бумага,

акварель)²⁸. Из этих 23 работ – 18 представляют собой этюды и натурные графические зарисовки, 4 эскиза и одно монументальное живописное полотно – «Красноярская ГЭС».

Неосуществленный замысел автора, представленный 4 эскизами, должен был проиллюстрировать события 1897 г., когда в Знаменском Скиту побывал В.И. Ленин с соратниками на пути в ссылку; по словам автора, он хотел изобразить исполнение «Варшавянки» на берегах Енисея, но так как работа была заказана руководством, а сам Ряннель интереса к ней не испытывал, то, узнав что необходимость в написании картины отпала, более к этой теме не возвращался.

Пейзажная серия представлена 3 работами: графический лист «Енисей у Красноярска», 1960-е гг. (бумага, фломастер)²⁹; этюды «Красноярское море», 1970-е гг. (бумага, акварель)³⁰; и «Бирюсинские ворота», 1960-е гг. (бумага, акварель)³¹.

Все произведения Ряннеля, хранящиеся в ДГМ, так или иначе, тематически связаны с Дивногорском, что объясняется инициативой сотрудников музея и характером отбора, осуществленного самим автором. В наст. вр. музей экспонирует произведения из собрания Ряннеля на временных тематических внутримузеевских и выездных выставках. Идет работа по созданию каталога и электронной базы данных работ Т.В. Ряннеля и др. художников, чьи произведения находятся на хранении в городском музее.

Примечания

¹ Тихомиров Н. Нам было желанно здесь работать / Светоч. - 2003. №2, февраль. - С. 8.

² Гайдук Н. Печаль о великом и радость о вечном / Ряннель Т. Мой белый свет. - Красноярск. Растр, - 2001. - С. 5.

³ Сунни Л. Трудные судьбы Ингерманландии / Йокиппии М. Прибалтийско-финские народы. - Ювяскуля. Алена, - 1995. - С.246-248.

⁴ Ряннель Т. Мой черный ангел. - Красноярск. Платина, - 1996. - 192 с. С. 173-180.

⁵ Ломанова Т. Сибирская симфония / Ряннель Т. Горные кедры. - Красноярск. Растр, - 2007. - С. 36.

⁶ Сунни Л. Трудные судьбы Ингерманландии / Йокиппии М. Прибалтийско-финские народы. - Ювяскуля. Алена, - 1995. - С. 249-253.

⁷ Ряннель Т. Незванный гость. - Красноярск. Платина, - 1998. - 752 с. С. 96-275.

⁸ Ломанова Т. Сибирская симфония / Ряннель Т. Горные кедры. - Красноярск. Растр, - 2007. - С. 37.

⁹ Тихомиров Н. Нам было желанно здесь работать / Светоч. - 2003. №2, февраль. - С. 8-9.

¹⁰ ККМ о/ф 9576., №6

¹¹ Там же. №12

¹² Там же. №13

¹³ Там же. №18

¹⁴ Там же. №20

¹⁵ Там же. №40

¹⁶ Там же. №6

¹⁷ Там же. №12

¹⁸ Там же. №13

¹⁹ Там же. №18

²⁰ Там же. №20

²¹ ДГМ о/ф ЖГС №56-59

²² Там же. №60-61

²³ Там же. №62-63

²⁴ Там же. №64

²⁵ Там же. №65

²⁶ Там же. №67

²⁷ Там же. №68

²⁸ Там же. №71-72

²⁹ Там же. №73

³⁰ Там же. №74-75

³¹ Там же. №66

³² Там же. №69

³³ Там же. №70

Литература

1. Гайдук Н. Печаль о великом и радость о вечном / Ряннель Т. Мой белый свет. - Красноярск. Растр, - 2001. - С. 4-8.
2. ДГМ о/ф ЖГС
3. Ломанова Т. Сибирская симфония / Ряннель Т. Горные кедры. - Красноярск. Растр, - 2007. - С. 36-39.
4. Суни Л. Трудные судьбы Ингерманландии / Йокиппи М. Прибалтийско-финские народы. - Ювяскуля. Атена, - 1995. - С. 237-260.
5. ККМ о/ф 9576.
6. Ряннель Т. Мой черный ангел. - Красноярск. Платина, - 1996. - 192 с.
7. Ряннель Т. Незванный гость. - Красноярск. Платина, - 1998. - 752 с.
8. Тихомиров Н. Нам было желанно здесь работать / Светоч. - 2003. №2, февраль. - С. 8-9.

2009

В.Г. Чернышева,
г. Минусинск

Издания Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. «Иллюстрированная этнографии Тувы»

За 2009 г. Минусинский музей реализовал два новых издательских проекта, направленных как на популяризацию деятельности музейных учреждений южного региона, так и популяризацию собственных коллекций. В марте-мае нынешнего года велась работа по подготовке справочника «Музеи юга Красноярского края». Идея об его издании появилась ещё в процессе подготовки «Энциклопедии Красноярского края. Юг». Удалось её воплотить в рамках регионального конкурса «Музей года. Южная Сибирь», учредителем которого стал Минусинский региональный краеведческий музей.

Подготовка справочника началась одновременно с реализацией этого конкурса в начале марта нынешнего года, когда в управления образования и культуры всех районов были разосланы письма с приглашением: принять участие в нашем проекте. Наша команда сумела собрать материал и подготовить новое издание в короткий срок. Сведения о музейных учреждениях поступали в течение двух месяцев. Составителям сборника хотелось представить в нём информацию обо всех имеющихся на территории юга Красноярского края музеях и частных коллекциях. Но, к сожалению, не всё удалось.

В районных отделах культуры о наличии частных коллекционеров сведений не имелось, поскольку они редко проходят регистрацию. К тому же не все школьные музеи получили информацию о проекте, либо не нашлось заинтересованного лица или той самой движущей силы, которая смогла бы подтолкнуть людей к действию. В этой роли выступили сами сотрудники музея. Редактор-составитель сборника В.Г. Чернышёва и фотограф музея Л.И. Порошина объехали школьные музеи Каратузского, Шушенского и Минусинского района, собрав необходимый материал.

В итоге в справочник вошли сведения о 70 музеях, в т.ч. государственных, муниципальных, сельских и ведомственных, музеях средних специальных учебных заведений. Большая часть справочника посвящена нашим многочисленным школьным музеям и проиллюстрирована цветными фотографиями экспозиций.

Это небольшое издание предназначено не только для работников музеев, специалистов музейного дела, но и для туристических фирм, всех тех, кто интересуется историей края.

Основным издательским проектом музея в 2009 г. стала подготовка «Иллюстрированной этнографии Тувы», которая является продолжением серии книг, посвящённых уникальным собраниям музея. Первенцем её была «Иллюстрированная этнография хакасов», выпущенная в 2004 г. при поддержке правительства Республики Хакасии. В новом фотоальбоме представлена одна из старейших коллекций – собрание тувинских этнографических предметов, которая начала формироваться еще в кон. XIX в. В наст. вр. она насчитывает более 1000 ед. хранения. В её состав входят этнографические, археологические, антропологические, естественноисторические предметы, предметы нумизматики, фотографии и негативы.

Работа над проектом началась ещё в 2005 г. по инициативе директора музея Л.Н. Ермолаевой, когда была специально совершена поездка в Республику Тыва для проведения дополнительных фотосъёмок к изданию. Позже подготовка по ряду причин была прервана (началась работа над книгой «Энциклопедия Красноярского края. Юг», продолжавшаяся два года) и возобновилась летом 2008 г.

Изначально предполагалось, что в издание войдут фотографии из собрания музея, отражающие быт и культуру тувинцев, в сопровождении статьи о тувинской коллекции Минусинского музея, то есть сделать по такому же принципу, что и «Иллюстрированная этнография хакасов». Редактор изучив, все имеющиеся материалы, предложила все же несколько изменить внутреннее содержание книги: каждый раздел сопроводить информацией, доступной как для специалистов, так и для простого читателя, собранной и систематизированной из монографий, книг, статей, хранящихся в библиотеке музея, а также шире представить этнографические предметы из музейной коллекции.

Настоящее издание состоит из восьми разделов. Первый – «Тувинская этнографическая коллекция Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова», рассказывает об истории создания, о тех, кто внёс определенный вклад в её формирование (Ф. Кон, П. Островских, Н. Фёдоров и др.) и здесь же даётся краткая характеристика собрания. Второй – «Административное управление Тувы на рубеже XIX-XX вв.», где сотрудники музея постарались систематизировать и доступно представить военно-административное деление, иерархию чинов и др. Третий раздел «Традиционные занятия и промыслы» самый большой и имеет несколько подразделов: «Земледелие», «Скотоводство» (коневодство, овцеводство и верблюдоводство, разведение крупного рогатого скота и оленеводство), «Ремёсла и домашние промыслы», «Охота и рыболовство».

В разделе «Жилище и его убранство» представили типы тувинских жилищ и их особенности. «Традиционная одежда и украшения» представляет как женский, мужской национальный тувинский костюм, так и детскую одежду, использование орнаментов, буддийской символики в украшениях и одежде. Не менее интересен раздел «Пища и утварь для её приготовления», где можно увидеть и узнать о традиционных тувинских блюдах и способах их приготовления.

Религиозным верованиям тувинцев посвящён раздел «Религия» с подразделами «Шаманизм» и «Буддизм». О традиционном празднике животноводов Наадым, праздновании тувинского нового года Шагаа и др. обрядах и развлечениях рассказывается в последнем разделе «Обряды, праздники, музыкальные инструменты и развлечения».

В книге на 96 страницах содержится более 300 иллюстраций. Это фотографии и негативы, отражающие типовой состав населения, административное управление, традиционную культуру, быт, обряды тувинского народа. Среди них наибольшую ценность представляют фотоснимки П. Островских, Ф. Кона и Н. Фёдорова. Кроме того, несомненный интерес вызывают фотографии 1930-х гг. и снимки, сделанные музейным фотографом Л. Порошиной на протяжении последних лет, в т. ч. в 2004, 2005 и 2008 гг. Они позволяют проследить преемственность традиций населением Тувы. Здесь же представлено более 90 этнографических предметов из тувинской коллекции.

Дизайн и оформление фотоальбома, которые выполнила Оксана Князева (ООО «Кооп. «Журналист»), не отступают от основной идеи составителей показать этнографические особенности тувинской культуры, а только подчёркивают. Основной цвет оформления – красный символизирует радость и благополучие. Фоновый рисунок – наиболее распространённый узор «бесконечная нить счастья», молотковые и пр.

Музей благодарен тем, кто не остался равнодушен к идее выпуска «Иллюстрированной этнографии Тувы». Их не так много, но без этих людей издание могло так и не выйти в свет. Это П.А. Харченко, директор ООО «Кооп. «Журналист» и начальник отдела продаж типографии Н.Л. Чебодаева, которые пошли навстречу нам и сделали всё, чтобы книгу увидели читатели. Кандидат физико-математических наук С.Г. Нарылков (г. Абакан), оказавший финансовую поддержку и Минусинский филиал ОСБ Сбербанк. Помощь в описании части негативов и фотографий кон. XIX – нач. XX вв. оказала кандидат исторических наук Анна Оюновна Дыртык-оол, работавшая в Тувинском национальном музее им. Алдан Маадыр (60-и богатырей).

2009

Раздел II. ИСТОРИЯ СИБИРИ

Н.А. Баранцева,
г. Абакан

Этносоциальные процессы среди прибалтийских и немецкого народов Енисейской губернии как отражение государственной политики в кон. XIX – перв. тр. XX вв.

Тема реконструкции этносоциальных процессов среди переселенческого населения юга Средней Сибири является достаточно актуальной в связи с необходимостью, в условиях активных ассимиляционных и консолидационных процессов населения региона, раскрыть механизмы, направленные на сохранение этносов и укрепление их этнического самосознания. Полиэтничность населения Приенисейского края явилась результатом активной колонизации. При этом размещение вновь прибывших осуществлялось либо дисперсно, в уже существовавшие старожильческие поселения или на земли коренного населения, что способствовало ускоренному размыванию черт национальной идентичности, либо анклавно, содействуя самосохранению и самобытности малочисленных этносов.

Основные задачи исследования заключаются в изучении источников формирования и численности немецких и прибалтийских этнических групп, ареалов их расселения, рассмотрении социокультурных и хозяйственно-бытовых характеристик, а также освещении государственной политики в отношении этих народов в кон. XIX – перв. тр. XX вв.

В заселении немецкими и прибалтийскими колонистами Енисейской губернии в указанный период можно выделить 3 основных этапа:

I период (1850-1880-е гг.) – основание в Минусинском округе трех лютеранских колоний для компактного размещения ссылаемых «за неважные преступления» ссыльно-каторжных лютеран (1851 г. – Верхний Суэтук для размещения финнов, 1858 г. – Нижняя Буланка – латышей (позже прибыли туда и немцы), 1861 г. – Верхняя Буланка – эстонцев. Результатом компактного расселения явилось сохранение родного языка и религии, облегчение жандармерии слежки за достаточно беспокойным контингентом. Закрепилось в колониях немного: из 212 финнов и членов их семей в Верхнем Суэтуке лишь 16, из 185 латышей Нижней Буланки – 31, из 171 эстонцев Верхней Буланки – 54. Остальные бродяжничали, работали на золотых рудниках, находились в услужении в Минусинске и пр. Основными занятиями колонистов были земледелие и скотоводство.¹

Заслуги поселенцев в земледелии были признаны. В 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго среди 11 экземпляров русского хлеба лучшим был признан хлеб крестьянина из Верхнего Суэтука Максима Меллера.² В кон. XIX в. в Верхнем Суэтуке численность финнов, которых перестали ссылать в Сибирь с 1888 г., стала сокращаться, а эстонцев стала увеличиваться за счет сохранения ссылки и роста вольной колонизации. У родственных народов отсутствовал языковой барьер, немало было смешанных браков и таким образом многие финны ассимилировались с эстонцами.³

II период (1890-1910-е гг.) – интенсификация колонизационных процессов за счет вольных переселенцев из Прибалтики и немцев, прибывших в Сибирь с целью получения свободной земли и повышения социального статуса. Переселение облегчалось строительством Транссиба (1891-1899 гг.); деятельностью Переселенческого управления российского кабинета министров; проведением столыпинской аграрной реформы 1906-1910 гг., нацеленной на создание хуторских хозяйств.

Выходцы из Видземе (Лифляндская губерния) и Латгалии (часть Витебской губернии) насчитывали 32 тыс. человек и разместились преимущественно в Красноярском, Ачинском, Минусинском и Канском уездах, где ими было образовано около 50 населенных пунктов. Уже в 1910 г. в этом регионе образовались крепкие хуторские крестьянские хозяйства. Интеллигенция занимала различные чиновничьи должности.

Многие латыши и латгалцы служили в царской армии, в том числе в рядах старшего офицерского состава.⁴

Десятки новых эстонских поселений были основаны в Енисейской губернии во время переселенческой волны 1890-1900-х гг., в т. ч. участки Торгинский, Самовольный, Грязная Кирза, Островский Красноярского уезда, Имбежский, Сухановский, Эстонский, Крестьянский, Кабрицкий, Ново-Печера, Лебедево Канского уезда.⁵

Процесс переселения усилился в результате установления в Балтии режима террора после подавления революции 1905-1907 гг.⁶ В отличие от первой волны переселенцев-эстонцев, являвшихся по вероисповеданию лютеранами, около 3 тыс. мигрантов 1893-1914 гг., эмигрировавшими в Приенисейский край, являлись православными эстонцами-сету. Последние, называемые «чухнами», являлись выходцами из районов Прибалтики, переселившимися в Псковскую и Петербургскую губернии в пореформенный период, и с целью получения земли «на душу», принявшие православие. Многие из них обрусели, заимствуя у русских соседей нравы, обычаи, образ жизни и хозяйствования, но при этом сохраняя родной язык.⁷

В Красноярском и Канском уездах Енисейской губернии эстонцы расселялись компактными группами. В первом была образована Степно-Баджейская волость с большим массивом эстонского населения. Центром сибирских сету, освоившими территорию между реками Кан и Мана, в 1900 г. стала деревня Хайдак Перовской волости Канского округа. Природно-климатические условия Красноярского уезда с достаточно бедными почвами, ранними заморозками, считались не особенно благоприятными для земледелия. В Ачинском и Енисейском уездах эстонских хозяйств было немного, и размещались они среди латышей и русских.⁸

С кон. XIX – нач. XX вв. увеличился приток немецкого населения из старых колоний на Волге, из Причерноморья, Волыни в Енисейскую губернию. Во многом это было введением в 1910 г. ограничений в землепользовании и землевладении, ущемлением гражданских прав, ужесточением имущественной и налоговой политики российского правительства в отношении немецких колонистов западных и центральных областей страны. С началом первой мировой войны, осенью 1914 г., началось массовое выселение немцев из приграничной полосы, приобретшее характер этнической депортации. Была осуществлена замена немецких названий населенных пунктов русскими.⁹

До 1900 г. на территории Енисейской губернии возникали небольшие заселки, выселки и хутора немецких крестьян. В период Столыпинской реформы основывались уже отдельные поселки и деревни (хутор Ракитов Ключ, с. Александровка Минусинского уезда)¹⁰, а также немецкое поселение «Гнадендорф» («благодатная деревня») по названию одной из прежних колоний.¹¹ В 1914 г. поселок был переименован в село Николаевка.

В XIX – нач. XX вв. в Сибирь попали единичные семейства литовцев-католиков, являвшихся сугубо оседлым народом с крестьянско-хуторским укладом жизни. Размещались они дисперсно среди сибирского населения в городской и сельской местности и в дальнейшем нередко приобретали русскую национальность.¹²

По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Енисейской губернии проживало 3871 лютеран (из них 2449 мужчин, 1422 женщин).¹³ По данным С. Патканова, число лиц губернии, придерживавшихся евангелическо-лютеранского вероисповедания, к 1911 г. увеличилось на 265 человек, и составило по пяти округам – 1481 латышей, 1286 эстонцев, 950 немцев, 419 финнов, а также 236 литовцев-католиков.¹⁴

Немцы и народы Прибалтики преимущественно являлись жителями сельской местности – 97,7% эстонцев, 97,1% финнов, 92,6% латышей. Более урбанизированными народами оказались немцы и литовцы, 26,8% и 20,3% которых проживали в городах. Преобладающая часть поселенцев Енисейской губернии разместились в Минусинском округе – 91,3% эстонцев (дер. Верхний Суэтук, Верхняя Буланка), 90,0% финнов (Верхний Суэтук), 84,7% латышей (дер. Нижняя Буланка, Креславка), 59,4% немцев (дер. Николаевка, Александровка). Немецкое население, помимо Минусинского округа, достаточно компактно разместилось в Красноярском (20,2%) и Енисейском (8,2%) округах. По конфессиональной принадлежности

поселенцы-немцы являлись лютеранами, католиками, меннонитами, баптистами. Литовцы распределились более равномерно по округам – 42,8% в Красноярском, 19,1% в Канском, 14,4% в Минусинском, 13,1% в Енисейском, 10,6% в Ачинском.¹⁵

III период (1920-1930-е гг.) – время, в ходе которого стабилизировалось немецкое и прибалтийское население в результате перемещения населения периода первой мировой и гражданской войн, определилась политика советского государства в отношении этнических меньшинств.

По данным Всероссийской переписи населения 1920 г. количество изучаемых народностей существенно увеличилось. В 1920 г. в Енисейской губернии проживало 14769 латышей (из них 7347 мужчин, 7422 женщин) – рост составил 1021,4%; 9255 эстонцев (из них 4612 мужчин, 4643 женщин) – рост 719,7%; 4849 немцев (из них 3823 мужчин, 1066 женщин) – рост 294,9%; 1197 литовцев (из них 695 мужчин, 502 женщины) – рост 507,2%. Число финнов сократилось в 1,9 раз и составило 223 человека (из них 116 мужчин, 107 женщин).¹⁷

Значительный рост численности вышеназванных этнических групп объяснялся усилением крестьянской колонизации Сибири, мощными потоками беженцев из западных областей страны в начале первой мировой войны и перемещением в тыловые районы военнопленных. В целом доля прибалтийских и немецкого народов от всего населения Енисейской губернии в 1,2 млн. человек составила 2,53%.¹⁸ Военнопленные использовались советской властью в качестве агитаторов, партработников внутри воинских частей и колонистов с целью привлечения их на сторону советской власти, в частях особого назначения, милиции, органах ЧК и войсках внутренней охраны республики (ВОХР)

В период гражданской войны немецкое и прибалтийское население воевало в противоположных лагерях. Заманский район Красноярского уезда, населенный по преимуществу эстонцами и латышами, являлся временной резиденцией Степно-Баджейской Советской республики, продержавшейся 6 месяцев и уничтоженной по приказу Колчака. Десятки некогда процветавших деревень были сожжены, сотни хуторов стерты с лица земли. В другой эстонской деревне Канского уезда «Эстония» были зверски замучены 22 колониста, подозревавшиеся в сочувствии коммунизму.¹⁹

После падения республики в партизанскую армию под командованием А.Д. Кравченко в состав Манского полка вошла латышская рота. Руководили ею братья Я. и Ф. Боганы, Н. Клявин, Ф. Рейнис. В феврале 1920 г. в формировавшуюся под Красноярском интернациональную дивизию имени III Интернационала вошла литовская группа в составе 360 человек. На командной политической работе в дивизии находились немец Эрих Штер, литовец Франц Плаушинас и др.²⁰

Более точно национальный состав населения Енисейской губернии был отражен в результатах Всесоюзной переписи населения 1926 г. Все население составляло в 1926 г. 1,55 млн человек. Доля латышей от населения южных и центральных округов Енисейской губернии насчитывала 0,69%, латгальцев – 0,36% (вместе 1,1% – 15720 человек, увеличение по сравнению с переписью 1920 г. составило 6,0%), эстонцев – 0,64% (9446 человек – рост 2,0%), немцев – 0,2% (3164 человек, уменьшение – 35,3%), литовцев – 0,05% (740 человек, уменьшение – 38,2%), финнов – 0,01% (104 человека, уменьшение – 53,4%).⁸ Частичное сокращение населения Енисейского уезда названных национальностей объяснялось тем обстоятельством, что в течение 1920-1925 гг. решался вопрос об оптации граждан латышского, немецкого, эстонского и финского происхождения, то есть выбора ими гражданства в связи с окончанием мировой войны и образованием независимых государств в Прибалтике.

По словам Лоткина И.В., «оптационная лихорадка» означала не только политическое размежевание между сторонниками и противниками советской власти, но она создала и принципиально иную этнодемографическую ситуацию у балтийских национальных групп. В наибольшей степени сократилось литовское население Сибири. Уже к кон. 1920-х гг. ни литовцы, ни латыши, ни эстонцы в районах своего компактного проживания не составляли и 50% от общей численности населения. Это создавало предпосылки для усиления межнациональных контактов указанных народов с окружающими их этносами и приобщение их к общесоветским материальным и духовным ценностям.²¹

Наибольшее количество латышского населения проживало в округах Красноярском (дер. Островки, Борисовка, Сухоной, Грязная Кирза), Ачинском (дер. Граничная, Олугская, Ладожская, Никулино) и

Минусинском (дер. Нижняя Буланка, Креславка, Малиновка), что составляло соответственно 44,2%, 23,1%, 22,3% от всех латышей губернии. Латгальское население также проживало компактно по этим округам, показывая следующее соотношение по губернии – 22,1%, 65,3%, 12,6%. По остальным округам латыши и латгалцы проживали дисперсно среди русского и иного населения, например, в деревнях Ново-Лебедевской, Троице-Заозерной Канского округа.²²

Местами компактного проживания эстонцев стали Красноярский (дер. Западный Имбеж, Островки, Выймовская, Крестьянская), Канский (дер. Кабрицкая, Эстония, Ново-Печерская) и Минусинский округа (дер. Верхняя Буланка, Верхне-Суэтук), что определялось долями в 46,6%, 32,6% и 19,5% от всего эстонского населения губернии.

Что касается немцев, то большинство их сконцентрировалось в Минусинском (Николаевка, Александровка), Ачинском и Красноярском округах (г. Красноярск), что соответствовало 48,1%, 37,6% и 9,9% немецкого населения, проживавшего в Енисейской губернии. 74,2% финнов губернии размещались в Минусинском округе. Немногочисленное литовское население проживало преимущественно в Ачинском, Красноярском и Канском округах в соответствии с указанными долями в 34,2%, 33,0%, 27,8%.²³

Большинство населения указанных национальностей Енисейской губернии владело родным языком: среди эстонцев их доля составляла – 95,1%, латгальцев – 89,4%, латышей – 88,7%, немцев – 84,2%, финнов – 78,8%. Однако 59,9% литовцев своим родным языком считали русский и только 35,0% литовский.²⁴

По сравнению с другими народами, проживавшими в Енисейской губернии, представители немецкого и прибалтийских этносов имели, наряду с русскими, наибольшую долю грамотного населения: эстонцы – 60,6%, литовцы – 59,7%, немцы – 58,0%, латыши – 49,0%. И только среди латгальцев уровень грамотности был крайне низким – 27,1%. При этом процент грамотных среди мужского населения среди всех названных этносов был выше, чем у женщин в среднем на 16,4%. Основную часть грамотных, кроме литовцев, составляли лица, грамотные на языке своей национальности.²⁵

В дореволюционный период в Енисейской губернии существовали 3 эстонских и 3 латышских школы, немецких школ не было. В ходе гражданской войны многие школы оказались разорены, сожжены, значительная часть учителей покинули работу и эмигрировали за границу. В 1921 г. с введением НЭПа все учреждения Наркомпроса были переведены с государственного обеспечения на местные средства. В результате сеть национальных школ Сибири сократилась наполовину, а количество клубов, изб-читален, библиотек уменьшилось на 80-85%.²⁶ В 1924 г. национальные школы первой ступени среди народов-выходцев из Прибалтики и немецких колоний действовали во всех уездах. Эстонских школ насчитывалось 8 (дер. Островки, Западный Имбеж, Хайдак, Кобрицкая, Эстонская, Ново-Печерская, Верхне-Суэтук, Верхняя Буланка), латышских – 8 (дер. Островки, Грязная Кирза, Томнинская, Борисово, Сухоной, Лебедевская, Каменно-Гарновка, Нижняя Буланка), немецких – 1 (Николаевка). 6 учителей имели среднее образование, 4 – низшее, 6 являлись курсантами педагогических и коммунистических университетов.²⁷ В следующем году количество эстонских школ увеличилось до 13, а латышско-латгальских до 14.²⁸

Строительство школ второй ступени носило единичный характер. Имелись латышская и латгальская школы второй ступени в деревнях Каменно-Гарновка Красноярского и Креславка Минусинского округов.²⁹

К сер. 1920-х гг. центральное издательство Наркомпроса издавало буквари на языках около 30 национальностей, книги для чтения, арифметические задачки, грамматики, вспомогательные книги по географии, естествознанию и обществознанию. Буквари, как правило, отражали своеобразие быта, природы и хозяйства родного народа в масштабе семьи, родной деревни. Этого не доставало в книгах для чтения второго, третьего и четвертого годов обучения. Возникали сложности, например, в создании книги для чтения для немцев Поволжья, Сибири и западных губерний, проживавших в различных естественно-географических и хозяйственных условиях. Особые трудности отмечались в создании грамматик на национальных языках, ввиду обилия говоров в пределах одного и того же языка, несформированности общих литературных языков. Это было особенно актуально для латышей и латгальцев. Начали создаваться

учебники русского языка в школах национальных меньшинств. Удачным был признан учебник русского языка автора Биргер для немецких школ.³⁰

Несмотря на объективные трудности с образованием школ национальных меньшинств в сентябре 1925 г. действовало 14 латышских школ I ступени с 18 педагогами и 605 учениками, что составляло 36% от общего числа детей-школьников, 11 эстонских школ с 12 учителями, при 428 учащихся (32,0% от общего числа детей). «Ситуация с обучением немецких детей не изменилась. Оставалась 1 немецкая школа с 45 детьми без преподавателя.³¹

В целом на сер. 1920-х гг. пришелся своеобразный период возрождения этнических меньшинств, при котором были обеспечены некоторые гарантии этнической, культурно-языковой самобытности, сохраняющие их идентичность и не дающие раствориться в окружающем инациональном большинстве.

В соответствии с декларируемыми принципами национальной политики в сер. 1920-х – нач. 1930-х гг. Сибирский крайисполком начал содействовать процессам этнической консолидации народов Сибкрая. Начался процесс перегруппировки населенных пунктов и преобразования этнически смешанных сельсоветов в новые национальные. Выделялось дополнительное целевое финансирование на хозяйственно-бытовые и культурные нужды национальных меньшинств.³²

В планах по округам на 1930-1931 гг. было введение «всеобщего обязательного обучения в нацменселениях», переводение преподавания в школах I ступени в селениях с преобладающим нерусским населением на родной язык, полная ликвидация неграмотности, развертывание сети детских площадок.³³

В Минусинском округе 1 июля 1930 г. в числе национальных сельсоветов Абаканского района признали Алгаштыкский (с латгальско-латышским составом населения – 613 из 713 человек), Александровский сельсовет, населенный немцами. Сельсовет Николаевский I, где, по уточненным данным, немцы составляли чуть более половины населения, а менее 1/2 населения составляли русские, был переведен в разряд смешанных. В Каратузском районе Нижне-Буланский сельсовет, где количество латышей оказалось существенно выше ранее представленных данных (1735 из 1805 жителей), также получил статус национального.³⁴ К смешанным сельсоветам отнесли Креславский сельсовет Абаканского района – 664 латгальца в составе 752 человек населения, поселения эстонцев Каратузского района Верхне-Буланка в составе 145 семей с населением 1068 человек, а также Верхне-Суэтук, из 228 дворов которого 193 являлись эстонскими, из 1170 человек населения 1152 составляли эстонцы.³⁵

Аналогичные процессы территориального районирования, связанные с образованием эстонских сельсоветов, проходили в 1930-е гг. на территории других округов Енисейской губернии. При этом представители латышско-латгальского и эстонского этносов, в отличие от частично обрусевших украинцев, белорусов и поляков, настаивали на включении их населения в число «нацмен», тем самым, акцентируя внимание местных властей на необходимости сохранения своих культурно-языковых и хозяйственно-бытовых традиций.³⁶

Одновременно с положительными тенденциями в сфере национально-государственного строительства наблюдались и негативные моменты. В соответствии с рекомендациями состоявшегося летом 1927 г. совещания Сибкрайкома ВКП(б) в Новосибирске по антирелигиозной пропаганде, началась активная борьба с религией посредством чтения лекций и бесед по естественно-научной проблематике, внедрения новых праздников и обрядов, закрывались молельные дома, так как в условиях централизованного распределения строительных фондов, стало невозможно поддерживать их в нормальном состоянии. В результате предавались забвению все национально-культурные традиции, носившие религиозную окраску, а другого культурного наследия у большинства народов не было. В итоге обеднялась морально-этическая, социально-бытовая, досуговая и другие сферы жизни немецкого общества.³⁷

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. отразили изменения национального состава жителей Красноярского края. Общее их количество составило 1,96 млн. человек. Доля латышей и латгальцев в населении региона уменьшилась по сравнению с переписью 1926 г. как в абсолютных цифрах – с 15720 до 13746 человек (на 12,6%), так и в доле населения с 1,1 до 0,7% (на 0,4%). Это объяснялось тем, что латышское население не получало должного этнического пополнения из числа внешних мигрантов

своей национальности. Количество эстонцев в крае увеличилось с 9446 до 10979 человек (рост 16,2%) при сохранении их численности в доле населения на приблизительно прежнем уровне 0,6% (сокращение – 0,04%). Численность немецкого населения возросла с 3164 до 3962 человека (увеличение - 25,2%), составив, как и ранее, 0,2% в доле населения.³⁸ Увеличение эстонского и немецкого населения можно объяснить как его естественным приростом, так и принудительными миграциями в период массовой коллективизации, связанными с высылкой из мест постоянного проживания и лишением гражданских прав. Количественный состав литовцев и финнов, отнесенных к прочим народам, в переписи не указывался, ввиду их доли в составе населения, исчислявшейся менее 0,01%.

В целом этнические немецкие и прибалтийские группы Енисейской губернии, позднее Сибирского и Красноярского краев, показали достаточную степень устойчивости к существованию в новых природно-климатических и социально-экономических условиях. Во многом это было обусловлено компактностью проживания немцев и выходцев из Прибалтики, что превращало деревни поселенцев в самодостаточные, саморегулирующиеся общества со своей школой, церковью и общественной жизнью на родном языке. Взаимодействие поселенцев с коренными народами Сибири и русским населением, хотя и не приводило к складыванию прочных контактов, тем не менее, способствовало аккультурации и взаимному обогащению опытом в хозяйственно-бытовой и культурной сферах. Социально-территориальная замкнутость в меньшей степени была характерна для населенных пунктов вольных крестьянских переселенцев кон. XIX – нач. XX вв., зачастую размещавшихся дисперсно среди уже существовавших деревень русского и иного населения.

На период 1920-х гг. пришелся своеобразный период возрождения этнических меньшинств, во время которого особое внимание уделялось подготовке национальных кадров и укреплению материальной и духовной культуры. В 1930-е гг., когда окончательно сложилась советская политико-экономическая система, в условиях массовых репрессий, коснувшихся всех без исключения народов СССР, советские и партийные органы при разработке конкретной политики в регионах практически перестали учитывать особенности этносоциального и культурного развития национальных меньшинств. Особенно заметно это проявилось в этноконфессиональной и просветительской сферах, отразившись в закрытии национальных школ или переводе обучения в них на русский язык, а также роспуске религиозных общин и разрушении церквей.

Примечания

¹ Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. Издана Енисейским статистическим комитетом. С. - П., 1865. - С. 58-60, 64-68, 73,75,78; Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (далее: МУАГМ). - Ф.42, оп.1, д.1023, л.4 -15; Вийксберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири (Возникновение, изменения, контакты). У респ. конф. молод. лингвистов (Цахкадзор, 27-31 мая 1989). /Ю. Вийксберг. - Таллин: АН ЭССР. - С.6.

² Иванова И.П. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур на юге Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Мат-лы науч.-практ. конф. 4-5 ноября 2003 г. Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2004. - С. 177; Знамя труда, 21 июня 1989 г., 13 августа 1997 г

³ Вийксберг Ю. Указ. соч.- С.11, 22.

⁴ Латыши с берегов Енисея. История. Люди. События. Красноярск: Рег. респ.-общ. орг-я. Латышское нац.- культ. общество «Янтарь», 2005. - С.3-4, Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20-30-х гг. /М.Н. Колоткин. - Новосибирск: СГГА, 1994. - С. 16-17, 21.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. - Ф.17, оп.60, д.964, л.30, 30 об.

⁶ Колоткин М.Н. Указ. соч. - С.21.

⁷ Архивное агентство администрации Красноярского края (далее: АААКК). - Ф. П.1299, оп.1, д. 227, л.14, 14 об., 15.

⁸ Там же. - Ф. П.1299, оп.1, д. 227, л.14, 14 об., 15; Ф. П-96, оп.1, д.372, л.3.

⁹ Шайдунов В.Н. Ликвидационное законодательство Российской империи и его влияние на формирование немецкой диаспоры в Сибири в начале XX в. // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Тезисы межд. науч. конф., г. Красноярск. 13-16 октября 2004 г./ Отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. - С. 72-75.

- ¹⁰ Чернышева В.Г. Немецкое население Минусинского округа в XIX-нач. XX вв. // Немцы в Сибири. - С.104-105.
- ¹¹ МУАГМ. - Ф. 115, оп.1, д.280, л.133.
- ¹² Сидорас С.Д. Миграционные процессы в среде литовцев, проживающих в Приенисейской Сибири // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур... - С.153-154.
- ¹³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. - СПб., 1905. - С.256-257.
- ¹⁴ Подсчитано по: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев/ Патканов С. - СПб., 1911. - Т. 2. -Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 1911. - С. 322-325.
- ¹⁵ Подсчитано по: Патканов С. Указ. соч. - С. 322-325.
- ¹⁶ Подсчитано: там же. - С. 322-325; АААКК (п). - Ф. П-1, оп.1, д.98, л.4.; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). - Ф.1318, оп.1, д.1410, л.1-3.
- ¹⁷ АААКК (п). - Ф. П-1, оп.1, д.98, л.13 об., 20-24, 25-30.
- ¹⁸ Там же. - Ф. П-1299, оп.1, д.227, л.16.
- ¹⁹ Колоткин М.Н. Указ. соч.- С. 39-40.
- ²⁰ Подсчитано по материалам: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - Т. У1.- М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. - С. 17, 38, 43-44, 52,83; АААКК (п). - Ф. П-1, оп.1, д.98, л.4.
- ²¹ Лоткин И.В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920-1930-е гг.). Аспекты этносоциальной истории/И.В. Лоткин. - Омск, изд. дом «Наука», 2006. - С. 79-83.
- ²² Подсчитано: АААКК (п).- Ф.П-1, оп.1, д.583, л.66.
- ²³ Подсчитано: там же.
- ²⁴ Подсчитано по материалам: Всесоюзная перепись населения 1926 года. - С. 17, 38, 43-44, 52,83.
- ²⁵ Подсчитано: там же.
- ²⁶ Брейзе А.А. Немецкая диаспора Сибири: 1920-1930-е гг. / А.А. Брейзе, М.Н. Колоткин. – Новосибирск: СГТЛ, 1997. - С. 97.
- ²⁷ АААКК (п). - Ф. П-1, оп.1, д.583, л.66-67; д.810, л.135 об.
- ²⁸ Там же, л.206-209.
- ²⁹ АААКК (п). - Ф. П-1, оп.1, д. 809, л. 78; д.583, л.210; МУАГМ. Ф.115, оп.1, д.281, л.3, об., 4, 5.
- ³⁰ ГАРФ. - Ф. А-2306, оп.69, д.1346, л.1-3.
- ³¹ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1992 гг. - Красноярск: Архивное агентство администрации Красноярского края, 2007. - С.106-107.
- ³² МУАГМ. - Ф. 115, оп.1, д.280, л.146.
- ³³ Там же, л.113.
- ³⁴ Подсчитано по материалам: МУАГМ. - Ф.115, оп.1, д.280, л.251, об.
- ³⁵ Подсчитано: там же, л. 153, 175, 229 об.
- ³⁶ АААКК (п). - Ф. П-10, оп.1, д. 74 ,л. 41; АААКК. - Ф.1205, оп.1, д.89, л.113.
- ³⁷ Брейзе А.А. Указ. соч. - С.106-108.
- ³⁸ Подсчитано по материалам: Всесоюзная перепись населения 1926 года.- С. 17, 38, 43-44, 52,83; АААКК (п). -Ф. П-1, оп.1, д.98, л.4; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. - М.: Наука, 1992. - С. 60.

2008

А.В. Броднева, О.П. Ермакова,
г. Красноярск

«Сибирский Барков» (о поэте И.И. Варлакове)

Понятие «сибирская литература» было введено в оборот в 1837 г. немецким писателем Генрихом Кёнигом (1790-1869), который открыл для европейского читателя целые пласты сибирской литературы. Он выделяет Н. Полевого, И. Калашникова, И. Петрова, П. Словоцова, П. Ершова, поэтов «Енисейского альманаха». По его мнению, это начало такой силы, что «может скоро явить дюжины Куперов и

Ирвингов». Кёниг сравнивает Сибирь с Америкой, которые, «если сольются в своём культурном альянсе, то цивилизация утвердится на Западных берегах».

Н.М. Ядринцев, давая оценку ранней сибирской литературе, говорил о «локальных явлениях в литературе», сурово оценивая писателей ранней Сибири, которые, по его мнению, ещё не научились говорить своим языком, при этом отмечал, что: «никакой локальной литературы нет», а есть русская литература, рассматривая сибирскую литературу как неотъемлемую часть общерусской литературы и предъявляя к писателям очень серьёзные требования. «Истинная поэзия - один из самых позднейших цветков литературы, поэтому нечего удивляться, что на нашем Востоке не зародилось еще ни изящной художественной литературы, ни поэзии, и это немудрено, когда сама печать только что нарождается и делает первые шаги, - утверждал в свое время Н.Д. Ядринцев. - Мы не сделаем упрека Сибири, если припомним, что таланты и дарования даже и в среде русского общества, более интеллигентного, большая редкость: они не растут как грибы, крупные из них появляются поколениями. Нечего сравнивать Сибирь с ее ничтожным кругом образованных людей. Нужен большой рекрутский набор, чтобы в нем проявился даровитый военачальник, нужен большой контингент получающих образование, чтобы среди дюжин посредственностей попал талант»¹.

С этой позиции попытаемся рассмотреть творчество и биографию одного из забытых сибирских поэтов - Ивана Ивановича Варлакова, известного читателю XIX в. по публикации в «Енисейском альманахе» на 1828 г., изданном в Москве пробным тиражом 75 экземпляров.

Карьера И.И. Варлакова началась в 1817 г., когда он, выпускник тобольской духовной семинарии, покинул духовное поприще и перешёл в гражданскую службу, сначала в Тобольске, затем в Красноярске. Биографические сведения очень скудны и противоречивы. Наиболее достоверной информацией является некролог, составленный очень близким приятелем, Иваном Матвеевичем Петровым, биографом поэта.²

Вероятно, стезя духовного пастыря не удовлетворила Варлакова. Он становится чиновником почтового ведомства в Тобольске, а затем комиссионером Тобольского провиантского ведомства. «Но страсти пылкие, душа прямая, несвязанная никакими приличиями, огонь речей, грубая правда, коими ознаменованы все его произведения, – всё это требовало деятельности и занятий другого рода, более сообразных с природными его наклонностями».³

Служба в Енисейской губернии была значительным успехом в становлении карьеры, счастье улыбнулось Варлакову в Красноярске. К этому времени у Варлакова были первые публикации литературных сочинений. Ещё в Тобольске он пробует силу пера, в основном в жанре сатиры. В «Вестнике Европы» (1819, № 6) появились две эпиграммы и басня «Нож и оселок» (1819, №7) и ряд остроумных шарад (1820, № 1,2,4, 5). Его способности оценил сам губернатор А.П. Степанов, для которого литературное дарование было главным критерием в подборе кадров. Иван Варлаков был принят в канцелярию губернского совета, где сверх обыкновенных занятий, исполнял должность секретаря оспенного комитета (по борьбе с инфекционными болезнями).

С приездом в Енисейскую губернию А.П. Степанова, который возглавил губернию в период становления края, для Красноярска наступил «золотой век» литературы. Это был выдающийся общественно-политический деятель Сибири, реформатор, учёный - краевед и литератор в одном лице.

Красноярский старожил И.Ф. Парфентьев в своей летописи (1777-1897), описывая времена Степанова, отмечает: «Степанов был окружён людьми умными, литераторами и поэтами, из коих выдающимися личностями были: Варлаков, Расторгуев, Соколовский, и, кроме их, служащие лица, например, Пестов Иван Семёнович – председатель Енисейской казённой палаты, Коновалов, начальник первого отделения Губернского совета, Родюков Иван Григорьевич, советник енисейского губернского суда, коими печатались еженедельные бюллетени, высылавшиеся всем служащим каждую субботу. Варлаков был замечательная личность...»⁴. Бюллетени, вероятно, прообраз первой публичной газеты, «проба пера» начинающих поэтов и прозаиков. Из этого же круга вышел и «Енисейский альманах» на 1828 г., литературно-художественное издание, инициатором которого был А.П. Степанов. Появление «Енисейского альманаха» в 1828 г. было тепло встречено столичной прессой. «Московский телеграф», «Сын отечества», «Московский вестник», – наперебой расхваливали альманах. Пушкин, Жуковский,

Батюшков, Крылов, Полевой, – заметили и сочли его крупнейшим событием года для всей образованной публики. «Приятно видеть и в отдалённой Сибири просвещённые любители словесности посвящают досуги свои занятиям литературным. Приветствуем «Енисейский альманах», как дорогого заезжего гостя, и рады извинить все его недостатки в уважение и дальней дороги, и того, что это первое литературное явление с берегов Енисея», – писал обозреватель «Московского телеграфа»⁵.

Авторами первенца сибирской литературы были чиновники Енисейского губернского управления: Владимир Игнатьевич Соколовский, чиновник особых поручений при губернаторе, Иван Матвеевич Петров, составитель Альманаха и соляной пристав Енисейской казённой палаты, плодовитый и уже признанный поэт, Иван Семёнович Пестов, вице-губернатор, автор книги «Записки об Енисейской губернии» (1836), Александр Кузьмич Кузьмин, минусинский окружной начальник, и, наконец, Иван Иванович Варлаков, секретарь канцелярии губернатора, находившийся на особом положении по причине его полезности и опытности как чиновника, имевшего опыт службы в Тобольске.

Степанов культивировал в провинции литературный салон или клуб, наподобие Английского. Им было учреждено историко-краеведческое общество «Беседы об Енисейском крае», а в 1829 г. литераторы объединились в общество «Красноярская литературная беседа». Подобные салоны были явлением в жизни дворянской России пер.пол. XIX в. Красноярские общества просуществовали недолго.

Для наиболее образованной части красноярского общества нач. XIX в. это была не только дань моде, а желанная форма организации культурной жизни, имеющая свои специфические особенности, основные цели которой – камерное общение, занятия искусствами и общественными делами. Общение в подобных кружках было очень значимым, особую популярность имели дружеские послания, эпиграммы, шарады и другие литературные игры, – «безделки», как называли их участники. Писались они, как правило, вольным стихом (свободное чередование разностопных по количеству строк), который больше всего подходил для передачи разговорной речи. В этом отношении видной фигурой был И. Варлаков, его сатирические стихи и шарады цитировали во всех домах и учреждениях.

Парфентьев свидетельствует, что «Варлаков был замечательная личность, кутила беспросыпный и, когда губернатору требовалось к какому-нибудь торжественному празднику сочинять стихи или оду, или редактировать его собственные сочинения, то он его, что называется, выхаживал у себя в квартире»⁶.

На примере творчества И. Варлакова можно наблюдать, как развлекалось в то время красноярское общество, все люди известные, некоторые в больших чинах и в важных должностях. Никто не считал предосудительным в то время шутить и быть веселым, следуя давнему правилу царя Алексея Михайловича: делу время, и потехе час.

В летописи Парфентьева есть упоминание о путешествиях в Минусинский край, где свиту губернатора встречал минусинский окружной начальник А.К. Кузьмин. В Минусинске «татары считали его (губернатора) за высшего государственного сановника и возили на своих плечах»⁷.

Отголоском минусинских впечатлений в творчестве Варлакова является «Послание к Шабанову». Это мелкий чиновник, направленный Степановым в распоряжение Кузьмина, начальника края, в Минусинский округ, большой приятель, «кутила и шутник».

*Бог простит тебя, Шабанов.
Не своей ты волей там.
А послал тебя Степанов...
Не привёз ли что ты нам.
Особливо Варлакову
Из продуктов верховских,
Шкур ему на шубу нову,
Из баранов воровских.*

*Уж давно твою он, стару,
В лепестки всю износил;
Рукавиц на зиму пару.
Лишь себе из них сошил.
Бедна байка - однорядка!
Служит лет ему шесть;
Вся изморкалась, как блядка.
Слезла вся с неё уж шерсть.*

Сатирическим пером Варлаков изображает весёлую и сытную жизнь провинциального чиновника, на которого

*Пища, в дичи проживанье,
Сильное, хотя не вдруг, –
Делает всегда влиянье
Как на тело, так на дух.*

Это послание интересно не только тем, что в нём наиболее полно проявилось сатирическое дарование, «где игра ума и насмешки не стесняется никакими приличиями». ⁸ Поэт тут же нарисовал свой портрет: внешне похож на гагару, то есть, толстый, неуклюжий и плешивый, несмотря на свою молодость:

*Варлаков, хоть и гагара,
Как ты сам его зовёшь, –
Но задаст такого жара,
Что уважишь его плешь.*

В этом, казалось бы, шутивном стихотворении автор раскрывает и своё политическое кредо: свобода во всём, в первую очередь, в озвучивании своих взглядов, независимо от должностей и «красивого добротного кафтана».

Недаром Парфентьев в своём дневнике приводит пример того, как считался с Варлаковым сам Степанов, снисходительно прощая выходки, дебоши и запои. Видимо и он боялся острого, как жало, языка сатирика. Подобные отношения были невозможны в Петербурге или в Москве, а в провинции отношения с начальником порой носили характер патриархальной старины, а в отношении Варлакова и вовсе напоминали отеческую заботу о непутёвом сыне. «Один раз был такой случай: неизвестно, каким путём Варлаков пробрался под железную крышу дома губернатора, а там находилась сушильня для белья, обмотанная верёвками. Когда же Варлаков под крышей проснулся, и, не зная, где он, запутался в верёвках, стал бить кулаками и ногами в крышу и кричать: «Караул!» Как раз это было над спальней Степанова; он, хотя и суворовский ветеран, но сильно испугался, тот час поднял на ноги всех жандармов, казаков и всю прислугу, а часовой у ворот уже хотел стрелять. На вышку никто не идёт, как нижние чины люди были все из простых, будучи убеждены, что там «кикимора», и, наконец-то, кое-как вытащили оттуда виновника события Варлакова. Степанов оставил его под строгим караулом, велел вытрезвлять, а лишить Варлакова вовсе водки значили бы от него никакого толку не добиться».⁹

Из опубликованных произведений Варлакова обращает на себя внимание стихотворение «Счастливая жизнь» с посвящением чиновнику губернского Совета Ивану Ивановичу Коновалову, коллежскому советнику, под началом которого Варлаков служил и, вероятно, проводил досуг в деревне под Красноярском. Стихотворение «Счастливая жизнь» – одно из немногих напечатанных при жизни поэта в «Енисейском альманахе на 1828 г.». Оно написано в спокойной элегической манере, так можно писать о друге и сослуживце, с которым автор мечтает удалиться от суетности света, страстей, бедствий, нищеты, отдаться мечтам в «счастливой сельской доле», не думая о хлебе насущном:

*Блажен, кто в мире сём от должностей свободен!
Он житель мирных сёл, он бедствий всех далек,
И той единою лишь участью доволен,
Что просто человек.
Не хочет быть рабом свирепые Беллоны
И в поле Марсовом за славой не летит:
Не зрит кровавых рек,
Не слышит падиших стоны,
Сам ближних не разит.
Не быв служителем, наперником Фемиды,
Не весит лихвой дел, святых не рушит прав*

*Ни стряпчим, ни истцом: не мстит свои обиды,
И совестью прав.
Душой открыт и прост: личины не вздевает,
Не ищет почестей, от лености не спит,
Неистовых страстей внутрь сердца не питает;
Зла ближним не творит.
Живёт, уединяясь, в счастливой сельской доле,
С подругой, книгою; блаженны дни поёт;
Он богу молится, возделывает поле,
И дань царю даёт*

В 1823 г. Коновалов построил стекольный завод и позднее Знаменскую церковь. В 1860 гг. он торговал как иногородний купец, имел дом по Воскресенской улице на углу Дубенского переуллка и Биржевой площади (Ныне - Пр. Мира, 46-48, здание городской поликлиники №1).

Коновалову было посвящено и другое произведение Варлакова, своего рода сатира на самого себя. Автор называет Коновалова своим «меценатом», убеждает «купить для него на виц-мундир сукна»:

*Смотри - Гораций твой в фрачишке дырватом!
Был неопрятнее и самых плебеян,
Как к Августу придёт? Как станет меж дворян?
Иной презрительно взглянув на ветхость фрака,
Неволью пьяницей повеличает Флакка,
Хоть сам давно таков, тот мозгом изветшал,
Зато кафтан его достоин всех похвал...*

Наследство XVIII в. – каламбурность речи, игра слов, *bons mots* и т. п. – выглядит в стихах Варлакова чертой его индивидуальной манеры. Достоинство его эпиграмм – краткость стиха и меткость «укола».

Причиной ранней смерти И. Варлакова, вероятно, надо считать пороки, свойственные многим талантливым натурам: неумеренность питания, гордость, одиночество, неумение получать выгоду от своих способностей и связей, неудовлетворённость и бесперспективность положения бедного провинциального чиновника. Вызывает недоумение тот факт, что при большой популярности сатир, басен и шарад Варлакова, он мало печатался.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея хранится рукописный автограф шарад Ивана Варлакова, записанных мелким почерком на листах линованной бумаги большого формата. Всего 42 шарады, из них три-четыре публиковались в «Вестнике Европы» в 1819-1820 гг. Возможно, шарада являлась его излюбленным жанром, в котором проявился талант и блестящее остроумие, знание греческой истории и древних языков. Публикация неизвестных произведений поэта прольёт свет на личность и биографию ИИ. Варлакова, которого не без основания современники называли «сибирским Барковым». Стихи его цитировали, переписывали от руки, вставляли в рукописные домашние хроники.

Иван Варлаков

ШАРАДЫ (публикуется впервые)

1. От язвы, голода, болезней, многих зол.
Начальное родится.
Второе – русский суп, без коего за стол
Едва ли кто садится?
Последнее – груба речь, котору говорим,
Коль неохотно что даем или дарим.
А целое – черта, преспелы кажется лета,
Глубокой думы знака, иль гордости примета. (*мор-щи-на*)
2. Начальное в избах крестьянских и буфетах,
И кухня с девичьей и тайный кабинет,
Вторым, зовут себя все лица;
А целое в меду вареная пшеница. (*куть-я*)
3. Когда мы вещь продать кому-нибудь хотим,
То первое всегда при этом говорим;
Второе есть река в России знаменита;
А целое - слепец, Психеин волокита. (*купи-дон*)
4. Начально на земле лишь создано трудится;
Но праздно на небе в созвездиях нам зрится.
Последнее язвит нас и сладость нам дает.
У многих целого от любострастья нет. (*вол-оса*)

5. Мое начальное ни зюйд, ни вест, ни норд;
Мое последнее есть первая преграда
Врагу коль явится с осадой близ града
А целое - гора возникшая из вод. **(ост-ров)**
6. Начальным мужички зовут своих господ;
Второе в городе такая есть особа,
У коей каждый год нагой народ.
Солдата без ружья составят оба. **(бара-банищик)**
7. Начальным то в печи зовется,
На чем калач и хлеб и прочее печется;
Второе стройности красу лицу дает,
И чтоб не стали нас гнушаться,
Не должно нам его лишаться,
На целом же моем служанка подает. **(под-нос)**
8. И друга и слугу я первым называю,
Затем, что близок тот, сего ж не уважаю;
Второе гнусный крик, живущих средь болот;
Увидишь целое, войди лишь в огород. **(ты-ква)**
9. Начальным здание мы наше покрываем,
К последнему гудок и тон приноровляем;
А целое мое всяк может испытать,
О празднике большом лишь в церкви побывать. **(тес-нога)**
10. Монета первое французов издавна,
Ценой своей почти копейки есть равна;
Последним от певцов в концерте то зовется
Когда какой куплет с протяжностью поется;
А целое мое есть вздорный человек,
В затеях, ябедах проводит весь свой век. **(су-тяга)**
11. Начальное есть труд малюточек крылатых –
То роскошь при столе у бедных и богатых;
Второе – третье в начале букварей;
А целое мое – сильнейший из зверей. **(мед-веди)**
12. Начальное вредит и нивам и садам;
Но иначе поняв – мы в том жизнь проводим.
Второго нет совсем у девушек и дам;
А мерой целого пространство сфер находим. **(град-ус)**
13. И дождь и снег и град из первого родятся;
Последнего струи в Азовское стремятся,
А целое мое французы говорят,
Когда их русские штыками допорят. **(пар-дон)**
14. Со скрягою коль брак не в шутки заведем
То имя первого тотчас ему даем;
Вторым мы делимся с лакеями и псами,
Но прежде оглодав его довольно сами;
А целое есть вещь всему необходима,
Удобно, движима, мягка и делима,
Однако ж, сжать ее не можно никогда
Как хошь назови: спирт, масло иль вода. **(жид-кость)**

15. Во храме первое у нас творцу поется –
Название его от Эллинов берется;
Второе окружил от трех собою стран
С Востока, Севера и Юга океан;
А целое есть то общественное зданье,
Где могут дать о всем здесь сказанном познанье. (*гимн-азия*)
16. Лишились первого Филипп и Аннибал –
Один под крепостью, другой в лесу в походе;
Вторые наших душ оттенки, идеал –
Измены, как луна в сердечной непогоде;
А целое есть та непрямызна дорог,
Когда обходим мы иль гору или лог. (*око-лица*)
17. Мое начальное безгласной, твердый знак;
И ставится он без надобности, так;
Последнее краса полей и огородов;
А целое мое – герой, донской казак
На Севере он был грозою трех народов. (*ер-мак*)
18. Коль первым мы себя от скуки забавляем,
У птиц, зверей и рыб жизнь нагло отымаем,
Второе плата псам участникам забав;
А целое на все пригодный гибкий нрав. (*лов-кость*)
19. От первого ведут свой азиатцы род;
Последние у нас рогатый тяглый скот.
А целое - (оно есть греческо реченье) –
Вещам невидимым и нравственным дает
Прямое, верное, ясное значенье,
Изображая их чрез видимый предмет. (*сим-вол*)

Примечания

¹ Литературное наследство Сибири. Т.5. - Новосибирск, 1980. - Сс.91-92.

² Опубликовано в ж. «Сын Отечества». - М., 1830. ч.21. - С. 217-221.

³ Там же

⁴ И.Ф.Парфентьев Воспоминания КККМ о/ф.-7886/ ПИ - Р. 231. - С.7-8. Иван Фёдорович Парфентьев - автор воспоминаний о Енисейской губернии, частный поверенный у купцов и золотопромышленников, кандидат в заседатели городского судьи и словесного судьи.

⁵ Московский телеграф. 1828 г., ч. 19, кн. 3.

⁶ И.Ф.Парфентьев Воспоминания КККМ, о/ф.-7886/ ПИ - Р. 231. - С.7-8.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ И.Ф. Парфентьев. Воспоминания КККМ. о/ф.-7886/ ПИ – Р. 231. – С.7-8.

А.Е. Калюга, п. Курагино,
Д.В. Калюга, г. Красноярск

Усть-Можарское трудовое поселение

Решение об образовании Усть-Можарского трудового поселения было принято в январе 1933 г. на объединенном совещании представителя Золотопродснаба, районного коменданта отдела трудовых поселений Сиблага ОГПУ и секретаря Артемовского ВКП(б). место для организации трудколонии было определено по р. Можарке Курагинского района, находящееся в 18-20 км от п. Кордово при более обеспеченном земельными угодьями, лесным массивом и водоснабжением. Не случайно трудколонию разместили в устье р. Можарки. Этот «медвежий угол» окружали тайга и болота.¹

Согласно постановлению президиума Курагинского райисполкома от 17.01.1933 г., колонии на р. Можарка передавались бараки и иные постройки Курагинского леспромхоза, находившиеся на Можарском и Тюхтятском заготовительных пунктах.² В их числе, – барачных жилых – 10, изб – 5, амбаров – 3, а также столовая, ларек, пекарня, 3 бани, 2 конных двора, дегтярный и смолоскипидарный заводы.³

Спецпоселению отводились земли из состава Казырской лесной дачи – 20 000 га (из них только 50 га пахотной) и д. Тюхтыты 350 га.⁴ Трудколонию досталась земля, изрезанная оврагами, заболоченная, заросшая лесом, т.к. наиболее удобные площади здесь тогда были заняты колхозами «Тайга», «Тайга за пятилетку» и единоличниками. Трудколония представляла собой промыслово-кооперативную артель с уклоном сельского хозяйства с выборным правлением из спецпоселенцев с общим политическим наблюдением Ольховской райкомендатуры Сиблага ОГПУ.⁵

Сразу после своего образования Можарская трудколония подчинялась отделу трудовых поселений Сибирских исправительно-трудовых лагерей Полномочного представительства ОГПУ, который находился в г. Новосибирске. С июля 1935 г. она перешла в подчинение отдела мест заключения и трудовых поселений Управления Народного Комиссариата Внутренних дел по Красноярскому краю (МЗ и ТП УНКВД).

Распорядительные функции в трудколонии осуществляли комендант и его заместитель. В документах сохранились фамилии этих людей: Руденко, Корнев, Зайцев, Цыплаков. Директивы от вышестоящих органов направлялись в первую очередь к ним. Отчеты о работе колонии, планы, сметы, договора с другими организациями заверялись подписью коменданта и круглой печатью.

Хозяйственную работу трудколонии возглавлял уполномоченный. В 1935 г. эту должность занимали Базанов Яков Константинович и Гульченко.

В Можарской трудколонии было два участка: № 1 – центральный в Усть-Можарке и № 2 – в Тюхтытах.⁶

Постройки колонии находились также в с. Курагино – дом (перевалочная база), в д. Петропавловка – баня, кладовые, пекарня, и с. Имисс – интернат.⁷

С 1937 г. план по производству сельхозпродукции до трудколонии доводился и Артемовским райисполкомом. В его сводках она значилась как неуставная сельхозартель.⁸

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 07.05.1947 г. № 1413-375с спецкомендатуры должны быть упразднены. Но по сведениям ГУВД Красноярского края здесь они продолжали действовать до 1952 г. Неуставная сельхозартель была преобразована в колхоз «им. Чкалова».

Первые поселенцы Можарской трудовой колонии начали прибывать уже в феврале 1933 г.⁹ Селились они в промерзших бараках Тюхтятского заготовительного пункта, которые, даже по мнению спецкоменданта, нуждались в ремонте.

Среди спецпоселенцев были представители разных национальностей. Прибывали они в колонию с Артемовского рудника, по направлению Минусинской и Саралинской спецкомендатур. «Абхазцев «налицо» – 149 чел, из одиноких – 28 чел, семейных – 119 чел.», отмечалось в донесениях. Согласно сводке на 18.06.1933 г. количество семей трудпоселенцев составляло 147 семей (523 чел.).

20.07.1933 г. из Саралинской комендатуры прибыло еще 536 спецпереселенцев. До прибытия из этой партии многие умерли в пути, 36 человек бежали.

На 01.09.1933 г. в колонии значились убывшими 24 человека, в т.ч. ввиду смерти – 14, побега – 9, болезни – 1. В самой колонии в это время были организованы группы по борьбе с побегами.¹⁰

Трудпоселенцы были обязаны обеспечивать себя продуктами питания. Ежегодно руководство колонии получало план по производству сельхозпродукции и предметов широкого потребления, который подлежал выполнению в обязательном порядке.

Для посадки зерновых надо было вести раскорчевку. Из объяснительной записки коменданта: «Посевная площадь требует большую раскорчевку. На раскорчевку пней требуется на 1 га не менее 200 человеко-дней полноценной рабочей силы, каковой у нас в колонии почти нет. И придется прибегнуть к механизированной силе, а для этого необходим один гусеничный трактор».¹¹

В 1933 г. трудпоселенцами по сути «голыми руками» было раскорчевано 75 га, в 1934 г. – 100 га и 750 га поднято целины, но недостаток земли остро ощущался, поэтому в 1934 г. было отведено 800 га земли из земель совхоза Золотопродснаб.¹²

В 1934 г. трудпоселенцам с большим трудом удалось произвести посадку и уборку. В ПП ОГПУ г. Новосибирска комендант сообщал: «Уборка урожая 1934 года была закончена 14 января 1935 г.»¹³ (?! – авт.) Из-за выпавшего снега и заморозков не удалось убрать коноплю, 1 га картофеля и 4 га просо.¹⁴

Главным занятием можарских поселенцев была заготовка леса для Артемовского рудника и системы Сиблага. Плоты и пиломатериал отправляли по рекам в г. Красноярск. Все работы производились вручную: валили деревья, обрубали сучки, грузили бревна на конские поводы. Часть заготовленного леса предназначался для нужд самой колонии.

К январю 1934 г. в колонии были построены школа (число учащихся насчитывало 340 чел.), мельница конный двор, фельдшерский пункт. Строились бараки, которых должно было быть 92 шт. общей площадью 44 кв. м каждый.

Труд каждого поселенца строго учитывался. Распоряжение отдела трудовых поселений управления по Красноярскому краю НКВД СССР г. Новосибирска от 20.10.1934 г. гласило: «Неполноценную рабочую силу на кустарных промыслах Вам надлежит расставить с таким учетом, чтобы обеспечить 100-процентную выработку. Зарплата запроецирована на трудодень в 3 руб., а высококвалифицированным рабочим – до 6 руб. ОГП считает, что к IV-му кварталу артели нетрудоспособных настолько окрепли, что должны калькулировать свою продукцию с целью общепринятых необходимых накладных расходов».¹⁵ Более менее «окрепших» спецпоселенцев вновь отправляли на Артемовский рудник.¹⁶

В объяснительной записке к производственному плану трудколонии за 1934 г. указывалось: «230 чел. временно не работали за отсутствием обуви, обмундирования и разных заболеваний».¹⁷ Нередко в поселении случались эпидемии брюшного и сыпного тифа. Большое количество поселенцев болело дифтерией, малярией. Заболевшие обращались в амбулаторию, штат которой состоял из фельдшера и 5-ти сиделок. В неделю амбулаторию посещало до 480 человек. В помощь тамошнему медперсоналу был выделен второй фельдшер из с. Имисс. Донесения о медицинском состоянии трудпоселенцев составлялись каждую декаду.

В донесении помощника поселкового коменданта в Сиблаг г. Новосибирска от 15.11.33 г. указывалось: «Ввиду усиливающейся эпидемии сыпного тифа в трудколонии и д. Тюхтыты, принять из Саралы партию трудпоселенцев в 150 чел. совершенно невозможно, т.к. за недостаточностью помещений разместить их негде. Больных в колонии 47 чел., а в Тюхтытах – 13 чел. Для больных оборудован карантин-изолятор, вся их одежда пропущена через специально оборудованную баню-вошебойку».¹⁸

Для дезинфекции была оборудована даже специальная газовая камера.¹⁹

В феврале 1935 г. Усть-Можарская трудовая колония была реорганизована в Усть-Можарскую неуставную сельхозартель отдела трудовых поселений.²⁰

На то время в ней насчитывалось: 227 семей с 860 едоками, 160 лошадей, 100 голов крупнорогатого скота, 60 овец, 227 коров в индивидуальных хозяйствах. Закреплено: 1014 га сенокосов, 253, 5 га выпасов, 56, 75 га усадебной земли, 2000 га – пахотной, а всего – 3325 га.²¹

Согласно отчету за 1935 г. в трудпоселении уже работали: столярная мастерская, кузница и слесарка, смолокурка, сапожная мастерская, кирпичный завод, известковое производство, хлебопекарня, ткацкая, лесопилка, лесозаготовительный участок. Решался вопрос о строительстве бумажной фабрики.²²

Осуществлялось производство дранки, корзиноплетение, транспортное, бондарное, столярное, кружевное. Было изготовлено 450 телег, 450 саней, 1200 полозьев, 600 шт. колес и др.²³

Интерес представляет набор культспортивного инвентаря в клубе: 2 шахматных столика, балалайка, гармония венская 2-х рядная, 2 гитары, радиоустановка, доска для стенгазеты, доска ударника, доска % выработки.²⁴

Имелись постройки:

– на центральном участке № 1: 2 хлебных амбара, конный двор, 2 погреба, овощехранилище, парник, слесарная и колесные мастерские, хомутная, столярная, кирпичный тепляк, кузница, сапожная, амбар известковый, маслобойка, мельница, бондарная, пихтозавод, столовая, пекарня, распределитель, баня, детсад, школа, ветпункт, клуб;

– на участке № 2: 10 амбаров, баня.

На центральном участке находилась комендатура и арестное помещение.

Несмотря на то, что находились в ссылке, крестьяне, привыкшие добросовестно трудиться, не халтурили. В предварительных калькуляциях был предусмотрен премиальный фонд в размере 1 %.²⁵

Из техники имелось 3 трактора «Фардзон» 1928 г. выпуска, автомобиль, 2 трактора, 2 молотилки, 10 сеялок, 8 жаток, 65 конных плугов и др. Но, как отмечалось в сведениях, сельхозинвентарь был изношен на 60%, а трактора представляли собой «утиль».

В 1935 г. было вспахано 825 га земли. Посеяны: подсолнух, свекла, горох, пшеница, овес, ячмень, лен, просо, морковь, репа, турнепс, гречиха, конопля, огурцы. Имелось также тепличное хозяйство – выращивали капусту в парниках.²⁶ На строительстве работали – 380 чел., на лесозаготовках и сплаве – 1404 чел. Была организована пожарная дружина.

За 1935 г. доход трудколонии составил 247 037,78 руб., расход 95 535 руб. Т. о., содержать подобные поселения государству было выгодно, они приносили прибыль.²⁷

Примечания

¹ Архивный отдел администрации Курагинского района Фонд Р-40, оп.1, д.18, л.5

² Там же. д.22, л.1, 2, 4, 5

³ Там же. д.8, л.9-10

⁴ Там же. д.22, л.6,14

⁵ Там же. д.22, л.32-36

⁶ Там же. д.23, л.1, 114-115

⁷ Там же. д.17, л.52-68

⁸ Там же. д.22, л. 124

⁹ Там же. д.22, л.32

¹⁰ Там же. д.4, л.83, 104,129

¹¹ Там же. д.18, л.

¹² Там же. д.22, л. 35, 48

¹³ Там же. д.24, л.25

¹⁴ Там же. д.22, л. 35, 48

¹⁵ Там же. д.9, л.46-49, 53

¹⁶ Там же. д.4, л.291

¹⁷ Там же. д.9, л.45

¹⁸ Там же. д.9, л.45

¹⁹ Там же. д.4, л.188, 241

²⁰ Там же. д.8, л.14

²¹ Там же. д.22, л.67

²² Там же. д.22, л.67; д.2, л.46, л.76

²³ Там же. д.22, л.33

²⁴ Там же. д.18, л.7, 9

²⁵ Там же. д.17, л.53-68

²⁶ Там же. д.9, л.26

²⁷ Там же. д.18, л.4; д.24, л.12, 14

Литература

1. Архивный фонд № Р-40 «Колхоз им. Чкалова».
2. Архивный фонд № Р-72 «Тюхтятский сельский Совет депутатов и его исполнительный комитет».
3. Книга Памяти жертв политических репрессий. 1 Том. Книжное издательство «Издательские проекты», Красноярск, 2004 г.
4. «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои», под ред. Добровольского И.В., Международное общество прав человека, Москва-Санкт-Петербург, 1998.
5. «Юридические диалоги», краевая правовая газета апрель 1992 г.

2008

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

О структуре семьи русских крестьян Сибири в XVII – перв. пол. XIX в.

Насколько позволяют судить источники, в течение весьма длительного периода, по меньшей мере, с XVII до первых десятилетий XX в., жизнь русской крестьянской семьи протекала обычно в виде упорядоченного цикла с последовательным изменением структуры.¹ Исходным моментом этого цикла являлся раздел большого родительского семейства, в результате которого состоявшаяся уже брачная пара с детьми покидала пожилого отца и образовывала собственное домохозяйство. Спустя время, при благоприятном стечении обстоятельств, она сама становилась ядром сложного семейного коллектива и аналогичным образом давала начало новым малым семьям, повторявшим путь своих предшественников.

В зависимости от конкретных условий интенсивность протекания этого процесса в разные периоды времени и в разных районах страны значительно менялась. В одних случаях женатые сыновья сравнительно рано, в молодом еще возрасте, становились самостоятельными домохозяевами, в других – раздел происходил позднее. Нередко случалось, что и после смерти отца, братья продолжали еще долго жить на одном дворе и вести совместное хозяйство, делились уже их взрослые дети.

В результате, соотношение семей разных форм, малых и неразделенных, а также средние размеры крестьянских домохозяйств варьировали в значительных пределах. Деревенские общины то состояли преимущественно из многосемейных дворов, то из хозяйств, каждое из которых вела одна супружеская пара с детьми. Причем, нередко те и другие представляли население одной волости, или какого либо иного локального района.²

Неизменным на протяжении указанного периода оставался лишь сам способ образования новых домохозяйств, предполагавший раздел земли и совместно нажитого имущества членами большой семьи, «отцовской» или «братской». Этим семейные традиции русских принципиально отличались от описанной Дж. Хайналом «европейской» модели брачного поведения и связанного с нею типа организации домохозяйства. Распространение малых семей в районах, населенных великороссами, если таковое случалось не было продиктовано поздним вступлением в брак или обычаем передавать хозяйство одному наследнику.³

Подвижность структурных параметров крестьянской семьи в России свидетельствует о том, что регулировавшая ее традиция семейно-родственных отношений, обладала значительной гибкостью

и адаптивным потенциалом. Меняя свою структуру, крестьянские коллективы, очевидно, наиболее оптимальным для себя образом реагировали на складывающиеся природные и социально-экономические условия жизни. Анализ этих изменений может способствовать более глубокому пониманию феномена крестьянской семьи и вообще традиций родства в истории нашего общества. В частности предстоит еще выяснить при каких обстоятельствах крестьяне считали для себя приемлемым ведение совместного хозяйства, а при каких отдавали предпочтение разделу, насколько было выражено в их среде стремление жить отдельно «своим двором» в разные периоды времени, с чем оно было связано и насколько устойчивыми являлись представления, определявшие «диапазон приемлемости совместного проживания» в семейном быту.

Семейные традиции русского населения и, в частности, структура крестьянской семьи привлекали к себе внимание многих сибирских исследователей. В этой связи нельзя не упомянуть публикации В.А. Александрова, Н.А. Миненко, З.Я. Бояршиновой, А.А. Люцидарской и других авторов.⁴ Однако попытки концептуального обобщения полученных ими результатов свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы в данном направлении. Речь идет, прежде всего, о развитии локальных исследований, объектом которых выступает население отдельных деревень, сел, приходо́в. При наличии достаточной информации работа с такими объектами, как правило, позволяет более эффективно, чем на макроуровне, проследить жизненный цикл конкретных семей, полнее выявить все нюансы, влиявшие на развитие их структуры.

Как известно, являясь в первую очередь хозяйственным коллективом, крестьянская семья непрерывно испытывала в своей жизни изменения, зависевшие от состояния ее экономики. Не последнюю роль здесь играли размеры трудовой нагрузки крестьян в процессе ведения хозяйства.

Известно, что на начальных этапах освоения Сибири первые поколения русских старожилов старались преимущественно жить в составе крупных многосемейных дворов. В бассейне Среднего Енисея, например, в 1719 г. на долю таких дворов приходилось более половины от общего их количества. Среди всех неразделенных хозяйств преобладали те, что велись лицами, состоявшими друг с другом в боковом родстве (братья, дяди-племянники).⁵ Вместе с ними, в семьях жило немало людей пришлых (захребетники, половники, присевщики), которые на определенных условиях тоже участвовали в ведении хозяйства.⁶ Сходная ситуация в Красноярском старожильческом районе складывалась, очевидно, и в последующий период. По данным ревизий 1747, 1762 и 1782 гг. в среднем на двор здесь приходилось 8,0, 9,24 и 8,72 душ обоого пола,⁷ что позволяет предполагать значительное распространение неразделенных семей.

Большинство известных нам авторов факты семейной кооперации старожилов в XVII – XVIII вв. объясняют экономической необходимостью, трудностями ведения хозяйства на необжитой территории. Расчистка из под леса пашенных угодий и обработка таежных залежей действительно требовали от крестьян огромных усилий. Немало труда и времени занимало возделывание «государевой пашни» или несение казенного тягла на заводах.

Тем не менее, и во вновь осваиваемых районах крестьянские семьи нередко могли делиться на сравнительно ранних этапах своего цикла. Так по подсчетам А.А. Люцидарской, среди землепашцев Туринского уезда в 1701 г. отдельные супружеские пары с детьми составляли около 70% всех семей. У томских крестьян тот же показатель равнялся 90% (1703 г.), у верхотурских монастырских – 84,5% (1710 г.), тюменских – 84% (1719 г.).⁸ При этом значительная часть пахотных земель, а также мельницы, рыбные тони, и другое имущество этих крестьян находились в совместном владении разных дворов. Такая практика была характерна как для податных, так и для представителей служилого сословия. Среди томских детей боярских, например, совладения братьев, дядьев и племянников составляли почти 1/3 земельных участков, принадлежавших данной категории населения. У конного казачества этот показатель был еще выше – 38%.⁹

Очевидно, что после своего раздела родственные хозяйства томских и туринских старожилов продолжали еще какое-то время быть связанными между собой. Они не только сохраняли в совместном владении часть освоенных ранее земель и промыслов, но и далее, когда это было удобно, объединяли свои усилия при расчистке лесных пашен и строительстве заимок. По мнению И.В. Власовой, распространенность складничества за Уралом в XVIII в. была не меньшей, чем в предыдущем столетии.¹⁰

Т. о., взаимопомощь и кооперация труда разделившихся родственников вполне могли являться альтернативой неразделенных семей при ведении хозяйства в малообжитой местности. Какая из форм семейной организации была более предпочтительной зависело во многом от местных обычаев и стереотипов поведения.

Во втор. пол. XVIII в. источники фиксируют постепенное сокращение размеров крестьянских семей в большинстве старозаселенных районов Сибири. Молодые поколения крестьян начинают теперь раньше обзаводиться собственным домохозяйством, и многосемейные дворы становятся менее распространенным явлением. Одновременно уменьшается количество земельных совладений.¹¹

Главной причиной этих изменений исследователи называют сокращение затрат труда в крестьянском хозяйстве. Замена в 1760х гг. «государевой пашни» оброком и приведение земель в культурное состояние создавали условия, при которых крестьянам приходилось меньше работать для жизнеобеспечения своей семьи.¹² Имея достаточное количество очищенных от леса угодий, они были в состоянии справиться с ведением хозяйства без помощи родственников. Это способствовало более раннему отделению детей от родителей и распространению нуклеарных семей.

При кажущейся очевидности данное объяснение нуждается, на наш взгляд, все-таки в некотором уточнении. Хорошо известно, что до нач. XX в. земледелие русского населения Сибири преимущественно носило экстенсивный характер. Динамика сельскохозяйственного производства решающим образом зависела от количества и естественного плодородия обрабатываемых земель. Это означало, что по мере демографического роста новые поколения крестьян должны были с неослабевающим упорством осваивать новые территории для того, чтобы иметь прежние источники к существованию.

Как показал в своем исследовании А.Д. Колесников, уже в сер. XVIII в. многие старозаселенные районы Западной Сибири, – Тобольский, Тюменский, Туринский уезды, начинают терять население в результате миграции.¹³ Баланс притока-выхода мигрантов складывается в них отрицательным. Та же ситуация отмечается и на территории Енисейского уезда.¹⁴ Ввиду земельного «утеснения», местные жители активно переходят на пустующие земли в соседних районах. Колонизация в первую очередь охватывает лесостепной юг Западной и Восточной Сибири.

Одним из условий, толкавших крестьян к расселению, являлось господство залежно-паровой системы земледелия. Требуя непрерывной разработки целинных угодий, оно способствовало раннему складыванию малоземелья в местах первоначального заселения. Другим условием служило наличие незанятых еще земель в соседних районах, позволявшее решить данную проблему за счет перехода. В большинстве случаев крестьянские переселения ограничивались несколькими десятками верст от прежнего места жительства. Поэтому в центрах сравнительно крупных и плотнонаселенных районов миграционная ситуация со временем стабилизировалась.¹⁵ Вместо переселений их жители начинали использовать иные средства борьбы с малоземельем; сокращали сроки оборота залежей, распахивали «худые» менее удобные участки, а далее переходили к занятию промыслами, позволявшими компенсировать сокращение доходов от земледелия.

Именно в таких местах работавшие на возделанной ранее земле крестьяне, вероятно, затрачивали в хозяйстве меньше труда, чем на вновь осваиваемых территориях. Но насколько часто они встречались в Сибири во втор. пол. XVIII в. и как это отражалось на эволюции крестьянской семьи судить сложно. Каких-либо опубликованных данных по этому поводу нет. Можно лишь предполагать, что на периферии освоенных районов динамика семейных разделов старожилов зависела в основном от возможностей дальнейшей колонизации пустующих земель. Т.е. раздел семьи инициировался не сокращением трудозатрат в хозяйстве, а расширением и переводом части его на заимку. Отмена «государевой пашни» способствовала этому процессу двояко; она не только снимала с крестьян обременительное тягло, но и, что важно, освобождала их от дополнительного административного контроля, предоставляла больше возможности для захвата «собинных» участков и расселения.¹⁶

Выяснение данного вопроса, напрямую связано с определением мотивов поведения крестьян в семейном быту. Речь в частности идет о представлениях, которыми они руководствовались при разделах

сложных семейств; что было более важным в таких ситуациях – стремление обрести самостоятельность или забота о перспективах развития своего хозяйства.

Испытывая потребность в обновлении фонда используемых земель, старожильческие дворы делились, несмотря на тяготы, которые могли возникнуть ввиду нехватки рабочих рук.¹⁷ Сравнительно меньшее значение данная проблема имела для жителей степных районов; не встречая на своем пути сопротивление леса, они легче обустраивались на новом месте. Однако, как свидетельствует статистика, это не обязательно влекло за собой распространение односемейных дворов. По сведениям, которые приводит Н.А. Миненко в Чернолуцкой волости Омского округа в сер. XIX в. в среднем на семью приходилось 9,3 душ обоюбого пола, в Малышинской волости Ишимского округа – 8,7.¹⁸ Обе эти цифры указывают на значительное распространение неразделенных семей. Данные волости относились тогда к числу вновь осваиваемых. В нач. XIX в. то же можно было сказать о лесостепном юге Красноярского уезда, – Минусинской и Абаканской волостях. Но здесь, по сведениям местной администрации, крестьянский двор в среднем состоял не более чем из 6-7 человек,¹⁹ т.е. его населяла по преимуществу одна семья, состоявшая из супружеской пары и несовершеннолетних детей.

Т. о., эволюция семьи русских крестьян Сибири в XVII – XIX вв., очевидно, нуждается в дополнительном изучении. Существующая в современной историографии концепция данного процесса содержит еще множество вопросов.

Примечания

¹ Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма. // «История СССР», 1981. №3, С. 91.

² Там же С.85.

³ Носевич В.Л. Еще раз о Востоке и Западе: Структура семьи и домохозяйства в истории Европы. // Круг идей. Историческая информатика в информационном обществе. М., 2001. С.16.

⁴ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – нач. XVIII в. (Енисейский край). М., 1964., Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – перв. пол. XIX в.). Новосибирск, 1979., Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – нач. XVIII в. Новосибирск, 1992.

⁵ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 136.

⁶ Этнография русского крестьянства Сибири XVII – сер/ XIX в. М., 1981. С. 29.

⁷ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С.165, 169.

⁸ Люцидарская А.А. Указ. соч., С.97.

⁹ Там же, С. 101.

¹⁰ Власова И.В. Землепользование в Поморье и в Сибири 17 – 18 в. (Традиции и практика). // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979. С. 38.

¹¹ Этнография русского крестьянства... С. 21.

¹² Там же.

¹³ См. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – нач. XIX в. Омск, 1973. С. 415.

¹⁴ Быконя Г.Ф. Заселение русскими... С. 99.

¹⁵ Колесников А.Д. Там же, С. 142.

¹⁶ Власова И.В. Там же, С.43.

¹⁷ Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800 – 1861 гг.). Л., 1967. С. 359.

¹⁸ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья... С. 71.

¹⁹ Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. С. 136.

К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX в.

Складывание этнического массива украинцев за Уралом исследователи связывают, главным образом, с подъемом крестьянской колонизации кон. XIX – нач. XX в.¹ Именно в это время среди переселенцев на восток растет доля выходцев из населенных малороссами южных и юго-западных губерний империи: Черниговской, Харьковской, Полтавской, Волынской, Киевской, Таврической, Херсонской и Екатеринославской. На территории Минусинского округа они насчитывали в 1897 г. 3464 чел. – 9,49% от числа прибывших за последние 25 лет из Европейской части страны мигрантов. Всего же украинский язык являлся тогда родным для 5013 жителей округа (2,91% общей численности).² После русских и аборигенного этноса, – хакасов эта была третья по численности этноязыковая группа.

Изучение материалов податного учета 1795 – 1850 гг. показывает, что начало ее формирования относится уже к первым десятилетиям XIX в. В этот период четыре южные волости Среднего Енисея – Новоселовская, Абаканская, Курагинская, и Минусинская входили в состав Красноярского уезда.

В делах Минусинского волостного правления за 1805 г. содержится сведения о прибытии на его территорию переселенцев с Северного Кавказа. По свидетельству В.Ю. Григорьева, это были уроженцы Курской губернии, отправившиеся в Сибирь после неудачной попытки поселиться на южной границе, ввиду немирного соседства горцев.³ В XIX в. многие районы этой губернии были населены русскими и украинцами вместе,⁴ поэтому значительная часть новоселов носила украинские фамилии. В Минусинской волости часть из них приселились к старожилам д. Козловой, большинство же основали собственную деревню, избрав для нее место в нижнем течении Тубы.⁵ Новая деревня получила название Кавказская.

К моменту проведения податной ревизии 1816 г. Кавказская относилась к числу наиболее крупных населенных пунктов Минусинской волости, наряду с селами Шушенское, Каптырево и Минусинское. К ней были приписаны 276 душ крестьян обоего пола, по меньшей мере, 1/3 из которых носили украинские фамилии (Новиченко, Якушенко, Кудруцкие, Колесниченко, Комшенко, Волченко, Сахленко и др., – всего 98 чел.). Каждая из этих фамилий была представлена одной, реже двумя семьями. Доминирующие же в численном отношении кланы кавказских крестьян – Кретовы, Лактионовы, – имели патронимы великорусского происхождения.⁶

Население Минусинской волости являлось в это время преимущественно старожильческим по составу. Более 80% крестьян были здесь однофамильцами и, вероятно, потомками людей, живших на юге Среднего Енисея уже со втор. пол. XVIII в.⁷ Среди переселенцев жители Кавказской занимали почти половину наличной численности, представляя, т. о., маленький южнорусский анклав в массиве старожильского окружения.

В 1825 г. Кавказское получило статус села, став центром вновь созданного церковного прихода.⁸ Годом ранее несколько семей местных крестьян – Лактионовы, Галактионовы, Кийковы «без дозволения начальства... во избежание напрасных потерь времени на переезды к своим полям и пастбищам» основали в 25 верстах от села на р. Джирим заимку. Позднее к ним присоединились другие односельчане, Кретовы, Лихачевы, Дубины, Хураженко. К сер. 1850-х гг. на заимке было уже 17 домов и 150 чел. жителей – все выходцы из Кавказского.⁹ С 1858 г. заимка стала именоваться деревней Галактионова. Населявшие ее крестьяне образовали самостоятельное сельское общество со своими угодьями и раскладкой податного обложения.¹⁰

Большинство жителей новой деревни носили русские фамилии. Тем не менее, авторы публикации материалов ревизии 1859 г. отметили ее и с. Кавказское как преимущественно украинские селения Минусинского округа, где «малороссияне живут отдельно».¹¹ По этому поводу стоит сказать, что в восприятии старожильского населения украинцы и русские из южных, юго-западных районов страны обычно не различались, представляя собой как бы один народ под общим названием «хохлы».¹² Все это затрудняет задачу выделения этнических украинцев в составе местных переселенцев.

Еще одним населенным пунктом, связанным с историей южноруссов на юге Среднего Енисея, является с. Кортуз. Расположено оно в подтаежной местности на р. Уза – притоке Сыды, впадающей в Енисей в 70 – 80 км ниже устья Тубы. С 1806 г. эти земли входили в состав Абаканской волости.

Время и обстоятельства основания д. Кортузской не известны. Первое из обнаруженных упоминаний о ней – запись в метрической книге Абаканского Вознесенского прихода - относится к 1812 г.¹³

Анализ ревизских сказок 1795 и 1850 гг. показывает, что к сер. XIX в. кортузские крестьяне являлись на территории Абаканской волости людьми сравнительно новыми. В отличие от жителей других здешних деревень, чьи предки селились в бассейне Сыды уже, по меньшей мере, с кон. XVIII в., кортузцы появились в этих местах заведомо позднее.

В 1850 г. в д. Кортузской фактически проживало 189 чел. государственных крестьян. 180 из них были приписаны к здешнему обществу и носили фамилии не встречавшиеся среди старожилов волости. Остальные 9 считались в податном отношении жителями других расположенных по соседству деревень (Усть-Сыдинской, Бельцкой, Узинской) и имели старожильческие патронимы. 142 кортузских крестьянина – все из числа пришлых, были с украинскими фамилиям, оканчивавшимися на «-ко», «-ков» (Герасименковы, Игнатенко, Михайленко, Лютечкины, Федоренко и др.).¹⁴ Т. о., Кортузская община состояла в это время преимущественно из новоселов, большая часть которых (минимум, 79%) являлась украинцами.

В 1840-е гг. 11 семей кортузских крестьян выселились на левый берег Енисея основав там д. Абакано-Перевозную. По данным 9-й ревизии среди ее жителей насчитывалось 104 чел., из которых 42 (40,4%) – Бутенко, Герасименковы, Ткаченко, Стрельченко – с украинскими фамилиями.¹⁵

Интересные сведения о жизни украинских крестьян на Сыде в этот период дает обработка метрических книг Абаканского Вознесенского прихода. Согласно полученным данным, в перв. пол. XIX в. жители д. Кортузской обычно не рождались посредством вступления в брак с семьями сыдинских старожилов.

Например, в 1823, 1826, 1829 и 1831 гг. в Кортуже вышли замуж 12 невест из крестьянских семей. В 8 случаях женихами их являлись ссыльнопоселенцы, в 3-х – свои односельчане и в одном – крестьянин с нестарожильческой фамилией из другой деревни. У жителей соседних деревень Белоярской, Хабыцкой (Б. Хабык) и Узинской в брак в это время вступили 14 девиц; в 4-х случаях партию им составили свои однообщественники, в 6-и – крестьяне из других населенных пунктов, в 3-х – ссыльные и один жених был из ясачного сословия.

Женились крестьяне помянутых деревень 16 раз. Большинство заключенных браков (11 из 16) связывали их не с односельчанами, а старожилами других расположенных неподалеку деревень: Сыдинской, Бельцкой, Копенской, Детловой, Свиной. Кортузские же крестьяне сыграли в данный период только пять свадеб, и лишь дважды невестами на них были девушки, не из своей деревни.¹⁶

Все это, очевидно, указывает на то, что жившие на Сыде украинцы испытывали в эти годы трудности в выборе брачных партнеров; малочисленность своей общины, скрепленной к тому же тесным родством, ограничивала возможность женитьб и замужеств среди односельчан. Браки в старожильческом окружении случались редко. Поэтому кортузские девушки выходили замуж в основном за ссыльнопоселенцев (ссыльный контингент, как известно, являлся преимущественно мужским по составу – прим. авт.), а молодые люди во многих случаях, видимо, должны были откладывать создание семьи.

Итак, в перв. пол. XIX в. на юге Приенисейского края начинают формироваться первые общности южнорусского населения, включавшие значительную долю украинских переселенцев. Результаты ревизии 1795 г. и записи в церковных метрических книгах кон. XVIII в. свидетельствуют о том, что на тот момент лиц с украинскими фамилиями среди местных жителей почти не было.¹⁷ В источниках XVII в. они иногда встречаются, но в виде отдельных расселенных по разным местам семей податных и казаков.¹⁸ Складывание на Енисее общин южноруссов в рассматриваемый период объясняет одновременное распространение здесь некоторых элементов южнорусской традиции в домостроении; например, глиняной обмазки стен домов, постановки самого дома фасадом на улицу¹⁹ и др. Сюда же, наверное, можно отнести развитие огородничества, бахчевых культур, увеличение посадок картофеля.²⁰

Примечания

- ¹ Коровушкин Д.Г. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в кон. XIX – нач. XX вв. Новосибирск, 2007. С. 5-6.
- ² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Енисейская губерния. Красноярск, 1904. С.
- ³ Григорьев В.Ю. Население Каннского, Красноярского, Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии. Иркутск, 1893. С. 7.
- ⁴ Бережная С.В. Динамика численности и этнического состава населения Курского края в XVIII – XIX вв.// «Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв.// www. tambvodem. ru
- ⁵ Ватин В.А. Село Минусинское. Минусинск, 1914. С. 142-143.
- ⁶ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска Ф. 34. Оп. 1. Ед.хр. 257. ЛЛ. 150 – 165.
- ⁷ При подсчете были использованы данные ревизий по Минусинской волости за 1795 и 1816 гг. и метрической книги Курагинской Спасской церкви 1805 г.: Ватин В.А. Село Минусинское... С. 29-31, Архив г. Минусинска там же ЛЛ. 12-165; Ф. 51. Оп. 2. Ед.хр. 2. ЛЛ. 39 – 41.
- ⁸ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1995. С. 151.
- ⁹ Архив г. Минусинска Ф. 15. Оп. 1 Ед. хр. 229. ЛЛ. 153 (об.) – 159 (об.).
- ¹⁰ Там же. Л. 150 – 150 (об.)
- ¹¹ Список населенных мест по сведениям 1859 г. Енисейская губерния. СПб., 1864. Введение С. 27.
- ¹² Подобное отношение к южноруссам было характерным вообще в Сибири XIX в. Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX вв.): Историко-этнографические очерки. Омск, 2002. С. 47.
- ¹³ Архив г. Минусинска. Ф. 4. Оп.2. Ед.хр. 1. ЛЛ. 27 (об.).
- ¹⁴ При подсчете учитывались не только сведения о количестве приписанных к данному сельскому обществу крестьян, но и сделанные составителями ревизских сказок отметки о том, где они фактически проживали. Для того, чтобы выяснить число неприписанных, но фактически проживающих в деревне новоселов, такой же подсчет был выполнен и по другим населенным пунктам Абаканской волости. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 143. ЛЛ. 347 – 362.
- ¹⁵ Подсчитано по тем же данным.
- ¹⁶ Подсчитано по данным: архив г. Минусинска Ф. 4. Оп. 2. Ед.хр. 2. ЛЛ. 5 – 8, 53 – 58, 122 – 125 (об.), 142 – 145 (об.).
- ¹⁷ На территории Минусинской волости исключение составляли лишь двое приписанных в 1795 г. к селу Минусинскому работников Ирбинского завода с фамилией Комаренко. Ватин В.А. Село Минусинское... С. 29 – 31.
- ¹⁸ См. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.4. Очерки истории Красноярского уезда 17 в. М., 1959. С.217 – 230.
- ¹⁹ Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. С. 175.
- ²⁰ Список населенных мест по сведениям 1859г. ... С. 38. Авторы подчеркивают, что в Минусинском округе особенно хороши бахчи были «у малороссиян с. Кавказского».

2008

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 г.

В историографии принято считать, что в XVIII – перв. пол. XIX в. территория Зауралья преимущественно осваивалась благодаря внутренней миграции жителей края.¹ Сопутствуя хозяйственной деятельности русских сибиряков, данный процесс развивался в виде непрерывного и последовательного занятия ими земель, расположенных на периферии освоенных ранее районов. Зачастую, это происходило в форме заимок – приискания отдельными семьями новых удобных для селитьбы и ведения хозяйства мест вблизи существовавших ранее населенных пунктов. Образование и рост заимок обеспечивались ресурсами, которыми крестьяне (разночинцы, посадские, мещане) владели в «старых» деревнях. Переход семьи на заимку был растянут по времени. В течение многих лет члены отселяющегося родового коллектива, как правило, сохраняли связь со своей общиной.

Инициаторами расселения являлись в основном зажиточные и среднего достатка хозяева, испытывавшие потребность в обновлении фонда используемых земель. Многие заимки со временем сами становились деревнями, и давали начало новым выселкам. Таким образом, развитие заимочной системы рассматривается в качестве главного фактора аграрной колонизации и заселения русскими сибирских просторов.²

Анализ первичных материалов податного обложения свидетельствует о возможности дополнить сложившуюся в литературе модель этого процесса новыми данными. Речь, в частности, идет об изучении таких его аспектов как: интенсивность и направление миграции крестьян в тот или иной период; участие в переселении представителей различных групп общинного «мира», – старожилов, новоселов, оседлых ясачных и ссыльных; влияние фамильно-клановой организации сибирской общины на динамику расселения ее членов.

Административно данная территория входила с 1822 г. в состав Минусинского округа Енисейской губернии, и занимала бассейны двух южных притоков Енисея, – Ербы – на левом берегу, и Сыды – на правом. Ландшафтные условия ее представляли собой холмистую лесостепь, переходящую на востоке в зону подтаежных предгорий Саян. Заселение русскими этих земель началось после постройки в 1707 г. Абаканского острога. Анализ патронимов, содержащихся в материалах ревизий, показывает, что до сер. XIX в. население Абаканской волости являлось преимущественно старожильческим по составу. К 1850 г. оно почти на 2/3 состояло из потомков местных крестьян, живших здесь на рубеже XVIII – XIX в.³ Предки этих крестьян в основном фигурируют в опубликованных С.В. Бахрушиным списках служилых людей Красноярска и Красноярского уезда за 1671 г.⁴ 5,74% населения волости составляли старожила из других районов юга Приенисейского края; 12,52% принадлежали к числу новоселов, чьи фамилии впервые появляются на Енисее не ранее нач. XIX в. 8,60% жителей приходилось на долю ссыльнопоселенцев, и, наконец, оставшиеся 6,95% были представлены аборигенами (качинцами, койбалами), перешедшими в крестьянское сословие из среды ясачных.⁵

Хозяйство местных крестьян имело комплексный многоотраслевой характер, включая, наряду с земледелием, развитое животноводство и лесные промыслы, охоту, собирательство, рыбную ловлю. Побывавший здесь в 1830-е гг. Н. Шукин писал, что земледелие абаканских крестьян – самое бедное в Минусинском округе, поскольку «замедляется звериными промыслами и скотоводством».⁶ По его сведениям, обычный хозяин заседал «одну-две, много пять десятин», имея при том во дворе до 50 голов разного скота.⁷ У старожилов, расположенного на Сыде Белоярского прихода, количество коров и лошадей в хозяйствах стало сокращаться лишь к кон. XIX в., после «массового наплыва переселенцев из России».⁸

Занятия жителей волости оказывали влияние на географию и интенсивность их расселения. Потребность в сенокосах и пастбищных угодьях не только стимулировала этот процесс, но и создавала для него естественные барьеры, заставляла крестьян выбирать для селитьбы открытые свободные от леса места.⁹

Ревизией 1850 г. в Абаканской волости было выявлено 27 населенных пунктов, в числе которых лишь два, – д. Кортузская и заимка Хабыцкая (Малый Хабык) были расположены в подтаежной зоне, остальные – в зоне лесостепи. Характерно, что оба указанных селения являлись преимущественно не старожильческими; Кортуз был основан в начале века южнорусскими переселенцами, Малый Хабык населяли по большей части потомки ясачных койбалов. В 1850-е гг. в подтаежных верховьях Сыды появилось сразу 10 новых деревень (Екатерининская, Васильевская, Никольское, Зезенина, Еленинская, Отрок, Адриха, Большая Идра, Малые Кныши и Салба), жителями которых стали вновь не старожила, а переселенцы, на этот раз из Пермско-Вятского региона.¹⁰

Свидетельствуя о миграции крестьян, материалы ревизий содержат, прежде всего, записи о переходах, утвержденных решениями губернской администрации. В большинстве случаев такие решения выносились явочным порядком, спустя значительное количество времени, после того как главы переселившихся семей подавали по этому поводу прошение. Помянутые в них лица исключались как выбывшие из списков прежнего сельского общества, и причислялись к новому.

Кроме того, ревизские формуляры в графе «из того числа выбыло» обычно содержат черновые пометки, свидетельствующие о том, что в период подведения итогов переписи некоторые из жителей

данного населенного пункта фактически находились (проживали) в других деревнях своей или соседней волости. Указываемое, таким образом, число жителей значительно превосходит количество тех, чье переселение было официально зарегистрировано. Обработка данной информации существенно дополняет наше представление о мобильности податного населения.

Среди отсутствующих по месту приписки крестьян, очевидно, находились те, кто обустроившись, или, начав обустраиваться на новом месте, сохраняли еще усадьбы и земельные владения в старой общине. Постепенно переводя хозяйство, переселяющиеся семьи жили какое-то время «на два дома», либо осуществляли раздел; в последнем случае, однако, отошедшая брачная пара с детьми нередко продолжала считаться в составе отцовского (братского) домохозяйства, и оставалась приписанной к прежнему обществу. Такое ее податное состояние, как свидетельствовали чиновники, могло сохраняться в течение неопределенно долгого времени, если сами переселенцы не начинали просить начальство о перечислении.¹¹

Среди отсутствующих указывались также крестьяне, постоянно жившие на заимках. На территории Абаканской волости в сер. XIX в. было четыре сравнительно крупных «неревизских» селения: Метихова (Байтак), Мало-Телецкая (Суворова), Мало-Хабыцкая (Сухарева) – на правом берегу Енисея, и Бородина – на левом. Жители этих селений не образовывали до 1858 г.¹² самостоятельных обществ, и потому как плательщики подати записывались в сказки тех деревень, откуда они или их родители ранее вышли.

Произведенные расчеты показывают, что ко времени завершения ревизии 1850 г. 1206 чел. (22,75% от приписного состава) крестьян Абаканской волости проживали не там, где их застала предыдущая перепись 1834 г. Около 1/3 (379 чел. – 31,43%), при этом, были причислены к новым обществам, прочие продолжали считаться в составе старых. Расстояния между местами прежнего и нового жительства мигрантов были, как правило, невелики; почти 80% переходов совершались в радиусе до 50 км.¹³ 57 чел. – 4,73% от числа переселившихся или переселяющихся крестьян, выбыли за пределы волости: местами проживания их указаны с. Курагинское, дд. Шалоболына, Курганчики, Городок, Монуцкая, Каменка и Старые Кныши, расположенные к югу от рассматриваемой территории. Вновь прибывшими являлись 110 чел. – в большинстве своем выходцы из более северных Новоселовской и Балахтинской волостей Енисейской губернии.¹⁴ Т. о., в сер. XIX в. на Енисее еще продолжался начавшейся около 100 лет тому назад процесс миграции старожилов из северных в южные районы края. Географию расселения абаканских крестьян отражают таб. № 1 по четырем миграционным подрайонам волости. (См. приложение)

На берегах Енисея и в среднем течении Сыды русские начали селиться сравнительно рано. Большинство расположенных здесь деревень имели к сер. XIX в. уже более чем столетнюю историю и при существующей системе пользования угодьями, вероятно, испытывали нехватку земель. Выселение в этих районах затронуло более ¼ крестьян (27,33% – в Приенисейском, и 26,35% – в Среднесыдинском). 27,41% из них оставались после перехода в пределах очерченного ареала; 18,87% ушли или начали переселяться на левый берег Енисея; 48,87% мигрировали в восточном направлении вверх по Сыде. Здешные места являлись тогда окраиной русской оседлости в регионе. До прихода сюда в 1850-е гг. уральских переселенцев далее на восток в залесенных предгорьях Саян крестьянских селений еще не было. Данное направление являлось особенно привлекательным для жителей деревень, Бельцкой, Байкаловой, Бирьской, Усть-Сыдинской, составлявших более 70% от числа тех, кто начал здесь селиться в то время.¹⁵

Активность миграции крестьян дифференцировалась в зависимости от их социального статуса и времени проживания на данной территории (таб. № 2). В 1850 г. 26,86% населения Абаканской волости состояло из людей, фамилии которых впервые появляются в местных источниках после 1795 г.¹⁶ В составе этой группы были ссыльнопоселенцы, крестьяне-старожилы из др. районов Приенисейского края и новоселы, чье происхождение остается в основном неизвестным. Некоторые из них – в частности жители деревни Кортузской – имели малороссийские патронимы, являясь, очевидно, выходцами из южных или юго-западных губерний империи.

В 1840-е гг. значительная часть кортузских домохозяев (11 семей, более 100 чел.) покинула прежнее место своего обитания и основала на левом берегу Енисея деревню Абакано-Перевозную. В пределах изучаемой территории это был единственный случай, когда в одном направлении мигрировала столь значительная группа однообщинных семей, относительно слабо связанных между собой фамильно-

родственными отношениями. В целом же пришлые демонстрировали меньшую склонность к переходам, чем старожилы. Располагая очевидно ограниченными ресурсами в виде скота и рабочей силы, они испытывали меньше потребности в захвате новых земель, являвшейся главным стимулом крестьянской мобильности.

Для малоимущих и зачастую бесхозяйных поселенцев миграция преимущественно была связана с поиском заработка. Различные виды работ по найму и на заказ,¹⁷ играя существенную роль в жизнеобеспечении ссыльных, требовали частых перемещений. Поэтому данная категория жителей была наиболее подвижной. Выходцы из ясачного сословия отличались тоже сравнительно высокой мобильностью, но ее причины, как и вообще особенности быта крестьян-аборигенов, нуждаются еще в изучении.

Обладая разной подвижностью, представители отдельных групп рассматриваемой популяции различались также и направлением своих переходов (таб. № 3). Покидая прежнее место своего обитания, старожилы чаще старались осесть на периферии обжитой территории, новоселы и ссыльнопоселенцы, наоборот, обычно предпочитали не покидать ее пределов.

Одним из условий, оказывавших влияние на миграционную ситуацию в «старых» деревнях, являлось господство традиций родового землепользования. В сочетании с переложной агротехникой и развитым скотоводством, оно сравнительно рано способствовало складыванию малоземелья в старозаселенных районах.¹⁸

По свидетельству П.А. Аргунова, относящемуся к 1880-м гг., «в степных местах Абаканской и Новоселовской волостей... из области частного захвата не везде были изъяты даже выгоны, не говоря уже о покосах, а тем более пашнях».¹⁹ Подобная практика, прежде всего, отвечала интересам многосемейных старожильческих родов, которые, раньше других, придя в ту или иную деревню, владели в ней по праву первенства лучшими землями. Концентрация их в руках отдельных родственных групп заставляла иных общинников довольствоваться отдаленными угодьями худшего качества или заботиться о переходе на новое место. С другой стороны, обладая значительным трудовым и хозяйственным потенциалом, многосемейные кланы также должны были испытывать потребность в дополнительных земельных «занятиях» и участвовать в переселениях.

В Абаканской волости в сер. XIX в. едва ли не в каждом селении имелись доминирующие в численном отношении фамильные «гнезда». В д. Бельцкой это были Красиковы, Терские и Песеговы (всего 291 чел.), в д. Белоярской – Ковригины и Худяковы (202 чел.), в Хабыцкой – Елисеевы и Тропины (232 чел.), в Узинской – Быкасовы (155 чел.), в деревнях Усть-Сыдинской, Байкаловой и Копенской – Байкаловы (в общем – 426 чел.).²⁰

Проанализировав расселение крестьян 11-и деревень волости, давших основное число мигрантов, мы не обнаружили явной зависимости между размерами фамильных «гнезд» и числом выселившихся среди них жителей того или иного населенного пункта. Было установлено, что в пяти населенных пунктах (дд. Сыдинская, Белоярская, Сорокина, Быскарская и Кортузская) наибольшую склонность к переходу демонстрировали крестьяне, имевшие ниже среднего для данной общины число однофамильцев. В четырех других (деревни Усть-Сыдинская, Байкалова, Бельцкая и Верхняя Ерба) максимум миграционной активности был характерен для представителей крупных родов, каждый из которых, однако, уступал по численности основному клану. И еще в двух деревнях (Копенской и Бирьской) чаще др. мигрировали члены доминирующих в своей общине фамилий.²¹

Родственные связи играли важную, а порой, вероятно, и главную роль в качестве фактора, определявшего направление и саму возможность переселения. Согласно подсчетам, 37,21% крестьян селились после перехода на новом месте не отдельными семьями, а в составе родственных групп. Особенно часто это встречалось в «молодых» появившихся не раньше кон. XVIII в. дд. (Телецкой, Мало-Телецкой, Мало-Хабыцкой, Метиховой, Свиной, Кортузской, Абакано-Перевозной), население которых преимущественно росло за счет миграции. Доля крестьян, поселившихся в них вместе с однофамильными (родственными) семьями, составляла 61,02% от числа вновь прибывших; ближе к верховьям Сыды, куда направлялся основной колонизационный поток мигрантов, данный показатель равнялся 68,16%, тогда как в среднем течении этой реки и по правому берегу Енисея он был лишь 18,06%.²²

Примерно в 40% случаев (45 семей из 104) уходившие из своей деревни вместе или следом за однофамильцами крестьяне становились с ними вновь жителями одной деревни. Иногда выселение захватывало большую часть старожильческого клана того или иного населенного пункта. Например, в д. Байкаловой в 1830-е – 1840-е гг. выбыло восемь из девяти семей Шадриных (всего 82 чел.) – второго по численности рода; три из них во время проведения ревизии 1850 г. были записаны в общество деревни Телецкой; еще три находились там, продолжая считаться в составе байкаловских крестьян, две семьи жили неприписанными в с. Усть-Ербинском и д. Идринской. Из д. Бирьской в 1840-е гг. выселились шесть семей Ошаровых (100 чел.), пять из которых стали жителями «неревизского» селения Метихова, – общинной заимки бирьских крестьян.²³

Т. о., расселение рассматриваемой популяции крестьян в сер. XIX в. характеризовалось весьма активной динамикой, реальные размеры которой значительно превосходили официально регистрируемые в этот период данные. Отток населения из старозаселенного центра волости происходил преимущественно в двух противоположных направлениях: западном, на левый берег Енисея, и восточном вверх по Сыде; последнее являлось, при этом, безусловно доминирующим. Главную роль в освоении новых земель играли старожилы, ареал расселения которых на востоке вплотную подступал к незаселенной русскими подтаежной зоне. Переходы других групп крестьян (новоселов, ссыльнопоселенцев, крестьян из ясачного сословия) совершались в основном в пределах обжитой территории, и имели меньшее колонизационное значение. Заселение старожилами вновь осваиваемых земель осуществлялось, как правило, не отдельными семьями, а родственными объединениями, включавшими две и более однофамильных семьи. В большинстве случаев такие семьи не входили в состав самых крупных в своей общине родственных коллективов, чей уровень мобильности был сравнительно ниже.

Примечания

¹ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 415-416.

² Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800 – 1861 гг.). Л., 1967. С. 99.

³ Вагин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк Минусинск, 1914. С. 29-32. Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 143.

⁴ Подсчитано по данным: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. Очерки истории Красноярского уезда XVII в. М., 1959. С. 213 – 230. Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 143.

⁵ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 143.

⁶ Щукин Н. Минусинский округ// «Журнал Министерства Внутренних Дел». Ч. 18. 1856. май. С. 18.

⁷ Там же С. 16, 23.

⁸ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1995. С. 138.

⁹ Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского округа и объяснительный каталог Минусинского музея. Казань, 1892. С. 103.

¹⁰ Краткое описание приходов Енисейской епархии... С. 137, Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 237. ЛЛ. 20 – 25.

¹¹ Вагин В.А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1916. С. 31.

¹² Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 229. Л. 150.

¹³ Подсчитано там же. Ед.хр. 143.

¹⁴ Подсчитано там же.

¹⁵ Посчитано там же.

¹⁶ Подсчитано там же.

¹⁷ Щукин Н. Минусинский округ// «Журнал Министерства Внутренних Дел» Ч. 18. 1856. июнь. С. 31.

¹⁸ Якимова И.А. Эволюция форм общинного землепользования пашней и сенокосными угодьями на Алтае во вт. пол. XIX в.//... С.75.

¹⁹ Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства... С. 28.

²⁰ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 143.

²¹ Подсчитано там же.

²² Подсчитано там же.

²³ Подсчитано там же.

География расселения абаканских крестьян

Таблица №1. Направление миграции государственных крестьян Абаканской волости по данным ревизии 1850 г.*

№№ подрайона**	Число переселенцев (душ обоого пола)		Откуда прибыли и куда выбыли по подрайонам (душ обоого пола)						
			1	2	3	4	Др. волости	Неизв.	Сальдо миграции
1	Прибыло	278	38	85	98	0	57	0	98
	Выбыло	180	38	74	26	20	6	16	
2	Прибыло	241	74	70	68	4	25	0	-393
	Выбыло	634	85	70	57	375	40	7	
3	Прибыло	165	26	57	60	0	22	0	-171
	Выбыло	336	98	68	60	99	11	0	
4	Прибыло	527	20	375	99	26	7	0	469
	Выбыло	58	0	4	0	26	0	28	
Всего:	Прибыло	1211							3
	Выбыло	1208							

*Данные в таблицах подсчитаны по документам архива г. Минусинска. Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 143.

**1. – Ербинский: село Усть-Ербинское, деревни Копенская, Абакано-Перевозная, Сухая Тесь, Большая Ерба, Верхняя Ерба, заимка Бородина;

2. – Приенисейский: село Абаканское, деревни, Сорокина, Бирьская, Усть-Сыдинская, Байкалова, Бельцкая, Быскарская, Листвягова, Бузунова;

3. – Среднесыдинский: село Белоярское, деревни, Сыдинская, Узинская, Кортузская, Свиньина;

4. – Верхнесыдинский: деревни Идринская, Хабыцкая, Телецкая, заимки Мало-Телецкая, Мало-Хабыцкая, Метихова.

Таблица № 2. Интенсивность миграции отдельных групп крестьян Абаканской волости по данным ревизии 1850 г.

Категории крестьянского населения	Наличное число душ по данным ревизии 1850 г.	Число душ приписавшихся к другим н.п. в 1834 – 1850 гг. и указанных в 1850 г. проживающими не по месту приписки	% переселившихся крестьян от наличного числа
Старожилы волости*	4173	935	22,41
Крестьяне д. Кортузской	203	109	53,69
Другие новоселы	948	162	17,09
Крестьяне из поселенцев	542	176	32,47
Крестьяне из ясачных	438	132	30,14
Итого:	6304	1514	24,02

* крестьяне, чьи фамилии встречаются в ревизских сказках крестьян Минусинской земской избы за 1795 г. среди жителей деревень, вошедших в 1806 г. в состав Абаканской волости.

Таблица № 3. География мест поселения мигрантов из разных группы крестьян Абаканской волости. 1850 г.

Район поселения	% переселенцев			
	Крестьяне-старожилы	Крестьяне-новоселы**	поселенцы	Крестьяне из ясачных
Ербинский	11.76	4.32	12.5	0.00
Приенисейский	16.58	28.40	34.66	45.45
Среднесыдинский	11.12	33.33	19.32	20.45
Верхнесыдинский	52.73	24.69	18.18	34.10
Выбыли в др. волости	4.49	9.26	12.5	0.00
Неизвестно	3.32	0.00	2.84	0.00
Всего:	100.0	100.0		100.0

** Без жителей деревни Кортузской.

Исторические источники о жизни и творчестве Т. Бондарева, крестьянского мыслителя, друга и соратника Л. Толстого: характеристика и классификация

В 2008 г. исполнилось 180 лет со дня рождения великого русского писателя Л.Н. Толстого, 110 лет со дня смерти Т.М. Бондарева, крестьянского философа и 50 лет со дня переименования села в Иудино в село Бондарево. Творчеству крестьянского мыслителя посвящена обильная литература. Библиографические материалы о нем содержатся в работах К.С. Шохор-Троцкого, Е.И. Владимирова. Последний список литературы о Бондареве содержится в календаре знаменательных и памятных дат в Хакасии за 1998 г.¹ Не осталось без внимания исследователей и село, в котором он прожил более 30 лет.²

Работы К.С. Шохор-Троцкого «Сютаев и Бондарев» (1913 г.), Е.И. Владимирова «Т.М. Бондарев и Л.Н. Толстой» (1938 г.), Н.Н. Гусева «Толстой и крестьянин Т.М. Бондарев» (1970 г.) написаны на источниковедческом материале.³ Но проблема «Характеристика исторических источников, их классификация в изучении жизни и деятельности Т.М. Бондарева» ими не рассматривалась.

О жизни и творчестве Т.М. Бондарева свидетельствуют письменные, вещественные, фотодокументальные источники. К письменным источникам относятся религиозно-философские произведения Т.М. Бондарева, сочинения Л.Н. Толстого (письма, статьи о Бондареве), материалы периодической печати, где опубликованы произведения писателя – народников Г. Успенского и И. Белоконского и др. Другой тип источников – это фотодокументы, которые хранятся в фондах музеев и библиотек. Значительные материалы о Бондареве содержатся в фондах регионального краеведческого Минусинского музея.⁴ К вещественным памятникам, к памятникам материальной культуры можно отнести высеченные на каменных плитах надписи (они не сохранились к наст. вр.), а также памятник 1957 г. (не сохранился), памятники 1985 и 2006 гг.

Известен только один документальный источник, повествующий о жизненном пути крестьянского мыслителя. Содержание документального источника приводится в работе К.С. Шохор-Троцкого: «В книге Бейского Волостного правления о ссыльно-поселенцах имеется запись, сообщающая немного сведений о Бондареве. Ввиду небольшого количества документальных данных о Бондареве приведу ее целиком: «Тимофей (Давид) Михайлович (Абрамович) Бондарев умер в 1898 г., 69 лет, сослан в 1867 г., 26 лет, казачьего 26 полка Кубанского войска, по решению военно-ссудной комиссии. Лишен установленной медали в память минувшей войны и воинского звания. Рост 2 арш. 7 вер., лицо смуглое, глаза карие, волосы на голове и бороде черные. Сослан в д. Иудино. В 1877 г. был в безвестной отлучке, повсеместно разыскиваемый и исключенный с оклада. В 1878 г. числится снова на окладе. В этой записи явно перепутан возраст Бондарева, остальное же, по-видимому, верно».⁵

В печати опубликовано несколько вариантов основного сочинения Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельцев». Впервые сочинение Бондарева напечатано по инициативе Льва Толстого в Московской еженедельной газете «Русское дело» издававшейся С.Ф. Шараповым. В номере 12 «Русского дела» от 19 марта 1888 г. сочинение было опубликовано в сокращенном варианте, а в номере 13 от 26 марта – предисловие Толстого. Это издание было конфисковано и оказалось недоступным читателям. Публикация в «Русском деле» сочинение Бондарево предшествовало примечанию редактора, в котором отмечалось: «По мысли оно интересно как протест против того неуважения, с каким наше образованное общество и государство относится к земледельческому труду. По форме, как удивительно простое и поэтичное произведение, полное чарующей искренности... нам эта рукопись — живо напомнила древние произведения народного творчества, ставшие историческим достоянием нашей литературы. Стиль автора очень близок к Даниилу Заточнику, протопопу Аввакуму и т. п. Есть еще на Руси уголки, где в полной силе царят простота и искренность XIV и XVI веков; голос оттуда».⁶

В 1906 г. в издательстве «Посредник» с предисловием Л.Н. Толстого в России впервые было издано сочинение крестьянского философа в полном объеме. До этого времени, благодаря помощи Толстого и

его друзей оно издавалось во Франции, Англии, США, т.к. было переведено на французский и английский языки. Эта редакция произведения в наст. вр. стала общедоступной так как была воспроизведена в журнале «Енисей» (№ 6, 1989 и № 1, 1990).⁷ В книге Е.И. Владимирова напечатан 8 экземпляр рукописи. Редактор оговаривает, что данное издание печатается по рукописи, на которой указана дата переписки: «В половине мая 1898 г.».⁸

В сочинении содержатся биографические материалы писателя написанные им собственноручно. Вот, что пишет Бондарев о себе: «Я до 37 лет был войска Донского помещика Чернозубова или Янова крестьянином, – земледельцем; а как эти люди были отягчены работами, это кажется всем известно. Потом помещик отдал меня в солдаты, и пятеро детей малых остались под его же и нестерпимым игом. По прибытии же моем в Сибирь в 1867 г. с женою и двумя детьми, на нас было по одной рубахе, да и те казённые, а более никаких пожитков не было. В эти же 14 годов я нажил домик со всеми к нему принадлежностями, так что могу равняться с порядочным и вечно здесь живущим крестьянином. А чем нажил? Одним только земледелием. Я работник вот какой: когда косят на крюк хороший хлеб что двум хорошим работникам едва успеть вязать снопы за одним косарем, а я, несмотря на то, что мне 65 лет, один успеваю да при том чисто, а снопы крепкие. Бог свидетель между мною и вами, читатель, что я истину говорю».⁹ В одном из добавлении к рукописи он сообщает: «Я в этой деревне Иудино 30 годов был учитель грамоты, потому и признал себя имевшим право много присоветовать и указывать многое».

Работать над своей рукописью Бондарев, по его словам, начал в 1878 г. О своей работе над рукописью Бондарев сообщает: «Писал я без привычки к тому, что видно по почерку моему. Одну и ту же статью много раз переписывал... Занимался я этим среди тяжких работ, – день работаю, а ночь пишу, когда глаза мои и с помощью очков плохо видят».¹⁰

Свое сочинение Бондарев расположил в виде «вопросов» – так он называл небольшие разделы, в которых излагал свои размышления. Всего основное сочинение Бондарева содержало 250 «вопросов».

Не позднее лета 1884 г. рукопись была закончена. Она содержала около 200 листов. Впоследствии рукопись несколько раз переписывалась, исправлялась и дополнялась. По подсчету Бондарева, сделанному им незадолго до смерти, всего во всех его работах им было исписано «среди забот и попечений житейских тихим почерком» около 3500 листов.

Философия Бондарева – вторая сюжетная линия данного источника. Мировоззрение крестьянина Бондарева состоит из 3-х взаимосвязанных частей: крестьянский мыслитель, пропагандист обязательного земледельческого труда; религиозный мыслитель, который опирается в своем сочинении прежде всего на текст Библии, а точнее на ее первую часть – Ветхий завет; мыслитель, пропагандист, в некотором роде, утопический, так как считает, что открыл путь спасения всего человечества, но в его утопии содержится большое рациональное зерно, а именно, каждый человек должен жить своим трудом, каждый здоровый человек должен заниматься земледельческим трудом. Конкретизируем данные положения:

В основу своих взглядов крестьянский философ кладет «первородный закон божий», выраженный в Библии словами: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондежи возвратившийся в землю от нее же взят». Изречение изложено на церковно – славянском языке, а в переводе на русский язык звучит так: « В поте лица твоего будешь есть хлеб», т.е. будешь заниматься земледельческим трудом, «пока не возвратишься в землю, из которой ты взят», т.е. пока не умрешь. «Ибо прах ты и в прах возвратишься».

«Человек, – говорит автор, – крестьянин, работающий хлеб своими руками, исполнен всех добродетелей, а удаляющийся от него творит зло. Муж должен для себя и для жены и для детей своими руками работать хлеб, какого бы он не был великого достоинства. Пускай обнаружится этот первородный закон и все мы получим себе временное и вечное спасение, потому что он собственный наш земледельческий, а без него мы лишены и того и другого, без него мы бледны, глупы, злы; без него мы сироты, как маленькие дети без отца и без матери».

Не опубликованные рукописи Бондарева хранятся в фондах Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.Ф. Мартяного, а также в Толстовском музее города Москвы. В фондах Минусинского музея в настоящее время содержится рукописный перевод сочинения Т.М. Бондарева с французского на русский. Книга, изданная на французском языке, состоит из двух частей. Первая часть

содержит статью Толстого «Труд и теория Бондарева». Вторая часть, озаглавленная «Труд» «мужика (par le mojik) Бондарева», состоит из двух глав: I. Введение. Жизнь Бондарева. – Цель его работы; II. Труд по Библии.

Рукописный перевод книги с французского языка на русский осуществил В.К. (фамилия автора перевода не указана, исследователи отмечают, что перевод осуществил поэт Кузьмин, который проживал в Минусинском уезде). Рукопись состоит из предисловия написанного Амедем Паже, братом французского философа Эмия Паже. Предисловие включает введение и 3 части без заголовка. Отмечается, что содержание сочинения Бондарева интересно и поучительно. У этого мужика глубина мысли сливается с наивностью. Для современного читателя интересно одно примечание редактора перевода: «Наши друзья французские думают, что слово (мужик) есть звание». Далее характеризуются взгляды Толстого и Бондарева на земледельческий труд. «Каждый мужчина должен, работая своими руками кормить себя и свою семью, каждая женщина обязан рожать и сама же воспитывать своих детей»-читаем мы в первой части рукописи.¹¹

Рукопись – «Памятник»¹² одно из неопубликованных сочинений Т.М. Бондарева. Это последняя рукопись Бондарева, которая найдена в могильном столе и предназначена в качестве последнего завещания крестьянского философа. В этой работе, на 84-ти листах, конспективно излагаются главные мысли всех прежних сочинений Бондарева. Сочинение начинается обращением Бондарева к читателю: «Во-первых прошу и умоляю вас други мои читатели, вообразите что звук этих слов исходит только под видом читателя, а на самом деле от меня, т.е. из гроба моего. На этом месте покоится в земле прах Давида Бондарева. Все это я писал при жизни моей своей рукой, на 76-м году жизни моей. В 1896 году»¹³ (орфография и пунктуация автора).

Есть еще одно сочинение Бондарева с аналогичным названием – это копия надписи высеченной Бондаревым на своем памятнике. Это завещание потомству, оно было высечено на двух больших каменных плитах, третья плита у входа содержала небольшую надпись. Уже давно нет надгробных плит, как нет и могилы, но текст надписи сохранился.

Надписи на плитах большей частью представляют собою выдержки из сочинения Бондарева; в других же местах Бондарев говорить о себе: называет свою жизнь «многострадальной и великого оплакивания достойной», говоря, что он и «является жертвою всеобщего убеждения, по которому те люди хорошие и даже святые отцы, которые прежде нас были и после нас будут», и что он, испытавши на себе крепостное право и насмотревшись на злодеяния и варварства на белом свете «как алчущий хлеба и жаждущий воды желал смерти, которую с душевным аппетитом получил», просит благочестивых читателей кроме нечестивых, признать его «непростым человеком, а великомучеником, что подробно описать здесь не время и не место».¹⁴ Памятник заканчивается обращением к будущим читателям: «прощайте, читатель, я к вам не приду, а вы ко мне придете».

Особую группу исторических источников, повествующих о жизни и творчестве Т.М. Бондареве составляют воспоминания современников. Из материалов периодической печати прошлых лет безусловно привлекают внимание воспоминания людей, которые посетили д. Иудина и непосредственно встречались с Бондаревым. Вот что пишет о Тимофее Бондареве политический ссыльный, писатель Иван Петрович Белокопский, который встретился с ним в 1884 г.: «Система писания «Торжества земледельца» весьма оригинальна...: Бондарев не выходил из дому без клочка бумаги и кусочка карандаша для того, чтобы записывать каждую мысль, возникавшую в его голове...; боронил ли он, пахал ли, ехал ли в лес или просто шел куда, он вечно думал и, раз приходила какая-либо достойная внимания мысль – Бондарев останавливался и заносил ее на бумажку, чтобы внести в «учение».¹⁵

Трудно было крестьянину понять Бондарева, и крестьянин сначала удивлялся, а потом махнул рукою: «пусть, мол, чудит» – и неудивительно: оригиналы, выдающаяся личности нередко порицаются даже интеллигенцией. Этот индифферентизм, это полунасмешливое отношение Юдинцев к Бондареву, непонимание его мыслей измучили Тимофея Михайловича; он чувствовал себя одиноким не только среди односельцев, но и в семье: родной сын его сельский писарь, и тот, не понимая отца, относился к нему с насмешкою. Бондарев благодаря выше приведенным обстоятельствам, сделался (угрюмым,

сосредоточенным, углубился в самого себя, из «учения» сделал идея фикс и жил только надеждою, что его скоро повезут в Петербург, что скоро «учение» его делается известным всему миру и тогда «вся вселенная взлетит на несказанное блаженство».¹⁶

А вот описание встречи писателя с крестьянским мыслителем: «Когда мы приехали в Юдино, разыскали его и заявили, что интересуемся его учением, Бондарев очень обрадовался. Через несколько минут он был уже в нашей квартире и проговорил до глубокой полночи, а на другой день явился на заре и ждал, покуда мы встанем. Тяжело было смотреть на этого библейского старца с воспаленными (большими черными), вечно поднятыми вверх глазами, с руками, поднятыми кверху, когда он говорил – плавно и необыкновенно медленно налагая нам свое учение, он весь погружался в мысли свои, не чувствовал, кажется, присутствовавших и витал в ином мире.

Только перед отъездом нашим, Бондарев опомнившись, спросил – кто мы и почему интересуемся его учением. Мы прямо заявили, что пишем в газетах и журналах. Это произвело на него необыкновенно приятное впечатление и он дал нам набело переписанное «учение» свое, на что сначала не соглашался, отдавая нам черновое; вручал снос сочинение, Бондарев просил напечатать его, чтобы оно стало всем известно, и выслать ему ту книгу, где будет напечатано, при этом прибавил: «только долго не держите, а то (или правительство меня потребует), как же я поеду без учения». Уезжая, мы от души пожалели эту выдающуюся личность, волею судьбы поставленную в такие условия, что не может быть тем, чем быть бы мог, – а сколько сил таких гибнет, сколько пропадает недюжинных жизней под бременем нужды, тьмы и печали!... Из писем, полученных впоследствии от Бондарева, мы еще более убедились, как глубоко страдал этот непонятый в своей среде человек».¹⁷

Особую группу письменных исторических источников повествовательного характера составляют письма и статьи Л.Н. Толстого, свидетельствующих об его отношении к личности Бондарева и к труду последнего. В переписку с Бондаревым Лев Николаевич вступил по собственному почину. Она длилась тринадцать лет с 1885 по 1898 г. Опубликовано одиннадцать писем Толстого к Бондареву. Содержание десяти писем можно прочитать в юбилейном Полном собрании сочинений писателя (ТТ. 63–68, Т. 71).

Одиннадцатое письмо найдено позднее, поэтому оно не вошло в юбилейное собрание сочинений. Оно было опубликовано в «Яснополянском» сборнике в 1968 г.¹⁸ Как считает Н.Н. Гусев, есть еще несколько (возможно три, четыре) ненайденных письма. Письма Бондарева к Толстому, а их, как считают исследователи пятнадцать, пока не опубликованы и хранятся в Москве в Центральном Государственном литературном архиве (ед. хр. 1256/44, фон Бондарева).¹⁹ Но фрагменты некоторых писем Бондарева опубликованы в юбилейном собрании сочинений. Тон писем Толстого к Бондареву искренне дружеский. Все письма начинаются: «Тимофей Михайлович; Дорогой друг Тимофей Михайлович». Кончаются письма трогательно сердечными заверениями в дружбе, в глубоком уважении: «Прощай, уважаемый друг и брат Тимофей Михайлович. Лев Толстой; Любящий тебя брат Лев Толстой; братски целую тебя. Лев Толстой». В письме от августа 1895 г. Толстой предложил Бондареву, в их переписке обращаться друг другу на «ты» («Проще и приличнее нам старикам писать друг другу «ты», а не «вы»»).

Т. Бондарев и Л. Толстой – это два самостоятельных мыслителя. История их взаимоотношений (письма, статьи и т. д.) показывает, что Бондарев дополняет и углубляет взгляды Толстого на характер земледельческой жизни Толстого. В дневнике Толстого за 19 марта 1908 г. мы находим последнюю запись писателя о творчестве Бондарева. «Главная ошибка при устройстве человеческих обществ и такая, которая устраняет возможность какого-нибудь разумного устройства жизни – та, что люди хотят устроить общество без земледельческой жизни или при таком устройстве, при котором земледельческая жизнь – только одна самая ничтожная форма жизни. Как прав Бондарев!».²⁰

Анализируя содержание письменных повествовательных источников можно сделать следующие выводы:

- Основной источник, повествующий о жизни и творчестве Т.М. Бондарева – это его основной труд «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство», имеющий, как минимум 8 редакций.
- Рукописные письменные источники, которые хранятся в фондах Минусинского музея, требуют специального рассмотрения.

В творчестве Л.Н. Толстого и Т.Н. Бондарева есть много общих линий, а именно: критика существующего общественно-политического строя как несправедливого эксплуататорского общества; разрыв с православной верой и церковью, которая стояла на защите существующего порядка о Христе как человеке; пропаганда крестьянского «хлебного» труда, как основы жизни всего человечества; утопический характер взглядов: изобретение рецепта, который, по их мнению, приведет к изменению существующего порядка жизни.

Существует и существенное отличие в их взглядах, а именно: способы борьбы. Толстой пропагандирует принцип «не-противление злу насилием», а Бондарев надеется на публикацию его сочинения, принцип «в поте лица снеси хлеб твой» осуществить силой и убеждением.

Религиозные взгляды. Бондарев сектант-субботник, для которого бог некая сверхъестественная сила. Толстой изложил свою веру, как нравственное совершенствование личности: искать бога в самом человеке.

Социальное положение. Толстой-помещик: путь которого «от великого барина к великому мужику». Он за общую собственность на землю. Путь Бондарева; от крепостного крестьянина к ссыльно-поселенцу, автору книги «Торжество земледельца или Трудолюбие и тунеядство» Он за индивидуальный крестьянский надел.

Примечания

¹ Владимиров Е.И. Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой / Предисл. И ред. Н.Н. Гусева. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1938. – Библиографические материалы о Т.М. Бондареве. – С.105-107; Хакасия 1998. Календарь знаменательных и памятных дат. Абакан 1997 г.

² Махно Ю.К. Из истории возникновения с. Бондарева / Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научно-практической конференции 30 сентября 2004 г. г. Абакан. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005.

³ Шохор-Троцкий К.С. Указ. сог.; Е. И. Владимиров. Указ. сог.; Гусев, Н.Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биограф. с 1881.-1885г.г. – М.: Наука, 1970.

⁴ Архив Минусинского музея:

Оп.2д.10 - Бондарев Т.М. Се человек. 1905 год – 3 л.

Оп.2д.11 - Бондарев Т.М. Памятник – 61 л.

Оп.2д.12 - Бондарев. Первородное покаяние. 1910 г. – 9 л.

Оп.2д.13 - Бондарев Т.М. Труд (без даты) – 85 л.

⁵ Шохор-Троцкий К.С. Указ сог. С. - 14

⁶ Цитата по книге: Н.Н. Гусев. УК. сог. С. – 482

⁷ Бондарев Т. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца.

Енисей. – 1989. - № 6. – С.47-56; - 1990. - № 1 с. 47-56

⁸ Владимиров, Е.И. Ук. сог. С.- 66.

⁹ Бондарев Т. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца// Енисей – 1989 - № 6 С.48

¹⁰ Там же. С.50

¹¹ Архив Минусинского музея Оп. 2.11

¹² Архив Минусинского музея Оп. 2. д 13

¹³ Архив в Минусинском музее Оп. 2. 13

¹⁴ Цитата по статье Шохор – Троцкого К.С. Ук.Ст.

¹⁵ Белоконский И.П. Ук. Соч.

¹⁶ Там же. С.292

¹⁷ Там же.

¹⁸ Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой материалы к биографии с 1886по 1892гг. изд-во наука 1979 – С. 176-177

¹⁹ Минокин М.В. Тимофей Михайлович Бондарев//Записки / Хакасский научно-исследовательский институт яз., лит. и истории – Абакан, 1951.- вып. 2. – С. 17-59.

²⁰ Толстой Л.Н. Т. 55-С.212

Д.М. Медников,
г. Красноярск

Начало Сибирской рабочей кооперации

Абаканский железодельный завод являлся одним из крупнейших предприятий Хакасии. Кроме этого обстоятельства изучение его истории представляется интересным потому, что именно здесь была создана артель рабочих в течение около 12 лет управлявшая заводом.¹ Это был один из первых случаев рабочей кооперации в сибирской промышленности.

Этим можно объяснить, наверное, то внимание, которое уделялось заводу на страницах дореволюционной прессы. Новости о положении дел на заводе печатались не только в специальных журналах, таких как, «Горный журнал» и «Вестник золотопромышленности и горного дела», но и в прочих периодических изданиях, например, в «Восточном обозрении» и «Енисейском листке». Значительная часть этих статей посвящена изучению деятельности рабочей артели. В «Восточном обозрении» в 1894 и 1896 гг. выходили статьи Д.Н. Степанова, бывшего управляющего артели.

На страницах исторических трудов советского времени Абаканский железодельный завод появлялся неоднократно, однако, история артели не являлась темой специальных исследований. В 1976 г. увидело свет небольшое пособие по историческому краеведению для 4 класса под названием «Рассказы по истории Хакасии», в котором была кратко описаны история завода и суровый быт рабочих. В 1980-х гг. появляется несколько небольших газетных статей, которые рассматривают рабочую артель как «опыт первой рабочей коммуны». Однако необходимо отметить наличие в этих статьях некоторых ошибок (например, искажены некоторые фамилии).

Абаканский чугуноплавильный и железодельный завод основан в 1867 г. московским купцом Кольчугиным около богатого месторождения железной руды, залегавшего между реками Абакан и Малая Кени. Завод был оснащен доменной печью с воздухоудвными и паровыми машинами, стоило более 600 тыс. руб. Однако завод долгое время не давал продукции, а его владелец, вследствие этого, терпел большие убытки. В итоге, разорившийся Кольчугин покончил с собой.

Наследники его продали завод золотопромышленнику Г.М. Пермикину в 1870 г. Для устройства прокатных станков приглашались инженеры, но поскольку строительство шло не без трудностей, они часто менялись. В 1874 г. Пермикин перевел с Олекминских приисков инженера Д.Н. Степанова в качестве техника-управляющего. Последний не только справился с заданием, но и сыграл видную роль в жизни завода в дальнейшем.

Завод производил кровельное железо, гвозди, различные сорта проволоки, железо для сельских кузниц, чугунную посуду и медное литье. Продукция завода пользовалась спросом у населения Сибири (в т. ч. и местного, которое особенно охотно покупало котлы, кувшины и т.д.), особенно у переселенцев из Центральной России, которые при хозяйственном устройстве крайне нуждались в металлических изделиях.²

При наследниках Пермикина положение завода ухудшилось. В статье в газете «Сибирский вестник» называлась следующая причина: предприятие досталось сыну Пермикина, «который, как «маменькин сынок», обладал слишком жалкой подготовкой к ведению этого дела». «Страшное самодурство, которое свойственно всем избалованным купеческим сынкам, быстро помогло сойти ему с горизонта, и завод перешел под покровительство конкурсного управления». В книге «Деревенские впечатления» И.П. Белокопский посвящает своему пребыванию на Абаканском заводе главу под названием «Сибирский помещик», эта характеристика относится все к тому же хозяину завода Пермикину, который вел «барский» образ жизни с «охотами, пикниками и раутами», забыв об управлении делами.³ Кроме того, не исполнил он и условий, по которым были наняты рабочие на Урале (создание деревни и наделение рабочих земель), которые не успели выполнить его Кольчугин и его отец. По словам одного из героев книги «Владелец не имеет представления ни о каком хозяйстве».⁴

Кроме дурного руководства негативно на положение дел завода повлияли и объективные факторы, а именно конкуренция со стороны уральских металлургических заводов, выпускавших более дешевую

продукцию. Результатом разорения Пермикиных стала, как уже было сказано выше, передача завода в конкурсное управление.

В 1889 г. на Абаканском заводе была создана рабочая артель, по примеру Верхне-Турской рабочей артели на Урале. Обстоятельства этого события в разном изложении выглядят по-разному. Так, в статье Прохоровой лавры организатора артели отданы П.П. Косованову – он предложил рабочим собрать деньги, заплатить долг Пермикина и установить на заводе коллективное рабочее управление. Рабочие откликнулись. «Более 30 семей сдали деньги, чтобы восстановить жизнь завода. Люди отдавали деньги, оставаясь без гроша, но предприятие спасли».⁵ Статья Цыбиной отличается только тем, что в ней инициатива создания артели принадлежит рабочим.⁶ Шлапунова же считает, что артель была организована инженером Макаровым из 600 человек остановленного завода.⁷ Остальные работы утверждают так же то, что артель была создана по инициативе рабочих, которые оказались без средств к существованию, голодали.⁸ А число артельщиков называется равным 127.⁹ Это были так называемые «приписные», квалифицированные рабочие с Уральских заводов, которым просто некуда было податься.¹⁰

С помощью бывшего адвоката Пермикина артель смогла получить завод в аренду.¹¹ Условия договора с Конкурсным управлением были довольно невыгодными: кроме того, что артель должна была выплачивать определенную сумму с каждого пуда выпускаемой продукции, она должна была ремонтировать за свой счет завод, передавать в собственность конкурса все завезенные инструменты по окончании операционного года, а вся прибыль сверх 5 тыс. руб. артель должна была делить с конкурсом пополам.¹² Все это приводит к выводу, что артель являлась своего рода дойной коровой для конкурса и купцов-доставщиков, газеты писали, что «абаканская горнозаводская артель на своих могучих плечах выносит разных, присосавшихся к ней, деятелей».¹³

Она обладала весьма незначительными капиталами, а состояние завода было плачевным, перед началом производства необходимо произвести капитальный ремонт.¹⁴ Средства на это нашлись вместе с механиком, которым стал инженер-технолог Дмитрий Николаевич Степанов, занявший также должность управляющего на первые два года деятельности артели. Он вложил в дело 10 тыс. руб. на условиях 9% годовых¹⁵ (по другим данным – 6 тыс. руб.)¹⁶. За это Степанов добился от артели широких полномочий по управлению заводом, платы в 10 коп. с каждого пуда выработанного металла, а так же право бесплатного пользования квартирой, коммунальными услугами и транспортом.¹⁷ Обладая долей в артели, Степанов был заинтересован в ее успехе, кроме того, он обладал и знаниями, и опытом, поэтому неудивительно, что за 2 года его руководства благосостояние предприятия достигло почти 35 тыс. руб.¹⁸ В 1891 г. Д.Н. Степанов покинул артель, которой пришлось выплатить ему более 15 тыс. руб., на должности управляющего его сменил некто П.К. Фон-Зигбут, который в свое время помог учреждению артели своими юридическими познаниями.¹⁹

Кроме управляющего артель возглавляли выборные казначей и старосты из числа старших мастеров, в обязанности которых входило наблюдение за выполнением распоряжений. По мере надобности они же проводили артельные сходы для ознакомления с делами на заводе, для утверждения производственных отчетов.²⁰ Между управляющим и выборной частью артели часто возникали трения. Каждая из сторон стремилась в лице рабочих завоевать симпатию. В результате этого рабочие были разбиты на две партии, между которыми начиналась вражда, находившая выражение в том, что на сходах каждая из групп требовала ухода руководителей оппонентов.²¹ Проявлением этого можно считать расчет 12 марта 1895 г. «по обоюдному согласию», а на самом деле по инициативе артельного старосты П.П. Косованова, инженера завода Шкленника. Причем сделано это было в нарушение, как постановлений артельного схода, так и правил иркутского генерал-губернатора.

Однако дела артели с течением времени все ухудшались. Тому были и объективные, и субъективные причины. К первым можно отнести безуспешную конкуренцию с уральскими заводами, которая обострилась после постройки Сибирской железной дороги. К последним – уже упомянутые конфликты внутри артельного руководства, а так же дурное управление начиная с середины 1890-х гг.

Примеры этого даны в статье В. Корженевского «Итоги Абаканской артели» Автор статьи берется анализировать работу артели в 1893 г. Отмечает, что к руководству артелью пришел человек,

не имеющий нужного опыта, образования, коммерческих способностей. Он пытался прибрать артель к рукам, а не решать насущные вопросы, итогом чего стало то, что к 1 декабря 1893 г. артель оказалась без хлеба, дров и мяса, имея в запасе руду и уголь, в то время как еще в 1892 г. заготовлено было достаточно. Зато отмечается, что в 1893 г. артель израсходовала 830 ведер вина (в прежние годы – до 400 ведер), то есть, по подсчетам автора, пропила за 11 месяцев около 7 тыс. руб.²² По информации автора статьи в 1894 г., артель решила вести дела самостоятельно, без посторонней помощи, управляясь своими 12 выборными.

В. Корженевский, рассказывая о том, как отдельные корыстолюбцы пытались манипулировать полуграмотными членами артели, чтобы добиться от сходов нужных приговоров, описывает 2 случая, когда некто (судя по всему, тот самый руководитель артели, который критиковался ранее) пытался получить широкие полномочия. Первый – провести вариант приговора, согласно которому доверенный должен был ходатайствовать перед правительством об отдаче артели завода в аренду на 10 лет, с тем, чтобы правительство специально назначало техника (который находился бы на жаловании артели) и «попечитель, наблюдающий за хозяйственной и административной частью, с правами земского начальника». Автор полагает, что доверенный артели таким образом хотел стать полным распорядителем артельного достояния. Во втором случае – прошение уполномоченному конкурсного управления по делам Пермикиной, согласно которому из артели попросту исключались бы все ее члены, не имеющие капитала в 250 р., или обремененные долгами. То есть, $\frac{3}{4}$ артельщиков в новую артель не попала бы. И, возможно, лишилась бы имуществ.²³

В 1899 г. артель прекратила свое существование. Однако остались некоторые расчеты, которые сами по себе говорят довольно многое.

За 4 $\frac{1}{2}$ года деятельности артель смогла: в течение всего времени за свой счет отремонтировать фабрику (14756 руб.), платить конкурсному управлению (50463 руб.), погасить долг Пермикиной мастеровым и рабочим (13381 руб.), уплатила недоимки, числящиеся за заводом со времен Пермикиной (1322 руб.), внесла горной подати (7109 руб.), за лесной материал (3091 руб.), разных пошлин 3834 руб., всего – 93569 руб. Кроме того, прокормила в течение этого времени свое полторатысячное население. Обладала капиталом (в целом) 30553 руб.²⁴

В то же самое время в период с 1 июля 1889 г. по 1 января 1894 г. завод продал продукции за наличные лишь на 4543 руб. 53 коп., в то время как отпущено разным лицам, служащим и рабочим было на 642997 руб. 88 коп. Это и было одной из причин того, что к концу рассматриваемого периода наличных денег в кассе было всего 96 руб. 3 коп.²⁵

Одной из главных проблем артели было отсутствие капитала, который можно было вложить в модернизацию завода. Прибыли едва хватало на то, чтобы поддерживать его в рабочем состоянии, заготовить сырье, провизию, выплатить деньги конкурсному управлению и т.д. В результате кредит артели был подорван, и она осталась, по сути, без наличных средств, поэтому даже жители завода с нетерпением ждали прекращения ее деятельности.²⁶

Абаканская артель – довольно необычное явление в истории развития сибирского рабочего и предпринимательского классов. Хотя рабочие и не обладали должным уровнем знаний для руководства заводом, они все же с помощью артельного схода и выборных осуществляли рабочий контроль за управляющими специалистами, ими же и нанятыми. Абаканская артель имела еще потенциал для развития, который не смог реализоваться из-за финансовых трудностей, разногласий в руководстве и дурного управления.

Примечания

¹ История Сибири. - Т. 3. - 1968. - стр. 157

² Каралькин П.И. Из истории Абаканского завода. // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. – выпуск V — 1957. – стр. 175-183.

³ Белокопский И.П. Деревенские впечатления. - 1900. - стр. 200.

⁴ Там же.

- ⁵ Прохорова Т. Опыт первой рабочей коммуны: из истории Абаканского рудника. // Под знаменем Ленина. - 1980. - 30 сент. - №116.
- ⁶ Цыбина В. Заводское дело Сибири. Из истории становления рабочего класса Хакасии. // Советская Хакасия. - 1987. - 13 марта. - №61.
- ⁷ Шлапунова О. Яркие страницы. Из истории города. // Под знаменем Ленина. - 1983 г. - 13 сент. - №110.
- ⁸ Сибирский вестник. - 1892. - №80.
- ⁹ Корженевский В. Итоги абаканской артели // Восточное обозрение — 1894. - № 42.
- ¹⁰ Каралькин П.И. Из истории Абаканского завода. // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. – выпуск V — 1957. – стр. 175-183.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Сибирский вестник. - 1892. - №80.
- ¹³ Вестник золотопромышленности и горного дела. - 1895. - 15 апр. - №8. - стр. 141.
- ¹⁴ Корженевский В. Итоги абаканской артели // Восточное обозрение — 1894. - № 42.
- ¹⁵ Каралькин П.И. Из истории Абаканского завода. // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. – выпуск V — 1957. – стр. 175-183.
- ¹⁶ Корженевский В. Итоги абаканской артели // Восточное обозрение — 1894. - № 42.
- ¹⁷ Каралькин П.И. Из истории Абаканского завода. // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. – выпуск V — 1957. – стр. 175-183.
- ¹⁸ Корженевский В. Итоги абаканской артели // Восточное обозрение — 1894. - № 42.
- ¹⁹ Сибирский вестник. - 1892. - №80.
- ²⁰ Каралькин П.И. Из истории Абаканского завода. // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. – выпуск V — 1957. – стр. 175-183.
- ²¹ Там же.
- ²² Корженевский В. Итоги абаканской артели // Восточное обозрение — 1894. - № 42.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Корженевский В.С. Производительность абаканского чугунно-плавильного и железоделательного завода за время арендования его артели мастеровых и рабочих. // Вестник золотопромышленности и горного дела. - 1895. - 1 янв. - №1. - стр. 17.
- ²⁶ Енисей. – 1899. - 22 дек. - №151.

2008

А.И. Погребняк,
г. Минусинск

Общественное питание Сибири в 1950-е – 1980-е гг.

С сер. 1950-х гг. в Сибири началась грандиозная работа по индустриальному освоению её природных богатств и целины. Это вызвало невиданный приток молодых, энергичных работников, как правило, не обременённых семьями. Вот их-то в первую очередь и предстояло обеспечить питанием, к тому времени полукустарному, общественному питанию Сибири.

На первых порах, несмотря на колоссальную загруженность работников, общепит сибирских трестов столовых и ресторанов, УРСов, ОРСов, потребсоюзов со своей задачей не справлялся. В сибирской прессе и на районном, и на областном уровне почти ежедневно по этому поводу появлялись жалобы и предложения. В перечне отдельных предложений, внесённых при обсуждении на партийных и рабочих собраниях в коллективах трудящихся г. Читы, имелись и такие: «Просить горком КПСС и горисполком обязать базы поставщиков (мясокомбинат, молочный завод, фирма «Ингода», ликёроводочный комбинат, база «Главбакалея» и др.) организовать централизованный завоз товаров непосредственно в предприятия

общественного питания». «Включить в проект плана развития города проблему ускоренного строительства крупной плодоовощной базы в г. Чите. Больше выделять помещений под столовые, домовые кухни, которых в городе ещё недостаточно». «Просить обком КПСС определить задание совхозам и колхозам на поставку свинопоголовья свинооткормочному пункту Читинского треста столовых».¹

Региональное руководство требовало, чтобы «развитие общественного питания стало предметом особой заботы торговых организаций, горкомов, райкомов, местных Советов депутатов трудящихся, профсоюзных и комсомольских организаций. Они обязаны приложить все усилия к тому, чтобы в ближайшие годы добиться коренного улучшения общественного питания».²

В кон. 1950-х гг., с целью кардинального изменения ситуации в общественном питании, основная масса предприятий отрасли была освобождена от первичной обработки сырья и сосредотачивалась на работе с полуфабрикатами. Важнейшее значение приобретало всемерное производство полуфабрикатов как в промышленности, так и специализированных столовых-заготовочных, фабриках-кухнях и т.п., что позволяло значительно лучше использовать производственные мощности предприятий общественного питания и снизить стоимость обедов.

В результате проведённых изменений увеличилась доля полуфабрикатов в общем объёме продукции собственного производства общественного питания с 3,3% в 1959 г., до 9,5% в 1963 г. Это значительно улучшило структуру общепита – повысилась доля продукции собственного производства, т.е. обедов, закусок, и резко понизилась доля алкогольных изделий. Товарооборот же общественного питания в 1963 г. превысил уровень 1940 г. в 2,5 раза, а уровень 1958 г. – на 30%.³

В нач. 1960-х гг. стали внедрять современные виды теплового оборудования – электрические котлы, плиты, мармиты и т.д. На 1 января 1964 г. холодильным оборудованием были оснащены уже 68% государственных предприятий общественного питания, против 24% в 1952 г. В государственной торговле и общепите СССР появились первые торговые автоматы (на 1 января 1964 г. их было 62 тыс.). В то же время в 1963 г. в СССР издержки предприятий общепита составляли 16,84%, 40% работников промышленности и учреждений и 70% общеобразовательных школ вообще не имели пищеблоков.⁴

Наиболее значительно в регионе за годы семилетки (1959-1965 гг.) выросла сеть предприятий общественного питания в Иркутской области. Здесь она возросла на 36%, количество посадочных мест в них – на 61%. Объём оборота общепита в области возрос с 1958 г. на 48%, а выполнения собственной продукции – более чем в два раза. Однако сеть предприятий общепита всё ещё была недостаточна. Средняя нагрузка на одно посадочное место в 2,5 раза превышала нормы. Из-за отсутствия помещений не организовано горячее питание во многих школах города.⁵

13 июня 1967 г. бюро Иркутского обкома КПСС обсудило вопрос «О реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 198 от 7 марта 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению общественного питания» и постановило резко расширить сеть предприятий общественного питания, ускорить создание специализированных базовых столовых для снабжения школьных столовых необходимыми продовольственными товарами, полуфабрикатами и кулинарными изделиями. Бюро утвердило задание по увеличению сети общепита по Иркутской области в 1966-1970 гг. на 27430 посадочных мест, в т. ч. в 1967 г. – 4400, в 1968 г. – 5660, в 1969 г. – 6450, в 1970 г. – 7200 посадочных мест. Кроме этого был принят план строительства предприятий общественного питания на 1966-1970 гг. по городам и районам области, предусматривавший введение в строй 434 объектов общепита, рассчитанных на 39.655 посадочных мест. В т. ч. был утверждён план ввода в эксплуатацию вновь строящихся предприятий общепита по городам и районам на 1967 г.⁶

Бюро Абаканского горкома КПСС 15 апреля 1967 г. утвердило план мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению общественного питания». 26 мая были утверждены новые, доработанные мероприятия. А 9 июля 1968 г. вновь обсуждался вопрос о ходе выполнения данного постановления.⁷

Красноярский горком КПСС не выполнил постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 марта 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению общественного питания» в части организации горячего питания на всех промышленных предприятиях, стройках и в учебных заведениях.⁸

В регионе в лидерах по темпам развития общепита оказался Ачинск. По состоянию на 20 октября 1967 г. в Ачинске имелось 49 предприятий общественного питания на 3281 посадочных места, складов – 49 на 12514 кв. м. Средняя нагрузка на 1 рабочее место составляла в общественном питании – 19 при норме – 8 человек. За 9 месяцев 1967 г. в Ачинске было построено 9 столовых на 900 посадочных мест. Все предприятия общественного питания Ачинска работали по методу самообслуживания с последующей оплатой. Более 80% из них были оснащены современным технологическим оборудованием, печи на твёрдом топливе были заменены электрическими плитами. Все столовые ОРСа АГЗ работали на полуфабрикатах, вырабатываемых фабрикой-кухней и частично мясокомбинатом.⁹

В нач. 1970-х гг. в Сибири повсеместно обсуждались проблемы улучшения организации общественного питания рабочих и служащих на производственных предприятиях и стройках региона. Так бюро Читинского обкома КПСС рассматривало соответствующий вопрос 12 сентября 1972 г. Было отмечено, что обеспеченность столовыми предприятий и организаций составляло всего лишь 51,7% от норматива.¹⁰ Бюро Центрального райкома КПСС г. Красноярска обсуждало вопрос о состоянии общественного питания на предприятиях района 31 мая 1973 г.¹¹ При норме 60-70 посадочных мест на 1 тыс. жителей в Иркутской области к нач. 1972 г. имелось 41 посадочное место. Иркутяне в 1971 г. вместо 7660 посадочных мест ввели 4430. Особенно плохо развивалась сеть общественного питания в Иркутске, Тайшете, Нижне-Удинске, Зиме, Тулуне.¹² Постановление исполкома Крайсовета от 17 августа 1970 г. № 498 ставило задачу увеличить на предприятиях сеть столовых и число посадочных мест в них до установленных нормативов.¹³

XII пленум Читинского горкома КПСС 15 августа 1973 г. обсудил вопрос «Об улучшении общественного питания на промышленных предприятиях и стройках города».¹⁴ На момент рассмотрения вопроса в городе на промышленных предприятиях и стройках имелось 94 столовых на 5230 посадочных мест. Удельный вес предприятий рабочего питания составлял 33% от общего количества посадочных мест на предприятиях общественного питания города. Пленум отметил, что на развитие общественного питания существенное влияние оказало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1972 г. «О некоторых мерах по улучшению торговли и её технической оснащённости» и от 12 июля 1972 г. «Об организаторской работе Донецкого и Ворошиловградского обкомов КПСС и министерства угольной промышленности УССР по совершенствованию общественного питания на шахтах Донбасса».¹⁵

27 февраля 1974 г. бюро Хакасского обкома КПСС рассмотрело вопрос «О состоянии и мерах улучшения общественного питания на предприятиях промышленности и стройках г. Черногорска и п. Усть-Абакан в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1972 г. «О некоторых мерах по улучшению торговли и её технической оснащённости»».¹⁶

На расширенном заседании коллегии Минторга СССР 20 февраля 1975 г. министр торговли СССР А.И. Струев сообщал о качественном улучшении деятельности предприятий общественного питания, оснащении их современным технологическим оборудованием, о продолжении работы по совершенствованию форм обслуживания в рабочих, студенческих и школьных столовых. «Здесь всё шире внедряется комплексное питание с абонементной системой расчётов, которое даёт возможность в два раза увеличить пропускную способность предприятий и значительно повысить качество пищи. Столовые начали оснащаться механизированными линиями комплектации комплексных обедов. Силами промышленных предприятий изготовлено и установлено в заводских столовых 300 таких линий». Между тем для увеличения роста розничного товарооборота слабо использовались огромные возможности общественного питания. Медленно развивалась сеть столовых на производственных предприятиях и в учебных заведениях, сеть городских столовых и ресторанов. За 1971-1974 гг. задание по приросту собственной продукции предприятиями общественного питания невыполнено на значительную сумму.¹⁷

В феврале 1975 г. на расширенном заседании коллегии Минторга РСФСР министр торговли РСФСР В.П. Шиманский сообщил, что товарооборот общественного питания в 1974 г. достиг 10,5 млрд. руб., что на 5,9% больше, чем в 1973 г. Годовой план был выполнен на 100,4%, но задание по реализации продукции собственного производства не выполнено.¹⁸

Предприятия общественного питания РСФСР девятый пятилетний план по товарообороту перевыполнили на 80 млн. руб. На предприятиях общепита добавилось 1,95 млн. мест. Появилось немало хорошо оборудованных заводских, школьных, студенческих, сельских столовых, уютных кафе, различного типа ресторанов особенно на туристских дорогах.¹⁹

В предыдущих пятилетках в связи с бурным ростом городов строились, прежде всего, магазины, а на склады сил и средств оставалось мало. Это отрицательно сказалось на работе оптового звена. После этого стали предприниматься меры для устранения создавшейся диспропорции. В девятой пятилетке капиталовложения в развитие складского хозяйства возросли. В результате площадь общетоварных складов увеличилась на 15,7%, ёмкость хранилищ для картофеля, овощей и фруктов – на 41%.²⁰ Активно потрудились работники общепита Читинской области – производительность труда на их предприятиях за девятую пятилетку возросла на 10%. И это, несмотря на повышение удельного веса собственной продукции, наиболее трудоёмкой.²¹

В течение исследуемого периода в практику работы сибирских предприятий общепита начали входить организация смотров деятельности столовых, кафе, ресторанов всех ведомств, проведение районных, городских и областных конкурсов поваров на лучшее приготовление пищи и оформление блюд и кулинарных изделий. Заметно активизировалась деятельность комсомольских организаций по созданию в кафе уютных очагов для разумного отдыха молодёжи, по проведению в них тематических, литературных, музыкальных вечеров, встреч с писателями и т.д.²²

В 1970-е гг. улучшалась работа школ кулинарного мастерства, усиливалась подготовка через школы торгово-кулинарного ученичества, отделения заочного обучения. Шире стали распространять опыт передовиков, своевременно проводить аттестацию работников общественного питания. Активизировалась воспитательная работа в коллективах в направлении мобилизации работников столовых, кафе и ресторанов на выполнение поставленных задач, на повышение культуры обслуживания, на воспитание глубокого уважения к человеку, постоянной заботы об удовлетворении потребностей сибиряков.²³

Наиболее заслуженные представители отрасли поощрялись. Только в 1971-1973 гг. 12 работникам общественного питания Центрального района Читы было присвоено звание «Отличник советской торговли», 25 работников награждены орденами и медалями, а Г.П. Коновалову, П.И. Галицкому присвоено звание «Заслуженный работник торговли РСФСР».²⁴

Продовольственная программа СССР, принятая в 1982 г., предусматривала меры к расширению и рациональному размещению сети столовых и других торговых предприятий, улучшению режима их работы в целях создания максимума удобств для населения. Она обязывала «иметь столовые на всех крупных предприятиях, стройках и в учебных заведениях». Эта программа призвала к активизации работы по реконструкции и техническому перевооружению действующих торговых предприятий.²⁵ Но ввиду начавшейся перестройки этой программе не суждено было сбыться.

Примечания

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.1-п. Оп.31. Д.20. Л.20-21.

² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.127. Оп.80. Д.20. Л.41.

³ Советская торговля: Стат. сб. – М.: Статистика, 1964. – С.16.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.517. Оп.1. Д.1331. Л.29; Советская торговля: Стат. сб. – М., 1964. – С.15-16.

⁵ ГАНИИО. Ф.127. Оп.80. Д.20. Л.34-35.

⁶ ГАНИИО. Ф.127. Оп.80. Д.20. Л. 36-37, 77, 78-79, 82-91.

⁷ Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф.26. Оп.40. Д.20. Л.17-19, 105; Д.79. Л.168-171.

⁸ АААКК. Ф.26. Оп.42. Д.31. Л.288.

⁹ АААКК. Ф.26. Оп.41, Д.1. Л.23-24.

¹⁰ ГАЗК. Ф.1-п. Оп.38. Д.1. Л.158.

¹¹ АААКК. Ф.170. Оп.90. Д.5. Л.14-18.

¹² Протокол V сессии областного Совета депутатов трудящихся 13 созыва: Стеногр. отчёт 5 июля 1972. г. Иркутск: б/и, б.г. – С.32.

¹³ АААКК. Ф.26. Оп.50. Д.18. Л.324.

¹⁴ ГАЗК. Ф.1-п. Оп.38. Д.1. Л.124-161.

¹⁵ ГАЗК. Ф.1-п. Оп.38. Д.1. Л.126.

¹⁶ АААКК. Ф.26. Оп.63. Д.171. Л.134-139.

¹⁷ Советская торговля. 1975. 22 февр. №23 (7460). С.2.

¹⁸ Повышать качество работы // Советская торговля. 1975. 20 февр. С.3.

¹⁹ Коган И. Итоги радуют, перспективы вдохновляют: Рассказывает министр торговли РСФСР В.П. Шиманский // Советская торговля. 1976. 1 янв. №1 (7594). С.2.

²⁰ Там же.

²¹ ГАЗК. Ф.1-п. Оп.40. Д.15. Л.17-121.

²² ГАНИИО. Ф.127. Оп.80. Д.20. Л.39; Очерки истории Хакасской организации ВЛКСМ. 1918-1991 : науч. сб. / сост. и науч. ред. П.Н. Мешалкин и В.Н. Тугужекова. – Абакан, 1998. – С.130-131.

²³ ГАНИИО. Ф.127. Оп.80. Д.20. Л.38, 40-41; ГАЗК. Ф.1-п. Оп.36. Д.12. Л.126-131.

²⁴ ГАЗК. Ф.1-п. Оп.38. Д.1. Л.139.

²⁵ Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по её реализации: Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 г. – М.: Красная звезда, 1982. – С.31.

2008

М.В. Романченко,
с. Алексеевка

Из жизни первопоселенцев села Алексеевка Курагинского района

Село Алексеевка появилось на территории Шалоболинской волости Минусинского уезда в нач. XX в. во время столыпинских аграрных переселений. Основателями его были выходцы из западных и центрально-черноземных губерний Европейской России. По воспоминаниям старожилов, первыми поселенцами были семьи Алексеевых и Медведевых. Массовое заселение было в 1908 г., тогда приехали, семьи Алексея Краснощека, Елисея Белова, Степана Кобзаря, Евтихия Лисицы, Гаврилы Масюка и многие другие.

В суровую, неизведанную Сибирь за лучшей долей, ехали семьями, родами. И на новом месте старались притулиться друг к другу поближе – селились «краями», «кутками» – родня, кумовья, соседи, чтобы помогать друг другу – строить жилье, поднимать целину.

По приезду, сразу покупали лошадей, плуги, бороны. Перезимовав в куренях, поднимали целину. Из векового дерна, поднятого плугами, строили просторные землянки, больше похожие на избы. Все делали «помочью», сообща. Суровая для пришлых природа, незнакомая сторона сплавивали людей.

Деревня заселялась по плану. Пахотная земля распределялась по числу душ мужского пола. Под усадьбу, огород, земля нарезалась всем поровну. Поэтому улицы были идеально ровные, с широкими переулками и «задами». На сухом месте, недалеко от села – кладбище, окопанное канавой. Дальше, за глубоким яром – кладбище для скота, «собачье». На р. Салбе построили две гати из березовой чащи (стволов и веток березы), дернового пласта и навоза. Ниже получившихся прудов поставили мельницы. Одно время их было целых три. Мельники тщательно следили за состоянием плотин. Всегда боялись большой салбинской воды. После бурного таяния снегов в подтаежной зоне водоемы переполнялись, поэтому, новопокровцы – жители расположенной вблизи деревни, предупреждали, когда спускали свой пруд; тогда в Алексеевке тоже пруды освобождали от воды: сначала нижний, затем верхний.

Крестьянский двор обустроивался основательно. Поначалу дворы огораживали жердями, а затем тесом и даже плахой, вставляемой в пазы столбов. Многие хозяева ставили тесовые ворота с крышей. Во дворе много места занимала завозня – крыша с тремя стенами для хранения телег, саней, плугов, другого сельхозинвентаря. Конюшня, стайки из дернины, или из «торчи» (плетня), обмазанные глиной

и крытые соломой или дерном, располагались по периметру двора. У выходцев из Великороссии были распространены стайки – топтанки, когда между двумя тонкими стенками натаптывалась сырая глина, вперемежку с соломой. Курени теперь приспособливали под хлева для овец.

Далее, большой амбар для зерна, построенный из круглого леса или половинника. Устройство амбара было тщательно продумано. Крыша была сделана с таким расчетом, чтобы прикрывать от дождя и снега подамбарник – 2-3 широкие плахи, которые служили для удобства при разгрузке мешков с зерном. Внутри амбара находились закрома из деревянных плах, высотой до 1,5 м, шириной 1,5 – 2 м. В середине амбара – широкий проход, чтобы к каждому закрому удобно было подойти. Ближе всего находились закрома с мукой, просом, гречихой, коноплей, т.е. с тем, что приходилось брать чаще всего. В дальних углах – семенная пшеница, рожь, овес, ячмень, рыжик. Эти культуры, да еще лен, сеяли все переселенцы. Крупорушек и маслобоек в то время в деревне не было. Просо, гречиху, масличные культуры более состоятельные хозяева возили для обработки в соседние села – Городок или Кавказское. Большинство же толкли дома в деревянных ступах.

В урожайные годы излишки зерна обменивали на различные промысловые товары, которые привозили из – подтаежных деревень Большая и Средняя Салба. Тамашнее население занималось изготавливало кадки, туеса, колеса для телег, полозья для саней, сани, дуги. У салбинцев же выменивали известь и деготь из березовой коры.

В огороде много места отводилось под ток, поэтому подсолнечник, бахчевые, часть картофеля сажали в поле. После того, как выкапывали картошку, свозили с поля снопы, собирали «помочь» из родственников и соседей для молотбы. Молотилка арендовалась у более зажиточных земляков. За аренду молотилки отработывали по 2-3 дня на косовице. Вечером молотилку перевозили к следующему хозяину. Всего в деревне было 4 молотильные машины.

Чтобы купить инвентарь, заводили по несколько коров, помногу овец. У Котляров Федора и Меланьи было 18 коров. Жили они большой семьей, родители, да 2 сына с невестками и внуками. Масло и мясо продавали на базарах в Минусинске, Ольховке и даже Красноярске.

Среди переселенцев было много мастеровых людей. С первых лет основания в деревне было 2 «кузни»: одна принадлежала Николенко Алексею, вторая – Онуфрию Шминдюку.

В центре села жил и работал гончар (горшколеп) Кривошеев, который лепил из глины не только макитры, крынки, горшки, но и свистульки для детей. И брал недорого. За свистульку – куриное яйцо.

Мастерская по выделке овчин была у Елисея Евдокимовича Белова. В помощь он нанимал работников. Один из них, Тимофей Сарана, женился на его внучке Александре. Они положили начало большому роду.

Лисица Петр, сын Евтихия, выделывал свиные, бычьи, овечьи шкуры, чернил их и шил сапоги людям на заказ. Также шил шубы, полушубки, шапки, рукавицы. Он женился на Федосье, дочери Степана Кобзаря, от них пошел большой род Лисица.

Были мастера и по пошиву овчинных полушубков, шапок, собачьих дох. Это Еремей Сазонович Кривовяз, Сидор Иванович Остапенко, Иван Тарасович Власенко.

Мастерами-плотниками, резчиками по дереву были: Никита Макарович Будим, Митрофан Евменович Лисица. Умельцем был и Мордин Александр Кузьмич. Сам резал ложки, черпаки, веретена, ремонтировал прялки, делал туески, мог сшить сбрую для лошади.

Почти у каждого мужика было ремесло в руках, по крайней мере, он отвечал за верхнюю одежду и обувь для семьи, мог сам изготовить простой хозяйственный инвентарь. А делом женщин было обеспечить семью бельем и легкой одеждой. Для этого выращивали лен, коноплю. При обработке их сначала очищали от костры, чтобы получить волокно, из которого можно прясть. Делали это с помощью «мялки» или «гальетины», (украинцы называли «бетельня»). Это приспособление в виде бревна на деревянных ногах, вдоль которого прибит брусочек с желобом, сверху на брусочек клали сноп, а по нему ударяли неширокой доской с ручкой, которая прикреплялась одной стороной к этому бревну. Часть снопа, передвигая, били до тех пор, пока не выбьется вся костра из снопа, затем эту «горсть» или «жменю»

мяли ногами, чтобы очистить от остатков костры, снова хорошо вытряхивали. Подготовленный лен или коноплю («куделю», «мычку») надевали на деревянный гребень, вычесывали деревянной гребенкой до мягкости и шелковистости и пряли. Тонкую нить пряли на прялку. Из нее ткали тонкое полотно, которое шло на белье, одежду, полотенца. Из клочков конопля на веретено пряли «вал» – толстую нить, она шла на рядно, половики, мешки, шабуры.¹ Можно представить себе картину в зимней крестьянской избе: при свете чадающего каганка мнут и треплют лен, коноплю, стараясь поближе расположиться к печи, чтобы в трубу тянуло пыль. В избе пыль, грязь, копоть. Все эти грязные работы нужно было переделать за время поста, до праздников. Перед праздником из избы выносили все инструменты, белили, скребли, вешали домотканые ковры, стелили половики. Вышитыми рушниками украшали образа, окна, фотографии на стенах.

В Сибири научились вязать из овечьей шерсти теплую одежду, катать валенки. Овец в деревне держали много, ведь шерсть шла не только на валенки, из нее ткали шерстяную ткань на шабуры, вязали рукавицы, свитера, юбки, носки.

Чтобы скатать валенки, нужно было осеннюю шерсть сбить, т.е. сделать пушистой, однородной, а так как в деревне не было шерстобитной машины, то били шерсть «на струну». Для этого делали специальный станок из двух параллельно расположенных и соединенных внизу досок, поставленных на ребро. На этот станок натягивали «струны» из овечьих кишок. Их очищали от внутреннего слоя, мыли, сушили, свивали и скручивали, как нитки. На эти струны, сверху, набрасывали шерсть, а затем ударяли по струнам деревянным «смычком». От колебания струн шерсть делалась мягкой и пушистой, из нее и застилали валенки. Застилы потом обстирывали и набивали на деревянные колодки по размеру.

Так, в трудах, проходило становление деревни. Не смотря на прокатившуюся через деревню гражданскую войну, когда реквизиции проводили и «белые» и «красные», население, судя по архивным документам, росло, а вот количество обрабатываемой земли на каждую семью уменьшилось более чем вдвое – большие патриархальные семьи делились. Согласно исторической справке по с. Алексеевка от 1917 г. числилось: населения обоого пола – 1080 чел.; количество домохозяев – 184 чел.; посевов – 1921 дес., лошадей – 682; крупного рогатого скота – 710 гол., овец – 1468; свиней с поросятами – 821.

По сводной карточке подворного обложения по натуральному налогу от сентября 1921 г. числилось: населения обоого пола – 1178 чел.; количество домохозяев – 208 чел. посевов – 1163 дес., лошадей – 712; крупного рогатого скота – 402; овец – 999, свиней без поросят – 134.²

Значительно сократилось и количество скота, что связано, скорее всего, с продразверсткой, проводимой большевиками в годы гражданской войны. С началом НЭПа крестьяне стали самостоятельно распоряжаться излишками своих продуктов после уплаты продналога. В больших, работающих хозяйствах снова увеличивается количество скота, растут посевные площади. Появилась возможность приобрести сельскохозяйственные машины – жнейки, молотилки, правда, в основном, уже бывшие в употреблении.

Государство разрешило применять наемный труд, брать в аренду землю. Люди стали перебираться из землянок и хат-мазанок в деревянные дома. Это было очень нелёгким делом, так как село располагалось в степи, лес был далеко, его заготавливали в тайге за Артёмовском. Затем сплавливали до Шалоболоно, а потом на лошадях возили в село.

Сруб рубили сразу из сырого дерева и сушили от года до трёх лет. Затем разбирали, «садили» на мох, на шканты и достраивали дом. Вместо фундамента сруб ставили на большие камни, которые возили с горы Точильной.³ На зиму завалинку засыпали половой, которую весной убирала, гораздо позже ее стали обмазывать глиной, смешанной с мелкой соломой и навозом. Тёс и плаху пилили сами из леса-кругляка маховыми продольными пилами. Строгали рубанками, дорожили дорожниками. Сухим тёсом крыли крышу. Стены дранковали дранью в диаметре 4-5 см, расколотую из чурок. Половые плахи «садили» на шканты, очень плотно подгоняли друг к другу и к стене. В некоторых домах, особенно зажиточных хозяев, делали двойной пол для тепла. Потолок сверху сначала засыпали резаной соломой и половой, но так как стали заводиться мыши, потолки стали утрамбовывать вальками из глины с соломой, затем ровняли и сверху гладко смазывали глиной.⁴

Большинство старых домов украшены резными наличниками – это работа местных мастеров 20-х гг.: Будим Никиты Макаровича, Лисица Митрофана Евменовича. Также по деревням ходили «краснодеревщики», которые по найму помогали отделывать дом внутри и снаружи. Мастера жили у хозяев по целому лету.

Дом, обычно, ставили на две комнаты. Одна – побольше, выполняла много функций: здесь была кухня, столовая, гостиная, мастерская. Большую часть комнаты занимала русская печь. В ней пекли хлеб, готовили еду, которая целый день в печи оставалась горячей. В печи парились, на печи спали. Под потолком, ближе к печи, располагались деревянные полаты, где обычно спали дети. В домах украинских переселенцев, однако, полаты были редко, если только дом был куплен и перевезен из соседних сел, потолки в этих домах были гораздо выше. Вторая комната – горница, была чуть поменьше, в ней стояли самодельные деревянные кровати с матрацами, набитыми сеном. В начале лета перетертую за зиму траву вытряхивали и набивали свежесушенной. (Такая «постель» просуществовала до сер. 50-х гг., а в некоторых семьях и гораздо дольше, в зависимости от благосостояния семьи). В состоятельных семьях в горнице стояли кровати с высоко взбитыми перинами, и подушками. По праздникам на них надевали вышитые наволочки, кровати застилали лоскутными одеялами или самотканым ковром, из-под которого виднелся вышитый, и обвязанный кружевом, околдок или подзор.⁵ Над кроватью висел домотканый ковёр. В семьях победнее, его заменял лоскут яркой ситцевой ткани. В каждой комнате в красном углу, который находился по диагонали от печи, стояли на специальных полочках иконы. Божница украшалась вышитым полотенцем, позднее вышитой занавеской. Под окнами через всю комнату была встроена широкая лавка, которую покрывали либо половиком, либо самотканым полотном. В углу горницы стоял большой сундук, где хозяйка хранила праздничную одежду. Он был покрыт либо лоскутным одеялом, либо тоже домотканым ковром. Верхняя, «чистая», одежда, хранилась тоже в горнице, она висела на стене над сундуком под яркой ситцевой занавеской.

Между окнами стоял стол, часто круглый, сработанный местными умельцами, покрывали его тоже самотканым полотном, а по праздникам стелили вышитую скатерть. Над столом висело зеркало в деревянной раме. В горнице также стояли деревянные кровати и стулья, обычно изготовленные самим хозяином.

В доме мало было покупного, кроме посуды и некоторой одежды, так как всё шло на строительство дома, усадьбы, расширение хозяйства.

Но при новой власти не всем крестьянам удалось достроить свои дома. Дело в том, что цены на городские, промышленные товары были очень высокими, а налоги, которых было несколько, уводили из хозяйства и скот и деньги. А налогов крестьянин должен был платить не один и не два. Это трудгужналог, общегражданский денежный, основной подворно-поимущественный, волостной денежный фонд, налог для оказания помощи голодающим Поволжья и др.

В случае неуплаты крестьянами сельскохозяйственного налога неизменно следовали «массовые конфискации имущества и скота», а так же аресты. Во многих сводках сообщалось о том, что сельские бедняки вынуждены были продавать последнюю лошадь, чтобы уплатить налоги.

С началом коллективизации в Алексеевке в 1928 г. было образовано Товарищество по обработке земли «Крестьянское ядро», в которое вошли владельцы сельхозмашин. Его имущество состояло из молотилки восьмиконной с подсевом, жнейки – самосброски, сенокосилки, конных грабель, веялки, мельницы. Одним из организаторов и руководителем этого общества, был Сошенко Авраам.⁶ Еще раньше пытались организовать коммуну. Как вспоминала Табачных Мария Александровна, 1916г. р.: «...отбирали скот, хлеб, амбары забирали, куда-то увозили. Но хозяйствовало неважно, что уцелело – раздали людям и разошлись».

Краеведы нашли в районном архиве «Протокол №1 организационного заседания Совета Коммуны от 11 февраля» 1930 г., из которого стало известно, что первым «руководителем коммуны «Степной пахарь» избрали Ефима Кирыченко».⁷ С марта 1930 г. в архивных документах указывается, что коммуна «Степной пахарь» стала сельскохозяйственной артелью, далее в документах называется колхозом.⁸

Примечания

¹ Верхняя одежда для работы, на которую шла длинная зимняя шерсть – зимнина.

² Ф.Р-93.Оп.1.

³ Название ей дали переселенцы, так как камень – красный известняк, использовали для изготовления точил, брусков, а также для мельничных жерновов.

⁴ В годы коллективизации, когда амбары были разобраны и увезены в коммуну или колхоз, горыще (чердак) превратилось в кладовую. Там хранили зерно, сушили семечки, яблоки, семена, бельё, летом там спали. Это было оправдано и в целях безопасности, так как с новыми коллективистскими порядками в деревне началось воровство.

⁵ Вышитая простыня с кружевом.

⁶ Ф.269.Оп.3.Д.142.Л.16.

⁷ Ф.93.Оп.1а.Д.1.Л.1.

⁸ Там же

2008

В.Ф. Семочкина,
п. Курагино

Церковь Последнего Завета. Люди и судьбы (к 15-летию Общины)

В нач. 1990-х гг. на территорию Курагинского района началось паломничество первых Последователей Виссариона. Что их заставило приехать в Сибирь, продав квартиры в больших городах, покинув своих родных?

Люди, в основной своей массе молодые, разными путями знакомились с новой религией. Мессия в пурпурных одеждах – спаситель человечества – явился для них в далёкой таёжной Сибири. Сюда стали прибывать первые «виссарионовцы», которые объединялись в «семьи», приобщались к новому образу жизни, к новому мышлению, к новым отношениям между людьми. Последователи новой веры начали строительство «Города Солнца» в самой экологически чистой части Курагинского района – у озера Тиберкуль на Сухой горе, вырубая вековую тайгу. А вокруг, – в Жаровске, Петропавловке, Черемшанке, в более отдалённых сёлах – Курагино, Шалоболдино, Курганчиках – стали расселяться члены Общины. Так в Сибири появились «новые люди» со своим мировоззрением, вероисповеданием, культурой, обычаями, которые вначале были непонятны сибирякам.

Ни одно из вновь созданных религиозных направлений, не подверглось такому вниманию СМИ, как община ЦПЗ. Причем, в первые годы это была только негативная информация, без желания что-либо осмыслить, понять причины этого массового паломничества.

Ироничное отношение к «виссарионовцам» видно уже из заголовков газет: «Община Веры» («АИФ» (№ 12 2005 г.), «Город Солнца. На закате...» («АИФ» № 49 2004 г.), «Сказки отца Виссариона» («Красноярский рабочий» 1995 г.), «Не он ли тот царь Виссарион?» («Тубинские вести» 23.04.1999 г.), «Современная хлыстовщина» («Вечерний Петербург» 22.09.2001 г.). Причем, в статьях последователей Виссариона называли «белые братья, хотя это совсем другое направление. СМИ представили образ Виссариона таким: невежественный человек – вера у него от обиды; запугивает людей концом света; подавляет личности; подделал Библию; использует бесплатный труд общинников, их средства; ломает психику людей с помощью секретного психологического оружия; владеет гипнозом; и, что совсем оскорбительно, любитель, выпить, у которого поехала «крыша». А общинников – людьми в основном образованными, среди которых много творческой интеллигенции. И хотя многие освоили ремесла, огородничество, садоводство, но это личности подавленные, со сломанной психикой, завербованные, зомбированные, живут в нищете, находятся под мощным давлением, заложники без права возвращения, замкнутые фанатики.

Одна из проблем, с которыми столкнулись последователи Виссариона, – обучение и воспитание детей. Новый образ жизни и новое мировоззрение поставили вопрос о новом воспитании и образовании детей, которое бы соответствовало их религии.

Цели воспитания и обучения детей в семьях виссарионовцев не совпадали с программами массовых школ, с их методами, формами и средствами обучения.

Человек, согласно их теории, должен устойчиво управлять физическим телом, эмоциями и разумом, творить во благо окружающего мира, наполняя свой труд любовью, добром, милосердием, состраданием, творчеством. Они должны научиться, ни в коем случае не допускать негативного отношения к окружающим... Человечество должно стать невредоносным, тогда его можно допускать на следующую ступень развития – творения любви, добра и красоты уже во всей Вселенной. В подрастающем поколении надо выработать новое мировоззрение, заложить высокие нравственные основы практической жизни человека.

С 1994 г. в школах Курагинского района обучаются дети виссарионовцев с 1-го по 9-ый класс. В начальную школу дети ходят регулярно, но, несмотря на хорошие способности некоторых из них, цели учиться на «отлично» не ставят. Учатся неплохо, но по настроению.¹

В шалоболинской школе в наст. вр. обучается 20 человек из семей последователей. Вот что говорят о них учителя. Нина Леонидовна А. (учитель 2-го класса): «Поскольку родители получили хорошее образование и дошкольники посещали детский сад, то дети общины выделяются на фоне деревенских детей в гуманитарном и творческом плане, у них высокий уровень умственного развития. Дети в основном культурные, вежливые. Как и у всех младших школьников, у этих ребят тоже есть проблемы в сфере общения. Заметна внутрисемейная изолированность, контакты между членами семьи ослаблены, дети часто испытывают чувство тревожности и страха. Родители в основном проповедуют свободное воспитание. Дети хорошо делают только ту работу, которая им нравится, которую они могут выполнить без усилий. Они не прилагают больших стараний к учебному труду, учатся ниже своих способностей».

Лада Климентьевна (учитель 3-го класса): «Уровень развития детей Общины средний и выше среднего, так как родители с хорошим образованием. Внутренний мир детей недоступен, они не раскрываются, или не хотят показать его». Родители в начальных классах посещают уроки, активно помогают учителям, пытаются скорректировать их работу в сфере воспитания духовности у детей.

С интересом большинство детей изучают литературу, русский язык, математику. А история – нелюбимый предмет, в ней много войн и насилия. В общественном интересе вызывают темы любви и добра. Дети поражают своими необычными рассуждениями. Начиная с 8-го класса, дети последователей часто не посещают уроки, иногда появляются в школе только в начале и в конце четверти, чтобы получить итоговую оценку. В анкетировании, которое проводило УО Курагинского района в 2000 г., они указывают, что в школе им уютно.²

В 1995 г. в с. Черемшанка была создана первая школа для детей ЦПЗ – «Исток», ее могли посещать и местные дети. Курс школьной программы построен таким образом, что из учебных программ максимально удалена негативная информация и образы, несущие разрушение (война, жестокость, убийство, зло). Мальчики должны вырасти мастерами, а девочки – добрыми умными хозяйками. Уделяется большое внимание овладению ремеслом, а также эстетическому воспитанию: музыке, пению, танцам, живописи. Сейчас в этой школе учатся самые талантливые и способные дети.³

Обучение в Петропавловке ведется в доме Татьяны Денисовой. Здесь находится начальная школа только для девочек, в которой обучаются 41 ребенок. Кроме изучения предметов по программе первого класса, учащиеся занимаются в кружках. Кружки выбирают по вкусу, согласно анкете. Большинство детей ходят в государственную школу, но для них в доме Татьяны существует специальная «Школа духовно-нравственного воспитания» как для девочек, так и для мальчиков. В прошлом году перешли на отдельную форму обучения. Цель воспитания: научить девочек уважать мальчиков, мужчин, не унижать их в присутствии слабого пола. Девочка, женщина – это загадка. Девочек подготавливают к семейной жизни (девичья светелка, в которой при доверительной обстановке разбираются девичьи проблемы). Мальчикам прививают любовь к творчеству и ремесленные навыки.

Педагоги-последователи используют в своей практике методы воспитания, которые бы не противоречили их учению. Девочки учатся по методу Ноосферного образования, который был разработан Натальей Владимировной Масловой, профессором РАН. Согласно этой методике, у ребенка формируется чувственное восприятие мира. Уделяется большое внимание творчеству. Программы по обучению, применимые к идеологии последователей, составила Лариса Калининградская. Она лично знакома с Масловой Натальей Владимировной. В феврале и марте 2007 г. в Петропавловке проходила научная конференция для педагогов, в которой участвовали педагоги России и из стран СНГ.

Община столкнулась с проблемой: выросшие дети в большинстве своем не хотят остаться в ней. Кто-то не нашел себя, некоторые очень талантливые дети не видят для себя условий для реализации своих способностей. Некоторых не устраивает уровень жизни в Общине. В газете «Земля Обетованная» появилось ряд тревожных статей. Об этом неоднократно в своих беседах говорил Учитель. И тогда появляется целый ряд проектов, охватывающих систему воспитания детей, сценарий к которому написали сами дети. Одним из таких направлений – это детское объединение «Камелот».

Каждые каникулы дети со всех поселений собираются на слеты. Раньше они проходили в Курагино, а сейчас там ставятся только спектакли. Несколько лет собирались в Тюхтятах (замок Ревендел). Сейчас слеты камелотовцев проходят в Петропавловке в каникулярное время. Они сами пишут сценарии спектаклей, ставят его, играют в нем, рисуют декорации. Задействовано творческой работой было большое количество детей, каждый реализовался в своем направлении. Имеется «Устав рыцарей Круглого стола»; девушек посвящают в жрицы (важно не только желание, но и поведение девушек). Уже несколько лет слеты проходят в форме семеек.

Цель – научить детей жить в семье, усвоить законы и уклад семьи. Старшие дети являются мамами, папами в семейках, они должны построить модель отношений согласно учению Учителя. В конце мая проходит трудовой слет: ребята решают, что делать, какие спектакли ставить, распределяют роли, переписывают слова, начинают готовить декорации и шить новые костюмы. Главное – это развитие творчества, духовности. Совершаются сплавы по маршруту «Трубадурия»: Журавлево – Подгорный. Приезжая в деревню, камелотовцы проводят там несколько дней, общаются с местными жителями, играют в футбол, показывают спектакли.

Во время слетов ребята размышляют на разные темы, например: удобно ли быть романтиком в наш век прагматизма, когда люди зачастую забывают о своем предназначении нести свет и добро. На каждый слет ребята получают сообщения от ребят-последователей из Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Екатеринбурга, Саратова, Балашова. Летом ровесники из этих городов приезжают в Сибирь и участвуют в мероприятиях, а зимой они «душой» с ребятами.

Сегодня одним из важных направлений деятельности Общины является создание «педагогической мастерской». Она предусматривает обучение ребят в педагогических учебных заведениях и возвращение их в Общину уже в качестве педагогов. Юные педагоги приезжают сюда на практику, работают с детьми в школе и на слетах. Уже сформировался целый педагогический коллектив, и даже проводятся педсоветы.

Ребята-последователи из Шалаболино с восторгом отзываются о «Камелоте». Вася Г., у которого в школе постоянные проблемы в общении с детьми, учителями, говорит: «Там совсем не так как здесь». Он по характеру активный, и там он реализует себя: что-то придумывает, а главное, не доставляет никому проблем. Рая П., которая в школе чувствует себя подавленной, совершенно другая в «Камелоте» – общительная, веселая, активная – принимает участие в спектаклях.

Проблемным для руководства района стал вопрос о медицинском обслуживании последователей Виссариона. Согласно канонам религии, они могут посещать медицинские учреждения, однако убеждены, что «за жизнь надо бороться, лечить надо сначала душу, а потом уже тело. Если в душе разлад, то заболевает тело». Поэтому многие последователи не обращаются за помощью в больницу, не ставят профилактических прививок, даже рожать детей предпочитают в домашних условиях без помощи медицинских работников.⁴

После прокурорской проверки медицинский вопрос был пересмотрен. Через газету «Земля обетованная» Учитель обратился к последователям и дал распоряжение о необходимости срочной доставке больных в медицинские учреждения района.⁵

Со слов главного врача Курагинской ЦРБ Гараева В.З., его заместителя Дереша, врача-педиатра Васютиной Т.Н., состояние здоровья верующих в поселениях всё-таки вызывает беспокойство⁶, а хирург Казаков С.М. пояснил, что вероучение ЦПЗ не проповедует отказ от медицинской помощи и не осуждает последователей за обращение в медпункты. У большинства виссарионовцев имеются полисы медицинского страхования. Казаков допускает мысль, что из-за превратного толкования учения Виссариона некоторые последователи по собственному решению отказываются от медицинской помощи, хотя церковь не приветствует этого, наоборот, всячески старается разъяснить негативные последствия неверного толкования учения.⁷

Последователи Церкви Последнего Завета живут в тесном контакте с окружающей природой. По нашим наблюдениям, круглый год они ходят в лес, на речку, летом собирают травы, грибы, ягоды; просто гуляют.

Один из способов сохранения здоровья тела – это вегетарианское питание. В первые годы оно было ограниченным (жесткая веганская система), «что создавало проблемы в их семьях, сказывалось на здоровье и, как отмечено, было Учителем, возникла пищевая зависимость. «Вы еще не готовы к этому», – объяснил он. Возможно, сыграло роль то, что по этому поводу поднялся шум в газетах, родственники последователей начали подавать в суд на устроителей Церкви... Сейчас разрешено употреблять в пищу растительное масло, молоко. В первые годы становления Общины последователям было очень трудно, особенно тем, кто приехал в Сибирь зимой. Сейчас картина изменилась. Дети, родившиеся в Общине и выросшие на вегетарианской пище, спокойны, энергичны, лица у них свежие. Они не допускают мысли, что животное можно убить для еды.

Для лечения тела и души используется эстетотерапия. Близость к природе, любование её красотами излечивает душу, а значит и тело. В практике лечения используется система закаливания Иванова, дыхательная гимнастика, элементы йоги, используется массаж, релаксации. Из беседы с общинниками выясняется, что вегетарианское питание, эстетотерапия способствовали улучшению их здоровья.

В 2000 г. в с. Черемшанка был создан «Региональный центр профилактической медицины», целью которого является оказание медицинской помощи населению и координация усилий в пропаганде здорового образа жизни. Центр может оказать благотворительную помощь в виде бесплатной медицинской помощи населению.⁸

Священник Церкви Последнего Завета Сергей Чевалков считает, что здоровый труд на земле, овладение ремеслом, развитие творчества, доброе отношение друг к другу формируют человека нового типа, поэтому одним из направлений деятельности членов Общины является возрождение народных ремёсел, овладение ими. «Теперь, по истечению 15 лет, мы знаем, что выживем независимо от внешнего мира» – сказал он нам при встрече.

Основное занятие для жителей Общины – огородничество. Земля кормит, одевает, способствует здоровому образу жизни. Занятие это очень тяжело давалось «виссарионовцам», приехавшим из городов, никогда не имевшим дело с землёй. В сёлах, где живут последователи, у многих есть теплицы, в них они выращивают ранние овощи. Наиболее трудолюбивые и настойчивые хозяйки достигли больших успехов, охотно делятся с местными жителями семенами тыквы, крупных сортов фасоли. Научились они заготавливать их на зиму, причем по особым рецептам.

В мае 1997 г. в поселениях прошли общие посевные. На полях впервые засеяли гречиху, просо, овёс, лен. Сейчас эти культуры выращиваются в достаточном количестве. В Имиссе выращивают лён, из волокон которого девушки-ремесленницы научились ткать удивительные полотна, пользующиеся спросом у горожан. Осваивается разведение шелковичного червя. В городе Мастеров уже показывают первые изделия из шелка. Всего зарегистрировано более 40 видов ремёсел (в основном технические). Возраст мастеров от 15 до 50 лет и старше.

Женщины научились шить красивую одежду, выполненную в старославянском стиле (Петропавловка); встречаются греческие хитоны (Куряты), одежды, напоминающие арабские древние костюмы. «Вещь должна быть выполнена с любовью», – говорят мастерицы. Женщины освоили и вышивание, научились украшать одежду орнаментами, оберегами. С особой любовью шьется и вышивается одежда для Учителя. Славятся среди вассарионовцев и кузнечных дел мастера. Во многих домах шалаболинцев можно встретить красивые плетёные вазы, абажуры, кресла, табуретки, салфетки. Некоторые мастера–последователи построили свои мастерские и специализируются на каком-либо одном ремесле. В каждой мастерской висит портрет Учителя, работа начинается с молитвы.

Ежегодный праздник, 18 августа (День первой проповеди Учителя), вызывает восхищение не только у последователей, но и у многочисленных гостей. В 1992 г. Учитель впервые выступил с проповедью на перчаточной фабрике (г. Минусинск), где присутствовало всего около 30 человек, а сейчас этот день собирает тысячи верующих и гостей. На празднике устраивается ярмарка мастеров, там можно увидеть и приобрести замечательные образцы ремесленных изделий. Свои изделия мастера продают в Красноярске, Курагино, Абакане, где открыли свои магазины.

Появление в районе большого количества образованных, творческих людей не могло не способствовать развитию и подъему культуры. Преобразились Петропавловка, Гуляевка, возродились и другие умирающие в наши дни села. В селах появились уникальные храмы – храм в центре Петропавловки, часовня в Журавлево, а на Горе строится главная культовая святыня.

В Общине живут люди разных национальностей, воспитанные в разных традициях, поэтому в архитектуре переплетаются стили, различные подходы. В Петропавловке построен дом в китайском стиле.

Наряду с известными мастерами сцены Светланой Владимирской, Вадимом Редькиным, Дионисием (Владимир Капустин), группой «Гармония», камерным дуэтом Елены и Сергея, выступают молодые таланты, выращенные уже здесь. В Гуляевке, Петропавловке много лет существуют танцевальные коллективы, как взрослые, так и детские. В Шалаболинском ДК работают танцевальный и хоровой кружки, где задействована вся Община. Летом все вместе отдыхают в бору, где проводятся игры, развлечения; здесь звучат песни; горит объединяющий всех костер. Эти мероприятия посещают и сельчане. Издается ежемесячная газета «Земля Обетованная», где освещаются различные мероприятия, публикуются стихи и рассказы членов Общины. Среди последователей много талантливых художников, сам Учитель (Виссарион) мастерски владеет кистью. В Петропавловке открыта постоянная выставка картин, выполненных их руками.

Пятнадцать лет – это небольшой срок, но выводы уже можно делать. Новое не сразу строится – много проблем, как духовных, так и материальных. Надо ещё много вложить труда, чтобы получить какие-то результаты. Время покажет...

Примечания

¹ Курагинский архив: фонд №1, опись №1, дело №1923, листы № 1, 2, , 3, 4, 5, 6, 7, 13, 26, 27, 31, 35, 45, 75, 95. ; фонд №91, опись №1, листы № 10, 11, 19, 20, 21, 60, 63,71, 81, 82, 83, 93, 97, 99, 103, 107

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Газета «Земля Обетованная»: «Новое Сознание – Новый Человек – Новое Общество» статья Татьяны Ваниной октябрь 2006 г., «Вы теперь творцы новой сказки» статья Елены Урванцевой июнь 2000 г., «Страна Трубадурия Христовый поход» октябрь 2003 г., сентябрь 2004 г., январь 2005 г., «Община Виссариона сегодня» март 2006 г., «Ноосферное образование» статья Ларисы Калининградской май 2006 г.

⁶ Курагинский архив: фонд №1, опись №1, дело №1923, листы № 1, 2, , 3, 4, 5, 6, 7, 13, 26, 27, 31, 35, 45, 75, 95.; фонд №91, опись №1, листы № 10, 11, 19, 20, 21, 60, 63,71, 81, 82, 83, 93, 97, 99, 103, 107

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Ю.А. Вагнер,
г. Минусинск

Миссионерская политика Русской Православной Церкви (РПЦ) по отношению к старообрядцам в нач. XX в. (на примере Минусинского уезда)

Енисейская епархия с кафедрой в Красноярске была образована в 1861 г. по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева. 5 января в Красноярск прибыл первый Енисейский епископ Никодим (Казанцев). Епархия делилась на 6 уездов: Красноярский, Каннский, Ачинский, Енисейский, Туруханский, Минусинский.¹

Одной из главных функций местного священства являлась миссионерская деятельность среди аборигенов и русского старообрядческого населения. На юге Енисейской губернии численность крестьян-старообрядцев начинает быстро расти со втор. пол. XIX в. по мере усиления переселенческого движения из Европейской России.

В 1888 г. Святейшим Синодом были определены правила об устройстве миссий и о способе действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам. Документ включал 24 пункта, представляющие собой руководство к действию миссионеров для предотвращения раскола и возвращения старообрядцев к православной церкви.²

Священники должны были внимательно изучать заблуждения раскола и находить основательные доказательства против них, используя пользующиеся у староверов доверием тексты старопечатных книг.

Для этого имелись готовые руководства. Особенно выделались «Выписки Озерского», в которых были собраны цитаты из старопечатных книг, опровергающие важнейшие погрешительные мнения старообрядцев. Эта книга была издана Синодом и продавалась по дешевой цене. Вместе с ней были опубликованы работы митрополита Платона «Увещание в познание истины», митрополита Филарета «Беседы к глаголемому старообрядцу», митрополита Григория «О древнеистинной церкви». Все они учили, как следует прилагать свидетельства старопечатных книг в собеседовании со старообрядцами, и как вообще вести беседы с ними в духе кротости, согласно с наставлением апостола.³

Православные священники обращали внимание на то, что в беседах с ними старообрядцы отвечали на вопросы, касающиеся религии: «мы люди простые, ничего ответить не можем, а что содержим, то приняли от родителей!». Без священника же, при встречах с православными мирянами, любили заводить разговор о вере, не упускали случая пропагандировать свои взгляды, способствуя распространению раскола. Пастыри полагали, что получая надлежащие сведения о расколе, православные не будут при всяком столкновении с раскольниками оставаться безответными, а смогут сами предлагать вопросы для обличения их неправых мнений, помогая, тем самым, возвращению заблудших в православие. «Совокупное действие многих сильнее могло повлиять на раскольников, нежели одноличное действие».⁴

Т. о., одной из действенных мер борьбы с расколом признавалось распространение соответствующей литературы среди священников и мирян православных и старообрядцев. Священники должны были заботиться о подготовке из числа своей паствы помощников в деле обращения старообрядцев к православной церкви.

Священники признавали тот факт, что старообрядцев отталкивает от церкви жизнь православных: пьянство, неблагочинное поведение в храме, нерадивое исполнение обрядов и т. п. Поэтому священники призывали прихожан к богоугодному поведению, правильному исполнению культа, отказу от пьянства и т. д.

Православные священники считали, что старообрядцы выше внутренних нравственных добродетелей, выше исполнения заповедей почитают внешние телесные подвиги благочестия и обряды, такие как пост, поклоны в определенной форме, покрой одежды и т. п. Этими внешними подвигами они гордятся, возвышая себя над православными. Поэтому в общении со старообрядцами священники должны были внушать понятие о высоте и необходимости нравственных добродетелей, необходимости хранения Божьих заповедей и удаления от внутренних пороков: самолюбия, самонадеяния, осуждения, внушать им, что без соблюдения заповедей Божьих, при всех телесных подвигах, невозможно угодить богу и спастись. Следовало также доказывать, что церковь созданная Богом, должна иметь всю полноту иерархии и все

семь таинств. Без этой полноты нет церкви, и нет Спасения. Пастырям предписывалось беседовать кротко, избегая порицаний, как на самих староверов, так и на совершаемые ими обряды.

Для содействия миссионерской политике в г. Минусинске было создано отделение братства Рождества Пресвятой Богородицы, направленное на привлечение к «праведной» вере старообрядцев. В число действующих членов братства вошли священники: Иннокентий Орфеев, Иоанн Тихвинский, Василий Рождественский, Александр Муранов, Михаил Лебедев, Иоанн Пальмин, Евгений Золотницкий, Петр Беляевский, Александр Евстюгин, Александр Подгайский, Николай Пальмин, учитель Дмитрий Орфеев, жена священника Валентина Кармальская, крестьянин Павел Пашенных, купец Иван Занин, мещанин Дмитрий Лалетин.

Согласно отчету миссионера по Минусинскому и Ачинскому уездам священника Иоанна Тихвинского в 1899 г. миссией были охвачены 11 приходов Минусинского уезда: Никольский, Ново-Березовский, Идринский, Кнышинский, Дятловский, Имисский, Курагинский, Кавказский, Каратузский, Кочергинский, Ермаковский. Всего было проведено 37 собеседований.

В отчете указывалось, что действие миссионерских бесед способствует «большому брожению» и спорам о вере среди раскольников. Многие начинают прислушиваться к голосу пастырей.⁵ Поэтому подобная практика была продолжена и в последующие годы. В 1903 г. беседы проводились: в г. Минусинске, в селах: Тигрицком, Каратузском, Бугуртакском и Отрокском; в деревнях: Ново-Покровской и Иджимской Каптыревского прихода, Манзельской и Салбинской Ермаковского прихода, Таскинской Кочергинского прихода, Терехтинской Дятловского прихода, Мало-Кнышинской Кнышинского прихода, Силкиной – Отрокского прихода, Ново-Тройцкой – Никольского прихода, Екатерининской Ново-Березовского прихода Минусинского уезда.⁶

Беседы были следующего содержания: «О незаконности австрийской иерархии»; «Об антихристе»; «О божестве Господа Иисуса, о троичности лиц в Боге и о таинствах»; «О составе членов церкви Христовой, о ее вечности и неизменности»; «О догмате и обряде»; «о сложении перстов для крестного знамения»; «О священстве и таинствах»; «О свойствах истинной церкви Христовой и о признаках ложных еретических обществ»; «О ложности австрийской иерархии»; «О незаконности совершения таинств и священнодействии неосвященными лицами и мирянами»; «О вечности и непоколебимости церкви Христовой»; «О неповрежденности догматов веры в церкви православной, и о неотъемлемом ее праве исправлять замеченные погрешности в книгах, отменять те или иные обряды и заменять их более точно выражающими смысл и значение какого – либо догмата веры»; «О явлении и всенародном прославлении мощей святых угодников в церкви православной, как явнейшем свидетельстве божьем об истинности ее и непорочности»; «О святости и неповрежденности церкви Греко-Восточной»; «О пророке Илье и Энохе»; «О канонических нарушениях австрийской епархии»; «Можно ли признать поклоны, перстосложение, количество просфор на проскомидии и прочее за догматы веры; справедливо ли поступили предки старообрядцев, отделившись из-за этих обрядов и т. п.

В отчете братства за 1903-1904 гг. сообщается, что по многим темам беседы производились повторно. Под влиянием миссионерского слова, среди раскольников становятся заметны сомнения в истинности собственных верований. Некоторые представители «австрийского» толка, усвоив антиканоническое происхождение своего священства, решились оставить раскол и присоединиться к православию на правах единоверия, – сохраняя древние богослужебные чины, признать иерархию Московского Патриарха и духовенство Православной Церкви. Всех перешедших в единоверие оказалось до восьмидесяти человек. В д. Екатериновке Ново-Березовского прихода для них был построен молитвенный дом.⁷

Ввиду обширности территории Минусинского уезда, на одном из собраний братства было решено разделить на отдельные миссионерские кружки. В обязанность этих кружков вменялись не только беседы со старообрядцами, но и внимательное знакомство с их бытом. О результатах своей деятельности кружки должны были своевременно доводить до сведения совета отделения. На первых порах кружков образовалось всего два.

В течение 1904-1905гг. членами одного из них были проведены собеседования со старообрядцами в трех миссионерских пунктах: в д. Таскиной, Кочергинского прихода, – о незаконности австрийского

священства и о соборах 1666 и 1667 гг.; в с. Каратузе – о незаконности Австрийского священства и о разностях в чтении символа веры; в п. Черепановском, Каратузского прихода. Членами второго кружка были произведены собеседования со старообрядцами: в г. Минусинске, в д.е Бражной, в Малых Кнышах. Особую энергичную миссионерскую деятельность из членов Минусинского отделения проявили Иоанн Тихвинский и Василий Рождественский.⁸

С целью утверждения в христианском обществе здравых понятий об истинах православной веры, правилах благочестия, о церкви, ее священнодействиях и таинствах, о событиях из церковной жизни – совет устраивал в зале Братства религиозно-нравственные чтения. Каждое чтение разделялось на три раздела: богословский, исторический и литературный. В состав богословского отдела входили чтения по вопросам вероучения; в состав исторического входили чтения по истории и обличению русского раскола и сектантства, общей русской церковной и гражданской истории и по всеобщей географии; в состав литературного отдела входили статьи с православно назидательным элементом.⁹

Для устройства чтений по приходам епархии Братством рассылалась литература религиозно-нравственного содержания; в т.ч. книги и брошюры: священника Шумова, Новгородского священника Григория Петрова, издания С-Петербургского Братства Пресвятой Богородицы и жития Серафима Саровского. В Минусинском уезде чтения посещали от 150 до 200 человек. В 1903-1904 гг. было проведено 19 чтений, которые сопровождалась пением и показом картин художников на религиозные темы.

Миссионерская политика в отношении старообрядцев на территории Минусинского уезда заключалась в проведении различных бесед, которые были направлены на разъяснение старообрядцам ошибочности их религиозных суждений, этому способствовало также распространение специальной литературы. Кроме того, православное население прихода поддерживало миссионеров, вступая в беседы со старообрядцами. Также проводились и религиозные чтения. Чтения сопровождалась пением и показом картин, чтобы привлечь больше старообрядцев.

Примечания

¹ Енисейск православный. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – С. 239

² Правила об устройстве миссии и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам (по определению Святейшего Синода от 25 мая 1888 г. за № 1116) // ЕЕВ. – 1888. - № 19. – С. 170-177

³ Беседа с православным священником о том, что нужно для успешного действия в обращении глаголемых старообрядцев к православной церкви // ЕЕВ. – 1885. - № 1. – С. 37-38

⁴ Там же. – С. 39

⁵ Отчет Совета Братства Рождества Пресвятой Богородицы при Красноярском кафедральном соборе за 1899-1900 гг. // ЕЕВ. – 1900. – № 23. – С. 643.

⁶ Отчет о деятельности Совета Красноярского Епархиального Братства Рождества Пресвятой Богородицы с 8 сентября 1903 по 8 сентября 1904 г. // ЕЕВ. – 1904. – № 19. – С. 525

⁷ Там же. – С. 527.

⁸ Отчет о деятельности Совета Красноярского, Епархиального братства Рождества Пресвятой Богородицы с 8 сентября 1904 г. по 8 сентября 1905 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1906. – №1 – С. 2 – 3.

⁹ Там же. – С. 9 – 10.

2009

А.Е. Гончаров,
г. Красноярск

Экспедиции 1905 г. Министерства путей сообщения к устью р. Енисей

К нач. XX в. уже не стоял вопрос о возможностях использования Северного морского пути в качестве более или менее эффективной транспортной артерии, соединявшую Европейскую Россию

и Сибирь. Многочисленные плавания к устьям Оби и Енисея, начиная с сер. 1870-х гг., научные исследования, возникновение иностранных торговых компаний и их рейсы в Сибирь доказали это. Более того, со стороны правительства даже предпринимались шаги по ограничению действий торговли иностранных компаний (закрытие порто-франко). Северный морской путь стал не просто местом для учёных и искателей приключений, а транспортным путём, который постепенно стал приобретать важное стратегическое значение.

Это впервые подтвердилось во время строительства Великой Сибирской железной дороги, начатое в 1892 г. Тогда правительство применило морской путь в Сибирь. В 1893 г. по поручению Комитета Сибирской железной дороги была снаряжена экспедиция Министерства путей сообщения к устью Енисея с целью доставки груза английских рельс и цемента, закупленного в Германии.¹ Возглавлял экспедицию лейтенант Военно-морского флота Российской Империи Л.Ф. Добротворский. Экспедиция состояла из шести морских судов – трех русских: «Лейтенант Овцын», «Лейтенант Малыгин», «Лейтенант Скуратов», и трёх английских морских пароходов: «Орест», «Минусинск», «Бланкатра», которыми командовал Д. Виггинс.² Суда доставили строительный груз общим весом в 100 тыс. пуд. в устье Енисея. Символичным было то, что, во-первых, русские суда были названы в честь участников Великой Северной экспедиции, а во-вторых, все суда шли под русским военно-морским флагом, показывая тем самым западным государствам, что Северный морской путь – часть Российской Империи.³ На следующий год состоялась ещё одна экспедиция, которая ко всему прочему доставила в Енисей два колёсных туерных парохода.⁴

Так же, в 1894 г. генерал-лейтенант Чиханов предложил Александру III приступить к описи берегов Северного Ледовитого океана, начиная с Енисейского залива и Обской губы – мест, очертания которых почти не исправлялись на государственных картах со времён Анны Иоанновны.⁵ Этой экспедицией руководил А.И. Вилькицкий – талантливый военный гидрограф, работавший до этого на Новой Земле. За два года был подробно описан весь Енисейский залив, составлен атлас реки Енисей от устья до г. Енисейска. Было также описано восточное побережье Обской губы и составлены необходимые руководства для плавания в этом районе. Это была первая, со времён экспедиции П.К. Пахтусова и Ф.П. Литке, крупная правительственная гидрографическая экспедиция в северных морях.

Т. о., можно сказать, что к началу Русско-японской войны 1904-1905 гг. Северный морской путь рассматривался правительством, как один из эффективных транспортных путей в Сибирь. Естественно не столь эффективный как железная дорога, но все, же как «запасной вариант». Когда разразилась война и однокорейная железная дорога не смогла осуществлять даже военные перевозки, не говоря о гражданских, морской путь стал единственным решением для осуществления крупногабаритных перевозок.

Новый повод для скорейшего освоения Северного морского пути появился во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. Страна оказалась поделена пополам – Европейская Россия и Сибирь из-за нехватки транспортных мощностей однокорейной Сибирской железной дороги, которая была загружена исключительно военными перевозками. Дефицит товаров народного потребления в Сибири возник уже в кон. 1904 г.⁶ Вновь был поднят вопрос о всяческом развитии морского пути в Сибирь – частном и государственном. 28 марта 1905 г. на заседании Особого совещания министр путей сообщения князь М.И. Хилков выдвинул идею о «применении Северного морского пути как наиболее целесообразного».⁷ Был принят ряд важных решений: необходимость скорейшего устройства станций беспроводного телеграфа в Карских проливах и устье Печоры, откуда проложить телеграфную линию до Усть-Цильмы. В Карское море предполагалось послать два ледокола для улучшения навигации и установки судходных знаков. Также, в связи с транспортными проблемами вводилось временное таможенное послабление для доставки грузов в устье Оби и Енисея.⁸ 5 мая 1905 г. после совещания под председательством графа Сольского по обсуждению совещания князя Хилкова, было объявлено об учреждении в Енисейске порто-франко в «...отношении грузов, предназначенных для нужд действующей армии и Сибирской железной дороге и в отношении предметов потребления первой необходимости для нужд местного населения, с предоставлением министру финансов права издать подробный список означенных грузов и

предметов...».⁹ Даты ограничения постановления не было, что породило надежды многих отечественных и иностранных предпринимателей на возрождение коммерческих рейсов в Сибирь.

Совещание 28 марта приняло ещё одно важное решение. Было решено строить вторую колею Сибирской железной дороги, а необходимые грузы должна была доставить в Красноярск новая экспедиция Министерства путей сообщения.¹⁰ В организации этой экспедиции также приняли участие Военное и Морское министерства, А.И. Вилькицкий, С.В. Востротин, Д. Виггинс. Было решено закупить и доставить на Енисей речные суда для создания казённой флотилии. За границу была отправлена комиссия, которая нашла и купила необходимые корабли.

3 августа из Екатерининской гавани на восток отправились: два паровых лихтера – «Ангара» и «Лена», четыре буксировочных речных парохода – «Енисейск», «Минусинск», «Туруханск», «Красноярск», девять непаровых лихтера – шесть типа *Unterverser* и три типа *Indus*.¹¹ Были также зафрахтованы три немецких буксира для доставки непаровых лихтеров, а три английских морских пароходов везли груз, который надлежало перегрузить на речные суда по приходу в Гольчиху. Ледокольный пароход «Пахтусов» и ледокол «Ермак» должны были вести эту флотилию из 23 судов в устье Енисея. Однако «Ермак» сел на мель и повредил дно у острова Вайгач, что вынудило его вернуться назад. 26 августа экспедиция успешно вошла в Енисейский залив. Было доставлено более 500 тыс. пуд. казённого груза и суда для навигации по Енисею.¹² Это была самая крупная экспедиция по Северному морскому пути вплоть до экспедиции 1920 г. на Енисей.¹³ (См. приложение: технические характеристики судов экспедиции).

Т. о., цели экспедиции были реализованы. В Енисейскую губернию были доставлены необходимые правительственные и частные грузы, была расширена енисейская флотилия. К 1917 г. в ней было 21 паровое судно, 30 деревянных баржей и 10 железных лихтера. Общая грузоподъёмность составляла 600 тыс. пудов.¹⁴ Естественно нельзя утверждать о том, что экспедиция 1905 г. сыграла решительную роль в осуществление грузоперевозок в Сибирь или, что правительственные рейсы смогли полностью заменить частные иностранные компании, чьи грузоперевозки были прекращены вследствие закрытия сибирского порто-франко в 1898 г. Несколько правительственных экспедиций по доставке, в основном, казённых грузов не могли оказать существенного влияния на сибирскую и российскую экономику. Однако экспедиция имела другое значение – не менее важное. Окончательно были преодолены скептические настроения в отношении практического применения Северного морского пути. Правительство окончательно осознало важность этого транспортного пути, и начинает принимать более или менее активное участие в его скорейшем освоении. Экспедиция 1905 г. послужила началом для многих дальнейших мер, принятых для развития сибирского севера.

Примечания

¹ Северная морская экспедиция министерства путей сообщения на реку Енисей в 1905 г. – СПб., 1906. – С. 8.

² Stone, I. R., Joseph Wiggins (1832 - 1905) // *Arctic Profiles*. – 1994. – Vol. 47, № 4. С. 408.

³ История открытия и освоения Северного морского пути. – Л., 1962. – Т. 2: Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. – С. 177.

⁴ ААА КК, ф. 217, оп. 2, д. 13, л. 6.

⁵ Северная морская экспедиция министерства путей сообщения на реку Енисей в 1905 г. – С. 8 – 9.

⁶ Востротин С. В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. – СПб., 1908. – С. 21.

⁷ Северная морская экспедиция министерства путей сообщения на реку Енисей в 1905 г. – СПб., 1906. – С. 11.

⁸ Востротин С. В. Ук. соч. – С. 23.

⁹ Там же. – С. 24.

¹⁰ Северная морская экспедиция министерства путей сообщения на реку Енисей в 1905 г. – С. 11.

¹¹ Там же. – С. 13 – 14.

¹² Там же. – С. 57.

¹³ Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири / под общей редакцией председателя Комитета Северного морского пути Шольца Ф. А. – Омск, 1921. – С. 65.

¹⁴ Гончаров А. Е. Северный морской путь и его роль в освоение Енисейской губернии в кон. XIX – нач. XX вв. // Мартыановские краеведческие чтения. Вып. V – 300 лет в составе России – Красноярск, 2008, с. 205.

2009

А.А. Григорьев,
г. Красноярск

«Записки» декабриста Н.В. Басаргина как источник по истории Сибири

Николай Васильевич Басаргин (1799-1861) не относился к числу лидеров декабристского движения. В 1819 г. он вступил в Союз Благоденствия, а с 1821 г. стал членом Южного общества. После подавления восстания Басаргин был осужден по 2-му разряду и провел в Сибири в общей сложности 30 лет – с 1827 по 1857 гг. Среди его богатого эпистолярного и литературного наследия особо выделяются «Записки», в которых Басаргин повествует о своем участии в декабристском движении, следствии и суде, пребывании в Сибири. «Записки» принадлежат к мемуарному виду исторических источников. Это произведение впервые было опубликовано в 1872 г. и с тех пор неоднократно переиздавалось в Санкт-Петербурге, Москве, Красноярске, Иркутске.

Воспоминания Басаргина обычно используются историками как источник по декабристскому движению. В трудах по истории Сибири «Записки» используются редко и фрагментарно, преимущественно как иллюстрат, подтверждающий информацию других источников. Между тем, Басаргин дает ценнейшие сведения не только по истории декабризма, но и по истории Сибири первой половины XIX в. Однако, при использовании этих воспоминаний в качестве исторического источника следует учитывать ряд важных обстоятельств, которые позволят более объективно и беспристрастно оценить и понять информацию, приведенную мемуаристом.

Известный отечественный специалист в области методологии истории А.Я. Гуревич отмечал: «Первое, с чем встречается историк на страницах облюбованного им источника, это личность его создателя, содержание и структура его сознания, тот мир представлений, который был присущ его творцу и, может быть, разделялся его современниками или какой-то частью их. Иными словами, исторический источник «непрозрачен», и к фактической информации, которая в нем содержится, прибавляются мысли, идеи, образы, присущие автору или составителю данного текста, с которым вынужден работать историк. То и другое - сведения о происшедших событиях и их субъективные оценки и освещение, идущие от создателя текста, неразрывно сплавлены воедино, следовательно, историк сталкивается с огромной трудностью дешифровки, демистификации источника».¹ К этому трудно что-либо добавить.

«Записки» Басаргина написаны ориентировочно в 1856 - 1857 гг. – на склоне жизни автора, хотя задумал он их сразу после смерти Николая I. В основу записок легли материалы и документы, накопившиеся у Николая Васильевича в годы его сибирского заключения. Для установления полноты, достоверности и точности сведений важно установить источники информации Басаргина. Сам автор очень редко их указывает. Однако можно по тексту установить, что таковыми являлись: личные наблюдения, рассказы местных жителей, свидетелей и очевидцев событий; дневниковые записи; документальные материалы (например, объемный устав артели ссыльных декабристов невозможно воспроизвести по памяти); письма; сведения, полученные из вторых-третьих рук. Впрочем, последним, равно как и слухам, сплетням Басаргин не особенно доверял, стараясь помещать в мемуары факты либо им лично добытые, либо переданные заслуживающими доверия людьми. Вследствие этого, многие историки отмечают высокую степень достоверности и объективности приведенных в «Записках» конкретных фактов.

Немаловажную роль играет установление причин написания мемуаров. Обычно исследователи либо не обращают внимание на это обстоятельство, либо ограничиваются сентенцией о стремлении Басаргина поведать о сибирской жизни декабристов. В таком случае не вполне ясно: зачем об этом нужно было рассказывать? Кому были адресованы мемуары, что автор хотел поведать современникам и потомкам? Представляется немаловажным один аспект: Басаргин полагал вынесенный ему (и многим

другим декабристам) приговор чрезмерным и несправедливым. Об этом он неоднократно упоминает на страницах своего произведения. При этом «Записки» не являются мемуарами-оправданием, так как автор ни в чем не оправдывается и ни о чем не сожалеет. В своем произведении Басаргин едва ли не каждой строкой подводит читателя к мысли о том, что оценка режима и народная оценка каких-либо явлений далеко не всегда совпадают и чаще не совпадают. Также важное место в мемуарах занимает морально-этический аспект, и не только по отношению к декабристам. Трудно не заметить противопоставления морали официальной и народной, общечеловеческой. Третья особенность воспоминаний Басаргина – явственный антикрепостнический настрой. Будучи убежденным противником крепостного права, Басаргин постоянно противопоставляет свободную Сибирь крепостной Европейской России, доказывая не только бесчеловечность крепостничества, но и его экономическую и политическую несостоятельность. «Чем далее продвигались мы по Сибири, – пишет Басаргин, – тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленнее, даже и образованнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих». ² По сути, произведение Басаргина – это мемуары-вызов, основная цель которых – показать, что бессмысленное и жестокое наказание не достигло цели, а напротив, сделало автора еще крепче, сильнее и мужественнее.

Структура «сибирской» части «Записок» выглядит так: 1) этап в Сибирь; 2) пребывание декабристов в Чите; 3) переход в Петровский Завод; 4) условия жизни и быта декабристов в Петровском Заводе; 5) общая характеристика Сибири; 6) переезд автора из Петровского Завода в Тобольскую губернию; 7) Пребывание в Тобольской губернии. Повествование постоянно прерывается и разбавляется поучительными историями и случаями, почерпнутыми из рассказов знакомых или из собственных наблюдений. Басаргин, в отличие от других декабристов – Батенькова, Кюхельбекера, Митькова, Розена, братьев Бестужевых – не занимался специально научными изысканиями. Тем не менее, 5-й раздел свидетельствует, что Басаргин имел немалые познания о современном ему состоянии Сибири.

Проблематика «сибирского» раздела воспоминаний Басаргина весьма обширна. Это и уровень жизни сибиряков, нравственные их качества, система управления, взаимоотношения между народом и чиновниками, влияние и последствия уголовной и политической ссылки, экономическое значение региона, воздействие сибирских условий на изменение морально-психологических установок и мировоззрения людей. Особо он останавливается на проблеме взяточничества и коррупции управленческого аппарата. Автор записок – человек общительный, круг его случайных и постоянных информаторов довольно широк – от простых крестьян до чиновников и должностных лиц. Полученные сведения не просто излагаются, а обрабатываются и систематизируются. Аналитичность и психологизм – особенность мемуаров Басаргина.

Басаргин несколько идеализирует положение сибирского крестьянства. Эта идеализация намеренная, она служит для противопоставления крепостной России и свободной Сибири: «Отсутствие крепостного состояния благотворно действует на быт низшего класса, т.е. крестьян. Здесь, в Сибири, они гораздо смышленнее, гораздо зажиточнее, гораздо выше в общественном значении, нежели крестьяне русские. Их разделяет меньшее расстояние от высшего сословия, они гораздо независимее, свободнее в отношениях с ними, и переход из одного сословия в другое совершается гораздо легче». ³ Причем, для сибирского крестьянина характерна не только зажиточность и свобода, но и высокий уровень нравственности. Автор приводит множество примеров высоконравственных поступков сибирских крестьян, для которых характерны такие качества, как доброта, человечность, гуманность, честность и трудолюбие. Свободным крестьянам Басаргин противопоставляет ссыльнопоселенцев, которые, наряду с каторжными, представляются ему лишним классом общества, а также чиновников-лихоимцев. Существующая система наказаний, по мнению Басаргина, не исправляет пороки, а лишь еще более озлобляет и унижает людей.

Декабрист уверен, что у Сибири есть все возможности для процветания и благоденствия, при известных условиях в материальном и политическом отношении она может не только не уступать, но и превзойти США. Однако развитие Сибири сдерживается рядом существенных недостатков: плохим управлением, бесконтрольностью местной администрации, отсутствием квалифицированных и честных управленцев, негодными судебными учреждениями, слабостью путей сообщения, ничтожным уровнем народного просвещения и образования, недостатком капиталов, но особенно чудовищной коррупцией и

лихоимством, примеров коих приводится немало, а также системой откупов. Басаргин подчеркивает, что все эти пороки он имел возможность видеть и испытать сам, потому имеет право о них говорить. Он также предлагает ряд мер по улучшению положения в крае.

Не может не удивить характеристика нижеудинского исправника Лоскутова, который в Сибири был символом самого разнузданного произвола и лихоимства. Свои записки Басаргин писал уже после ревизии Сперанского, в результате которой Лоскутов был предан суду и отстранен от должности. О результатах этой ревизии Басаргин не мог не знать. Но, упоминая в своих записках Лоскутова, во всех случаях мемуарист дает ему самую превосходную аттестацию: «Это был человек редкий, необыкновенный, каких мало на свете и каких надобно в Сибири».⁴ По всей видимости, Басаргин умышленно противоречит официальной трактовке деятельности исправника, стремясь подчеркнуть, что представления правительства и народа о том, каким должен быть чиновник, не совпадают.

Обращает на себя внимание еще одна странная деталь: описывая свое и сотоварищей заточение, Басаргин не только не драматизирует условия заключения, но напротив, подчеркивает их необременительность и даже полезность. Порой кажется, что декабристы находились не в тюрьме, а в санатории. Каторжные работы описаны почти в юмористическом тоне, например: «Работать же нас не принуждали: свезя несколько тачек земли, мы обыкновенно садились беседовать друг с другом или читали взятую с собой книгу, и таким образом проходило время работы...». Чуть ниже: Впоследствии придумали нам другую работу: устроили ручную мельницу... и водили туда молотить хлеб. Но и там мы почти ничего не делали, толковали, читали, играли в шахматы...».⁵ Этап из Читы в Петровский Завод для Басаргина и его товарищей был «скорее приятною прогулкою, нежели утомительным путешествием», о чем мемуарист всегда вспоминал с удовольствием. В самой превосходной степени описана забайкальская природа: «Местность Читы и климат были бесподобны... Воздух был так благотворен, и в особенности для меня, что никогда и нигде я не наслаждался таким здоровьем».⁶ Сведения Басаргина никак не вяжутся с традиционными представлениями советской историографии о тяжелой и ужасной жизни декабристов в Сибири. Возможно, Басаргин умышленно идеализирует условия содержания и пребывания, чтобы еще раз показать: расчеты правительства сломить и раздавить декабристов провалились. Басаргин по всей книге демонстративно подчеркивает уважительное и приязненное отношение к «государственным преступникам» местных жителей – от крестьян и поселенцев до высших должностных лиц, постоянно приводит многочисленные примеры такого отношения. При этом сибиряки намеренно не обращали внимания на предписания столицы в отношении участников мятежа. Например, полицейский пристав упорно именовал Фонвизина превосходительством, не слушая его замечаний, что ссыльные лишены всех чинов и званий, следовательно, он не имеет права на такое титулование. Этот вроде бы мелкий факт говорит как об отношении сибиряков к ссыльным, так и об их психологической независимости.

Мемуары Басаргина пронизаны искренней любовью к Сибири и сибирякам. Не будучи сибиряком по рождению, декабрист оставил одно из самых ярких и патриотичных описаний этого великого края. В то же время «Записки» являются одним из самых достоверных и объективных описаний Сибири в пер. пол. XIX в. Хотя сведения и не отличаются полнотой и не охватывают все проблемы сибирской истории, хотя о многом говорится вскользь и мимоходом (например, описания сибирских городов), но все-таки это один из самых ценных исторических источников, дающих представления о жизни, быте, традициях, психологии сибиряков, особенностях системы управления.

Примечания

¹ Гуревич А.Я. Территория историка: http://www.hrono.info/libris/lib_g/gurevich02.html

² Басаргин Н.В. Записки. - Красноярск, 1985. - с. 99.

³ Там же. с. 197-198.

⁴ Там же. с. 102.

⁵ Там же. с. 113.

⁶ Там же. с. 116.

С.М. Дмитриева
г. Кемерово

Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин – лидеры сибирского областничества: взгляд на управление регионом

На современном этапе развития нашего государства, когда до сих пор идет поиск оптимальной модели взаимоотношения центра и периферии, необходимо учитывать предшествующий, в первую очередь собственный, исторический опыт.

На протяжении всего исторического пути формирования и развития российской государственности (особенно в его имперский период) проблемы управления неоднократно обсуждались общественными и политическими деятелями, предлагавшими свои варианты их решения. Для нашего региона наиболее яркие идеи преобразований административной политики центра предлагали областники – представители сибирской интеллигенции 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв.

Комплексный анализ источников по областничеству (материалы периодической печати, научные труды, мемуары, письма, программные документы) позволяет нам проследить как историю развития самого движения, так и эволюцию областнических проектов преобразования края в области управления.

Сибирское областничество – система взглядов части местной интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона, а также общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать эти взгляды.¹ Как отмечал Г. Н. Потанин, термин «областничество» появился позже, чем обозначаемая им тенденция, которая до этого «называлась сибирским местным патриотизмом».² Имея довольно обширную идейную базу, основанную как на русской, так и на зарубежной общественно-политической мысли, областники изначально выступали как революционно-демократическое движение, а затем перешли на позиции буржуазного либерализма и консерватизма.

Основу движения составила группа видных ученых, литераторов, публицистов, общественных деятелей Сибири XIX в., признанными лидерами которых стали Николай Михайлович Ядринцев (1842-1894 гг.) и Григорий Николаевич Потанин (1885-1920 гг.). В их многочисленных трудах идеи областников нашли наиболее полное отражение.

Далеко не полная библиография публикаций Н. М. Ядринцева в повременных изданиях насчитывает 139 работ, из которых наиболее полно отражающей областническую концепцию является его комплексный труд «Сибирь как колония».³ Общее число книг и статей Г. Н. Потанина, приближается к 235, из них особую важность для нас представляют работы «Нужды Сибири», «Областническая тенденция в Сибири».⁴

Выходцы из разночинцев (Николай Михайлович из купеческой семьи, Григорий Николаевич из семьи офицера), лидеры движения, закончив средние учебные заведения в Сибири (Ядринцев – Томскую гимназию, Потанин – Омский кадетский корпус), поступили в Санкт-Петербургский университет (в 1859 г. в столицу приехал Григорий Николаевич, через год Николай Михайлович). До поступления в университет Г.Н. Потанин служил в Сибирском казачьем войске. Активно молодые люди включились в деятельность небольшого сибирского землячества, став его лидерами.

В разное время, не закончив обучение, Потанин и Ядринцев возвратились в Сибирь. При их непосредственном участии в крае началась активная проработка программы областничества, политический аспект которой мы рассмотрим. Следует отметить, что наибольшую остроту вопрос об управлении регионом в освещении областников приобретает дважды: в 60-е гг. XIX в. и межреволюционный период нач. XX в., что объяснялось активизацией общественно-политической жизни в стране.

Уже с начала 60-х гг. XIX в. лидеры областничества высказывали идеи автономного положения Сибири. Так, Потанин в письме к Н. С. Щукину в январе 1862 г. определяет Сибирь как «резко отмежевавшуюся провинцию»⁵. К сер. 60-х гг. областники выдвигают революционный тезис о независимости Сибири («Да здравствует республика Сибирских соединенных штатов!»⁶), обосновывая положение о возможности создания на территории региона самостоятельного государства, путем вооруженного восстания, по примеру Североамериканских штатов (хотя прямого призыва к восстанию

областники не высказывали). Эти идеи, нашедшие отражение в прокламациях «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» (редактором одной из них считают Николая Михайловича) послужили основой для громкого Дела об отделении Сибири от России 1865 г., по которому проходили практически все активисты областничества, получив разные меры наказания.⁷

Однако дальнейшего развития и практической реализации такие радикальные предложения областников не получили. Лидеры движения впоследствии быстро отказались от этих идей, увлеченность которыми списывали на свою молодость и сочувствие общим революционным настроениям, свойственным в то время значительной части российской интеллигенции. По мнению Ядринцева и Потанина серьезной опасности молодые сепаратисты не представляли, т.к. они оставались лишь мечтателями.⁸

Дело об отделении Сибири от России стало своеобразным рубежом в истории движения. В 70-е -90-е гг. XIX в. радикальных предложений преобразования системы управления Сибирью областники не выдвигали, основное внимание в этом вопросе они сосредотачивали на анализе политики правительства в отношении Сибири на протяжении существования региона в составе империи. В это время Н.Г. Потанин практически прекратил участие в движении, серьезно занявшись научной деятельностью. Главным идеологом движения стал Н.М. Ядринцев, остававшийся таковым вплоть до своей смерти в 1894 г. (он умер в Барнауле, приняв большую дозу опия).

В своих работах Николай Михайлович уделяет особое внимание реформе М.М. Сперанского, которая оценивалась им как неэффективная, и ее результатам.⁹ Статьи лидера областничества носили в основном критический характер, а его предложения были теоретическими, декларативными и практического осуществления не получили.

С изменением политической обстановки в стране в нач. XX в. областники, уже под руководством Григория Николаевича выдвигают новую идею преобразования системы управления – создание Областной сибирской думы, изначально задумывавшейся в рамках введения в Сибири земства. Фактически речь шла о самостоятельности Сибири, но в рамках Российского государства, без непосредственного отделения. Несмотря на сотрудничество с другими партиями и организациями, попытки создания союза сибирских партий на основе областнических идей, широкое выступление в печати, на торжественных мероприятиях, проведение съездов политических сил региона, областнические идеи так и не получили в это время практической реализации.

Те же идеи были отражены в работах «патриарха» областничества – Г.Н. Потанина, который считал учреждение областных дум, с обязательной передачей им прав распоряжения местными финансами, «единственным спасением окраин от опустошающего действия централизации».¹⁰ Учитывая интересы и нужды региона, он делает вывод о необходимости создания областной думы, т. к. Государственная дума не может представить многообразие интересов Сибири. Общие политические требования областников Потанин сводил к дарованию Сибири широкого самоуправления и учреждению в регионе Сибирской автономной областной думы.¹¹

Вплоть до конца 1917 г. идея об областной думе с передачей ей не только исполнительной, но и законодательной власти, была главной идеей областников. В период революционных потрясений и гражданской войны областники окончательно сходят с политической арены края, хотя их лозунги еще некоторое время пропагандировали различные общественные группы и политические объединения. Со смертью Г.Н. Потанина в 1920 г. движение потеряло своего последнего признанного лидера и идеолога (хотя в последние годы Григорий Николаевич не принимал активного участия в акциях сторонников движения).

Т.о., отрицательно оценивая имперскую политику управления краем, лидеры областничества не просто выступали с ее критикой, но и предлагали свои варианты изменения в этой сфере. Проследив эволюцию в политических взглядах Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, следует отметить переход их идей с радикальных и даже революционных позиций (отделение Сибири от империи путем восстания) на более умеренные (расширение самостоятельности региона в рамках одного государства). Изменения в идеологии происходили в результате действия ряда причин, как объективных (обстановка в государстве, развитие общественной мысли, влияние различных политических и общественных объединений на областников), так и субъективных (связанных с личностями лидеров).

Для распространения своих идей лидеры движения использовали различные средства пропаганды, прежде всего периодическую печать, выступления на литературных вечерах и торжествах, организация различных кружков и обществ. Особую роль в этом отношении играли учреждения образования и культуры, прежде всего университет и музеи, имеющиеся к этому времени на территории региона. Особую роль в этом отношении играл первый в Сибири Минусинский музей, выполняющий, прежде всего, образовательную и просветительскую функцию.

Все их положения, хотя и не реализованные на практике, и даже на тот момент не осуществимые, тем не менее, являются тем важным историческим опытом, который может помочь при решении похожих проблем в управлении страной не только сегодня, но и в будущем.

Примечания

- ¹ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во втор. половине XIX – перв. четв. XX в. – Новосибирск, 2008. – С. 3.
- ² Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. – Томск, 1907. – С. 7.
- ³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – СПб., 1882. – 472 с.
- ⁴ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во втор. пол. XIX – пер. четв. XX в. ... - С. 12.
- ⁵ Потанин Г.Н. Письма.– Иркутск, 1977. Т.1. – С. 19.
- ⁶ Сибирским патриотам / Дело об отделении Сибири от России. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 2002. – С. 130.
- ⁷ Патриотам Сибири // Дело об отделении Сибири от России. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 2002. – С. 92-95; Сибирским патриотам // С. 123-131; Сесюнина М.Г. Дело сибирского сепаратизма (Историография вопроса) // Политическая ссылка в Сибири XIX – нач. XX в.: Историография и источники. – Новосибирск, 1987. – С. 39.
- ⁸ Потанин Г.Н. Криминальная зима // Дело об отделении Сибири от России... С. 49; Ядринцев Н.М. К моей автобиографии (отрывок) // Дело об отделении Сибири от России... С.30.
- ⁹ Ядринцев Н.М. Администрация в Сибири // Неделя. 1873. № 15. – С. 567-573; Он же. К чему идет Сибирь // Неделя. 1874. № 25. – С. 946-949; Он же. Начало сибирских реформ // Восточное обозрение. 1882. № 5. – С. 1-3; Он же. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. Т. 3. С. 93 -116, 461-502,;
- ¹⁰ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. – Томск. 1907. – С. 61-62.
- ¹¹ Потанин Г.Н. Нужды Сибири /Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – СПб. 1908. – С. 281-288.

Литература

1. Козьмина К. Г.Н. Потанин (Биографический очерк) /К. Козьмина // Сибирские записки. - Красноярск. 1917. - № 6 – С. 132-141.
2. Лемке М.К. Н.М. Ядринцев: Биографический очерк к 10-летию со дня смерти (1894-1904) /М. Лемке. – СПб, 1904. – 220 с.
3. Сагалаев А.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности /А.М. Сагалаев, В.М. Крюков – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1991. – 228с.
4. Сесюнина М.Г. Дело Сибирского сепаратизма (Историография вопроса) /М.Г. Сесюнина//Политическая ссылка в Сибири XIX – нач. XX в.: Историография и источники. – Новосибирск, Наука, Сибирское отделение, 1987. – С. 39-48.
5. Сибирское областничество: Биобиблиогр. справочник /Ред. С.С. Быков. – Томск – Москва, Водолей, 2002. – 288с.
6. Чередниченко И.Г. Н.М. Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. /И. Г. Чередниченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. технич. ун-та. – 1999. – 180 с.
7. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во втор. пол. XIX – перв. четв. XX в. – Новосибирск: «Сова», 2008. – 270с.

Актуальные проблемы изучения общины Виссариона

Община Виссариона (зарегистрированное название – «Церковь Последнего Завета»)¹ существует более пятнадцати лет. Она до сих пор почти не изучена представителями многих наук, в т. ч. историками. Между тем, полная и достоверная информация о новых религиозных движениях важна для определения взвешенной государственной политики по отношению к ним.

Рассмотрим отдельные актуальные проблемы изучения общины, по поводу которых у исследователей не сложилось однозначных мнений. Как повлияла ситуация в России в 1990-х гг. на организацию общины Виссариона? Было ли ее появление неизбежным?

Исторические процессы, происходящие в России на рубеже XX-XXI вв. способствовали глубоким изменениям всех сторон жизни общества: культурной, политической, экономической, социальной. Распад Советского Союза, крушение коммунистической идеологии, перестройка экономики привели не только к ухудшению материального положения россиян, но и к духовному кризису. Выход из него люди искали по-разному, в т. ч. обращаясь к религии. Так, Р.А. Лопаткин отмечает, что «...последний большой всплеск появления в России нетрадиционных религий, конфессий, религиозных новообразований произошел с началом перестройки и процессов демократизации и реформирования общественного устройства страны, с падением «железного занавеса» и ростом открытости России западному миру... стали возникать религиозные и квазирелигиозные образования...»² Л. Григорьева среди главных причин попадания людей в общину называет «потерю смысла жизни, значимых ориентиров, бездуховность, растущие разобщенность и индивидуализм современного общества, насаждаемый сегодня культ потребительства и насилия, рост преступности в городах, социальную незащищенность» и определяет виссарионовское движение как «движение пассивного социального протеста интеллигенции «рыночно-демократической» России».³

Подтверждением того, что постперестроечный период был благоприятен для создания новых конфессий, стали данные, показывающие динамику возникновения религиозных объединений. Отражением обстановки по стране в целом является религиозная ситуация в Красноярском крае, где появилась община Виссариона.

Так, если в 1992 г. в нем было зарегистрировано 23 религиозных объединения, то в 1996 г. – уже 119, а в 2002 г. – 228.⁴ На 1 января 2008 г. (по данным управления Федеральной регистрационной службы по Красноярскому краю) зарегистрировано 273 религиозных организации.⁵

Т. е., Церковь Последнего Завета (ЦПЗ) была организована во время массового появления религиозных организаций в России, обусловленного исторической ситуацией. Однако пока недостаточно данных, чтобы сделать вывод, могла ли возникнуть религиозная организация именно в форме общины, если бы не появилось харизматического лидера, подобного Виссариону.

Новое религиозное движение (НРД), секта или культ? Ученые спорят, как правильнее обозначать современные религиозные объединения, в т. ч. Церковь Последнего Завета. Во многих документах, в том числе официальных, ЦПЗ называют «сектой». Однако такого понятия у нас в законодательстве нет, и в науке оно практически не употребляется. Это оценочное слово. Причем, его значение понимается по-разному. Поэтому, с точки зрения автора, было бы корректнее использовать понятие «новое религиозное движение», введенное в научный оборот в кон. 1980-х гг. профессором Лондонской школы экономики Э. Баркер. Кстати, в зарубежных исследованиях НРД часто обозначают термином «культ», который у нас пока не прижился.

В Западной Европе накоплен больший, чем в России, опыт изучения новых религиозных движений. Они появились там раньше. Изучавшие их ученые и общественные деятели подготовили ряд рекомендаций: как строить государственную политику по отношению к ним. Считается важным, с одной стороны, не нарушить свободу выбора религиозных убеждений. С другой – защитить граждан от возможных отрицательных последствий деятельности религиозных организаций. Во многих странах,

как и в России, возникают вопросы о государственном регулировании НРД, но с течением времени ученых приходят к выводу, что репрессивные меры неприемлемы. Они просто неэффективны. Но если представители НРД нарушают закон – это уже повод для вмешательства государства. Например, если дети верующих не получают обязательного образования. Причем, «международное законодательство не разделяет религиозные объединения на традиционные и нетрадиционные, а также не использует понятий «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», т.к. дать правовую оценку критериев по которым та или иная группа может быть отнесена к «тоталитарной» или «деструктивной» весьма сложно».⁶ В 1998 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы подготовила рекомендации для правительств-членов Совета. Среди них: избегать термин «секта» из-за его многоликости, а также проявлять осторожность, определяя, какие религиозные организации «опасные», а какие – «безопасные».

В нашей стране, кроме неопределенности с терминами, много других законодательных пробелов, касающихся НРД. Приведу местный пример, из информационного письма главе администрации Курагинского района Л.А. Марченко от районной прокуратуры: «Проблема верующих Церкви Последнего Завета в полном объеме не изучена, отсутствие правового регулирования тоталитарных сект с государством, а по ряду вопросов тоталитарных сект отсутствует вообще. Законодательство, в т. ч. по вопросам имущественного характера, когда верующие добросовестно заблуждаются и отдают добровольно свое имущество Виссариону...».⁷ Может быть, стоит поискать ответы на наши вопросы в законодательствах других стран, которые через подобное уже проходили?

Как считать верующих? В разных источниках встречаются противоречивые данные, характеризующие Церковь Последнего Завета. В частности, количество общинников: цифры могут варьироваться от 2 до 80 тыс. человек.

По информации администрации Курагинского района (на 2000 г.) в районе проживало 2556 последователей Виссариона, включая детей.⁸ По данным экс-советника Председателя правительства РХ по делам религий Н.С. Волкова, в наст. вр. на юге Красноярского края расселено 2076 взрослых последователей учения Виссариона. Из них 387 человек – в Каратузском районе, 1689 человек – в Курагинском и Минусинском районах (всего более чем в сорока населенных пунктах). Вместе с детьми численность поселенцев составляет 2902 человека. В это число не входят взрослые члены семей, которые не принимают «Последний Завет».⁹ По информации семьи, прожившей в общине 12 лет и описавшей в своей книге ее жизнь изнутри: «В этом явлении задействованы напрямую около пяти тысяч человек и все это количество участников можно смело умножить в среднем на 4-5, тогда мы получим число реально пострадавших людей – брошенных матерей, детей, жен и мужей».¹⁰

Как видим, цифры носят достаточно условный характер. Возникает вопрос: как, по каким критериям учитывать верующих? Если брать во внимание последователей церкви не только в Курагинском районе, но и за его пределами, – это одна цифра. Если подсчитать, сколько людей приехало за Виссарионом в Курагинский район – другая. Если «отбросить» членов семей виссарионовцев, которые не участвуют в обрядах и не поддерживают идеи церкви – третья. А если поставить себе целью подсчитать только верующих – четвертая. Здесь возникает еще один вопрос: как определить, что человек – истинно верующий? По посещению церкви и участию в ее делах?

По его личному признанию? Этой проблемой занимаются многие ученые, изучающие религии. Но к единому мнению они пока не пришли. Например, С.Б.Филатов и Р.Н. Лункин делятся: «Часто приводятся цифры – сколько в стране православных, мусульман или католиков, но редко возникает вопрос, что стоит за этими показателями... Теоретически можно сконструировать много критериев принадлежности к определенной религиозной группе. Из всех существующих подходов наибольшие цифры численности религиозных общин дает... так называемый этнический принцип. Православие, например, объявляется этнической религией русских, украинцев, белорусов... Более содержателен критерий религиозной самоидентификации: назовем его культурной религиозностью. Человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя возможно и не разделяет ее верования, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину...».¹¹

Очевидно, при уточнении числа последователей Виссариона можно выбрать разные критерии (для сравнения) и использовать междисциплинарные подходы: например, социологические методы.

Является ли Церковь Последнего Завета политической силой? Сегодня многие религиозные движения играют общественную и даже политическую роли. Последователи Виссариона активно участвуют в социально-политической жизни Курагинского района. Возможно, их пока недооценивают, как политическую силу. Так, в представленных сведениях о количестве избирателей-последователей общины, подготовленных администрацией района (2000 г.) получилась такая картина: из 24766 избирателей на 30-ти избирательных участках – 1870 последователи Церкви Последнего Завета. Их количество (и, очевидно, влияние) неравномерно по населенным пунктам. Где-то оно незначительно: в Курагино 107 виссарионовцев-избирателей из 10990. А где-то – преобладающее (например, в Черемшанке из 891 избирателя – 614 общинников).¹²

Члены комиссии – специалисты администрации района, исследовавшие жизнь в общине в июле 2000 г., отметили: «В отношении политической активности члены комиссии выяснили, что на выборы последователи ходят исправно. Власть Президента, Губернатора считают неправильной, поэтому голосовали «против всех». Более приближенными к народу считают выборную должность главы сельсовета и поэтому в очередных выборах участвовать будут, а также возможно выдвинут свои кандидатуры».¹³ В информационной записке прокуратуры Курагинского района, адресованной главе Курагинского района, этой теме также уделяется внимание: «Характерно активное участие членов ЦПЗ в избирательных кампаниях в местные органы власти. Численность и организованность членов ЦПЗ позволяет им уже сегодня активно влиять на избирательные процессы на территории Курагинского района».¹⁴

Выборная активность общинников и в наст. вр. остается высокой, и это принесло свои результаты. Из пресс-релиза об общине, подготовленного ее членами к празднику 18 августа 2005 г.: «В этом году население Курагинского района, оценив положительно наши социальные программы, выбрало депутатами сельских Советов более 10 членов нашей общины. Есть представитель Общины и в районном Совете депутатов».¹⁵ Т. о. последователи Виссариона, успешно участвуя в общественно-политической жизни, получают возможность лоббировать свои интересы.

Каковы перспективы существования общины? Сценарии предлагаются диаметрально противоположные. Например, начальник Минусинского ГОВД А.П. Сайчук в 1990-х гг. предположил, что «...учение Торопа, в конечном итоге, может привести к широкомасштабным несчастным случаям психического и физического характера».¹⁶ А депутат Государственной Думы В. Савицкий (на пресс-конференции, посвященной результатам депутатского расследования деятельности «Церкви Последнего Завета» в Санкт-Петербурге 2.10.1995 г.), не исключил возможности самоубийства фанатично настроенных последователей Виссариона. Нужно заметить, что 58 заповедь Виссариона самоубийство не запрещает: «Не осуждай самовольно ушедшего из жизни...».¹⁷

Среди более оптимистичных прогнозов развития событий: «Скорее всего приезжие будут все более вживаться в местные условия. Те, кому это лучше удастся, укоренятся среди местного населения, постепенно переходя на общепринятый образ жизни. Частично же, по причине экономической и социальной несостоятельности вероучения, приезжие будут возвращаться в европейские города или расселяться по городам Сибири».¹⁸

Автору этой статьи последний вариант кажется наиболее вероятным. На переезд в родные места у многих общинников не осталось средств, а связи с родными прерваны. Это значит: им придется остаться в Курагинском районе. В этом случае неизбежна ассимиляция виссарионитов с коренным населением Курагинского района.

Примечания

¹ Религиозные организации Красноярского края: Справочник. – Красноярск, 2003. – с 62.

² Лопаткин Р.А. Конфессиональный портрет страны // Исторический вестник. - http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2000/5-6_9-10/1_27.htm

³ Григорьева Л. Ушедшие в “Город Солнца” // Наука и религия. – 1999. – № 2. – С.14

- ⁴ Религиозные организации Красноярского края: Справочник. – Красноярск, 2003. – С.9.
- ⁵ <http://www.krskstate.ru/society/religions>
- ⁶ Кравчук В.В. Государство и новые религиозные движения: европейский опыт. - <http://www.rlinfo.ru/projects/seminar1200/09.html>
- ⁷ Архивный отдел администрации Курагинского района (АОАКР). Ф.1. Оп.1. Д.1920. Л.3.
- ⁸ АОАКР. Ф.Р-200. О.1. Д.3. Л.2.
- ⁹ Текущий архив Правительства Республики Хакасия.
- ¹⁰ Мельникова Е., Ворошилов А. Возвращение из сказки. Рукопись книги. - Текущий архив Правительства РХ.
- ¹¹ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социология религии. - М., 2005. - С.35-38.
- ¹² АОАКР. Ф.Р-200. О.1. Д.3. Л.5.
- ¹³ Там же. - Л.8.
- ¹⁴ АОАКР. Ф.1. О.1. Д.1920. Л.19.
- ¹⁵ Пресс-релиз об общине Виссариона. - Текущий архив Правительства РХ. - С.2.
- ¹⁶ Архив города Минусинска. Ф. 1089. Оп.1. Д.90. Л.97.
- ¹⁷ Слово Виссариона, являющего Последний Завет от пославшего его Отца Небесного. - Издание первое. - М., 1993. - С.138.
- ¹⁸ Немченко Г. Путь к Виссариону // Надежда. – 1997. – 14 июля. – С.3.

2009

Н.М. Карелин,
г. Красноярск

Краткое описание служб казачества Енисейской губернии в 20-40-е гг. XIX в.

Последние 20 лет в России активно возрождаются казачество и его традиции, в т. ч. и Енисейское казачье войско. В связи с этим вновь становятся актуальными проблемы истории казачества Приенисейской Сибири. Изучение традиций, структуры, правового статуса, культуры, служб и обязанностей енисейских казаков в разные периоды истории, должно помочь закрыть не только белые пятна в истории края, но и способствовать развитию патриотического воспитания молодежи. В первую очередь это касается истории XIX в., т. к. этот период истории Енисейского казачества наименее изучен. Историографию работ по казачеству Енисейской губернии XIX в., открывают труды дореволюционных авторов. Это первый губернатор енисейской губернии А.П. Степанов,¹ И.С. Пестов² и другие чиновники, исполнявшие свои должности в губернии. Встречаются материалы по енисейскому казачеству и в общих работах по истории Сибири: это П.А. Славцов, Г.Н. Потанин, Г.Е. Катанаев, Ф.Н. Усов, А.И. Вагин и др. Из современных историков специальные работы по истории казачьих войск Сибири вышли у С.М. Андреева, Г.Ф. Быкони, Н.Ф. Емельянова, А.С. Зуева, Ю.Г. Недбая, и ряда других авторов. Главный опубликованный источник по истории казачества в данный период, который положен в основу статьи, это «Устав о Сибирских городских казаках» (в данном случае речь идет о городских казаках и станичных казаках, находящихся в гражданском ведомстве) от 1822 г.³

Большинство названных книг являются библиографическими редкостями. Дореволюционные издания находятся в плохом состоянии и не всегда доступны для читателей, а труды современных исследователей издаются малыми тиражами. Следует отметить также, что существует большой объем архивных материалов, но фонды по казачеству разрознены, и это существенно затрудняет их изучение.

Пер. четв. XIX в. ознаменована серией проектов и преобразований Сибирских иррегулярных войск. Составили их командир Сибирской пограничной линии Г.И. Глазенап и гражданский губернатор Сибири И.Б. Пестель. Их проекты были рассмотрены Государственным Советом в 1810 г., и отложены в «долгий ящик». Вместе с тем проблемы, поднятые в проектах, оставались не решенными. В 1808 г. связи с необходимостью укрепления Западных рубежей империи в Сибири начался вывод регулярных частей,

в 1810 г. была отменена посылка башкирских и мецкерских казаков. Многие функции, выполнявшиеся ими, переложили на казаков, положение их становиться все более бедственным. Поэтому в ходе общесибирской реформы М.М. Сперанского было обращено особое внимание и на положение казаков гражданского ведомства. 13 апреля 1822 г. в «общем собрании» члены Сибирского комитета «сообразив все обстоятельства» нашли, что Устав «составлен основательно...». 22 июня 1822 г. он был утвержден императором.⁴

Так был учрежден Енисейский городской казачий полк, в состав которого вошли казачьи команды Красноярска, Енисейска, Туруханска, Канска и Минусинска.⁵ Полк числился в составе окружной полиции, следовательно, принадлежал гражданскому ведомству. Енисейские казаки делились – на полковых и станичных. В полк зачислялись казаки, не имеющие прочного хозяйства или те, которые отправляют службу в местах отдаленных от места постоянного жительства, они получают казенное довольствие. В станицах числились казаки, имеющие постоянное домообзаводство. Служили они по месту жительства, жалования не получали и должны были помогать местным жителям в отправлении внутренних повинностей. В штате полка числилось 500 казаков, 46 урядников и 5 сотников соответственно, возглавлял его полковой атаман. Станичные казаки управлялись выборными головами и старшинами, которые выбирались казачьим обществом, и утверждались в должности гражданским губернатором. Непосредственным начальником казаков в губернии был он же, а сотни подчинялись окружному начальству тех мест, где располагались, а где его нет – городничему.⁶ Т. о., как пишет И.С. Пестов, по реформе М.М. Сперанского, казаки получили свое окончательное формирование и узнали свои права и обязанности.⁷

До реформы 1822 г. казаки употреблялись по усмотрению ближайшего начальства, и связи с этим происходили разного рода злоупотребления. Как пишет А.П. Степанов: «до реформы казаки были не что иное, как вещь...».⁸ Дореволюционной традиции свойственно описывать жизнь казаков до реформы в темных тонах, и идеализировать ее после. Однако это не совсем так, Устав 1822 г. существенно упорядочил службу казаков, но обязанностей возлагаемых на них не стало меньше, и подчинялись они все тем же чиновникам. Как и ранее они имели право подавать жалобы сотникам и атаману, который имел прямое сношение с губернатором. Основной его обязанностью как раз и было попечение о казаках, и надзор за правильным их употреблением на службе.⁹ Однако сам атаман не мог отменить указов городничего или других начальников, он имел лишь право в случае их неправильности подать представление губернатору.¹⁰

Служба, как городских, так и станичных казаков была нескольких видов: «По делам полицейским: ночные разъезды в городах, поимка беглых, конвой казенных транспортов, пикеты и разъезды около заводов и фабрик, в предупреждение побегов ссыльных, этапирование ссыльных, составление конной стражи на этапах, по особому о том уставу, исполнение особенных поручений при чиновниках, охрана соляных озер, побуждение к платежу податей, взносу недоимок и исправлению повинностей, наблюдение на сельских и инородческих ярмарках, отправление должностей в составе губернской и окружной полиции. По делам хозяйственным: развозка, хранение и продажа от казны предметов продовольствия в отдаленных северных местах, по правилам по сему установленным, сбор податей с инородцев по особому о том Уставу, разные поручения на заводах, фабриках и казенных промыслах по части землемерной и строительной, разные поручения при казенных заготовлениях посредством комиссий». Эти обязанности были возложены на всех сибирских казаков, но они варьировались по губерниям. Так енисейские казаки редко употреблялись при заводах и фабриках, а если употреблялись, то в основном это были станичные. Конвой и охрана ссыльных, отправление на поселение, также в основном были обязанностью станичных казаков. Больше енисейские казаки употреблялись на приисках и при казенных магазинах, как станичные так и полковые.

Служба эта считалась постоянной обязанностью казаков и осуществлялась по очереди. Очередность регулировалась расписанием, составляли его сотники, и начальники, в подчинении которых находились казаки. При составлении расписания они должны были руководствоваться местными потребностями, расположению сотен и числом городских казаков. Утверждалось оно Главным Управлением, и изменяться без его утверждения не должно было. Во время отправления постоянных обязанностей начальники сотен

и команд должны были вести подробный журнал и представлять его ежемесячно полковому атаману.¹¹ Полковой атаман, ревизуя журналы, должен был следить, чтобы употребление казаков было законно, чтобы оно согласовалось с общим расписанием, с особыми предписаниями гражданского губернатора, а также, чтоб в нарядах непременно соблюдалась очередь и уравнительность.¹²

Другой вид службы это исправление постоянных должностей: счетчиков, служащих при канцеляриях и правлениях и так далее. На все должности казаки назначались поименно, по назначению гражданского губернатора, приказом полкового атамана. В должности они зависели от своего непосредственного начальника. Отправляя службу, они должны, руководствоваться Уставами и Положениями о каждой из них. Увольняться от должностей они могли так же по порядку, в определении их постановленному.¹³ «А также взамен других команд городские казаки могли употребляться: в пограничные караулы и разъезды, где не устроено особой пограничной стражи, в караулы при казенном имуществе, где не находится или не достаточно воинских команд, в счетчики по казначейству, при их недостатке, по особым распоряжениям главного управления, употребляются также взамен воинских команд, по обязанностям внутренней стражи».¹⁴ Службы эти считались как командировки и временные поручения, употреблялись в них казаки по мере надобности. Делалось это по предписанию гражданского губернатора, приказом полкового атамана, или по требованию полицейских властей, приказом сотника соответственно. При этом губернатор мог назначить казака поименно или оставить это на усмотрение казаков, а полицейские власти могли назвать только место, откуда должен отправиться казак, а непосредственный исполнитель выбирался самим казачьим обществом.¹⁵ Чтобы казаки исполняли все выше перечисленные обязанности исправно и по правилам, помимо сотников и атамана, за ними должны были следить городничие и другие полицейские чины.¹⁶ Особое место среди казаков занимали пограничные казаки, проживавшие в станицах на юге губернии. Помимо обычных полицейских функций, главная служба их заключалась в объезде пограничных знаков. По данным Пестова,¹⁷ таких знаков было три, находились они на юге Енисейской губернии, в Саянских горах. Их обслуживали казаки Саянской и Абаканской станиц, казаков этих по традиции называли пограничными. Они должны были ежегодно в назначенные дни встречаться с китайской пограничной стражей, обмениваться дарами и заверениями взаимной дружбы. По возвращении со знаков станичные головы отправляли донесения начальству.¹⁸ В остальное время станичные казаки обязаны были охранять и защищать населенные ими места, а также наблюдать за тишиной и спокойствием в своем участке. Для исполнения обыкновенной полицейской службы их не должны были отрывать далее 150 верст от их места жительства, командировка считалась мерой чрезвычайной, но и тогда казаки назначались поименно и по выбору казачьего общества. Командировки в станицы городских команд запрещались. Все станицы в округе подчинялись исправнику.¹⁹ Находились станицы и во внутренних округах губернии служба их, так же состояла в охране занимаемых ими территориях.

Службы Енисейского казачества были самыми разнообразными. На казаков возлагались не только жандармско-полицейские функции, но помимо этого они были важной составляющей бюрократического аппарата губернии. В основном его нижнего звена, что было чрезвычайно выгодно центру, так как существенно снижало затраты на его содержание. Связано это и с тем, что уровень грамотности у казаков был достаточно высоким, благодаря полковым и сотенным школам. Создание и попечение о них возлагалось на губернатора. Дети, оказывающие особые успехи могли поступать в уездные училища и гимназии.²⁰ Реформа Сперанского углубила разрыв между городскими и линейными казаками. Линейные казаки эволюционируют в сторону регулярных войск. А у городских казаков состав обязанностей все больше меняется в сторону подчинения целям и задачам гражданского ведомства. В основном это полицейские, фискальные и хозяйственные функции. Об этом свидетельствуют и другие стороны жизни казаков. Особенно ярко чинопроизводство, по которому не давалось потомственного дворянства, казачьи чины не были приравнены к армейским. Менее жесткой была регламентация форменной одежды у казаков, а так же система подготовки и обучения казачьей молодежи. Более гибкими были подход к сословному формированию и регламентация профессиональной принадлежности. Запрет на выход из сословия, как и верстание в казаки, были условными и не раз нарушались. Возможность

выхода из сословия, как и раньше, сохранялась. Казаки были более тесно связаны с производственной деятельностью и находились практически на полном самообеспечении. Все это делало казаков незаменимыми в управлении Енисейской губернией, поэтому власти ведут гибкую политику и берут курс на обособление казачества, и законодательное закрепление этого статуса. Однако полумеры не разрешили существовавших проблем и не принесли желаемого результата. Уже через четверть века потребовалась новая реформа казачества.

Примечания

- ¹ Степанов А.П. Енисейская губерния / Вводная статья и комментарии Быконя Г. Ф. Красноярск: Изд-во «Горница», 1997.
- ² Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. - Москва, 1833.
- ³ Полное собрание законов Российской империи. - Т. XXXVIII. - СПб. 1830. С. 532-557.
- ⁴ Зуев А.С., Русское казачество Забайкалья во вт. четв. XVIII – пер. пол. XIX вв. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т; 1994. с. 44-51.
- ⁵ Казачьи войска / Под ред. Шенк В. К., Составитель Казин В. Х., 1912г.- Репринтное издание, «Дорваль», 1992. с. 327-329
- ⁶ Вагин А.И., Исторические сведения о деятельности графа М. Сперанского в Сибири с 1819-1822 г. - Том II. - СПб, 1872. С. 289-297.
- ⁷ Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. - Москва, 1833. С. 264- 284.
- ⁸ Степанов А.П. Енисейская губерния / Вводная статья и комментарии Быконя Г.Ф. Красноярск: Изд-во «Горница», 1997. С. 171-172.
- ⁹ Полное собрание законов Российской империи. - Т. XXXVIII. - СПб. 1830. Ст. 41-44.
- ¹⁰ Там же. С. 52-54.
- ¹¹ Там же. С. 31-38
- ¹² Там же. С. 45-46
- ¹³ Там же. С. 26-30
- ¹⁴ Там же. С. 23-25
- ¹⁵ Там же. С. 40-41
- ¹⁶ Там же. С. 55
- ¹⁷ Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. - Москва, 1833. С. 264-284
- ¹⁸ Там же. С. 264- 284
- ¹⁹ Вагин А.И., Исторические сведения о деятельности графа М. Сперанского в Сибири с 1819-1822г. - Том II. - СПб, 1872. С. 289-297.
- ²⁰ Там же. С. 289-297.

Литература

1. Зуев А.С., Русское казачество Забайкалья во вт. четв. XVIII – пер. пол. XIX вв. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т; 1994.
2. Казачьи войска /Под ред. Шенк В.К., Составитель Казин В.Х., 1912г.- Репринтное издание, «Дорваль», 1992.
3. Вагин А.И., Исторические сведения о деятельности графа М. Сперанского в Сибири с 1819-1822 г. - Том II. - СПб, 1872.
4. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. - Москва, 1833.
5. Полное собрание законов Российской империи. - Т. XXXVIII. - СПб. 1830.
6. Степанов А.П. Енисейская губерния / Вводная статья и комментарии Быконя Г.Ф. Красноярск: Изд-во «Горница», 1997.

Н.В. Леонова, П.С. Шахов

г. Новосибирск

Музыкальный фольклор мордвы-мокша Красноярского края (по полевым исследованиям 2009 г. в Минусинском и Каратузском районах)

Музыкально-этнографические экспедиции Новосибирской государственной консерватории в течение трёх лет (с 2007 г.) проводят полевые исследования традиционной культуры мордвы, проживающей в Сибири.¹ В первые два года исследовательский ареал охватил некоторые районы Кемеровской области (с. Индустрия, Новорождественка Прокопьевского района; Николаевка Чебулинского района) и Алтайского края (с. Борисово, Никольск, Малый Калтай Залесовского района). На основе полевых материалов написан ряд статей, в которых с различных сторон рассматривается и представляется музыкальная культура сибирской мордвы.

Основные очаги проживания мордвы Красноярского края сосредоточены в Минусинском, Каратузском, Идринском и Краснотуранском районах², а также в более северных районах края – Ужурском, Абанском и Канском³. В августе 2009 г. совершена музыкально-этнографическая экспедиция в мордовские сёла Красноярского края (Большая Ничка, Жерлык, Верхняя Коя Минусинского района; Алексеевка, Верхний и Нижний Кужебар Каратузского района). Первые компактные поселения мордвы появились на территории края в пореформенный период XIX в. – Новоберёзовское (1887) и Петропавловское (1889) Минусинского уезда, Михайловка (1894) Канского уезда.⁴ Однако большинство информантов исследованных участниками экспедиции сёл приехали в Сибирь во втор. пол. XX в. (50-70-е гг.).⁵ В наст. вр. в Минусинском и Каратузском районах проживают представители, главным образом, мордвы-мокша (в Большой Ничке и Верхней Кое выявлено несколько эрзянских семей).⁶

При значительном разнообразии записанного музыкально-фольклорного материала красноярской мордвы-мокша, на фоне уже проведённых ранее исследований фольклора других локальных групп сибирской мордвы, можно выделить особо сохранённые жанровые направления красноярского репертуара:

– *Обрядовый*: календарные песни: зимние поздравительные песни «Каляда» (2 варианта) и «Тауси, тауси»; весенние заклички; фрагменты похоронного причета.

– *Необрядовый*: лирические песни: «Пангынят» (Грибочки); «Второйть Марьясь» (Вторая Маша); «Эрзянь Полюнясь» (Эрзянская Поленька) – 3 варианта; «Алданеть» (Евдокия); «Стяка, акликай» (Вставай, золовка); «Вай, илякова варма вирь ланга» (Не дуй ветер над сосной); «Ой, лугат, лугат» (Ой, луга); частушки (мокшанские и эрзянские); солдатские песни: «Илькань Ягорась»; «Пимен Ягорнесь»; «Сказка о женщине с железной грудью» (с песенной вставкой)

– *Круговые песни*: «Луганясо келуне» (На лугу берёза) – 4 варианта; «Самсон леляй» (Брат Самсон); «Кавто цёрат» (Два парня); «Панень стада» (Гнала стадо) – 2 варианта.

Наиболее уникальным в репертуаре мордвы (эрзя и мокша) Алтайского края, наряду с необрядовым музыкальным фольклором, является семейно-обрядовый блок музыкальных жанров (свадебный и похоронный обряды и связанные с ними певческие комплексные).⁷ В фольклорно-этнографической традиции красноярской мордвы наиболее полно сохранился календарно-обрядовый фольклор («Каляда», «Тауси, тауси», веснянка).

В красноярской экспедиции записаны как популярные круговые песни «Луганясо келуне», «Самсон леляй», «Кавто цёрат», бытующие на «материнской» территории у мордвы-эрзя и мокша, так и впервые зафиксированы лирические песни «Пангынят», «Второйть Марьясь», «Эрзянь Полюнясь» и др. Особый интерес вызывают также впервые зафиксированные сказочная проза с музыкальными элементами, а также солдатские песни.

В целом, во время экспедиции от 29-ти информантов записано 32-е полноценные музыкальные фонограммы, которые содержат замечательные образцы мокшанского музыкального фольклора, а также ряд фрагментарных песенных записей и просто упоминаний отдельных песен, которые помогут

организовать полевой поиск будущих собирателей мордовского фольклора Красноярского края и других мест проживания народа.

Репертуар красноярской мордвы, конечно, не исчерпывается собственно мордовскими песнями. Кроме них мокшанские песенники поют большое количество русских песен и частушек – фрагменты колыбельных песен, календарная песня «Сею-вею, посеваю», лирические народные и авторские песни: «А ночка тёмна», «Не вейтесь чайки над морем», «В острове охотник», «Деревенская Катя-пастушка», «Белым снегом», «На той на горе», «Во субботу день ненастный», «Кубанские синие ночи», «Ивушки, вы, ивушки», «Жил я у барина первое лето» (шуточно-игровая), большинство из которых записаны от песенниц с. Верхняя Коя (Т.Д. Вашлаевой и Г.П. Вирясовой).

Инструментальная музыка собранной в Красноярском крае коллекции представлена мордовским и русскими наигрышами на гармошке, а также на балалайке. Все наигрыши сопровождают чрезвычайно распространённое во время праздничных застолий пение частушек, исполняемых на популярные мелодии «саратова» и «подгорной» (гармонисты В.П. Вирясов и В.Н. Вашлаев, а также исполнительница на балалайке Т.П. Шумкина).

Наряду с народными песнями в репертуаре отдельных мордовских исполнителей зафиксированы и записаны православные фольклоризованные молитвы: «Отче наш», «Богородица», «Святой Боже», исполняемые по ходу похоронных и поминальных ритуалов, а также пасхальный тропарь «Христос Воскресе». Все православные песнопения поются с традиционными (церковнославянскими) текстами.

Результаты экспедиции 2009 г. в южные районы Красноярского края показали плодотворность и перспективность продолжения полевых исследований как в южном регионе края, включая сопредельные районы Республики Хакасия, так и в центральных и северных регионах края, мордовское население которого является самым многочисленным на территории Сибири.

Участники музыкально-этнографической экспедиции и авторы статьи выражают признательность директору Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартыанова Людмиле Николаевне Ермолаевой и директору Каратузского районного краеведческого музея Любови Николаевне Борзенко за помощь в организации работы экспедиционной группы.

Примечания

¹ Экспедиции под руководством Н. В. Леоновой состоялись при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проекты № 07-04-18033е; 08-04-18040е; 09-04-18020е.

² Национальный состав населения Красноярского края, города Минусинска и южных районов по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.

³ Этноатлас Красноярского края. 2-е изд. Красноярск, 2008. 224 с. С. 78. Мордва юга России / Под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. С. 4.

⁴ Этноатлас Красноярского края. 2-е изд. Красноярск, 2008. 224 с. С. 78.

⁵ Исключение составляет с. Алексеевка Каратузского района, заселенное предками наших информантов в кон. XIX в.

⁶ До 2009 года фольклор мордвы-мокша нами записывался только в Залесовском районе Алтайского края (с. Малый Калтай).

⁷ Свадебный фольклор кемеровской мордвы-эрзя сохранился фрагментарно (отдельные корильные песни в Новорождественке) и в основном имеет этнографический характер (выкупы, обряды второго дня).

Литература

1. Леонова Н., Шахов П. Русский культурный компонент фольклорно-этнографической традиции сибирской мордвы // Центр и периферия: науч. - публицист. журн. Саранск, 2009. № 3 (в печати).
2. Леонова Н., Шахов П. Свадебные фольклорные традиции мордвы-эрзя Алтайского края // Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов 17-19 ноября 2009 года. Ханты-Мансийск, 2009 (в печати).
3. Леонова Н., Шахов П. Устные источники в изучении фольклора мордвы Сибири (на материале свадебного обряда) // Публикация доклада с VIII-го конгресса антропологов России (г. Оренбург). Секция «Устная история». Барнаул, 2009 (в печати).

4. Мордва юга России / Под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с.
5. Национальный состав населения Красноярского края, города Минусинска и южных районов по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.
6. Шахов П. Музыкальный фольклор мордвы-эрзя трёх сёл Кемеровской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч. конф. Вып. 7. Под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 239-241.
7. Шахов П. Фольклор мордвы-эрзя и мордвы-мокша Алтайского края и Кемеровской области по результатам экспедиций 2008 года // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2008 год. Материалы V регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2009 (в печати).
8. Шахов П. Фольклор мордовской диаспоры в Сибири // Сибирская этномузыкологическая экспедиция: сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах народов Сибири и Непала. Новосибирск, 2008. С. 63-86.
9. Этноатлас Красноярского края. 2-е изд. Красноярск, 2008. 224 с.

2009

А.И. Погребняк,
г. Минусинск

Кадры кооперативной торговли в Сибири в 1945-1985 гг.

Кооперативная торговля в Сибири играет важную роль в обеспечении сибиряков, особенно селян, товарами и продовольствием. Однако она изучена слабее по сравнению с государственной, а кадры работников отрасли тем более. Это предопределяет актуальность и новизну темы.

Образовательный уровень работников торговли сибирского региона в послевоенный период был крайне низок, особенно в кооперативной торговле. Так, в системе рыбокооперации Томской области в 1945 г. менялось по 8 председателей в сельпо и по 3 председателя райпотребсоюзов. Причинами этого были: отсутствие квалифицированных кадров, неумение вести отчетность, необеспеченность жильем, мобилизации торговых работников в колхозы.¹ Специалистов с высшим образованием почти не было. По данным на 1946 г. в системе Наркомторга СССР работало 5545 специалистов с высшим образованием, из них в Сибири – только 4,9%.²

Голод 1946-1947 гг. захватил многие области Восточной Сибири, затронул Новосибирск, Красноярск и др. крупнейшие административные центры. Обстановка в сельском хозяйстве была удручающей. Значительная часть беженцев не вернулась в деревню. Те, кто пережил голод на месте, в большинстве были истощены и неработоспособны. Голод укрепил недоверие к колхозно-совхозному строю, вызвал враждебное отношение к государственным заготовителям, а в их лице – к власти.

На протяжении 1940-х гг. постоянно фиксируется значительный расход скота на «нужды общественного питания» в колхозах. Согласно статье второй Устава сельхозартели, цены на общественное питание должны устанавливаться на уровне рыночных цен в данной местности, но они всегда устанавливались в 2-3 раза ниже. Причём организация общепита в колхозах носила обезличенный характер. Мясо и прочие продукты получали различные лица, и никто за это не отчитывался. Бригады выдавали талоны на питание всем работающим членам полеводческих бригад. По итогам каждого квартала бухгалтерия суммировала по бригадам количество «отпущенных продуктов» и количество талонов и определяла среднюю стоимость обеда. По количеству полученных талонов после этого в лицевые счета колхозников заносилась определённая сумма как полученный аванс. При таком порядке все хищения можно было списать на общепит. По Иркутской области только за 1948 г. «на нужды общественного питания» было забито 70 тыс. голов скота, за 10 месяцев 1949 г. – 66364 головы.³

У тружеников села в послевоенный период было особенно тяжёлое материальное положение. Из-за низких заготовительных цен доходность большинства хозяйств даже в урожайные годы была невысокой. Свыше половины колхозов выдавали своим работникам менее 1 кг зерна на трудодень и 70% колхозов платили менее 1 руб.⁴ Главным источником обеспечения селянина являлось его подсобное личное хозяйство. В сельских магазинах зачастую отсутствовали самые простые и необходимые товары.

В послесталинские времена социальная политика претерпела существенные изменения. В годы «оттепели» советское правительство, пожалуй, впервые обратило внимание на неотложные нужды народа, на накопившийся ворох нерешённых социально-бытовых проблем. Особенно очевидно отставание в данной области проявилось в связи с курсом на построение коммунизма за 20 лет, закрепленным в Программе партии 1961 г., а также в сравнении с западными стандартами, приоткрывшимися нашему обществу после пробития бреши в «железном занавесе».

В 1953 г. для изучения ассортимента товаров народного потребления в сельской розничной торговле были направлены комиссии Министерства государственного контроля СССР. Одна из таких комиссий посетила Ужурский район Красноярского края. В неё входили старший контролер МГК СССР по Красноярскому краю С.Т. Василенок и контролер МГК СССР по Красноярскому краю В.Д. Слабуха. В акте этой комиссии от 21 ноября 1953 г. отмечалось: «...Одной из причин невыполнения плана товарооборота Ужурским сельпо явилось то, что председатель правления сельпо Зобнин и заместитель председателя правления этого сельпо по торговле Догадаев не обеспечили бесперебойного наличия в магазинах сельпо товаров обязательного ассортиментного минимума. В результате в магазинах этого сельпо имели место факты отсутствия в продаже товаров обязательного ассортиментного минимума при наличии их на складе сельпо или райпотребсоюза».⁵

С 1954 г. Сибирь стала одним из центров целинной эпопеи. Именно целина привела к значительному подъёму сельского хозяйства Сибири во втор. пол. 1950-х гг. Самим же целинникам приходилось жить в сложных, порою экстремальных условиях. Уровень их снабжения и торгового обслуживания потребительской кооперацией был крайне низким. Вот типичная выдержка из протокола профсоюзного собрания уч. Джирим Красноярского края от 10 декабря 1954 г.: «...рабкооп целинников не обеспечивает. В столовой один ужас. Мы живем в тяжелых условиях..., работники рабкоопа всё берут с пекарни и бесплатно выкармливают свиней, а потом торгуют салом... Овощи: лук, морковь рабкооп заморозил».⁶

Подобное в работе кооперативной торговли встречалось повсеместно, особенно в начальный период освоения целины. Партийно-государственные органы с опозданием пытались реагировать на такие нарушения и старались навести порядок в сфере торгового обслуживания.

Со втор. пол. 1950-х гг. сибирская экономика сделала мощный рывок в своём развитии. Сибирь стала грандиозной строительной площадкой, особенно её центральные и южные районы. Причиной большого скачка в развитии экономики региона являлось стремление партии и правительства СССР создать мощную экономическую базу в Сибири и на Дальнем Востоке, освоить невиданные богатства Зауралья.

Реформы управления способствовали оживлению местной хозяйственной жизни. В условиях ослабления межотраслевых связей происходил переход к «натуральному хозяйству» внутри экономических районов, подведомственных совнархозам. Это в определенной мере способствовало расширению выпуска товаров народного потребления и позволило заполнить опустевшие полки и витрины магазинов новыми изделиями местной и легкой промышленности и промкооперации. Например, в 1959 г. предприятиями Красноярского крайсовета было «освоено производство ряда новых видов изделий: крайместпромом – детские коляски, стиральные машины, несколько видов кожтоваров, детских игрушек и др.; крайпромпродтоваров – вафли, вафельные торты, московские пироги и ватрушки с повидлом, мармелад трехслойный и формовой железный, винный уксус, горчица в расфасовке и др.; крайпромсоветом – платки шелковые 3-х видов, шарфы шёлковые, сандалеты детские и др.».⁷

Согласно выдвинутому в 1957 г. Н.С. Хрущевым лозунгу предстояло за 3-4 года догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения. В конце 1950-х гг. в столовых бесплатно раздавали хлеб, сыпались рапорты о перевыполнении планов по заготовке мяса.

В кооперативной торговле Сибири в 1960-е гг. третью часть многотысячного коллектива составляли работники в возрасте до 30 лет. При назначении на руководящие должности в национально-административных образованиях уделялось первостепенное внимание представителям коренных народов и народностей данной территории. Например, в Эвенкийском национальном округе свыше 30% руководящих кадров в торговле составляли выходцы из народностей Севера.⁸

За 1970-1980-е гг. на 50% увеличилось число специалистов со средним специальным и высшим образованием. Многие из них получили дипломы в Новосибирском институте советской кооперативной торговли, Красноярском кооперативном техникуме и других учебных заведениях торговли Сибири.

К причинам частой сменяемости кадров в торговле следует отнести неудовлетворительную на ряде предприятий организацию и условия труда, отсутствие механизации трудового процесса; работники – в большинстве женщины – имели большие физические нагрузки, особенно по перемещению крупногабаритной тары с товарами. На текучести кадров в торговой сфере отражалось бурное развитие строительства крупных промышленных предприятий в Сибири, на которых зарплата была значительно выше, лучше решались вопросы с обеспечением жильем и детскими учреждениями. Кроме этого, в Сибири имелось свыше 10 систем ведомственной торговли – геологов, лесников, строителей, разных отраслей промышленности, энергетики и другие, в которых также была выше зарплата, быстрее предоставлялось жильё и места в детские учреждения. Поэтому часть кадров из кооперативной торговли перемещалась в ведомственную торговлю, либо в другие отрасли народного хозяйства. Об этом свидетельствуют следующие факты: в 1971 г. в Красноярском крае из числа окончивших средние школы пошли работать в сферу обслуживания лишь 6,4% выпускников.⁹

Случались такие примеры, когда правление потребсоюза уделяло внимание не только созданию производственных объектов, но и социальной сфере, как это было в Красноярском крае. В 1980-х гг. в Красноярске был построен очередной многоэтажный дом, сдано жильё в Минусинске и Абакане. Всего для кооператоров края было построено более 500 тыс. кв. м жилья, в т. ч. в Красноярске – 10 тыс. кв. м, три жилых дома. Труженики кооперации отдыхали в своём доме отдыха «Малый Кызыкуль», в санаториях Центросоюза СССР.¹⁰

Целую плеяду замечательных руководителей воспитала система кооперативной торговли. В потребкооперации отличился В.И. Крашников (род. 10 октября 1945 г.). В 1974 г. он был избран председателем Идринского районного потребительского общества. За период работы в потребительской кооперации он зарекомендовал себя грамотным, принципиальным руководителем. В Идринском райпо под его руководством был построен ряд крупных объектов. За многолетний добросовестный труд в потребительской кооперации в 1986 г. он был награждён значком «Отличник советской потребительской кооперации». Ему присвоено звание «Заслуженный работник торговли РФ».

Л.А. Скурыдин – с нач. 1970-х гг. работающий в системе кооперативной торговли и потребкооперации, стал председателем совета Крайсеверопотребсоюза. Он удостоенный почетного звания «Заслуженный работник торговли Российской Федерации».

Под руководством кавалера ордена Трудового Красного Знамени, заслуженного работника торговли РФ В.В. Иванова и его заместителей М.А. Богданова, Н.Н. Пузикова, В.М. Звонарёвой, Б.М. Гордина кооператоры края многое сделали в 1980-х гг. для выполнения продовольственной программы, обеспечения населения полноценными продуктами питания.¹¹

В.В. Иванов – председатель совета Крайпотребсоюза. В потребительской кооперации Красноярского края работает с 1966 г. после окончания Новосибирского института советской кооперативной торговли. Прошел все ступени руководящей работы в системе потребительской кооперации края. Работал в Новоселовском, Ирбейском райпотребсоюзах, первым заместителем председателя правления Крайпотребсоюза. Более 25 лет избирался председателем правления, совета Краевого союза потребительских обществ. Он является кавалером ордена «Трудового Красного Знамени», «Заслуженный работник торговли Российской Федерации». Избирался народным депутатом СССР, неоднократно депутатом краевого, районного Совета народных депутатов.

Г.П. Кураш (род. в 1921 г.) – участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал директором заготконторы, заведующим торговым отделом в Богградском райпотребсоюзе. С 1948 г. он работал в Назарово заведующим торговым отделом, председателем райпотребсоюза, заведующим торговым отделом Назаровского райисполкома. В 1978 г. Г.П. Кураш стал начальником ОРСа «Назаровоуголь». За период своей деятельности он проявил себя современным руководителем, деловым человеком, знающим специалистом торговли. За 39 лет добросовестной работы он награжден двумя орденами «Знак Почета», ему присвоено звание «Отличник советской потребительской кооперации», его имя было занесено в краевую Книгу Почета.

Большой личный вклад в развитие потребкооперации края, в т. ч. и кооперативной торговли, внесли заслуженные работники торговли РСФСР, председатели правлений: Шушенского райпо – Е.Ф. Полежаев, Хакасского облпотребсоюза – И.Е. Толстихин, Усть-Абаканского райпотребсоюза – И.Г. Белоусов, Ужурского райпо – В.С. Новиков и др.¹²

Примечания

¹ Центр документов новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф.607. Оп.1. Д.219. Л.2,7.

² Рассчитано по данным: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.7971. Оп.4. Д.355. Л.9, 18-19.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2816. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 50. Д. 5452. Л. 7-15.

⁵ Красноярский край в истории Отечества: Кн. 3. 1941-1953. – Красноярск: Кн. изд-во, 2000. – С.209.

⁶ Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. Р-1300. Оп. 12с. Д. 414. Л. 1, 6.

⁷ Красноярский край в истории Отечества: Кн. 4. 1954-1985. – Красноярск: Кн. изд-во, 2001. – С.159.

⁸ Блокнот агитатора Красноярского крайкома КПСС. – 1967. – №19. – С.35.

⁹ АААКК. Ф. Р 1948. Оп.1. Д. 283. Л. 19; Ф. 17. Оп. 10. Д. 10. Л. 154.

¹⁰ Козлова Н. Кооперация на все времена // Красноярский взлет. – Красноярск, 2004. – С. 323.

¹¹ Там же. – С. 322.

¹² Там же. – С. 324.

2009

Е.В. Самрина,
г. Абакан

Ясак в системе жизнеобеспечения коренного населения Хакасско-Минусинского края в XVII-XIX вв.

Ясак стал одним из основных показателей социально-административной и аборигенной политики Московского государства в Сибири и Хакасско-Минусинском крае с нач. XVII в. С этого времени и до Февральской революции 1917 г. натуральная подать в виде мягкой рухляди становится неотъемлемой частью системы жизнеобеспечения коренного населения. О том, что ясак являлся непомерной тяжестью, свидетельствует указ 1727 г., разрешавший замену пушнины деньгами. В 1739 г. была резолюция кабинета министров собирать ясак опять соболями, поскольку практика замены пушнины денежным эквивалентом была признана убыточной, а там где невозможно добыть пушнину, то заменить денежным сбором. Ясак являлся личным доходом царя и просуществовал в чистом виде до введения устава 1822 г. В 1827 г. он был заменен податями и повинностями для оседлой части инородцев. А для кочевых и бродячих действовал способ обложения, введенный в 1763 г., согласно которому каждая административная единица (род, улус) выплачивала ясак определенным зверем или ее денежным эквивалентом.

Данью облагалось все мужское население от 18 до 50 лет (позднее с 16 до 60). На деле оказывалось, что данниками являлись все мужское население от младенца и до глубокого старика, включая больных и увечных, которые в силу объективных причин были не способны добывать пушнину.¹

Надо отметить, что выплата натуральной подати в виде пушнины, воинскими доспехами, металлическими изделиями населением края присутствовала в виде «албана» еще в системе взаимоотношений между кыргызами и их кыштымами. Но как отмечает Л.И. Шерстова, кыргызы «лишнего не брали и за рамки возможностей их хозяйственной системы не выходили», «не разбалансировали комплексную систему жизнеобеспечения данников. ...сохраняли в стабильности и ее, и свой собственный хозяйственный уклад, и целостность экономики данного княжества».²

Характер, метод обложения ясаком и его размер в каждом отдельном районе на обширной территории Сибири зависел от многих факторов, в том числе от потестарно-политической ситуации и международного соотношения сил в этом регионе. На юге Сибири в течение длительного времени сталкивались интересы различных этнических и политических образований, а к нач. XVII в. в связи с выходом на историческую арену Джунгарского ханства и владения Алтын-ханов, выдвиганием на рубежи Центральной Азии Русского государства и Цинской империи, господство над обширной территорией и право эксплуатации коренного населения становится особенно острой. Наиболее сложным вопросом во взаимоотношениях Русского государства с монгольскими правителями (с Алтын ханами и ойратскими владетелями), а затем – с Цинской империей был сбор податей с аборигенов Южной Сибири.³

В южных районах Сибири, на которые распространялось влияние монгольских государственных образований, и где население издавна было знакомо с «албаном», процесс обьясачивания определялся силой, возможностями той или другой стороны. В XVII в. енисейские кыргызы платили албан монголам-хотогойтам (государству Алтын-ханов) и западным монголам-джунгарам (ойратам, калмыкам). В частности, С.В. Бахрушин пишет, что «калмыки и монголы, покорившие своей власти пограничные со степью область, собирали с туземцев «албан» (алман), соответствующий татарскому ясаку. Киргизские, езерские, алтырские и тубинские князья, собирая алман на себя, собирали алман на кон-тайшу на Алтын-хана.⁴ Ясак в размере 5 соболей взимался с кыштымов – зависимого населения, проживавшего в таежной зоне Саяно-Алтая. «В период вассальной зависимости кыргызские князья увеличили ясачный сбор и получали с них по такому же количеству соболей еще на своих и джунгарских хозяев. Почти больше столетия вплоть до 1727 г. монголы и джунгары продолжали собирать ясак с кыргызских кыштымов.⁵

Т. о., паритет сил монголов-хотогойцев, джунгаров и русского государства сложившийся в XVII в. привел к сложению режима многоданничества. Зависимое население было обложено очень высоким размером албана (в среднем по пять соболей) в пользу алтын-ханов, джунгаров, самих кыргызов и ясаком – русских властей.⁶

В XVII в. енисейские кыргызы, с приходом Русского государства на территорию Хакаско-Минусинского края, становятся троеданниками.⁷ Хотя с появлением русских служилых людей, как полагали кыргызы, они будут платить дань только Русскому государству. Она же в свою очередь должна была избавить их от монголов-хотогойтов и западных монголов-джунгаров. Однако, появление России на юге Сибири для кыргызов проблему «двоеданства» не сняло, а только усугубило. Размер возложенного на население ясака только возрос. За короткий промежуток времени практически был полностью исчерпан соболиный ресурс, который не восстановился до сегодняшнего дня. Уже в 1657 г. качинцы жаловались, что в Красноярской земле, где они кочуют, соболей не стало еще десять лет назад, им негде охотиться и соответственно нечем платить ясак. Они босы и голодны.⁸

Соппротивление ясачным сборщикам среди кыштымов и самих кыргызов было достаточно интенсивным. В 1639 г. среди аринцев, качинцев и ястынцев вспыхнуло восстание. Они осадили Красноярск, в котором налицо в тот момент было 70 чел. гарнизона. В мае 1640 г. аринские и ачинские татары совместно с тубинцами и котовцами напали на с. Есаулово.⁹

Весь XVII в. и в значительной мере перв. тр. XVIII в. занят у русских непрерывной борьбой с кыргызами за право взимать албан или ясак «с порубежных волостей Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов. Кое-где одержали верх кочевники, в других местах русские».¹⁰

Официально ясак состоял из окладной (фиксированный размер дани), неокладной (поминки, дополнительный сбор). Поминки, хотя и подлежали учету в ясачных книгах, количественно не оговаривались, и мог превышать окладный фиксированный размер ясака.¹¹ Поминки собирались на государя, воеводам,

родственникам воевод, сборщиков ясака, подьячих, толмачей и т.д. Т. о., ясак мог собираться в пользу всех административных лиц задействованных в цепочке сбора дани и их родственников.

Документы этого периода пестрят описанием жестоких и чрезмерных поборов с коренного населения и пленением их близких родственников, продажа их в рабство, выдача замуж жены, дочери должника, превращение в личных холопов и т.д.¹² В этом отношении показательным является документ «1625 г. Посольство Петра Саванского из Тобольска в Кыргызскую землю». Согласно этому документу, с постройкой Мелецкого острога население попадает под непосильный экономический и моральный прессинг. Сборщики ясака, казаки и воеводы собирали колоссальных размеров ясак и поминки. Ясак и поминки собирались в пользу самого головы Мелецкого острога Бурнаша Никонова, сборщиков ясака (казаков), томских воевод, князя Ивана Шеховского, Максима Радилова, княгине Шеховской, сына князя Шеховского, племянника, томских подьячих Сергею Рукину и Лаврушке Степанову, толмачей Дружинке Ясыр и Осипко Тупылеву. Осташ Харламов заняв место прежнего головы Бурнаша Никонова начинает собирать ясак и поминки себе и опять тем же упомянутым лицам. А после Харламова головой становится боярин Бажен Константинов, с приходом которого злоупотребления сборщиков ясака не прекратились и также процветали грабительство и разорение. Причем речь идет не о десятках, а о сотнях и тысячах соболиных шкур. Кроме того, ясак собирали не только с мелетского населения, но и с кызыльцев.¹³ В итоге, кроме ясака, одних только поминок за 1621 г. отдали 255 соболей. Всего за три года они уплатили 1440 соболей ясака, а поминок – 510 соболей.¹⁴ В итоге мелетцы и кызыльцы ушли к кыргызам и участвовали в войне против русских.

Даже приблизительный подсчет показывает, что пушным промыслом было занято почти все взрослое мужское и отчасти даже женское население. Охота становится одним из ведущих отраслей традиционного хозяйства. Многокомпонентная система жизнеобеспечения с органическим сочетанием присваивающих видов экономики (рыболовство, охота и собирательство) и производящих ее отраслей (земледелие, скотоводство) постепенно исчезает. Традиционный комплекс жизнеобеспечения приобретает черты узко специализированного хозяйства, уязвимого перед природными катаклизмами и внешних факторов.

В кон. XIX в. А.А. Ярилов на основе ревизских сказок, архивов Кызыльской управы и статистических данных «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта» 1891 г., переписи 1897 г. описал и зафиксировал данные о хозяйственном и общественном состоянии населения Минусинского и Ачинского округов Енисейской губернии (мелецкие инородцы и кызыльцы). По данным его исследований, выплата ясака кызыльцами привела к изменениям в хозяйственной и общественной жизни. Хотя А.А. Ярилов говоря об изменениях в жизни кызыльцев в связи с выплатой ясака, последнее обстоятельство связывает с эволюцией хозяйственного строя у отдельных родов кызыльских инородцев. Что, по его мнению, позволяет сделать вывод о хозяйственной жизнеспособности кызыльцев, об их умении развивать или видоизменять форму своего хозяйства под влиянием различных природных и исторических условий.¹⁵

Основными негативными последствиями выплаты ясака стал ряд явлений, повлиявших на всеюгие аспекты жизнедеятельности. Рассмотрим некоторые из них.

В Южной Сибири получил распространение институт аманатства. Он выполнял помимо политической также экономическую функцию. Тесная связь с выплатами ясака превращала аманатство в своеобразный метод эксплуатации. Аманатами становились родственники, дети элитарной части населения. Пленение приводило к отчуждению и изменению образа жизни, вероисповедания, языка и в конечном итоге к неучастию элитарной части в воспроизводстве коренного населения и трансляции этнической культуры.

Получает распространение такое явление как уход коренного населения в крестьянское сословие и добровольное зачисление в разряд рекрутского набора вместо крестьян за денежное вознаграждение. Как показал А.А. Ярилов на основе статистических данных, значительная часть суммы уходила на оплату долгов за ясак и государственные повинности. Например, Тайтынов за зачисление в рекруты получил 500 руб. денежного вознаграждения, из которых отдал за долги 275 руб. Сулеков получил 400 руб., отдал за

долги 230 руб. Талкин получил 350 руб., отдал за долги 205 руб. и т.д. За двенадцать лет с 1853 по 1865 гг. перечислилось в крестьяне, чтобы идти потом в рекруты – 59 человек.¹⁶ О значимости этого явления можно судить по созданию особого общественного капитала из 50 рублевого сбора в нанимающихся инородцев в рекруты. Особый общественный капитал был создан в 1856 г. по инициативе князя Кострова бывшего тогда Минусинским окружным начальником.¹⁷ Переход из ясачного состояния в какое-либо другое автоматически означал переход в состав русского этноса, тем более, если это сопровождалось крещением. Православная церковь экономически стимулировало смену конфессиональной принадлежности. В первые три года новокрещеный освобождался от уплаты повинностей.

Распространенной стала практика ухода на заработки в прииски, наем работниками в крестьянские хозяйства, которые напрямую были связаны с выплатой ясака. На заработки уходили молодые мужчины, во втором случае, в качестве наемных работников использовались дети, сыновья. Один из примеров приводит А.А. Ярилов. «В 1840 г. инородец Тарханов заключил условие с крестьянином «в том, что я, Т-в взял у него Изосимова, на платеж государственных податей, повинности и ясака, денег 28 руб. 50 коп., за которые и отдаю сына своего Федора, в годовую срочную службу, за что и условился платы ассигн. 35 руб., на серебро 10 руб. ...». Впоследствии молодые люди, жившие до того в работниках у крестьян и научившиеся земледельческому хозяйству, теряли навыки ведения традиционного хозяйства, ассимилировались среди русского населения. Те из них, которым удавалось, в конце концов, завести свое самостоятельное хозяйство – часто путем женитьбы на русских – старались, обыкновенно, устроиться в тех же деревнях, где до этого жили.¹⁸

Т. о., ясак как один из основных показателей аборигенной, социально-административной политики Московского государства и Российской империи и негативные факторы, связанные с несением натуральной повинности привели к эродизации социально-хозяйственной специфики и ломки устоявшихся традиций, затрунили ментальные основы коренного населения.

Примечания

¹ Материалы по истории Хакасии с. 61-66

² Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – нач. XX в. с. 32-33

³ Чертыков В.К. Хакасия в XVII нач. XVIII в. и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии.

⁴ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. с. 3

⁵ Материалы по истории Хакасии с. 17, 19

⁶ Чертыков В.К. с. 233

⁷ см.: Бахрушин С.В.; Чимитдоржиев 1978; Гуревич 1983.

⁸ Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII-XVIII вв.). с. 89

⁹ Бахрушин С.В. с. 39

¹⁰ Там же. с. 2.

¹¹ Там же. сс. 51–52, 237, 261, 264, 265

¹² Потапов Л.П. с. 55

¹³ Материалы по истории Хакасии с. 61-66.

¹⁴ Чертыков В.К. с. 92

¹⁵ Ярилов А.А. Мелецкие инородцы.

¹⁶ Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство.с. 131-132

¹⁷ Там же. с. 194

¹⁸ Там же. с. 186

Литература

1. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. – Новосибирск, Сибкрайиздат, 1927. – 35 с.
2. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - Т.IV. С. 5-192.

3. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – перв. пол. XIX в. - М., 1979. – 311 с.
4. Козьмин Н.Н. Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху // Сибирская школа. - Красноярск, 1916. №№ 8–10. С. 15.
5. Материалы по истории Хакасии XVII - нач. XVIII вв. // Сост. В.Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. – Абакан, 1995. – 257 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., Изд-во АН СССР, 1937. – Т.I. – 607 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941. – Т.II. – 638 с.
8. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - СПб., 1788.
9. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII-XVIII вв.). - Абакан, Хакоблгосиздат, 1952. – 215 с.
10. Чертыков В.К. Хакасия в XVII нач. XVIII в. и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2007. –336 с.
11. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. – 216 с.
12. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – нач. XX в. - Новосибирск, Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. – 301 с.
13. Ярилов А.А. Мелецкие инородцы. - Юрьев, 1899. – 214 с.
14. Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство. - Юрьев, 1899.- 366 с.

2009

Н.Н. Скоробогатова,
п. Шушенское

Дневник Н. Войцеховского «Мои воспоминания» как исторический источник изучения истории ссылки Южной Сибири

История Сибири, «тюрьмы без решёток», как называли этот регион в Польше, богата огромным количеством материалов личного характера, которые принадлежат участникам польских восстаний. Представители этой – самой западной части России с 60-х гг. XIX в. определяли лицо политической ссылки Сибири.

Многие ссыльные поляки обращались к написанию мемуаров. Чаще всего их авторы, кроме своей собственной судьбы описывали также товарищей по ссылке, саму Сибирь, её жителей.

В архивном фонде Минусинского Краеведческого музея (ф.1, оп. 4, д. 227) хранятся воспоминания Нарциза Войцеховского (1846-1919) – участника январского восстания 1863-1864 г. в Польше. После 9 месяцев заключения в Варшавской цитадели он был выслан в Сибирь на житьё с лишением прав состояния «в менее отдаленные места Восточной Сибири» – как было сказано в документе о конфирмации, объявленной в день высылки 11 октября 1866 г.

В музей воспоминания переданы его внучкой Галиной Войцеховской 30 июня 1978 г. «Оригинал, к сожалению, был сожжён немцами во время Варшавского восстания (1944 г.), но, к счастью сохранилась копия, которую я сделала собственноручно перед восстанием».¹ Сам документ датирован 1916 г.

Н. Войцеховский прожил в Сибири 44 года. Здесь он встал на ноги в экономическом отношении, женился, воспитал и вырастил своих детей. В Сибири закончили свой земной путь его родители, которых он привёз из Польши.

Мемуары Н. Войцеховского содержат ценную информацию, касающуюся Южной Сибири.

В воспоминаниях Н. Войцеховский описывал своё появление в Минусинском уезде: «... я пешком прибыл через Минусинск в большое село к востоку от него – Сагайское. Здесь было нас (т.е. польских

политических ссыльных – авт.) свыше 40 человек, начиная от работников, ремесленников, земледельцев, чиновников до помещика Мартина Ханецкого».²

За плечами у ссыльного Войцеховского остался невероятно трудный арестантский этап. «Из 11 высланных из Варшавы нас только двое дошли до Красноярска. Остальные остались больными по различным госпиталям... У меня, – пишет Н. Войцеховский, – было 40 копеек и никакой верхней одежды, кроме арестантского серого халата с тузом за плечами».³ Материальное положение Нарциза было очень тяжёлым, первое письмо от родных и 30 руб. помощи он получил только в конце июля. И хотя товарищи по ссылке предлагали ему материальную помощь, он отправился искать работу в Каратуз – резиденцию золотопромышленников казацкую станицу. Здесь он нанялся работником на строительство дома к бухгалтеру золотого прииска И.И. Митрофанову, Он уже имел в работниках одного из польских ссыльных, которым был очень доволен.

«С 6-7 мая я стал работником, и как менее всего к этому способный получал 5 руб. в месяц при годовом содержании и жилье в небольшой хате для слуг».⁴

Нарциз Войцеховский, по настоянию матери, должен был стать священником. «В 13 лет я начал учиться костельной музыке и пению. Я успешно справился с обучением и в 1862 г. был принят на место учителя начальных классов в Елонках, с тем условием, что весной буду исполнять обязанности органиста в костёле».⁵

Следовательно, специальность, которую приобрёл ссыльный Н. Войцеховский на родине, никак не могла пригодиться в условиях сибирского села. Но его энергичность, желание обеспечить своё существование, привели к тому, что он быстро привык к различным домашним работам: запряганию коней, возке стройматериалов, и камня. Научился «выкладывать стены, в выкопанных погребках, рубить деревья, а позднее и косить сено на огромных лугах за р. Амыл».⁶ По окончании работ и получении материальной помощи из дома он поблагодарил хозяина за службу и за его человеческое обхождение с ними и вернулся в Сагайск.

С большой симпатией пишет Н. Войцеховский о сибирских крестьянах, которые весьма доброжелательно относились к политическим ссыльным из Польши: «Начиная с дней проживания в Сагайске не было среди крестьян такого, который бы чувствовал и высказывал, свою неприязнь, недоброжелательность, либо презрение и недружелюбие. Все, даже не ожидая моей просьбы, старались оказать помощь, научить, как нужно устроиться в местных условиях, как обеспечить себя на тяжёлую зиму. Клепали нам косы во время сенокоса, точили топоры для рубки деревьев. Приглашали в бани по субботам. Пока у нас не было коней, то часто, отправляясь на рынок, предупреждали, не нужно ли чего из города. ...и все эти малые, простые но бескорыстные услуги находили искреннюю, благодарную признательность».

Следовательно, являясь простым ссыльнопоселенцем Н. Войцеховский был вынужден работать на хозяина, до тех пор, пока не обеспечил себе пропитания.

Получив средства к существованию, он вернулся в Сагайск – здесь поселился вместе с М. Пшешурковским платя за жильё (1 большая комната и полное обильное содержание) 5 руб. с человека. Начал изготавливать гильзы для папирос и папиросы, «что давало мне кроме курева заработок 50-60 коп. в день, правда не постоянный, потому что многие из наших занимались этим, особенно в Каратузе. Затем акциз нам запретил этот заработок».⁷

На зиму Войцеховский с Ф. Кинским устраивается на ручную маслобойню. «Был это тяжёлый заработок, но давал по рублю (дохода) с каждого пуда семян конопля. А ссыльный Фридрих крутил нам с нашей помощью великолепные постромки, которые мы продавали на ярмарке в Каратузе и доставляли золотопромышленникам, зарабатывая таким способом на содержание. Наконец, мы косили на указанных крестьянами общинных лугах сено, для себя, т.к. имели двух лошадей».⁸

Летом 1868 г. Войцеховский решил заняться сельским хозяйством, получив великолепный урожай он попытался расширить посеы в 1869 г., но не зная особенностей сибирского полеводства прогадал, т.к. ранние заморозки в июне и влажное сырое лето привели к неурожаю. Осталась лишь масса плохой соломы. Поэтому Войцеховский ищет более лёгкое занятие.

В мае 1870 г. он принял с помощью рекомендаций Юзефа Врублевского обязанности помощника сельского писаря, на 4 села в Кочергино и, пребывал в этой службе до сентября.

Благодаря местному купцу из польских уголовных ссыльных Сергею Бартоломеевичу Поплавскому, который дал Нарцизу рекомендацию к купцу Гусеву И.Г. – хозяину большой паровой мельницы, который нуждался в экономе он устраивается на довольно приличное в отношении материальной обеспеченности место.

«Мне дали комнату при конторе с полным содержанием и 25 руб. в месяц. Благодаря скромным моим запросам я видел себя богачом. К обязанностям я привык быстро, работал охотно. И, хотя это тяжёлая была служба, видел, что мною довольны и хозяин и окружающие. Это придавало энергии. Работал по 20-21 часу в сутки. Весь день проводил на заводе, либо на строительстве нового стекольного завода, а вечером до 12-1 ч. ночи за счётными книгами и раскладкой работников и коней на следующий день. В 4 утра снова надо было вставать. Так я и работал 4 с лишним года. По окончании каждого года получал премию 100-120 руб. Заменял я по несколько месяцев и управляющего, т.к. всё хозяйское дело знал я хорошо».⁹

Позже Войцеховский снова вернулся на завод к И. Гусеву управляющим, который назначил ему полное годовое содержание в 900 руб. Отношения с хозяином сложились приятельские. «Работа моя увеличилась ещё, т.к. Гусев решил построить большую винокурню и для улучшения качества стекла содовый завод. Изменились и условия вознаграждения. «Я имел кроме полного содержания 1500 руб. годового жалованья».¹⁰

«После 10 лет ссылки и неволи я управлял самым большим в Енисейской губернии фабрично-промышленным делом и пользовался большим признанием жителей данного уезда».¹¹ В августе 1882 г. из-за мошенничества одного из конторщиков, племянника хозяина, он отказался от своих обязанностей, бросил службу, несмотря на приглашение Гусева. «Каждый из нас, кто знал хорошо какое-нибудь ремесло, профессию, – писал Н. Войцеховский, – тот час занимал положение не только обеспечивающее его материально, но и получал моральное преимущество, т.к. оказывал услуги местному населению, почти лишённому хороших ремесленников».¹²

Большинство заводов, существовавших в Минусинском округе, согласно статистическому отчёту за 1897 г. имели характер кустарного производства и были организованы в области мыловарения, маслоделия, гончарного производства. Поэтому Войцеховский Н. с товарищем по ссылке Зюлковским построил мыловарню, и изготовлял хорошее обыкновенное мыло. Но, несмотря на то, что дело великолепно вёл ссыльный 80-х гг. инженер-технолог Александр Венцловский, оно было ликвидировано из-за отсутствия достаточных средств на его расширение.

Профессиональная деятельность вольнопрактикующих ссыльных, тем не менее, ограничивалась законодательно. По данным государственного архива Красноярского края, неблагонадёжные лица отстранялись от службы по найму при статистических отделениях земских управ и сборе статистических сведений. Эти меры применялись к ним согласно циркуляру министра внутренних дел от 22 декабря 1887 г. и статьям 20 и 30 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» высочайше утверждённым 14 августа 1881 г.¹³ Статистики из ссыльных увольнялись, т.к. их деятельность была связана с частыми разъездами по сёлам и фабрикам и бесконтрольным общением с местным населением.

В 1880 г. окружные жандармские правления обязали подпиской административно-ссыльных по государственному мотивам, живущих в Минусинске и Минусинском округе о запрещении им педагогической деятельности в частных домах.

Административно-ссыльный коллежский советник Н. Ковалевский, дворянка М. Виташевская так комментировали отказ подписать данный документ: «Мы административно-ссыльные принципиально являемся ограниченными единственно в выборе места жительства, с сохранением при себе всех остальных прав. Так в теории. На практике же мы являемся людьми вполне бесправными. Нам воспрещены все виды государственной службы и многие отрасли частного труда. Мы не можем открыть частную торговлю. Дозволения являются практически недоступными, нужны и подъёмные денежные средства, которыми никто из нас не владеет и право выезда за пределы городской черты, которой мы обведены как

заколдованным кругом. Мы не можем поступить и на частную службу в какую-нибудь купеческую лавку или контору, поскольку никто не согласится открывать нам у себя заработок и навлекать на себя донос, в покровительстве людям опальным перед правительством и тем компрометировать свою политическую благонадёжность. Никаких ремёсел мы интеллигенты-белоручки не знаем. К физическому труду неприспособленны. В городе встречается запрос на педагогический труд, пересиливающий в гражданах даже страх сношений с поднадзорными». ¹⁴

Некоторые ссыльные занимали довольно высокое положение, будучи гувернёрами, секретарями, конторщиками, экономами.

Большой вехой в биографии Н. Войцеховского была работа в «Варшавском магазине» дамских, галантерейных и мануфактурных товаров, который в 1876 г. после отъезда в Польшу его владельца Я. Прендовского перешёл к польскому ссыльному В. Корженёвскому.

Часть денег сэкономленных за время работы у Гусева И.Г. и средства высланные родителями, от страховки за пожар дома были вложены Н. Войцеховским в торговое дело, а часть в четыре кабака, которые содержал от имени жены ссыльный поляк, которого Войцеховский называет Артур. ¹⁵

«Знакомый немного с торговлей я вёл дела исключительно сам, а финансовую сторону и обеспечение товарами Корженёвский. После годовичного расчёта мы имели дохода около 3000 руб., из которых около 2, 5 тыс. прожили. «Я не считал это для себя выгодным, но не имел для себя в поле зрения ничего лучшего». ¹⁶

Торговля, которую вели политические ссыльные, встречала трудности, связанные с их социальным положением. В. Корженёвский с 1871 г. перешёл в разряд сосланных на жительство, а по 1 и 2 пунктам Высочайшего повеления от 9 января 1874 г. ему были возвращены прежние права состояния с правом перемещения во внутренние губернии Европейской России. ¹⁷ Корженёвский по торговым делам пытался выехать в различные губернии. Подав прошение на имя караульного исправника, он пишет: «Полагаю, что по двухлетнем пребывании здесь (в Сибири) с возвращёнными мне правами могу просить о разрешении съездить на родину». ¹⁸ Но, тем не менее, в поездке в Польшу на 4 месяца для решения торговых дел В. Корженёвскому отказали, т.к. воспользоваться правом поездки в Западный край могли только те, кто был восстановлен в правах по высочайшему повелению от 13 мая 1871 г. В обращении к губернскому жандармскому начальнику В. Кублицкому в ноябре 1876 г. В. Корженёвский просит об особой милости со стороны начальства, которое могло бы разрешить эту поездку, но получает отказ, т.к. польским лицам, высланным из Западного края и Царства Польского, временное пребывание на данной территории приостановлено. ¹⁹ Отклоняются и просьбы Корженёвского о поездке в Москву, на Ирбитскую ярмарку, т.к. Пермский губернатор не знает его благонадёжности, поэтому по своим торговым делам Корженёвский смог выехать в г. Томск и Красноярск с установлением за ним гласного надзора на время пребывания в этих городах в силу § 36 «Правил по устройству быта политических ссыльных» издания 1875 г. ²⁰

В Варшавском магазине Н. Войцеховский познакомился с сестрой Л. Корженёвской Эммой, «очень живой, и она понравилась мне. Мне казалось, что такое же впечатление, и я произвёл на неё. Время было жениться, но моё колеблющееся материальное положение не позволяло думать об этом серьёзно. Я молчал, потому что видел, что и у неё ничего нет, а размножить нужду я не намеревался». ²¹ Войцеховский надеясь на окончательное помилование и возвращение на родину не хотел жениться на православной и обязываться за своё потомство, чтобы дети обязательно были православными, т.к. в соответствии с законами Российской империи иноверные христиане (к ним относились, в частности, католики) вступившие в брак с православными при совершении обряда бракосочетания дают подписку, по установленной форме о том, что они, рождённых от такого брака детей будут воспитывать в православии, если же они нарушают брачные обязательства, и будут крестить их или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского вероисповедания, то в силу Ст. 190 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» присуждаются к заключению в тюрьме от 8 месяцев до 1 г. 4 месяцев. Дети их, отдаются на воспитание родственникам православного исповедания или за неимением оных назначаемым для сего от правительства опекунам, также православной веры». ²²

Разработка золотых приисков играла огромную роль в экономике Минусинского округа XIX в. Трудились на приисках, главным образом ссыльнопоселенцы. Из-за невозможности осуществить квалифицированную разведку россыпей и примитивной техники добычи металла арендаторы создавали небольшие рабочие артели, закупая провиант, одежду, рабочий инвентарь. Подобным предпринимательством в 1880-1882 гг. и занялся Н. Войцеховский. Он подчёркивал, что разработка Ирбинской дачи, часть которой в 127 000 десятин была взята в аренду в кампании с Бронишем и С. Гутовским проходила в очень тяжёлых условиях при небольшом количестве средств.

«Отыскав золото в ноябре, мы поставили работы на 30 человек. В это дело я вложил все свои наличные 941 руб. На вложенные Гутовским, Бронишем и одолженные 17 000 руб. мы добыли золота на 4 000 руб.»²³ Эта была полная катастрофа. Войцеховский потерял своих компаньонов, но сам продолжал активно работать на прииске. Он верил в свою счастливую звезду, возвратил 4 000 руб. кредиторам, оставшись с единственным рублём, хранил 10 лет на память. Несмотря на сложное положение, он уговорил 12 рабочих и одного инженера остаться на зиму для поисков золота. Брониш доставил на прииски немного провианта и с октября до января шли безрезультатные поиски золота. Только в январе пошло хорошее золото, благодаря Сиволапову, учителю Войцеховского в приисковом деле. Сам хозяин прииска скомбинировал, где залегают россыпь, обозначил площадь разреза и провёл другие подготовительные работы. Нанял необходимых для дела людей, купил коней, провиант, материалы. Но на дальнейшие работы не было средств, и никто не хотел их одалживать, несмотря на то, что Войцеховский Н. пользовался доверием многих. Ему поверил один только Т. Хмельский и занял чужие деньги в размере 2000 руб., что позволило закупить зерно и нанять на прииск 22 рабочих. Построить дом для семьи. Предприятие успешно завершилось. Следующий 1885 г. дал неожиданную прибыль. Было намыто золота на 52060 руб. В сентябре того же года Войцеховский вошёл со Скочинским в соляное дело на Абаканских соляных озёрах. Затратил на приведение дела в порядок 27 000 руб., и до 1888 г. имел постоянный успех на золотом прииске и увеличивающийся доход от солеварни, был хозяином двух производств, которые давали дохода в 57 000 руб. наличными.

«Я верил в свой труд, в добрый интерес, приятельские и благожелательные отношения не только жителей Минусинска, но и округа. Я ощущал доброжелательность и признание и в образованных сферах местного общества, так и среди простых сибиряков и рабочих».²⁴

Удачи и неудачи, которые сопровождали Войцеховского в жизни свидетельствуют о том, что благодаря характеру, предприимчивости, помощи его близкого окружения, особым условиям Сибири Войцеховский достиг значительных социальных высот в экономической и общественной жизни.

Сам Н. Войцеховский подводя итог прожитым годам, писал: «Я мало жил в Польше, мало вообще знаю мир, кроме Сибири, но из того о чём слышал и читал, делаю вывод, что перипетии, какие я пережил и результаты, каких я достиг возможны, вероятно, только в Сибири».²⁵

Примечания

¹ Войцеховский Н. Мои воспоминания. Архив Минусинского краеведческого музея (далее АМКМ), ф. 1, оп. 4, д. 227, л.25

² Там же. л. 3

³ Там же. л. 2

⁴ Там же. л. 3

⁵ Там же. л. 1

⁶ Там же. л. 3

⁷ Там же. л. 3-5

⁸ Там же. л. 4

⁹ Там же. л. 4

¹⁰ Там же. л. 6

¹¹ Там же. л. 2

¹² Там же. л. 5

¹³ Циркуляр об отстранении от сбора статистических сведений политических ссыльных ГАКК, ср.31, оп.1, д. 88 л.2 об-3

- ¹⁴ Дело ЕГУ (общего управления) о воспрещении административно-ссылным государственным преступникам заниматься обучением грамоте. ГАКК, ср.595, оп.1, д. 5972 л.8
- ¹⁵ Войцеховский Н. Мои воспоминания. АКМ, ф.1, оп.4, д.227, л. 4-4об
- ¹⁶ Там же. л.5
- ¹⁷ Там же. л. 4-5
- ¹⁸ Дело Минусинского караульного исправника с прошением политического ссылного В. Корженевского о разрешении ему временно выехать в Варшаву для покупки товара. ГАКК, ф.595, оп.1, д.5541, л. 12
- ¹⁹ Там же. л. 21-22
- ²⁰ МВД письмо Минусинского окружного исправника Енисейскому гражданскому губернатору от 29.10. 1879. ф.595, оп.1, д.5541, л.54
- ²¹ Дело Минусинского караульного исправника с прошением политического ссылного В. Корженевского о разрешении ему временно выехать в Варшаву для покупки товара. ГАКК, ф.595, оп.1, д.5541, л. 12
- ²² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных - СПб, 1885
- ²³ Войцеховский Н. Мои воспоминания. АКМ, ф.1, оп. 4, д.227, л.6
- ²⁴ Там же. л. 14
- ²⁵ Там же. л. 15

Литература

1. Войцеховский Н. Мои воспоминания. АКМ, ф.1, оп.4, д.227 ГАКК, ф. 695, оп.1, д. 427, л.3
2. Дело ЕГУ (общего управления) о воспрещении административно-ссылным государственным преступникам заниматься обучением грамоте. ГАКК, ф.595, оп.1, д. 5972 л.8
3. Дело Минусинского караульного исправника с прошением политического ссылного В. Корженевского о разрешении ему временно выехать в Варшаву для покупки товара. ГАКК, ф.595, оп.1, д.5541, л. 21-22
4. Дело Минусинского караульного исправника с прошением политического ссылного В. Корженевского о разрешении ему временно выехать в Варшаву для покупки товара. ГАКК, ф.595, оп.1, д.5541, л.6об.-7
5. МВД письмо Минусинского окружного исправника Енисейскому гражданскому губернатору от 29.10. 1879. ф.595, оп.1, д.5541, л.54
6. Прошение крестьянина из политических ссылных с. Моторского Двораковского В. О. на имя Енисейского гражданского губернатора. Август 1886г. ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 6546, л. 4-4об
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных - СПб, 1885
8. Циркуляр об отстранении от сбора статистических сведений политических ссылных ГАКК, ф.31, оп.1, д. 88 л.2 об-3.

2009

А.П. Шекшеев,
г. Абакан

Четыре эпизода из жизни минусинских крестьян эпохи социальных потрясений

Процессы, начатые революцией 1917 г. и длительное время распространявшиеся на российских окраинах, привели к власти коммунистов, трансформировали общество и для крестьянства завершились в нач. 1930-х гг. полной ликвидацией прежней деревни. Эта эпоха, когда в политическую жизнь вовлекались все большие обывательские массы, а события уже разрушали крестьянскую повседневность, состояла из множества явлений и эпизодов повседневности, окрашенных зачастую экстремизмом.

Крестьянский самосуд. Во время Гражданской войны, в отсутствие сильной власти, крестьяне зачастую наводили порядок, осуществляя свой собственный суд «по совести», переходивший в жестокую расправу. Воспринимая это явление в качестве преступления, местные управленцы, независимо от их политической окраски, случалось, оценивали вину участников, исходя из собственных интересов.

Соответственно со сменой политических режимов сельские общества, пытаясь защитить своих односельчан от уголовного наказания, нередко корректировали оценку произошедших самосудов. Показательными в этом отношении являлись события, имевшие место, начиная с весны 1918 г. в д. Белый Яр Кочергинской волости Минусинского уезда. Здесь в результате пожаров в мае и 2 августа сгорели 70 дворов, или 2/3 всей деревни. 5 августа крестьяне, собравшись на сход и обнаружив при обыске квартиры кузнеца Иванова мелкие товары из сгоревшей лавки, обвинили его и еще семь человек в умышленном поджоге. В результате самосуда были убиты пятеро односельчан (М. Иванов, И. и С. Свинуховы, В. Лабутин, В. Воробьев). Приговор схода, составленный 15 августа, гласил, что убийство произошло с согласия всех жителей деревни. По этому случаю мировым судьей было возбуждено дело, а 13 обвиняемых заключены в тюрьму.

Вследствие того, что данная деревня в ноябре 1918 г. поддержала Минусинское крестьянское восстание, сюда прибыл казачий отряд. С целью спасти от расправы односельчан-повстанцев, казакам было заявлено, что жители уже расправились с пятью «большевиками». Приговором от 17 ноября сход объявил пятерых убиенных и троих беглецов «большевистскими главарями», якобы осуществлявшими антиправительственную пропаганду и совершившими поджог с целью уравнивания всех жителей в материальном отношении. Приговор нового схода от 12 апреля 1919 г. еще раз признал «смутьянов» виновными в пожаре и подтвердил правильность своего решения о самосуде.

Новое следствие по этому делу возникло по жалобе родственников жертв самосуда в Минусинскую уголовно-следственную комиссию с реставрацией Советской власти. Событиям была вновь придана политическая окраска. Потерпевшая в них сторона оказалась бывшими фронтовиками, деятельность которых весной 1918 г. по изъятию земли у «кулаков» и вызвала ответные меры. Следствие выявило 23 участников убийства, в т.ч. четверых Шеклеиных, двоих Веревкиных, Бизаевых, Черемных, Мосягиных и др., которые свою вину не признали. Из них 13 были препровождены в тюрьму. Но после того как сход 15 августа вынес приговор о том, что убийство произошло на почве мести за поджог, их освободили, а документы расследования данного события, как не имеющего политической подоплеки, передали в народный суд.

Но этим делом заинтересовалась уездная ЧК, которая, затребовав материалы, передала их на рассмотрение губревтрибунала. Деревенский сход приговором от 20 мая 1920 г. аннулировал свое решение от 15 августа 1918 г., якобы составленное по принуждению и незаконное, а также попытался отмежеваться от убийства, заявив, что согласия на него не давал. Участники этого преступления вновь оказались за решеткой. На следствии они объясняли свое поведение отсутствием веры в справедливость и возможность наказания преступников законным путем, ибо суды подобные дела, как правило, волокитили или оставляли без движения. 19 июня 1921 г. выездная сессия губревтрибунала, рассмотрев дело 22 участников самосуда, приговорила его зачинщиков П.Я. Шишкина, И.Ф. Шеклеина и председателя деревенского общества, позволившего и прикрывавшего это преступление, 60-летнего Д.П. Худякова к 15 годам принудительных работ каждого, еще пятерых обвиняемых - к подобному же наказанию сроком на 5 лет, а прочих осудила условно. В соответствии с амнистией, периодически объявляемой Советской властью к знаменательным датам, срок наказания этим лицам был значительно сокращен.¹

Банда Бибича. Длительное время в Минусинском округе грозой населения являлась банда 35-40-летнего крестьянина Ивана Ерофеевича Бибича. Она образовалась в сентябре 1925 г. из трех рецидивистов, бежавших из местного Исправительно-трудового дома (ИТД), и действовала в районе селений Большая и Малая Ничка, Большая Иня, Кривая, Восточенское вплоть до февраля 1927 г. Сначала её члены специализировались на мелких ограблениях: в сентябре-ноябре 1925 г. они изъяли шубы и дохи у проезжающих, ружье у охотника, совершили кражу имущества на кордоне и скрылись от преследования лесничего и уполномоченного угрозыска. В середине декабря Бибич, встревоженный объявленным властями и начавшимся двухмесячником по борьбе с бандитизмом, под чужой фамилией, но с семьей скрылся в Ачинском округе.

С октября 1926 г., т.е. с возвращением главара, деятельность банды, состоявшей из его родственника «Кольки» и жителя д. Преображенки Ачинского округа А.В. Яковлева, вновь оживилась и приняла характер не только мелких, но и кровавых преступлений. Теперь Бибич с целью грабежа уже не останавливался перед убийствами своих жертв: 19 октября у д. Малая Минуса были застрелены проезжающие мельник с

супругой, 26 – при угоне овец – пастух из д. Большая Иня. Осуществив в ноябре три ограбления крестьян на тракте, банда 24-25 декабря совершила убийства вблизи с. Усть-Абаканского и Минусинска «кулака-лишенца» и жителя с. Калягино. Изъяв 6 января 1927 г. у крестьянина с. Красное Поле документы и деньги, Бибич вновь попытался скрыться.

Однако на этот раз ему бесследно исчезнуть не удалось. В д. Большой Хабык у родственников Бибича 20 января задержанию подвергся «Колька». В соответствии с его показаниями, у банды было изъято награбленное, задержаны 34 укрывателя и пособника. Осуществляя слежку за семьей Бибича, сотрудники уголовного розыска (УР) и ОГПУ обнаружили место его нахождения в Ачинске. В ночь на 5 февраля 1927 г. 18 чекистов и милиционеров во главе с начальником Ачинского окротдела УР Капустиным, окружив дом, в котором находился Бибич, попытались его арестовать. В перестрелке были убиты сотрудники УР Паранов и Горбачев. Четырежды раненый, Бибич все же сумел прорваться, но был задержан и скончался в больнице. Арестованные следом 10 его укрывателей по постановлению Полномочного представительства (ПП) ОГПУ были расстреляны. Уголовная деятельность Бибича выразилась в пяти убийствах и более 10 ограблениях. Но по вине этого бандита, начавшего свой преступный путь с присвоения четырех шуб, 15 рублей деньгами и дробового ружья, пострадало несколько десятков невинных людей.²

Политический бандитизм каратузских крестьян. Деятельность банд в Каратузском районе Минусинского округа, возглавляемых И.К. Оглезневым, А.А. Форселем и А.В. Мюллером, признавалась правоохранительными органами политической. Из-за преследования местных коммунистов уроженец д. Нижние Куряты Оглезнев еще с весны 1920 г. скрывался в тайге. После распада так называемой «банды» Ковалева он был арестован и с октября 1921 по октябрь 1923 г. содержался в тюрьме, но с арестом своего бывшего «вожака» вновь бежал в безлюдные места. В мае 1927 г. на заимках д. Нижние Куряты появилась банда Оглезнева, насчитывающая четырех вооруженных человек. Угрожая расправой, они держали в страхе местных активистов. В то же время Оглезнев вел открытый образ жизни. Крестьяне ближайших деревень снабжали его людей, прятавшихся на мельнице, продуктами. Там же якобы скрывалась и группа бывших офицеров, составивших список советско-партийных работников, предназначенных к ликвидации.

Для выяснения обстановки 19 июля под видом лиц, бежавших из Минусинского ИТД, в Каратузский район были посланы агент УР Чернышев и бывший заключенный Вольский. Здесь они познакомились с крестьянином Ф. Чащиным, связным Оглезнева. Но Чащина им обмануть не удалось. По его сигналу местные крестьяне задержали подозрительных лиц и доставили их в Нижнекурятский сельсовет. Милиции пришлось своих разведчиков оттуда вызволять, организовав им побег. Но в ходе этой операции Оглезнев лишился 10 укрывателей, арестованных органами. Сам же он, ускользнув от засады, организованной агентами УР, с пятью сообщниками перебрался вновь на одну из заимок. В феврале 1928 г. Оглезнев увел своих людей в верховья р. Амыл. Видимо, данная группа крестьян являлась не столько «бандой», действующей с определенными политическими или уголовными целями, сколько людьми, скрывавшимися от властей и способными к вооруженной защите. В июле 1928 г. Оглезнев, появившийся в д. Нижние Куряты, был арестован, а 15 октября того же года приговорен окружным судом к трем годам лишения свободы. Но по амнистии этот срок ему сократили наполовину, с зачетом же времени предварительного заключения в 1921-1923 гг. его освободили.

Еще в июле 1927 г. от Оглезнева ушли Форсель и Мюллер, представители эстонской диаспоры, сосредоточенной и замкнуто живущей в д. Верхний Суэтук, издавна пользующейся у властей преступной славой и в основном враждебно настроенной к Советской власти. Созданное ссыльными эстонцами в 1850 г. село было известно как место, где скрывались преступники и награбленное ими имущество. Непосредственными участниками преступлений его жители стали с 1913-1914 гг., когда М. Пенза-«Горбач» убил и ограбил на своей квартире проезжавших купцов. В 1920-е гг. в Каратузском и Ермаковском районах были осуществлены восемь убийств и семь грабежей, в которых подозревались жители этого села. Преступления часто совершались в открытую, практиковались подкуп свидетелей, угрозы и заключение мировой между обвиняемыми и потерпевшими. Доносчикам здесь по традиции полагалась месть, поэтому большинство населения было запугано.

По мнению сотрудников правоохранительных органов, в селе существовала «неофициальная банда», насчитывающая 27 человек, сплотившихся вокруг авторитетных среди них якобы преступных лиц, вроде А.К. Теликасова, М.М. Пензы, И. Орлика и др. В привычной обстановке Форсель, опираясь на родственников и знакомых, создал банду, состоявшую из шести человек (А. Мюллер, А. Ильмоярв, А. Саар, Л. Глязер, Н. Пивоваров и Н. Попцов), и обеспечил им сносное существование. Находясь в 6-7 верстах от села, банда передвигалась на ходке и двух верховых лошадях, имела массу укрывателей, а в лице председателя сельсовета еще и поставщика самогона. Она совершила ряд преступлений: 7 июля 1927 г. бандиты убили жительницу с. Дубенского, сестра которой помогла органам в ликвидации банды Томозова и Зварыгина; подбросили листовки с угрозами ветврачу, агроному и милиционеру и тем самым сорвали проведение в Каратузе выставки молочного скотоводства; занимались конокрадством. Наконец, они неоднократно покушались на жизнь бывшего красноармейца и бедняка М.И. Сермана, ставшего в 1925 г. старшим сельисполнителем. Но 10 августа 1927 г. силами УР и ОГПУ Форсель и четверо его пособников в с. Ермаковском были арестованы. Делом Форселя занималось ОГПУ. В Минусинской тюрьме его допрашивали круглосуточно в течение недели, время от времени инспирируя расстрел, но разоблачительных показаний так и не добились.

Обезглавленную банду принял под себя 22-летний Мюллер – «Сашка-Чухня». С 15 августа в связи с организацией в Верхнем Суэтуке окружных курсов маслоделия ситуация здесь резко обострилась. Часть населения враждебно встретила «непрощенных гостей»: в курсантов-коммунистов и комсомольцев, возвращающихся вечером из школы на квартиры, летели кирпичи, камни и палки, в жилых помещениях, где они квартировали, бились стекла, было совершено покушение на жизнь комсомолки.

28 сентября в селе состоялось обильное распитие самогона, в котором участвовали 8 жителей и 5 бандитов. На этой попойке Теликасов, Пенза и Орлик уговорили Мюллера наказать нового старшего сельисполнителя и комсомольца В.П. Калнина. Этот человек уже выступал против бандитов, его жизнь подвергалась опасности. Но в действительности просьба была обусловлена давней конфликтной ситуацией, возникшей между Калниным и Орликом. Еще ранее оба задерживались с поличным милицией за выгонку самогона, которая являлась важной составляющей деревенской экономики. По обоюдной договоренности молодой Калнин взял вину на себя, был осужден, а, отбыв свой срок заключения, потребовал возмещения. Однако Орлик отказался от вознаграждения этой услуги и вскоре был уличен Калниным в сокрытии посевов от налога, отобранных затем в распоряжение местного комитета крестьянской взаимопомощи. Выполняя просьбу этих лиц, Мюллер в ночь на 29 сентября 1927 г. выстрелом в окно убил Калнина. Через несколько дней (2 октября) члены этой же группы еще раз покушались на жизнь и Сермана.

Данные террористические акты стимулировали деятельность правоохранительных органов в поисках скрывшихся бандитов. В октябре 1927 г. у с. Дубенского и в Минусинске были задержаны Пивоваров, Попцов и Саар. С целью поимки Мюллера, собравшегося бежать в Красноярск и решившего в последний раз повидаться с матерью, в район Верхнего Суэтука был командирован инспектор секретной части Минусинского УР П. Золотаренко. Родственники скрывавшегося в тайге Мюллера, снабжая бандита продуктами, пытались предупредить его об опасности и требовали немедленного отъезда. Установив за ними слежку, Золотаренко через перехваченную записку, наконец, установил время свидания Мюллера с матерью. 1 декабря Мюллер, трижды раненый из засады, устроенной Золотаренко, Серманом и начальником Каратузской милиции Селиным, был на окраине села арестован.

Последний из этой банды, Ильмоярв, скрывался, проживая в Красноярске, Иркутске и Омске, и был задержан 14 февраля 1928 г. в Томске. По делу банды Форселя-Мюллера проходили 49 человек. 21 мая 1928 г. Коллегия ОГПУ приговорила Форселя, Мюллера и Теликасова к расстрелу, 5 обвиняемых к 10 годам заключения, а 6 и 24 человек соответственно – к 5 и 3 годам лишения свободы. Все 35 лиц, приговоренных к заключению были отправлены в Соловецкий лагерь³.

Крестьянское сопротивление «раскулачиванию». 28 апреля 1931 г. ПП ОГПУ Западно-Сибирского края директировало своим низовым органам провести с 10 по 25 мая операцию высылки очередной партии «кулаков» в северные районы. Ожесточенное сопротивление этой акции оказало немецкое население д. Николаевки Абаканского района бывшего Минусинского округа. Эта деревня была создана в 1900-

1901 г. немцами, переселившимися из Саратовской и Волынской губерний, и насчитывала 300 дворов. Население ее, будучи настроено антагонистически к своим соседям, не допускало смешанных браков с русскими и в основном состояло в родстве друг с другом. С 1919 г. здесь имела группа зажиточных немцев, пользующихся авторитетом у жителей и неизменно избираемых на общественную работу. Еще в Гражданскую войну деревня под ее влиянием отказалась от мобилизации в Белую армию и создания дружины. В 1926 г. этих людей лишили избирательных прав, но они по-прежнему руководили деревенской жизнью. В селе не было колхоза, коммунистов и комсомольцев. Подобранный данной группой сельсовет проваливал все политико-хозяйственные кампании Советской власти, а уполномоченные с позором изгонялись из села. Поэтому «раскулачивание» здесь и в подобных селениях было сопряжено с дополнительными большими трудностями.

Пытаясь их разрешить и постановив доставить «кулаков» на сборный пункт не позднее 20 мая, совещание ответственных работников, состоявшееся в с. Абаканском 11 мая 1931 г., направило в деревню специальных уполномоченных. 12 мая в д. Николаевку приехали заведующий организационным отделом райкома ВКП(б) Антипин и коммунист И. Климкович, работавший здесь в 1924-1926 гг. председателем сельсовета и знавший немецкий язык. Они должны были вывезти из деревни «кулака» П. Винтера и просвитера Г. Шмельтера, «раскулаченных» еще в 1929 г., но затем приобретших статус середняка. Однако после ознакомления с персональными налоговыми карточками жителей уполномоченные решили подвергнуть высылке еще нескольких лиц.

Узнав о цели их приезда, председатель сельсовета А. Решке сообщил о ней авторитетным в деревне людям. Состоявшееся ночью собрание, участниками которого являлись «кулаки» П. Винтер, Г. Шмельтер, Е. Миллер, Я. Росс, А. Шлейгель, Э. Кунц, Я. Горн, Е. Шленгель, члены сельсовета К. Дитенберг, А. Росс и А. Найбергер, решило сорвать заседание сельсовета, подговорить женщин на бунт и тем самым не позволить властям выселить «кулаков». Утром 13 мая на заседании сельсовета его члены обвинили Климковича в принадлежности к «кулачеству», а на улице его и Антипина встретили 200 разъяренных женщин, требовавших их смерти.

Тогда в деревню 14 мая прибыли помощник уполномоченного ОГПУ по Абаканскому району Селезнев и семеро вооруженных коммунистов. Однако население не расхотело и в крайне эмоциональной форме заявляло приехавшим, что «кулаков» в деревне не имеется и высылать кого-то оно не позволит. Вечером 15 мая женщины избили коммуниста, пытавшегося уговорить их разойтись по домам. Толпа рассеялась лишь 16 мая с прибытием в деревню уполномоченного ОГПУ и члена райисполкома Н. Мехедова и назначением нового состава сельсовета. 17 мая «кулаки» были увезены в с. Абаканское, а 20 мая аресту подверглись трое лиц, замеченных в подстрекательстве и объявленных «кулаками-лишенцами», четверо бывших «крупных торговцев», а также столько же в прошлом членов сельсовета и его председатель. Их дело было передано в Минусинский оперсектор ОГПУ, а затем на рассмотрение тройки. Кроме того, высылке были подвергнуты пять семей, в т.ч. родственники даже военнослужащего Красной армии. Но в ответ на угрозу высылки 70 % всех жителей население деревни тут же прекратило посевные работы.⁴

Итак, все четыре эпизода рассказывают об экстремальных ситуациях, возникших в Минусинском крае под воздействием революции и характерных для переходной эпохи, воплотившей в себя хаос и жесткое структурирование общества согласно коммунистической идеологии. Насилие продолжало оставаться постоянным инструментом решения важных вопросов и властью, и крестьянством. Данные эпизоды свидетельствуют о том, что регламентация отношений между властью и сельским социумом осуществлялась в основном по линии сначала использования коммунистами ситуаций, возникающих в деревне, в собственных политических целях, а затем и полного подчинения себе крестьянства.

Примечания

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 448. Оп. 2. Д. 223. Лл. 2,4,21,32-33,73,123,137,143-144.

² Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (МУАГМ). Ф. 369. Оп. 1 Д. 8. Лл. 4-5, 132, 143, 145-146, 156-157, 171, 176, 185; Д. 14. Л. 2; Д. 16. Л. 19.

³ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 458. Лл. 108, 114-115, 128, 156, 168; Ф. 369. Оп. 1. Д. 22. Л. 90; Д. 33. Лл. 67, 69, 109, 111, 117, 123, 131, 139; Д. 34. Лл. 1-3, 12, 23; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 178. Лл. 29, 230; Архив Регионального управления ФСБ по Красноярскому краю (АРУ ФСБ). Д. 022099. Т. V. Лл. 193, 195, 231, 318-319; Д. II. – 14303. Т. II. Л. 296.

⁴ ГАО. Ф. II. - 3. Оп. 2. Д. 240. Лл. 34-37.

2009

А.Н. Шестаков, Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Старообрядческое население Казыра (приложение к отчёту об экспедиции в села Таята и Нижние Курята Каратузского района 2009 г.)

Селение Таята возникло в 90-е гг. XIX в. в таежной местности на левом берегу Казыра вблизи устья р. Нижняя Таятка. Первыми здешними поселенцами были крестьяне-старообрядцы (беспоповцы) из Европейской России: Поповы, Варламовы, Ломаевы, Глазырины, Посохины, Коробейниковы, Ложкаревы, Щенины, Копотевы. Районом выхода их в Сибирь являлось, вероятно, Северное Приуралье. Село имеет протяжённую линейную планировку вдоль Казыра, и, по воспоминаниям жителей, начало строится от реки.

В перв. пол. XX в. население Таят состояло в основном из староверов, «мирские» появляются здесь лишь в послевоенные десятилетия. Своего храма в селе никогда не было. Священников местные жители не признавали, «беглые» попы, порвавшие с официальной Церковью, в их среде не служили. Руководство молениями и требы в общине осуществляли «грамотные старики» – наставники, избравшиеся из числа единоверцев. Иногда ими могли являться жителями другой деревни.

Так, в 1930-е гг. наставником таятских староверов был Сопельцев Фадей Иванович из деревни Окуловки («до войны молиться ходили к старику в Окуловку»; находилась в 7-8 км от Таят вверх по Казыру – авт.). После него старшим стал Стариков Григорий Викулович, живший вблизи села на заимке, далее, в 1960-е гг. – Попов Кирилл Тимофеевич.

Моления обычно производились в домах «стариков»; так, во всяком случае, было в советское время, хотя прежде в Таятах возможно был некий отдельный молельный дом.

Помимо чтения церковно-служебных книг, в функции таятских наставников входило крещение, отпевание покойных, принятие исповеди, наложение епитимьи на согрешивших.

Крещение ребенка осуществлялось обычно на восьмой день после рождения. Если младенец был «плохой», и возникало опасение, что он не выживет, крестить старались раньше; считалось, что умерший некрещеным «свету не увидит» – будет в ином мире слепым. При крещении на ребенка надевали крест, рубашку и пояс, который рассматривался как оберег от сглазу и действия других темных сил. По этой причине опояска являлась обязательным элементом костюма и взрослого человека. Нательные кресты в Таятах отливали сами жители.

После крещения ребенку давалось имя. Его выбирали по имени того святого, в день которого произошло рождение, или по именам святых в другие ближайшие дни: для девочек как вперед, так и назад от даты рождения, для мальчиков – только вперед.

Отпевание покойных у таятцев продолжалось три ночи. В первые две – читались Псалтирь и Канон за умершего, в последнюю – молитвы Богородице. Все это время на груди покойника лежала икона. После похорон ее оставляли на могиле, привязывая полотенцами к кресту, пока не истекнут сорок дней. Хоронили умерших в специально сшитых рубахах и саванах, стянутых толстой «троениткой». Замужней женщине

надевали на голову шашмуру, клали вместе с ней лестовку и подручник. Гробом служила долбленная деревянная колода. Плакать и причитать на похоронах было не принято. После погребения на могиле ставился восьмиконечный крест, который продолжал стоять до тех пор, пока не падал от времени. Новый вместо него уже не ставили. Поминали умершего сразу после похорон и на 40-й день, когда его душа должна была «по милости Господа, обрести свою участь». Понятия родительского дня у таятских староверов нет. На кладбище «проведать» усопших они ходят на Пасху и в субботу накануне Троицы.

Как и беспоповцы других общин, причащение святыми Дарами, вином и хлебом жители Таят не принимают. Считается, что после раскола и соращения никонианского священства Дары были утрачены. Поэтому причастие возможно только святой водой, которая освящается в истоках без участия пастырей дважды в год, на Богоявление и второй Спас. Идут за водой всегда с молитвой, и берут ее в реке, зачерпывая по течению.

Исповедование грехов у наставников ранее влекло за собой, как правило, наложение епитимьи на кающегося, которая представляла собой усиленное молитвенное бдение. Кроме обычного правила, согрешивший должен был, по указанию «старика» совершать в течение некоего времени дополнительное число молитв и земных поклонов, в зависимости от тяжести греха. Иногда до завершения наложенной епитимьи грешника могли отлучать от участия в общих молениях.

Принципиально важный для беспоповцев вопрос об освящении брачных отношений у жителей Таят решался по разному. Сведения информантов по этому поводу расходятся. Большинство утверждают, что наставники не венчали молодоженов. Заключение брака совершалось одним лишь родительским благословением.

Известно что, в представлении беспоповцев наставники не являются священнослужителями (отсюда собственно и происходит название данного течения старообрядчества). Это всего лишь «грамотные старики», т.е. более опытные, духовно-просвещенные и стойкие в вере миряне. Со времен патриарха Никона священство впало в ересь и пресеклось. Совершать же таинство венчания может лишь поп. Поэтому у некоторых согласий староверов (федосеевцев, филипповцев) долго бытовало мнение о греховности брака вообще: все женатые и замужние почитались как блудодеи. Вместе с тем, необходимость семьи и продолжения рода заставляла идти на компромисс и находить пути решения этой насущной проблемы.

Вопреки мнению других информантов, жительница расположенной по соседству с Таятами деревни Малиновка Н.С. Попова сообщила, что браки здешние староверы заключали все же при участии стариков. Жители Малиновки и Таят считаются единоверцами. Она же рассказала и о некоторых подробностях крестильного обряда, «неизвестных» другим местным старожилам: «при крещении ребенка погружают в воду, и, вынимая, поворачивают его по Солнцу; так повторяют три раза». Объяснение данных противоречий, очевидно, связано с не ясным пока разделением таятских и других живущих в округе староверов на отдельные толки.

Со слов жителей Таят, в нач. – перв. пол. XX в. единоверцы их жили также в деревнях Малиновка, Окуловка, Верхние Курята, Можарка и Тюхтяты. В 5 км к востоку от села находился женский скит Бурундат, насельницы которого, согласно преданию, пришли на Казыр с Алтая «из под Бийска».

Нижние Курята населяли поповцы Белокриницкой («австрийской») иерархии; в Таскино жили «поморские» беспоповцы, которых таятские староверы не считают своими.

В целом последователей «таятской веры», очевидно, можно отнести к согласию «стариковцев», выделившимся в 1830-1840-е гг. из среды «беглопоповства». В условиях предпринятых тогда правительством Николая I мер борьбы с расколом и репрессий по отношению к попам-раскольникам, на Тюменском соборе старообрядцев 13 октября 1840 г. было принято решение об отказе принимать далее «никонианских» иереев. По решению собора, исправление треб переходило к наставникам-старикам и уставщикам, избираемым общиной.¹ В кон. XIX в. «стариковцы» являлись одним из наиболее массовых согласий на Урале и в Западной Сибири.² К этому времени, впрочем, в их среде тоже произошло разделение на отдельные толки. В частности, на основе особого мнения об обряде крещения, сложился толк «покрещенцев». Активный деятель его житель с. Толбы Нижегородской губернии Александр Запьянцев настаивал на необходимости

перекрещивания единоверцев из-за прежней практики их приема беглых священников: «ибо от слуг Антихриста крещение принимали»³.

На Урале среди тамошних «стариковцкв-часовенных» подобное мнение широкой поддержки не получило. Тем не менее, существует основание полагать, что первое поколение таятских староверов относилось именно к согласию «покрещенцев». Поводом для этого служит слышанное нами высказывание «грамотного старика» из с. Кочульки Сахарова Фатей Алексеевича, со слов которого «таятские – не наши, поскольку «покресты; подчинились некоему Завьялову (?), присвоившему себе право перекрещивать людей». «Наши» Фатей Алексеевича с кон. XIX – нач. XX в. живут в основном в Туве по Малому Енисею (деревни Ужеб, Изим, Уржей), куда они пришли с Алтая.

Вскоре после переселения на Казыр, среди жителей Таят тоже, видимо, произошел раскол. Причиной его стали разногласия в отношении к изданному 17 октября 1906 г. «Положению о старообрядческих общинах». Согласно этому документу, общинам старообрядцам правительство предоставляло официальный статус юридического лица, со всеми вытекающими из этого правами. Регистрация общины, однако, требовала обращения к губернскому начальству и предоставления сведений о себе, против чего стали возражать многие таятцы. Предание о происходившей тогда полемике частично сохранились в памяти некоторых старожилов. По рассказу Гужавиной (Глазыриной) Анастасии Семеновны, «большинство наших отцов не пошли в никонианскую общину», т.е. не стали регистрироваться, меньшинство же с этим очевидно все-таки согласилось.

В наст. вр. в Таятах можно услышать упоминания о представителях нескольких разных толков («чувственники», «вертуны», «шаберские», «южники»), канонические особенности которых, время и обстоятельства появления остались невыясненными.

Подсказкой в вопросе о происхождении общины таятских староверов могут служить сведения о традициях их материальной культуры, в частности особенностях одежды. Традиционный костюм местной жительницы включал в себя такие элементы как рубаха, сарафан-«горбач», платок и пояс. Для замужней женщины, кроме этого, обязательным являлось ношение шашмуры (или шамшуры – род повойника; не носивших шашмуру нельзя было даже отпевать после смерти). Т. о., перед нами типично севернорусский комплекс традиционной одежды крестьянки. Во втор. пол. XIX в. ареал его распространения охватывал в основном Север, Верхнее Поволжье, Центральное Нечерноземье и Приуралье. В Сибири он бытовал преимущественно в старозаселенных районах лесной и лесостепной полосы Тобольской и Томской губерний.

В дальнейшем изучении истории и культуры кызырских старообрядцев наибольший интерес, на наш взгляд, представляет вопрос определения их этноконфессиональных особенностей и места выхода в период переселения на Енисей. Наряду с анализом архивных данных, решение его требует, продолжения сбора информации об обрядности и религиозном мировоззрении жителей Таят.

Примечания

¹ Клюкина Ю.В. Старообрядцы-часовенные Урала в кон. XIX – нач. XX в.//Инет. Сайт Очерки по истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.

² Там же. Иванов К.Ю. Отношение старообрядцев Томской епархии к семье и браку//Инет. Сайт Генеалогия старообрядцев.

³ Клюкина Ю.В. Указ. соч.

А.Н. Шестаков, Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Усадьба и жилище русских старожилов юга Приенисейского края в перв. пол. XIX в.

Складывавшаяся в процессе колонизации, культура русского населения Сибири включала в себя множество этнолокальных и субэтнических традиций. Непосредственными источниками их являлись унаследованные первопоселенцами представления, бытовавшие в местах их прежнего жительства, опыт адаптации к новым природным и этнокультурным условиям, информация, получаемая в ходе контактов с жителями других регионов страны. Содержание трех названных факторов было неоднородным на территории расселения русских за Уралом, выражаясь в локальных особенностях одежды, говора, жилых построек и других аспектах повседневного быта.

С течением времени под влиянием рынка и новых волн переселенческого движения, этническая традиция жителей края меняла свой облик, создавая особый и мало изученный пока пласт местной истории – истории традиционной культуры русских старожилов.

Современные знания об этом процессе базируются в основном на материалах полевых исследований этнографов и охватывают, поэтому, сравнительно поздний рубеж – кон. XIX – нач. XX в. Более ранние периоды, требующие преимущественного изучения архивных данных, известны гораздо слабее. Это относится, наверное, практически ко всем аспектам традиционной культуры русского населения, одним из которых является крестьянская усадьба и жилище.

В рамках данной темы особенный интерес представляют вопросы типологии усадебно-жилых комплексов старожилов, позволяющие путем сравнительного анализа судить о влиянии различных этнографических районов Европейской России на традиционную культуру русских поселенцев за Уралом.

Постараемся рассмотреть усадьбу и жилище русских старожилов южных районов Среднего Енисея в перв. пол. XIX в. Юг Приенисейской Сибири был населен в этот период в основном потомками сибирских крестьян и казаков, живших в среднем и нижнем течении Енисея с XVII – нач. XVIII в. Селились они преимущественно в лесостепной части региона. К югу от Красноярска наиболее освоенными являлись земли, в долине Енисея и по берегам правых его притоков, Тубы и Сыды. В XVIII в. переселение сюда крестьян из Европейской России являлось сравнительно небольшим, поэтому категорию пришлых составляли главным образом ссыльнопоселенцы.

Описывая дома и усадьбы местных крестьян, первый губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов отмечал в 20-е гг. XIX в., что в деревнях здесь «редко случаются двory крытые, но все (они) почти обнесены забором... бревенчатым или дощатым... Исключая жилые избы, – постройки усадеб – состоят из двухъярусного сарая и множества низких срубов без кровель с поросшей зеленью на земле, насыпанной на потолках. Все хлебни (амбары) их соединены вместе, и с какой-нибудь части селения составляют как бы особую часть его...

Обыкновенные дома строятся долевым фасом по улице, на подпольях с высокими крыльцами. Сквозные сени разделяют дом на две половины; с одной стороны приспешная изба, с другой, на рундуке, т.е. на возвышении четырех-пяти ступеней горница, разделенная перегородкой. Печи все с трубами... Окна растворчатые высотой $\frac{3}{4}$ аршина, стеклянные, слюдяные и пузырьные. Кровли тесовые, иногда из драни. Через сени ход с улицы во двор, но как все дома чрезвычайно высоки, то с заднего крыльца один ход по ступеням вниз, а другой через дощатые перекладыны в верхний ярус большого сарая, т.е. под пространный навес, поддерживаемый столбами: здесь летом собирается семейство, в особенности женщины и занимаются работами. В самом дворе в нижнем ярусе сарая лежит сено, конная упряжь, сельские орудия, а в маленьких срубах житни, закуты, бани».¹

Приведенные наблюдения рисуют весьма оригинальный тип двора енисейских старожилов, описаний подобного которому, еще не приходилось встречать в литературе, посвященной другим районам Сибири. Указанный тип, очевидно, сочетал в себе элементы северной и южнорусской традиций жилого комплекса. Отражением первой являются в нем дом на высоком подклете, двухъярусность хозяйственных

построек и вынесенные за пределы усадьбы амбары; вторую представляют открытая форма двора и постройка дома «долевым фасом по улице», вдоль передней границы усадьбы.

Сходная застройка встречалась во втор. пол. XIX в. на Урале в южных районах Пермской губернии. Ее также отличали высокая изба с близко расположенной клетью, в верхний этаж которой вел ход из сеней, а в нижний – с земли.² Говорить о заимствовании данного комплекса енисейскими старожилами мешает отсутствие «следов» его бытования в Западной Сибири, например, на Алтае, население которого было связано с жителями Приенисейского региона.

Вместе с тем, отмеченный Степановым тип можно трактовать как редуцированный вариант крытого двора двухрядной планировки. Источники XVII в. свидетельствуют о том, что первые русские поселенцы на Енисее были знакомы с традицией возведения крытых дворовых комплексов. Речь, правда, идет более о типичных для Севера хоромах однорядной связи.³ Бытование дворов двухрядного плана отличало в основном районы Верхнего Поволжья и юга Вологодской губернии.⁴ Встречались они также в Приуралье и на Алтае.⁵ По отношению к улице дом и пристроенный к нему сбоку двор ставились, как правило, перпендикулярно, «в два коня» (коньками крыш на улицу). Вход устраивался в узкой торцевой части всего строения. Иное расположение избы с двором – вдоль улицы – было характерно для населения Пермского края. Как особенность местного домостроения, подобные комплексы начали распространяться там со втор. пол. XVII в.⁶

Т. о., вполне вероятно, что генетически застройка двора, описанная Степановым, восходит, все-таки, к Приуралью. Но в том виде, в каком он ее застал, она могла сложиться и на месте, превратившись из крытой двухрядной связи в открытый двор с клетью. В XVIII в., как считает, Г.К. Вагнер, в зодчестве восточносибирских старожилов происходил процесс перехода от крытого двора к открытому, совпавший по времени с колонизацией Среднего Енисея и Приангарья.⁷

Относительно жилища сведения рассматриваемого источника свидетельствуют о бытовании на юге Приенисейского края в 1820-е – 1830-е гг. изб на «связи» развитой планировки – «изба – сени – горница». Появление домов подобного плана в варианте «изба – сени – клеть» фиксируется здесь уже в писцовых книгах 70-х гг. XVII в.⁸ К нач. XIX столетия трехкамерные «связи» повсеместно встречались в Сибири, преобладавая в таежной зоне.⁹

Характерно указание автора на значительную высоту жилищ, и на то, что горницы в них ставились на рундуке, выше избы и сеней согласно севернорусской традиции. Противоречила этому постройка дома – не торцевой частью, а фасадом на улицу, как на юге России. Сказывалось южнорусское влияние и в интерьере жилища: А.П. Степанов пишет об обычае местных хозяев покрывать стены внутри домов белой глиной.¹⁰

Дома – «связи» и рассмотренная выше застройка двора отличали, по свидетельству губернатора, крестьян среднего достатка. Богатые жили в домах «по нескольку комнат», убранство которых включало городскую мебель, обои на стенах, зеркала. Во дворе у таких хозяев стояли отдельно высокие амбары, избы, сараи. «В каждой почти деревне можно было отыскать от одного до пяти таких домов».¹¹

Сведения А.П. Степанова о застройке енисейских усадеб в нач. XIX в. дополняют наблюдения других авторов. Н. Щукин в 1830-е гг. в указывает в своем очерке на двухчастную планировку усадеб Минусинского округа с разделением на передний и скотный дворы.¹² Расположение их по отношению к жилищу (тоже «связи» с горницей – прим. авт.) у него не оговаривается, но оно является очевидным из записок другого путешественника, Г. Пейзына, оставившего в сер. XIX в. весьма ценный материал о культуре и быте местного населения.

Описывая дома «старинной» постройки – рубежа XVIII – нач. XIX в., он сообщает, что форма их была «по большей части продолговатая с высоко поднятой крышей... окна маленькие и прорублены также высоко... Фасад такого дома выходит на двор или на улицу; перед домом большое, высокое крыльцо, вроде галереи, обшитой тесом... Иногда к старому дому пристраивается в длину другой дом, и тогда все строение представляется в виде длинного сарая, в котором одна часть выше, другая ниже... Большие сквозные сени разделяют избу от горницы. Обыкновенно окна горницы выходят во двор, а избы – на улицу».¹³ О планировке «старого» двора дает представление следующее замечание: «Из сеней (сквозных, посередине

дома, поставленного торцом на улицу – авт.) выход на двор, где обыкновенно помещается скот и домашняя птица; тут же складываются сено, солома, дрова. На переднем дворе – расположенном по другую сторону дома – амбары и кладовые».¹⁴

Приведенные данные подтверждают свидетельства Н. Щукина и А.П. Степанова о том, что главным жилым строением в деревнях енисейских старожилов нач. XIX в. являлась рубленая на подклете «связь» с горницей. Что касается застройки двора, то в качестве характерного типа Г. Пейзын описывает усадьбу замкнутой трехрядной планировки. Данный тип отличался расположением жилища – посередине усадьбы торцом на улицу, – при котором площадь двора была разделена на две половины – «чистую» и скотную по обе боковые стороны от дома. Плотные поставленные строения образовывали вместе с высоким заплотом замкнутый периметр – каре, придавая усадьбе черты оборонительного сооружения.

В отличие от двора с клетью, трехрядная застройка была известна в XIX в. не только в Приуралье, но и в Камско-Вятском регионе.¹⁵ Встречалась она и в различных районах Сибири: подтаежной зоне Тобольской и Томской губерний, на Алтае, в Приангарье.¹⁶ Н. Щукин и Гагемейстер писали о ней, характеризуя усадьбу крестьян Иркутской губернии.¹⁷ В работах Г.К. Вагнер и Н.М. Полуниной замкнутые трехрядные дворы отмечаются в местах коренного расселения старожилов на Ангаре.¹⁸

По мнению В.А. Липинской, усадьбы подобного плана были наиболее характерны в Сибири для районов, в хозяйстве которых значительную роль играло разведение скота.¹⁹ В XVIII – перв. пол. XIX в. юг Приенисейского края, безусловно, относился к числу таковых. Князь Костров писал в 1850-е гг.: «несмотря на то, что многие места Шушенской волости Минусинского округа очень удобны для хлебопашества, однако же, оно составляет здесь только второстепенную отрасль промышленности, уступая первое место скотоводству, которое требует гораздо менее труда со стороны поселянина...».²⁰ У мещан Минусинска в 1829 г. в среднем на каждое домохозяйство приходилось до 50 голов разного скота, – немногим меньше, чем в хозяйствах кочевавших в окрестностях хакасов – качинцев.²¹

Наряду с домами «старинной» постройки Г. Пейзын уделяет внимание и новым строениям: «...в Минусинском округе домов новой постройки множество. Главная и как будто необходимая принадлежность нового дома – это большое венецианское окно и резьба на карнизах и окнах. Наружная форма этих домов более квадратная с низкими крышами... Фасад такого дома большей частью выходит на обширный двор... Со двора большое глухое крыльцо ведет во внутреннее жилье. Сени или разделяют дом на две половины или прямо с крыльца вход ведет в переднюю и далее в большие светлые комнаты, которых, смотря по состоянию хозяина, бывает от трех до семи; зал, гостиная, небольшая комната в роде буфета, спальня и, наконец, избы, где приготавливаются кушанья. Стены обшиты тесом или оштукатурены: окна большие, стеклянные».²²

Т. о., кроме традиционных «связей», крестьяне Минусинского округа строили в сер. XIX в. уже и многокомнатные дома крестовой планировки. То обстоятельство, что Г. Пейзын не упоминает о них, рассматривая дома «старинной» постройки, очевидно, говорит о том, что в бытность А.П. Степанова они встречались не часто. Характерно указание на распространение в зодчестве старожилов элементов городской архитектуры, таких как большие окна, резьба на карнизах, обшитые тесом стены домов.

Судить о планировке новых усадеб представленный источник возможности не дает. Очевидно, распространение крестовых домов в деревнях происходило параллельно с отказом жителей от дворов трехрядной застройки. На рубеже XIX – XX в. они уже не являлись здесь массовым типом. В основном получил распространение более характерный для средней полосы России двор П-образного плана с вынесенным «на зады» пригоном для скота.²³

Подведем итог: жилой комплекс енисейских старожилов складывался в перв. пол. XIX в. под влиянием северной и среднерусской традиций. Более всего угадывается влияние традиционной культуры Приуралья и Верхнего Поволжья. Бытовали несколько различных вариантов усадеб, наиболее распространенными из них, очевидно, являлись замкнутая трехрядная застройка (камско-вятский тип по определению Е.Э. Бломквист²⁴) и двор с клетью. Последний, на наш взгляд, мог сложиться в результате трансформации крытого двора двухрядной планировки. Вопрос о происхождении данных комплексов на Енисее, впрочем, требует дополнительного изучения.

Жилище местных крестьян представляло собой в основном установленную на подклете «связь» с горницей. Кроме этого, можно говорить о начале распространения в данный период в регионе многокомнатных домов сложного плана.

Примечания

- ¹ Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. С. 175.
- ² Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда (сер. XIX – нач. XX вв.). М., 1967. С. 147.
- ³ Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – сер. XIX в. Новосибирск, 1981. С. 111.
- ⁴ Русский Север. Этническая история и народная культура XII – XX вв. М., 2004. С. 226.
- ⁵ На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства. М., 1989. С. 98. Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири// «Советская этнография», 1975. №5. С. 38.
- ⁶ На путях из Земли Пермской в Сибирь... С. 99.
- ⁷ Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье// «Советская этнография», 1956. №3. С. 67.
- ⁸ Этнография русского крестьянства Сибири... С. 107.
- ⁹ Шелегина О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в.... С. 34.
- ¹⁰ Степанов А.П. Указ. соч. Там же.
- ¹¹ Там же. С. 176.
- ¹² Щукин Н. Минусинский округ// «Журнал Министерства Внутренних дел», 1856. Ч. 18. С. 12 – 13.
- ¹³ Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Каннского округов Енисейской губернии (Из путевого журнала 1857 г.)// «Живая старина», 1913. Вып. 3. С. 310.
- ¹⁴ Там же. С. 314.
- ¹⁵ Русские. Историко-этнографический атлас... С. 147 – 148.
- ¹⁶ Липинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири... С. 37. Вагнер Г.К. Указ. соч. С. 58.
- ¹⁷ Н. Щукин Быт крестьянина Восточной Сибири// «Журнал Министерства Внутренних дел», 1859. Февраль. С. 32. Гагемейстер Статистическое описание Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 115.
- ¹⁸ Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М., 1990. С. 129. Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов... С. 61.
- ¹⁹ Липинская В.А. Указ. соч. С. 37 – 38.
- ²⁰ Ватин В.А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1916. С. 89
- ²¹ Там же С. 107.
- ²² Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Каннского округов Енисейской губернии... С. 314 – 315.
- ²³ Ащепков Е.А. Русское народное зодчество Восточной Сибири. М., 1953. С. 44.
- ²⁴ Майничева А.Ю. Развитие традиционного жилища русских крестьян Западной Сибири// Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 122.

Раздел III. АРХЕОЛОГИЯ

Т.А.Ключников,
г. Минусинск

К вопросу о датировке писаниц Нижнего Приангарья (на примере анималистических изображений)

К анималистическим, в данном случае, относятся все законченные, либо частично сохранившиеся изображения фигур животных, а также неполные т. н. парциальные их изображения.

В анималистическом искусстве древней Сибири наиболее распространенными образами являлись изображения таких зверей как: кабан, бык, лошадь, козел, олень, лось, т.е. в основном копытные. В наскальном искусстве Нижнего Приангарья ситуация аналогичная: здесь наиболее популярными являлись изображения лосей (олений), реже – быков, медведей, помимо этого есть ряд рисунков, которые пока не удалось отождествить с каким либо видом животных, вероятнее всего это мелкие млекопитающие. Исходя из этих данных, в этой работе, мы обратимся, прежде всего, к анализу изображений копытных животных образы, которых, по сравнению с ихтио- и орнитоморфными изображениями, являются доминирующими на писаницах Нижнего Приангарья.

К эпохе неолита, по нашему мнению, относятся изображения лосей (сохатых) со следующих памятников: Мурский порог, Мурожный камень, Манзя. Это контурные, статичные или динамичные фигуры сохатых, выполненные в реалистической манере. Вопрос о выделении неолитических петроглифов в Средней Сибири вообще и в Нижнем Приангарье в частности, до сих пор остается дискуссионным. На сегодняшний день у нас нет четких, бесспорных оснований для соотнесения указанных изображений с эпохой неолита. В данном случае мы вынуждены опираться только на косвенные данные – относительную хронологию и стилистические особенности образа. Исходя из наблюдений за палимпсестами, выяснилось, что данные изображения наносились на первичную, не занятую другими рисунками поверхность. Кроме того, трактовка образа сохатого – крупные, реалистичные, изображения, показанные статично либо динамично, выполненные в контурной технике, возможно, говорит об архаичной традиции.

Возможно, к эпохе неолита относится и фигура лося с писаницы Нижний Брат. Данное изображение не имеет пока аналогов в наскальном искусстве Нижнего Приангарья, но имеет определенные параллели в петроглифах Шишкинских скал и Минусинской котловины и возможно датируется в широких рамках от неолита до ранней бронзы.

Эпохе энеолита – ранней бронзы, на наш взгляд, соответствуют реалистичные изображения копытных, отличающиеся динамичностью образа и силуэтной манерой исполнения. От неолитических, их отличают меньшие размеры, статичность, силуэтная манера исполнения. В композициях они сочетаются с антропоморфными фигурами в личинах-масках датируемых эпохой ранней бронзы. Учитывая сохраняющуюся реалистичность, возможно, предположить, что данный изобразительный стиль продолжал местные неолитические традиции.

К этому же периоду относятся контурные, статичные изображения, животных выполненные в реалистической манере. Внутри контура данные изображения рассечены вертикальными или взаимопересекающимися, диагональными линиями, в ряде изображений животных угадывается образ быка.

Отделение головы от туловища (силуэтное выделение), соседство в композициях с личинами окуневского типа, наличие образов характерных для более южных регионов наскального искусства (бык) возможно, свидетельствует о влиянии Окуневской изобразительной традиции. Все это позволяет датировать данные изображения эпохой энеолита – ранней бронзы (кон. III – нач. II тыс. до н.э.). Учитывая, что

проникновение образов происходило в значительных временных рамках, можно предположить существование данных изображений и в более позднее время.

К эпохе развитой бронзы мы относим изображения, выполненные в т.н. «скелетном стиле». Данные изображения, отличаются большой стилизацией и схематизацией образов. Фигуры животных имеют удлиненное, подтреугольной формы туловище, равномерно разделенное внутри вертикальными линиями, конечности опущены вниз. Видовой состав животных, как правило, трудноопределим из-за сильной схематизации. Все эти стилистические особенности характерны для изображений эпохи развитой бронзы в петроглифах Южной Сибири и возможно укладываются в хронологические рамки с середины 2 до начала 1 тыс. до н.э.

К эпохе поздней бронзы – раннего железного века, на наш взгляд, относятся изображения стилизованные, силуэтные, динамичные фигуры животных, туловище которых имеет трапециевидную форму, а также, контурные, статичные изображения животных, туловище которых имеет сегментовидную форму. По своим стилистическим особенностям они имеют аналогии с петроглифами эпохи поздней бронзы Среднего Енисея.

Для следующей группы изображений характерны элементы тагарской изобразительной традиции: древовидные рога оленей изображение луков «скифского» типа, поза внезапной остановки некоторых животных, изображения людей, характерные для наскального искусства тагарской эпохи. Ряд изображений имеет прямые аналогии с петроглифами Среднего Енисея датируемыми исследователями переходным, тагаро-таштыкским временем (Советова).

Т. о., не исключается влияние на наскальное искусство Приангарья, в эту эпоху, тагарской изобразительной традиции. Следовательно, нижней датой создания этих изображений может являться рубеж 1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э.

Наиболее поздней, по нашему мнению, является композиция с писаницы Усть-Кова. Данные изображения не могут быть выделены в отдельный тип т.к. других подобных рисунков в наскальном искусстве Нижнего Приангарья не обнаружено. Изображения всадников, выполненных в технике прочерчивания, имеют аналогии среди изображений Верхней Ангары и Прибайкалья, которые датируются исследователями эпохой средневековья (куруканские петроглифы).

Литература

1. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980 г.
2. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976 г.
3. Заика А.Л., Ключников Т.А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по итогам работ 2000 г.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001 г.
4. Заика А.Л. Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары). // Древности приенисейской Сибири, Красноярск, 2003 г., вып. 2.
5. Ключников Т.А., Заика А.Л. Образ лося в наскальном искусстве Нижней Ангары. // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000 г., т. 1.
6. Ключников Т.А., Заика А. Л. Позднейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Красноярск, 2001 г.
7. Ковтун И.В. Петроглифы Висящего камня и хронология Томских писаниц. Кемерово, 1993 г.
8. Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994 г.
9. Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее. // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980 г.
10. Леонтьев Н.В. К вопросу о хронологии петроглифов энеолита и бронзы. // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1995 г., Вып. 1.
11. Мартынов А.И. О датировке памятников наскального искусства Сибири. // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997 г. Вып. 2.
12. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА № 18, М.-Л. 1950 г.
13. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы.

М., 1972 г.

14. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.-Л. 1966 г.
15. Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары. Итоги работ 1937 г. // ВДИ, 1939 г., № 4.
16. Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений. // СА, 1973 г., № 3.
17. Пяткин Б.Н. Ранние петроглифы шалаболинских скал. // Археология Южной Сибири, Кемерово, 1980 г.
18. Савватеев Ю.А. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии. // СЭ, 1969 г., № 1.
19. Савинов Д.Г. Изображения эпохи бронзы курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово, 1993 г.
20. Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 1995 г.
21. Студзицкая С.В. Изображения лося в мелкой пластике лесной Евразии (эпоха неолита и ранней бронзы). // Изобразительные памятники. Стиль, эпоха, композиция. СПб, 2004 г.
22. Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987 г.
23. Формозов А.А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы на Енисее. // СЭ, 1967 г., № 3.
24. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. 1980 г.

2008

Д.Н. Лысенко, М.С. Баташев, З.Ю. Жарников, г. Красноярск
Т.А. Ключников, г. Минусинск

Археологические исследования на Нижней Тунгуске

В июне-июле 2008 г. по заказу администрации Красноярского края проводился мониторинг объектов культурного наследия, расположенных в Эвенкийском муниципальном районе, а конкретно в среднем и нижнем течении бассейна р. Нижняя Тунгуска. Целью работ являлась оценка технического состояния ранее обнаруженных объектов, выявление и учет новых памятников археологии и этнографии. В результате работ обследован участок реки от п. Кислокан до устья, протяженностью 1152 км, на котором выявлено 18 новых памятников археологии, осмотрены ранее известные объекты.

Датировка многих из них остается не известной из-за невыразительности полученных артефактов, большинство из которых являются продуктами расщепления камня, либо фаунистическими останками.

Кислокан. Стойбище Усть-р. В. Кислокан расположено на левом берегу р. Нижняя Тунгуска в устье р. Верхний Кислокан на 6 метровом террасовидном уступе ее левого берега. В шурфе на глубине 10-15 см, на стыке дернового гумусоаккумулятивного и темновато-бурого песчаного горизонта зафиксирован слой, относящийся к этнографическому времени. Археологический материал – железный черешковый нож с односторонней заточкой лезвия, оружейный кремень, колотые кости северного оленя. Памятник датируется этнографическим временем XVII – нач. XX вв.

Стоянка Кислокан 2 расположена на правой 15-ти метровой песчаной террасе р. Нижняя Тунгуска на ЮЗ оконечности старого кладбища поселка, в 0,67 км ниже по течению от п. Кислокан. На местах техногенных разрушений собран многочисленный подъемный материал в виде отщепов и пластин, а так же фрагментов гладкостенной керамики.

Стоянка Усть-Мамякан находится на правом берегу р. Нижняя Тунгуска в устье р. Мамякан (1113 км. от устья) на 6-метровом террасовидном уступе ее левого берега. В шурфе на глубине 15-20 см от дневной поверхности обнаружены отщепы и зуб оленя. На месте стоянки зафиксированы развалы хозяйственных конструкций эвенкийского стойбища: заваленное чумище, каркасы палаток, кострища, загон для оленей, погреб.

Стоянка Верхний Кочечум расположена на левом берегу р. Нижняя Тунгуска (1076 км от устья). Памятник находится на высокой 18-метровой террасе р. Нижняя Тунгуска. В выворотах деревьев собраны отщепы, пластины, крупные сколы из песчаника, отбойник и мелкие кальцированные кости.

Тура. Зимовье Кирамки 1 расположено на 15-метровой левобережной террасе р. Нижняя Тунгуска (929 км от устья). Ниже по течению (на северо-запад) в 0,5 км находится устье р. Кирамки. На расстоянии 60 м от края террасы, на небольшой возвышенности, обнаружены остатки оклада избы Зимовье по внешнему виду может датироваться XIX – нач. XX вв.

Стоянка Елокан 1 расположена на правом берегу р. Нижняя Тунгуска в устье безымянного ручья (902 км. от устья), на 6-метровом террасовидном уступе его левого берега. В шурфе на глубине 20-40 см от дневной поверхности, зафиксированы колотые жженые кости.

Стоянка Усть-Кочечум 1 находится на правом берегу в устье руч. Баженов, правобережного притока р. Кочечум на 10-метровом террасовидном уступе. В шурфе зафиксировано два культурных горизонта: первый обнаружен на глубине 10-15 см, в слое супесчаного горизонта темновато-бурого цвета. Археологические материалы представлены колотыми костями северного оленя и датируются XVIII – нач. XX вв. Второй слой расположен на глубине от 55 до 60 см от дневной поверхности, в слое темновато-бурого супесчаного горизонта со слоистыми углистыми прослойками, в котором обнаружены отщепы из роговика.

Стоянка Усть-Кочечум 2 расположена в устье руч. Баженов (левый берег), правобережного притока р. Кочечум, на 10-метровом террасовидном уступе. На памятнике зафиксировано два культурных слоя. Первый залегает на глубине 10-15 см от дневной поверхности, из него получены колотые кости северного оленя. Пластина и отщеп найдены во втором слое, расположенном на глубине 70-80 см, в супесчаном темновато-буром горизонте.

Нидым. Стойбище Усть-Архип-Балаган расположено на правом приустьевом участке р. Архип-Балаган, правобережном притоке р. Нижняя Тунгуска (854 км от устья), на 12-метровом террасовидном уступе. На глубине 40 см, в слое светло-бурого песчаного горизонта с горизонтальными углистыми прослойками, фиксируются колотые кости.

Стоянка Усть-Дэлингдэ расположена на 12-метровом террасовидном уступе р. Нижняя Тунгуска на правом приустьевом участке р. Дэлингдэ (850 км. от устья). В песчаном слое на глубине 10 см обнаружены остатки глиняной, сильно оплавленной обмазки с фрагментом уплощенного венчика и колотыми костями северного оленя.

Стоянка Ганалчик-1 расположена на террасовидном уступе левого берега р. Нижняя Тунгуска, в 24 км западнее п. Нидым, рядом с ручьем, впадающим в р. Тунгуску водопадом со скального берега. В буром супесчаном слое на глубине 30 см были обнаружены фрагменты обожженных колотых костей и колотый камень из низкокачественного кремнистого материала.

Учами. Местонахождение 705 км расположено на левом берегу р. Нижняя Тунгуска в двадцати метрах от устья правого берега безымянного ручья и в ста метрах ниже по течению от знака 705 км. Неподалеку от знака, на каменистом пабереге, зафиксирован отщеп. Обследование края террасы находок не принесло.

Местонахождение 700 км находится на левом берегу р. Нижняя Тунгуска в районе 700-го километра, в километре на юго-запад от устья р. Виви. На каменистом пабереге под 22-метровым террасовидным уступом, было обнаружено 2 нуклеуса.

Местонахождение 650 км находится на левом берегу р. Нижняя Тунгуска в устье безымянного ручья, впадающего в двухстах метрах восточнее створов 650 км. Недалеко от устья ручья на пабереге найден отщеп.

Тутончаны. Стоянка 2 находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Нижняя Тунгуска, на левом приустьевом участке безымянного ручья; на западной оконечности п. Тутончаны. В зачистке, на глубине 10-15 см, в слое темновато-бурого песчаного горизонта, обнаружены отщепы и ножевидные пластины. На местах техногенных нарушений собран экспонированный на поверхность материал – скребки, наконечник стрелы, ножевидные пластины сколы и отщепы.

Стоянка Голомо 1 расположена на левом берегу р. Нижняя Тунгуска в устье р. Голомо (правый её берег), на оконечности шестнадцатиметровой мысовидной террасы. В шурфе на глубине 31 см обнаружены следы очага со жжёными костями и каменный скол.

Большой порог. Местонахождение Усть-Ерачимо 1 расположено на 12-метровой второй пойменной террасе р. Нижняя Тунгуска в устье р. Ерачимо (правый приток), на месте бывшей фактории Большой порог, где на данный момент расположена метеостанция и водпост. Вдоль бортов дороги собран подъемный материал – ретушированный вкладыш, пластины и отщепы.

Т. о., рассматривая топографию большинства вновь выявленных объектов в среднем и нижнем течении р. Нижняя Тунгуска, можно сделать вывод, что располагаются они на широких (до 30 м) террасовидных уступах (береговых валах), имеющих достаточно ровную поверхность. Площадь их невелика до 300 кв. м и ограничивается естественными геоморфологическими условиями – резкими понижениями в рельефе. Дальнейшие исследования по выявлению новых памятников в бассейне реки должны носить планомерный долгосрочный характер с учетом опыта работ на мерзлотных объектах соседних регионов, и, несомненно, дадут новые интересные результаты об истории и культуре древнего населения бассейна р. Нижняя Тунгуска.

Литература

1. Андреев Г.И. Исследования на Нижней Тунгуске // Археологические открытия 1965 года. – М., 1966. – С.83-84.
2. Андреев Г.И. Археологические исследования в Эвенкии // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск, 1969. – С. 188-189.
3. Андреев Г.И. Каменные изображения из Туры // Советская археология. – 1970. - №4. – С.168-172.
4. Николаев Р.В. Отчет о работе Северного отряда Южносибирской археологической экспедиции в июле месяце 1980 г. // Архив ИА АН СССР, Р. 1, №8368
5. Погудин В.А. Отчет об археологической разведке в Эвенкии в 1988 г. //Архив ИА АН СССР, Р 1.
6. Материалы рекогносцировочного обследования р. Нижняя Тунгуска // Техничко-экономический доклад о комплексном развитии всех видов транспорта Красноярского края до 1990 г. Раздел «Водный транспорт». – Ленинград, 1973. – С. 153.
7. Хлобыстин Л.П. Отчет о работах в зоне проектируемого водохранилища Туруханской ГЭС в 1983 г. //Архив ИА АН СССР, Р 1.

2008

О.В. Минор,
г. Новосибирск

Еще раз к вопросу о связи карасукских и хакасских украшений

Как известно, карасукская эпоха, существовавшая в XIII – VIII вв. до н. э. на территории Хакасско-Минусинской котловины – эпоха ярких и разнообразных украшений, найденных в женских, мужских и детских погребениях. Многие украшения находят свои аналоги не только в предыдущих (афанасьевская, окуневская, андроновская) и последующих (тагарская) эпохах, но и значительно позже. Настоящая статья посвящена рассмотрению связи карасукских и хакасских украшений.

А.Н. Липский один из первых указал, что существует связь некоторых украшений эпохи поздней бронзы, с хакасскими и гольдскими (нанайскими) украшениями.¹ Эти предположения он сделал после ряда раскопок карасукских погребений.² Так, во время раскопок карасукского могильника Федоров улус (погребение 9), А.Н. Липским было найдено нагрудное украшение в женском погребении. Это украшение он отмечает как аналогичное хакасскому.³ В связи с чем делает вывод, что «находки в Федоровском могильнике устанавливают новый вид женского нагрудного украшения, если не идентичного, то в значительной степени похожего на нагрудное украшение современных хакасских женщин – «мончих», представляющий собой одну или несколько ниток разноцветных бус, концы которых вплетались к косам».⁴ Также, найденную небольшую подвеску (погребение 10), он считает сережкой, которую можно сравнить с гольдской (нанайской) носовой сережкой.⁵

В раскопках карасукских погребений в г. Абакане (Ах Тигей) А.Н. Липский также находит связь позднебронзовых и хакасских, гольдских украшений. В одном из погребений (погребение 25) были найдены медные обоймочки и бронзовые заклепки, которые автор раскопок считает частью головного и нагрудного украшений или убора. Первый – он связывает с головной повязкой, которую носят гольдские (нанайские) и ульчские девочки, а нагрудное украшение – с хакасским женским «пого» или гольдским «лэлу».⁶

В следующих двух женских погребениях, у железнодорожного моста через Енисей и у Бейской шахты, А.Н. Липским были обнаружены женские нагрудные украшения, состоящее из обоймочек и остатков кожаной полоски, и заканчивающееся небольшим зеркалом.⁷ Данные украшения он сравнивает с пуговицей на хакасских костюмах и нагрудным хакасским украшением «мончих».⁸

Работая с отчетами и публикациями А.Н. Липского, можно заметить следующий момент: ни отчеты, ни публикации не содержат фотографий украшений и местоположения их в погребении. В них есть только рисунки и реконструкции данных находок. Автор не дает нам возможности увидеть фотографии этих предметов, заменяя, почему-то, их на рисунки.

В другом карасуком могильнике, раскопанным П.Г. Павловым, Сабинка II, среди погребального инвентаря найдены украшения нагрудников.⁹ Например, в захоронении взрослой женщины (могила 12) были обнаружены височные кольца, пуговица и украшения, составлявшие отделку нагрудника: свисающие ряды обойм, над ними низка из 15 аргиллитовых бус. Сам нагрудник собирался или крепился к одежде с помощью заклепки, обнаруженной в этом же погребении.¹⁰ Автор раскопок считает, что найденная бронзовая пуговица служила для застегивания ворота рубахи, а крупные височные кольца – украшением кос. В другом захоронении молодой женщины (могила 46) среди ребер найдено было не менее сложное нагрудное украшение. Так же, как и предыдущее, оно состояло из бронзовых обойм (95 экз.) и аргиллитовых бус (211 экз.).¹¹ В погребении ребенка (могила 75) под подбородком тоже найдены украшения нагрудника: полая двухъярусная бляшка и звенья вытянутых обойм, начинавшихся с небольшой конусовидной обоймы.¹²

Подобные украшения встречаются и в других могильниках этого времени. Так, например, в могильнике Карасук I в женском погребении (курган 19) обнаружено нагрудное украшение, изготовленное из 113 белых аргиллитовых бус, и аргиллитовой подвески, имитирующей раковину каури.¹³ В другом захоронении женщины (ограда 28, могила 1) на груди скелета найдено украшение из бронзовых трубочек и аргиллитовых бус, а на шее – имитации раковин каури.¹⁴ Еще в одном погребении этого могильника (ограда 48, могила 5) была захоронена женщина, около грудной клетки которой были обнаружены 164 цилиндрических аргиллитовых бусины, а у шейных позвонков была найдена бронзовая пряжка с 10 бронзовыми бусами и остатками шнура, на которые они были нанизаны.¹⁵ В могильнике у д. Быстрой в одной из могил (могила 1) найден нагрудник, состоящий из 76 бронзовых обоймочек.¹⁶ Очевидно, что в карасуцкое время нагрудные украшения, состоявшие из бронзовых обоймочек и двухъярусных бляшек, бронзовых или аргиллитовых бус, носили женщины и дети. Крепились эти украшения либо бронзовыми заклепками к одежде, либо это был кожаный ремешок, на который крепились обоймочки. Ремешок либо завязывался на шее, либо одевался на нее.

В наст. вр. на национальных хакасских праздниках можно видеть женские украшения, очевидно, уходящие корнями в эпоху поздней бронзы. Это так называемые серьги-подвески (ызырга), которые хакасские женщины прикрепляют к косам в области висков. Они изготовлены из медной проволоки с нанизанными на нее кораллами. К концу проволоки подвешивалась серебряная монета и кисти из цветного шелка или бисера.¹⁷ Такие серьги иногда на груди соединялись цепочкой между собой.¹⁸ Эти серьги-подвески можно сравнить с височными кольцами, являвшиеся распространенным украшением на всей территории Хакасско-Минусинской котловины еще с эпохи ранней бронзы.¹⁹

Рассмотрим еще два хакасских женских украшения. Одно из них это так называемый «мончих». А.Н. Липский утверждал, что нагрудное украшение карасуцких женщин – это прототип хакасского мончих.²⁰ Возможно. Ведь многие карасуцкие нагрудные украшения также состоят из бус, которые могли быть как бронзовыми, так и аргиллитовыми. Другое украшение – «пого». Изготавливается оно из бисера,

перламутровых бус или пластин и завязывается на шее кожаным ремешком. Можно предположить, что нагрудные украшения карасукского времени, дошли до нас и в виде пого: карасукские бронзовые обоймочки и двухъярусные бляшки, бронзовые или аргиллитовые бусы, уже постепенно с изменением технологии изготовления и появлением новых материалов, заменены в пого на бисер и перламутровые пластины. Скорее всего, именно карасукские нагрудные украшения, обнаруженные во многих погребениях, трансформировались в хакасские «мончых» и «пого», а височные кольца – в хакасские серьги-подвески «бызырга».

Часто в карасукских погребениях можно встретить раковины каури (*сургаеа moneta*), неизвестные ранее в Хакасско-Минусинской котловине, или их пастовые имитации. Они широко использовались как украшения не только карасукцами, но и в последующих культурах.²¹ В свою очередь, хакасы раковинами каури «чысланмас» расшивали пояса и нагрудники.²² Ими украшалась и шапочка хакасского шамана. Видимо, начиная еще с карасукской эпохи, раковины каури и их имитации были популярны. Традиция украшать одежду раковинами дожила до наших дней у хакасов. Они верят, что раковины обладают свойством притягивать душу ребенка. Поэтому используют их как оберег, пришивая к детской одежде, к пого и костюму шамана, проводивший обряд с женщиной, страдающей бесплодием.²³

Кроме этого, в захоронениях эпохи поздней бронзы встречаются бронзовые игольники «інеддірік». Они обычно свернуты из пластин и украшены косыми или горизонтальными линиями. Э.А. Новгородова относит игольники к карасукским украшениям, которые унаследованы от афанасьевской эпохи, и отмечает сходство карасукских и нганасанских игольников.²⁴ Хакасы тоже использовали игольник, в качестве подвесного украшения. Он прикреплялся с двух сторон шубы и украшался декоративным швом.²⁵ Значит, игольник являлся украшением, известным в Хакасско-Минусинской котловине еще с афанасьевского времени.

Т. о., карасукская культура, оставившая после себя огромное количество разнообразных украшений, которые находят аналоги в Центральном, Восточном Казахстане, Центральной Азии и стали прототипом для хакасских женских украшений.

Помимо вышесказанного, можно добавить, что многие карасукские традиции продолжают существовать сегодня и у других народов. Р.В. Николаев упоминает о том, что собранный материал по северным народам (энцы и нганасаны) указывает на параллели с карасукской культурой. Эти параллели проявляются в использовании каменных плит для сооружения погребальных камер, карасукская видоизменившаяся лапчатая привеска является украшением у нганасан и энцев, карасукский зигзагообразный орнамент распространен у нганасан и т.д.²⁶ Следовательно, на сегодняшний день, остались еще народы, сохранившие (возможно, лишь частично изменившие) карасукские традиции – это народы Севера и хакасы, живущие в Южной Сибири.

Примечания

¹ Липский 1963: 69, 72

² Липский 1956: 149; 1960: 86; 1963: 69, 72, 86

³ Липский 1963: 69

⁴ Там же: 86

⁵ Там же: 72

⁶ Липский 1956: 149

⁷ Липский 1964: 4; 1958-1959: 86

⁸ Липский 1963: 86

⁹ Павлов 1995: 47-56

¹⁰ Там же: 48

¹¹ Там же: 49-51

¹² Там же: 52

¹³ Грязнов, Комарова 1961: 11

¹⁴ Там же: 21-22

- ¹⁵ Грязнов, Комарова 1962: 32
¹⁶ Киселев 1937: 148
¹⁷ Минор 2007: 106
¹⁸ Патачаков 1982: 82
¹⁹ Минор 2007: 105
²⁰ Липский 1963: 86
²¹ Новгородова 1970: 150
²² Там же: 149
²³ Буруковский 1993: 12
²⁴ Новгородова 1970: 127
²⁵ Бутанаев 1996: 97
²⁶ Николаев 1959: 20-21

Литература

1. Буруковский Р. Каури // Уральский следопыт. 1993. № 7. С. 9 – 13.
2. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. 115 с.
3. Грязнов М.П., Комарова М.Н. Отчет о раскопках 1960 года. Л., 1961. 40 с. (Архив ИА РАН: Р-1, № 2203).
4. Грязнов М.П., Комарова М.Н. Отчет Карасукского отряда о раскопках 1961 года. Л., 1962. 47 с. (Архив ИА РАН: Р-1, № 2483).
5. Киселев С.В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // СА. 1937а. № 3. С. 137 – 168.
6. Липский А.Н. Карасукские погребения (1200-700 лет до н. э.) в городе Абакане // Краеведческий сборник. Абакан, 1956. С. 149.
7. Липский А.Н. Отчет Хакасского областного музея о раскопках 1958-1959 гг. Абакан, 1960. 98 с. (Архив ИА РАН: Р-1, № 2119).
8. Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 69 – 86.
9. Липский А.Н. Отчет о раскопках 1963 года карасукского погребения с «ПНН» у ж/д моста на р. Енисей. Абакан, 1964. 16 с. (Архив ИА РАН: Р-1, № 2651).
10. Минор О.В. Височные кольца карасукского времени: вопросы атрибуции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т.6, вып. 3: Археология и этнография. С. 105 – 106.
11. Николаев Р.В. Карасукская культура на севере Красноярского края // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Вып. 3. Томск, 1959. С. 19 – 21.
12. Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970. 191 с.
13. Павлов П. Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 47 – 56.
14. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан, 1982. 95 с.

2008

**А.И. Морозова,
г. Абакан**

Сравнительный анализ комплекса украшений классического карасукского и каменноложского (лугавского) этапа

Исследование по данной проблематике проведено на базе комплекса украшений, встречающихся в карасукских погребениях, обнаруженных на территории Хакасско-Минусинской котловины, с использованием материалов наиболее полно исследованных и опубликованных могильников (Арбан I, Малые Копёны III и Терт-Аба).

По вопросу о происхождении, хронологии и периодизации карасукской культуры существуют различные точки зрения исследователей. Наиболее подробно история их изучения и интерпретации изложены в работах Э.А. Новгородовой, Н.Л. Членовой, Э.Б. Вадецкой, П.Г. Павлова. В последние годы активизировались сторонники выделения отдельной лугавской культуры в эпохе поздней бронзы.¹ Точка зрения о выделении самостоятельной лугавской культуры разделяется и И.П. Лазаретовым, но истоки ее он видит иными, чем в интерпретации Н.Л. Членовой. По мнению Лазаретова, лугавская культура более поздняя, чем карасукская и является самостоятельным явлением, но в ней присутствуют и элементы классического карасука.

Д.Г. Савинов и А.В. Поляков считают, что разногласия между исследователями сводятся к определению «удельного веса» двух основных компонентов в составе памятников поздней бронзы Минусинской котловины – местного (карасукского) и пришлого (инокультурного).² По материалам исследованных ими погребений могильника Арбан I, исследователи пришли к выводу о наличии ряда инновационных элементов в каменоложском культурном комплексе, что указывает на его трансформацию и «отрыв» от карасукской основ.³ Все могилы разграблены, поэтому предметы, найденные в погребениях могильника Терт-Аба немногочисленны и не дают полного представления об их первоначальном назначении и количестве, но и они позволяют сделать определенные выводы об особенностях мужского и женского инвентаря, подтвердить сделанные ранее предположения о выделении различных видов предметов по их принадлежности разнополюм погребенным. На женские погребения указывают такие предметы, как вплетавшиеся в волосы височные кольца разной величины, которые находились от одного до четырех с каждой стороны головы; нагрудники, состоящие из двухъярусных полых бляшек и прикрепленных к ним свисающих прямоугольных, квадратных и узких обойм или квадратных пронизок с овальными выпуклостями на лицевой стороне; бляха-зеркальце; крупная полусферическая бляшка с двумя отверстиями для крепления по краям; массивные браслеты, украшавшие запястья рук; мелкие бляшки-заклепки, служившие либо для украшения одежды в районе пояса, либо украшавшие сам пояс; двухъярусные и трехъярусные полые бляшки, многоярусные литые бляшки, лапчатые подвески, бусы из белого минерала. Наличие конических обойм и трубчатых пронизок, которые встречаются в женских погребениях, является более исключением, чем правилом. В нескольких могилах найдены ножи и их фрагменты, шилья. Как правило, нож с шилом находится на поясе с правой стороны. Видимо, они помещались в один чехол, который нередко был украшен нашивками. В погребении 22 это были двухъярусные полые бляшки, которые крепились в верхней части чехла. В тоже время необходимо отметить отсутствие в женских погребениях перстней или колец на пальцах рук. Косвенным указанием на то, что в ряде погребений они были, могут служить следы окислов бронзы на фалангах кистей. Единственный перстень был найден в «ограде» 46 – погребение лугавской культуры.

Как в женских, так и в мужских погребениях найдены небольшие по диаметру кольца-серьги и пуговицы. Для мужских погребений характерны находки трубчатых пронизок и бус. Встречающиеся квадратные и узкие обоймы, полусферические бляшки можно рассматривать как исключение из правила. Очевидно, что ожерелья из трубчатых пронизок и бус являлись мужскими украшениями.

Состав предметов, найденных в погребениях подростков и детей практически ничем не отличается от вещей, найденных в могилах взрослых. Курганный могильник Малые Копёны 3 расположен на надпойменной террасе долины Енисея.⁴ Ограды на карасукском могильнике Малые Копёны 3 преимущественно прямоугольные, сооружены из плит розового песчаника. В могильнике Малые Копёны 3 украшения составляют отдельный комплекс, остальные вещи не образуют значительных серий.

Во многих могилах найдены височные меднопроволочные привески, бусы из аргиллита и меди, медные пронизки. Они отличаются только по размеру, а устройство их одинаково, поэтому они не могут быть подразделены типологически.

В четырех могилах найдены медные пуговицы. Они представляют собой медные полусферические бляшки с дужкой на обороте и чаще всего встречались смещенными, что затрудняло понимание их назначения. Но в 1972 г. в Усть-Кандырле Бейского района при раскопе раннетагарского кургана были найдены височные в два с половиной оборота серьги из тонкой проволоки круглого сечения. Посредине

могилы был найден карасукский перстень из широкой плоской пластины со щитком, имитирующим две полушарных бляшки, выступающие в противоположные стороны от края пластинки. Характерной особенностью этого щитка является то, что с оборотной стороны в нем имеется сплошное удлиненное не очень правильное прямоугольное углубление, тогда как обычно оборотная сторона щитка бывает гладкая посередине, а углубления соответствуют выступам. Прием изготовления сплошного углубления указывает на упрощение метода отливки, связанное с массовой выделкой подобных перстней, и на забвение первоначальной технологии производства, когда поперек охватывающей палец пластины припаивалась двойная полушарная бляшка небольшого размера, какие часто находятся в классических карасукских могильниках.

На костях стопы были найдены 25 «пуговиц» диаметром меньше 1 см. Этот вид пуговиц служил украшением обуви или в качестве застежек – настоящих пуговиц. Сделаны они были способом литья, а дужки припаивались. В карасукских могилах редко встречаются гребни. Они все из кости (рога), зубцы крупные. Один из них имел циркульный орнамент (кружок с точкой). Для привешивания и постоянного ношения на рукоятке устроены прорези-щели. Браслеты имеют стандартную для карасукского времени форму. Их носили на руках, так называемые овручия. Они все литые, массивные, украшены орнаментами в виде точечных рисунков и завитков. Любопытно, что один браслет, первоначально отлитый в виде полосы, загнули, разумеется, ошибочно в обратную сторону. Орнамент оказался внутри. Медные фигурные бляхи носили на груди на одежде или вплетали в косы. Они встречаются редко, но очень характерны для карасукского инвентаря. Такова массивная литая круглая бляха с шестью мелкими пуговками, прилитыми в ней с боков, четырехугольная из могильника Медведка. Также встречаются лапчатые привески. Э.А. Новгородова относит их к афанасьевскому наследию в карасукской культуре и доказывает их центральноазиатское происхождение.⁵ Обратимся к материалу могильника Арбан I. Среди погребений, находящихся на его территории выделяются те, которые по своему инвентарю представляют собой классический этап, и часть захоронений относится к каменоложскому этапу. Инвентарь каменоложской части могильника заметно малочисленнее и более унифицирован по сравнению с его «классической» частью. Здесь исследователи отмечают явные различия на разных этапах культуры, которые выражаются в особенностях орнаментации керамики, характеру изготовления ножей, а также встречаются украшения, которые являются маркирующими для определенного этапа развития культуры. К таким вещам относится прежде всего шестилепестковая бляха, аналогии которой встречаются только в погребениях каменоложского этапа⁶. Не менее характерны для этого времени треугольные нашивные бляшки с отверстиями по краям. Датирующее значение имеет также бронзовая пуговица, на обратной стороне которой вместо традиционной петельки, бытовавшей в течение продолжительного времени, припаяна перемычка. При сравнении комплекса украшений на территории могильников Терт-Аба и Малые Копёны III мы выяснили, что с переходом от классического этапа к каменоложскому происходит эволюция данного комплекса памятников. Это прослеживается в изменении и упрощении способов изготовления украшений. В качестве примера можно привести изменение способа отливки перстней, его упрощение и забвение первоначальной технологии производства в связи с массовой их выделкой.

Изменение способа изготовления украшений, а также их форм на каменоложском этапе карасукской культуры, может подвести нас к выводу о проникновении инокультурных элементов на классическом этапе культуры, что привело к ее трансформации, выразившейся также и в изменении конструкции погребений и формировании собственного обряда на уровне развитого и позднего каменоложского этапа. Т. о., мы считаем, что каменоложский этап возник под влиянием инокультурного компонента, но его истоки пока нами не установлены. Об этом свидетельствуют такие типы украшений, как шестилепестковая бляха, аналогии которой не встречаются на классическом этапе.

Примечания

¹ Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии .М., 1991. С. 143-180.

² Поляков А.В., Савинов Д. Г. Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины). // Археологические вести. Выпуск 14. – С.62.

³ Там же. – С. 63.

⁴ Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копёны 3. – М., 1985. – С. 12.

⁵ Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. Центральная Азия и карасукская проблема. – М., 1970. – С. 46.

⁶ Там же. – С. 32.

Литература

1. Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. – 302 с.
2. Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копёны 3. – М., 1985. – 97 с.
3. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. Центральная Азия и карасукская проблема. – М., 1970. – 243 с.
4. Павлов П. Г. Карасукский могильник Терт-Аба. – С-Пб., 1999. – 110 с.
5. Поляков А. В., Савинов Д. Г. Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины). // Археологические вести. Выпуск 14.

Приложение

Тип украшения	Материал изготовления	Способ изготовления, параметры	Поло-возрастная принадлежность	На каком этапе карасукской эпохи встречаются
Височные кольца	Бронза	Литье	Женские	На протяжении всей эпохи
Кольца-серьги	Бронза	Литье	Мужские, женские, детские	На протяжении всей эпохи
Трехлапчатые подвески	Бронза	Длина 3-5 см. Литье	Женские, детские	На протяжении всей эпохи
Бляшки (большие пуговицы)	Бронза	Диаметр 2-5 см. Литье, дужки припаявались	Женские	На протяжении всей эпохи
Большие бляхи с мелкими пуговицами	Бронза	Литье бляхи, затем приливались пуговицы	Женские	На каменоложском этапе
Бляшки-заклепки	Бронза	Литье	Женские, мужские, детские	На протяжении всей эпохи
Многоярусные литые бляшки	Бронза	2-5 см. Литье	Женские	На протяжении всей эпохи
Бляшки-зеркальца	Бронза	Диаметр от 4 до 12 см. Литье	Женские	На протяжении всей эпохи
Трубчатые пронизки	Бронза	Диаметр ок. 1 см, длина ок. 4 см. Литье	Мужские	На протяжении всей эпохи
Квадратные пронизки	Бронза	Диаметр ок. 1 см., длина ок. 1 см. Литье	Женские	На протяжении всей эпохи
Бусы из минерала	Аргиллит	Диаметр ок. 1,5 см. Шлифование	Женские, детские	На протяжении всей эпохи
Бусы бронзовые	Бронза	Диаметр ок. 1 см. Литье	Мужские	На протяжении всей эпохи
Пуговицы	Бронза	Диаметр 1,5-2 см. Литье	Женские, мужские, детские	На протяжении всей эпохи
Перстни двуконические	Бронза	Диаметр 2-2,5 см. Литье пластины, припаявание к ней двойной полушарной бляшки	Женские, мужские	На классическом этапе
Перстни литые	Бронза	Диаметр ок. 2 см. Литье	Женские, мужские	На каменоложском этапе

Браслеты (овручия)	Бронза	Диаметр 6-8 см. Литье	Женские	На протяжении всей эпохи
Нашивки	Бронза	Длина ок. 3 см. Литье	Мужские	На протяжении всей эпохи
Пряжка	Кость	Длина ок. 4 см. Шлифование	Мужские	На классическом этапе
Гребни	Кость	Ок. 6 см. Шлифование	Женские	На каменнолоожском этапе
Подвески из зубов животных	Зуб кабарги	Длина ок. 5 см. Шлифование	Женские	На классическом этапе

2008

М.Н. Пшеницына,
г. Санкт-Петербург

Основные итоги работ Красноярской археологической экспедиции

Пятьдесят лет назад в 1958 г. в Ленинградском отделении Института Археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) была организована Красноярская археологическая экспедиция, руководство которой было поручено доктору исторических наук, заслуженному деятелю науки РСФСР, лауреату Государственной премии СССР (1983 г.) член-корр. Германского археологического института (1984 г.) – выдающемуся российскому археологу, одному из ведущих специалистов по древней истории Сибири и кочевых племен степного пояса Евразии Михаилу Петровичу Грязнову. В течение почти 20 лет (по 1977 г. включительно) ежегодно в количестве от шести до девяти отрядов экспедиция работала по берегам Енисея и по некоторым его притокам в ложе проектируемого водохранилища Красноярской ГЭС, а с 1970 г. по берегам Красноярского «моря». Большая часть зеркала будущего водохранилища располагалась в пределах Минусинской степной котловины. В этом наиболее полно и детально исследованном в археологическом отношении районе Сибири, никогда ранее не производилось столь обширных раскопок...

Результатом работы экспедиции стало обогащение сибирской археологии огромным новым материалом по всем периодам истории древних племен Минусинской котловины, превышающим по своему объему все то, что было прежде известно. Было спасено для науки, открыто и изучено свыше 2500 памятников разных исторических эпох от палеолита до позднего средневековья. Успехи работ экспедиции во многом определила новая методика изучения различных погребальных памятников, разработанная М.П. Грязновым...

Экспедиции удалось разработать методику изучения и реконструкции первоначального вида каменных надмогильных сооружений. То, что прежде представлялось как каменная насыпь или круглые и прямоугольные выкладки, теперь предстает перед нами в виде каменных надмогильных оград точно установленной формы и размеров, а иногда эти сооружения удавалось реконструировать на месте.

Палеолитическим отрядом экспедиции (начальник – З.А. Абрамова) за годы работ в зоне водохранилища открыто около 50-ти новых палеолитических памятников различной значимости – от пунктов с единичными находками на поверхности до поселений с культурным слоем. Впервые в степной части Енисея произведены обширные раскопки пяти многослойных верхнепалеолитических стоянок на р. Таштык, близ д. Кокоревой и с. Новоселово. Большие серии каменных орудий, различных костяных изделий и украшений значительно расширяют представления об енисейском палеолите. В 1979 г. из печати выходит монография З.А. Абрамовой «Палеолит Енисея». В основу работы положены результаты исследований палеолитического отряда экспедиции (1960-1969, 1972, 1974, 1975).

По неолиту основные работы велись в нижней (северной) части водохранилища, в устье р. Бирюсы (начальник отряда Н.Н. Гурина). Раскопки культурных наслоений на большой площади очень полно охарактеризовали своеобразие енисейского неолита, заключающееся в переживании ряда палеолитических форм орудий и техники их изготовления. В степной части Енисея до сих пор почти не удавалось найти и

исследовать памятники неолита. Экспедиция произвела раскопки на двух стоянках, на р. Карасук и близ с. Батени, однако, полученный материал хотя и вполне выразителен, но все же беден. Интересно открытие двух неолитических могил. В могиле близ устья р. Сыды при скелете найдено пять каменных топоров, вкладышевый нож и другие костяные изделия. В пункте Карасук II могила в виде земляного плоского усеченного конуса, покрытого как бы панцирем из тонких плит была заключена в большой каменной квадратной ограде с выложенными по диагонали стенками. При погребенной женщине находилось большое число различных вещей: костяная фигурка медведя и множество украшений из зубов марала и соболя, причем только на украшения обуви употреблены зубы 260 соболей (М.Н. Комарова, 1958 г.).

Много нового дали исследования памятников афанасьевской культуры (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, А.А. Гаврилова, Л.П. Зяблин, Г.А. Максименков), особенно эталонных могильников Афанасьева гора (раскопано 35 могил) и Карасук III (исследовано 40 могил в 14 оградах), раскопанных полностью. После работ С.А. Теплоухова в 1920 и 1923 гг. это был первый случай комплексного исследования двух могильников эпохи энеолита в Минусинской котловине. Благодаря совершенству методики удалось пересмотреть ряд положений о конструкции древних энеолитических могил и реконструировать обряд погребения афанасьевцев (втор. пол. III тыс. до н.э.). Наблюдениями при раскопках устанавливается, что надмогильные сооружения представляли собой круглые ограды, сложенные из плитняка или составленные из вертикально поставленных плит... Характерно, что в центре ограды находилась большая квадратная могила (иногда две и даже три) с коллективным захоронением в ней нескольких человек разного пола и возраста. В той же ограде обычно находится еще несколько индивидуальных небольших могил. Случаи погребения в коллективных могилах не трупов людей, а обглоданных животными костей человека и ряд других наблюдений (могильник Карасук III) позволяют заключить, что в афанасьевское время практиковался обычай хоронить весной в одной общей могиле умерших зимой, а летом и осенью покойников предавать земле поодиночке, каждого в свое время... Тем самым устанавливается случайный состав погребенных в коллективных могилах и невозможность использования наблюдений над половозрастным составом в этих могилах для суждения о матриархальном или патриархальном строе семьи, как это ранее делалось исследователями афанасьевской культуры. Анализ антропологических материалов с применением корреляционных методов позволил воссоздать палеодемографическую ситуацию энеолитического периода и выдвинуть предположение о возможной системе социальных и семейных отношений древних обитателей этого региона – о полиандрии. В 1999 г. вышла книга М.П. Грязнова (под редакцией М.Н. Пшеницыной) «Афанасьевская культура на Енисее», посвященная в основном публикации эталонных памятников афанасьевской культуры, исследованных на Среднем Енисее. В книге дается типологический анализ памятников для решения вопросов их хронологии и культурно-исторической принадлежности, а так же очерк хозяйства, быта, социального строя, искусства и верований древнего населения Среднего Енисея в афанасьевское время.

Одна из наибольших удач экспедиции – это открытие и раскопки более 170 могил *окуневской культуры*. Этот малоизвестный период истории древних племен Енисея теперь выявлен как новая яркая и своеобразная археологическая культура, представленная обильным и выразительным материалом, главным образом из раскопок могильника Черновая VIII, исследованным Г.А. Максименковым в 1962-1963 гг. (раскопано 114 могил в 14 оградах). Ранняя пора бронзового века характеризуется здесь каменными топорами и стрелами, медными ножами, иглами и игольниками. Наряд погребенных с украшениями из зубов медведей и соболя указывает на крупную еще роль в хозяйстве охоты, а находки в могилах костяных острог – рыболовство. Особенно же замечательна большая серия произведений изобразительного искусства. Скульптурные головки женщин,.. костяные пластинки с выгравированными изображениями женщин, роговые предметы, декорированные фигурами зверей и другие подобные изделия находятся при погребенных.

По материалам могильника Черновая VIII Г.А. Максименков выделил новую окуневскую культуру. Монография «Окуневская культура» была защищена им в качестве докторской диссертации в 1975 г. В 1965 г. на правом берегу р. Сыда в бывшем с. Сыда М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой было исследовано 4 каменных ограды, содержавшие 45 могил, также относящиеся к окуневской культуре. В 1973-1974 гг.

М.Н. Пшеницыной на Сарагашенском увале у пос. Разлив была раскопана одна ограда, содержащая 11 каменных ящиков (пункт Разлив X). На плитах, образующих стенки каменных ящиков, а также на их покрытиях обнаружены антропоморфные и зооморфные изображения. Большой интерес вызывает находка в одной из могил амулета из рога лося, покрытого охрой. Аналогов этому предмету нет ни в одном окуневском захоронении.

Большой и новый материал получен по андроновской культуре. Исследовались три поселения, плохо сохранившиеся. Но могильники оказались интересными. Раскопки велись в пяти пунктах: Ярки I и II, Каменка II (С. Рахимов), Сухое озеро I (Г.А. Максименков) и Пристань I близ Новоселова (А. Аскарлов). Наиболее интересен могильник Пристань I, большая часть могил которого сохранилась в полной неприкосновенности. Некоторые могилы были даже не заполнены землей, и в одной такой могиле уцелели деревянная резная бадейка, берестяной туяс, расписанный черной краской, деревянная крышка от горшка, а также фрагменты головного убора и кожаной обуви с медными бусами...

Памятники *карасукской культуры* в ее классической форме исследовались в 11 пунктах. Раскопано не менее 1200 могил, в т. ч. в известном могильнике Карасук I, именем которого названа вся культура – 132 могилы (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, 1960-1963 гг.), в могильниках Малые Копены III – 285 могил (Л.П. Зяблин, 1962-1966 гг.), Сухое Озеро II – 562 могилы (Г.А. Максименков 1963-1968 гг.), Варча I – 50 могил (Г.А. Максименков 1972 г.), Кюргеннер I, II – 183 могилы (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова 1965-1966 гг.). Полученный раскопками большой вещевой материал существенных изменений в археологическую культуру не вносит, но представления о погребальных обрядах, архитектуре надмогильных сооружений неизмеримо расширяются, многие вопросы хозяйства, быта и социального строя карасукской культуры полнее освещаются, а в ряде случаев предстают в новом свете... В настоящий момент готовятся к изданию материалы раскопок могильников Карасук I, Кюргеннер I, II (М.Н. Пшеницына, А.В. Поляков, И.П. Лазаретов) и могильника Сухое Озеро II (редактор Э.Б. Вадецкая).

Второй удачей экспедиции надо считать открытие поселения и шести могильников *позднекарасукского времени* (X-VIII вв. до н.э. по М.П. Грязнову), названного М.П. Грязновым *каменноложским этапом* по поселению Каменный Лог I на правом берегу р. Карасук в Мельничном логу. На поселении раскопано пять больших землянок (М.Н. Комарова 1961-1963). Впервые исследованные на Енисее землянки эпохи бронзы дали нам большой и яркий материал для изучения хозяйства и быта позднекарасукских племен... Множество таких находок, как обломки литейных форм, глиняная посуда, разные заготовки, недоделанные и неудавшиеся предметы, фрагменты различных костяных изделий, зернотерки, бронзовые орудия и пр., дают наглядное представление о труде и быте обитателей землянок. Могильники каменноложского этапа исследованы в шести пунктах по р. Карасук (М.Н. Комарова, М.П. Грязнов – могильник Карасук IV, раскопано 54 могилы) (Л.П. Зяблин) и на р. Черновой (Г.А. Максименков). Раскопано более 80 могил, давших большую серию оригинальной керамики во многом еще сходной с классической карасукской, но отличающейся от нее обязательной полоской орнамента по верху горлышка... Каменноложский этап, представленный не только серией могильников, но и поселением с хорошо сохранившимися жилищами, может изучаться сейчас с такой полнотой и так разносторонне, как ни один другой период эпохи бронзы на Енисее.

Особо следует отметить раскопки двух эталонных могильников, исключительно важных для характеристики ранней тагарской культуры – ее баиновского (VII-VI вв. до н.э.) и подгорновского этапов (VI-V в.в. до н.э.) – Гришкин лог I и Подгорное озеро, начатые еще С.А. Теплоуховым. Исследования могильника Гришкин лог I, расположенного около с. Батени, были продолжены в 1958 г. М.П. Грязновым и окончательно завершены в 1960 г. Г.А. Максименковым. Могильник состоял из 26 групп оград, содержащих 85 могил, в которых было погребено 136 человек. Могильник интересен тем, что его вещевой материал принадлежит частью поздним формам баиновского этапа, частью формам, вполне характерным уже для следующего, подгорновского этапа... Материалы этого могильника позволили сделать интересные палеодемографические наблюдения. В 2003 г. под редакцией Э.Б. Вадецкой вышла книга Г.А. Максименкова «Материалы по ранней истории тагарской культуры», посвященная публикации трех полностью исследованных автором могильников: Гришкин лог I, Черновая I (1962 г., девять курганов) и Новая Черная

I (1965-1966 гг., двадцать два кургана). Датирует эти могильники Г.А. Максименков VI веком до н.э. Ценность монографии заключается «в детальном и комплексном анализе могильников, которые до сих пор остаются единственными полностью раскопанными среди раннетагарских, что позволяет не только судить по ним о материальной культуре, похоронной практике и верованиях населения, но и делать некоторые выводы о демографии и социальных отношениях».¹

В большом числе исследованы и курганы *подгорновского этапа* (VI-V вв до н.э), самая многочисленная группа памятников в степях Хакасии, встречающихся буквально на каждом шагу и издали видимых по высоким угловым камням могильных оград. Наиболее значительные раскопки произведены на Подгорном озере, именем которого назван этап. (А.В. Давыдова 1960 г., Г.А. Максименков 1961, 1966 гг.). В могильнике Подгорное озеро I было исследовано 37 оград, содержащих около 70 могил. Значительное количество курганов было раскопано на правом берегу Енисея в могильниках Каменка I (Я.А. Шер, 1963, 42 могилы) и Туран I (А.Д. Грач, 1963 г.). На левом берегу Енисея под горой Барсучиха в могильнике Барсучиха V М.П. Завитухиной было исследовано 9 курганов с двадцатью могилами в них (1961-1962)... В могилах при погребенных нашли серию бронзовых кельтов, что позволило уточнить вопросы их датировки, изучавшихся до сих пор только типологически из-за отсутствия находок кельтов в комплексах. Большое количество вещевого материала и наблюдения над погребальным ритуалом позволяют значительно расширить наши представления о культуре этого периода.

Давно уже внимание исследователей привлекали так называемые коллективные захоронения в курганах *сарагашенского этапа* (IV-III вв. до н.э). Было много раскопано могил с десятками погребенных в них людей, высказывались различные предположения о причинах, вызвавших устройство коллективных могил, но из-за отсутствия хорошо исследованных памятников этого рода все споры о них оставались беспочвенными. Экспедиция впервые произвела тщательные раскопки этих памятников. Наиболее значительные исследования курганов сарагашенского этапа произведены в могильниках Туран I, II, III, расположенных у подножия г. Туран на правом берегу Енисея (А.Д. Грач, 1963-1964 гг., 13 курганов) и в Малых Копенах III (Л.П. Зяблин, 1963-1965 гг., 7 курганов). С совершенной определенностью устанавливается, что это были склепы, вероятно, родовые, куда в течение некоторого времени хоронили одного за другим многих покойников, что отчетливо прослежено в неграбленных могилах у г. Туран и в могиле у пристани Новоселово, содержавшей более 90 человек (1963 г., М.Н. Пшеницына)... Во всех исследованных курганах найдена большая серия характерных бронзовых предметов – ножи, кинжалы, небольших размеров декоративные чеканы, нашивные оленные бляшки. Большое количество бронзовых изделий украшено фигурками зверей и птиц в скифо-сибирском стиле...

Особо следует остановиться на результатах раскопок группы курганов в двух могильниках, расположенных на левом берегу Енисея у пос. Советская Хакасия, исследованных в 1965-1966 гг. В могильнике Улуг-Кюзюр I (М.Н. Пшеницына), где раскопано 5 курганов, три из них относятся к сарагашенскому этапу тагарской культуры (IV-III вв. до н.э), два же других так же как и основная часть курганов в могильнике Кичик-Кюзюр I (М.П. Завитухина, 8 курганов) по размерам и устройству погребальных камер, по формам и орнаментации глиняных сосудов, типам бронзовых и костяных изделий (оружия и орудий труда) и украшений, количеству погребенных в каждой из могил относятся к переходному подгорновско-сарагашенскому типу памятников тагарской культуры, комплексы которого выделены в самостоятельный хронологический этап, названный биджинским (по М.П. Грязнову и М.П. Завитухиной). Т. о., эти курганы можно с одинаковым успехом считать и биджинскими и сарагашенскими, предварительно датируя их V-IV вв. до н.э. Это наглядный пример того, что определить конкретный этап памятников тагарской культуры иногда нелегко.

К сожалению, за малым исключением, основная часть всех выше охарактеризованных памятников подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры, а так же биджинского типа до сих пор не опубликованы. Необходимо, чтобы все эти материалы как можно скорее были введены в научный оборот.

Главными источниками для изучения культуры древних племен Минусинских степей в последние века до н. э. служат погребальные памятники – огромные одиночные курганы с земляными насыпями и массивными каменными стенами в их основании, а так же грунтовые могильники, состоящие из многих

отдельных могил. Все они характерны для завершающей фазы развития тагарской культуры и перехода к последующей, таштыкской, эпохе. Этот период на Среднем Енисее, именуемый тесинским этапом, охватывает два последних века до н.э и начало I века н.э (II-I вв. до н.э – нач. I в. н.э) (по М.Н. Пшеницыной).

В результате раскопок Красноярской экспедиции получен основной материал по изучению больших тесинских курганов – склепов. Четыре кургана раскопано М.Н. Пшеницыной на левом берегу Енисея в пунктах Барсучиха I (1967 г., 1970-1971 гг.), Разлив I, III (1974 г.) и на правом берегу Енисея у г. Тепсей – пункт Тепсей XVI (1976-1977 гг.). Еще один тесинский курган исследован в 1966-1967 гг. у с. Новый Сарагаш Г.А. Максименковым. В бревенчатом склепе погребали от 16 до 200 взрослых и детей. Умерших обычно укладывали на дощатом полу сруба или на подстилке из бересты, на спине с вытянутыми руками и ногами, иногда на боку. В кургане в п. Тепсей XVI погребенные в склепе лежали на полу и на двух ярусах дощатых «полатай».

Вторая группа памятников тесинского этапа – грунтовые могильники – представляет собой скопление от восьми до 100 и более могил, тесно расположенных на небольших площадках. Чаще это каменные ящики, реже – срубы или грунтовые ямы. В 1964-1967 гг. на правом берегу Енисея в пунктах Каменка III и V было исследовано два грунтовых могильника, состоящих из 122 могил (Я.А. Шер). Более 60% всех раскопанных могил составляли каменные ящики. В 1968, 1969, 1970, 1976, 1977 гг. в археологическом микрорайоне у г. Тепсей в п. Тепсей VII и п. Тепсей XVII полностью раскопан могильник, состоявший из 107 могил в виде срубов, грунтовых ям и глубоких ям с подбоем, вход в который закладывали большими плитами (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, Н.А. Боковенко, М.Н. Пшеницына)...

В 1979 г. вышла в свет коллективная монография «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» под общей редакцией М.П. Грязнова (авторы: М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков), посвященная полному изданию и детальному анализу результатов раскопок погребальных памятников одиннадцати последовательных культурно-исторических периодов, расположенных в археологическом микрорайоне у г. Тепсей на первой надпойменной террасе правого берега Енисея. Всего на Тепсее зафиксирован 21 пункт, где начиная с 1964 г. велись работы разведочного и спасательного характера. Систематические раскопки развернулись в 1968-1970 гг., а в 1975-1977 гг. осуществлялись работы в порядке археологического надзора за переработкой берегов водохранилища. Иногда древние могилы какого-либо одного времени образуют отдельные компактные могильники (Тепсей II, IX), а чаще один и тот же пункт служил кладбищем для населения в разные эпохи (Тепсей III, VIII). Наибольший интерес вызвали раскопки в пункте Тепсей III, где были открыты и исследованы памятники семи различных культурно-исторических периодов от энеолита до раннего средневековья. В 1968-1970 гг. М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой были исследованы два больших и один малый склепы, а так же 38 грунтовых могил и ямок с поминальными приношениями таштыкской культуры (I в. н.э – V в. н.э по М.П. Грязнову). В одном из больших склепов были найдены восемь уникальных деревянных планок с рисунками сцен героического эпоса.

В 1999 г. вышла из печати обобщающая работа Э.Б. Вадецкой по таштыкской культуре «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири». За эту работу она получила степень доктора исторических наук.

В пункте Тепсей XI рядом с таштыкским могильником Тепсей III находилась обособленная группа могил кыргызского времени...

Памятники кыргызского времени на Енисее исследованы также в Гришкином Логу на р. Карасук (Л.П. Зяблин, М.П. Грязнов 1958 г., 1960-1963 гг)... В двух пунктах – на р. Черновой и под г. Суханиха близ д. Потрошиловой – раскопаны могилы нач. II тыс., наиболее трудно находимые на Енисее (А.А. Гаврилова). Это были захоронения рядового кыргызского населения, в которых мужчины были погребены с седлом и уздой, женщины с ножом и скромными украшениями.

Наконец, в могильнике Черновая V вскрыта серия старых хакасских могил XVIII в. В деревянных колодах при погребенных находили медные христианские крестики берестяные табакерки (А.А. Гаврилова).

Все материалы раскопок Красноярской экспедиции переданы на постоянное хранение в отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Исключение составляют коллекции отряда Л.П. Зяблина (Малые Копены III, поселение Унюк, памятники кыргызского времени в Гришкином логу), который будучи сотрудником Института Археологии АН СССР (г. Москва) в целях подготовки их к изданию хранил в камеральной лаборатории института. В наст. вр. местонахождение коллекций Л.П. Зяблина неизвестно.

Несмотря на столь масштабный объем работ, проведенный Красноярской экспедицией по спасению археологических памятников в зоне будущего водохранилища Красноярской ГЭС, значительное количество курганов и поселений ушло если не навсегда, то на очень долгое время, под воду. Однако то, что сделано по исследованию скрытых под землей следов жизни человека древних эпох на Енисее, сохранит для науки бесценный исторический материал, изучением которого будут заниматься в течение многих и многих лет не только участники работ Красноярской экспедиции, но и другие исследователи древней истории Сибири.

Примечания

¹ Из предисловия отв. редактора Э.Б. Вадецкой, 2003 г., с.6

2008

О.М. Сазонова,
г. Новосибирск

А.В. Адрианов исследователь Шалаболинских петроглифов

Шалаболинская писаница имеет богатую историю исследования, первое упоминание о ней относится к тр. четв. XIX в., оно принадлежит Минусинскому окружному начальнику известному этнографу Н.А. Кострову, который и назвал данные петроглифы Шалаболинскими. С сообщения Кострова начинается изучение Шалаболинских петроглифов. Писаница изучалась, но копирование и фиксация петроглифов проводились выборочно в наиболее доступных местах.

В 1885 г., копирование шалаболинских петроглифов, проводил И.Т. Савенков, у него не было выработано методики снятия рисунков. Он зарисовывал наиболее доступные и понравившиеся ему изображения.

В нач. XX в. в Минусинской котловине свои научные изыскания проводит А.В. Адрианов. Это был многосторонне развитый человек: публицист, путешественник, историк, этнограф и археолог, занимался раскопками курганов, изучал наскальное искусство бассейна среднего и верхнего Енисея, работая акцизным чиновником, он все свободное время тратил на собирание археологического и этнографического материала.

Вот как Адрианов характеризует свою работу. «Я не задавался никакими широкими планами, поставив себе одну задачу – добросовестно собирать материал для тех, хорошо вооруженных знаниями археологов, которые используют этот материал».¹

В период с 1904 по 1910 гг. Адрианов проводит работы на Шалаболинской писанице. Впервые он посещает ее в 1904 г. в целях общего ознакомления с памятником.² В отчете 1907 г. Александр Васильевич отмечает характер и местонахождение писаницы, особо подчеркивает трудность ее осмотра, который возможно проводить только осенью, когда уровень воды в Тубе понижается и когда вдоль утесов становится возможным пройти.³

На 1910 г. приходится третье посещение А.В. Адриановым Шалаболинских петроглифов. В отчете за этот год, Александр Васильевич детально описывает географическое местоположение писаницы, ее протяженность.

Вот выдержка из его отчета. «Это одна из крупнейших по протяжению писаниц, какие я только знаю в наст. вр., на протяжении писаницы встречаются длинные перерывы, которые объясняются производящейся здесь в последние годы массовой ломкой камня. Часть писаниц, таким образом, уничтожена, а часть скрыта под осыпями мусора и под землей».⁴

В ходе работ на Шалаболино Адриановым было сделано 81 эстампаж и 23 фотографии.

В начале своей научной деятельности А.В. Адрианов, так же как и Савенков, зарисовывал изображения, но, уже начиная с 1902 г. начинает применять контактный способ снятия изображений.

Следует сказать, что эстампажный метод копирования наскальных рисунков не является изобретением Александра Васильевича. Впервые контактный способ «механического» копирования петроглифов был применен еще в 40-х гг. XIX в.

В ходе своих работ Адрианов развил и усовершенствовал методику эстампажного копирования рисунков, он копировал все подряд, не выбирал наиболее эффектных или лучше сохранившихся наскальных рисунков. Полученные им копии отличаются достоверностью изображения. Александр Васильевич копировал рисунки следующим способом: брал небольшой лист пористой бумаги, накладывая на небольшой участок писаницы. «Все не лучшие, а хорошие сорта пропускной, шведской бумаги, одинаково пригодны, – они воспринимают самые тонкие штрихи рисунка».⁵

В данный момент сделанные Адриановым копии хранятся в МАЭ, (музей археологии и этнографии им. Петра Великого) в 1949 г. К.В. Вяткина частично опубликовала материалы работ Адрианова.

Вот как М.А. Дэвлет охарактеризовала работу Вяткиной. «При копировании под эстампаж подкладывала лист бумаги, а затем по контуру изображений делала наколы тонкой иглой, которая протыкала насквозь эстампаж и бумагу под ним, после чего на бумаге можно было обводить намеченный абрис карандашом или тушью».⁶

А.В. Адрианов вывел петроглифоведение на качественно новый этап развития, он стал первым исследователем, предложившим и применившим на практике передовые принципы поиска и выявления петроглифов, которые не уступают современным.

Уже в нач. XX в. в своем письме председателю Московского археологического общества П.С. Уваровой, он указывал на необходимость помимо эстампирования, фотофиксации и описания известных петроглифов, проводить широкомасштабные разведочные работы с целью поиска новых писаниц. «... Дело в том, что археологи, в том числе и я, – писал он, – до наст. вр. жестко ошибались насчет качества и особенно количества такого материала как писаницы. Несмотря на все усердие и любовь к делу главного поставщика писаниц – Титова, в литературу попали лишь писанные скалы, мимо которых шли проезжие дороги, ... где на небольшой сравнительно грани утеса сгруппировано несколько фигур. При... осмотре соседних утесов оказалось, что они исписаны на протяжении несколько верст, снизу до самого верха... весьма часто писаницы находятся в вершине логов, на местах едва приступных, в глубине гор, где нельзя было жить за отсутствием воды, и несмотря на это... покрыты иногда сплошь, площади в несколько квадратных саженей».⁷ Еще 100 лет назад он отмечал, что необходимо осматривать все утесы, каждый скальный карниз, т.е. необходимо сплошное обследование, как на определенной территории, так и отдельном местонахождении.

А.В. Адрианов первым, стал применять практику раскопок петроглифов на территории писаниц: «... Мы пробовали откапывать землю у подножия утесов и находили писаницы, пробовали отмывать затянутые илом грани, очищать покрытые лишайником скалы и там находили прекрасно сохранившиеся фигуры. Лазание по утесам, осмотр гладких граней камня, где бы они ни находились, всегда вознаграждали наш труд...».⁸ Также Александр Васильевич начал применять принцип регистрации петроглифов. Римскими цифрами он обозначал каждый памятник в порядке их исследования, арабскими – номер копии (эстампа), снятой с плоскости. Каждому эстампу присваивался шифр – индекс. Кроме этого, Адрианов дублировал шифры, нанося их номера типографской краской на скальную поверхность, и отмечал дату исследования.

«Эти отметки, – писал Адрианов, – особенно полезны при рассеянных на большом пространстве фигурах, а также на курганных камнях в степях, где могильники рассеяны в большом числе. Эти отметки

не будут лишними и для будущих исследователей, которые пожелали бы проверить нашу работу и быстро в ней ориентироваться...».⁹

Судьба А.В. Адрианова трагична. В 1920 г., в годы красного террора, он был расстрелян, после расстрела его деятельность замалчивались. Принижался его вклад, как исследователя, разработанная им методика практически не использовалась.

Работы Николаева проведенные им совместно с В.К. Добрыниным на Шалаболинской писанице в 1957 г., уступают Адриановским копиям по качеству изображений. В отчете Р.В. Николаева за 1957 г. не указано, каким именно способом проводилось копирование петроглифов, но сравнивая эти копии с современными, видно, что копия Адрианова, более точна и информативна.

Реанимация методов снятия с петроглифов эстампажей была осуществлена в кон. 60-х гг. XX в. абаканским художником В.Ф. Капелько. В качестве копировального материала им была предложена микалентная бумага.¹⁰

Микалентный метод копирования практически повторяет методику Адрианова, разница между этими 2 методами лишь в том, что микалентная копия после снятия с изображения – это уже готовый вариант, а копию сделанную Адриановым еще нужно было переводить на бумагу с обратной стороны, получая как бы зеркальный вариант изображения.

Работы, которые в наст. вр. проводит на Шалаболинской писанице сотрудник КГПУ им. В.П. Астафьева А.Л. Заика, позволяют получить более детальную копию рисунка, по сравнению с работами Александра Васильевича. Плюсом является то, что на современном этапе, со скал Шалаболино наравне с выбитыми изображениями снимаются и гравированные, не такие объемные и практически не заметные на скале.

Т. о., еще в нач. XX в., Адриановым была предложена передовая технология фиксирования и работы с наскальными изображениями, никто до и долгое время после Адрианова не мог столь точно и достоверно скопировать изображение. Работая с его копиями можно найти как многие не сохранившиеся плоскости, так и отдельные рисунки. Благодаря этому эстампы А.В. Адрианова, хранящиеся в МАЭ, до сих пор можно найти и использовать для изучения петроглифов.

Примечания

¹ Адрианов А.В. 1916 г. С.1

² Адрианов А. В. 1904 г.- № 4.- СПб.,- с. 25- 33.

³ Адрианов А.В. 1908 г., № 8, с. 42.

⁴ Адрианов А.В. 1910 г., № 10, с. 47

⁵ Адрианов А.В. 1948 г. Д.55. Л.5.

⁶ Дэвлет М.А. 2004 г. с. 40 – 41.

⁷ Дэвлет М.А. 1996 г. с. 191 – 192.

⁸ Адрианов А.В. 1904 г.- № 4.- СПб.,- с. 32

⁹ Дэвлет М.А. 1996 г. с. 191

¹⁰ Капелько В.Ф. 1986 г. - с. 105-111

Литература

1. Адрианов А.В. К археологии западного Алтая. Из поездки в семипалатинскую область в 1911 г. Известия АК Вып.2 Пг.,1916 г. С.1
2. Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Изв. РКИСВА. – 1904 г.- № 4.- СПб.,- С. 25- 33.
3. А.В. Адрианов Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. Известие Русского комитета для изучения средней и восточной Азии, 1908 г., № 8, С. 42.
4. Отчет по исследованию писаниц Минусинского края А.В. Адрианова. Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1910 г., № 10, С. 47.
5. Адрианов А.В. Писаницы енисейской губернии //Архив МАЭС ТГУ.1948 г. Д.55. Л.5.

6. Вадецкая Э.Б. археологические памятники в степях Среднего Енисея // Л., «Наука», 1986 г. С. 180
7. Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово 2004 г. С.40 – 41.
8. Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII - нач. XX вв.). - М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1996 г., С. 191 – 192.
9. Заика А.Л. Отчет об археологических исследованиях на Шалаболинской писанице в 2007 г. // архив ИАРАН, Р-1, №...
10. Капелько В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка методов) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986 г. - С. 105-111.
11. Николаев Р.В. Отчет об исследованиях Шалаболинских петроглифов в 1957 г. Рукописный фонд ККМ.
12. Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия ВСОРГО Т. 17 № 3 – 4 . Иркутск, 1886 г.
13. Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Москва 1910 г.

2008

К.В. Тюндешева,
г. Абакан

Характеристика Тесинских погребальных памятников

В наст. вр. археологи, изучающие ранний железный век на территории Хакасско-Минусинского края, пришли к заключению, что собственно тагарская культура завершает свое существование на сарагашенском этапе, то есть примерно на рубеже III-II вв. до н.э. Именно с этого времени в степных и лесостепных районах Минусинской котловины наряду с коллективными захоронениями в склепах под большими земляными насыпями – курганами, которые являются продолжением позднетагарских культурных традиций, появляется новый тип погребальных памятников – захоронения в грунтовых могилах с устроенными в них каменными ящиками со своеобразным погребальным инвентарем. Былая целостность монолитной тагарской культуры нарушается. Причины этого явления еще далеко не ясны. В археологической культуре существуют различные точки зрения на интерпретацию погребальных комплексов посттагарского времени, за которыми прочно закрепилось название «тесинские», предложенные в свое время М.П. Грязновым.¹ Материалы тесинского этапа широко привлекаются исследователями при изучении вопросов, связанных с завершающим этапом существования тагарской культуры и проблемы происхождения таштыкской культуры.

Обобщив все известные материалы к 1960-м гг., Грязнов выделил их в тесинский этап тагарской культуры в Минусинской котловине и датировал II-I вв. до н.э. Последующее накопление и анализ материала привело к тому, что другие исследователи – Вадецкая Э.Б., Кузьмин Н.Ю. – пришли к выводу, что тесинские памятники характеризуют достаточно самостоятельное культурно-хронологическое явление. Цель нашей работы – рассмотреть гипотезу Э.Б. Вадецкой и Н.Ю. Кузьмина.²

Тесинская эпоха исследуется по погребальным памятникам, среди которых выделяют следующие две группы: 1) большие коллективные склепы под мощными земляными насыпями; 2) разнообразие грунтовых захоронений, образующие как самостоятельные, так и впущенные в насыпь тесинских, тагарских и более ранних.

Значительные изменения происходят в погребальном обряде. На смену коллективных родовых кладбищ приходят большие одиночные склепы под земляной насыпью, количество погребенных достигает 100 и более человек. Окончание долговременного функционирования подобного склепа обозначено его сожжением. Культ огня, таким образом, достигает своего кульминационного развития, что знаменует своеобразный переход от трупоположения к трупосожжению.

Количество погребального инвентаря на одного погребенного резко уменьшается, а сами бронзовые предметы типичные для предшествующего времени, миниатюризируются. Это своеобразные символы реальных прототипов. Иногда миниатюры приобретают новую форму (медалевидные бронзовые зеркала).³

Происходит затухание классического тагарского «звериного» стиля, появляются сильно типизованные оленьи бляшки, изображения кулана и лошади, птиц, изображения зверей в круге.

Синкретичный характер культуры отчетливо прослеживается в керамическом комплексе. Наряду с формами типичными для тагарского времени (чеканы, ножи, зеркала, стилизованные изображения оленей) резко возрастает количество специфических форм для сосудов культового назначения: многогранные, с небольшими выступами рогами по бокам, с четырьмя ушками и т.д. Интересны небольшие бронзовые сосудики в виде котелков с широкими горизонтальными ручками. Исследователи связывают их с проникновением идей зороастризма на территорию Южной Сибири.

В 1982 г. в одном из позднейших тагарских курганов (тесинского этапа) у д. Береш впервые у 60-ти скелетов сохранились детали конструкции манекена.⁴ Скелеты были заполнены и обернуты травой, обшитой кожей. Позвоночники скреплены с черепами прутьями, проложенными с двух сторон позвоночника. Один манекен удалось полностью реконструировать. На лицевой части его черепа вылеплена глиняная скульптура лица, с накладными бровями, выступающими скулами и массивным носом. Рот был чуть приоткрыт и видны зубы. Глиняная голова обшита грубой кожей, к которой пришит кожаный нос и сделаны прорезы на месте глаз. Обшивка сшита из мелких кусочков кожи швом через край. Края прорезей глаз загнуты внутрь (Вадецкая Э.Б). Состояние кожи не позволило определить, была ли небольшая прорезь на месте рта. Поверх кожи нанесена тонкая гипсовая маска со следами росписи. Мумия была в одеждах и в глиняном головном уборе с подлинной косичкой (Вадецкая Э.Б). Чёткое размещение погребённых в срубе, потолок которого был сплошь заставлен горшками, блюдами и свёрнутыми шкурами лошадей, не оставляли сомнения в том, что все имитации были погребены одновременно. Это подтверждали остатки драпировок стен и полога над покойниками, густо украшенных прилепленными глиняными орнаментированными бляшками. Камера была сожжена, органика обуглена.

После раскопок у д. Береш исследованы новые курганы с остатками «мумий». Десятки сохранившихся черепов, моделированных глиной и облицованных гипсом, найдены в 1983 г. у скелетов в кургане Новые Мочаги у д. Калы, три – в 1984 г. в кургане Лисий у д. Сабинки, пять черепов – в 2001 г. в кургане на территории г. Черногорска. А в 2004 г. в кургане у с. Белый Яр расчищено свыше двухсот наиболее ранних «мумий». У скелетов сохранились прутки внутри позвоночного столба, смесь разных трав и веточек в черепе, в областях груди и живота. Кости рук, ног, шейные позвонки и рёбра обмотаны жгутами травы. В отличие от поздних мумий, типа берешских, манекены обшиты не кожей, а, видимо, берёстой. Главное для реконструкции головы по черепу использована не глина, а тоже трава.

При осмотре патологоанатомом 15 черепов из Новых Мочагов и 5-ти из кургана Лисий (целых и фрагментов), а также антропологом 200 скелетов из кургана Белый Яр VI выяснилось, что во всех случаях были похоронены не мумифицированные тела, а скелетированные трупы, т. е. когда ткани разложились, но весь связочный аппарат и сухожилия ещё сохранились.

По мнению антрополога Громова А.В. (на материалах южных раскопок), наличие преемственности между тагарским и тесинским населением никогда не подвергалось сомнению. Интересно то, что тесинская серия из грунтовых могил, пожалуй, даже более сходна с тагарской, чем сборная тесинская серия, куда вошли материалы из склепов. Это говорит в пользу единства населения тесинского времени Минусинской котловины с точки зрения антропологического состава, что, впрочем, не исключает культурной дифференциации.⁵ Не следует забывать про то, что в хунно-сарматское время происходит активное проникновение нового населения с другими культурными традициями. Следовательно, антропологическая картина все же весьма противоречива. Безусловен европеоидный облик местного населения, тогда как пришлое – монголоидное.

Изменения в идеологической области погребальной обрядности связаны как с повышенной интенсивностью контактов на уровне непосредственных носителей культуры, так и с известной адаптацией к изменяющимся условиям жизни древнего населения. Тесинский этап предстает сегодня как самостоятельная и сложная эпоха, отразившая видимо, первое проникновение каких-то новых этнических элементов в среду тагарского населения Южной Сибири.

Проблема взаимоотношений пришлого и старого населения – одна из наиболее сложных и должна решаться из совокупности материалов всех типов тесинских памятников – склепов, склепов грунтовых могильников, впускных погребений.

Т. о., на основе вышесказанных данных мы склоняемся к мысли, что Вадецкая Э.Б. и Кузьмин Н.Ю. вправе высказать гипотезу о тесинских памятниках, в литературе представленных как тесинский этап, как самостоятельном культурно-хронологическом явлении.

Примечания

¹ Археология Хакасско-Минусинского края. – А., 2003. – с. 162

² См. работу Кузьмина Н.Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения погребальных памятников Хакасии.

³ Экспозиция зала «Скифская эпоха». – [электронный ресурс]. – режим доступа: www.museum@kemsu.ru – 04.12.2008.

⁴ Вадецкая Э.Б. Имитации мёртвых для продления их жизни. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. I. Барнаул, 2007. – [электронный ресурс]. – режим доступа: www.htm.ru . – 04.12.2008.

⁵ Громов А.В. К вопросу об антропологическом составе и происхождении тесинского населения юга Хакасии. – с.36

2008

Д.В. Шрам,
г. Абакан

Мумификация и татуирование на Горном Алтае в эпоху раннего железного века

Первые научные раскопки курганов этого времени на Алтае произвел известный ученый – археолог, этнограф, тюрколог В.В. Радлов в 1865 г. Он же впервые обнаружил подкурганную мерзлоту, обусловившую сохранность вещей, даже таких, как меховые одежды, шелковые ткани и многочисленные предметы, изготовленные из дерева и других органических материалов. В XX в. археологические исследования курганов знати скифского времени были продолжены Алтайской экспедицией под руководством С.И. Руденко, организованной бывшим этнографическим отделом Государственного Русского музея. Летом 1927 г. участники экспедиции во главе с М.П. Грязновым исследовали огромный каменный курган в урочище Шибге на р. Урсул. Наличие подкурганной мерзлоты в Шибинском кургане определило на многие годы исследовательские планы Алтайской экспедиции.

Исследование других курганов урочища Пазырык было осуществлено в кон. 1940-х гг. Институтом материальной культуры Академии Наук СССР при участии Государственного Эрмитажа, куда и поступили все материалы раскопок. В 50-х гг. XX в. Алтайская экспедиция раскопала в долинах Урсула и Каракола около сел Кулады и Туйакту (Тукета) еще четыре кургана скифского времени.

Исследование курганов пазырыкской культуры было продолжено в сер. 1960-х гг. За последние три десятилетия раскопками памятников данной культуры занимались С.С. Сорокин, А.И. Мартынов, В.Д. Кубарев, Д.Г. Савинов, В.А. Могильников, А.С. Суразаков, В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, В.А. Кочеев и др.¹

Обычай бальзамирования трупа умершего, без сомнения, был связан со стремлением предохранить его от разложения до момента захоронения. Между тем, рытье могильной ямы емкостью до 400 кв. м требовало значительного времени, а при мерзлой почве было и крайне затруднительно. В зависимости от сезона время от момента смерти до захоронения могло быть различным, и этим отчасти могли определяться различные приемы бальзамирования трупов умерших.

У мужчины, захороненного во втором Пазырыкском кургане, помимо извлечения головного мозга и внутренностей, на теле наблюдались многочисленные уколы и глубокие разрезы для введения в мышцы каких-то консервирующих веществ; разрезы тщательно зашиты.

Насколько можно судить по немногочисленным остаткам трупов, захороненных в Шибинском кургане, там, помимо трепанации черепа для извлечения мозга, возможно, извлекались и глаза, так как сомкнутые веки были сшиты. Удалялись не только внутренности, но и часть мышц, в частности ног, которые затем замещались какими-то растительными волокнами, после чего разрезанная кожа сшивалась.

У женщины из второго Пазырыкского кургана череп был трепанирован и по извлечении мозга черепная коробка была заполнена землей с мелким гравием. По удалении внутренностей брюшная полость была заполнена каким-то растительным материалом, но ни толченый купер, ни ладан как в данном случае, так и вообще при бальзамировании в Горном Алтае, по-видимому, не применялись. В противном случае купер был бы обнаружен по зеленому цвету окиси меди, обнаружен был бы и ладан, который, как и всякая смола, хорошо сохраняется.

Пример весьма впечатляющих татуировок обнаружен археологами в России на плато Укок в горах Алтая. В замерзших могилах, отнесенных учеными к IV в. до н.э., обнаружены тела «Вождя», «Воина» и «Принцессы». На каждое тело нанесены характерные татуировки, являвшиеся, по всей видимости, признаками сословного различия. В ближайшем соседстве с пазырыкцами проживали народы, у которых существовал обычай татуирования, правда имевший мало общего с пазырыкцами. У некоторых сохранившихся в погребениях Синьцзяна европеоидных мумий имеется татуировка на верхней части руки, на кистях, пальцах и спине в виде простых растительных орнаментов. Вероятно татуировка (а может быть, раскраска) была известна тагарцам минусинской котловины. Об этом могут косвенно свидетельствовать их расписные глиняные погребальные маски-лица.²

Одним из замечательных открытий экспедиции С.И. Руденко была татуировка на теле погребенного мужчины из второго кургана Пазырыка. Татуировка была выполнена с введением глубоко под кожу черного красящего вещества, видимо сажи. Изображены фантастические звери, имеющие самые разные элементы: рога, крылья, хвост, оканчивающийся птичьей головкой, клюв и т.д. Наколоты также фигуры горных баранов, кулана или осла, рыбы. По мнению автора раскопок, татуировка отмечала его знатное происхождение или его мужество, может быть и то и другое вместе. В то же время С.И. Руденко допускал, что все эти изображения имели какое-то магическое или чисто декоративное значение.

На теле погребенной в Укоке женщины татуировки присутствовали только на левой руке. Если брать во внимание её возраст (примерно 25 лет), вполне можно допустить, что проживи она еще столько же лет, с годами, с ростом её влияния среди своих соплеменников татуировки могли быть нанесены на правой руке, на спине и на поверхности ног.

Сходство татуировок на теле двух набальзамированных тел (фигуры баранов, оленей с клювом орла, хвостом кошек, ветвистыми рогами с птичьими головами на отростках), стиль и способ их нанесения, а также сама композиция в целом наталкивает на определенные размышления. Мужчина из Пазырыка и женщина из Укока возможно являлись или кровными родственниками или представителями одной касты жрецов.

Известно, что кочевники Центральной Азии рассматривали Вселенную разделенной по вертикали на три части: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). Обозначив Вселенную в виде мирового древа древние на зоологической (зооморфной) основе населили верхний мир – птицами, средний – копытами, нижний – рыбами. Но среди них были животные посредники, которые перемещаясь по стволу мирового древа, связывали все три зоны мироздания. Таковы грифоны – хищники.

Сравнение картин – татуировок на теле мужчины и женщины, во-первых позволяет утверждать, что схема мирового древа здесь соблюдена, а, во-вторых набор животных на теле женщины говорит, что она еще не полностью овладела подземным миром. Среди ее татуировок нет изображения типичных представителей нижней зоны. В данном случае это относится к рыбе. Хотя к тому же пятнистый хищник из семейства кошачьих не снабжен когтями, лапы его заканчиваются мягкими подушечками, в отличие от когтистых кошачьих на татуировках Пазырыкского мужчины.

Изображение баранов, на правой ноге мужчины, которые в стремительном беге уносятся в средний мир из океана Тайбады, где властвует рыба – чудовище и морской дракон.

Пазырыкцы, для которых татуировка вряд ли являлась чем-то необычным, достигли замечательного мастерства в нанесении рисунков на кожу. Количество изображений, место их нанесения, подбор образов, вероятно, зависели от пола, положения в обществе, социальных функций людей, которые подвергались татуировке (татуировались).

Только на трех из восьми известных мумий имелась татуировка, т.е. принадлежность человека к высшим слоям пазырыкского общества еще не была основанием для нанесения на его тело татуировки.

Примечания

¹ Тайны древних курганов Алтая (Пазырыкская культура): [Альбом]/[Сост. В.Э. Кыдыев].-Горно – Алтайск: Ак Чечек, 2000 г.

² Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, ИНФОЛИО-ПРЕСС, 2001 г.

Литература

1. Тайны древних курганов Алтая (Пазырыкская культура): [Альбом]/[Сост. В.Э. Кыдыев].-Горно – Алтайск: Ак Чечек, 2000 г.
2. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, ИНФОЛИО-ПРЕСС, 2001г.
3. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай)/ В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, А.В. Новиков и др., Отв. ред. В.И. Молодин. – Рос.Акад. Наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск, Изд-во Ин-та Археологии и этнографии СО РАН, 2004 г.
4. Членова Л.Н., «Феномен Алтайских мумий. Коллектив авторов, Новосибирск. 2004», Российская Археология, №1, 2003 г.

2008

Е.Ю. Аланд,
с. Таштып

Историография археологических исследований на территории Таштыпского района

Наиболее известным среди археологических памятников Таштыпского района является Малоарбатская писаница, расположенная на правом берегу р. Малый Арбат в 6,4 км. к ю-юв. выше по течению от с. Малые Арбаты. Писаница была открыта в сер. XIX в. И. Корниловым и в XX в. изучалась А.В. Адриановым, Л.Р. Кызласовым, Н.В. Леонтьевым и художником В.Ф. Капелько. Наиболее обстоятельное изучение памятника провел в 1969 г. Н.В. Леонтьев. Он разделил все рисунки на два хронологических пласта: 1) эпоха ранней бронзы; 2) этнографическое время. Первый представлен 15 изображениями антропоморфных ликов, второй – серией тамговидных и зооморфных изображений.

В 2009 г. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) провел новое археологическое изучение памятника (в рамках его музеефикации). Работы проводились под руководством Ю.Н. Есина. В ходе обследования были уточнены местонахождение памятника с привязкой к мировой системе координат, его границы, выделено 5 участков расположения изображений, все обнаруженные на скале изображения скопированы на прозрачную пленку, описаны и сфотографированы (идентифицированы и уточнены ранее известные, выявлены новые). Всего зафиксировано 81 изображение: 25 антропоморфных ликов эпохи ранней бронзы и 56 тамговидных и зооморфных изображений этнографического времени. Материалы изучения памятника переданы на хранение в рукописный фонд ХакНИИЯЛИ.

В 1947 г. А.Н. Липским, старшим научным сотрудником Хакасского областного краеведческого музея, были произведены раскопки 3-х средневековых хакасских погребений на старинном кладбище, расположенном на правом берегу р. Большой Арбат в 0,6 км к с-з. от ручья Матрос и в 3 км к с-з. от д. Большие Арбаты.

В 1952 г. им же был обнаружен древний медный рудник Бутрахты на р.Таштып, между г. Абазой и улусом Чиланы. Поперек самой крупной из выработок (длина около 50 м., ширина – до 10 м.) были заложены три траншеи, в которых обнаружен археологический материал: на глубине 3 м – каменные орудия (молоты, кайлы), ниже (3,5 м) – раздавленный скелет человека. По мнению Я.И. Сунчугашева,

данная горная выработка предварительно может быть датирована поздним карасукским временем или ранним этапом тагарской культуры.¹

В 1961 г. на правом берегу р. Таштып в районе д. Бутрахты на второй надпойменной террасе в 300 м к востоку от деревни Я.И. Сунчугашевым были собраны каменные артефакты в количестве 27 предметов, отнесенные ко времени неолита. Коллекция была передана в ХакНИИЯЛИ.²

В том же году Я.И. Сунчугашев осмотрел гору Пил, расположенную в 2 км к югу от улуса Чиланы. При осмотре была обнаружена воронкообразная яма диаметром 6 м и глубиной 1,4 м, заполненная обломками пустой породы. На расстоянии 50 м от ямы, в отвале современной разведочной канавы, был найден каменный молот с отбитым рабочим краем. Древний рудник, предположительно, датируется поздним этапом тагарской культуры (IV-III вв. до н.э.).³

В 1969 и 1974 гг. с целью поиска местонахождений каменного века, и прежде всего, поисков пещер с культурным слоем в долине р. Абакан в Таштыпском районе побывала З.А. Абрамова. Она совершила поездки от с. Таштып до п. Кубайка на р. Оне и по маршруту с. Таштып – с. Большая Сея – Нижний Шепчул – Верхний Матур. В результате был собран незначительный подъемный материал в 3-х пунктах: 1) у с. Арбаты расколота галька кремнистого сланца со следами сколов; 2) в с. Таштып при впадении р. Сеи в р. Таштып найдена галька со следами обработки; 3) на правом берегу р. Таштып между селами Таштып и Большая Сея найдено 5 сколов, на одном из них имеется ретушь.⁴

Археологические изыскания на территории Таштыпского района после длительного перерыва возобновились в 2001 г. В этот год отрядом Археологической лаборатории НИЧ Хакасского государственного университета была осуществлена разведка на территории 3-х районов Республики Хакасия, в т. ч. и Таштыпского, с целью поиска поселений неолита и бронзового века. В пределах Таштыпского района маршрут пролегал по правобережью реки Таштып от с. Верхний Таштып до с. Перевозное.

В результате на 5-7-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Таштып в 2 км к ю-в. от с. Сигиртуп выше впадения в эту реку ручья Танжуль было найдено два местонахождения каменного века, получивших наименование Сигиртуп I (в 0,3 км выше ручья Танжуль) и Сигиртуп II (непосредственно в устье ручья). На стоянке Сигиртуп I в 2002 г. был заложен небольшой раскоп площадью 10 кв. м.⁵

В 2005-2006 гг. Аскизский отряд Хакасской археологической экспедиции, действовавший при Министерстве образования и науки Республики Хакасия, под руководством В.С. Зубкова, развернул полевые исследования в долине р. Большой Арбат.

В 2005 г. разведочным маршрутом, с целью поиска археологических памятников в диапазоне от каменного века до средневековья, пройден участок долины р. Большие Арбаты от ее устья, где на левом берегу расположено с. Малые Арбаты и далее вверх по течению реки до впадения в нее левого притока р. Киргинжуль. В результате разведки выяснилось, что наиболее перспективным является правобережный участок долины этой реки, протяженностью 4 км от с. Малые Арбаты до д. Большие Арбаты. Здесь был собран значительный подъемный археологический материал и в результате последующей шурфовки были обнаружены стратифицированные археологические местонахождения Большой Арбат I и II, Матрос I, II. В 2006-2007 гг. на стоянках Большой Арбат I, Матрос I были проведены раскопки.

В 2008 г. была осуществлена археологическая разведка в долине р. Малые Арбаты с выходом через водораздел на р. Джебаш. Маршрут прошел от с. Малые Арбаты, расположенного в устье реки, до ее верховий и далее к устью ручья Чистобай, правого притока р. Джебаш. Эти полевые исследования имели своей целью получить новые археологические материалы с древних поселений в диапазоне от финального позднего палеолита (мезолита) до раннего железного века включительно.⁶

В ходе разведки был обследован правый берег р. Малый Арбат от впадения в него ручья Грязный до с. Малые Арбаты. Протяженность маршрута составила около 11-12 км. Археологические местонахождения были обнаружены в районе Семеновского ручья, который справа впадает в р. Малый Арбат. На территории поселения Семеновский ручей I был заложен раскоп площадью 20 кв. м. В процессе работы в площади раскопа было зафиксировано два культурных слоя. Общее количество находок в раскопе – 618 предметов, из них: керамика – 589 фрагментов, которые принадлежат 16-18 сосудам; каменных артефактов 18 экз. и 1 бронзовое шило. Археологический материал 1-го культурного слоя стоянки

Семеновский Ручей I может быть с уверенностью отнесено к тагарской культуре финала позднего бронзового и начала раннего железного века. Абсолютный возраст 1-го культурного слоя может быть определен в рамках IV-III вв. до н. э.

Археологический материал 2-го слоя представлен только каменными артефактами, общее количество которых – 31 единица. Геологический возраст отложений, в которых залегает археологический комплекс 2-го культурного слоя, предварительно датирован временем раннего голоцена – IX-VII тыс. лет назад. Каменная индустрия 2-го культурного слоя по типологии орудий, техники первичного и вторичного раскалывания близка комплексам афонтовской позднепалеолитической культуры долины верхнего Енисея, на ее финальной стадии существования.⁷

В 0,3 км. ю-з. стоянки Семеновский ручей I находится стоянка Семеновский ручей II. В разведочном шурфе площадью 2x1 м. была обнаружена гладкостенная керамика (8 фрагментов) и остеологический материал. Выявленный культурный слой аналогичен первому культурному слою стоянки Семеновский ручей I и может быть отнесен к тагарской археологической культуре.

16 км от с. Малые Арбаты, на месте исчезнувшей д. Куйбышево, Таштыпским отрядом археологической экспедиции НИЧ ХГУ им. Н.Ф. Катанова под руководством В.С. Зубкова была обнаружена стоянка Куйбышево I, расположенная на правобережной 6-7 метровой первой надпойменной террасе р. Джебаш в 100-120 м к востоку от русла небольшого безымянного ручья, который впадает в р. Джебаш, также с правой стороны. Было заложено 3 разведочных шурфа размером 2x1 м. Результаты шурфовки показали перспективность данного археологического памятника в плане его дальнейшего изучения. С целью получения дополнительного археологического материала и уточнения стратиграфических условий залегания культурного слоя на базе шурфа №1 был заложен раскоп площадью 20 кв. м (5x4 м), который был включен в общую площадь раскопа. В текущем году раскопки поселения Куйбышево I были продолжены, общая площадь раскопа за 2 года исследования составила 100 кв. м. Выявлено 2 культурных слоя.

Находки первого культурного слоя, представленные фрагментами керамики и каменными артефактами, могут быть отнесены ко времени энеолита раннего бронзового века Хакасии. На это указывают фрагменты керамической посуды, которые находят аналогии в керамическом материале из афанасьевских и окуневских погребальных комплексов. В плане абсолютного датирования время формирования этого культурного слоя может быть отнесено к кон. IV пер. пол. III тыс. до н. э.⁸

Находки второго культурного слоя из раскопа стоянки Куйбышево I, к которым можно присовокупить и материалы из шурфа № 2 в плане археологической датировки предварительно могут быть отнесены к неолиту, а возможно, и к мезолиту. Предварительная абсолютная датировка этого культурного слоя, вероятно в пределах пер. пол. V-IV тыс. до н.э. На расстоянии 300-350 м к с-з. от стоянки Куйбышево I было обнаружено перспективное для дальнейших исследований местонахождение каменного века, получившее наименование Куйбышево II. Стоянка расположена на вершине горы, входящей в Чистобайский хребет. Еще несколько лет назад на ней велись лесозаготовки, и бревна трелевали вниз по склонам. В образовавшихся колеях В.С. Зубковым было обнаружено большое количество археологического материала, предположительно датируемого финалом позднего палеолита (15-10 тыс. лет назад).

Кроме того, на территории района известен ряд погребальных памятников, не исследованных археологами:

- одиночный курган тагарской эпохи (VII-III вв. до н.э.) на левом берегу р. Таштып, напротив с. Ирек;
- могильник из 3-х курганов (тагарская эпоха) на левом берегу р. Таштып, в 2-х км. от р. Курлугаш, с правой стороны дороги в с. Сиры;
- могильник из 4-х курганов между устьями рек Большой и Средний Кенч за г. Абазой (без датировки).⁹

Т. о., в археологическом отношении Таштыпский район изучен крайне слабо. Исследователи бывали здесь эпизодически и число выявленных древних памятников невелико. Немногочисленные археологические коллекции были переданы на хранение в научно-исследовательские учреждения г.

Абакан: ХОКМ (ныне ХНКМ им. Л.Р. Кызласова), ХакНИИЯЛИ, археологическую лабораторию ХГУ им. Н.Ф. Катанова

Примечания

¹ Л.Р. Кызласов. Древнейшая Хакасия. – М.: Издательство Московского университета, 1986 г. – С.36-37.

²

Тугужекова

В.Н., Данькин Е.Н. Туризм // Из кн.: Таштыпский район. История и современность / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан:

³ Лисицын Н.Ф. Каменный век Абакано-Енисейского междуречья // Из кн.: Вопросы археологии Хакасии / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. – Абакан, 1980 г. – С. 15.

⁴ Зубков В.С. Отчет об археологических исследованиях в долинах рек Малый Арбат и Джебаш Таштыпского района Республики Хакасия в 2008 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Тугужекова В.Н., Данькин Е.Н. Туризм // Из кн.: Таштыпский район. История и современность / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008 г. – С. 177.

Литература

1. Вопросы археологии Хакасии / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. – Абакан, 1980 г.
2. Л.Р. Кызласов. Древнейшая Хакасия. – М.: Издательство Московского университета, 1986 г.
3. Тугужекова В.Н., Данькин Е.Н. Туризм // Из кн.: Таштыпский район. История и современность / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008 г.
4. Зубков В.С. Отчет об археологических исследованиях в долинах рек Малый Арбат и Джебаш Таштыпского района Республики Хакасия в 2008 г.

2009

Е.Ю. Аланд,
с. Таштып

Некоторые экспонаты археологического фонда Таштыпского музея

Появление в Таштыпском районе краеведческого музея имеет обычную для районных музеев предысторию. В 1964 г. на базе Таштыпской средней школы-интерната №1 появился школьный музей, который возглавляла А.В. Колчина. Через год в Доме пионеров был оформлен «Уголок боевой и трудовой славы», в котором поисковой и экспозиционной деятельностью занимались школьники под руководством В.С. Мусихиной. В 1996 г., благодаря инициативе Н.А. Цируль, в здании гостиницы по ул. Луначарского были оформлены экспозиции, посвященные истории и быту русских переселенцев кон. XIX в., событиям Великой Отечественной войны. Много лет музей находился в непригодном здании, не имея юридического статуса. Он располагал неплохой нумизматической и этнографической коллекциями, собирались экспонаты, отражающие историю района в XX в., но комплектование фонда археологии не проводилось. После ухода Н.А. Цируль наступил период «временщиков», когда т. н. директора и сотрудники, не имеющие специального образования и, главное, призвания к музейной работе, в прямом смысле вывозили экспонаты на свалку.

В 2007 г. директором Таштыпского краеведческого музея была назначена О.И. Султрекова, а в 2008 г. администрация района передала музею одно из старейших зданий Таштыпа (кон. XIX в.). В нем был произведен капитальный ремонт, расширены штаты: в музее появились научный сотрудник и смотритель. Менее чем через год Таштыпский муниципальный краеведческий музей получил официальный статус. К нач. 2009 г. в фондах музея не было ни одного предмета археологии.

Весной 2009 г. в музей поступила информация о том, что около д. Печегол весенним половодьем в стенке оврага размыло скопление керамики. Обнаружившие ее дети вынули керамику из земли и перенесли во двор жилого дома. В нескольких сотнях метров от местонахождения керамики жителями деревни был обнаружен также палеонтологический материал: череп бизона, зубы и многочисленные мелкие фрагменты костей. В д. Печегол выехали представители Министерства культуры Республики Хакасия (В.П. Балахчин, В.В. Тараканов), управления культуры АМО Таштыпский район (Е.А. Цыганкова) и Таштыпского краеведческого музея (Е.Ю. Аланд). Было принято решение о передаче керамики и палеонтологического материала в фонды ТМКМ.

Сосуд № 1 красно-коричневого цвета с темными пятнами от неравномерного обжига. Шаровидной формы, с уплощенным дном и узким горлом. Неорнаментированный. Его высота – 16,5 см, толщина стенок – 0,8 см.

Сосуд № 2 черного цвета, со следами нагара внутри, неорнаментированный. Баночной формы, с плоским дном и слегка отогнутым венчиком. В сохранившейся части тулова сосуда – 2 сквозных отверстия диаметром 0,4 см каждое. Высота сосуда – 16,8 см, диаметр дна – 11 см, диаметр венчика – 14,5 см. Толщина стенок – 0,5 см.

Сосуд № 3 черного цвета, со следами нагара внутри и пятнами от неравномерного обжига. Баночной формы с плоским и толстым дном, с утолщенным и отогнутым венчиком. В верхней части сосуд орнаментирован двумя параллельными прочерченными зигзагообразными линиями, выше и ниже которых нанесены ограничивающие орнамент прямые линии. Определить высоту сосуда невозможно, т. к. нижняя часть тулова отсутствует. Для этого сосуда характерна неодинаковая толщина стенок: от 0,7 до 1,4 см. Диаметр дна равен 15,5 см, диаметр венчика примерно 24 см. Около венчика есть 2 сквозных отверстия.

Сосуд № 4 красного цвета кувшинообразной формы, с прикрепленной к венчику ручкой. Имеет плоское дно, яйцевидное тулово, узкую горловину с отогнутым венчиком. В верхней части тулова сосуд орнаментирован «елочкой». Высота сосуда 40,4 см, диаметр дна 19 см, диаметр венчика 14,1 см, толщина стенок 0,8 см.

При первоначальном осмотре фрагментов весь комплекс был датирован таштыпской эпохой (В.В. Тараканов, И.И. Таштандинов). А.И. Поселянин выделил сосуд № 4 как «кыргызоидный». Позднее с фотографиями сосудов ознакомился А.И. Готлиб. По его мнению, сосуды № 3 и № 4 характерны для средневековья и не могут быть отнесены к таштыпскому времени. Определение культурной принадлежности сосудов затрудняется неясными условиями залегания керамики, потому что в данном случае можно опираться только на слова очевидцев. Как показали дети, все фрагменты были найдены в одной «ямке». Не вызывает сомнений и то, что материал находился в переотложенном состоянии, т. к. на поле, примыкающем к оврагу, несколько десятилетий находились силосные ямы, следовательно, в течение многих лет работала сельскохозяйственная техника. Нельзя сбрасывать со счетов и естественные подвижки почвы. В наст. вр. вопрос датировки сосудов из Печегола остается открытым.

В июле 2009 г., Таштыпский отряд Археологической экспедиции НИЧ ХГУ им. Н.Ф. Катанова проводил раскопки неолитического поселения Куйбышево I. Научный сотрудник ТМКМ Е.Ю. Аланд приняла участие в работе отряда. Часть подъемного материала с обнаруженной стоянки Куйбышево II была передана в Таштыпский краеведческий музей. Так его фонды пополнились небольшой коллекцией палеолитических каменных артефактов. Конечно, это продукты первичного расщепления камня, массовый материал, не представляющий интереса для специалистов, чего не скажешь о посетителях музея. Кроме того, тем самым положено начало более систематическому комплектованию археологических фондов, когда часть материалов, полученных в результате раскопок на территории района, будет передаваться в районный краеведческий музей.

В сентябре 2009 г. в ТМКМ обратился житель с. Таштып П.А. Визул, во время земляных работ на территории своей усадьбы обнаруживший камни со следами обработки. Отщеп и скол с ретушью из кремневой породы черного цвета, по словам П.А. Визула, находились на глубине 140-145 см от современной земной поверхности. Артефакты были осмотрены В.С. Зубковым, который предварительно

датировал их эпохой верхнего палеолита. Весной 2010 г. им запланирован выезд в с. Таштып для детального исследования места их обнаружения.

В наст. вр. большая часть предметов археологии, переданных в фонды Таштыпского музея – это случайные находки. Но есть и перспективы более планомерного комплектования археологических фондов. Исходя из этого, можно выделить несколько тактических задач, стоящих перед коллективом музея: развернуть широкую агитацию средствами массовой информации среди населения, в результате чего можно достичь более массовой передачи в фонды музея археологических предметов из разряда случайных находок; принимать участие в работе всех археологических экспедиций на территории района; изыскивать источники финансирования, что позволит проводить полевые археологические исследования собственными силами, с привлечением школьников.

2009

А.И. Баус,
с. Первомайское

Памятники историко-культурного наследия в Боградском районе

Хакасию называют музеем под открытым небом. Боградский район можно назвать одним из залов этого музея. Экспонаты – памятники историко-культурного наследия. Это бесценное богатство, оставленное нашими далекими предками. Среди них:

- «Двуглазка» – стоянка древнего человека, жилище каменного века.
- Троицкие Большая и Малая писаницы (тагарская эпоха).
- Знаменское городище (ранний железный век).
- Писаные скалы «Оглахты» со средневековыми сооружениями крепостей.
- Копенский чаатас (кыргызская эпоха).
- Гора «Лисичья» (карасукская эпоха) и др.

Без одухотворяющего человеческого прикосновения ни один уголок природы не станет близким и дорогим, даже если он внесен в реестр особо охраняемых.

Решение проблемы – организация экскурсий в окрестности своего села и за его пределы. Это реальная возможность приобщения молодежи к природному и культурному наследию. Экскурсии дорогого стоят – они подарят нашим питомцам радость новых открытий, позволят получить пространственное представление о границах Боградского района – своей малой родины, убедиться в разнообразии ее ландшафтов. А для многих такая экскурсия станет первым и, возможно единственным, путешествием, которое А.Т. Твардовский назвал «Пускаться с места в даль».¹

В нескольких километрах от с. Первомайского лежит чудесный уголок. Он занимает северо-восточную часть Чулымо-Енисейской (Северо-Минусинской) котловины. Ограниченный руслами степных речушек Карасука и Таштыка, отрогами Батеневского кряжа уходит на восток к побережью Красноярского водохранилища. Добраться сюда можно по полевой дороге, которая начинается за околицей села от автотрассы «Енисей». Курганый пейзаж степного ландшафта сопровождает путников до самого побережья рукотворного моря. До его появления можно было полюбоваться первозданными берегами Енисея с многочисленными островами и протоками. Водохранилище, образовавшееся после строительства Красноярской ГЭС, поглотило устья Карасука и Таштыка. Под водой остались живописные скалы, между которыми когда-то приютилась пароходная пристань Батени. Погибли полотна древних художников с наскальными рисунками. Скрылась под водой подножье Афанасьевой горы, исчезло оз. Подгорное. Затопленными оказались десятки деревень – Батени, Быскар, Каскыр, Копены, Лепешкино...

Междуречье Карасука и Таштыка – уголок Хакасии, где «что ни шаг – то века, что ни метр – то эпоха». Благодаря археологическим раскопкам многие географические объекты вошли в историю археологической науки – Афанасьева гора, р. Карасук, Каменный лог, оз. Подгорное, р. Таштык и многие др.

В 1929 г. у подножья Афанасьевой горы высадили отряд археологов под руководством С.А. Теплоухова. Было обнаружено многослойное поселение эпохи неолита.² Последующие экспедиции добавили новые сведения о существовании в окрестностях с. Батени древних цивилизаций (в 12 км от с. Первомайского). На основании изучения погребальных памятников С.А. Теплоуховым была разработана схема классификации раннескотоводческих культур (названия культурам даются по местам первых раскопок). В половине их звучат знакомые слова: афанасьевская культура, карасукская культура, подгорновский этап тагарской культуры, таштыкская культура.

Междуречье Карасука и Таштыка – земля древних раннескотоводческих культур. Ее можно назвать кобыльим углом Хакасско-Минусинской котловины. Здесь, в приенисейских степях, в незапамятные времена паслись стада диких животных. Человек афанасьевской эпохи выделил среди них лошадь, вложил в нее многовековой труд, приручив, навсегда приблизил к себе. Лошадь стала верной спутницей скотовода, земледельца, воина. Вместе с человеком она участница многих исторических событий, побед и поражений, праздничных торжеств. Это, пожалуй, самое почитаемое животное всех времен и народов, населяющих Хакасско-Минусинскую котловину. Силуэт этого удивительного существа выбит на юбилейных монетах. Памятные монеты оставлены потомкам. Они были выпущены в 2007 г., когда отмечалось 300-летие добровольного вхождения Хакасии в состав Российского государства. Представленный на монетах всадник на коне, символизирует непрерывную связь поколений, религий и цивилизаций.

Немало памятников историко-культурного наследия, связанных с лошадью, находится на территории Богградского района, в среднем течении р. Енисея.

Следы присутствия лошади в далеком историческом прошлом обнаружены на побережье Карасукского залива. Здесь были исследованы жилища поселения карасукской эпохи – Каменный лог. Среди других предметов, археологи нашли костяные псалии. Костяные псалии являются необходимым элементом конской сбруи. Следовательно, в карасукское время здесь была освоена верховая езда. Это эпохальное новшество: с тех пор конь, минимум на три тысячелетия стал для человека основным транспортным средством.³

В 1972 г. на северном берегу оз. Варча, в окрестностях с. Сарагаш, Богградского района, археолог Г.А. Максименков обнаружил две плиты с изображениями. Плиты были извлечены из могильника, где служили стенками погребального ящика. Ящик имел типичную для карасукской культуры трапециевидную форму. На дне его находился скелет мужчины зрелого возраста. Его сопровождал раздавленный глиняный сосуд карасукского облика. Гравированные рисунки на плитах позволили увидеть, как древние художники представляли средства передвижения: на каменном полотне было изображено несколько фигур животных и повозка. Длинные хвосты и шеи, да и отсутствие рогов позволили предположить, что изображены лошади. Вот как дает описание картины археолог Н.В. Леонтьев. «По мере исполнения фигуры подразделяются на три группы. Первую представляют линейно-силуэтные изображения. Туловища этих животных обозначены одной прямой линией. Один ее конец, изгибаясь книзу, воспроизводит хвост, второй, поднимаясь кверху, передает шею, завершающуюся двумя черточками ушей и опущенной книзу головой. Концы ног у нескольких фигур украшены «округлыми ямками».

Вторую группу линейно-контурных изображений представляет лишь одна неоконченная фигура. Она отличается лишь присутствием дугообразной линии, обрисовавшей контур живота.

Фигуры третьей группы характеризуются несколько большей реалистичностью. Туловище и шея животных обозначены широкой резной линией, постепенно сужающейся по направлению к голове, которая так же изображена более объемной, чем у фигур двух первых групп. В остальном, и эта группа аналогична линейно-силуэтной.

О карасукском возрасте изображений свидетельствует, в какой-то степени, рисунок повозки. Она трактована очень схематично в виде пары кружков, соединенных между собой и хвостом одной из лошадей прямой линией. У переднего колеса частично сохранились линии спиц. В верхней части они не прослеживаются, но по расположению нижних можно заключить, что всего их было не менее 8-9.

Количество спиц в колесах, как показывают исследования П.М. Кожина, может служить достаточно надежным датирующим признаком. На раннем этапе распространения лошадиной запряжки бытовали

колеса с четырьмя спицами, а, затем, в течение второй половины II тыс. до н.э. их количество возрастает до восьми. В Китае колесницы с 18 и даже 22 спицами в колесе появились уже в XI в до н.э. Карасукская датировка изображений на варчинских плитах подтверждается, следовательно, и конструкцией колес повозки.⁴ Варчинский петроглиф «Лошади» хранится в Минусинском краеведческом музее имени Мартыанова.

Еще один удивительный петроглиф был обнаружен абаканским художником В.Ф. Капелько в окрестностях с. Первомайского, на горе Лисичья. Он отражает новшество карасукской эпохи – наскальное изображение колесниц, запряженных лошадьми. Среди 46 фигур ни один из рисунков не повторялся. Анализируя эти рисунки, Леонид Романович Кызласов, сделал вывод, что «сословные символы выбивались на скале неоднократно в течение довольно долгого времени». Он предполагал, что долина, лежащая у подножья скалы с этой писаницей, представляет собой настоящий стадион, пригодный для конских ристалищ. «Ни здесь ли 33 века назад вершились в Хакасии обряды посвящения в ранг колесничих? Не победители ли ритуальных скачек, верша неведомые обряды высекали на камнях свои личные сословные знаки?»⁵ – задавался вопросом Л. Кызласов.

На побережье Красноярского водохранилища есть место, прекрасное во всех отношениях. Здесь находится, некогда очень эффектный археологический памятник кыргызской эпохи – Копенский чаатас. К сожалению, как туристический объект он утрачен, но оставшиеся ножевидные стелы, большая вода Енисея, величественная гора Туран на противоположном берегу водохранилища – все это создает ощущение удивительного спокойствия.

При раскопках в одном из курганов Копенского чаатаса найдены бронзовые барельефы. По ним можно судить, как выглядел наездник степей в VI-VIII вв. Впервые всадник предстает перед нами целиком в костюме с оружием на снаряженном, мчащемся в галопе коне. На изображении всадника чеканом нанесены даже мелкие детали снаряжения. Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются на ветру. Их сдерживает повязка, затянутая сзади узлом. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук, сложенный в виде буквы М. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя. Седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и нагрудном ремнях навешаны кисти; стремяна широкие, дугообразные; на пересечении ремней уздечки.

Копенские рельефы – необычно живые изображения, передающие с большой силой реализма подмеченные тонким наблюдательным художником проявления внутреннего состояния изображаемого. Сколько реализма в экспрессивной фигуре всадника. С какой изощренной наблюдательностью, чуждой схематизма, переданы и его поворот, и общее неудержимое стремление вперед!⁶

Своеобразным современным памятником лошади можно считать эмблему Конезавода. Так называлось с. Первомайское с 1923-1956 гг. Старожилы села и все, кто приезжал сюда в сер. 50-х гг., помнят арку с фигурами двух алюминиевых лошадок, вознесенных на сосновые столбы, искусно обработанных мастерами-эстонцами. Арка возвышалась в центре села у хода в сквер, который тянулся вдоль ул. Ленина. После реорганизации конного завода в Богградский зерносовхоз, алюминиевые лошадки перекочевали в г. Абакан и долгое время украшали центральный вход на областной ипподром со стороны ул. 40 лет Октября (ныне ул. Жукова).⁷ Как и когда эти лошадки попали в с. Сапогово Усть-Абаканского района, неизвестно. Но человек, сохранивший замечательную эмблему Конезавода, заслуживает уважения, а лошадки требуют реставрации. Ведь это памятник четвероногому другу, который дарил радость побед, помогал пережить военное лихолетье.

Итак, мы побывали в местах, где коням «запах родины снится, горечь трав и дымы очагов... где... прах религий и цивилизаций осыпается с гулких копыт».⁸

Примечания

¹ Ахпашева Н. Проступает из памяти древней... /Хакасия. 2007 г. № 120/1 С.7.

² Кызласов Л.Р. Колесничие бронзового века.// Леонид Кызласов. Сокровища культуры Хакасии.-М.2008 г. С. 370-372.

³ Хакасия. Путеводитель. М.2003 г. С.35,43.

⁴ Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее.// Вопросы археологии. Абакан -1980 г. С.65-84.

⁵ Кызласов Л.Р. История Хакасии. С древнейших времен до 1917 г. Наука.1993 г.

⁶ Кызласов Л.Р. Чаатасы Хакасии.//Вопросы археологии Хакасии.Абакан-1980 г. С.108-114.

⁷ Баус А. Сохраняя память о былом./ Родная земля. 2009 г.№ 46. С.8.

⁸ Ахпашева Н. Проступает из памяти древней... /Хакасия. 2007 г. № 120/1 С.7.

2009

А.Л. Заика, г. Красноярск
Т.А. Ключников, г. Минусинск

Орнитоморфные изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам исследования писаницы Рыбное)

Нижнеангарский регион, не смотря на богатую историю исследований, долгое время в плане наскального искусства оставался слабо изученным. В результате последних исследований был выявлен большой пласт петроглифов, охватывающий широкий временной интервал от эпохи неолита до этнографической современности. Большинство петроглифов, представленных антропо- и териоморфными образами неоднократно привлекали внимание исследователей, являлись предметом научного анализа. Орнитоморфные изображения на писаницах региона встречаются эпизодически (известны около десятка). Подобный диссонанс в распределении сюжетов до недавнего времени мог только констатироваться и не предполагал серьезных выводов.

Положение о состоянии источников по данной категории изображений кардинально изменилось в связи с результатами исследования писаницы Рыбное, где на сравнительно малой площади сконцентрировано большое количество изображений птиц. Писаница Рыбное расположена в 10 км к ю-з. от п. Мотыгино на восточной окраине д. Рыбное на сланцевом утесе серо-зеленого цвета под названием «Рубашный».

Рисунки расположены в с-з. части утеса на вертикальных и горизонтальных наклонных плоскостях, на высоте 4-4,5 м от уреза воды и обращены на ю-в. Изображения выполнены путем выбивки, в ряде случаев с последующей шлифовкой.

Основную часть плоскости занимают изображения птиц, периферийные участки – контурные фигуры копытных животных с сегментовидными и трапезиевидными туловищами. Также зафиксированы два солярных символа, антропоморфная личина, решетковидный знак. Фигуры птиц показаны фронтально, с развернутыми по сторонам крыльями, голова у них повернута в правую, либо в левую сторону, иногда показан раздвоенный хвост.

Наиболее архаичные фигуры птиц выполнены путем выбивки, широкими линиями (3-3,5 см), имеют плавные контуры, у некоторых отдельных фигур показаны «плечевые» выступы. Они занимают центральную часть плоскости и композиционно сочетаются с изображением солярного знака, выполненного в той же технике.

Более поздние изображения в основном повторяют иконографию ранних образов, но представлены более схематичными фигурами с угловатыми контурами. Изображения выполнены узкими (0,4-0,7 см) линиями выбивки, в случаях палимпсеста перекрывают фигуры птиц первого типа, сконцентрированы в правом нижнем углу плоскости.

Изобразительные аналогии ангарским рисункам встречаются в петроглифах Хакасско-Минусинской котловины. Фронтальные образы хищных птиц появляются и получают свое распространение в эпоху раннего железа, соотносятся с тагарской культурой и традиционно продолжают существовать в петроглифах таштыкской культуры.

Орнитоморфные изображения в искусстве этих регионов представлены достаточно широко, но ближайšie аналогии первому типу изображений писаницы Рыбное можно найти не только в наскальном

искусстве, но и в изделиях мелкой пластики. Так, среди предметов художественного литья кулайской культуры встречаются фигуры птиц со своеобразными «плечевыми» выступами. Более того, на писанице Рыбное формообразующим элементом антропоморфной личины является фигура птицы. Совмещение в одной фигуре антропо- и орнитоморфных образов является характерной чертой для искусства Западносибирского региона.

Т. о., основную часть изображений (прежде всего, фигуры птиц первого типа) на писанице Рыбное можно датировать эпохой раннего железа.

Образ птицы в верованиях многих народов символизировал местообиталище человеческой души. Так, по свидетельствам этнографов, в религиозных представлениях народов Сибири (кеты, эвенки, ненцы и т.д.) среди нескольких душ человека обязательно присутствовала и душа в образе птицы («светлая душа», «душа-птица»), после смерти возносящаяся к небу. У кетов существует поверье о том, что души младенцев до рождения живут на кончиках солнечных лучей и имеют вид птиц. Факт совмещения на писанице антропоморфной личины с образом птицы, возможно, подтверждает данные представления древнего населения о душе человека.

Литература

1. Заика А.Л., Емельянов И.Н. О личинах нижней Ангары // Международная конференция по первобытному искусству.- Кемерово: Изд-во САИПИ, 1998 г.- С. 98-99.
2. Заика А.Л., Петрович Е.В. Антропоморфные личины Нижней Ангары // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. XXXX РАЭСК, том 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000 г.- С. 134-136.
3. Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Березовский А.П., Ключников Т.А., Леонтьев В.П. Результаты археологических исследований на территории Богучанского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАиЭ СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000в. – Т. VI. - С. 555-559.
4. Заика А.Л. Личины Нижней Ангары (результаты стилистического анализа) // География на службе науки, практики, образования: Материалы VII научно-практической и методической конференции, посвященной 100-летию Красноярского отдела РГО. г. Красноярск, 26-28 апреля 2001 г. - Красноярск: РИО КГПУ, 2001. - С. 48-52.
5. Заика А.Л., Ключников Т.А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам работ 2000 г.) // Историко – культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001 г. С. 432-435.
6. Заика А.Л. Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. - вып. 2. - Красноярск: РИО КГПУ, 2001 г. - С. 48-58.
7. Заика А.Л. О полиэikonичности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2002 г.- С. 39-43.
8. Ключников Т.А., Заика А.Л. Образ лося в наскальном искусстве Нижней Ангары // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. XXXX РАЭСК, том 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000 г. - С. 137-139.
9. Ключников Т.А., Заика А.Л. Позднейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам 2000 г.) // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: Материалы научно-практической конференции. г. Красноярск, 1-2 декабря 2000 г. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001 г. – С. 85-90.
10. Ключников Т.А., Заика А.Л. Анималистические изображения эпохи бронзы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2002 г.- С. 63-65.

Т.А. Ключников,
г. Минусинск

К вопросу о путях распространения «ангарской» изобразительной традиции. (по материалам исследований в Нижнем Приангарье)

Понятие «ангарской» изобразительной традиции было введено в научный оборот Н.Л. Подольским (Подольский, 1973 г.). В данной работе впервые были четко выделены признаки характерные для «ангарского» стиля. Фигуры животных, выполненные в рамках данной изобразительной традиции, имеют реалистичный характер, показаны в динамике, массивный корпус сохатых сочетается с длинными, сухими ногами. Рот животных на рисунке чаще всего открыт, показана утрированная верхняя губа, ярко выраженный горб над лопатками. Обязательным атрибутом становится показ подшейной кисти сохатого т.н. «серьги». Техника выполнения изображений чаще всего контурно-силуэтная, иногда изображения рассечены полосами внутри контура.

Эталонными памятниками «ангарского» стиля являются Каменные острова в Верхнем Приангарье и Шишкинские писаницы на Верхней Лене. В этих районах петроглифы датируются эпохой неолита. Данная периодизация не раз оспаривалась различными исследователями. Однако дискуссия по вопросам датировки завершилась безрезультатно. Многие исследователи наскального искусства используют данные изображения как базовые аналогии в своих хронологических схемах. Петроглифы «ангарской» изобразительной традиции выявлены на Среднем Енисее, Томской писанице и других памятниках наскального искусства Сибири. Не вступая в полемику по вопросу датировки петроглифов, мы обращаем свое внимание на другую проблему, на сегодняшний день практически не раскрытую в археологической литературе – пути распространения «ангарского» стиля. Сходство изображений данного стиля с петроглифами Южной Сибири и Западной Сибири отмечалось многими исследователями. Существует мнение о привнесении этой традиции на Енисей группами неолитических охотников, мигрировавших по неизвестным причинам с территории Верхней Ангары на Енисей. Основным путем миграции древнего населения указывается долины Ангары и Енисея.

К сожалению, схема продвижения древнего населения по данному пути пока весьма имеет весьма скудную доказательную базу. Связано это, прежде всего с различным уровнем изучения неолитических памятников на Среднем Енисее и Приангарье. До сих пор все исследователи отмечают слабую исследованность неолита Среднего Енисея. Учитывая ограниченность изученных материальных остатков эпохи неолита исследователи обращаются к памятникам наскального искусства эпохи неолита как к доказательству культурных контактов неолитического населения.

В ходе изучения петроглифическим отрядом под руководством А.Л. Заики в 1994 – 2005 гг. на территории Нижней Ангары были выявлены сотни наскальных изображений, относящихся к различным хронологическим периодам и изобразительным стилям. Хотелось бы отметить, что среди всей массы петроглифов открытых в этот период не было выявлено ни одного изображения, бесспорно относящегося к «ангарскому» стилю. Возможное исключение может составлять только изображение с писаницы Манзя, однако оно сохранилось фрагментарно и не дает оснований для соотнесения с вышеуказанной изобразительной традицией. Учитывая масштабы исследования – прирусловой участок р. Ангара на протяжении 700 км, от г. Усть-Илимск до устья, а также притоки рр. Иркенева, Бирюса, Карабула мы считаем правомерным постановку вопроса о путях проникновения «ангарской» изобразительной традиции на Средний Енисей и Западную Сибирь через долину р. Ангары. На сегодняшний момент мы не располагаем бесспорными изображениями «ангарского» стиля в Нижнем Приангарье, которые являлись бы маркирующими признаками продвижения и присутствия его носителей в данном регионе. В связи с этим мы предполагаем следующие перспективы исследований, которые возможно позволят нам более точно ответить на вопрос о путях распространения данной традиции:

1. Дальнейшее систематическое исследование территории Нижнего Приангарья и системы притоков р. Ангары с целью выявления новых памятников наскального искусства вообще и неолитических в частности.

2. Систематическое изучение памятников эпохи неолита, южной части Среднего Енисея с целью выяснения прибайкальского влияния.

3. Изучение других территорий предполагаемого продвижения носителей указанной традиции. Наиболее перспективными в этом отношении мы считаем исследования долин правобережных притоков Енисея и прежде всего долину р. Кан, на сегодняшний день практически неизученную в плане наскального искусства.

Литература

1. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. М, 1986 г.
2. Готлиб А.И. Археология Хакасско-Минусинского края. Абакан, 2003 г.
3. Заика А.Л. Результаты исследования памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири. ХХІХ РАЭСК, ч.2. Чита. 1999 г. С.11-16.
4. Заика А.Л., Каява А.В., Емельянов И.Н. Новые петроглифы нижней Ангары // Дуловские чтения. 1997.с.122-126.
5. Заика А.Л., Емельянов И.Н. Писаницы нижней Ангары // Археология, палеоэкология, и этнография Сибири и Дальнего Востока. Иркутск. 1996 г. Ч.2. с.25-29.
6. Заика А.Л., Емельянов И.Н., Березовский А.П. Новые данные по наскальному искусству Нижней Ангары // Вестник САИПИ, Выпуск 1, декабрь. 1998 г. С.16-17.
7. Заика А.Л., Ключников Т.А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам работ 2000 г.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001 г.- С. 432- 435.
8. Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Березовский А.П., Ключников Т.А., Леонтьев В.П. Результаты археологических исследований на территории Богучанского района Красноярского края. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000 г.- Т. VI.- С. 555- 559.
9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.
10. Ключников Т.А., Заика А.Л. Образ лося в наскальном искусстве Нижнего Приангарья. // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. 1.Новосибирск, 2000 г.
11. Окладников А.П. Из истории культурных и этнических связей населения Среднего Енисея в эпоху неолита // СА, № 1, 1957 г.
12. Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений // СА, № 3, 1973 г.
13. Формозов А.А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы на Енисее. // СЭ, 1967 г., № 3.

2009

О.В. Ковалева,
г. Минусинск

Особенности изображения петроглифов эпохи поздней бронзы на скалах и на плитах

Еще сравнительно недавно петроглифы эпохи поздней бронзы составляли лишь малую часть среди общего количества всех известных наскальных рисунков Минусинской котловины. Между тем, в последнее время появился целый ряд новых источников, значительно расширивший наши представления об искусстве этого времени. Количество найденных петроглифов поздней бронзы резко возросло.

Петроглифы эпохи поздней бронзы Минусинской котловины представлены двумя видами памятников – наскальные изображения и изображения на плитах. Каждый из них имеет свои характерные черты и композиционные особенности.

Изображения на скалах. Большинство репрезентативных серий петроглифов эпохи поздней бронзы (за исключением горы Лисичьей) сосредоточены по берегам крупных водных артерий – среднего течения Енисея и его притоков.

Наибольшее количество изображений этого периода найдено в составе таких крупных многослойных памятников, как Бычиха, Лисичья, Оглахты III, IV, VIII, Суханиха IV, Тепсей I, II, III, Усть-Туба V, Седловина I, Шишка, Ильинская II, Полосатая II. Петроглифы только эпохи поздней бронзы обнаружены на «монокультурных» памятниках Суханиха VI (Щель), Седловина II, гора Варча.

В подавляющем большинстве петроглифические памятники соседствуют с крупными разнокультурными могильниками, расположенными, как правило, у подножья горных возвышенностей. В составе таких могильников почти всегда отмечают наличие и курганных групп эпохи поздней бронзы. Гораздо сложнее проследить характер соотношения с поселенческими комплексами, так как этот тип археологических памятников на территории Минусинской котловины наименее изучен.

Выделяются определенные закономерности, связанные с топографией памятников. Почти на каждом из рассматриваемых местонахождений имеются пункты как в непосредственной близости от водоемов, так и удаленные от них. На береговых скалах расположены, в основном, рисунки ранних эпох. Чем плоскость дальше от воды (или выше), тем сильнее выявляется преобладание более поздних пластов. На это обращают внимание и другие ученые.¹

Еще одной особенностью наскального искусства эпохи поздней бронзы является то, что при всей общности признаков можно выделить характерные черты, присущие только конкретным памятникам. Так, на горе Бычиха нет рисунков наиболее ранних эпох, и это, по-видимому, в какой-то степени определило своеобразие более поздних изображений. Стиль изображений эпохи поздней бронзы и тагарского времени на горе Бычиха существенно отличается от синхронных изображений других местонахождений. Только на скалах Оглахты, а именно на плите из Кизани, (т.н. «шаман-камень»), представлены изображения кинжалов, не встречающихся на других памятниках. Для горы Суханиха характерна группа необычных схематизированных фигур, коней и оленей эпохи поздней бронзы, выполненных в так называемом «проволочном стиле. Свообразие петроглифам горы Тепсей придает целая серия композиций «кони у мирового дерева».²

Рисунки располагаются на вертикальных скальных выходах, пологих склонах и возвышенностях. Часто они миниатюрны и очень тщательно проработаны, но встречаются и крупные грубые рисунки с неровными краями. Технология изготовления различна. Большинство петроглифов нанесены на поверхность камня с помощью точечной выбивки каменным или металлическим инструментом, реже имеет место шлифовка отдельных фигур или наиболее значимых деталей. Встречаются и гравированные изображения (Северный брег Варчи I, Ильинская II). Этот технический прием используется в основном на относительно ровных поверхностях камня. Весьма немногочисленны в эпоху поздней бронзы рисунки, выполненные в технике контррельефа. Этот прием подразумевает снятие слоя камня внутри пространства, ограниченного контуром изображения, в результате чего получается своеобразное «негативное» изображение. Зафиксирована только одна плоскость на горной гряде Оглахты, где в этой технике выполнено несколько антропоморфных личин центральноазиатского типа. Для изготовления петроглифов почти всегда использовался мелкозернистый песчаник красноватого цвета. Поэтому, плоскости с петроглифами имеют крайне плохую сохранность. Исключение составляют лишь те, которые располагаются под небольшими скальными навесами вдали от населенных пунктов. Основными факторами, влияющими на сохранность памятников, являются:

- антропогенный, включающий посетительский вандализм и биосферно-климатические изменения, связанные с деятельностью человека;
- природный, выраженный в эрозии и соляной эрозии, а также в действии тало-дождевых вод.

В комплексе все эти факторы оказывают губительное воздействие на рисунки, многие из которых были безвозвратно утрачены в течение последних десятков лет. В этой связи, в пределах густонаселенной территории Минусинской котловины, как нельзя более актуальной становится проблема охранных и реставрационно-консервационных работ с петроглифами.

Изображения на плитах. В наст. вр. в Минусинской котловине открыта значительная серия петроглифов эпохи поздней бронзы, высеченных на плитах. Как уже отмечалось, этот тип петроглифического искусства по своей природе несколько отличается от наскального. Местонахождения почти всех плит тесно связаны с погребальными комплексами. В пользу их карасукской принадлежности свидетельствует то обстоятельство, что они найдены только в карасукских и более поздних памятниках. Наиболее известные из них: Северный берег оз. Варча I (сейчас Варчинский залив Красноярского водохранилища)³, Хара-Хая (долина реки Аскиз)⁴, Есино (улус Полтаков, Аскизский район)⁵, Тунчух (Аскизский район)⁶; и тагарские могильники: у д. Быстрой⁷, у улуса Нижняя База (Аскизский район)⁸, курган Барсучий лог (10 км к СЗ от п. Пригорск)⁹ и др.

Почти все найденные плиты были переиспользованы, и служили в качестве стенок и перекрытий погребальных ящиков, плит и контрфорсов в оградах курганов. По характеру употребления плит с рисунками иногда создается впечатление, что вторичное их использование не имеет никакой связи с тем, что на них имеются изображения. В ряде случаев прослеживается явное пренебрежение к рисункам, так как в большинстве случаев, плоскости с изображениями обращены к земляным бортам могил.¹⁰ Такое положение плит говорит о том, что они не почитались, а служили лишь строительным материалом.

Большинство вторично использованных плит с рисунками первоначально использовались в качестве самостоятельных культовых памятников типа стел. Об этом свидетельствует форма материала, структура композиции, а в ряде случаев фрагментарность изображений. Так, при относительной сохранности плиты, всегда прослеживается отсутствие изображений в какой-либо из ее частей. Как правило, эта часть специально подработана и предназначена для вкапывания. Она сильно отличается от всей остальной поверхности отсутствием пустынного загара и заветренности. Рисунки в этом случае располагаются по вертикальной или круговой оси. Так, на кургане Барсучий лог в составе ограды была найдена почти полностью сохранившаяся стела эпохи поздней бронзы, где изначально петроглифы располагались вертикальными рядами, один над другим. Впоследствии часть изображений была сколота и забита сплошной точечной выбивкой, а на этих участках были добавлены новые фигуры, отличные по стилистике от нанесенных ранее. Материал и форма стелы, видимо, идеально вписывались в замыслы строителей. Плита была поставлена ребром и все фигуры оказались повернутыми на 90°.

Для строительства монументальных курганов, таких как Барсучий лог, использовались почти целиком большие стелы, для рядовых погребальных конструкций употреблялись плиты поменьше, которые, в свою очередь, в зависимости от конструктивной необходимости, сильно дробились. Принимая во внимание тезис о существовании в древности нескольких типов святилищ (мелких и крупных), предназначенных для разных целей, получается, что, будучи выбитыми на доставленных из каменоломен плитах, рисунки играли определенную культовую роль, в небольших мобильных святилищах. Такие мелкие святилища, возможно, существовали не для отправления глобальных (космогонических) ритуалов, а использовались для текущих культовых потребностей. Скальные массивы, в свою очередь, представляли собой межплеменные центры, где отправлялись наиболее значимые обряды древнего человека.

Помимо своих размеров, эти два типа памятников отличаются еще и некоторыми внутренними характеристиками, в частности, отсутствием на одних персонажей, характерных для других. Так, например, фигуры оленей, так часто повторяющиеся на скалах, практически отсутствуют на плитах, а изображения т.н. «оградок» и быков – явление достаточно редкое на скалах. На плитах почти всегда отсутствуют изображения всадников, а вот животные с неустановленной видовой принадлежностью в несколько раз чаще встречаются на скалах. Рисунки зверей с «полосатым» туловищем также известны только в составе крупных «изобразительных центров».

В итоге, можно предположить, что два типа памятников петроглифического творчества – наскальные изображения и изображения на плитах, вероятно, происходят от двух разных традиций, одна из которых

тесно связана с обычаем устанавливать каменные стелы, а другая является лишь продолжением универсальных вековых обычаев, связанных с культом горы.

Примечания

- ¹ Советова, Миклашевич, 1999 г., с. 69
- ² Там же. с. 70.
- ³ Леонтьев, 1980 г., с. 69-73; Ковтун, 2001 г., с. 71-72
- ⁴ Филиппова, 1997 г., с. 62
- ⁵ Савинов, 1993 г., с. 61
- ⁶ Севастьянова, 1977 г., с. 241
- ⁷ Леонтьев, 1980 г., с. 72
- ⁸ Леонтьев, 2000 г., рис. 1
- ⁹ Ковалева, 2006 г., рис. 4
- ¹⁰ Шер, 1980 г., с. 219

Литература

1. Ковалева О.В. Петроглифы кургана Барсучий лог // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006 г. – № 1 (25). – С. 110-116.
2. Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СОРАН, 2001 г. – 181 с.
3. Леонтьев Н.В. Колесной транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980 г. – С. 65-84.
4. Леонтьев С.Н. Новые изображения колесниц карасукской эпохи Хакасско-Минусинской котловины // Вестник САИПИ. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2000 г. – Вып.2. – С. 12-13.
5. Савинов Д.Г. Изображения эпохи бронзы на плитах из курганов Юга Хакасии. // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1993 г. – С. 69-70.
6. Севастьянова Э.А. Работы у станции Аскиз. // Археологические открытия 1976 года. – М.: Изд-во МГУ, 1977 г. – С. 241-242.
7. Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов. // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999 г. – С.47-72.
8. Филиппова Е.Е. Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен. // Археологический сб. Погребальный обряд. – Вып. 93. – М.: Изд-во ГИМ, 1997 г. – С. 62-70.

2009

Н.В. Леонтьев, О.В. Ковалева,
г. Минусинск

Раскопки 1959 года у с. Потрошилово

В 1959 г. в районе с. Потрошилово (Минусинский р-он) был раскопан могильник афанасьевской археологической культуры. В результате раскопок были получены довольно интересные материалы, которые в наст. вр. хранятся в Минусинском краеведческом музее. Автор раскопок этого комплекса Валентина Марковна Старущенко – пару лет проработала в Минусинском музее.

В начале августа 1958 г. она была приглашена на ставку археолога в Минусинский музей.¹ Судя по архивным документам, она сразу же включилась в активную научную деятельность музея – ездила в командировки, участвовала в конференциях. Уже в августе 1958 г. В.М. Старущенко принимает участие в

экспедиции под руководством М.П. Грязнова, проводившей раскопки у с. Батени,² затем работает в районе строительства будущей железной дороги Абакан-Тайшет.³ В декабре она отправляется в научную командировку в музеи г. Красноярска, г. Канска и г. Иркутска, а в марте 1959 г. принимает участие в археологической сессии проходившей в г. Ленинграде.⁴

Раскопки у с. Потрошилово начались в июне 1959 г. Основной целью экспедиции было пополнение фондов Минусинского музея и изучение далекого прошлого этого региона. Рекомендовал провести раскопки именно в этом месте М.П. Грязнов. Первоначально считалось, что могильник относится к эпохе поздней бронзы,⁵ однако в процессе раскопок было выявлено, что памятники принадлежат к афанасьевской, окуневской и тагарской культурам. Курганная группа состояла из 40 курганов, расположенных в неглубокой пади между горами Моисеихой и Безымянной у овцефермы колхоза «Красный маяк», в 5 км к востоку от с. Потрошилово, на левом берегу р. Тубы в 2 км от нее. Всего было раскопано 26 курганов афанасьевского, окуневского и тагарского времен.

Особый интерес представляет собой афанасьевская курганная группа, насчитывающая 19 раскопанных памятников. Среди них подробно стоит остановиться на нескольких объектах, где были обнаружены довольно интересные артефакты.

Курган № 4 до раскопок представлял собой большой круг диаметром около 16 м из плашмя положенных небольших плиток песчаника размерами от (0,30 x 0,45 см до 0,15 x 0,20 см.). При расчистке было выявлено два погребения: одно в центре обозначенное «Т» образным завалом камней (могила № 2); другое в западной части кургана оформленное остатками небольшого (0,5 x 0,3 м) каменного ящика (могила № 1).⁶

При расчистке могилы № 1 было обнаружено несколько детских костей. Сопроводительного инвентаря в могиле найдено не было. Судя по каменному ящику, расположенному внутри ограды афанасьевского кургана, можно предположить, что могила № 1 являлась впускным окуневским захоронением.

При расчистке центрального погребения (могилы № 2), в его восточной части между плитами были обнаружены фрагменты небольшой неорнаментированной курильницы с поддоном (5,7 см высотой и 3,5 см диаметром). Сохранилась только половина сосуда. Его внутренняя часть имела темно-серый цвет теста и была заглажена пучком травы. Внешняя гладкая сторона была дополнительно обмазана коричнево-серым слоем глины. На фрагменте сосуда сохранилась одна наклепная ручка сосуда (возможно, изначально их было две).

Погребение было ограблено в древности. В могиле и на плитах перекрытия были обнаружены многочисленные фрагменты толстостенной корчаги. Внутри могилы в беспорядке находились кости взрослого человека. Лишь берцовые кости и стопа одной ноги сохранились *in situ*.

Курган № 5. В отчете В.М. Старушченко отсутствует план этого кургана.

Судя по описанию из полевого дневника, ограда представляла собой округлую выкладку из крупных плашмя положенных плит шириной около одного метра.⁷ В восточной части была найдена плита, поставленная на ребро по направлению в-з. Контрольные прокопы возле нее не дали никакого результата.⁸

Могила размерами 2,1 x 1 м была обнаружена в в-св. части ограды. На поверхности была оформлена скоплением различных плит песчаника с небольшим просадом в центре. Границы стенок могилы выявить не удалось, поэтому могильной яме условно придали форму прямоугольника.⁹ Сверху на скоплении камней перекрытия были найдены трубчатые кости животного, челюсть (овцы?) и кости человека: лопатка, ребра, фаланги и др.¹⁰ При расчистке могилы на глубине 145 см был обнаружен полный скелет взрослого человека ориентированный головой на запад. Умершего похоронили с согнутыми ногами, направленными вверх коленями (в отчете указано в скорченном положении), которые впоследствии упали вправо. У северной стенки между бедренными костями и тазом был найден небольшой плоскодонный глиняный сосуд.¹¹ С правой стороны у плеча лежало четырехгранное бронзовое шило, заостренное с обеих сторон. В 20 см южнее головы располагался бронзовый втульчатый наконечник копья,¹² длиной 21,4 см. Он представлял собой сильно удлиненное ромбическое в сечении перо без резких граней. На острых концах лезвия в

нижней части с обеих сторон было отмечено по 17 насечек.¹³ Под коленной чашечкой левой ноги обнаружен мраморный шарик (D-4 см) с отверстием в центре. При извлечении керамического сосуда из могилы не удалось сохранить его целостность. Плоскодонный красновато-коричневый сосуд баночного типа имел плохой обжиг и большую примесь крупнозернистого песка. Его поверхность была сплошь покрыта орнаментом, состоящим из косой сетки и ряда небольших жемчужин под венчиком. Лощеная поверхность с внутренней и внешней сторон местами отслаивалась.¹⁴

Способ захоронения, ориентация и характерный сопроводительный инвентарь позволяют сделать заключение о том, что в могилу афанасьевского времени было «впущено» более позднее окуневское погребение. При этом афанасьевский скелет был извлечен из могилы. Видимо именно его фрагменты и остатки жертвенной пищи в небольшом количестве были найдены на плитах и в заполнении могилы.

Курган № 11 расположен в 6,5 м к з-сз. от кургана № 8. На поверхности был замечен по хорошо очерченной круглой ограде, диаметром 6,8 м. В некоторых местах за пределом кольца ограды были отмечены скопления больших камней. В одном из них, находящемся на востоке, под плитами были найдены небольшие фрагменты трех керамических сосудов. Сама ограда после расчистки представляла собой круг из плашмя положенных плит среднего размера, оконтуренный поставленными на ребро небольшими плитками. С внешней стороны был выложен еще круг в один слой из камней большего размера.¹⁵

В западной части кургана под плитой внутренней ограды был обнаружен маленький остродонный горшочек (6,5 см высотой и 4 см диаметром), орнаментированный вертикальными пунктирными линиями из оттисков гладкого штампа.¹⁶

При разборе камней в ю-юв. части кургана был обнаружен небольшой прямоугольный каменный ящик размерами 0,9 x 0,45 м, перекрытый расслаивающейся плитой (1 x 0,65 м) песчаника. В могиле были найдены плохо сохранившиеся кости ребенка и круглодонный керамический сосуд (высотой 18 см), украшенный в верхней части резным арочным орнаментом.¹⁷

Могилы взрослого человека располагались в центральной части кургана. Она была выявлена по большому черному пятну (2,2 x 1,3 м) на глубине 0,5 м от дневной поверхности. Почти все кости умершего находились в беспорядке, встречаясь в разных частях и уровнях могилы. В состоянии *in situ* в северной части ямы находились лишь согнутые ноги и часть руки от локтя до фалангов пальцев. Практически в центре был найден раздавленный керамический сосуд.¹⁸

Еще два маленьких остродонных керамических сосуда нашли под плитами внутренней ограды в в-св. и с-сз. части кургана. Первый – без орнамента, грубо сформованный с бугорками и следами от пальцев. Его высота 9 см, диаметр достигает 6 см у венчика. Второй горшочек (высотой 10 см, диаметром 8 см) в верхней части украшен елочным орнаментом из резных косых линий.¹⁹

С внешней стороны кургана, под завалом плит на с-в., также был обнаружен остродонный керамический сосуд (13,5 см высотой, диаметром 8 см) орнаментированный длинными пересекающимися резными линиями.²⁰

Курган № 16 до раскопок на поверхности земли выглядел как большое скопление мелких камней. После расчистки проявилась ограда, представляющая собой круг диаметром 7,8 м, состоящий из плашмя положенных плит песчаника. Сразу за пределами ограды с с-в. и с северной стороны были обнаружены скопления камней, под которыми встречались фрагменты толстостенного сосуда без орнамента.²¹

В центре кургана располагались две могилы овальной формы размерами 3 x 2,5 м и 3,5 x 2,5 м. Они были заметны по наклонно или вертикально стоящим плиткам песчаника, находившихся по краям. В могиле № 1 на глубине 1,25 м был обнаружен скелет взрослого человека. Умершего похоронили головой на з-юз. с согнутыми в коленях ногами, которые впоследствии упали вправо (в скорченном положении на правом боку – у автора раскопок). С этой же стороны был обнаружен керамический сосуд в археологической сохранности. Сосуд имел яйцевидную форму, прямой венчик и был сплошь покрыт елочным орнаментом, состоящим из тонких длинных оттисков зубчатого штампа. Сам венчик был украшен рядами косых прочерченных разнонаправленных линий. Кроме описанного выше сосуда, в могиле у стенки в ногах были найдены фрагменты еще от двух горшков. Один из них был шаровидной формы без орнамента. Сохранность

его фрагментов была очень плохая, поверхность сильно слоилась. Другой сосуд представлен несколькими кусочками, орнаментированными рядами овальных вдавлений, расположенных под углом.²²

При разборке скелета было найдено небольшое (D-1,3 см) височное спиральное кольцо из серебра. Колечко лежал под черепом «в левой его части».²³ Других предметов в могиле обнаружить не удалось.

В могиле № 2 на глубине 1,35 м был найден еще один полный скелет взрослого человека, но уже в более плохой сохранности. Погребенного похоронили в вытянутом положении на спине, головой на з-юз. В разных местах могилы встречаются фрагменты керамики от нескольких сосудов. Среди них фрагменты от небольшой курительницы со ступенчатым профилем на поддоне, состоящем из семи округлых ножек (D-3 см). Небольшой горшочек был сплошь покрыт рядами наклонных оттисков овального зубчатого штампа. Кроме курительницы в могиле обнаружены фрагменты двух остродонных сосудов, большую часть которых удалось собрать. Один из них, также как курительница, по тулову был орнаментирован рядами овального зубчатого штампа. У самого дна сосуд украшал веревочный орнамент. Другой сосуд был оформлен зигзагами, образованными линиями гребенчатого штампа. На венчике и под ним шло два ряда прочерченных линий. Кроме описанных выше керамических изделий в могиле были найдены фрагменты горшочка, украшенного комплексным орнаментом, состоящим из косой зубчатой сетки, рядов удлиненно-овальных оттисков зубчатого штампа и прочерченных пересекающихся линий.²⁴

Раскопки под горой Моисеихой были закончены в начале июля, а через четыре месяца после этого В.М. Старущенко уволилась из Минусинского музея и переехала жить в Новосибирск. Все материалы из раскопок в наст. вр. хранятся в Минусинском музее и числятся под коллекционной описью № 9950/1-55.

Через 20 лет территория этого могильника была обследована Н.В. Леонтьевым, в результате чего сделана еще одна интересная находка. У северной оконечности афанасьевского могильника и в 50 м к ю-в. от располагавшейся здесь овчарни был обнаружен хорошо сохранившийся очаг окуневской культуры. Очаг имел форму овальной в плане ямы размерами 110 x 75 x 20 см, вытянутой по линии с-св. ю-юз., обставленной по краю песчаниковыми плитками. Дно ямы также было выложено плитняком. В ее заполнении, помимо обжженного камня угля и костей животных, были встречены восемнадцать обломков двух плоскодонных окуневских сосудов.²⁵

В результате исследования могильника под г. Моисеиха получен интересный комплекс материалов, которые могут быть использованы в работах посвященным проблемам культур палеометалла.

Примечания

¹ Книга приказов по Минусинскому госмузею им. Н.М. Мартыанова за 1958, 1959 гг. // Архив Минусинского музея. Оп.1, д.1096, с.70

² Там же. Оп.1, д. 1096, с. 72

³ Там же. Оп.1, д. 1096, с. 81

⁴ Там же. Оп.1, д. 1096, с.85, 94

⁵ Старущенко В.М. Отчет об археологических раскопках могильника у с. Потрошилово (Минусинский район), 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. - Оп.1, д. 509, с. 4

⁶ Оп.1, д. 509, с. 4

⁷ Старущенко В.М. Полевой дневник, 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. Оп.1, д. № 509а, с. 12

⁸ Там же, с. 15

⁹ Там же, с. 16

¹⁰ Там же, с. 18

¹¹ Там же, с. 20

¹² Копье в начале 1960-х гг. было утрачено из экспозиции Минусинского музея

¹³ Вадецкая, 1981 г. с. 18

¹⁴ Старущенко В.М. Отчет об археологических раскопках могильника у с. Потрошилово (Минусинский район), 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. Оп.1, д. 509, с. 23

¹⁵ Старущенко В.М. Полевой дневник, 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. Оп.1, д. 509а, с. 27

¹⁶ Там же, с. 29

¹⁷ Там же, с. 29, 32

¹⁸ Там же, с. 33. В отчете и дневнике сосуд не описан поэтому идентифицировать его не удалось.

¹⁹ Там же, с. 31, 32

²⁰ Там же. 509а, с. 29

²¹ Там же. с. 37, 39

²² Там же, с. 41, 46, 48

²³ Там же, с. 50

²⁴ Там же, с. 50

²⁵ Леонтьев, 2004 г., с.170

Литература

1. Вадецкая Э.Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981 г. – С. 13-21.
2. Книга приказов по Минусинскому госмузею им. Н.М. Мартьянова за 1958, 1959 гг.// Архив Минусинского музея. - Оп. 1, № 1096. – 43 л.
3. Леонтьев С.Н. К вопросу о становлении традиции плоскодонности керамической посуды в окуневской культуре // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Омский государственный университет, 2004 г. – С. 170-173.
4. Старущенко В.М. Отчет об археологических раскопках могильника у с. Потрошилово (Минусинский район), 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. - Оп. 1, № 509. – 133 с.
5. Старущенко В.М. Полевой дневник, 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. - Оп. 1, № 509а.- 54 с.

2009

Н.А. Орехова,
г. Красноярск

Письма барона Жозефа де Бая Савенкову И.Т. (к истории археологических исследований Енисея)

В фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова хранится небольшая коллекция писем¹ французского ученого барона Жозефа де Бая² русскому «ученому-просветителю» Ивану Тимофеевичу Савенкову.³ С именами этих двух ученых связана история археологических исследований Енисея, о которой писали дореволюционные авторы и пишут современные исследователи.⁴

Впервые они встретились в 1892 г. на Международном конгрессе антропологии и доисторической археологии в Москве. И.Т. Савенков представил участникам конференции огромную археологическую коллекцию, которую он собрал на Афонтовой и Базайской горах (вблизи г. Красноярск). Еще в 1884 г. в том же округе сибирскому ученому удалось найти орудия древнего человека, а вместе с ними кости мамонта, северного оленя. Сообщение И.Т. Савенкова носило название «Предварительные данные об открытии палеолита на Афонтовой горе». находка жилища древнего человека у подошвы Афонтовой горы датировалась периодом палеолита (15-20 тыс. лет назад). Это известие заинтересовало зарубежных ученых, напротив, русские исследователи приняли его равнодушно.

Особое внимание обратил на сообщение И.Т. Савенкова официальный делегат Министерства народного просвещения Франции барон де Бай, который высоко оценил его открытия. На конгрессе барон де Бай начал свою речь, цитируя заявление французского археолога и антрополога Катрфажа⁵: «Великий горизонт откроется для науки, когда будет исследована Сибирь». По мнению французского ученого, «это предсказание, наконец, сбылось».

Еще тогда, в 1892 г., барон де Бай высказал пожелание побывать в Сибири и посетить археологические места, упомянутые И.Т. Савенковым. Между ними завязалась переписка. К сожалению, сохранилось одно письмо, написанное рукой И.Т. Савенкова. Оно было отправлено из Москвы в Париж в [1892-1893 гг.]. Приводим текст письма полностью без сокращений.

№ 1.⁶ Черновик [1892-1893 гг.]

Высокоуважаемый барон Ж. де Бай!

Простите великодушно промедление и простите мою русскую речь, я уверен, что Вы легко найдете моего соотечественника, который с легкостью передаст Вам содержание моего коротенького письма. Моим глазам доступна французская речь, хотя не без труда. Я имею не мало капитальных сочинений по первобытной археологии, по каменному периоду, на французском языке.

Моему уху уже едва доступна живая французская речь, но мой язык почти совсем лишен умения передавать мои мысли по-французски. Этому Вы, высокоуважаемый барон, не будете удивляться, когда узнаете, что я, окончив курс в Петербургском университете, прожил без выезда 21 год на берегах р[еки] Енисей! Жалею, особенно теперь, после Конгресса, что не все эти годы занимался археологией, - я начал отдавать часы досуга первобытной археологии только с 1885 года.

Знаменитый ученый, сын чуждой, но симпатичной для всякого русского, страны, оказал коллекциям сибиряка, несомненно, большее внимание, чем его соотечественники – русские. Этого я никогда не забуду, и всегда буду вспоминать о Вас с благодарностью. Большое спасибо за брошюры.

Крепко жму Вашу трудолюбивую руку и от всей души желаю Вам всего хорошего.

Сердечно прошу передать Вашей супруге мой низкий поклон.

С глубо[ким] ув[ажением] и искр[енней] пред[анностью] ост[аюсь] всегда готов был полезен В[ашему] п[рево]с[ходительству]

И. Са[венков]

№ 2.⁷ Париж, 14 января 1893 г.

Милостивый Государь!

Ваше любезное письмо доставило мне большое удовольствие, оно мне было переведено одним из Ваших соотечественников, моим приятелем Н. Харузиным⁸, московским ученым.

Ваше письмо послужило мне доказательством, что Вы не забыли большого почитателя Ваших научных трудов. Ваши находки каменного периода, относящиеся к существованию человека в глубокой древности в Сибири, останутся, на мой взгляд, самым крупным фактом и славой последней сессии нашего международного Конгресса.

То, что было сказано мною в Москве, с целью указать на важность заслуг, оказанных Вами науке, было внушено мне искренним удивлением и желанием, чтобы мое чувство было разделено моими товарищами по Конгрессу.

К этому чувству присоединилось симпатичное отношение, вызванное во мне Вашей личностью и Вашими качествами.

Мне бы теперь очень хотелось дать известность каменным орудиям и разным изображениям на кости, найденным около Красноярска. Чтобы говорить о них во Франции и доказать всю их важность, мне необходимы были бы фотографические снимки. Мне бы очень хотелось получить фотографические снимки с этих предметов, они необходимы для того, чтобы оттенить интерес столь новых фактов.

Как только я получу возможность их продемонстрировать, я сочту за долг и удовольствие доложить о них в наших ученых Обществах, чтобы выставить на вид ценный результат Ваших изысканий.

Я опасаясь, что письмо и брошюра, которые я послал Вам в Москву, не дошли до Вас. Раньше моих посылок в Сибирь я посылал Вам другие брошюры в Москву.

Тысячу раз благодарю Вас за портрет.

Соблаговолите принять выражение моего глубочайшего уважения и полнейшей преданности.
Подписано: Бар[он] де Бай, 58. Avenue de la Grande Armée.

№ 3.⁹ 20 января 1893 г.

Милостивый государь,

В письме, посланном мною Вам несколько дней тому назад, я выражал живейшее желание получить от Вас фотографии каменных орудий и резных изображений на кости, найденных Вами близ Красноярска. Я их могу получить только в том случае, если Вы сами мне их пошлете или сделаете распоряжение в Москву, чтобы их мне доставили без замедления.

Как только я получу желаемые снимки, я приготовлю сообщение о Ваших важных находках для Академии Наук. Для этого необходимо, чтобы снимки предметов, выставленных Вами, не были опубликованы до того времени, пока я не доложу о них.

Таким образом, можно будет познакомить высшее ученое учреждение Франции с драгоценными результатами Ваших терпеливых изысканий.

Необходимо, чтобы факты, кот[орыми] Вы обогатили науку, были поставлены на вид и сделались бы известными на Западе.

Мне кажется, что я лучше, чем кто-нибудь другой могу исполнить это, так как я Вас знаю лично, и что я принадлежу к числу больших почитателей тех заслуг, кот[орые] Вы оказали доисторической археологии. Если бы Вам оказалось невозможным выслать мне фотографии, я удовольствуюсь хорошими рисунками или оттисками на гипсе. Я надеюсь, что у Вас в Красноярске найдутся лица, способные зарисовать или сделать оттиски.

Вы, наверное, до этого письма получили то, которое я Вам послал недавно вместе с моим портретом и моей последней брошюрой.

Примите еще раз выражение моей полнейшей преданности.

Подписано: Бар[он] де Бай.

№ 4.¹⁰ 21 февраля 1893 г.

Милостивый государь и уважаемый collega,

На будущей неделе я буду делать сообщение в Академии Наук о Вашей прекрасной находке и демонстрирую фотографические снимки, добыть которые мне было нелегко. Чтобы популяризировать находки на Афонтовой горе и Базаихе, сделанные Вами, было бы желательно, чтобы мой реферат в Академии был бы напечатан вместе с фотографиями. Если бы Вы пожелали мне дать на это Ваше разрешение, к тексту моего сообщения были бы приложены снимки, которые являются необходимыми, чтобы выдвинуть всю огромную важность предметов, с которых сделаны фотографические снимки.

Впрочем, моей единственной целью является ознакомить других с важными услугами, которые Вы оказали Вашими увенчанными успехами, терпеливыми изысканиями.

Я надеюсь выяснять, как они это заслуживают, данные, с которыми Вы ознакомили Московский Конгресс. Как я Вам говорил неоднократно, для Вас полезно распространить сведения о Ваших научных победах среди западных ученых.

Будьте столь добры, сообщить мне в возможно скором времени разрешение Ваше на опубликование предметов, фотографических снимков, которые у меня находятся. Я сожалею, что предметы не были сняты в большем количестве.

Примите, Милостивый Государь и уважаемый collega, выражение глубочайшей преданности.

Подписано: Барон де Бай, Париж. 58. Avenue de la Grande Armée.

На заседании Парижской Академии наук от 27 февраля 1893 года барон де Бай сделал сообщение об открытиях на берегах Енисея, мечтая его издать в ближайшее время.

№ 5.¹¹ 28 февраля 1893 г.

Милостивый Государь,

Вчера в заседании Академии Наук я прославлял Ваши прекрасные сибирские находки и публично отдал Вам заслуженную честь. Мое сообщение, конечно, будет напечатано, но мне бы хотелось, чтобы к нему были приложены рисунки и таблицы.

Целью моего последнего к Вам письма была просьба разрешить мне воспроизвести предметы, снятые в Москве. Конечно, если бы Вы смогли прислать мне рисунки других предметов найденных Вами как на Афонтовой горе, так и в Базаихе, я их охотно бы опубликовал, например, орудия из оленьего рога, служившие рукоятью для маленьких каменных орудий или служившие молотками. Кинжал или острие копья из клыка мамонта желательнее было бы опубликовать. Вы упоминаете об этих предметах на стр. 129 Вашего сочинения, помещенного в I-м томе Трудов Конгресса. Мне также очень хотелось бы знать точно название и породу материала употребленного для каменных орудий из Афонтовой горы. Что до Базаихи, у которой были найдены резные изображения лосей, - были ли найдены кости каких-нибудь других животных, кроме костей северного оленя. Мне неизвестна фауна этого слоя. Мне бы очень хотелось иметь рисунки стрел и остатков глиняных сосудов, найденных вместе с могилами.

Еще последний вопрос. Не все предмет из кости, изображенные на фотографии вместе с изображениями лосей найдены в Базаихе. Какие из них найдены на Афонтовой горе?

Вы меня, вероятно, извините за все эти просьбы и вопросы. Я хотел на этот раз только сообщить Вам, что я сделал известными в Академии Ваши важные открытия и невольно увлекся изложением моих просьб. Вы оказали слишком большие услуги науке, чтобы они оставались неизвестными в моем отечестве.

Один из Ваших соотечественников и моих добрых приятелей, находящийся ныне в Париже, взял на себя труд переводить письма, которые я Вам пишу.

Г-н Н. Харузин присутствовал в Академии при моем реферате и мог бы Вам рассказать, в каких выражениях я говорил о Вас и Ваших заслугах.

Примите, МГ.¹², выражение глубочайшей преданности.

Подписано: Барон де Бай.

Доклад барона де Бая был опубликован в 1894 г. в Париже под названием «Сообщение об открытиях, сделанных Г. Савенковым, в Восточной Сибири»¹³, об этом повествует следующее письмо без даты. Предполагаю, что это письмо написано в [1896-1897].

№ 6.¹⁴

Милостивый Государь,

Я весьма сожалел о том, что, возвращаясь из Москвы, не смог остановиться в Варшаве. Мне было бы приятно пожать Вам руку и поговорить с Вами о превосходных находках, которые Вы открыли в Сибири. Не забывайте, прошу Вас, Ваше любезное обещание предоставить мне несколько образчиков древностей с Афонтовой горы и Базаихи. Моя опубликованная работа о Ваших исследованиях - соответствует ли она Вашим пожеланиям и отражает ли Ваши мнения? Как я сожалел, что не мог представить больше иллюстраций! Я только смог воспроизвести те предметы, фотографии которых имелись.

Соблаговолите принять, Милостивый Государь, выражение моих глубочайших чувств и совершенной преданности.

Барон де Бай, Paris. 58, Avenue de la Grande Armée.

Спустя четыре года, после состоявшегося в 1892 г. Международного конгресса в Москве, сбылась мечта барона де Бая. Он посетил Красноярск дважды, в 1896 и 1897 гг. Во время этих поездок ему не удалось встретить русского коллегу. И.Т. Савенков работал инспектором народных училищ в Варшаве. В

1896-1897 гг. французский ученый посетил восточные и европейские губернии России, а также Сибирь. Им был выбран маршрут по местам продвижения древнейших людей с востока из Азии – в Европу. Выбор такого пути был обусловлен открытием И.Т. Савенкова на Афонтовой горе. После длительных путешествий (продолжительностью в полгода) была опубликована работа «От Москвы до Красноярска».¹⁵

В этой книге он вспоминает, что, прибыв в Красноярск, он посетил городской музей и увидел там множество археологических и этнографических находок, обнаруженных в районе Енисея. Он завязал контакты с консерватором музея М.Е. Кибортом и передал в этнографический отдел музея предметы, которые символизировали дружеские связи между Россией и Францией (из отчета музея за 1898 г.). Библиотека музея обогатилась многочисленными работами с автографами барона де Бая.¹⁶

Отсутствие Савенкова И.Т. в городе подтолкнуло барона де Бая к самостоятельному исследованию района Афонтовой горы. В своих воспоминаниях он писал: «Самой замечательной была Афонтова гора, куда я совершал многочисленные прогулки, и где я нашел в плейстоценовом слое кости северного оленя, лося, носорога, мамонта, первобытного быка, а также остатки древней фауны, сопровождаемые камнями, обработанными человеком. А ведь эти камни обработаны таким же образом, что и орудия, найденные во Франции, называемые мустьерскими».¹⁷ Были осмотрены и другие стоянки «древнего человека» в окрестностях Базаихи, Няши и Ладейки. Он констатировал, что неолитические поселения там были многочисленны.

Из г. Красноярска барон де Бай отправил И.Т. Савенкову в Варшаву письмо следующего содержания.

№ 7.¹⁸ [1896-1897 гг.]

Почтеннейший Государь,

Шлю Вам из Красноярска мои сердечные воспоминания. После Московского конгресса я очень часто вспоминал о Ваших великолепных открытиях и об их любезном авторе. Желание узнать о стоянках, которые Вы сделали знаменитыми, постоянно росло во мне. Как только я узнал, что железная дорога сможет меня доставить в Красноярск, я туда и отправился.

Среди лиц, с которыми здесь я имел удовольствие часто видеться и с которыми был рад познакомиться, находится и Ваш тесть. Надеюсь, что, покидая Красноярск, я оставлю здесь, как и везде, где бывал, друзей, которые меня не забудут. Впрочем, я был глубоко тронут любезностью, которую некоторые лица мне оказывают, щедро одаривая деликатными знаками внимания.

Два раза я уже посещал Афонтову гору. Здесь я обнаружил несколько значительных палеолитических предметов, но я хотел бы отобрать более значительные образцы, для того, чтобы их увезти во Францию и показать моим коллегам. В Париже не верили, что я доберусь до Красноярска, чтобы увидеть место исследования Ваших археологических находок. И вот я здесь и намерен отсюда увезти материалы, чтобы подкрепить взгляды, которые я высказал, и чтобы достойно отметить услуги, которые Вы оказали науке.

Будьте уверены, Почтеннейший Государь, в моих самых преданных чувствах.

Барон де Бай.

Перед отъездом из Красноярска барон де Бай присутствовал при закладке первого камня на строительстве железнодорожного моста через Енисей. Произведения архитектуры – мост и Эйфелева башня – заняли первое место на Международной выставке в 1900 г. в Париже.

Вице-губернатор г. Красноярска Приклонский не позволил французскому ученому уехать без подарков: он вручил ему очень интересную серию бронзовых статуэток Восточной Сибири и поручил передать их Министру народного просвещения для одного из парижских музеев.

Возвратившись в Париж, де Бай выставил сибирский археологический материал в музее Естественной истории (Гиме, 1899). Кроме этого, он выступил в Париже перед членами Академии наук со специальным сообщением о значении открытия на Енисее. Благодаря его трудам, сибирские древности приобрели известность во Франции. После смерти барона де Бая, его коллекции, «плод» его путешествий

в Россию, были рассредоточены во многих музеях Франции. Музей национальных древностей в Сэн-Жермен-Лай обладает сибирскими идолами, а Музей человека и Институт антропологии имеют муляжи предметов, собранных на Базаихе.

Примечания

¹ Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова (далее МКМ). Савенков И.Т. Переписка с бароном де Баем. 1893 г. Оп. 3. Д. 11. Св. 1. 28 л.

² Амур-Огюст-Луи-Жозеф Берто, барон де Бай (1853-1929), археолог, известен как во Франции, так и в России. Он сосредоточил сначала свою научную деятельность во Франции в местностях Пти-Морэн, Куазар и Куржоне. Наработки его первых раскопок были представлены в 1872 г. в обществе Академии наук, и в том же году на антропологическом конгрессе в Брюсселе. Как член антропологического общества, он принимал участие в Стокгольмском (1875), Будапештском (1876), Лиссабонском (1881) и Туринском (1886) конгрессах. Большая часть научной работы барона де Бая приходится на период между 1890 и 1920 гг., и посвящена она деятельности за рубежом, в особенности в России. Воспоминания о поездках охватывают всю Российскую Империю, как в географическом, так и этнологическом и археологическом (доисторическом и историческом) плане: «В Абхазии», «В Крыму», «В Грузии», «В Литве», «В Новороссии», «В Малороссии», «На Севере Кавказской гряды», «От Москвы до Красноярска», «От Пензы до Минусинска» и др.

³ Савенков Иван Тимофеевич (1846-1914) – археолог, геолог, происходил из купеческой семьи. Учился в Иркутской гимназии. Окончив в 1877 г. естественное отделение Санкт-Петербургского университета был преподавателем Красноярской гимназии, а затем основателем Красноярской учительской семинарии. С 1906 г., выйдя в отставку, отдался работе в области археологии. Последние годы он состоял директором Минусинского Мартьяновского музея. Его раскопки Афонтовой горы (в окрестностях Красноярска) вызвали большой интерес среди русских и европейских ученых, т.к. пролили новый свет на эпоху палеолита в Сибири. Имеет около 20 печатных работ, которые касаются вопросов археологии, геологии и этнографии. Основные работы: «Каменный век в Минусинском крае», М., 1897. «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее», М., 1910.

⁴ Киборт М. Посещение с ученой целью бароном де Бай города Красноярска /М.Киборт // Енисейские губернские ведомости. – 1900. – 29 июля; Ауэрбах Н.К. Первый период археологической деятельности И.Т. Савенкова / Н.К. Ауэрбах // Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартьянова. Т. VI. – 1928. – С. 163-185; Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. / В.Е. Ларичев. – Новосибирск, 1969. - 35-58; Макаров Н.П., Безызвестных Е.Ю. Неутомимый исследователь древностей. / Н.П. Макаров, Е.Ю. Безызвестных // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С. 43-57. и др.

⁵ Катрфаж де Брео (Quatrefages de Bréau) Жан Луи Арман (1810-1892), французский зоолог, эмбриолог и антрополог, член Парижской АН (1852). Профессор зоологии в университетах Тулузы и Парижа. С 1855 г. заведующий кафедрой антропологии и этнографии Музея естественной истории в Париже. Автор монографий по болезням шелкопряда (1858) и естественной истории кольчатых червей (1865). Издал (совместно с антропологом Э. Гами) альбом человеческих рас. Многие исследования К. послужили основой для представлений об эволюции органического мира, хотя он был противником эволюционного учения Ч. Дарвина; выделил человека в отдельное «царство» и отрицал его генетическое родство с миром животных. Соч.: Histoire naturelle des annelés marins et d'eau douce. Annelides et géphyriens, t. 1-2, P., 1865; Crania ethnica. Les crânes des races humaines..., v. 1-2 et atlas, P., 1882 (совм. с Е. Т. Наму); L'espèce humaine, 8 éd., P., 1886; в рус. пер. - Метаморфозы человека и животных, М., 1864.

⁶ МКМ. Савенков И.Т. Переписка с бароном де Баем. 1893 г. Оп. 3. Д. 11. Св. 1. Лл. 27-28.

⁷ Там же. Лл. 13-14, 25-26. Перевод с французского языка на русский язык Н. Харузина. Текст и стиль перевода сохранен полностью.

⁸ Харузин Николай Николаевич (1865-1900) – этнограф, историк и археолог. Первый в России (с 1898) начал читать курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Проводил экспедиционные работы (1886-96) в Крыму, на Кавказе, в Архангельской и Олонекской губернии, Прибалтике и Сибири. Систематизировал материалы по этнографии России, собранные в XVIII-XIX вв. Применял метод комплексного изучения данных этнографии и смежных дисциплин (образец метода – его монография «Русские лопари», 1890). Важнейшие труды посвящены обычному праву, развитию семьи и рода, религиозным верованиям, истории жилища (см. курс лекций «Этнография», в. 1-4, 1901-1905). Посмертное издание: «Этнография», лекции, читанные в Моск. унив. (вып. I. «Часть общая и материальная культура», СПб., 1901; вып. II. «Семья и род», СПб., 1903; вып. III. «Собственность и первобытное государство»; вып. IV. «Верования».

⁹ Там же. Лл. 11-12, 21-22. Перевод Н. Харузина. Текст и стиль перевода сохранен полностью.

¹⁰ Там же. Лл. 5-6, 9-10. Перевод Н. Харузина. Текст и стиль перевода сохранен полностью.

¹¹ Там же. Лл. 7-8, 23-24. Перевод Н. Харузина. Текст и стиль перевода сохранен полностью.

¹² Милостивый Государь.

¹³ Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibérie Orientale. Lecture faite à l'Académie des sciences dans la séance du 27 février 1893 par le baron de Baye, membre de la Société nationale des antiquaires de France, correspondant du Ministère de l'instruction publique. - Paris, 1894. (хранится в библиотеке КККМ).

¹⁴ Там же. Лл. 17-18. Перевод с французского языка на русский язык Н. Ореховой.

¹⁵ De Moscou à Krasnoïarsk. Souvenirs d'une mission par le Baron de Baye. - Paris, 1897. (хранится в библиотеке КККМ); Орехова Н.А. Барон Жозеф де Бай: сибирский след. / Н.А. Орехова // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 1. 70-летию Красноярского края посвящается. – Красноярск, 2004. – С. 60-66. (фрагмент из книги «От Москвы до Красноярска» в переводе с французского языка на русский язык Н.А. Ореховой).

¹⁶ Les bijoux francs et la fibule anglo-saxonne de Marilles (BRABANT) par le Baron J. de Baye. – Caen, 1889; Note sur quelques antiquités découvertes en Suède par le Baron J. de Baye. - Paris, 1890; Note sur des bijoux barbares en forme de mouche par le Baron J. de Baye. – Paris, 1895; Du Volga à l'Irtisch par le Baron de Baye. – Paris, 1896; Comptes rendus des séances des 5 et 19 mars 1897 de la Société de géographie. – Paris, 1897. etc.

¹⁷ De Moscou à Krasnoïarsk. Souvenirs d'une mission par le Baron de Baye. - Paris, 1897. – P. 42. (перевод автора статьи).

¹⁸ МКМ. Савенков И.Т. Переписка с бароном де Баем. 1893 г. Оп. 3. Д. 11. Св. 1. Лл. 15-16. Перевод с французского языка на русский язык Н. Ореховой.

2009

В.А. Плешакова,
г. Норильск

Современная роль музея в выявлении, учёте и сохранении памятников истории и культуры

Памятники истории и культуры представляют собой уникальные, ничем не заменимые и невозобновимые свидетельства исторического развития народа, личности, государства и служат основами духовной, моральной и интеллектуальной жизни. Такая роль отводится памятникам на основании Федерального Закона Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» принятого Государственной Думой 24 мая 2002 г. Новый Закон упразднил Закон СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а так же другие нормативные акты Советского периода, т. о., создав новую законодательную и правовую основу, завершив перестроечный период политико-экономического передела кон. 1980-90-х гг. ознаменованного разрушением всех связей и обязательств в отношении содержания и охраны памятников.

В 1990 г. вся работа, связанная с выявлением, постановкой на учёт, охраной и созданием памятников на территории Норильского промышленного района была передана музею. Официальные документы, подтверждающие полномочия музея в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия и по настоящее время не изданы. Просто музей на протяжении почти 20 лет, вместе с сохранением своих музейных коллекций, занимается не только охраной, но и увековечиванием историко-культурного наследия всех поколений норильчан, включив их в свой план работы.

Что бы исключить спонтанность и упорядочить весь комплекс организационных, творческих, материальных и финансовых вопросов проектирования, изготовления и строительства, а также содержания историко-культурных объектов в хорошем состоянии, необходимо было выработать концепцию и перспективный план.

В 1994 г. музеем была разработана первая перспективная концептуальная программа формирования мемориальных зон исторической среды Норильского промышленного района на 1995-2000 гг. Постановлением Главы Администрации города Норильска от 10.02.95 г. она была одобрена и утверждена

основные её мероприятия. К сожалению, административное постановление не стало действующим, за исключением тех пунктов, которые касались непосредственно работы музея.

В 2004 и 2007 гг. были подготовлены «Концепция формирования историко-культурной среды и мемориальных зон на территории Муниципального образования «город Норильск» на 2004 – 2010 гг.» и «Порядок утверждения проектов историко-культурных объектов на территории единого муниципального образования «город Норильск». Документы были рассмотрены депутатской комиссией Городского Совета, но решения по этим документам приняты не были.

Несмотря на то, что ряд подзаконных актов и других документов отсутствуют на уровне государственной, региональной и местной власти (или находятся лишь в начальной стадии разработки), отсутствует планомерное целевое финансирование, тем не менее, работа по охране и созданию памятников и других мемориальных объектов на территории Норильска осуществляется.

Музей истории НПП является не только хранителем 30 недвижимых памятников истории и культуры и более 40 мемориальных и памятных досок, но является и инициатором и организатором формирования исторической среды Норильска, занимается популяризацией объектов культурного наследия.

За период с 1990 г. музеем наряду с другими общественными, государственными или частными организациями были разработаны и осуществлены проекты:

- Увековечивание памяти о невинно репрессированных узниках Норильлага. Организация Мемориального комплекса «Норильская Голгофа», памятников и мемориальных досок на территории Норильска.

- Увековечивание памяти о норильчанах, внёсших особый вклад в историю города и комбината. Установка памятников и мемориальных досок в местах связанных с их жизнью или посмертным захоронением.

- Увековечивание памяти о норильчанах, участниках локальных войн и конфликтов.

- Мемориал «Чёрный тюльпан», мемориальные доски на зданиях учебных заведений Норильска

За последнее десятилетие стали активизироваться проявления самосознания населения Норильска не только как жителей индустриального района, но и как жителей исконной территории Таймыра, с присущей ему исторической средой. Возникающие вопросы о до индустриальной истории города, о первопроходцах и исследователях, будоражат умы историков, журналистов и краеведов. Задаваемые ими вопросы, требуют не только ответов, но и увековечивания и сохранения истории Норильского района за период предшествующий началу строительства Норильского горно-металлургического комбината и города.

На базе музея в 2005 г. с целью объединения усилий энтузиастов для проведения историко-краеведческих исследований на Таймыре создаётся общественная организация «Норильский экспедиционный клуб им. Вл. Троицкого». Клуб создан по инициативе норильских геологов с многолетним полевым опытом работы в Заполярье. Проводя геологические изыскания, геологи не могли не заметить памятники, гурьи, кресты и другие памятные знаки, установленные даже в самых труднодоступных уголках Таймыра. Простое любопытство со временем переросло в сильное увлечение историей освоения Севера, и со временем ими был разработан проект «По следам Полярных экспедиций», поддержанный нашим музеем и другими организациями города.

По первоначальному плану исторических поисков было принято решение разграничить поиск четырьмя районами:

Зимовье Введенское. Красноярский край, Таймырский М.Р., р. Пясины, зимовье Введенское.

Станок Введенское – старинное поселение, упоминающееся в таможенных мангазейских книгах, в отчетах Х. Лаптева и А. Миддендорфа. Через Введенское проходил санный путь из Дудинки на Хатангу – станок выводил на затундринскую дорогу (она указана на карте Генерального штаба 1914 г., по которой и работал Н. Урванцев). В Введенском останавливались участники экспедиций первопроходцев: Х. Лаптева, А. Миддендорфа, Н. Урванцева.

Необходимо привлечение археологов и установление памятных знаков:

Западный Таймыр, и р. Пясина. Зимовья XVII-XVIII вв. Опорные базы продвижения русских землепроходцев на Таймыр – зимовья: Введенское, Паленое, Черное, Спиридоновское, Петимское, Сухановское, Верхнее и Нижне-Пясинское, Моржовое, Убойное, Зверово. Через эти «станки» проходил водный путь из Енисея на Хатангу. Эти старинные поселения, упоминаются во многих документах: в таможенных мангазейских книгах, в отчетах Х. Лаптева, Ф.Минина и А. Миддендорфа.

Зимовье Тобольского на острове Чаек. В зимовье Тобольского останавливались участники ВСЭ: Х. Лаптев, штурман С. Челюскин, штурман Д. Стерлегов, боцман «Якуцка» В. Медведев. На южном входном мысе нынешней бухты Рыбной «поставлен маяк штурмана Минина в 1740 г.», как записано в их журнале (этот маяк никто никогда не находил).

Зимовье Стрелово в устье нынешней речки Лемберова. Сохранились его развалины. В зимовье Стрелова Челюскин прожил с 20 июня по 15 июля 1741 г., ожидая с Енисея оленей и лодок.

Зимовье на мысе Зверобой. В сентябре 1930 г. «Зверобой» наскочил на неизвестный риф напротив зимовья Громадского в Пясинском заливе и, получив пробоину, затонул. Обломки «Зверобоя» еще несколько лет виднелись неподалеку от зимовья у скалистого мыса, получившего по судну название-мыс «Зверобой». Участники клуба предполагают установить на этом месте памятный знак.

Центральная часть побережья от Шхер Минина до бухты Мод. Предполагаемый поиск следов экспедиции В.Русанова на шхуне «Геркулес» (1912-1913 гг.). Летом 2005 г. на берегу бухты Мод, полуострова Челюскин, участником клуба Ю.И. Веселянским был найден фрагмент борта судна, и фланец. Предварительные исследования косвенно указывают их принадлежность шхуне «Геркулес».

Восточное побережье Таймыра. Исходными данными для исследований в данном районе послужили архивные материалы Великой Северной экспедиции (1733-1743 гг.), на основе которых были разработаны поисковые версии и составлен план полевых работ.

Членами экспедиционного клуба были осуществлены три экспедиции, отчёты по которым состоялись в МБУ «Музей истории освоения и развития НПП», материалы опубликованы в газете «Заполярный Вестник», подготовлен репортаж ГТРК «Норильск». Отчёты по результатам экспедиций переданы в Московский Институт культурного наследия, Ассоциацию Полярников Москвы и Мурманска, ООО НПО «Северная Археология-1», с тем, что бы привлечь внимание профессиональных историков и археологов к тем проблемам, которые были обнаружены в ходе экспедиционных исследований. Одна из задач стоящих перед членами клуба состояла в изучении современного состояния памятников, фотофиксации исторических объектов. Уже после знакомства с первыми страницами отчета по итогам экспедиции стало ясно, реальность происходящего на Таймыре куда серьезнее любых сомнений и опасений. Многие важные исторические объекты, относящиеся как к деятельности Великой Северной экспедиции, так и к освоению Таймыра в период XVII-XX вв. находятся в удручающем состоянии. Памятник регионального значения «Остатки базового посёлка 1739 года отряда землепроходца Лаптева Харитона Прокопьевича» стоит на грани полного исчезновения. Ежегодно, во время весеннего паводка происходит разрушения береговой линии, а вместе с ней и часть посёлка в скором времени обрушится в море. Если в ближайшее время не будут приняты меры, то мы можем навсегда лишиться одного из главных материальных свидетельств деятельности ВСЭ на Таймыре.

Учитывая этот факт, участники экспедиции осмелились самостоятельно провести первичные археологические исследования, и обследовали почву с помощью металлодетектора. В нескольких местах был вскрыт поверхностный слой на площади двух домов. Делалось это предельно осторожно, с расчетом максимально сохранить первозданность объектов. На точках, где детектор указывал на наличие металла, вырезался фрагмент дерна размером примерно 30x40 см на глубину до пола. Извлеченный фрагмент разрезался пополам, половинки проверялись на наличие металла и «чистая» половинка возвращалась на место и так до тех пор, пока не удавалось приблизиться к залежавшему в толще металлу. Было найдено порядка около 30 предметов, в последствии переданных в музей для дальнейшего изучения и хранения. В числе находок: обломок ножа, два старинных замка, кованые гвозди и цепь, гарпун, топор с фрагментами деревянного топорища, старинное кольцо с печаткой. На печатке – гравировка, сделанная опытной рукой

мастера. Подобное кольцо было обнаружено и во время экспедиции 2008 г. на развалинах старинного зимовья, расположенного в устье реки Цветкова.

Итогом почти пятилетнего союза музея и экспедиционного клуба стал совместный проект по созданию информационно-справочной системы об объектах культурного, исторического и природного значения, находящихся на полуострове Таймыр.

Совет по грантам Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства поддержал нашу инициативу, и с этого года мы работаем над его реализацией. Презентация Web приложения информационно справочной системы «Таймыр+» состоится 18 апреля в Международный День охраны памятников. После этого любой желающий в сети Интернет по адресу <http://taimyrplus.info> может познакомиться с памятниками истории и культуры севера Красноярского края.

Литература

1. Концепция формирования и сохранения историко-культурной среды и мемориальных зон на территории муниципального образования «город Норильск» 2007-2017 гг. Научный архив МБУ «Музей истории НПр» – Норильск, 2007 г.
 2. Отчет о поисковой работе НЭК им. Вл.Троицкого 2005. Научный архив МБУ «Музей истории НПр» - Норильск, 2005 г.
 3. Отчет о поисковой работе НЭК им. Вл.Троицкого 2006. Научный архив МБУ «Музей истории НПр» - Норильск, 2006 г.
 4. Отчет о поисковой работе НЭК им. Вл.Троицкого 2008. Научный архив МБУ «Музей истории НПр» - Норильск, 2008 г.
 5. Проект «По следам полярных экспедиций». Научный архив МБУ «Музей истории НПр» - Норильск, 2008 г.
- 2009

О.М. Сазонова,
г. Новосибирск

Археологические изыскания краеведа В.К. Добрынина

В 30-е гг. XX в. в Сибири наблюдается всплеск краеведческого движения. На фоне политической и идеологической пропаганды краеведческой работы начинает формироваться интерес к древнейшему прошлому своей родины. Многие занимаются поиском следов жизнедеятельности человека на территории своего проживания.

Благодаря стараниям «краеведов-энтузиастов», местные музеи начинают пополняться археологическим материалом, кроме этого поступает большой объем информации о найденных памятниках археологии от фрагментов керамики и остатков каменной индустрии, до открытия стоянок, курганов и памятников древнего наскального искусства.

Одним из таких энтузиастов, интересующихся археологией, и был Валентин Корнилович Добрынин.

С целью поиска и осмотра памятников археологии, Добрынин совершал поездки по территории края. В сер. 1950-х гг. судьба привела исследователя на Шалаболинскую писаницу. Не знакомый с историей исследования данного петроглифического комплекса В.К. Добрынин посчитал, что открыл новую писаницу. Осмотренный им памятник исследователь первоначально назвал «Ильинскими утесами».

Выполнив детальное описание месторасположения памятника и некоторых осмотренных им плоскостей с рисунками, Добрынин отправляет письмо в Красноярский краеведческий музей, в котором, помимо наскальных рисунков, он сообщил о виденных им на скалах в окрестностях с. Ильинка лозунгов 1909 г. революционного содержания.

«Река Туба на значительном протяжении, является естественной границей между Минусинским и Курагинским районами. В 60-ти км от устья долина р. Тубы достигает ширины три-четыре км с множеством больших и малых рукавов притоков. Вся долина реки занята густой растительностью кустарниковых пород, которая весной заливается водой, и поэтому здесь растут обильные травы. Берега долины высокие, скалистые, местами обрывистые, образующие утесы, на правом берегу в четырех километрах выше деревни Ильинки напротив с. Тесинского привлекают внимание так называемые «Ильинские утесы» в этих местах р. Туба подходит близко к утесам, и некоторые скалы вертикально уходят под воду, в большую воду по береговой линии пройти невозможно.

«Ильинские утесы» начинаются от устья Ильинской протоки и тянутся вверх по реке на протяжении десяти километров, постепенно переходя в крутые увалы около с. Шалаболино. Наиболее интересны эти утесы на протяжении первых четырех-пяти километров от устья протоки, здесь на всем протяжении встречается много древних изображений животных и зверей, высеченных на гладкой поверхности скал, каким-то острым металлическим орудием. Отдельные рисунки со временем настолько сгладились, что контуры их мало заметны, некоторые изображения хорошо сохранились и легко поддаются зарисовке на бумаге или фотографированию, по этим изображениям легко узнать: собаку, медведя, северного оленя с ветвистыми рогами, сохатого и других животных. Совершенно не понятно изображение животного, похожего на лошадь, на боках которого нанесены вертикальные полосы. Создается впечатление полосатой лошади. Там же встречается изображение дворов огороженных забором и частыми столбами, внутри этих дворов под охраной человека, вооруженного длинным шестом бродят животные... Изображения, сохранившиеся на «Ильинских утесах» до наших дней это результат творчества народов, населявших в прошлом эти места».

Изучив письмо Добрынина, сотрудник Красноярского краеведческого музея Р.В. Николаев, выполняя осмотр памятников попадающих в зону застройки будущего алюминиевого завода, попутно посещает Шалаболинскую писаницу.

При первом осмотре писаницы Добрынин, не выполнял копий наскальных изображений, т. к. по видимому, еще не был знаком с методикой копирования петроглифов. Но начав работу с Р.В. Николаевым, исследователь перенял от него способы фиксации наскальных рисунков.

Р.В. Николаевым и В.К. Добрыниным было проведено совместное исследование и частичная выкопировка наскальных изображений. Часть рисунков, которые были недоступны, были зарисованы (визуальная графическая фиксация).

Скопированные и описанные Добрыниным и Николаевым рисунки Шалаболинской писаницы ранее не были неизвестны. Часть рисунков были обследованы И.Т. Савенковым. Выявленные композиции, как выяснилось, были в свое время достаточно точно скопированы путем эстампажа А.В. Адриановым в 1910 г., а материалы опубликованы в 1949 г. К.В. Вяткиной. Но, учитывая ограниченный доступ к центральным изданиям и столичным архивам в далекой сибирской глубинке, общий второстепенный интерес на тот период в советской науке к петроглифам, работы, проведенные В.К. Добрыниным и Р.В. Николаевым, можно оценивать на уровне первооткрытий для сибирской науки.

Помимо этого, заслугой Добрынина и Николаева является открытие наскальных изображений, на расположенной недалеко от Шалаболинской писаницы Березовой горе. Вторичное их открытие было связано с работами В.Ф. Капелько в 1977-1980 гг. во время исследований Шалаболинской писаницы. Материалы работ пока не опубликованы.

После совместной работы с Р.В. Николаевым, В.К. Добрынин неоднократно посещал территории, прилегающие к Шалаболинской писанице, т. к. уже в первый свой осмотр окрестностей памятника, отметил для себя, что эта местность богата археологическим материалом.

Помимо совместной работы с Р.В. Николаевым, Добрынин сотрудничал и работал с М.П. Грязновым, в Красноярской археологической экспедиции на Тепсее. Являясь хорошим фотографом, Добрынин выполнял фотосъемку как найденного археологического материала, так и проведение самих раскопочных работ. В последствии в результате накопленных им сведений Добрынин публикует несколько статей в газете «Знамя Ильича», выпускаемой в Краснотуранском районе. В разделе «Далекое прошлое нашего

края» появляются принадлежащие перу В.К. Добрынина научно-популярные статьи, содержащие информацию о работе Красноярской экспедиции Грязнова, такие как «Тайна горы Тепсей», «Научный поиск продолжается», снабженные как рассказом о работе экспедиции, так и великолепными иллюстрирующими фотографиями.

В очерках Добрынин дает характеристику народам, проживающим в древности на территории Енисея, характеризует личность своего начальника М.П. Грязнова.

Участвовал В.К. Добрынин и в экспедиции под руководством Л.Р. Кызласова в 1968 г. в период раскопочных работ по изучению оборонительных сооружений древнехакасского государства. Свои наблюдения о работе в районе Оглахтов, Добрынин изложил в статье «Древняя крепость на берегах Енисея».

Собственные научные изыскания, сотрудничество и работа с Р.В. Николаевым, М.П. Грязновым, Л.Р. Кызласовым – так перед нами складывается картина жизнедеятельности человека, которого всю его жизнь интересовала археология, и он всеми силами, оставаясь при этом в тени других ученых собирал и умножал археологическое достояние.

Литература

1. Вяткина К.В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // Сб.МАЭ. Т.12. М.-Л., 1949. - С.417-484.
2. Добрынин В.К. Древняя крепость на берегах Енисея. // Знамя Ильича. 1969 г. № 108.
3. Добрынин В.К. Тайна Горы Тепсей. // Знамя Ильича. 1970 г. № 136 – 138.
4. Добрынин В.К. Научный поиск продолжается. // Знамя Ильича. 1970 г.
5. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Марченко Л.А., Макулов В.И., Березовский А.П., Журавков С.П., Емельянов И.Н., Бабина М.С., Чуракова Е.В. Результаты исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2002-2003 гг.)//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I – С. 342-346.
6. Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе в 1957 г. в зоне строительства алюминиевого комбината и на юге края, в том числе Курагинский район, Оглахты, Боградского района Хакасии 1957 г. // Архив ККМ, оп. 5 д. 71 – 1.
7. Николаев Р.В. Таблицы к отчету о полевой археологической работе музея в 1957 г. // Архив ККМ № 675 оп. № 5 д. № 71 – 2
8. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.
9. Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв.ВСОРГО. Т.17. № 3-4. Иркутск, 1886.- С. 26-105.
10. Савенков И.Т. О древнейших памятниках изобразительного искусства на Енисее // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. – М., 1910.

2009

В.Н. Тугужекова,
г. Абакан

Сакральные (священные) памятники Хакасии – этническая культура хакасов

В 60-е гг. XX в. активизировались научные исследования по изучению взаимоотношений религии со средой обитания человека, появились работы по этнической антропологии, этнической демографии, этнографии, этнической истории и т.д. В кон. XX в. в России сформировалось целое научное направление по сакральной экологии, изучающее религиозно-экологическую сторону мировоззрения верующих людей и их взаимоотношения со средой обитания. Определение слова «сакральный» – от латинского *sacra* или *sacri* – священный, культовый, обрядовый, тайный. Сакральные памятники Хакасии являются частью этнической культуры хакасов.

Сакральное, священное место – место, обладающее священным статусом; пространственный объект, выделенный из области повседневной жизни и предназначенный для выполнения регулярных культовых действий, направленных на взаимодействие со священными сущностями и силами. Оно отличается от мирских и религиозных пространственных объектов совокупностью идеальных (духовных) и материальных (физических) характеристик. В идеальном плане, в религиозном сознании, священное место – ценность высокого порядка, земное местопребывание духов и богов, сосредоточение магических сил, вызывающее чувство благоговения и требующее чрезвычайного почтительного отношения. Наличие в исторических документах или этнографических данных таких характеристик позволяет идентифицировать пространственный объект как святилище, священное место. В материальных признаках, с которыми в первую очередь имеет дело археология, святилище – пространственный объект, как правило, обособленный от других объектов естественными или искусственными границами, не имеющий утилитарного назначения, содержащий в своих пределах культовые предметы и следы регулярных ритуальных действий.

Конкретное изучение древних святилищ показывает, что в большинстве случаев места для их обустройства выбирались отнюдь не произвольно. Человек выделял в окружающем земном мире места, вызывавшие сильные эмоциональные реакции, пробуждавшие воображение и стимулирующие интеллектуальную деятельность; эти локусы пространства соответствовали религиозным представлениям о местах обитания духов, богов и иных «сил», отмеченных качеством святости. Средством сакрализации места выступает религиозный ритуал, священнодействие. Наполнив определенный локус земного пространства сакральными образами, символами и действиями, отделив его от окружающей среды условными или реальными границами, отправляя там регулярно обряды, человек создал святилище.

На ранних этапах истории объекты природного ландшафта (горы, водные источники и пр.) маркировались строго по родам. В результате образовались «родовые территории», имевшие выраженные естественные границы. При освоении территории наиболее важным являлся ландшафтный объект (долина, гора, озеро и т.п.), т.е. то место, где собирались люди для проведения общественных мероприятий. Так, оформились родовые места поклонения.

У народов Южной Сибири природные места, где проводились национальные праздники, культовые обряды, камлания шаманов считались сакральными, т.е. священными местами.

Как правило, священные места связаны с традиционным мировоззрением коренных народов Южной Сибири. Как и раньше большая часть коренных народов Южной Сибири (хакасов, тувинцев, алтайцев, шорцев) обожествляет природу, природные стихии, в народной памяти и в обрядовой практике сохраняется поклонение различным природным стихиям, духам: духу огня, духу воды, духу гор и т.д.

Т. о., священные места народов Южной Сибири представляют собой:

1. Памятники духовной культуры, связанные с мировоззрением и религиозными представлениями и интеллектуальной деятельностью человека.
2. Памятники материальной культуры.

В Хакасии, как и в других регионах Южной Сибири, к таким священным местам относят не только священные горы, определенные местности, но и археологические памятники: древние курганы, каменные изваяния и др.

По подсчетам этнографа В.Я. Бутанаева в Хакасии около 200 культовых мест, по данным Совета старейшин Республики Хакасия их более 300.

Наиболее почитаемые среди хакасского населения священные горы: Борус, Изыхские, Уйтаг, Самохвал, Сундуки. Горы сформировали представления хакасов о своей территории как о горно-степной стране, находящейся в центре Саяно-Алтайского нагорья и окруженной со всех сторон горными хребтами. Например, Кузнецкий Алатау в поэтике хакасского фольклора именуется «Улгенниг сын» (Божественный хребет), а Саяны «Хан Тигир сын» (Поднебесный хребет).

Великие горные вершины Хан-Пургус (Борус), Хан-Прадай, Коль-Тайга, Хан-Чалбан и другие представляют родовые горы хакасских сеоков, от которых ведут свои жизненные истоки. Для почитания горных духов через каждые три года шаманы проводили камлания.

Почитаемые горы и местности, имеющие своих духов-покровителей, назывались «ээлиг чир» – буквально «земля, имеющая своего хозяина». Обычно там происходят аномальные явления, связанные с проделками горных духов. Хакасы с почтением относятся к подобным местам и, проходя мимо, обязательно совершают кроплением вином или табаком.

На горных перевалах в честь духов-хозяев насыпались священные каменные груды – обаа. Каждый проходящий человек обязан им поклониться и внести сюда свою лепту. Как правило, мужчины бросали камни, взятые во время восхождения, а женщины втыкали со стороны востока ветви от берез. Если человек впервые проходил через перевал, то он обязательно должен был повязать священную ленту «чалама» на шесты, воткнутые в груды «обаа», иначе его жизненный век сократится. Около «обаа» нельзя смеяться или петь песни. При наличии вина присутствующие троекратно по солнцу обходили священную гряду камней и окропляли «обаа» спиртным. В ночное время запрещалось подниматься на перевалы.

Кроме священных гор, горных перевалов хакасы издревле почитали культ воды. Ежегодно в начале лета на новолуние совершали моление воде (суг тайии) в истоках почитаемых ручьев или на берегах крупных рек – Абакана, Белого и Черного Июсов, Чулыма и Енисея. В озерном краю северной Хакасии водное жертвоприношение проводилось на берегах озер. Моление проводилось на таких озерах, как Хара кол (Черное озеро), Ос кол (Осиновое), Айран кол (Айранное озеро), Тигір кол (Небесное озеро) и др.

В долинах рек Абакана, Июсов, Чулыма и Енисея хакасы ежегодно проводили Небесные моления. В Хакасии отмечено более сотни гор, где на господствующих вершинах проводились моления Великому небу, причем 20 из них носят названия «Тигір тайычан таг» – гора Небесного жертвоприношения. В некоторых местах, как, например, в долинах рек Улень, Камышта и Ниня, каждый год небесные моления проводили на разных горах, но через три года возвращались к исходному положению. Например, фамилия Кирбижековых проводила «тигир тайии» в первый год на горе Бытаг, потом – на г. Хайбытаг, на третье лето – на г. Хуюлыг таг, затем снова все повторялось. Жители аала Усть-Бирь в первый год делали небесное жертвоприношение на г. Колергит, во второй – на г. Чан ссорах, в третий – на г. Изых-таг в верховьях р. Уйбат, а затем опять на г. Колергит.

Абаканские качинцы (аал Трояков и др.) устраивали моление Небу на г. Саксор, на правом берегу Уйбата (приток Абакана). На него съезжались жители различных сеоков.

Кроме почитания священных гор, воды и неба хакасы издревле поклонялись местам захоронений (культ поклонения предкам), небесным светилам, священным менгирам, родовым местам, древним святилищам. Из наиболее почитаемых каменных изваяний следует отметить Ах тас (белый камень) и Улуг Хуртуях тас (Большая каменная старуха). В километре к с-в от с. Казановка, на левом берегу реки Аскиз до 60-х гг. XX в. возвышалась живописная скала Иней тас (Каменная старуха). У этого места есть еще два названия: Иней хая (Скала-старуха) и Иней пары (подножье Иней). Этот памятник имел два значения: он был родовой горой Майнагашевых и покровителем скотоводства для всего местного населения.

Это далеко не полный перечень священных, сакральных мест в Хакасии, которые издревле почитались и почитаются современными хакасами, где традиционно шаманы проводят обряды жертвоприношения и поклонения духам и предкам.

2009

Раздел IV. КРАЕВЕДЕНИЕ

А.П. Борисова,
г. Красноярск

Из истории переселения курских крестьян в Енисейскую губернию

Занимаясь изучением истории своего рода, мне удалось установить имя его основателя в Сибири. Им оказался Роман Логвинович Стукалов – крестьянин Курской губернии, 1844 г. р. В 1898 г. его семья (четыре сына и дочь) поселилась вместе с другими переселенцами на берегу Тубы, дав начало д. Ильинка Курагинского района.

Малоземелье и повторяющиеся из года в год неурожаи толкали в это время курских крестьян искать себя лучшей доли на востоке страны.

С отменой крепостного права потянулись по Херсонскому тракту через Рыльский уезд Курской губернии, мимо с. Снагость первые обозы украинских переселенцев, получивших разрешение на переселение в другие губернии России. Поползли слухи о том, что в Сибири много плодородных земель и власти переселенцам препятствий не чинят, и леса там богатые, и зверья в них пропасть, в громадных реках полно рыбы, богатые уголья, сенокосы, ягодники...

Окончательно мужики решили собираться в дорогу, когда на сельском сходе была зачитана статья из газеты, сколько людей из разных областей переехали в Сибирь.

Путь в Сибирь самоходом был невероятно тяжёл. Ехали большими семьями, родами, даже целыми деревнями. Везли с собой инвентарь, запас муки, гнали скот, иногда задерживались в пути для зимовки или пережидали распутицу, ледостав, разлив рек. Исследователь Сибири Н. Ядринцев писал: «Целые караваны повозок по 100 и более семей, в 300–400 душ за раз двигаются по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют крова и останавливаются под открытым небом в поле. Целыми семьями располагаются под телегами, больные и дети находятся тут же. Нередко приращение семей, как и смерть, застаёт людей тоже среди поля. Десятки семей в зимний холод и летнюю жару проходят тысячи вёрст пешком, волоча за собой жалкие пожитки свои. Больные и тощие лошади еле тянут убогие экипажи». Он же отмечал, что смертность переселенцев была очень высокой, некоторые семьи и даже партии в пути «ополовинивались».

Из докладной записки Енисейскому губернатору: «Есть предложение, чтобы чиновники следили, как переселенцы распорядились своим имуществом на родине, чтобы ехали с деньгами и тогда бы уменьшилась правительственная помощь. В основном отъезжают в апреле, мае, июне. Надо раньше, чтобы успели оглядеться, посеять, заготовить сено, вырыть землянки. Кроме того учитывать разлив рек, когда не попасть в нужную деревню, и они проживают по 3–6 недель в городе. Иногда скапливается до 1000 душ. А здесь и заразные болезни, оспа, корь, поносы, тиф. Только благодаря энергичной деятельности переселенческого врача за всё время было лишь 29 смертельных исходов. Не совсем оправившиеся больные, а часто бациллоносители, спешно выбираясь из очагов заражения, прибывали на участок, и, не имея там крова, несли утраты членов своих семей».¹

Работая с архивными документами, было много поводов для удивления, как в неизвестную Сибирь переезжали многодетные, человек по десять, семьи. «Ревизские души» в Сибири должны были получить земельные участки из переселенческого фонда или из владений старожильческих общин. Поэтому в ходе подготовки к переезду домохозяева стремились избавиться от «непроизводительной» части семьи. Девушек старались выдать замуж. «К чему девку везти, земельного пая община всё равно на неё не даст». У родственников иногда оставляли стариков, а также больных, увечных членов двора – брать их с собой в дорогу решались лишь достаточно зажиточные хозяева. Престарелые люди и сами крайне неохотно расставались с родными местами, предпочитая умереть на родине. По возможности старались оставить на время «у своих» и малолетних детей. Заболевшие переселенцы в пути неохотно ложились в больницу, чтобы

не отстать от партии. Если ребёнок попадал в больницу, некоторые семьи продолжали путь без него. В безвыходных ситуациях оставляли по дороге и здоровых детей. Страшная необходимость вынуждала отдавать малышей на усыновление, старших – в наём, и не чаяли – удастся ли свидеться.²

В 1893-1896 гг. правительство при МВД учредило особое Переселенческое управление, которое всячески помогало переселенцам. Учитывались этнические и земляческие принципы расселения – украинцев селили к ранее прибывшим крестьянам с Украины, туляков – к туляками и пр. Чиновники на местах и в дороге в своих брошюрах и листовках разъясняли, куда можно переселяться, кому и какая помощь будет оказана. Чиновники предупреждали, что готовых пахотных земель и сенокосных угодий на всех не хватит, потребуется разработка леса и залежей. А по Енисейской губернии подчёркивались недостатки этих мест: бездорожье, обилие мошки, и что слабому хозяину на новом месте будет нелегко.

Главе семьи отъезжающего семейства выдавался «Пропускной вид», или «Проходное свидетельство», или «Свидетельство на право переселения», «Увольнительное свидетельство», или «Приговор» – в разных губерниях разные названия, где указывался списочный состав семьи, откуда и куда следуют. Во главе каждой переселенческой партии стоял староста, которому также вручался «Пропускной вид» с дорожным инструктажем, с указанием количества людей в партии, откуда и куда следуют. Здесь же отмечалось, как переселенец распорядился своим земельным наделом. Отмечалось также, что глава семейства под судом и следствием не состоял, что за ним никаких недоимок, как казённых, мирских, так и земских взысканий и обязательств нет. А причитающиеся с него подати и оклады уплачены им в срок. В числе сопроводительных документов был «Маршрут», в котором был подробный инструктаж куда, где и к кому обратиться. Например, в Кургане следует обратиться к крестьянскому чиновнику господину Станкевичу за указанием дальнейшего пути следования. Он делал отметку – штампель и далее пояснял к кому обратиться в следующем городе. Регистрировались в Тюмени, Челябинске, Томске, Ачинске. Иногда в документах видны отметки о выдаче ссуд – «путевое пособие» от 5 до 25 руб. серебром. Здесь же предписывалось, что согласно инструкции местная, земская полиция обязана оказывать сим крестьянам всякое законное пособие и покровительство в дороге. Должны отводиться безденежно удобные и просторные дома и ночные обывательские квартиры, а лошади и скот их допускается к продовольствию на пастбищах без всякой оплаты. Переселяющиеся освобождаются от оплаты за переправу через реки и от других подобных сборов, а заболевших и сопровождающих родственников на подводах без оплаты доставят в близлежащие по тракту города. Остальные не должны отставать от партии. В противном случае с ними будут поступать, как с бродягами (за бродяжничество наказывали розгами 30 ударов и отдавали в арестантские роты на год).³

Практиковалась форма «ходоков», т.е. группа мужчин командировалась в Сибирь заранее «на разгляд», для осмотра и зачисления долей земли за нижеследующими семьями, для улаживания квартирных дел и посева хлебов на первую зиму. Так поступили и курские переселенцы. В 1896 г. отправили в Сибирь шесть наиболее толковых мужиков из своей среды: Сычёва, Сухоносова, Ткачёва, Белоусова, Панченко и Романенко. Долго добирались те до Сибири, долго выбирали место для будущей деревни. Только через год отозвались разведчики, отправили на родину свой отчёт, план действий и маршрут для переселенцев.

Курские переселенцы получили «открепительные» бумаги и по архивным документам более нигде не проходили. Их фамилии начали появляться в сибирских метрических книгах Шалаболинской церкви Курагинского района с 1898 г. Сформировался обоз не только из односельчан, но и из других сёл Рыльского уезда Курской губернии, и даже из соседних губерний. Отправились самоходом на 67 повозках 60 семей под предводительством старосты Ермолая Клименко.

Трудно люди добирались в Сибирь. Скольких в дороге потеряли людей, сколько сотен износили лаптей уже не установить, но архивы сохранили фамилии тех переселенцев. Это семьи Ермолая Клименко, Романа Стукалова, Антона Сухоносова, Петра Сычёва, Платона Гетманова, Архипа Милюкова, Афанасия Скрипченко, Тита Белоусова, Осипа Романенко, Ивана Доценко, Григория Семисалова, Стефана Шевченко, Павла Скоробогатого, Матвея Стоянова, Ивана Тупицы, Семёна Власенко, Акентия Колесниченко, Тихона Мелешко, Ивана Чёрного, Поликарпа Григоренко, Кондратия Ткачёва, Павла Нагибина, Михея Волкова, Виссариона Вознесенского. А так же семьи Данилы Заволокина, Филимона Шапорева, Демьяна Яшенко, Ивана Дворникова, Ивана Янголенко, Трофима Кузьменко, Прокопия Тонкошкуренко, Варфаламея Болкунова, Корнея Донцова, Макара Бойко, Павла Доценко, Ильи Панченко, Варфаламея Голобородько.⁴

С 1888-1911 гг. Курскую губернию покинули 44% всего крестьянского населения и значительная её часть оказалась в Сибири – в Енисейской губернии. В Красноярском крае существуют несколько населённых мест с названием «Курское» – образованные выходцами из Курской губернии. Интересная история одного из сёл Минусинского района. Первоначально куряне обосновались на землях северного Кавказа, но беспокойное соседство с горцами вынудило покинуть эти места и переселиться в Сибирь. Так курские переселенцы на берегу Тубы образовали село – Кавказское.

В краевом архиве хранятся страховые ведомости сельских строений Шалаболинской волости Минусинского уезда д. Ильинки от 1904–1907 гг. Из них видно, что большинство переселенцев живут ещё во времянках. Например, у Стукалова Романа Логвиновича изба и амбар крытая землей и оценены соответственно на 50 и 30 руб. У Клименко Петра Минаевича изба деревянная крытая тёсом – 110 руб., амбар деревянный крытый пока ещё землёй. У братьев Янголенко Сергея Ивановича и Ивана Ивановича избы деревянные крытые землёй, сумма оценки по 30 руб. У Черных Ивана Ефимовича изба столбчатая крытая соломой – 50 руб., у Семисалова Филиппа Ермолаевича изба столбчатая крытая землёй, у Сухоносова Антона Ильича изба и амбар деревянные крыты соломой, сумма оценки 40-60 руб. и т.д.

В страховых ведомостях от 1907–1909 гг. дома и хозяйственные постройки у переселенцев уже более добротные, например, у Петра Доценко дом оценен в 300 руб., у Стукалова Романа дом уже пятистенный крытый тесом, амбар крытый тесом оценены соответственно 250 и 60 руб.⁵

Из отчёта крестьянского начальника: «Его превосходительству Господину Енисейскому Губернатору. За 9 месяцев жизни переселенцев в Сибири почти все имеют дома, лошадей, коров, земледельческое орудие и кормят скот своими запасами зерна и сена. Окрепшие материально и экономически, они приступают к постройке больших домов. Переселенцы многих посёлков за короткое время своего существования достигли своего благосостояния неизвестное им в Европейской России. Исключения составляли те семьи, которые приехали без всяких средств, и по составу не обладают достаточными рабочими силами, где на семью из 6-7 человек приходится один работник – глава семьи». Или: «В Сибири положение переселенцев во всех отношениях улучшилось и благосостояние их поднялось вдвое, втрое, и даже в 6-7 раз».⁶

Шли годы и работающие ильинцы обзавелись крепкими хозяйствами. Из статистического «Списка населённых пунктов Енисейской губернии» Красноярск, 1921 г. видно, что в 1917 г. в Ильинке значится 94 хозяйства, 725 человек, 439 лошадей, 432 головы крупного рогатого скота, 1726 овец, 314 свиней. Крепко! Такого благосостояния курские переселенцы не знали никогда. И это с учётом, что уже три года шла война.⁷

Из «Всероссийской демографической переписи от 1926 г. по населённым пунктам Минусинского округа», в Ильинке количество всех хозяйств уже 138, количество мужского пола – 466, женского – 439, обоего пола – 905. Многие сельчане уже имели сельхозтехнику конной тяги, мастерские. Правда, позднее этих трудоголиков назовут «кулаками» и их постигнет известная участь.⁸

Коллективизация, раскулачивание, бурные события прошлого столетия разметали наш род по всей Сибири, стране и за рубеж. Я поставила перед собой задачу найти всех родичей по всем ветвям рода и узнать, кто мы и сколько же нас стало.

С 1898 г., что живёт наш род на сибирской земле вместились шесть поколений родичей и появилось 25 ростков седьмого поколения. В поколенной росписи насчитывается более 250 человек. По документам Курского архива родословная Стукаловых по прямой кровной линии прослежена до 1660 г.

Особо следует отметить, что наш род «раскрестьянился». Нет наших родственников ни в курском с. Снагость, ни в Ильинке. Родичи трудятся в разных сферах. Есть психолог, 7 юристов, 3 музработника; 2 библиотекаря; 22 медрботника (их них 2 гл. врача, 1 зав. отделением, 1 канд. мед. наук в Москве); 13 учителей; 12 чел. имеющие свой бизнес; 3 ген. директора; директор магазина; директор совхоза, начальник управления в компании «Русский алюминий»; 21 бухгалтеров-экономистов. Рабочие специальности у 11 человек; 12 управленцев; 41 инженерно-технических работников; 3 шахтёра; кандидаты наук и аспиранты – 7 человек; трое закончили военные училища, московские вузы – 8 человек.

Примечания

¹ ГАКК. Ф.160. Оп.1. Д.3001. ЛЛ.11,83.

² Самоходы из Расеи В.Зверев, Родина №5, 2000.

³ ГАКК. Ф.160. Оп.1.

⁴ Там же. Ф.595. Оп.3. Д.77. Л.14

⁵ Там же. Ф.595. Оп.39. Д.1082. Л.17

⁶ Там же. Ф.160. Оп.1.

⁷ АМКМ. Статистические списки населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, Красноярск, 1921, стр. 104.

⁸ АМКМ. Всероссийская демографическая перепись населения, 1926 г.

2008

Т.В. Воеводин,
г. Кемерово

Свадьба как одна из основных составляющих в жизни человека (по материалам экспедиционных исследований музея-заповедника «Томская Писаница»)

Одним из направлений деятельности музея-заповедника «Томская Писаница» является изучение русского населения, проживающего на территории Кемеровской области. Неоднократно проводились этнографические экспедиции по русским селам области, для сбора материала, связанного с бытом и традициями местного населения.

Традиция празднования свадьбы была и остается одной из самых важных составляющих в жизни каждого человека. Окончательное формирование свадебного обряда в традиционном историческом понимании происходит в XVI в. Свадебный ритуал сформирован с четко определенными этапами, номенклатурой свадебных чинов (участников свадебного действия), свадебной атрибутикой, одеждой и пищей. Одновременно складывается особый свадебный фольклор.

В разных регионах России действие справлялись по-разному. Структура же самого свадебного обряда остается одинаковой. Подразумеваемая под собой вечерки, сватовство, свадебный поезд, венчание и т.д. Об этом свидетельствуют результаты экспедиции, отраженных в архивных документах музея. Респонденты Кемеровской области утверждают, что свадьба в своем историческом понимании уже изживает себя. Хотя современная молодежь оставляет за собой право использовать небольшие моменты, связанные с исконно сложившимся обрядом проведения свадьбы. Респондент Евдокимова, проживающая на территории д. Курск-Смоленка Чибулинского р-н Кемеровской обл., утверждает, что свадьба у них в историческом варианте могла проходить неделю. Сегодняшняя молодежь празднует этот обряд в три дня. Проводилась она только по желанию молодоженов. Сговор был только у родителей по месту проведения самой свадьбы. После регистрации в ЗАГСе происходило катание на свадебном поезде. Первый день, как самый основной, подразумевал под собой приезд к жениху. Молодоженов встречали хлебом и солью. Жених приглашал гостей за стол. Второй день проходил у невесты, где также приглашали за стол. На третий самые бойкие и активные наряжались и объезжали дворы, получая подарки, где деньгами, а где еще чем-нибудь (на усмотрение хозяев). На протяжении всей свадьбы проходило гуляние, с сожжением сена и мазаньем сажей окружающих.

На территории Яшкинского р-на свадьба проходила с небольшими изменениями. Со слов респондента, Калугиной Фелисаты Александровны, проживающей в д. Колмогорово Кемеровской обл., утверждает, что вначале могло быть сватовство – жених с матерью, отцом, крестным приходят в дом к невесте, где если родители невесты согласны, то назначается число свадьбы и т.д. До свадьбы жених мог несколько раз приезжать с гостинцами. Вместо свидетелей на свадьбе могли выступать крестные. Невесту в день свадьбы расчесывали перед зеркалом, одевали под песни-причаты. Далее проходило венчание. Приезжал жених и увозил жену к родителям жениха. Однако, со слов респондента Швыревой Екатерины Емельяновны, проживающей в д. Коломогорово Яшкинского р-на Кемеровской обл., на свадьбу колокола не

звонили. Было принято перед вечерками устраивать девичник, на который жених приходил с гостинцем и с 2-3 друзьями. Гостинцами угощали подруг. Будущая невеста должна была дарить подарки свекрови и дружке. В качестве подарка выступали в основном платки. Невеста могла брать у жениха деньги себе на подготовку к свадьбе. Когда наступал день свадьбы, то к невесте приезжали «поезжани», состоявшие из 7-10 подвод. Родители могли не приезжать, как и родители невесты.

В д. Ярское Яшкинского р-на Кемеровской обл., респондент Рачева Анна Ивановна утверждает, что перед свадьбой невесту и жениха вместе возили в баню, для того «чтобы он там девичью красоту мог увидеть». Могли веник нарядить ленточками, который молодоженам дарила свекровь. При этом она приговаривала «Пусть как веник шумит, так муж над тобою шумит. Чтобы как в бани листья от веника летят, так чтобы дурнота от невесты отлетала». Сопровождая этот процесс дарением подарков. Жениху могли подарить рубаху, свекрови – полотенце или квашечник с кистями, а свекру – «гульшики».

Респондент Ворошникова Анна Кирилловна, проживающая в д. Иткара Яшкинского р-на Кемеровской обл., утверждает, что сначала парни и девушки дружили, а только потом происходило сватовство. Начинался обряд с того, что жених приезжал с родителями к дому невесты. Когда сватали, то давали зарок, чтобы уже не смогла изменить решение (чаще давали кольцо). В промежутке после сватовства и перед свадьбой жених обязан был приезжать к невесте с подарками. Сама же невеста готовила подарки жениху и его родне. Само венчание проходило в церкви, а уже потом гуляли неделю. В процессе празднования свадьбы молодых в брачную ночь клали на подклеть в холодное место. При этом гуляние продолжалось. На утро, если невеста была девушкой, то свадьба могла продолжаться еще веселей. Ездили на тройках по деревне, тройку и повозки украшали красным. Если же выяснялось, что невеста была порочна, то и свадьба была дальше уже невеселая. Родню старались принизить. Могли отрубить петуху голову.

Респондент Скороходова Устинья Михайловна, проживающая в д. Иткара Яшкинского р-на Кемеровской обл., утверждает, что сначала было принято воровать невест, а потом уже приходило к родителям с повинной. Лишь только потом стали дружить и знакомиться на вечерках. Воровство невесты все же сохраняется. Место проведение вечеров зависело в основном от времени года, так летом вечерки могли проходить на лужайке, а зимой – по очереди то в одном, то в другом доме у молодежи. Нередки были случаи, когда сами приглашали к себе в дом для проведения вечеров. В основном это были вдовы либо совсем одинокие девушки. Каждый день за вечерку кто-то отвечал: ответчица убирала дом, готовила ужин, топила печь, приносила керосин. Считалось, что с вечеров парни воровали девушек. Потом приходили с повинной с отцом с матерью и родней 5-6 человек говоря: «У вас есть телочка, а нам купить надо». После сватовства невестку возвращали. Она жила в своем доме. Далее происходил процесс обмена подарками. В долгожданный день приезжал свадебный поезд, состоящий до 15 лошадей. Невесту могли усаживать за стол с братьями и лишь старший брат мог вести торг. Жених привозил деньги, водку и другие угощения. Затем уже происходило венчание. Респондент Шамина Ирина Ильинична, проживающая в с. Борисово Яшкинского р-на Кемеровской обл., утверждает, что если отец решил женить сына, то он сам мог выбирать ему невесту, главное чтобы как он считал «работящая была». После этого могли пригласить сватов. Могли быть только пожилые люди «один мужик и две бабы». Считалось, что когда они выходили из дома, то вслед им было положено говорить «идите с богом», иначе они могли вернуться. О выкупе не договаривались, так как отец жениха должен был дать коня с полной упряжью, а отец невесты корову. Нередко были случаи когда невесту не отдавали. Говорили: «От ворот поворот. Пусть невеста ума наберется». После свекор с тестем и свекровь с тещей одаривают друг друга подарками. Невеста тоже дарит свекру и свекрови вышитые ею рубахи. Жених дарит теще платок. В день свадьбы на поезде первым делом едут в дом к жениху, где поезд встречают отец и мать. Отец держит хлеб, а мать икону. Молодые встают на колени, целуют сначала икону, потом свекра и наконец мать. Хлеб не переламывали, а разрезали за общим столом. Вообще у сибиряков было принято «позорить» девку, если она оказалась «бесчестной». Если это случалось, то запрягали лошадь похуже, на дугу вешали ботало и катали по деревне родителей невесты.

Данная тема не до конца разработана и требует дальнейшего исследования. На основе полученных материалов пишутся сценарии и на территории музея-заповедника «Томская Писаница» проводятся различные мероприятия.

Литература

1. АМЗТП Ф.3 ОП.1 Д.11 «Дневник этнографической экспедиции. 1989 год. Этнографическое обследование русского населения Притомья» (стр. 18, 33-34)
2. АМЗТП Ф.2 ОП.2 Д.245 «Традиционная народная культура Яшкинского района» (стр. 80-81, 85-87)
3. АМЗТП Ф.3 ОП.1 Д.124 «Полевой дневник этнографической экспедиции по русским селам Чибулинского, Мариинского и Тисульского районов Кемеровской области. 2008 год» (стр. 3)
4. АМЗТП Ф.3 ОП.1 Д.43 «Дневник этнографической экспедиции. Обследование русских Притомья. 1991 год» (стр. 61-62, 68)
5. Полная энциклопедия быта русского народа. Т.1, М. – 1998г. стр. 331-367.

2008

О.Г. Грек,
г. Саяногорск

«Красноярское дело» геологов (1949-1954 гг.)

Началась эта трагическая драма с обыкновенного осколка, камешка урановой руды – карнотита.

Сегодня этот образец хранится в музее геологии Центральной Сибири и имеет номер «23». Любому посетителю музея могут показать эту самую «экзотическую штучковину»: высота и ширина камня равны, примерно, высоте и ширине граненого стакана. Но в руки лучше загадочный осколок не брать, — подальше от греха. Он «фонит» – испускает радиоактивные лучи, превышающие допустимые нормы.

Образец № 23 побывал не только в Красноярске, Минусинске, но «посещал» и Москву, где пристальное внимание ему уделяли такие деятели, как Л.П. Берия, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Говорят, что образец № 23 брал в руки даже генсек И.В. Сталин. Но когда кто-то из приближенных шепотом произнес: «Берегитесь, товарищ Сталин, он радиоактивный!», генсек подальше от себя отшвырнул камень канареечного цвета...

«Дело геологов», или, как его иначе называют «Красноярское дело» геологов 1949 г., родилось отнюдь не спонтанно. С подачи журналистки газеты «Правда», некоей Шестаковой Анастасии Федоровны, которая взяла на себя особую «функцию» – старательно убеждала вождей, присылая им тонны компромата, в том, что на юге Красноярского края «свила гнездо» вражеская группа геологов. И группа эта, якобы, работает на японскую, английскую, немецкую, американскую и другие разведки, умышленно скрывая от правительства и советского народа богатые урановые месторождения. Дважды (в 1944 и 1945 гг.) она писала на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова докладные, в которых упрекала председателя Геолкома СССР И.И. Малышева и его подчиненных – ученых-геологов Москвы, Ленинграда, Томска, Новосибирска, Иркутска, Красноярска в плохой работе и невыполнении обязанностей, касающихся разработки месторождений.

Геологи Советского Союза (за период после революции и до начала Великой Отечественной войны), совершили величайший подвиг, открыв много различных месторождений. В Сибири, в т. ч. в южной её части, чаще всего звучали имена Я.С. Эдельштейна, В.К. Котульского, И.К. Баженова, А.Я. Булыникова, К.С. Филатова, В.Д. Тамашпольской, А.Г. Вологодина, В.В. Богацкого, В.Н. Верещагина, В.М. Крейтера, М.П. Русакова, Б.Ф. Сперанского, М.М. Тетяева, В.А. Хахлова, Ф.Н. Шахова, Л.И. Шаманского и др. Компетентный в своих делах И.И. Малышев обстоятельно информировал ЦК ВКП(б), что домыслы корреспондента газеты «Правда» Шестаковой А.Ф. не заслуживают внимания. Но...

Шестакова А.Ф. продолжала сновать между Москвой, Красноярском, Минусинском, Курагино, «копая» все глубже и глубже. Она, с карандашами в руке, – где красным, где зеленым, – штудировала отчеты геологов: И.К. Баженова, В.В. Богацкого, А.Я. Булыникова, А.Г. Вологодина, И.Ф. Григорьева, В.М. Крейтера, М.П. Русакова, В.Д. Тамашпольской, Ф.Н. Шахова, Я.С. Эдельштейна и многих др. Тех, кто не один десяток лет отдал изучению полезных ископаемых не только Хакасско-Минусинской котловины, но и Кузнецкого Алатау, Горной Шории, Западного и Восточного Саян, Кузбасса, Алтая. Штудировала она

их не для познания, а «добывала» компромат, где и кто, по ее мнению, якобы, что-то утаил или о чем-то умолчал.

У Шестаковой было немало «помощников-доброжелателей», как из числа партийных работников, так, к сожалению, и среди собратьев-геологов. А также добровольцев-краеведов, называвших себя рудознатцами. Таким был «рудозналец» И.Г. Прохоров, хорошо известный в Минусинске, в Красноярске и Томске, особенно в органах бывшего КГБ. Его руками погублено много настоящих геологов.

Прохоров Иван Григорьевич, как значилось в архивных документах редакции газеты «Правда», переданных в МВД СССР в августе 1951 г., персональный пенсионер республиканского значения, техник-геолог I ранга. Родился в 1887 г. в д. Тагашете, Курагинской волости, Енисейской губернии. С 10 лет работал с отцом в кузнице. В 1907 г. призван в армию, служил во Владивостоке в пулемётной команде. За революционную пропаганду отсидел в тюрьме 2 года и 8 месяцев. В кон. 1913 г. вернулся домой, занимался кустарной работой. Весной 1914 г. организовал Казанско-Богородскую трудовую горно-поисковую артель. Члены этой артели занимались сбором камней, образцов, минералов, Прохоров привозил их в Красноярск и сдавал в контору «Разведчик», за что ему выплачивали деньги, а он затем делил их в артели.

Прохоров указывал на «исторический факт» в своей биографии (скорее всего, придуманный даже не им самим) – встречу с Марией Складовской-Кюри, в тот период, когда он возглавлял горно-поисковую артель. Якобы, однажды, дважды лауреат Нобелевской премии М. Складовская-Кюри (открыватель явления радиоактивности), проездом в Забайкалье (оговоримся сразу, Мария Складовская-Кюри никогда ни в Забайкалье, а, стало быть, и в Красноярске не была, – авт.) встретила с Иваном Прохоровым, ознакомила с его образцами и предсказала великое будущее радиоактивным рудам Хакасско-Минусинской котловины. Более того, она подарила председателю Казанско-Богородской артели книги на русском(!) языке со своими автографами, которые потом куда-то пропали.

Если же этот факт наложить на другие факты из жизни Прохорова, учитывая, что он вторично был призван в армию, попал в германский плен, вёл там агитационно-революционную пропаганду, вошёл в связь с немецкими «спартаковцами», бежал из плена, участвовал в гражданской войне, был красным партизаном, вёл борьбу с бандами Колчака, возглавлял Кнышинский волком партии, был чрезвычайным комиссаром продразвёрстки, председательствовал в коммуне «Красный луч», а с 1931 г., более 20 лет (Прохоров станет подчёркивать это особо) проработал в системе геологии, то, становится понятным, почему именно он стал «родным, дорогим и близким» для корреспондента Шестаковой.

Особенно усердно он забрасывал своими претензиями и утверждениями о наличии урановых месторождений партийные, государственные органы, редакции газет и службу безопасности после 1938 г., когда стал инвалидом I группы по зрению. Полуграмотный рудозналец убеждал всех в том, что геологи не хотели прислушиваться к его мнению, игнорировали его, якобы потому, что боялись признать за ним право первооткрывателя. Подобные письма, скорее всего, попали в Красноярскую «Правду», где с ними ознакомила сотрудница Шестакова. И она объявила «войну» красноярским геологам и всей геологической отрасли. В Красноярском и Минусинском краеведческих музеях геологические коллекции подверглись ревизиям, а также исследованиям на проявление радиоактивности.

Тот самый «камень» (т. е., образец № 23) был обнаружен Шестаковой 6 октября 1947 г. (из докладной записки тов. Сталину И.В.), «в найденных, в одном из углов двора Минусинского музея, почти сотне ящиков с коллекциями и пробами, замаскированных совершенно невообразимым хламом и гадостью». Эти ящики, якобы, относились к району рудника «Юлия».

«Изыскатель» Шестакова уточняет: «Часть ящиков была разбита, а содержимое их переворошено и, видимо, не раз уже изымалось. Всего таких «бесхозных», ни в каких документах и книгах не записанных (особо подчеркивается! – авт.), ящиков было найдено 5 и 6 октября 1947 г. в разных странных местах музея более 500 штук. Принадлежали они 37 геологоразведочным и поисковым партиям... Все падавшие камни и вылетавшие из ящиков бумажки, включая и те, которые давно выпали при неизвестных мне обстоятельствах и уже стали ветхими (этикетки с названием образцов, откуда они взяты и время находок, – авт.), я лично подбирала сама, причём камни я клала на пустые лотки в подвале № 1, а этикетки и все

остальные бумажки, чтобы они не пропали и не испортились окончательно от сырости, положила в папку».

Образец № 23 (почему-то именно он, а не 22 или 24, – авт.) был направлен в лабораторию, где член-корреспондент Академии Наук СССР К.А. Ненадкевич, лучший аналитик урановых руд, сделал заключение: «образец № 23 почти классически повторяет тип богатых урано-ванадиевых руд Ферганы и, в частности, Тюя-Муюна».

30 марта 1949 г. на очередном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было заслушано сообщение Поспелова П.Н. и Шестаковой А.Ф.... «о состоянии геологических исследований в Красноярском крае». Решением Политбюро стало создание комиссии под председательством Берия Л.П., членами которой, среди прочих, были назначены Поспелов и Шестакова. Комиссии поставили задачу – в течение десяти дней разобраться с положением дел в Министерстве геологии СССР и принять меры по их улучшению, а также подготовить заключение «О работе МГБ СССР по вскрытию вредителей в геологии» и, в частности, в Красноярском крае.

Шестакова срочно убыла в Красноярск и Минусинск. Она трудилась, не разгибая спины (Господи, прости ты наши души грешные: Шестакова на самом деле была горбатой, – авт.). И уже 12 мая 1949 г. на стол товарищам Сталину, Берия, Маленкову и Поспелову легло 22-х страничное ее «сочинение» – «Докладная записка» (часть из которой здесь приведена). Многие из геологов, вскоре после клеветнических доносов Шестаковой, оказались в застенках ГУЛАГа, в лагерях и тюрьмах. Часть из них не выдержали допросов и умерли еще в процессе следствия...

29 марта, в Томске, еще до заседания Политбюро и создания комиссии, был арестован геолог Николай Евгеньевич Мартьянов. Он тогда работал ассистентом кафедры геологии Томского Государственного университета. Его имя фигурирует в «докладных» (а их было несколько, – авт.) весьма не в лестных. Имя Николая Евгеньевича стоит как бы особняком от «Красноярского дела геологов», но это только так кажется. Через два дня после ареста Н.Е. Мартьянова, 31 марта 1949 г., в Томске были арестованы: доктор геолого-минералогических наук, профессор Иван Кузьмич Баженов; кандидат геолого-минералогических наук, ассистент кафедры общей геологии Томского политехнического института Вела Даниловна Томашпольская; в Москве – доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР Александр Григорьевич Вологдин; директор Государственного института недр, членкорр АН СССР, академик Иосиф Фёдорович Григорьев; кандидат геолого-минералогических наук Виктор Николаевич Доминиковский; главный геолог Тувинской экспедиции, доктор геолого-минералогических наук Юрий Михайлович Шейнман; в Ленинграде – доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Яков Самуилович Эдельштейн...

Аресты среди геологов покатались лавиной по всей стране. Все они, безусловно, имели отношение к геологическим исследованиям в Красноярском крае, и непосредственно в районе, где проживал и промышлял теперь небезызвестный рудознатец, начальник Казанско-Богородской трудовой поисковой артели, начальник Тагашетской партии по редким металлам и землям, краевед и просто безграмотный стукач Прохоров.

В Московском геологоразведочном институте, в котором кафедрой полезных ископаемых руководил профессор Владимир Михайлович Крейтер, были арестованы несколько студентов этой кафедры. Арестованных поездами и самолётами доставили в Москву на Лубянку, где проводили так называемое несудебное следствие. Людей помещали, как правило, в камеры-одиночки. Потянулись долгие месяцы страданий.

Репрессированный в 1949 г. Михаил Петрович Русаков – горный инженер-геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик Академии Наук Казахской ССР, специалист в области геологии рудных месторождений и металлогении вспоминает: «Психическое потрясение от этого сверхстрогого режима, от унижительных процедур, от хронической бессонницы и кошмаров короткого полусна, от бесконечной оскорбительной площадной ругани, от катастрофического истощения, от сердечных припадков и т.д., а также упадок сил достигли такой степени, что, во-первых, все показания я стал писать под диктовку следователей со стереотипной фразы «я, нижеподписавшийся, признаю себя

виновным в том, что вредительски... или из-за ненависти к Советской власти» и т.д.. А после вызова некоего «специалиста по физкультуре» я согласился подписывать любые протоколы и подписывал их, не читая, наперёд зная, что в них искажено всё от начала до конца... Все обвинения велись с невероятными клеветническими измышлениями, смешанные с невесть откуда добытыми «агентурными» данными и с полным игнорированием фактов, без вызова свидетелей. Все эти сведения выстраивались в заранее составленную следователем схему. И подтверждались так называемыми «очными ставками».

Обвиняемых по «Красноярскому делу» на суд не выводили. Большинству из них 28 октября 1950 г. объявили, что они осуждены ОСО МГБ СССР за «неправильную оценку и заведомое сокрытие месторождений полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию» и приговорены к различным срокам заключения в ИТЛ (вплоть до 25 лет) с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Некоторые приговорённые, не выдержав истязаний, не дожили даже до объявления приговора (И.Ф. Григорьев умер в камере после очередного допроса 14 мая 1949 г. Л.И. Шаманский был болен туберкулёзом лёгких, умер во время следствия 26 января 1950 г.). Уже после вынесения приговора в Ленинграде, в тюремной больнице, умер 12 января 1952 г. Яков Самуилович Эдельштейн. В Норильске 7 апреля 1953 г. умер Наум Яковлевич Коган.

«Вредители» были этапированы на геологические объекты ГУЛАГа, на Колыму, в Магадан, Норильск, Воркуту, Красноярск, Чукотку. В Красноярске была создана целая система лагерей «Енисейстрой» МВД – «Енисейский ГУЛАГ».

О «Деле геологов» тогдашний министр госбезопасности Абакумов докладывал на Политбюро ЦК ВКП(б). Он с таким пафосом сообщал цифры репрессированных геологов, что председательствующий на заседании Сталин не выдержал и сказал: «Тов. Абакумов, не очень-то увлекайтесь арестами геологов, а то и разведку недр некому будет вести!».

Весь состав коллегии Министерства геологии был распущен, люди были сняты со своих должностей. 11 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило указ о снятии с поста министра И.И. Малышева.

Весной 1949 г. все геологические работы по Красноярскому краю и Хакасии (включая все геологосъёмочные, геологопоисковые, и геологоразведочные партии Западно-Сибирского геологического управления и Томского Треста «Запсибметаллгеология», а также партии Томской геофизической экспедиции, работавшие в Красноярском крае, и Ангарскую экспедицию Норильского комбината) из подчинения Красноярского геологического управления были переданы Главному управлению «Енисейстрой» МВД по разведке, эксплуатации и строительству предприятий цветных и редких металлов.

Лагеря Енисейского ГУЛАГа растянулись от Тувы до самого Ледовитого океана. «Енисейстрой» возглавил генерал-майор А. Панюков, который тесно сотрудничал с корреспондентом «Правды» по Красноярскому краю Шестаковой. Он позволял ей появляться в лагерях и Красноярском ОТБ-1, где безвинно отбывали наказания геологи, за которыми она так тщательно охотилась, а теперь с наслаждением наблюдала за «подопытными»...

Процесс реабилитации репрессированных геологов наступил лишь после смерти Сталина и Берия. В 1953 г. прекратил свою деятельность и «Енисейстрой».

В справках о реабилитации от 31 марта и 10 апреля 1954 г. значилось: «Постановление ОСО от 28.10.50 г. отменено, и дело за недоказанностью обвинения производством прекращено».

Прохорову Приказом Министра внутренних дел СССР за 1950 г. по Главному Управлению «Енисейстрой» МВД СССР было присвоено персональное звание «Горный техник-геолог I ранга». Он еще долго рассказывал о своих «встречах» с Марией Склодовской-Кюри. Он умер у себя на родине – в Курагинском районе в 1963 г.

Шестакова А.Ф. была уволена из газеты «Правда» и исключена из рядов КПСС за клевету в адрес геологов. Но к судебной ответственности её не привлекли, т. к. она представила медицинскую справку о невменяемости.

Народная проза Ивана Ивановича Исаева

В 1993 г. в фонды музея-заповедника поступила коллекция игрушек и 8 тетрадей рукописного текста от Исаева Ивана Ивановича. Он родился 1924 г. на Смоленщине, имел 4 класса образования, являлся участником Великой Отечественной войны, был в плену, в 1947 г. репрессирован, 5 лет провел в тюрьме, после чего сослан в Сибирь. В Шушенском жил с 1987 г. до своей кончины 1993 г. В последние годы жизни, будучи уже больной, ухаживал за парализованной женой и в тоже время делал игрушки для своих внуков, вёл тетради.

Из всех рукописей, 2 тетради – дневник Исаева, в котором он описывает свою жизнь с момента окончания школы ФЗО и до освобождения из плена. 3 тетради – записанные им рассказы бабушки, 3 тетради – рассказы собственного сочинения.

В дневнике Исаев пишет: «Дорогой товарищ! Если к тебе как-то случайно или как попадет эта тетрадь, не выбрасывай ее и не пренебрегай ею. Прочти и не суди сурово меня, если она тебе покажется глупой и пошлой». (Здесь и далее синтаксис и пунктуация авторские).¹

Сочинения Исаева следует отнести к так называемым суеверным рассказам: бывальщинам и былинкам. В них речь идет о существах народной демонологии: леших, домовых, колдунах, чертях, оборотнях. Рукописи Исаева – это особый этнографический материал о верованиях и обрядах. Через рассказы, как сквозь призму, выступает основной мотив славянской мифологии: связь «того» света с «этим» земным светом, деятельность добрых и злых духов, влияющих на земную человеческую жизнь.

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что нечистая сила наполняет не только воздушное пространство, но может проникать в жилище или входить внутрь людей. Древние верования зафиксированы у разных этнографов XIX в. В т. ч., у С.В. Максимова в книге «Нечистая сила». О таком явлении пишет И.И. Исаев в рассказе «Кликуши». Одна женщина «...пошла однажды так-то вот ночью водицы испить, кадка-то не закрыта была. Надо же на грех, как раз нечистый искупаться залез. Ну, его-то не видно было это ясно, а Аришка-то кадку не перекрестила, да и испила. Ну, сатана-то и вселился в нее, да и мучил... Ей, конечно, и боли создает, а то и гавкать начнет или по кошачьи мяукать, а то и по-сорочьи стрекотать».²

От своей бабушки И.И. Исаев записал 43 рассказа. Из 43 – 14 про чертей. Черти в рассказах бабушки, как и люди подвержены многим людским привычкам: работают, пьют вино, играют свадьбы, живут с людьми в одном доме, моются в бане. Описание внешности черта совпадают с тем, что мы встречаем у других авторов, собирателей фольклора, «...и увидал мужик наш, стоит перед ним не так уж и безобразный и тоже вроде мужик. Только тело человежье, а голова козлиная и рога- то у него козлиные, и ноги как у хорошего быка, а вместо носа свиной пяточок».³

В этих рассказах отразились не только дохристианские верования, но и та мифология, которая появилась с внедрением христианства. Так многие фольклористы, в т. ч. Д.К. Зеленин отмечает, что «... при насильственной смерти душа человека непременно поступает в ведение чертей, и они целой ватагой прилетают за нею».⁴ Об этом явлении мы читаем в рассказе «Фенюша»: «...стала подходить к петли видит два черта петлю держат, расправляют ее, чтобы удобнее было голову просунуть. Посмотрела она вверх, на балку, видит: и на балке, и кругом черти сидят в ладоши хлопают. Радуются, что к ним душа человеческая идет».⁵

Наряду с рассказами о чертях, в рукописях И.И. Исаева встречаются рассказы о колдунах: 4 – собственного сочинения, 4 – записал от своей бабушки.

В рассказах И.И. Исаев обращает внимание на момент передачи колдовства. Если не передал колдун свои знания, и смерть пришла, то, как написано в рассказе «Про колдуна» «...его всего корежит, ломает, мучается он, а помереть не помрет никак».⁶ Колдуны в рассказах и после своей смерти встают из могилы, беспокоят и пугают домашних. Так в рассказе «Странник» у одной женщины умер муж. Он был колдун. Через шесть недель после смерти стал по ночам приходить. Вдове взялся помочь один

странник. «Взял топор, срубил осиновый кол, заострил его на три стороны и положил на могилу повдоль. Потом обошел могилу и остановился возле креста. Выдернул его и повернул вниз головой. Потом забил в могилу-то осиновый кол».⁷ О роли осинового кола пишут многие этнографы, в т. ч. А.И. Розанов в работе «Простонародная медицина в Саратовском уезде» пишет: «Чтобы остановить таковые похождения, мертвеца перекалывают в другую могилу или же, вырыв, надрезают пятки и натаскивают туда мелко нарезанной щетины, а иногда просто вбивают осиновый кол».⁸

Обращается автор в своих рассказах к домашним духам, преимущественно домовому называя его «хозяином». О домовом И.И. Исаев записал 10 рассказов собственного сочинения. Домовой дух добрый. Обычно он рачительный хозяин, помогающий дружной семье, иногда вредничает, шалит, если, что не по нраву. Домовой соотносится с духом предков, он может предсказать судьбу (нужно спросить к худу или к добру) и непосредственно связан с определенными обрядами: постройкой или переходом в новый дом. В рассказе «Влас и мужик», Влас построил новый дом. «Всем кажись хорошо, всем просторно, для всех место есть, но покою не стало. Днем еще, куда не шло, но вот как ночь настает, так и начинается. То в дверь кто-то стучится, то в окно барабанит, то по чердаку кто-то шастает. Выйдет старик-то наш на стук, ан и нет никого». Оказывается, Влас не пригласил домового в новый дом, вот он и стучится, беспокоит хозяев.

От своей бабушки записал И.И. Исаев 10 рассказов о лешем. Леший в рассказах –хозяин леса. По внешнему облику не отличается от людей, чаще всего предстает в образе мужика или старичка «старенького и седенького», но может принимать облик птицы, зверя, пня, дерева. Он хозяин леса и не любит, когда нарушают законы природы. Так в рассказе «Леший проучил», мужик пошел в лес на охоту «...а время было такое, что охотится-то, и нельзя было. Как-то говорят дичь не доспела».⁹ Только на четвертый день мужик вышел из леса и деревню свою увидел. Все это время леший его кружил его.

Всего в рукописях 71 рассказ. Есть рассказы – предсказания, поучительные. Несколько рассказов надо отнести к так называемым апокрифам, в них описана жизнь Христа в форме занимательного рассказа. В рассказах о Великой Отечественной войне описаны не просто военные события, там много мистики. Есть у И.И. Исаева и одна волшебная сказка «Сказание о добром молодце Безымянном». У нее интересный и занимательный сюжет. Она соответствует всем канонам этого жанра.

Рукописи И.И. Исаева, представляющие пласт духовной культуры народа, могут помочь преподавателям школ, институтов и университетов воспитывать уважение к природе, к миру вещей, созданных человеком, к истории, к традициям народа.

Да и собственный пример уважения к старшему поколению, биография И.И. Исаева воспитывает. Он прошел через ад: война, плен, тюрьма, ссылка, видел жестокость и несправедливость. Пройдя через все это, сумел сохранить в себе жизнелюбие.

Примечания

¹ Исаев И.И. Рукописи.

² Там же.

³ Зеленин Д.К. Избранные труды. М., 1995г., с. 46

⁴ Исаев И.И. Рукописи.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Розанов И.И. «Простонародная медицина в Саратовском уезде»- в кн.: Зеленин Д.Е Избранные труды. М., 1995г., с. 63

⁸ Исаев И.И. Рукописи.

⁹ Там же.

Материалы Минусинского музея по истории Черногорских угольных копей

В собрании Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова имеются разнообразные материалы, касающиеся истории Черногорских угольных копей за 1910-1959 гг. – документы, фотонегативы и фотографии, публикации в газетах и картина художника А. Поздеева. Количество предметов по данной теме насчитывает около ста единиц, из них фотографий – 25, фотонегативов – 46, архив – 8, художественный фонд – 1, фонд научной библиотеки (газеты).

Коллекция формировалась на протяжении полувека, в т. ч. за счет приобретений и пожертвований музею. Среди первых поступлений до 1917 г. – статья неизвестного автора «Горнозаводское дело в Минусинско-Хакасском крае»¹. В ней говорится, что в 1907 г. началась разработка Черногорских копей компанией В.А. Баландиной в большем объеме, чем на Изыхском месторождении, принадлежащем обществу «Пашенных, Узунов и Попов». Добытый уголь, кроме удовлетворения местных потребностей, поставлялся для Енисейской речной флотилии и частично для Томской железной дороги. Производство угля до 1911 г. на Черногорских копиях достигало 8200 тонн в год, а на Изыхских – 5000 тонн. Количество рабочих в Черногорске составляло около 200 чел.²

Минусинский музей обладает уникальной коллекцией фотоотпечатков одного из первых минусинских фотографов Н.В. Федорова (1880-1919). Более 2000 стеклянных негативов дают представление о жизни г. Минусинска и Минусинского уезда кон. XIX – нач. XX вв. Как документы эпохи, они имеют исключительную ценность для науки – историков, краеведов, этнографов. Семь негативов этого фонда посвящены Черногорским копиям 1910 г.: это эстакада Аскыровской пристани и конная железная дорога к ней, подъемная машина и погрузка угля, контора Черногорских копей и жизнь шахтеров.³

Период деятельности этого предприятия после 1917 г. представлен значительно полнее. В минусинской газете «Труд» 23 марта 1919 г. сообщается: «На Черногорских каменноугольных копиях Баландиной, обладающих огромными запасами угля, произошла заминка в работах из-за отсутствия взрывчатых веществ и электролампочек. Вместо 15-20 тысяч пудов ежедневной подачи угля добывается только около 2 тыс. пудов. Если администрация копей не примет надлежащих мер, то вопрос с топливом еще более ухудшится».⁴

Панорама жизни Черногорских копей представлена на негативах и фотографиях Ф.П. Кравченко, работавшего в Минусинском государственном музее в 1920-1931 гг. Феодосий Петрович Кравченко был из сословия крестьян. Родился в с. Родзянок Хорольского уезда Полтавской губернии в 1898 г. В раннем детстве с родителями переехал в д. Нижняя Коя Минусинского уезда. Окончил учительскую семинарию в 1918 г., осенью того же года был призван в Колчаковскую армию рядовым. В боях не участвовал, и в начале 1919 г. перешел в отряд А.Д. Кравченко. Служил секретарем главного партизанского штаба на протяжении всей гражданской войны. Затем Ф.П. Кравченко работал научным сотрудником, помощником хранителя, зав. технико-экономическим сектором Минусинского музея.⁵

Летом 1931 г. по заданию музея Ф.П. Кравченко собрал материалы о деятельности промышленных предприятий Хакасии: он заснял на стеклянные фотопластины Черногорские угольные копи и Абаканский лесозавод.⁶

В 1932 г. Ф.П. Кравченко перешел на работу в Минусинскую малярную станцию энтомологом, а с 1935 г. стал её директором, вплоть до его ареста 16 октября 1937 г. по музейному делу А.В. Харчевникова. 12 ноября 1937 г. постановлением тройки НКВД он был приговорен к расстрелу. Его жена – известный археолог, сотрудник Минусинского музея, В.П. Левашева и две дочери долгое время не знали о смерти главы семьи. Ф.П. Кравченко был реабилитирован решением Красноярского краевого суда лишь 19 июня 1956 г.⁷

39 негативов на стекле отражают рабочие моменты угледобычи на шахтах, транспортировки угля, работу электростанции и железной дороги, а также новые черты социалистического быта. В рабочем поселке шло строительство новых жилых домов и водопровода с р. Енисей, появились больница, столовая,

клуб, магазин, школа-семилетка, школа горнопромышленного ученичества. Имеются любопытные снимки: доставка воды с р. Енисей в деревянных цистернах по узкоколейной железной дороге, а также по домам рабочих.

О событиях жизни рабочих сообщала газета «Шахтер» – орган Черногорского РК ВКП(б), поссовета и рудкома. Она выходила периодичностью один раз в пятидневку. Ее материалы посвящены злободневным темам: борьбе с прогульщиками и дезертирами, ликбезпоходе комсомольцев и членов профсоюза, борьбе с троцкистами, вербовке хакасов в улусах для привлечения и закрепления их на производстве. В газете часто встречаются выражения, напоминающие военное время: сводка с фронта добычи угля, углеразведка и т.п.

Основной проблемой Черногорска являлась острая нехватка рабочих квалифицированных кадров. Поэтому в 1932 г. IV районная партконференция приняла постановление: обучить на технических курсах не менее 800 хакасов в год.⁸ Обком партии отмечал: на руднике работали только 240 хакасов. Плохо выполняли обязательства по вербовке колхозы Аскизского и Усть-Абаканского районов, несмотря на принятые ими договоры о социалистической взаимопомощи.

Газета отмечала факты волокиты и бюрократизма при трудоустройстве хакасов на угольные копи. Так Петр Каргин, прибывший из улуса, в течение 7 дней ходил по разным отделам управления копей, пока, наконец, его оформили на работу.⁹ Ставилось в упрек профсоюзам, что они не организовали посылку писем от рабочих-хакасов в улусы. В 1931 г. в Черногорске открылись школы ФЗС и горнопромышленного ученичества, в которых через три месяца получали рабочую специальность будущие машинисты, лебедчики и мотористы.

4 марта 1932 г. в той же газете появилось сообщение о том, что пущен водопровод от р. Енисей длиной 9 км в поселок шахтеров. Строительство водопровода запечатлено также на фотографии Ф.П. Кравченко в 1931 г. В газете «Шахтер» за 1931-1932 гг. встречается немало сокращений названий организаций и учреждений, различных комитетов. Благодаря фотоснимку стало возможным найти объяснение аббревиатуре «ЗРК», не понятной сегодняшнему читателю. На этой фотографии изображено двухэтажное деревянное здание с вывеской «Закрытый рабочий кооператив «Угольщик». Магазин № I».¹⁰ Этот кооператив выполнял функции отдела рабочего снабжения: в его ведении находились скотобойня, хоздвор, овощехранилище парикмахерская и магазины. В 1932 г. ЗРК заключил договор с овощемолочной фермой опромсельхоза на выращивание овощей. С этой целью ЗРК обязался собрать плату с рабочих в виде авансов на приобретение семян овощей. Стоимость набора семян на одного человека составляла 3 руб. 20 коп. Размер аванса зависел от величины зарплаты трудящихся: рабочий обязан был сдать 2 руб., а служащий – от 2 до 4 руб.

Газета отметила, что в 1931 г. Черногорка практически осталась без овощей, т.к. авансы на покупку семян поступали плохо. За кооперативом была закреплена посевная площадь в 226 га. Неважно обстояло дело и с тягловой силой – 75 лошадей явно не хватало. Поэтому во избежание срыва снабжения работников коллектива овощами ЗРК призвал месткомы, шахткомы и участковые комитеты немедленно взяться за сбор авансов.¹¹

4 декабря 1931 г. в газете «Шахтер» было опубликовано постановление президиума РКИ об улучшении бытовых условий рабочих-хакасов: обеспечить их медицинской помощью, мебелью, посудой, периодическими изданиями.

В то же время в печати постоянно опубликовались острые заметки с критикой деятельности коммунального отдела. 4 марта 1932 г. сообщалось, что в общежитиях для холостяков нет раздевалок для одежды, спецодежда валялась под койками. В раздевалке жила семья сторожихи. Там же находилась питьевая вода для жильцов, но в ней мыли свои игрушки дети сторожихи. В бараках непролазная грязь, при подметании пола пыль стояла такая, что дети убегали на улицу, нет леек обрызгивать пол. Жильцы жаловались на грязные матрацы, полотенца и полное отсутствие простыней. Газета отмечала: в семейных общежитиях нет кружек, воду пили прямо из ведра. Из-за отсутствия столов жильцы вынуждены готовить пищу на топчанах и даже на полу.¹²

В фондах научной библиотеки музея им. Н.М. Мартьянова имеются неполные подшивки газеты «Шахтер» за 1931-1932 гг. В 1959 г. в музей поступила картина Андрея Поздеева «Общий вид Черногорских копей», приобретенная у краевого отделения художественного фонда. Она выполнена маслом на холсте размером 110x220 см по заказу директора Минусинского музея И.И. Павлючка. На картине изображен эпизод транспортировки угля в вагонетках конной тягой по узкоколейной железной дороге. Стоимость этой картины в 1959 г. составила 7250 руб.

Примечание

- ¹ Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М.Мартьянова (далее - АМКМ). АМКМ. Ф.1. Оп.1-а. Д.79. Лл. 22-2;
- ² АМКМ. ФЛ.ОП.1.Д.922.Л.39.
- ³ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д.780. Лл.47 об., 48.
- ⁴ Труд (г. Минусинск). 23 марта 1919 г.
- ⁵ АМКМ. Ф.1. Оп.1. Д.257. Лл.15, 153.
- ⁶ АМКМ. Ф.1. Оп.1. Д.259.Л.10 об.
- ⁷ АМКМ. ФЛ.Оп.4?Д.132.Лл.153-158.
- ⁸ Шахтер, 18 февраля 1932 г.
- ⁹ Шахтер. 27 апреля 1932 г.
- ¹⁰ Шахтер. 27 апреля 1932 г.
- ¹¹ Шахтер. 29 ноября 1931 г.
- ¹² Шахтер. 4 марта 1932 г.

2008

Н. Калеменева, г. Минусинск
Л.В. Соборова, с. Тесь

Василий Иванович Суриков в Теси

С селом Тесь (Тесинское) связано имя великого русского художника Василия Ивановича Сурикова, четырежды побывавшего в Теси. Здесь жила его сестра Екатерина, бывшая замужем за близким другом Сурикова, казаком по происхождению, Сергеем Васильевичем Виноградовым, председателем 2-го участка Минусинского округа, коллежским секретарем.

В конце лета 1866 г. Суриков, получив отпуск (он был канцелярским служащим губернского управления), приехал из Красноярска в гости к супругам Виноградовым в Тесь. Суриков проводил время весело, интересно. Писал этюды. К этому периоду относится его акварель «Тесинская церковь» (сейчас она находится в музее-усадьбе Сурикова в Красноярске).

Весной 1868 г. в красноярский дом Суриковых пришла трагическая весть – 20 марта от воспаления легких умерла сестра Катя.

На похороны сестры Суриков приехать не смог (из-за своей болезни), а приехал только 4 июня, и пробыл в Теси три недели. Погребение Екатерины совершил священник Феодосий Токарев – благочинный церковью Минусинского округа, каковым он стал в 1871 г. (в 1883 г. перешел на службу в Минусинский Спасский собор, где и служил до кончины), у которого в конце июня умерла новорожденная дочь – крестница Сергея Виноградова. Видимо это обстоятельство позволило похоронить Екатерину и Елизавету в одной могиле. Можно предположить, что надмогильную плиту установил сам Суриков, вместе с Сергеем Виноградовым и священником Феодосием. Суриков был хорошо знаком со священником Токаревым и его семьей, дорожил этими отношениями, сохранил их надолго. Это видно из его писем.¹ В одном из писем из Петербурга домой Василий Иванович пишет: «Когда будете писать отцу Федосу, то поклон ему от меня, Александре Федосовне и матушке. Грише и брату его тоже поклон». У «отца Федоса», как называет его в письмах Суриков, была ещё дочь Александра и пять сыновей (четверо из которых в последующем служили священниками). Семья самого Сурикова (мать Прасковья Федоровна и брат Саша), очевидно, тоже была

в неких личных взаимоотношениях с Токаревыми. Возможно, за этими отношениями скрывается какое-либо отдаленное родство. Зять Сурикова – Сергей Виноградов умер в 1879 г., а священник Феодосий Токарев – 9 марта 1902 г.

За те три недели в июне 1868 г., что Суриков находился в Теси, он много рисовал. О плодотворности этого периода свидетельствуют слова Сергея Виноградова в письме к Сурикову 30 ноября 1868 г.: «Высылаю тебе, Вася, твои картины (15-ть), о целости которых ты беспокоишься».

Четвертый приезд Сурикова в Тесь приходится на 1873 г., когда художник поправлял свое здоровье в имении золотопромышленника Кузнецова (в верховьях рек Немир и Узун-Джун, впадающих в Абакан). Журналист Гай Титов в статье «Первое возвращение на родину»² пишет: «Суриков снова посетил село Тесь, где жила его покойная сестра Катя с мужем. Долго стоял он у поросшей травой могилы любимой сестры. И как бы в память об этом возник изумительный акварельный рисунок «Деревня у подножия гор» (Третьяковская галерея). К этому же периоду относится и акварель «Татарская Тесь. Кругозор».

Летом 1902 г. Суриков отдыхал с дочерьми и зятем в Сибири, в Красноярске. Однако, о поездках в Минусинский округ в тот год ничего не известно. А в 1909 г., когда Василий Иванович отдыхал на оз. Шира, тесинские связи уже подернулись прахом забвения.

К сожалению, место захоронения родной сестры художника не сохранилось. Предположительно, оно находилось на территории церковного кладбища Тесинского Богородице-Казанского собора, окончательно разрушенного в 1966 г. (ныне сквер вокруг Тесинского краеведческого музея).

В августе 2003 г. в одном из тесинских дворов была случайно обнаружена чугунная могильная плита, привезенная, по-видимому, с кладбища и долгое время служившая нижней ступенькой крыльца. На плите надпись: «Помяни мя, Господи егда приидеши во царствіи твоємъ. Здесь покоится прахъ рабы Божіей Екатерины Ивановой Виноградовой жены Коллежского Секретаря Сергея Васильева Виноградова преставившейся 20 го марта 1868 г. житія ея было 21 год и 4 месяца супружества же 3 года и 6 месяцев и младенца Елизаветы дочери священника с. Тесинскаго Феодосія Токарева скончавшейся 23 июня 1868 г. 8-ми месяцев 13-ти дней».

Идея об увековечении места пребывания великого земляка на тесинской земле родилась у Любови Михайловны Черемных, ведущего методиста управления культуры Минусинского района. Она написала проект «Суриков на Минусинской земле», который выиграл грант. Соавтором проекта по созданию и исполнению архитектурной композиции памятника выступил художник с.Тесь Виталий Алексеевич Беспрозванный.

Создание суриковского памятника в Теси, в основу которого положена плита с места захоронения Екатерины Виноградовой, завершено в декабре 2008 г.

Примечания

¹ Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Искусство, 1977, письмо 17, 18

² Журнал «Енисей», январь 1988 г.

2008

В. Лебедева,
г. Красноярск

Минусинск и Хакассия в жизни и творчестве В.И. Сурикова

В творчестве любого художника определяющим является местность, ландшафт, воспитывающий глаз с детства. Для некоторых последующие влияния: образование, поездки, культура других стран затмевают первоначальный фон, но он никогда не исчезает полностью. Обычно эта основа навсегда остаётся определяющей. Таким художником был Василий Иванович Суриков – Сибирь, Красноярск, где прошли его детство и юность, навсегда определили его взгляд, героя, сюжет и колорит живописи. В череду мест, значимых для него, с полным правом можно включить Минусинский край и Хакассию – там Суриков

неоднократно бывал, места эти произвели на него впечатление ещё в доакадемический период, и повлияли на формирование мировосприятия юного художника.

Сибирь по сей день является вполне обособленным регионом России, но к сер. XIX в. здесь сформировался совершенно особенный менталитет, своеобразная локальная культура. Здесь во все времена была «вольная» жизнь, которая текла по своим законам, часто неизвестным в столицах. Это формировало тип человека: независимого, смелого, сильного – масштабной цельной личности. Именно такими были герои всех произведений Сурикова: от первых христиан в ранних академических работах (Апостол Павел) до портретов современников (Езерский, Добринская), включая всю галерею центральных образов исторических полотен (Меньшиков, Морозова, Ермак, Суворов и др.).

Огромную роль в формировании Сурикова – исторического живописца сыграл сибирский уклад жизни. Казаки, пришедшие в Сибирь в XVII в., принесли с собой традиции, обычаи, быт допетровской Руси; всё это бережно сохранялось здесь и дошло до времён Сурикова в многочисленных предметах, песнях, сказаниях, гуляниях и играх. Несметное количество повседневных мелочей и праздничные обряды хранили в неприкосновенности русскую старину. Потому так достоверны и образны исторические полотна Сурикова – многое в них написано «очевидцем», человеком того времени.

«В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый. И край-то какой у нас. Сибирь западная – плоская, а за Енисеем у нас уже горы начинаются: к югу тайга, а к северу холмы, глинистые – розово-красные»¹ – так рассказывал пожилой художник своему биографу Максимилиану Волошину. Действительно, и по сей день для сибиряков определяющим остаётся не урбанистический ландшафт, но природный; окраины каждого сибирского города переходят не в пригороды, а непосредственно в природный пейзаж, этот эффект очень силён и сейчас, что же говорить о втор. пол. XIX в., когда природа в значительной степени определяла жизнь горожанина.

В этих условиях формировался характер, складывалось мировоззрение художника. Основными местами детства для Сурикова был родной Красноярск, с. Сухой Бузим, куда его увезли шестилетним мальчиком, и где он провёл детство до поступления в уездное училище. Позже в его жизнь вошли Минусинские степи и Хакассия: старшая сестра Катя вышла замуж и уехала со своим мужем Сергеем Виноградовым в с. Тесь Минусинского округа. По имеющимся данным первая поездка к сестре состоялась в 1866 г. – Сурикову тогда было 18 лет. Второй раз он побывает там через два года, уже после смерти сестры.

В этот период Суриков мечтает об Академии художеств, о живописи, много пишет акварельными красками, самостоятельно продолжает занятия искусством, начатые ещё в уездном училище под руководством художника Николая Васильевича Гребнева. Визиты в Тесь совпадают с активным творческим развитием, когда художник учится воплощать впечатления окружающей его жизни. От этого периода сохранились очень немногие – несколько акварелей, которые находятся в красноярских музеях: виды окрестностей Красноярска («Синий камень на Енисее»), изображения с. Тесь («Село Тесинское. Церковь»). Одно из них было отправлено Суриковым в Академию художеств («Курганы в Минусинском округе»). Акварели этого периода выдают руку старательного ученика, но уже в этих ранних опытах виден незаурядный талант живописца, интерес к композиционным построениям и свобода будущего мастера.

Следующая поездка Сурикова на юг Красноярского края состоялась в 1873 г., когда он студентом Академии художеств приезжает навестить родных, а затем направляется на прииски к Петру Ивановичу Кузнецову, своему меценату, для лечения болезни лёгких, приобретённой в сыром петербургском климате. В Красноярске в этот приезд на родину Суриков жил очень мало, большую часть времени он провёл в Минусинских степях и поездках по Хакассии. До нас дошел целый ряд акварелей: пейзажи, достопримечательности, портреты местных жителей – всё что мог изобразить молодой художник, только что обретший профессиональное мастерство и наслаждающийся им.

Живопись Сурикова свежая, яркая, художник с восторгом фиксирует многообразную палитру минусинской степи, своеобразную красоту и гармоничность лиц местных «инородцев», колорит костюмов и бытовых деталей. Объектом изображения становятся минусинские татары, хакасы, кыргызы – все те, кто впоследствии будут прототипами персонажей в картине «Покорение Сибири Ермаком». Здесь уже

закладываются основные принципы творческого метода художника: внимание к личности каждого персонажа, красота и гармония лиц («греческую красоту и в остяке найти можно»), точность и богатство композиционных решений, особый колорит пейзажей.

Именно после визита на родину в творчестве Сурикова впервые появляются темы древнерусской истории – он пишет на конкурс композицию «Княжий суд», повествующую о временах князя Владимира I. По словам самого художника, в академический период он был очень далёк от того, что увлекало его впоследствии: «...и от «Стрельцов» и от «Боярыни Морозовой», и вообще от русской истории». Вспоминая тот период, он говорил о своих академических интересах Сергею Глаголю: «Страстно увлекался я сначала далёким античным миром и больше всего Египтом. <...> Затем как-то незаметно место Египта занял Рим с его охватившей полмира властью, и, наконец, – воцарившееся на его развалинах христианство».² Тем не менее, визит на родину вдохновляет художника на композицию, посвященную древней истории России, причем гораздо более ранней, нежели те следы «старинны», которые мог Суриков наблюдать в родительском доме, эта древность была родом из Минусинских степей.

Следующим этапом в освоении юга Красноярского края для Сурикова становится работа над картиной «Покорение Сибири Ермаком». Здесь сам сюжет предполагает многочисленные образы представителей разных местных культур. Для сбора материала Суриков направляется в Сибирь, пишет остяков, татар, хакасов. Каждое следующее погружение в местные культуры для художника оказывается глубже предыдущего; этнографический интерес растёт, однако никогда не преобладает над художественным – живопись, гармония пропорций, характеры и человеческие типы всегда первостепенны для мастера. Погружение в быт хакасов и минусинских татар сравнимо для Сурикова с погружением в глубины сибирской истории, истории кочевых народов, строй жизни которых мало изменился за прошедшие века.

Конкретность задачи и обширность регионов, где работал над «Покорением» художник, не позволили ему сосредоточиться на хакасских древностях, а уводили его всё западнее и западнее, к местам подвигов Ермака и его дружины, чёткий и сформированный замысел не давал отвлекаться от поставленной задачи. Но материалы, собранные в период работы над «Ермаком», послужили художнику впоследствии, и снова это была древнерусская тема. К периоду работы над этой картиной принадлежит эскиз другой эпической композиции Сурикова (к сожалению не осуществлённой) – «Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря, убитого древлянами».

Картина о княгине Ольге была последним замыслом художника, Суриков работал над ним до конца жизни, так и не успев осуществить задуманную картину (последние эскизы относятся к 1916 г.). Здесь снова узнаваемый пластический мотив хакасских степей и холмов, окружающих многочисленные озёра, трансформируется волей художника в ландшафт Древней Руси, а минусинские татарки, сидящие в традиционных позах, превращаются в славянок, сидящих на берегу реки и скорбящих об убитом князе.

В этой композиции, как нигде, проявляется умение художника видеть суть исторической эпохи, глубокое чувство исторической аналогии. Древность одного народа становится отправной точкой для поисков пластического мотива, воплощающего историю своих предков. Так художник постигает прошлое в его обобщенном значении, придаёт композиции универсальное звучание, родственное любому человеку и в то же время глубоко национальное.

Примечания

¹ В.И.Суриков. Письма. Воспоминания о художнике / Сост. и комм. Н.А. и З.А. Радзимовских, вст. ст. Н.А. Радзимовская, С.Н. Гольдштейн. – Л.: Искусство, 1977. – С.171.

² Там же. с. 213

История природопользования ресурсами лекарственных растений на территории Хакасии

Многие века травы, корни и другие виды растительного сырья служили человеку основным лекарственным средством. В зависимости от природно-климатических условий, особенностей флоры той или иной территории накапливались знания о целебных свойствах растений и способах их применения. Природа Хакасии отличается уникальным разнообразием, в ней расположены разные ландшафтные зоны: тундра, лесотундра, тайга, травянистые леса, лесостепь и степь. В горах имеет место вертикальная поясность от степей до горных тундр. Историю природопользования ресурсами лекарственных растений на территории Хакасии можно рассмотреть с различных позиций.

В дореволюционный период на территории Хакасии не было медицинских учреждений, дипломированных врачей. С различными недугами, болезнями людям помогали справиться знахари, ведуньи, народные целители, шаманы. Охотники, долгое время живущие в тайге так же знали о целебных свойствах многих растений, так как могли наблюдать за жизнью диких животных. Например, ранив волка и идя по его следу, они обращали внимание на то, что волк выкапывает и ест какие-то корни. Оказывается, животные интуитивно выбирают в природе растения необходимые для заживления ран, лечения болезней. Сокровенные знания о лечебных свойствах некоторых растений были доступны не каждому. Рецепты передавались из поколения в поколение по кровной линии родства. Кроме того, у Хакасов до 1924 г. не было письменности. Если умирал знахарь, охотник или другой сведущий человек не передав свои знания приемнику, не показав место произрастания заветной травы, ее время сбора и правила приготовления, то они уходили в прошлое навсегда. О некоторых растениях сохранились легенды. В давние времена хакасы знали замечательную травку, называя ее паар, способную вылечить любую болезнь печени. Ходят предания о чудесных корешках, помогающих быстрому обезболиванию и сращиванию костей при переломах, о траве, которой окуривали зубы для лечения кариеса, о растении способном вылечить человека от туберкулеза костей и т.д. К сожалению, точные сведения об этих и многих других растениях практически невозможно найти. В современном мире ритм жизни ускоряется, старшее поколение уходит, унося с собой годами накопленные знания, а молодое поколение, погруженное в мир техники, свои заботы и дела не находит надобности в поиске и сохранении этих знаний.

Ведя речь об истории природопользования на территории Хакасии нельзя не затронуть вопроса о хозяйственном освоении ее земель, лесов, природных ископаемых. До XX в. население Хакасии было не многочисленным, природные ресурсы лекарственных растений использовались только на нужды местных жителей. Красивые места, огромные природные богатства еще в царские времена привлекли к себе особое внимание. Во время развития науки, промышленности, металлургии и других отраслей народного хозяйства в России началась эпоха активного освоения территории Хакасии. Она была основным золотоносным районом царской России. С 1830 г. велась добыча золота в Июсском, Уйбатском, Аскизском месторождениях, позднее на Кыасских и Балаксинских россыпях. В 1847 г. было осуществлено 90 % всей золотодобычи государства.

Наличие богатых железорудных месторождений создало благоприятные условия для развития в Хакасии собственной металлургии, металлообработки, машиностроения. В 1867 г. было освоено открытым способом Абаканское железорудное месторождение и построены чугунолитейный и железоделательный заводы.

В 1901 г. возрос спрос на уголь со стороны развивающегося в Сибири железнодорожного и водного транспорта. Началась разработка открытым способом угольных месторождений: Изыхские копи, Хакасско-Минусинский угольный бассейн. Добыча угля открытым способом сопровождалась полным уничтожением ландшафта и литосферы до глубин 300-600 м. Рекультивация нарушенных земель велась крайне низкими темпами.

С 1930 г. производились планомерные геологические работы по поиску полезных ископаемых. Были открыты крупные месторождения меди, цветных металлов (Сорское, Киялых-узенъ), железной руды (горные системы Западного Саяна и Кузнецкого Алатау), известняков, мрамора.

Еще в 1920 г. в Минусинском уезде (Хакасия входила в его состав) было всего десять промышленных предприятий. За годы советской власти произошло активное освоение природных ресурсов Хакасии, была создана крупная лесная, угольная, золотодобывающая промышленность, которая стала материальной основой преобразования всех сторон жизни Хакасов. В 1950 г. на ее территории находилось уже 81 промышленное предприятие.

К кон. 50-х гг. началось комплексное освоение природных богатств, территория Хакасии превратилась в строительную площадку. На местах, где некогда стояли одинокие юрты, поднялись корпуса промышленных гигантов, выросли благоустроенные города и рабочие поселки. В 1953 г. был введен в действие Сорский молибденовый комбинат. Через горы и многовековую тайгу пролегли стальные магистрали, автомобильные дороги, опоры высоковольтных линий электропередач, вырубки просек для их строительства заняли тысячи квадратных километров. Дороги открыли путь туристам, геологоразведочным и ботаническим экспедициям в самые отдаленные уголки республики.

Строительство Саяно-Шушенской и красноярской ГЭС стало мощным стимулом для дальнейшего роста многих отраслей народного хозяйства и более полного использования природных ресурсов Хакасии. Однако оно оказало заметное влияние на климатические условия региона, затопленным оказались огромные участки лесов, полей, несколько населенных пунктов, изменились природные условия близ лежащих территорий, самого русла Енисея и его притоков.

Наряду с промышленностью в XX в. на территории Хакасии происходило активное сельскохозяйственное освоение земель: мелиорация, искусственное осушение. В результате нетронутая степь Хакасии неузнаваемо изменила свое лицо. Она стала крупнейшей территорией полевого земледелия в Сибири, обеспечивая зерновыми и овощами многие районы и пополняя государственные запасы. Однако, как показывают исследования сотрудников сельскохозяйственной опытной станции, ботанических экспедиций ученых из Новосибирска и Томска, был нанесен огромный ущерб редким, исчезающим и эндемичным растениям хакасской степи.

Рост численности населения, дальнейшее строительство дорог, стремительный рост автомобильного парка, авиации, водного транспорта, расширение информационного пространства современного человека, увеличили доступность к природным ресурсам не только Хакасии, но и всей планеты. Активно развивается туризм и возрастает мода на отдых в уникальных по целебным свойствам, красоте и экологической чистоте районах этой республики. Актуальной в наши дни стала проблема защиты окружающей среды от варварского поведения туристов и местных жителей. Повсюду происходит захламление лесов и водоемов бытовым мусором, участились случаи пожаров в связи с неосторожным обращением с огнем, практически невозможно контролировать сбор дикорастущего лекарственного сырья для личных нужд.

Таким образом, развитие промышленности, сельского хозяйства, урбанизация в Хакасии с царских времен до наших дней нанесли основной ущерб природным ресурсам дикорастущих растений, животному миру и в целом всей экосистеме этой территории. Значительно сократилась площади лесов, степей, которые еще можно назвать «экологически чистыми», пригодными для заготовки дикорастущего лекарственного сырья. В радиусе нескольких километров от перерабатывающих предприятий, автомобильных дорог уже нельзя производить заготовку лекарственного сырья, плодов, ягод.

Еще одной вехой в истории природы Хакасии явилось глубокое изучение ее растений ботаниками, химиками и другими специалистами. История исследования флоры республики Хакасия насчитывает три столетия, в настоящее время она изучена хорошо (Е. С. Анкипович, 1999). Первыми исследователями, опубликовавшими свои научные заметки и списки, были: Д.Г. Мессершмидт, П.С. Палас, И.Г. Гмелин, совершившие экскурсии по территории Хакасии в XVIII в.

В кон. IX – нач. XX в. наиболее значимые коллекции гербария были собраны сотрудниками и корреспондентами Минусинского и Красноярского краеведческого музеев. Небольшие коллекции хранятся

в Центральном гербарном хранилище нашей страны в Ботаническом институте РАН в Санкт-Петербурге.

Под руководством заведующего кафедрой ботаники Красноярского педагогического института профессора Л.М. Черепнина был собран гербарий на территории Хакасии насчитывающий несколько десятков тысяч образцов растений.

В сер. 20-х гг. В.А. Баландина заинтересовалась проблемой выращивания лекарственных растений в Сибири и по поручению Академии наук организовала опытную станцию лекарственных растений (которой и руководила) в Хакасии. В 1920 г. в Томском государственном университете под руководством В.В. Ревердатто были организованы ботанические экспедиции, научные исследования флоры Хакасии, создан огромный гербарий.

Лаборатория Интродукции лекарственных и пряно-ароматических растений была создана в августе 1984 г. на базе Лаборатории Растительных ресурсов и интродукции растений природной флоры под руководством доктора биологических наук Е.В. Тюриной. Основным научным направлением, которой являлась мобилизация генофонда лекарственных и пряно-ароматических растений Сибири, сравнительное изучение их биологии в природных сообществах и при интродукции и определение ресурсов.

Последние десятилетия XX в. в изучение флоры Хакасии внесли свою лепту ботаники ХГУ, также собравшие гербарий, насчитывающий более 10 тыс. образцов.

Большой вклад в изучение флоры внесла книга «Редкие и исчезающие виды растений Хакасии», которую в 1999 г. составил Е.С. Анкипович и другие сотрудники РАСХН Сибирского отделения НИИ Аграрных проблем Хакасии и Хакасского государственного университета.

Результатом труда ученых стали многочисленные открытия и уникальные находки. Доказано, что многие виды флоры являются живыми свидетелями длительной истории формирования ландшафтов Хакасии за последние 30-40 млн. лет. И, конечно, эти немые, скромные и легко ранимые очевидцы просят чуткого и внимательного отношения к ним.

Большинство эндемиков, произрастающих на территории Хакасии, имеют большую антропогенную нагрузку и, следовательно, легко могут быть уничтожены. Правительством республики Хакасия был принят закон РХ от 20.10.1992 г «Об особо охраняемых природных территориях и объектах республики Хакасия», принято постановление от 28.12.1999 г. № 190 «Об учреждении Красной книги Республики Хакасия». В 2002 г. Красная книга РХ была опубликована. В нее включены 125 видов цветковых, или покрытосеменных растений, голосеменных (1), папоротниковидных (10), мховидных (10), лишайников (12), грибов (10).

В Хакасия известно около 250 видов лекарственных растений (80 % всех лекарственных растений Сибири), в т. ч. 114 видов используются в фармакологии, остальные 132 вида – веками применялись в народной медицине, 106 из них рекомендованы к введению в лечебную практику по результатам клинических испытаний, исследований химического состава. К производственному сырью отнесены 36-40 видов (Махов, 1989 г.).

Занесенные в Красные книги Российской Федерации и Республики Хакасия редкие, исчезающие и уязвимые виды растений относятся к природным ресурсам федерального и республиканского значения, подлежат особой охране и изъятию из хозяйственного использования на всей территории Хакасии.

В наст. вр. территория Хакасии включена в число 200 мировых экорегионов, имеющих исключительное природоохранное значение. Подписано трех стороннее соглашение между республиками Алтай, Хакасия и Тыва в области охраны природы, экологической безопасности и экономически выгодного развития данных регионов. В республике созданы заповедники, в том числе «Хакасский», но его границы требуют расширения в районе озера Беле, т. к. в этом районе сосредоточен большой набор видов растений, занесенных в Красные книги Российской Федерации и республики Хакасия.

В республике существует Государственный комитет по охране окружающей среды, который осуществляет мониторинг за состоянием растений, подготовку предложений по организации особо охраняемых природных территорий для видов занесенных в Красную книгу РХ и создание генетических банков с целью сохранения редких исчезающих и уязвимых видов растений.

Несмотря на ужесточение природоохранных мер, угроза исчезновения для многих растений остается. В советское время в крае существовала система крайпотребсоюза, объединяющая лесхозы и другие заготовительные организации. Осуществлялся контролируемый сбор лекарственных растений на нужды фармации и аптек. Многие, из них, были закрыты в 1998 г., не выдержав конкуренции и тяжелой экономической ситуации в то время. Теперь заготовкой лекарственного растительного сырья занимаются частные организации.

На территории края создано мало предприятий перерабатывающих растительное сырье в удобные для потребителей формы: брикеты высушенных и измельченных трав, капсулы, лекарственные фармакопейные сборы, пакетированные травяные чаи, экстракты, бальзамы, эликсиры, мази, косметические средства и т.д. Львиная доля такой популярной в настоящее время продукции вырабатывается на Алтае, в г. Новосибирске, Томске. Потребности в лекарственном сырье они покрывают за счет ресурсов Алтайского края, близ лежащих территорий и частично за счет сырья поставляемого из республики Хакасия.

Пользуются особым спросом у предприятий заготовителей и частных лиц легко уязвимые виды (2001 г.) – зверобой продырявленный, тмьян ползучий, мать и мачеха, пион уклоняющийся, бадан толстолистный, толокнянка, родиола розовая, горичвет сибирский, вахта трехлистная, горец змеиный, панцерия шерстистая, щитовник пахучий. Из них в Красную книгу республики Хакасия внесена родиола розовая и щитовник пахучий.

Местным населением и туристами осуществляются неконтролируемые заготовки борца, володушки Мартьянова, кандыка сибирского, пальцекорника холодолюбивого, ярышника шлемоносного, также включенных в красную книгу РК.

Для сохранения природных запасов лекарственных растений необходимо учитывать опыт интродукции видов в ботанические сады, создавать заповедники, заказники, памятники природы, растения хозяйственного назначения необходимо вводить в культуру.

Литература

1. Некратова Н. А. Некоторые итоги изучения природных ресурсов лекарственных растений на юге Красноярского края и проблемы их рационального использования / Н. А. Некратова, Н. Ф. Некратов // Биоразнообразии и редкие виды растений Средней Сибири : тез. докл. регион. конф. – Красноярск, 1993. – С. 76–78.
2. Минаева В. Г. Лекарственные растения Сибири / В. Г. Минаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1991. – 431 с.
3. Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР / под ред. П. С. Чикова. – М., 1980. – 340 с.
4. Атлас Красноярского края и Республики Хакасия. – Новосибирск : Из-во Роскартография, 1994. – 126 с.
5. Красная книга Республики Башкортостан, 2001
6. Поляков М. А. Сегодня и завтра Хакасии. – Абакан, 1972.- 56 с.
7. Красная книга Республики Хакасия: редкие и исчезающие виды растений и грибов, 2002. – 264 с.
8. Сборник научно-исследовательских работ: материалы работ студентов, учащихся, членов школьных лесничеств, проведенного в рамках «Дней защиты от экологической опасности в Красноярском крае» (май, июнь 2005 г). – Красноярск, СибГТУ, 2005. – 100 с.
9. Максимова Т. А. Зеленое ожерелье Хакасии. – Абакан: Изд-во Хакас-го гос. ун-та, 2003. – 132 с.
10. Региональные проблемы заповедного дела: материалы междунаро. научно практ. конф. 23-28 июля 2006 г. Шушенское / Отв. ред. В.А. Стахеев. – Абакан: Изд-во Хакас-го гос. ун-та, 2006.- 328 с.
11. Редкие и исчезающие виды растений Хакасии / Авт. сост. Л.Д. Утенова, отв. ред. И.М. Красноборов. – Новосибирск: СО РАСХН, 1999. – 140 с.

Джаз в сибирском городе

Не только углем и металлом славится Кузбасс. На Земле Кузнецкой также как и в других регионах нашей России живет много талантливых, пытливых, интересных, творческих людей.

Возникновение и развитие джаза в Новокузнецке можно условно разделить на четыре периода.

Зарождение и становление джазовой музыки в городе (1940-1960-е гг.). В военные и послевоенные годы новокузнецчане любили ходить в старейший в городе первый звуковой кинотеатр «Коммунар», смотреть кинофильмы. В кинотеатре перед киносеансами играл оркестр и зрители, пришедшие посмотреть кино, могли послушать музыку. Билеты в кинотеатр, благодаря популярности музыкальных сеансов перед кинофильмом, можно было достать с большим трудом.

В этом оркестре работали Берестова Мария Николаевна, пианистка, Кремер Михаил Ефимович – трубач. Для своего времени они были блестящими музыкантами, исполнявшими как классическую, так и эстрадную музыку. Мария Николаевна окончила перед войной Томское музыкальное училище, после чего её направили работать концертмейстером в драматический театр г. Сталинска. М.Е. Кремер в годы войны был эвакуирован в Сталинск из Львова, где работал в оркестре музыкального театра им. Зеньковецкой. С этим театром и оказался в Сталинске. Во время войны в городе находились Московский театр оперетты и театр юного зрителя Харькова. Здесь собрались прекрасные музыканты – выпускники московской, ленинградской и др. консерваторий. Люди, являлись носителями традиций, хранителями музыкальной тайны, занесенные в Сталинск разными ветрами: эвакуированные, ссыльные или приехавшие в патриотическом позыве поднимать Кузнецкстроевскую культуру.

Михаил Ефимович решил остаться в Сталинске и перешел работать в театр. Познакомился с Марией Николаевной, женился, а в 1953 г. у них родился сын Анатолий.

В 1961 г. они перешли работать в музыкально-педагогическое училище, а сына отдали учиться в музыкальную школу.

Концертного зала в городе не было и концерты чаще проходили в актовом зале института усовершенствования врачей, где собиралась интеллигенция из медиков, приехавших из столичных городов на учебу. В те годы в городе гастролировала элита мировой музыкальной культуры: Святослав Нейгауз, Игорь Ойстрах, Сергей Доренский, Эмиль Гилельс, Эдуард Грач, Леонид Коган. А какая была публика!

Вряд ли можно вернуть ту творческую и духовную атмосферу, которая царил в городе в 50-70-е гг. XX столетия. Михаил Кремер руководил оркестром народных инструментов в педагогическом училище. Дирижуя оркестром, он сам создавал аранжировки, расписывал партитуры. Это был самый лучший в Кузбассе оркестр народных инструментов, но так и не получивший никаких регалий! Великое дело держалось на энтузиазме одного человека. По вечерам Михаил Ефимович руководил симфоническим оркестром в Клубе Строителей, дирижировал еще и в спектаклях народного театра балета.

В 1960-е гг. в городе был балет, и еще какой! Народным театром балета руководили Павлова, затем Крылов. Ставили балетные спектакли «Жизель», «Баядерку», «Корсар», «Дон Кихот». В эти годы развивался талант Анатолия Михайловича Берестова, позднее создателя и руководителя джаз-клуба «Геликон».

В мемуарах А.М. Берестова читаем: «Только семья могла меня профессионально сориентировать на музыкальное поприще. Желание стать музыкантом у меня созрело в шестом классе. Я постоянно варился в музыкальной среде... Я стал открывать для себя целый мир, который не вписывался в шаблоны музыки школы».¹

В оркестр кинотеатра «Коммунар» в 1960-е гг. пришли новые люди, образовался коллектив под управлением Александра Белика, который внес неоценимый вклад в развитие джаза в Новокузнецке. Белик называли «профессором» в своем деле. Джазовый барабанщик, работал в нач. 60-х гг. с такими известными российскими музыкантами как Анатолий Кролл, Стас Григорьев.

Новокузнецкие музыканты: барабанщики Анатолий Тукмов, Александр Белкин, Владимир Заречнев (Говрош), контрабасист Валерий Лавров, саксофонист Вадим Губичев, Евгений Ларин, гитарист Владимир Герасименко (Билл), трубачи Владимир Лобанов (Лобзки), Владимир Пурис – поистине были звёздами джаза!

Эстрадно-джазовые ансамбли города (1970-е гг.). В 1970-х гг. страну заполнили электронные ВИА. Эра кинотеатральных вечеров окончилась. Не стал исключением и Новокузнецкий оркестр кинотеатра «Коммунар», который прекратил свое существование. Многие думающие люди, испытав информационный голод, ходили на американские фильмы. Считалось правилом хорошего тона любить джаз.

В городе появился джазмен Женя Ларин, репетировали в СМИ (ныне СибГИУ), Доме учителя, клубе Строителей. В 1965 г. в институте Сибпромстройпроекте был организован ТЭМП – театр эстрады молодого проектировщика. В нем играли Евгений Ларин, Владимир Лобанов, Владимир Заречнев. В 1966 г. во Дворце культуры алюминиевого завода был организован эстрадный оркестр, которым руководил Виктор Якунин.

В 1986 г. в г. Барнауле состоялся I джазовый фестиваль «Алтайские зори», оставивший приятное впечатление от исполнения джазовой музыки.

1987 г. в г. Новокузнецке открылся Дом творческих союзов, в котором был организован джазовый квартет во главе с Михаилом Каретиним. В состав квартета входили: барабанщик Сергей Батютин, басист Валерий Лавров, трубач Александр Кабанов, и Михаил Каретин (фортепиано).

Джаз клуб «Геликон» – начало творческой деятельности (1984-2006 гг.). Джазовый квартет принял участие во II Всесоюзном джаз-фестивале в г. Барнауле. Именно в Барнауле Берестов задумался о том, что в Новокузнецке должен быть свой джазовый фестиваль. «Я еще не подозревал, что начинается еще одна моя карьера – джазового продюсера».²

«Панорама Сибирского джаза» стала I Новокузнецким фестивалем. В мае 1987 г. в нем приняли участие ансамбли Барнаула, Новосибирска, Кемерово. Был создан джазовый клуб «Геликон», утвердили его устав. И уже осенью 1987 г. творческий коллектив клуба побывал на фестивале «Джаз над Саянами» в г. Абакане, организованном Александром Кузнецовым. Это была встреча с новыми друзьями, журналистами, критиками из Москвы, Томска, Риги. Состоялось знакомство с Алексеем Николаевичем Баташевым – легендарным джазовым публицистом, критиком. «Мы почувствовали знакомства столицы»³. После смерти А. Кузнецова («Куца») его замечательный оркестр развалился.

В феврале 1988 г. в Новокузнецке состоялся «Вечер фортепианного джаза», на котором выступили исполнители из Узбекистана, Казахстана, Латвии, Литвы Украины, а также из Черногорска, Барнаула, Хабаровска. Фестиваль получил серьезный резонанс. На деятельность джаз-клуба «Геликон» обратили самое серьезное внимание. А в апреле 1988 г. он принял участие в III Барнаульском фестивале.

В декабре 1988 г. была создана Советская Джазовая Федерация – джаз как искусство получил официальную нишу.

В 1988-1990 гг. – в городе издавался джазовый журнал «Геликон». В январе 1990 г. режиссер Новокузнецкого драматического театра Виктор Пивоваров поставил спектакль по пьесе Горького «Дачники», с музыкальным сопровождением джазового трио Анатолия Берестова. Джаз-клуб переехал в драматический театр. Осенью прошел джазовый фестиваль в Бишкеке и малый джазовый фестиваль «Джаз-рояль-90» в Новокузнецке. В нач. 1991 г. джазовый клуб переехал в Музей изобразительных искусств. По воскресеньям играли в музее бесплатный джаз «для народа».

Новокузнецк – джазовая столица Сибири, 1980-2008 гг. Старой разрушенной крепости в Кузнецке Анатолий Берестов решил посвятить свой фестиваль. Он назвал его «Джаз у старой крепости». С 1991 г. фестиваль стал проводиться постоянно. В нем принимали участие Владимир Черкасин – саксофон, оркестр Владимира Толмачева, Ольга Пирагс – вокал, Сергей Манукян – вокал.

В седьмом по счету и первом международном джазовом фестивале «Джаз у старой крепости-92», который проходил при поддержке мэра города С. Мартина, приняли участие Флориан Росс и московский биг-бэнд под управление Гараяна.

С 1 октября 1992 г. джаз-клуб «Геликон» стал муниципальным. Летом 1994 г. «Геликону» отдали здание городского танцевального зала. Первым гостем в новом доме стал Сергей Манукян.

1990-е гг. состоялись выступления на джазовых фестивалях: «Дни джаза» в Новосибирске, «Декада джазовой музыки» в Донецке, Минске, Алма-Ате, Орле, Хабаровске, Ереване, Москве на фестивале, посвященном 50-летию оркестра Олега Леонидовича Лундстрема (1994), Риге, Витебске, «Осенних ритмах» в Ленинграде (1992), Доме отдыха композиторов в Репино (1993) и Петрозаводске. В 1993 г. трио Анатолия Берестова выступило в концертном зале им. П.И. Чайковского.

Джазовые сезоны в городе становились все насыщенней, а новокузнецкий бомонд рафинированней. На фестивале в 1994 г. выступили Давид Голощекин (скрипач). Дуэт Стив Блэйер и Даниил Крамер, сиднейское трио Мария Айзена. В 1995 г. – известная негритянская джазовая певица Дебора Браун, которая считалась звездой и в США, и в Европе. Её концерт был назван самым значительным событием года в городе. Затем джазовый негритянский хор Сиэтла под управление Патринеллы Райт, в котором пели 25 мужчин и женщин в возрасте от 16 до 70 лет. Сама Патринелла не только великолепный хормейстер, но и потрясающая исполнительница негритянского фольклора. Берестов вспоминал: «Я весь концерт стоял за кулисами, слушал, наблюдал, поражался тому духовному состоянию, в котором артисты хора улетали в небеса и уносили с собой нас. Я видел их лица, по которым время от времени текли слезы. «Они пели о Боге, для Бога, они пели для людей – черных, белых, желтых, и, слушая их, никто не думал, у кого какой цвет кожи, кто в какого Бога верит»,⁴ – напишет А. Берестов. В «Джазе-96» приняли участие: Оливе пер Урио (Франция) – духовая гармошка, просто звезды Нью-Йорка во главе с Джо Локком. В фестиваль «Джаз – 1997» познакомил слушателей с уникальным струнным квартетом «Филармоника» из Новосибирска. «Мой первый фестиваль – это как первая любовь, счастье воплощенной мечты, дрожь в коленях и трепет в душе, а фестивали последних трех лет – хорошо выполненная работа матерого профессора, и, если угодно, режиссера»⁵ – вспоминал Берестов.

В августе 1998 г. состоялась Великая Сибирская Ассамблея на Кузнецкой крепости, в которой принял участие ансамбль «Скоморохи» из г. Прокопьевска. В том же году – фестиваль «Джаз-98», посвященный 100-летию Джорджа Гершвина, в котором принял участие пианист Даниил Крамер.

Летом 1999 г. состоялись «Джаз-99», II Великая Сибирская Ассамблея современного искусства и Конгресс жителей Сибири. Идея Конгресса заключалась в том, что язык музыки сплавливает народы и народности Сибири. В этом грандиозном проекте приняли участие оркестр «Wivdmachine» (руководитель Бернхард Мергнер) – биг-бэнд из Германии, ансамбль шорского фольклора г. Таштагол, ансамбль «Скоморохи» г. Прокопьевска, Басот Байрышев из г. Горно-Алтайск, Аркадий Шилклонер (альпийский рог), а также выставка современного искусства галереи «Сибирское искусство».

Ежегодно проводится международный фестиваль джаза. Его уже ждут, к нему готовятся ценители джазовой музыки. Новокузнецкий джаз-клуб «Геликон» получил статус губернаторского джаз-клуба. Берестову было присвоено звание почетного деятеля культуры области. Он стал Лауреатом городского телеконкурса «Человек-года-98», удостоен в 1997 г. звания «Лауреат премии Кузбасса» (премию передал детскому дому №68). А.М. Берестов вошел в энциклопедический справочник «Джаз. XX век».

После внезапной кончины Анатолия Берестова в 2006 г. эстафету пропаганды джаза в сибирском городе подхватили его последователи и ученики. И отныне ежегодно в Новокузнецке проходит Международный фестиваль джазовой музыки имени Анатолия Берестова.

Примечания

¹ Берестов А. Романтики джаза, Новосибирск, 2004, стр.13.

² Там же, стр. 37

³ Там же, стр. 41

⁴ Там же, стр. 219

⁵ Там же, стр. 276

Литература

1. Берестов А.М. Романтики джаза. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2004 г.
2. Джаз. XX век. Энциклопедический справочник. Санкт-Петербург, 2002 г.
3. Рядом с великим //Кузнецкий рабочий. – 2002 г. – 24 января. – С.1
4. Кобелева Е.«Человек года» – это звучит гордо!//Фронт. – 1999 г. - №8 (25 февраля). – С.4
5. Анатолий Михайлович Берестов [некролог]/А.Г.Тулеев и др.//Кузбасс. – 2006 г. – 29 апреля (№77). – С.3

2008

В.И. Терентьева,
п. Шушенское

К истории одной фотографии

В комнате, которую, будучи в сибирской ссылке, Владимир Ильич Ульянов занимал в доме крестьянина А.Д. Зырянова, помещена копия фотографии руководящей группы петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».¹

Только одна эта фотография может стать предметом отдельного многостраничного исследования, интересного и поучительного...

Начнём с известного факта: этот исторический снимок сделан в феврале 1897 г. в один из трёх дней свободы после 14-месячного заключения (одиночного) и перед последующей ссылкой; сделан он в фотографии Везенберга и К^о (ныне – пр. Майорова, 32 в Петербурге, дом сохранился).

Вот как об этом вспоминал В.В. Старков: «Выйдя из тюрьмы, мы дружной группой так и пошли улицам города. Идём взволнованные, возбуждённые... и вдруг поравнялись с домом, на котором вывеска – «фотография». Через 3 дня нам пришлось расстаться. Сошлют нас в холодную, далёкую Сибирь, разбросают кого куда по её бескрайним студёным просторам. И в эту самую минуту сама собой родилась мысль: сфотографироваться перед разлукой, сохранить на память карточки, так тогда говорили... И вот каждый получил такую фотографию».²

Снимок последовал за революционерами в места их ссылки, его с нетерпением ждали, о нём писали родным и знакомым. В кон. 1897 г. В.И. Ленин сетовал в письме к родным: «А карточек и группы так-таки нет да нет...».³

А.А. Ванеев писал Доминике Труховской: «Карточки получил... Ещё несколько дней назад я получил также и группу, но на ней я вышел неудачно».⁴

Ю.О. Мартов впоследствии вспоминал: «Мы, осужденные члены Союза позволили себе даже небывалую и не вполне конспиративную вольность: снялись восьмером в группе (А.А. Ванеев, П.К. Запорожец, Г.М. Кржижановский, Я.М. Ляховский, А.Л. Малченко, В.В. Старков, В.И. Ульянов и я)».⁵

В поисках этих подлинных фотографий исследователи Г. Хаит⁶ и П. Мешалкин⁷ изучали партийные архивы и семейные альбомы родственников тех, кто изображён на снимке. Описание этих поисков и сейчас захватывающе интересны. Именно эти исследователи «поправили» Мартова, доказав, что Ляховского на историческом фото не было.

Глядя на известную фотографию, уместно вспомнить, что эта группа социал-демократов была в самой первой партии ссыльных, которые отправились в Сибирь по железной дороге, что очень облегчило их участь, т.к. на этом пути было всего две пересыльные тюрьмы – Московская и Красноярская.

Следует обратить внимание и на тот факт, что название организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» было дано уже позже, фактически после того, как организация была разгромлена. Подтверждает это документ «Доклад по делу возникновения в Санкт-Петербурге в 1894-1895 гг. преступных кружков лиц, именующих себя социал-демократами».⁸ А.И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях отмечает, что «Союз борьбы» был так назван «уже после ареста Владимира Ильича».⁹ Исследователь биографии Ю. Мартова Георгий Чернявский утверждает, что так организацию назвал на дознании Мартов.¹⁰

Но самая интересная и неисчерпаемая тема – дальнейшая судьба изображённых на снимке людей. После тюремного заключения и быстро пролетевших 3-х дней свободы Ульянов, Мартов, Ванеев, Кржижановский, Старков последовали в Сибирь, из них двое (Мартов и Ванеев) – на её север, в Туруханск, остальные – на юг, в Минусинский округ. Причём, Владимир Ульянов последовал в ссылку за свой счёт по проходному свидетельству. Малченко сослали в Архангельскую губернию, а Запорожца – в Сибирь, но на 5 лет. Тюремное заключение и перспектива самого большого срока ссылки в буквальном смысле свели крестьянского сына Петра Запорожца с ума. Он тяжело заболел и в 1905 г. умер в Винницкой психиатрической больнице.¹¹

Анатолий Ванеев из тюрьмы вынес плеврит, который усугубился условиями ссылки и развился в туберкулёз, от которого он умер в Ермаковском в 1899 г. 27 лет от роду, 20 дней не дождавшись рождения своего первенца – сына.¹²

Это была заметная потеря для организации, т.к. Ванеев очень серьёзно занимался теоретическими вопросами, пристально изучал социально-экономические процессы в России, пользовался уважением в среде революционеров. И сейчас можно только предположить, как сложилась бы его судьба, доживи он до революции и дальнейших событий...

Но известна судьба его потомков. Сын Анатолий, родившийся в ссылке, был известным радиоинженером, добровольно ушёл на защиту Ленинграда и погиб. Его сын – тоже Анатолий – стал религиозным философом и принципиальным противником коммунизма, за что 10 лет провёл в лагерях. Его сын Лев покинул страну и живёт в Америке.¹³

Центральная фигура фотографии, что соответствует и положению в организации, – Владимир Ильич Ульянов. Через 20 лет он станет известен всему миру, и до сих пор не ослабевают дискуссии о его роли в российской и мировой истории, о значении и последствиях Октябрьской революции 1917 г. Но финал жизни этого человека был трагичен: всего в 54 года (неполных) он медленно умирал от страшной болезни, в полной политической изоляции, которую обеспечили ему им же возвращённые соратники; умер, успев понять, что дело, на которое «положил жизнь», не очень удалось, да и мировой революции не случилось...

Но «большое видится на расстоянии», поэтому предоставим времени дать оценку этому историческому феномену.

Самым благополучным из всех изображённых на снимке оказался Г.М. Кржижановский, имя которого ассоциируется у нас с планом ГОЭЛРО. По натуре он был больше созидателем – инженером, поэтом, чем революционером-ниспровергателем. Ему принадлежат слова знаменитых революционных песен «Беснуйтесь, тираны» и «Вихри враждебные».

Г.М.Кржижановский умер в 1959 г. в возрасте 87 лет советским академиком.

Рассказывая об Александре Леонтьевиче Малченко (на фотографии стоит между Лениным и Кржижановским), мы говорили о нём примерно так, как в персоналии к 55 тому Полного Собрания Сочинений В.И. Ленина: «Малченко А.Л. (род. 1871 г.), (года смерти нет – авт.), социал-демократ, по профессии инженер-технолог ... Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1895 г. был арестован, в 1897 г. сослан в Архангельскую губернию на 3 года. Позднее от революционной работы отошёл».¹⁴

Сегодня Александр Леонтьевич Малченко мало известен, хотя его имя часто упоминалось в социал-демократических кругах в кон. XIX – нач. XX вв. Судя по воспоминаниям товарищей и конкретным поступкам, это был образованный, интеллигентный человек, благородный и порядочный.¹⁵

В годы культа личности Сталина бывший подпольщик и соратник Ленина не избежал трагической участи и был расстрелян как «американский шпион». А имя его исчезло из всех историко-партийных источников и даже с очень известной фотографии, где он стоял рядом с Лениным.¹⁶

Это ярчайший пример научной недобросовестности, пример того, как ретушировались не только фотографии, но и сама История.

Другим подобным примером является факт исчезновения с этого знаменитого снимка Василия Васильевича Старкова. Фотография без него была помещена в книге Ю.Н. Флаксермана «Глеб

Максимилианович Кржижановский», вышедшей в издательстве «Наука» (!? – авт.) в 1964 г. Автор решил урезать изображение: убрал Старкова, но т. к. остался «в кадре» его ботинок, пришлось подрезать фото и снизу, а потом для симметрии подрезать справа бутафорский фон (рядом с Ваневым).¹⁷

Видимо, автора книги смутило то обстоятельство, что после поражения революции 1905 г. Василий Васильевич отошёл от активной революционной работы... Но после 1917 г. он все свои знания и опыт отдавал восстановлению экономики страны, установлению её внешнеполитических связей с Западной Европой.

Василий Старков умер в 1925 г. В своём рабочем кабинете в Берлине на посту заместителя торгового представителя СССР в Германии. Как заметил упомянутый уже Григорий Чернявский, он «умер вовремя».¹⁸

О Мартове принято было говорить так, как писали о нём в историко-партийных источниках. Обратимся снова к персоналиям 55 тому ПСС В.И. Ленина: «Мартов Л. (Цедербаум, Ю.О., Егор, Юлий) (1873-1923) – в социал-демократическом движении принимал участие с перв. пол. 90-х гг. В 1895 г. участвовал в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по делу которого был арестован и сослан на 3 года в Туруханск. После ссылки принимал участие в подготовке издания «Искры». После II съезда РСДРП – лидер меньшевизма ...».¹⁹

Принципиальные разногласия проявились на II съезде партии летом 1903 г. Спор шёл по 1 п. Устава. Ленин настаивал на обязательном участии в партийной организации, Мартов – на содействии ей под руководством организации. Выступил также против предложения Ленина ограничить редакцию газеты тремя членами, видя опасность в том, что партия будет под контролем газеты. Обвинял большевиков в стремлении установить в партии диктатуру.

В 1917 г., анализируя сложившуюся политическую ситуацию, Мартов констатировал, что власть большевиков «не есть диктатура пролетариата». Попытки насадить социализм в отсталой стране он рассматривал как бессмысленную утопию. Революцию Юлий Осипович не принял и назвал её катастрофой. Понятно, что начались преследования меньшевиков. Этому способствовало и столкновение Мартова со Сталиным, которого Юлий Осипович обвинил в участии в «эксах» (экспроприациях – авт.), и обнародовал факт, что в 1910 г. Сталин был исключен из партии за ограбление банка. От расправы Мартова спасло то, что он был высоким авторитетом в зарубежных лево-социалистических кругах, которые Ленин планировал использовать в деле стимулирования мировой революции, и не хотел осложнений. Наверное, поэтому Мартова выпустили за границу на съезд независимых социалистов Германии в 1920 г. (сентябрь). А 15 августа 1921 г. Ф. Дзержинский дал распоряжение о розыске его и аресте.

В Германию Мартов приехал уже тяжело больным. Туберкулёз горла, полученный в Туруханской ссылке, усугублялся, он потерял голос, но продолжал работать, возглавлял заграничную делегацию РСДРП. В своих публикациях анализировал положение в России. Например, приветствовал НЭП, но доказывал, что без либерализации политической жизни она не может быть прочной.²⁰ И оказался прав.

Умер Мартов 4-го апреля 1923 г., похоронен в Берлине, т.е. умер тоже «вовремя», избежал репрессий, но два его брата – Сергей и Владимир – были расстреляны и истреблена вся семья Юлия Осиповича – племянники, жены племянников и т.д.²¹

Т. к. после Ленина Мартов является самой заметной фигурой не только в этой группе, но и среди социал-демократов России и Европы, то простительно ему уделить больше внимания и закончить выдержкой из статьи Григория Чернявского: «Ныне, по окончании того века, который был свидетелем взлёта и падения романтических идеалов социалистов, который не только выявил утопичность их планов создания нового типа общества, но и неизбежное вырождение этих планов в тоталитарное чудовище, мы можем дать достойную оценку Юлию Осиповича Мартова. Он предстает перед нами как один из виднейших деятелей той когорты социалистов, которая готовила поворот социал-демократии от борьбы за «светлое будущее» в духе марксистских догматов в принципиально новое русло. Это новое направление социального мышления и деятельности постепенно привело к осознанию утопичности «великой цели» и к превращению социалистической доктрины в идеологию левого фланга современной демократии, сотрудничающей и конкурирующей с другими её течениями».

Примечания

- ¹ Ленин в Петербурге-Петрограде. - Лениздат, 1980, с. 110.
- ² Кутырев П., Алексеев А., Чулков А. Василий Старков. – Саратов, 1972, с.39-40.
- ³ Ленин В.И. ПСС, т. 55, с. 63.
- ⁴ Забурдаев Н.А. Анатолий Ванеев. - Горький, 1978, с. 143.
- ⁵ Мартов Ю. Записки социал-демократа. - М-Л, 1922, с. 208.
- ⁶ Хаит Г. Поиск продолжается. - Красноярск, 1968, с. 310.
- ⁷ Мешалкин П.Н. Единомышленники. - Красноярск, 1974, с. 215.
- ⁸ Спиридонович А.И. Революционное движение в России. Вып. 1, СПб., 1914, с. 132.
- ⁹ Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче. Партийное издательство, М., 1934, с. 68.
- ¹⁰ Чернявский Г. Ю. Мартов – Дон-Кихот русской революции. Журнал «Вестник», Onlin № 22(281), 03.10.2001.
- ¹¹ Пётр Запорожец. Документы и материалы.- Винница, 1962, с. 89.
- ¹² Забурдаев Н.А. Анатолий Ванеев. - Горький, 1978, с. 203-205.
- ¹³ Сведения получены от лично знавшего семью А.А.Ванеева В.И.Шаронова (Архив В.Терентьеваой).
- ¹⁴ Ленин В.И. ПСС, т. 55, с. 577.
- ¹⁵ Новиков В.И. Незаслуженно забытое имя. - В сб. «Памятники Отечества», № 2, 1989, с. 53-55
- ¹⁶ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т.1, М., 1956, с. 144.
- ¹⁷ Флаксерман Ю.Н. Глеб Максимилианович Кржижановский. – М., «Наука», 1964, с. 15.
- ¹⁸ Чернявский Г. Упомянутая статья.
- ¹⁹ Ленин В.И. ПСС, т. 55, с. 578.
- ²⁰ Чернявский Г. Упомянутая статья.
- ²¹ Попова Т.Ю. (Цедербаум). Судьба родных Мартова в России после 1917 года. - М., 1966, 63 с.

2008

Д.Ю. Хоменко,
г. Красноярск

Межэтнические отношения в Хакасско-Минусинском крае в кон. XIX в. (по материалам исследователей П.Е. Кулакова и А.А. Ярилова)

В современном мире изучение межэтнических отношений особенно актуально, в т. ч. и в нашей, многонациональной стране. Межэтнические отношения на территории Енисейской губернии изучены недостаточно. Нет комплексной работы, посвященной межэтническому взаимодействию. На сегодняшний день известны работы по истории отдельных народов, диаспор. Так же существуют этнографические исследования, проводившиеся и в XIX в.

В 1897 г. на территории Абаканской и Аскизской управ Минусинского и Кизыльской и Мелецкой управ Ачинского округов было проведено исследования хозяйства и быта инородцев. Экспедиция была инициирована Петром Ефимовичем Кулаковым: этнографом, статистиком, секретарем Енисейского губернского статистического комитета.¹ К исследованию был привлечен Арсений Арсеньевич Ярилов – известный ученый, общественный деятель, впоследствии профессор Московского государственного университета, один из крупнейших почвоведов СССР.²

А.А. Ярилов – уроженец с. Медведево Минусинского округа, был знаком с Н.Ф. Катановым, известным этнографом; работал с основателем Минусинского музея Н.М. Мартьяновым. Арсений Арсеньевич учился в Казанском, Дерптском и Лейбцигском университетах, защитил докторскую диссертацию «Характеристика сельского хозяйства Сибири».³ После смерти Н.М. Мартьянова в 1904 г. заведовал Минусинским музеем.⁴ По его настоянию музею было присвоено имя Мартьянова.

Так же в экспедиции принимала участие Александра Александровна Кузнецова, дочь Александра Петровича Кузнецова, внучка Петра Ивановича Кузнецова. Впоследствии она стала женой А.А. Ярилова.⁵

По итогам экспедиции было выпущено несколько работ, в которых исследователи неминуемо затрагивали среди прочих и вопросы межэтнического взаимодействия, в частности взаимоотношения русского и инородческого населения. П.Е. Кулаков и А.А. Кузнецова опубликовали в 1898 г. книгу «Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения». В статье А.А. Кузнецовой содержатся исключительно этнографические сведения, которые касаются материальной культуры инородцев, поэтому она не рассматривается в данной статье.

П.Е. Кулаков определяет задачу своего исследования следующим образом: «проследить за постепенным процессом русификации татар». ⁶ Он указывает, что «вопрос о печальной участи инородцев, как более слабого и менее культурного племени, предрешен биологическими законами». ⁷ С точки зрения П.Е. Кулакова, предрешенное вырождение инородцев возможно предотвратить при повышении уровня инородческого культурного и экономического уровня до уровня «более сильной расы, русской, т.е. ... путем обрусения». В этой связи автор подчеркивает решающее значение «Устава о сибирских инородцах» от 1822 г., который «с одной стороны ... смягчал и задерживал влияние естественного закона, а с другой – шел на встречу и облегчал постепенный переход к высшим формам». ⁸

А.А. Ярилов в статье «В защиту науки и приговоренных к смерти» выразил свое изумление «по поводу некоторых взглядов г. Кулакова на сущность и отдельные стороны инородческого вопроса». ⁹ А.А. Ярилов обращает внимание на следующее противоречие: Устав 1822 г. даровал инородцам право пользоваться в обиходе нормами обычного права, жить согласно своим традициям и т.д., и ни в коей мере не мог способствовать обрусению инородцев. ¹⁰

Затрагивая вопросы взаимоотношений русского и инородческого населения, П.Е. Кулаков указывает, что русские переселенцы захватывают инородческие земли и вынуждают последних переселяться вглубь своих земель. П.Е. Кулаков описывает множество примеров борьбы инородцев за свои права, которая как правило была безуспешной. Например, «в 1841 г. возникла тяжба между форпостскими казаками и кызыльскими кочевыми инородцами за право рыбной ловли в Белом Июсе». ¹¹ Для разрешения земельных споров инородцы регулярно ходатайствуют о размежевании земель, но таковые как правило «уменьшали размеры татарских земель, так как производились ... на основании современного фактического землепользования». ¹² Логично, что после самозахватов инородческих земель крестьянами проводимое подобным образом размежевание было в пользу крестьян.

А.А. Ярилов в работе «Кызыльцы и их хозяйство» так же приводит примеры притеснений инородцев со стороны русских. Однако он отмечает, что земельные споры постоянно возникали и между инородцами. ¹³ «Такие же споры ... происходили постоянно и между отдельными лицами». ¹⁴

Другой проблемой, которая была актуальна для инородцев, были взаимоотношения с золотопромышленниками. По словам Кулакова, следствием развития золотопромышленности стало то, что «зверь разбежался из лесов и тайг». ¹⁵ А.А. Ярилов подтверждает негативное влияние золотопромышленности на инородцев, подчеркивая, что на прииски прибывает множество «всевозможного торгового и предпринимательского люда». ¹⁶

П.Е. Кулаков отмечает влияние русского населения на хозяйство инородцев, особенно в районах совместного проживания. «Громаднейшее большинство обитателей этих улусов живет уже русской жизнью, ведет русское хозяйство». ¹⁷ П.Е. Кулаков отмечает, что земледельческое, высшее, хозяйство в этих районах вытесняет низшее, скотоводческое. А.А. Ярилов обращает внимание, прежде всего, на отрицательные для инородцев последствия их взаимоотношений с русскими. Он отмечает, что крестьяне старались извлечь личную выгоду из соседства с инородцами, как то: пользование «в лице инородца дешевой рабочей силой» и отдача инородцев в рекруты за счет кого-либо из русских за вознаграждение. ¹⁸

Причиной, по которой инородцы поступали в наем к русским, шли в рекруты или на работы на прииски ¹⁹ была «задолженность или необходимость иметь деньги к определенному сроку – для уплаты ясака». ²⁰ В среднем половина суммы, получаемой инородцами за добровольный уход в солдаты, шла в уплату долгов. ²¹

Инородцы не только поступали внаем, но и «брались за доставку сена». ²² Так же брались за поставку леса, постройки казарм, доставку почты и многое другое. ²³

С точки зрения П.Е. Кулакова обрусение татар заканчивается актом перехода в крестьянское состояние.²⁴ Но к этому не стремятся сами татары, так как боятся потерять свое льготное положение, боятся, что «увеличат подати и повинности, нарежут определенные наделы и станут брать в военную службу».²⁵

По мнению А.А. Ярилова, переселенцы, забирая тем или иным способом земли, ограничивают возможность ведение скотоводческого хозяйства, так как сокращаются пастбища. Соответственно, часть инородцев обзаводится хозяйством и селится в русских деревнях. Но «крестьяне ... требовали участия во всех ... расходах, а в Думу нужно было вносить ясак».²⁶ Поэтому инородцы вынужденно переходили в крестьянское состояние.

А.А. Ярилов отмечает и случаи противоположные, когда оседлые земледельцы переходят в кочевое состояние. «Ещё чаще возбуждались инородцами ходатайства о перечислении их из одного кочевого общества в другое».²⁷ Но нередки были случаи, когда кочевые общества не отпускали своих членов, мотивируя это своей малочисленностью, трудностью уплаты повинностей.

П.Е. Кулаков касается так же и религиозных взаимоотношений русских и инородцев. Он отмечает, что «живущие рядом с татарами русские плохие христиане, поэтому влияние русских на инородцев в этом отношении не было значительно ... в Минусинском округе есть ещё официальные шаманисты, а фактически большинство придерживается ещё шаманских обрядов».²⁸ П.Е. Кулаков повествует, что администрация и духовенство заботились больше о количестве крещенных, чем о просвещении инородцев. Указывается, что особо ретивые миссионеры были отмечены наградами. Так, письмоводитель из инородцев Ефим Семенов Катанов «получил даже орден, но в скором времени он был за ... мошенничество и поборы сослан в Якутскую губернию».²⁹

В вопросах хозяйственной жизни русские крестьяне служили для инородцев примером (по мнению П.Е. Кулакова). Инородцы перенимали хлебопашество как прогрессивную форму ведения хозяйства. Соседство с русскими облегчало усвоение техники земледелия. Отмечается так же, что администрация активно поддерживала внедрение земледелия в инородческое хозяйство.³⁰ П.Е. Кулаков отмечает, что земледелие «больше развито на границах русских и инородческих владений».³¹

А.А. Ярилов отмечает «усиление занятия земледелием» среди инородцев³² и объясняет это земельным утеснением инородцев русскими (невозможность ведения скотоводческого хозяйства, которому нужны большие площади). Кроме того, А.А. Ярилов обращает внимание, что «часть инородцев, принявшаяся уже за пашни, находит среди соседей ... постоянных и выгодных покупателей».³³

Наряду с распространением земледелия Кулаков отмечает упадок скотоводства.³⁴ Вывод делается на основании статистики, показаний старожилов. А как же логического умозаключения, что «с развитием земледельческого хозяйства, когда под земледельческую культуру ушло около 10 000 десятин ... прежний простор миновал и число табунов должно было сократиться». На этот тезис А.А. Ярилов возражает, апеллируя к данным самого Кулакова: «коровы и бараны г. Кулакова, не смотря на «упадок» скотоводства, или вернее, в виду опасностей, грозящих этому последнему со стороны «земледельческой культуры» – принялись умножать свою потомство самым неслыханным образом».³⁵ А.А. Ярилов критикует и саму методологию Кулакова, указывает на вольность в обращении с данными и неточность последних.

Т. о., перед нами возникает картина взаимоотношений русского и инородческого населения Минусинского и Ачинского уездов в кон. XIX в. Однако если П.Е. Кулаков в своем исследовании по большей части идеализирует русское население, изначально считая его превосходящим население инородческое, то А.А. Ярилов более осторожен в оценках и не склонен считать соседство с русским населением благом для инородцев.

Примечания

¹ Енисейский энциклопедический словарь. – Кр-ск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998; с. 337

² Там же. с. 715

³ Ярилова Л.С., Лыткина Е.И. Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири // Жизнь и деятельность А.А.Ярилова в Сибири. Материалы научной конференции. – Абакан: ООО «Фирма «Март», 2005. с.31

- ⁴ Там же. с. 37
⁵ Там же. с. 40
⁶ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. – Кр-ск, 1898; с. 4
⁷ Там же. с. 4
⁸ Там же. с.4
⁹ Ярилов А.А. В защиту науки и приговоренных к смерти. – Юрьев, 1899; с. 6
¹⁰ Там же. с. 16
¹¹ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. – Кр-ск, 1898; с.19
¹² Там же. с. 21
¹³ Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство. – Юрьев, 1899; с.180
¹⁴ Там же. с. 184
¹⁵ Там же. с. 24
¹⁶ Там же. с. 108
¹⁷ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. – Кр-ск, 1898; с. 30
¹⁸ Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство. – Юрьев, 1899; с.132
¹⁹ Там же. с. 151
²⁰ Там же. с. 133
²¹ Там же. с. 132
²² Там же. с. 157
²³ Там же. с. 162
²⁴ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. – Кр-ск, 1898; с.37
²⁵ Там же. с.38
²⁶ Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство. – Юрьев, 1899; с. 186
²⁷ Там же. с. 197
²⁸ Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для изучения. – Кр-ск, 1898; с.46
²⁹ Там же. с.48
³⁰ Там же. с. 71
³¹ Там же. с. 80
³² Там же. с. 222
³³ Там же. с. 233
³⁴ Там же. с. 81
³⁵ Ярилов А.А. В защиту науки и приговоренных к смерти. – Юрьев, 1899; с. 41

2008

Л.Н. Баяндин,
с. Алтай

История образования села Алтай Минусинского уезда

Появление русских поселений на юге Сибири непосредственно связано с сооружением пограничного Саянского острога в 1718 г. на правом берегу р. Енисей, при выходе его из Саянских гор. Со вт. пол. XVIII в. казаками и крестьянами активно ведется строительство поселений на правом берегу Енисея. Коренное население вытеснено на левый, степной, берег.

В XIX в. русские селения уже довольно плотно расположились на правобережье Енисея, во многих из них казаки жили смешанно с крестьянами и их взгляды были обращены на другой берег. В нач. 1856 г. в Койбальскую Степную думу обратились казаки Енисейского казачьего конного полка 6-й сотни Суэтукской станицы, проживающие в деревнях Чихачевой, Лугавской, Каменки и Жеблахта, со словестным прошением об уступках земли на левом берегу Енисея под хлебопашество и сенокосение. Эта земля состояла во владении инородцев Койбальской Степной думы, точнее улусов кочующих летом в этой местности со своим скотом.

8 октября 1856 г. улусные старосты подписали уступное письмо, где говорится, что «...кочующие инородцы высказали желание на уступы выше означенной земли казакам, состоящей в инородческом владении по левую сторону р. Енисей, начиная вверх по течению от речки Гусевой (она протекала рядом с будущим поселением) до Сидоровой заимки и вниз от устья речки до горы называемой Медвежьей головой, ... и по краю борков состоящих от р. Енисея, примерно полагая, в 15 верстах с таковым условием, чтобы казаки просящие выше означенный участок земли, владели оным по отводу в обоюдном и нераздельном владении».

Уступное письмо от общества подписали старосты Койбальских улусов Таражакова, Большебайкотовского, Малобайкотовского, Кольского, Кандыкова и Арши улуса. В конце письма есть записи: «Признать сей отступной народился – родоначальник Койбальской Степной думы Собакин, к сему приложил печать», и «С подлинником верно: Ачинский окружной землемер Быков».¹

В архиве г. Минусинска хранятся документы с названием «Межевое (административного межевания) дело №59 за 1858 г. По каталогу межевых дел Ачинского уезда – Суэтуковской станицы Алтайского форпоста». В этом деле имеется «Геометрический специальный план Енисейской Губернии Минусинского округа дачи Алтайского форпоста, отведенной во владение казаков Енисейского казачьего полка 6-й сотни станицы Суэтуковской проживающим в разных селениях Шушенской волости ... обмежованной в 1856 г. октября 23 дня вследствие предписания исправляющего должность Енисейского Губернского Землемера от 11 мая того же года за № 182, последовавшего по Указу Енисейской Казенной Палаты от 21 апреля 1855 г. за №3900 Ачинским окружным землемером титулярным советником Николаем Быковым. Предполагается земля для 1-го обер-офицера и 62-х казаков»². На этой карте впервые упоминается и обозначено поселение – форпост Алтайский.

В объяснительной записке от 15 ноября 1908 г. по проектам ограничений земельных наделов казакам д. Алтайской также указана дата 1-го межевания – 1858 год.³

Эта же дата упоминается и в документах по отводу земельных угодий казакам и крестьянам д. Алтайская в 1879-1880 гг., где есть такие слова: «...согласно плану на дачу деревни (бывший форпост) Алтайская, сочиненного в 1858 г.»⁴

Поэтому можно сделать вывод, межевание, начатое в конце 1856 г., было закончено и вступило в законную силу в 1858 г. И этот год можно считать годом основания с. Алтай.

В списке населенных мест 1859 г. уже значится казачий форпост Алтайский, в котором 30 дворов и 220 жителей.⁵ Сведений об истории с. Алтай мне не встречались ни в одном издании. В энциклопедии Республики Хакасия всего лишь сказано «Алтай – старинное казачье село (точная дата основания неизвестна)».

В дальнейшем к землям форпоста Алтайский присоединили еще два участка: лесной участок под названием «Боровое», обмежованный в 1858 г., расположенный на р. Лугавка на другой стороне Енисея в 20-ти верстах от форпоста в смежности с Даниловским поселком при Александровском винокуренном заводе и урочище под названием «Подъувалье», уступленного им крестьянами села Шушенского в 1869 г.⁶

В выписке из ведомости Енисейской казенной палаты от 30 сентября 1878 г. имеются данные о народонаселении упраздненного казачьего конного полка, числящихся в 1872 г. при расформировании того же полка. Согласно выписке по д. Алтайской считается казаков бывшего городского полка и ныне оставшихся в казачьем сословии 77 душ, мальчиков от 1 до 19 лет – 55 душ. Упоминается и население упраздненного корпуса внутренней стражи (ныне крестьян): малолетних от 1 до 19 лет – 35 душ; урядников и казаков – 94, из них отставных – 92 души.⁷ По-видимому, после расформирования казачьего конного полка в 1872 г. изменилось и название поселения, вместо форпоста стала д. Алтайская.

20 сентября 1880 г. «...отставные служилые и перешедшие в гражданское ведомство урядники и казаки д. Алтайской пишут письмо с просьбой о дополнительном выделении угодий из земли принадлежащей крестьянам д. Койской и с. Шушенского. И у них появляется еще один участок – урочище «Шардайков луг».

В архиве имеется документ «Описание дачи деревни Алтайской» от 8 июля 1902 г. Приведу сокращенный вариант этого документа: «Дача носит преимущественно степной характер, в черте дачи

леса совершенно нет. Для потребности казаков в дровянных материалах отведен им лесной участок в количестве 935 десятин в казенной Лугавской даче – по другую сторону Енисея под названием «Боровое». Расстояние до самого дальнего пункта, смежного с дачами Шушенского и Очурского, 12 верст. Ближайшая граница (3 в.) с селениями Каменским и Ойским. Пашни находятся, главным образом, на низменной местности под названием «Подъувалье» в восточной части дачи и по смежеству с дачами Шушенской, Очурской и землями Аскизской инородческой управы. Паскотины и покосы расположены в наиболее низменной части дачи, на берегу и островах Енисея на Шардайковом лугу и на «Подъувалье». Вблизи дачи проходит почвенная речка Гусиха, в которой вода не замерзает круглый год».⁸

Большинство вопросов жители д. Алтайской решали на сходах и почти все они были связаны с землей. Для межевых работ заполнялись типовые бланки для сельских обществ. Но в документах сходов д. Алтайская слово «сельское» всегда исправлялось на «казачье» общество. Летом 1903 г. проводили межевые действия по установлению границы землепользования с д. Нижняя Коя, селами Лугавское и Шушенское. Приговоры сходов подписывали: отставной старший урядник Степан Глубоков, староста Иван Чихачев и присутствующие казаки. В приговоре схода от 27 сентября 1906 г. записано: «...у нас лесная дача, находящаяся вблизи Александровского винокуренного завода почти вся уже истреблена и большая часть сожжена огнем, то есть палом, так что нам негде приобрести топлива для своих домов, дров. Поговоря между собой и приговорили: Просить Его Высокоблагородие Господина производителя работ Енисейского поземельно-устроительного отряда, взамен уступленной части нашей дачи, нарезать нам такое же количество десятин вверх по Енисею на расстоянии 17 в. от д. Саянской по р. Голубой и от устья в расстоянии 10 в. до ключа Чалпана. Сей приговор постановлен: Алтайский староста Кудрин». На документе есть резолюция: «Об обмене части земли «Боровое» на лесной участок по р. Голубой».

В 1906 г., в апреле и сентябре, состоялись два схода инородцев Минусинского уезда Абаканской инородческой управы Шалошина 2-й половины рода, на котором избрали доверенных для присутствия на межевых работах при отводе границ инородцев с русскими. Первый сход был собран по распоряжению родового старосты Аткинина в улусе Кыштымовский, второй – старосты Тараканова в с. Усть-Абаканское.⁹ Жители этих улусов относились к Качинской группе хакасов.¹⁰

К кон. XIX в. в Минусинском округе количество населенных пунктов увеличилось, по сравнению с серединой века, на 34%, а число жителей – на 76%.¹¹ Земли на всех уже не хватало, и крестьяне близлежащих деревень начинают требовать ее у казаков д. Алтайской. Хотя население в ней возросло в 1,5 раза и составило, по данным на 1895 г., 348 человек.¹²

В июне 1905 г. крестьяне д. Каменка Лугавской волости направили письмо заведующему Минусинской поземельно-устроительной партии Зубову в котором просят «...возбудить ходатайство о прирезке, необходимой до 15-ти десятинной нормы, 157 десятин земли от земель д. Алтайской под названием «Шардайков луг» и «Серебренниковой пади». На письме есть резолюция: отказать.¹³

В октябре 1905 г. состоялся сход крестьян Ойского сельского общества (в него входили д. Ойская и Чихачева), на котором отмечено, что у нас «...не хватает земель до нормы 15 десятин, а в станице казаков Алтайской есть излишняя земля сверх нормы». И в приговоре схода было записано: «Обязать доверенных ходатайствовать перед начальством о прирезке земельного надела из земли казаков станицы Алтайская». Такие же решения были приняты на сходах Ойского сельского общества в июне 1907 и мае 1908 гг. Но ни одно из них не было удовлетворено.¹⁴

По данным на 1 января 1906 г. в д. Алтайской числятся 248 душ имеющих право на надел. Кроме того вдов казаков, могущих получить земельный участок, 19 душ и сирот женского пола – 8 душ. Кроме них в деревне живут малочисленные группы крестьян из казаков и государственные крестьяне.

Казаки занимали привилегированное положение в деревне, они владели лучшими землями под пашнями. «Что касается сенокосов, то пользование крестьянами этими угодьями не носило постоянный характер, так как казачье население, как господствующая группа, распределяла крестьянам пайки по своему усмотрению, чуть ли ни ежегодно, отводя их в таких местах, где считало для себя неудобным».¹⁵

14 мая 1907 г. был созван, в составе 3-х категорий населения д. Алтайской, сельский сход, на котором обсуждался вопрос о полюбовном разделе между 3-мя группами угодий общего пользования –

пашни и сенокосов. В проекте приговора было записано: «Уступить в надел крестьянам участок земли по смежности с землей инородцев заимки Женаевой». Но эту землю уже планировали забрать для переселенцев и поэтому «...приговор схода не был подписан крестьянами-собственниками и государственными».¹⁶

10 августа 1908 г. на сельском сходе казаки (60 домохозяев), крестьяне из казаков (11) и государственные крестьяне (9 домохозяев) вновь обсуждают вопрос о разделе земель. Соглашение было достигнуто лишь потому, «...что все 3 категории населения разделили по другому местность дачи». Крестьянам были выделены земли Шардайкова луга от границы офицерских наделов к югу.¹⁷

В 1908 г. активно ведется переписка, обсуждается на сходах вопрос об уступлении казаками земли переселенческому участку «Джанаевский» (ныне с. Кирово). В сентябре старший производитель работ – зав. Минусинской поземельно-устроительной партии направляет два письма помощнику производителя работ Герасимову, где отмечается нежелание казаков делиться землей. Во 2-м письме сказано: «Прошу ускорить мое поручение об отрезке излишней земли от казаков с. Алтайского, ...склонять казаков к добровольной уступке земель, в обмен сенокосов на степь».

Помощником производителя работ была подготовлена объяснительная записка по проектам ограничений земельных наделов казакам, крестьянам из казаков и государственным крестьянам, датированная 15 ноября. Проект ограничений предъявлен сходу казаков д. Алтайской 24 ноября 1908 г.

Казаками была уступлена местность, так называемое «Подъувалье». Взамен им были выделены новые земли Шардайкова луга, приречная низина от урочища «Летника» до так называемого «Истока нижнего», сенокосный остров «Илюшкина».

После революции 1905-1907 гг. отношение царского правительства к казачеству было более чем благосклонным. Казаки были главной опорой в борьбе с революционно настроенными рабочими и крестьянами. В революции 1917 г. и Гражданской войне многие казаки д. Алтайской выступали на стороне белого движения. Например, в книге воспоминаний участника Гражданской войны в Хакасии и на юге края К.А. Колторакова «Грозные дни» есть эпизоды столкновения партизан с казачьими разъездами из станицы Алтайская и участие казаков в известном Очурском бою. В книге Анатолия Чмыхало «Отложенный выстрел» упоминается Павел Чихачев – казак из Алтайской станицы, который был заместителем атамана Соловьева.

В 1919 г., в октябре, в д. Алтайской организовали сельский Совет,¹⁸ в ноябре – на территории сельсовета, на базе национализированной Алтайской овцеводческой экономии Алексеева и Четверикова был образован Алтайский совхоз-коммуна, переименованный в 1925 г. в Минусинский совхоз «Овцевод».

В 30-е гг. в с. Алтай были организованы 2 колхоза: «Красный сибиряк» и им. Свердлова. Перед войной колхоз «Красный сибиряк» был одним из самых передовых в Минусинском районе.

В январе 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР был образован Алтайский район с центром в с. Алтай. В него вошли части территорий трех районов Хакасии и Минусинского района. Из 11 сельсоветов, вошедших в состав нового района, 5 были из Минусинского района. Но райцентр был выбран не удачно. С областным центром Абаканом с. Алтай не было связано ни шоссейными дорогами, ни телефонной связью, не хватало строительных материалов, топлива. Поэтому в марте 1945 г. центр Алтайского района был перенесен в с. Белый яр.

В 1959 г. Алтайский сельсовет был упразднен (Решение крайисполкома № 649 от 14 ноября) и д. Алтай вошла в состав Кировского сельсовета.

Примечания

¹ МГА, ф.71, оп.1, д.109.

² Там же

³ Там же

⁴ МГА, ф.54, оп.1, д.95

⁵ Списки населенных мест Российской империи «Енисейская губерния по сведениям 1859 г.». Изд. ЦСК МВД С-Пб, 1864 г.

⁶ МГА, ф.71, оп.1, д.109.

⁷ МГА, ф.54, оп.1, д.95.

⁸ МГА, ф.71, оп.1, д.109.

⁹ Там же.

¹⁰ Бутанаев В.Я. «Происхождение хакасских родов и фамилий». Изд. г.Абакан. 1994 г.

¹¹ Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск, 2008 г.

¹² Статистика Российской империи «Енисейская губерния». Изд. ЦСК МВД. С-Пб, 1895 г.

¹³ МГА, ф.71, оп.1, д.109.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ МГА, ф.Р-54, оп.1, д.47.

2009

Д.А. Бакшт,
г. Красноярск

Из истории жандармского пункта в городе Минусинске, XIX-XX вв.

Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) при поздней монархии в России исполнял роль политической полиции и был важнейшей из структур МВД на тот период времени. При своем создателе, императоре Николае I, выполнял по большей части функции наблюдательные, а потому ограничивался лишь созданием проникновением своих филиалов лишь до губернского уровня. В рамках Сибирского (8-го) жандармского округа действовали канцелярии губернских жандармских штаб-офицеров.

Однако усиление революционного движения к сер. XIX в. заставило правительство провести реформу жандармерии 1867 г., в которой предполагалось создание институтов Губернских жандармских управлений (ГЖУ) и переходом штаб-офицеров в начальников вновь созданных структур. Итогом послужило увеличение жандармского надзора в империи (в каждой губернии было устроено ГЖУ) и проникновение на уездный (в Сибири – окружной) уровень через должности помощников начальника ГЖУ.¹

Должность помощника начальника Енисейского ГЖУ по Минусинскому и Ачинскому округам появилась в 1867 г. одновременно с помощником по Енисейскому округу. При помощнике заводилась своя канцелярия с собственным делопроизводством и жандармский пункт с унтер-офицерами и цейхгаузом. Минусинск был одним из трех городов в Енисейской губернии, где по штату находился жандармский офицер. Причем этому офицеру в наблюдательном отношении были подчинены сразу два округа (Минусинский и Ачинский), что говорит о важности канцелярии в системе жандармерии. По званию помощник начальника ЕГЖУ был обер-офицером – штабс-ротмистр или ротмистр.

Реформа полиции 1880-1881 гг. никак не затронула Минусинский пункт. По дислокации 1889 г. там находился 1 офицер и 3 унтер-офицера.² Из этих 3 унтер-офицеров в Минусинске был один из трех по губернии жандармских вахмистров (должность высших чинов унтер-офицерского состава, введенная в ОКЖ в 1885 г.).³ Это означает, что Минусинск – центр минусинской жандармской команды, что также и обозначено в всероссийском реестре жандармского корпуса (где указан Минусинск как место квартиры всех унтер-офицеров Ачинского и Минусинского округов).⁴ В 1892 г. Минусинск усилен еще одним унтер-офицером. Поэтому, если брать в сравнении с жандармской командой другого обер-офицера, в Енисейске, то минусинско-ачинская команда получила перевес в этот период времени.⁵

В 1900 г. в Штаб ОКЖ поступило предложение выделить из минусинской команды одного унтер-офицера для устройства пункта в с. Новоселово, что и было сделано. Первая революция продемонстрировала ошибочность дислокации. Минусинск стал терять в розыском плане свой интерес и в 1908 г. Новоселовский пункт был упразднен, и по одному человеку из Ачинска и Минусинска было переведено в Красноярск (как и новоселовские жандармы).⁶ Т. о., в Минусинске осталось лишь два унтер-офицера в подчинении обер-

офицера, что, впрочем, не помешало установить Минусинский уезд режим «охраны» (т.е. чрезвычайного положения) в 1910-1911 и 1914-1917 гг. (в условиях Первой мировой войны).⁷

Стоит, однако, отметить и личный состав канцелярии в Минусинске. Отдаленное положение канцелярии от центра и редкое появление начальника ЕГЖУ в городе (объезд губернии два раза в год) позволяли молодым обер-офицерам халатно относиться к своим прямым обязанностям: обучению нижних чинов и ведению делопроизводства. По поводу последнего можно сказать, что по небрежности хранения бумаг в канцелярии Минусинск был всегда «эталон», что отмечалось разными начальниками за разные этапы рубежа веков.⁸ Отличен в этом был штабс-ротмистр Розалион-Сошальский (1908 г.), который получил лишь за халатное обращение с бумагами два строгих выговора в личное дело.

Что касается обучения чинов, то в кон. XIX в. ни сабельным приемам, ни строевой подготовке офицеры не уделяли внимания, что выяснилось в ходе проверок.⁹ В 1906 г. жандармов вооружили новым оружием – винтовкой Мосина казачьего образца. В Минусинске было получено 3 винтовки и обучение было возложено на офицера, что и было осуществлено.¹⁰

В розыском вопросе «подкосил» минусинскую жандармскую команду 1908 г. Указанная передислокация чинов в губернский центр связана с созданием Красноярского розыского пункта, куда в качестве филеров прикомандировывались лучшие из жандармских унтер-офицеров.¹¹

Весной 1914 г. минусинский пункт при проверке показал отличную стрельбу, владение шашечными приемами, а также разборкой и сборкой винтовок и револьверов. Порученное ранее Штабом обучение телеграфному делу унтер-офицеры всей губернии прошли успешно. Внимание в Минусинске и Ачинске к военному делу является следствием того, что подполковник Смирнов, заведующий канцелярией в Минусинске, участник Русско-японской войны. Именно при нем не зафиксировано ни одного нарекания по строевым вопросам.¹²

Февральская революция 1917 г. положила конец истории ОКЖ во всей Империи, и Минусинск не был исключением. Жандармы были вынуждены без боя сдать оружие, а офицеры подвергнуться временному аресту. Судьбу минусинских жандармов пока не удалось выяснить. Но в целом мы можем заключить, что минусинский пункт за свою полувековую историю занимал одно из видных мест в системе политического надзора губернии, и его развитие шло в ключе политических процессов не только в губернии, но и во всей Российской империи.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLII. От. 2. 1867. СПб, 1871. № 44956. - С. 46-75.

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 14. Л. 8.

³ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.

⁴ Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: испр. по 15 мая 1886 г. СПб., 1886. - С. 56.

⁵ Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: испр. по 15 января 1892 г. СПб., 1892. - С. 56.

⁶ ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 23. Л. 19.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 69 а. Л. 18, 114.

⁸ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1961. Л. 29; Оп. 2. Д. 23. Л. 29-30.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 18-19.

¹⁰ Там же. Д. 17. Л. 13-13 об.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-8.

¹² ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 88. Л. 34.

Т.М. Берняцкая,
с. Краснотуранск

Страницы истории Краснотуранска (по документам семейного архива Устюговых)

Однажды в музее раздался телефонный звонок. Звонила моя давняя знакомая: «Приди посмотри у меня есть записная книжка моего прадедушки». Отказать себе в удовольствии увидеть столь редкий предмет конечно же не смогла. Каково было мое удивление, когда увидела целую кладезь фото и документов кон. XIX – нач. XX в.

Открываю записную книжку и читаю биографию ее составителя Николая Семеновича Устюгова. «Родился я в 1888 г. 28 ноября в 10 часов ночи. А именинник бываю в декабре. От матери остался на втором году. Мать померла 1891 г. 9 мая. А отец помер в 1898 г. 15 июня в понедельник в 11 часов утра на 38 году от роду».

Из сохранившейся выписки Метрической книги узнаю, что он сын Абаканского крестьянина Семена Михайловича Устюгова и его жены Пелагеи Афанасьевны.

Далее в записной книжке запись: «Женился я на первой жене Вассе Ивановне Сиротининой вступил в брак 1909 г. 11 ноября в 8 часов вечера на 22 году. А жене было 21 имениница она бывает 21 августа».

Ещё один документ – «Свидетельство» о том, что «ученица Васса Ивановна Сиротинина, дочь крестьянина Енисейской губернии Минусинского уезда Абаканской волости с. Абаканского, родившаяся двенадцатого августа 1888 г., вероисповедания православного, успешно окончила курс учения в Абаканском одноклассном сельском училище Министерства Народного Просвещения, в чем и выдано ей сие свидетельство за печатью училища. 1900 г. августа 20 дня». Из подписей на документе внимание привлекла одна. Почетный блюститель училища Г. Мухин. В Краснотуранске много рассказывали о некоем купце Мухине, владеющем магазинами. Но каких-либо документальных свидетельств не было. Правда, по воспоминаниям некоторых старожилов ходила легенда, что когда купец Мухин умирал, он завещал: тем, кто придет на его похороны, из магазина дать то, что человек пожелает взять на память о нем, Мухине. И вот благодаря короткой строчке в документе, открывается еще одна сторона деятельности купца Мухина.

Из кипы фотографий извлекаю одну, на ней четыре молодых девушки. На фото только инициалы. Одна из них – Васса Ивановна Сиротинина, справа от нее Любовь Константиновна Ландышева. Фото датировано 1909 г. Любовь Константиновна Ландышева (в дальнейшем Наумова), была учительницей. Из этого можно сделать вывод, что все 4 девушки имели некое отношение к школе. Изучая историю Краснотуранской средней школы, нахожу в одном из воспоминаний, что в школе работала некая Сиротинина, осталось только выяснить та ли это, так как не упоминается имя.

Вернемся вновь к записной книжке: «Родился первый сын Александр 1910 г. 7 сентября 5 час утра во вторник, именинник бывает 28 сентября. Вторая дочь родилась Мария 1912 г. января 19 дня 8 часов вечера в четверг, имениница бывает 26 января. Третья дочь Вера родилась 1914 году 9 часов вечера в субботу сентября 21 дня. Четвертая дочь Агния родилась 9 ноября 7 часов вечера в понедельник 1905 г., именинница бывает 21 января. Пятая дочь Любовь родилась 7 февраля 1918 г. именинница бывает 17 сентября родилась в среду 6 часов вечера. Шестой сын Владимир родился 13 января 1920 года в среду 7 часов утра, именинник бывает 15 июля».

Короткие строчки на нескольких страницах рассказывают о жизни прошлого поколения: «Гуша умерла 1921 г. декабря 15-го заболела, а 17-го уже умерла утром в 5 часов. А Володя помер 20 декабря в понедельник. Володе было 1 год, 4 месяца 4 дня. Месяц с Гушей, а заболел он 9-го декабря. Родилась дочь 7-я Агния 1929 г. июня 30 четверг утром 5 часов именинница бывает 21 января»

Но что это... пошел другой почерк. «Сын 8 родился Николай 1924 г. октября 3 дня в четверг в 6 утра. А именно 6 декабря вместе с Колей с отцом 2-я Агочка-Гушинка померла 1924 г. 7 июля 22 дня в понедельник в 4 часа дня. Хворала дезинтерией 11-й день померла. Муж мой Ник С. помер 1925 г. января 19 дня в воскресенье в 10 часов утра. Болезнь была восполение наткосницы. Заболел 28 ноября 1924 г.».

Эти горестные строки приписаны рукой Вассы Ивановны. В записной книжке нет ни слова о жизни семьи вне семьи. Но большое количество фотографий свидетельствует о том, что автор записной книжки в 1916 г. служил в армии. Поскольку записи свидетельствуют, что дети родились в 1914 г. и в 1918 г., можно делать вывод, что Устюгов Николай Семенович был призван в царскую армию в связи с событиями Первой мировой войны.

Из большой семьи Н.С. Устюгова выжили пятеро детей – Александр, Люба, Вера, Мария, Николай. Жизнь текла своим чередом. Дети подрастали. У каждого из них складывалась своя судьба.

«Брат наш и сын Александр заболел 9 мая и умер 29 мая 1933 г. болезнь была сыпной тиф. Спи спокойно милый Шурочка. Учился в г. Красноярске на землемера там он и помер. Брат наш и сын Николай умер 7 января 1943 г. похоронен в г. Ачинске на городском кладбище. Он был взят в армию. Спи спокойно милый Колечка.»

Эти строки в записную книжку отца добавляла уже дочь Мария, именно она сохранила все уникальные фотографии семьи и записную книжку отца.

С любовью сохранены школьные фотографии Николая. К сожалению, не все фотографии имеют надписи. Вот и здесь, среди младших школьников лицо учительницы кажется знакомым, да, действительно, есть такая и на других фотографиях, но имя её пока остается скрыто временем. С напряжением вглядываюсь в лица детей. И кроме Коли Устюгова, узнаю старейшую жительницу с. Краснотуранска Веру Алексеевну Шведину, в то время Качаеву. Скорей к ней, может она мне что-то расскажет? «Ах, как жаль, я совсем уже ничего не вижу, а кто на этой фотографии?». Называю фамилию Устюгова. Вера Алексеевна сразу встрепенулась: «Колечка, Колечка Устюгов, какой хороший был мальчик, умный, спокойный и учился хорошо... Да, знаете ушел на фронт и там где-то пропал, я не знаю ничего о его судьбе».

Зато для меня открылась еще одна страничка истории. На фотографии те, кто закончил школу в грозном 43 году. Многие из них сразу после школы отправились на фронт. Еще одна школьная фотография. Вижу уже знакомые лица учителей того времени. Вдруг мое внимание привлекло лицо девушки сидящей в первом ряду. Что-то в нем показалось знакомым. Большой удачей оказалось то, что на фотографии оказался список 7 «В» класса Краснотуранской средней школы 26 мая 1939 г. Прочитала – «Ботвич». Имени нет. Не может быть, неужели?... Срочно в свой семейный альбом. У бабушки была младшая сестра, знаю, что она воевала. Но то, что училась в Краснотуранской школе мне было неизвестно. Да и чему тут удивляться, средняя школа на весь район была одна. Неудивительно, что девочка из подтаежного с. Кара-Беллык училась в Краснотуранске. У старшей сестры была семья, а муж был на фронте, жить было где. Дома нашла фото, на нем надпись «Фотографировались 26 мая 1942 г. на острове в с. Краснотуранске с Ильиной Фросей В.» Да ведь и почерк очень похож на тот, которым много лет писались письма из Нижнего Новгорода от семьи Ободовых Антонида Павловны и Алексея Григорьевича. Сразу стала понятна дата надписи 25 мая день окончания школы.

Вот так семейный альбом одной семьи неожиданно раскрыл страницу жизни другой семьи. А судьба и фотографии Марии Николаевны, продолжавшей записную книжку Устюговых помогла восстановить еще одну страницу истории Краснотуранска.

Мария работала на почте. Среди обнаруженных в альбоме фотографий увидела уже знакомую, коллектив почты. В музее есть такая фотография, вот только дата на фото вызывала сомнение. В архиве Устюговых четко значилось 1930 г. Рассматриваем с Ларисой Николаевной Ковригиной (Устюговой в девичестве) коллектив почты на фото, она называет те имена, которые помнит из рассказов тети Марии: «А вот это Вера Штох». Имя названо и новая встреча с Верой Лукьяновной Штох (как оказалось обладательницей не меньшего семейного архива). «А где это вы взяли, у меня есть такая фотография, – Вера Лукьяновна стала смотреть в альбоме, – да только это не я, а моя сестра Елена» Спрашиваю, когда могла быть сделана эта фотография, на одной дата 1930, а на другой 1942 г. «Только не 42-й, – уверенно отвечает В. Штох, – Елена в 1942 г. уже была в армии, она служила на Дальнем Востоке радисткой». Вот и еще одна страничка истории стала доступной. В 1942 г. из Краснотуранского района на Дальний Восток уехало 28 девчонок. Известно было только имя одной, теперь открыто еще одно.

И вновь строки записной книжки: «Мария умерла 17.04.1961. Люба умерла 3.11 1990 г. в 6 часов утра. Вера умерла 29.09.2000 г.»

Но жизнь некогда большой семьи продолжается. В Краснотуранске живут дети Любы – Лариса, Надя, Вера и Николай. Их дети продолжают жить в Краснотуранске, у них тоже дети. «Л.Н. Устюгова. Начало моей жизни. Я родилась 1938 г. 22 мая в 7 часов утра. Живу по сей день. Сейчас учусь в 7 классе «Б». Писала это 21 марта 1953 г. Лариса Устюгова. Теперь мне уже 24 года. Второй год как вышла замуж за Александра Ковригина». Вот так и далее продолжают записи в записной книжке прадеда.

2009

Т.В. Волова
г. Минусинск

Приближается век двадцатый (к 110-летию новогодней встречи в Минусинске ссыльных социал-демократов)

В конце декабря 1898 г. по инициативе В.И. Ленина в Минусинск под предлогом встречи Нового года со всего Минусинского уезда съехались ссыльные социал-демократы: В.И. Ленин, Н.К. Крупская, О.А. Энберг и И.Л. Проминский из п. Шушенское; Н.Н. Панин и А.С. Шаповалов из с.Тесинское; Е.И. Окулова из д. Шошино; В.К. Курнатовский, П.Н. и О.Б. Лепешинские из Курагинского; А.М. Ковалевский и А.П. Чекальский из Минусинска.

Именно здесь, в доме Брагиных, где жили семьи Кржижановских и Старковых, и собрались ссыльные социал-демократы.

«У нас получилась, хотя и разбросанная по всему Минусинскому уезду, но своя дружная компания, тесно связанная совместной работой, настроением и всем складом мысли. Связь между всеми поддерживалась перепиской, приездами друг к другу и даже съездами под разными благовидными предложениями»,¹ – так вспоминала З.П. Невзорова, жена Г.М. Кржижановского. Член «Союза борьбы» Зинаида Невзорова была арестована и приговорена к трехлетней ссылке в Архангельскую губернию, но перепросилась в Минусинский округ к своему жениху. «Большими праздниками для нас были съезды всех или большинства социал-демократов Минусинского округа. Съезжались обыкновенно в Минусинске»,² – писал П.Н.Лепешинский. Из всех собравшихся гостей он был старший по возрасту – 30 лет.

Профессиональный революционер П.Н.Лепешинский впервые встретился с В.И. Ульяновым-Лениным в декабре 1898 г. в Минусинске. По предложению В.И. Ленина был обсужден вопрос о создании товарищеской кассы взаимопомощи, т. к. жить на казенное восьмидесятирублевое пособие в месяц было очень трудно, особенно ссыльным рабочим, ниоткуда не получавшим денежной помощи. А.С. Шаповалов вспоминает: «В тот день в Минусинске, у Кржижановских, знакомясь с новыми товарищами, Владимир Ильич принял участие в обсуждении вопроса об организации товарищеской кассы взаимопомощи. Все товарищи, имевшие, кроме казенного пособия, побочные заработки, были обложены особым процентом отчисления в пользу кассы».³

По свидетельству А.С. Шаповалова, на собрании обсуждался также «вопрос об отношении повой, марксистской ссылки к старой, народовольческой».⁴ Разрыв между марксистами и народниками стал неизбежным. Как вспоминал П.Н. Лепешинский, «среди ссыльных образовались два враждебных лагеря».⁵ Из воспоминаний П.Н. Лепешинского: «Квартирка, в которой скучивались «съездовцы», наполнялась шумом и гамом. Ни дать, ни взять – пчелиный улей! Все спешили наговориться, нахохотаться, напориться, словом, насытить свои изголодавшиеся души счастьем общения с близкими по духу людьми».⁶

Питерский рабочий А.С. Шаповалов, хорошо знавший устройство нелегальной типографии, отвечал на интересующие В.И. Ленина вопросы о технике печатания, «об устройстве наиболее идеального типа подпольного типографского станка, который обладал бы максимальной производительностью и в

то же время был бы легок для переноски, мал размерами и удобен для печатания». ⁷ Деловые беседы сменялись хоровым пением под гитару В.В. Старкова песен по-русски и по-польски, пляской, совместной прогулкой, катанием на коньках, игрой в шахматы.

Н.К. Крупская вспоминала: «Время проводили совсем по-праздничному: катались на коньках... Другое развлечение было – игра в шахматы. Играли буквально с утра до вечера. Ещё пели, по-польски пели и по-русски. Читали также, ну и болтали вдоволь». ⁸ Вечером 31 декабря «сварили глинтвейн; когда он был готов, поставили стрелку на 12 часов и проводили старый год с честью...» ⁹ – писала в своем письме Н.К. Крупская М.А. Ульяновой.

3 января 1899 г. В.И. Ульянов-Ленин писал: «Вчера вернулись с Надей из Минусы, дорогая мамочка, где провели неделю у Глеба и Базиля очень весело и встретили Новый год среди товарищей». ¹⁰ А Надежда Константиновна сообщала: «Праздники мы провели в Минусинске отлично, встряхнулись надолго. На рождество в город съехался почти весь округ, так что Новый год встретил! большой компанией и встретили очень весело. Разъезжаясь, все говорили: «А славно мы встретили Новый год! Главное, настроение было отличное». ¹¹

Все они были молоды и по-молодому наслаждались редкими минутами счастья. Все они мечтали о светлом будущем, добытом в кровавом, святом и правом бою, хот плохо представляли себе, каким оно будет, это будущее.

Даже Ульянов, который через несколько лет станет Лениным, вряд ли мог предвидеть тогда, что может случиться через 100 лет. Но тогда они сделали свой выбор и свой первый шаг в борьбе за призрачно светлое будущее.

Примечания

¹ «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, стр. 35.

² П.Н.Лепешинский. На повороте, М., 1955, стр.93.

³Л.С.Шаповалов. В борьбе за социализм, М, 1967, стр. 145

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1, М., 1956, стр.176.

⁵ П.Н.Лепешинский. На повороте, М., 1955, стр. 96.

⁶ Там же.

⁷ А.С.Шаповалов. В борьбе за социализм, М., 1967, стр.145.

⁸ В.И.Ленин, ПСС т. 55, стр. 408.

⁹ Там же. с. 405.

¹⁰ В.И.Ленин, ПСС т. 55, стр. 126.

¹¹ Там же. стр. 405.

2008-2009

М.О. Дыртык-оол,
г. Кызыл.

Трудовое воспитание детей в тувинском традиционном обществе (по фотоматериалам В.П. Ермолаева)

Тувинцы занимались кочевым скотоводством, поливным переложным земледелием, охотой и рыболовством, собиранием питательных корней. Им были известны такие ремесла, как кузнечное, литейное, столярное, шорное, катание войлока и другое, связанное со скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Хозяйство велось аальным способом. ¹ В структуре всех видов скота имеются лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, олени, верблюды и яки. В традиционном обществе тувинские дети с раннего возраста знали все виды домашнего скота, а подрастая, разбираются в системе названий мелкого рогатого скота по полу и возрасту, столь характерная для кочевых народов. По словам известного тувинского ученого – этнографа М.Б. Кенин-Лопсана, «с трехлетнего возраста ребенок уже может

отличить козу или овцу, полученную в качестве подарка от тети после обряда первой стрижки его волос».²

Формирование подрастающего поколения всегда связано с его трудовой деятельностью, являющейся главным критерием в жизни человека. Главная цель народного воспитания – трудолюбие, любовь к людям труда. Наблюдения за семейными отношениями в традиционном обществе в тувинских, бурятских, хакасских, якутских и других семьях показывают, что дети рано приручаются к бытовому и производительному труду. Участие детей в трудовой деятельности рассматривается как необходимость жизни. И это обстоятельство, обуславливающее трудовую и совещательную общность взрослых и детей, создает то, что детей уважают, с ними считаются.

Приручение труду с раннего детства – это положительная традиция традиционного воспитания. Традиционное воспитание будущего члена общества в основном происходило в семье. В многодетной семье было гораздо легче воспитывать детей, они гораздо раньше обучались различным трудовым навыкам. Тувинцы считали, что детей следует приучать к труду с самого раннего детства. Так, в своем отчете за 1915-1916 гг. агроном А.А. Турчанинов отмечает: «Дети с раннего возраста принимают участие в хозяйственных работах. Загоняют коз и овец. Пасут их в горах недалеко от юрты, загоняют молодых телят, а девочки лет с 8-10 уже начинают доить как овец, так и коз. Ребята постарше таскают сучья, дрова и всячески помогают матери».³

Примечательно, что трудовая деятельность представлена в фотографиях В.П. Ермолаева, первого директора Тувинского музея. В Национальном музее Республики Тыва хранится уникальная коллекция фотонегативов Владимира Петровича в количестве 4356 единиц, которая по праву является «золотым фондом». Если бы не этот человек, который в течение сорока пяти лет вел систематические фотосъемки о природе Тувы, быте тувинского народа, о становлении промышленности и транспорта, развитии культуры и искусства в Тувинской Народной Республике, нам бы не были известны главные события нашей истории. По словам М.П. Татаринцевой, «...занимаясь всю жизнь фотографией и работая в жанре мемуаров, В.П. Ермолаев стремился запечатлеть уходящее время, сохранить его в памяти людей подлинным, неискаженным».⁴

Несмотря на ушедшие события память всегда остается в фотографии. Фотография – это один из важнейших видов источников. Подлинные фотодокументальные материалы, сохраняющие ретроспективную изобразительную информацию, представляют особую ценность в своей совокупности. В течение долгих лет работы в музее, В.П. Ермолаев собирал и фиксировал историю Тувы по темам, среди которой значительный интерес представляет детская тематика, где запечатлены дети в традиционном обществе.

В течение долгих лет работы в музее, В.П. Ермолаев систематизировал свою коллекцию по темам. Особый интерес из его коллекции фотонегативов, представляет этнографическая серия, среди них можно отметить детскую тематику, где запечатлены образы детей в тувинском традиционном обществе. На одной из фотографий «Телята на привязи возле юрты. Шуурмак, 1944 г.» мы видим, как маленький помощник помогает придерживать телят. Вот краткое описание. На фотографии представлена бытовая сцена. В центре запечатлена женщина, которая находится рядом с телятами: темного и светлого окраса. Она одета в национальную одежду (тон). Женщина склонилась над теленком для того, чтобы надевает на шею привязь (челе). Это время приготовления молодняк к дойке коров. Делалось это для того, чтобы во время дойки коровы теленка можно быстро развязать и покормить – вначале и после того, как примерно три четверти молока будет выдоено. Это называется подсосный метод в хозяйстве. Рядом с ней с правой стороны между телятами стоит в полный рост босой мальчик, одетый в белую рубашку и короткие штаны. Согнув одну ногу упираясь на носок, он придерживает двумя руками молодняк. На заднем фоне недалеко от них расположена войлочная юрта, а также кустарники и деревья.

Или на другой фотографии «Раскладка шерсти для кошмы. Тапсы, 1927 г.» Владимир Петрович показал, как дети внимательно наблюдают за трудовым процессом взрослых во время производства войлока. Производство войлока – это общинный вид домашнего производства. Мы видим процесс – раскладку войлока, этим занимались только женщины. А детям, сидящим поблизости, – это был трудовым

наглядным уроком. Такое действие всегда происходило летом, в хорошую погоду, возле опушки леса, в тени деревьев, где дети могут, удобно расположившись рядом с матерями, внимательно следить, какую сложную работу выполняют взрослые. К тому же дети рано узнают, что этот процесс – не изнурительный труд, а целый праздник шерсти.

По словам М.Б. Кенин-Лопсана: «У древних тувинцев праздничное пиршество было начальной школой воспитания и обучения детей, действенным способом передачи трудовых навыков детям».⁵

Производство войлока – это обычай помогать друг другу. От начала до конца дети иногда были свидетелями создания одного из необходимого домашнего предмета кочевника или выполняли несложную работу по указанию взрослых.

В этом процессе дети иногда пополняли свой словарный запас, так как «кто приезжал в это время в аал, произносил благословения овечьей шерсти». В качестве примера возьмем мудрые слова из книги нашего ветерана музейного дела, писателя М.Б. Кенин-Лопсана:

*«Пусть легко снимется шерсть,
Пусть козий пух легко снимется,
Пусть ножницы будут острыми,
Пусть рукам тружениц
Работается легко и проворно».*⁶

Одной из главных нравственных ценностей считалось трудолюбие человека, лень всячески высмеивалась и осуждалась: «Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй».⁷

В тувинской семье ребенка с 5-6 лет начинала приучать к посильному труду, причем с самого начала обучение имело ярко выраженное половозрастное разделение труда. Трудовые навыки прививались путем вовлечения ребенка в круг работ взрослых различными поручениями, посильной помощью. Тувинцы не подвергали детей физическим наказаниям, за каждое исполненное дело ребенок получал похвалу, одобрение взрослых. В народе говорили: «Ребенок на ласку отзывчив».⁸ Мальчиков приучали ухаживать за скотом, а примерно с 10 лет уже могли брать с собой на охоту. На охоте в течение первых нескольких лет мальчики сами не убивали зверей, а только изучали повадки животных, вместе со сверстниками ловили мелких зверей и птиц. Известно, что 12-15 летние мальчики (в Тодже) уже могли отправляться на охоту только со сверстниками, без присмотра взрослых.

К 10 годам тувинские мальчики уже могли становиться самостоятельными пастухами скота, зная весь скотоводческий цикл, время водопоя, время пригона скота обратно к юрте и т.д. также мальчики участвовали к этому возрасту в бороновании земли, обычно верхом на быке или лошади. В коллекции В.П. Ермолаева есть такая интересная фотография (№ 410), на ней показано, как трое детей свободно чувствуют себя на спине быка. Приведем слова из монографии С.И. Вайнштейна «Историческая этнография тувинцев»: «дети во время пасьтбы скота верхом на волах ездили».⁹ Ученый отмечал такое сходство у хакасов, казахов, монголов, киргизов, алтайцев, туркмен и других кочевых народов.

Основными занятиями девочек конечно же, были работы вокруг и внутри юрты. Девочек учили всему тому, что имело отношение к ведению домашнего хозяйства. Доить же скот девочка умела гораздо раньше – уже с 6-7 летнего возраста. Для таких маленьких девочек даже изготавливали специальные подойники маленького размера – сыгыртаа.

К 10 годам они сами убирали юрту, следили за чистотой посуды, мебели, умели готовить повседневную пищу, ухаживать за младшими, также за скотом, поддерживать огонь в домашнем очаге. Учиться шить одежду девочки начинали с шитья одежды для кукол. Кукольная одежда должна была быть точно такой же, как и одежда для взрослых. Научившись шить кукольную одежду, девочка должна учиться штопать сначала свою одежду, а затем одежду остальных членов семьи. Примерно с 12-14 лет девочка уже самостоятельно шила верхнюю одежду, и сама украшала ее.

Мать или старшие сестры учили девочек, прежде всего, обрабатывать шкуры, изготавливать войлок, готовить пищу, шить одежду для всех членов семьи и т.д. Всеми этими навыками девочка овладевала приблизительно к 13-14 годам.

И мальчики и девочки помогали взрослым стричь овец и коз. Загонять мелкий рогатый скот в открытые загоны на ночь они считали своими прямыми обязанностями. Для мальчика-подростка самым лучшим подарком считался конь. Ведь лошадь в хозяйстве тувинцев занимала особое место. Не случано богатство тувинца в значительной степени определялось количеством имевшихся у него лошадей, что было характерно и для других кочевых скотоводов. В тувинском героическом эпосе с героем постоянно упоминается его конь. Свидетельством того, что дети кочевников с рождения привыкают к седлу, является то, что на скачках в основном участвуют подростки 10-12 лет. Считают, чем меньше весом всадник, тем легче будет коню бежать.

Труд имеет отнюдь не только хозяйственное значение, но и регулирует социальные отношения, который служит главным фактором в семье. Труд еще и важная культурная ценность. Это всегда присутствует как в народной мудрости, так и в более сложных системах морали или идеологии. В художественной литературе изящно выразил свое отношение к труду Вольтер: «Труд устраняет от нас три больших напасти: скуку, порок и нужду».¹⁰ Доказательством это являются материалы о детях в кочевом обществе, которые, подражая взрослым, находят свое место в трудовом процессе. Тут, конечно, не до скуки. А трудолюбивый человек никогда не будет жить в нужде.

Т. о., к моменту наступления брачного возраста девочки и мальчики овладевали всеми необходимыми навыками самостоятельной трудовой деятельности, как в доме, так и в сфере традиционного производства (скотоводство, охота, собирательство). Отметим такие ценностные ориентации в труде:

– Через труд дети вступают в контакт с окружающим миром (с другими сверстниками, со взрослыми), выходят за рамки своих внутренних переживаний и непосредственного мирка;

– Труд обогащает рамки межличностных отношений, делает детей членами традиционного общества.

– Труд дает возможность развития творческих способностей и профессиональных навыков. Мальчик в старшем возрасте станет хорошим кузнецом, столяром, шорником, ювелиром, получив по наследству секреты от своего отца или брата. Девочка – искусной мастерицей по шитью одежды.

– Труд наполняет день ребенка насыщенными событиями.¹¹

Примечания

¹ Аал – сельская община, состоящая обычно из 3, 5, 8, 10, 12 юрт.

² Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная этика тувинцев. – Кызыл, 1994. С. 19.

³ Отчет агронома Турчанинова А.А. за 1915 – 1916 гг. Урянхайский край // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (кон. XIX - нач. XX вв.). Сост. А.К. Кужугет. – Кызыл, 2003. С. 181.

⁴ Татаринцева М.П. Владимир Петрович Ермолаев // Люди и события. Год 2002. – Кызыл, 2001. С. 45.

⁵ Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл, 2006. С. 117.

⁶ Там же. с. 118.

⁷ Мудрость народа. Пословицы и поговорки. – Кызыл, 1994. С. 22.

⁸ Там же.

⁹ Вайнштен С.И. Историческая этнография тувинцев. – М., 1972. С. 145.

¹⁰ Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М., 2000. С. 119.

¹¹ Там же.

Имена первопроходцев в Сибирь на карте юга Красноярского края

В 1627 г. по Указу царя Михаила Фёдоровича был создан отряд служилых людей (казаков) из городов Тобольского разряда в количестве 302 человека, и под командой Андрея Дубенского направлен в г. Енисейск (острог), а оттуда на место Красный Яр, вверх по р. Енисею, где в 1628 г. был основан – Красноярский острог.

По Указу и Грамоте от 30 сентября 1671 г. были составлены «Переписные книги г. Красноярска и Красноярского уезда» на всех, к тому времени проживавших служилых и работных людей и в остроге и в уезде, по сёлам, деревням и заимкам и только мужского пола. Перепечатка из архивных переписных книг, как приложение, находится в IV-ом томе «Научные труды» – академика С.В. Бахрушина (изд. Академия наук СССР. 1959 г. к статье: «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.»).

Из упомянутых в переписных листах 1671 г. фамилии повторяются во всех переписях населения по югу края (Ревизских сказках) и в метрических церковных книгах: Потылицыны, Спирины, Торгашины, Таскины, Селивановы, Сиротинины, Кочергины, Шошины, Обеднины, Шадрины (Шадра), Ермолаевы, Тюменцевы, Злобины, Худоноговы, Ковригины, Ошаровы, Тропины, Ростовцевы, Роговы, Лалетины, Черкашенины, Зыряновы, Терские, Путимцевы (Путинцевы), Чанчиковы, Сорокины, Косовы, Байкаловы, Казанцевы, Быковы, Шахматовы, Толстикovy, Быкасовы, Красиковы, Бузуновы, Мамаевы, Ленивцевы, Заусаевы, Коркуновы, Ярлыковы, Солдатовы, Дрокины, Губины, Ждановы, Мезенины, Садовские, Скрыпощниковы, Юдины, Кожуховские, Шаховы, Песеговы, Калинины, Перовы, Воротниковы, Остафьевы, Серёдкины, Зыковы, Потехины, Попковы, Юшковы, Устюговы, Плишкины, Подсекины, Емельяновы, Севостьяновы, Спиридоновы, Мамоновы, Просвирнины, Турчаниновы, Лукьяновы, Афанасьевы, Черкасовы, Шестаковы, Хлопуновы, Кривой, Цибульские. И со второго пополнения Красноярского гарнизона казаками: Монастыршины, Суворовы, Матонины, Суриковы и др.

Ещё в 1657 г. Красноярский воевода Д. Мотовилов: по просьбе служилых людей, обратился к царю – Алексею Михайловичу с предложением о зачислении в государеву службу детей казачьих и их родичей и даже бывших служилых и постановке их на денежные, соляные и хлебные оклады. Эта просьба тогда была улажена.

А в 1660 г. для окончательного закрепления упомянутого разрешения, вышел государев Указ, который признавал то, что «право на несение гарнизонной службы в Красноярском остроге принадлежит исключительно родственникам Красноярских служилых людей»...

... «Этот порядок верстания на убылые места привёл к тому, что некоторые семьи служилых почти поголовно, образуя в Красноярском гарнизоне значительные группы родственных между собой лиц».

В кон. 1660-х гг. в одно время служили: Потылицыных – 16 человек, из них 2 – в офицерской должности; Ковригиных – 6 чел.; Черкашениных – 13; Лалетиных – 7; Зыряновых – 8; Шахматовых, Песеговых по 5 чел., Таскиных – 4; Тропиных, Чанчиковых, Терских, Солдатовых, Путинцевых, Кочергиных и др. по 3 чел., и т.д.

После строительства Абаканского и Саянского острогов силами Красноярских служилых людей – в 400 чел., для несения гарнизонной службы в острогах было оставлено 270 казаков. В 1791 г. упоминаются казаки в Саянском остроге: Фёдор Перов – потомок Ивашки Прокопьева Перова из Красноярского острога, Юшков, Шахматов, Зырянов, Козьмины, Каргаполовы, Чанчиковы, Ермолаевы, Лалетины, Солдатовы, Плотниковы, Песеговы, Байкаловы, Бузуновы.

Служилым людям (казакам) по истечении срока службы, вышедшим в отставку, по их желанию наделяли землёй здесь же на юге края. Селились заимками, обзаводились хозяйствами. С 1739-1747 гг. возникли деревни: Минусинская, Шушенское, Каптырёво, Шунерская, Каменка, Соколовский рудник, Городок, Потрошилово, Койская, Луказский медноделательный завод, который охранялся – 100 казаками, Ульянова, Худоногова, Пойлово.

Так по ревизским сказкам за 1816 г. проживали: Коптырёвы – основатели деревни, Толстикovy, Солдатовы, Горбуновы, Монастыршины, Мамаевы, Черкасовы, Зыряновы, Темеровы, Губановы, Шахматовы, Сумароковы, Соловьёвы, Полежаевы и др.

В 1829 г. по инициативе Енисейского губернатора Александра Петровича Степанова и Минусинского окружного Начальника Александра Кузмича Кузьмина образованы казённые поселения на р. Ашпа при впадении её в р. Ою – Дубенское, в честь основателя Красноярского острога Андрея Дубенского со своею казацкою дружиною. И на левой стороне р. Ои – Ермаковское, в честь Ермака Тимофеевича.

Именами основателей, первопроходцев и их потомков от Абаканского острога вниз по Енисею до Красноярска были названы села, деревни, заимки: Козлова, Байкалово, Ульянова, Еремеево, Ермолаева-1, Потапова, Путимцева, Юшкова, Ростовцева, Торгашина, Емельянова, Дрокино, Абалакова, Злобина-1, Злобина-2, Атаманово, Даурское, Ермолаева-2, Шадрина, Куваршина, Айканова, Ярлыкова, Коркунова, Матонина, Шахова, Хлоптуновская, Севостьянова, Милославская, Тюменцева, Мезенина, Ковригина, Казанцево, Черкашина. Имена первых казаков и их потомков носят селения, географические объекты на юге края:

- село Шошино (Минусинский район) и остров Шошинский на р. Туба;
- село Кочергино (Курагинский район) и остров Кочергинский на р. Туба;
- остров Иконникова на р. Туба;
- село Пойлово (Курагинский район);
- деревня Ошарова (ныне Притубинское Минусинского района) на протоке Тесь р. Тубы;
- деревня Худоногово (с 1844 г. официально переименовано в д. Жерлык), в 8-9 км от с. Шошино;
- деревня Таскино (Каратузский район), в 10 км от д. Худоногово;
- деревня Колмаково, основанное как заимка в 1826 г. (Минусинский район), в 10 км от Худоногово;
- озеро и деревня Солдатова;
- озеро Просвирнино, заимка Просвирнина (ныне заимка не существует);
- озеро Перово и там же существовала заимка Перово (Шушенский район);
- остров Бугаев на р. Енисей и озеро Бугаево (ныне Хакасия);

Кроме перечисленных объектов селений, следует добавить сведения по переписи 20-х гг. XX в. населённых мест Сибирского края. Материалы переписи подготовлены Сибирским краевым исполнительным комитетом и изданы в г. Новосибирске в 1929 г. Упомянем только по районам Минусинского округа.

В Абаканском (Краснотуранском) районе: сёла Байкалово, Бузуново, Сорокино, Шадрино, Лукьяново и мельница Бекасова.

В Бейском районе: заимки Байкалова, Пойлова, Цибульского; мельницы Сумарокова, Букатова, Ошарова.

В Ермаковском районе: деревни Козлова, Чихачева; заимки: Кочергино, Путимцева, Попкова-I, Попкова-II, Зыкова, Ермолаева, Мамаева, Потылицына-I, Потылицына-II; мельницы: Лалетина, Горбунова, Соловьёва, Булатова, Ермолаева.

В Идринском районе: посёлок: Терских; мельницы: Косова, Журавлёва-1, Журавлёва-2, Байкалова; Пасеки: Шошина, Зыкова.

В Каратузском районе: заимка: Юдина.

В Курагинском районе: мельницы: Просвирнина, Коркунова.

Кроме этого на р. Енисей между Черёмушками и Майной есть селение Пойлово, а в нескольких километрах от неё гора Пойлова.

Некоторые из них были впоследствии переименованы. В годы коллективизации и репрессий большинство заимок, мельниц – исчезло.

История завода «Минал» (к 105-летию со дня основания)

По Указу последнего российского императора Николая II в 1904 г. был построен Минусинский «Казенный винный склад для производства питий различной крепости». Многое пережив на своем веку за 105 лет существования, казенный винный склад в результате трансформаций и реорганизаций превратился в нынешнее акционерное общество «МИНАЛ», продукция которого была известна далеко за пределами небольшого Минусинска.

Винный склад был оснащен тремя линиями мощностью 1200 дал в сутки, двумя котлами системы инженера Бади, двумя паровыми машинами на 18 и 10 лошадиных сил, ручной разливочной машиной для емкостей 0,25, 0,5, 1,0 и 3,0 литра. Мойка бутылок также производилась вручную, зато работал конвейер на деревянных рамах. На заводе имелась собственная конюшня на 12 лошадей, позже появились две грузовые машины, два буксировочных катера и три баржи. Бутылки обматывались соломой и укладывались в плетеные корзины.

До революции 1917 г. в Минусинске разливали только водку, самым крепким напитком было «Столовое вино» крепостью 56%. В 1920 г. начато производство настоек и ликеров. Численность работников, включая администрацию, составляло 140 человек. Годовой оборот (в ведрах): 1905 г. – 118 471; 1906 г. – 144 533; 1907 г. – 137 788; 1908 г. – 132 639. В 1907 г. цена одного ведра (12,3 л.) составляло 12 руб. 50 коп., в 1908 г. – 16 руб. 98 коп.

После революции завод именуется: Минусинский №13 винный склад, Минусинский №46 спиртоводочный завод «Центроспирта». С кон. 30-х гг. – Минусинский ликероводочный завод (ЛВЗ) № 5.

В 40-х гг. расширяется система сбыта, открываются базы Минусинского ликеро-водочного завода в Абакане, Ачинске, Ужуре, на станции Шира. База в Ачинске вскоре передана Красноярскому водочному заводу. Самой крупной долгое время оставалась Абаканская база, через которую шел основной поток реализации вне завода.

В 1994 г. Минусинский ЛВЗ объединился со Знаменским спиртзаводом, который ведет свою историю с 1863 г. С введением акцизной системы летом 1863 г. купец I гильдии Александр Данилович Данилов обратился с ходатайством в Енисейскую казенную палату об отводе земли на юге губернии для постройки винокуренного завода. 20 августа 1863 г. такое разрешение было дано. В сентябре было проведено межевание – Данилову отведено 250 кв. десятин земли в Минусинском округе Шушенской волости, в 7 верстах от с. Лугавского вверх по р. Лугавке, и в 20 верстах от г. Минусинска. Был составлен геометрический план «дачи Даниловской», отведенной в 24-летнее оброчное содержание. Дата утверждения плана – 15 ноября 1863 г., а уже к кон. 1863 г. Александровский №9 винокуренный завод дал первую продукцию.

Александр Данилович Данилов дал начало династии купцов, известных и почитаемых не только в Минусинске, но и Красноярске и С.-Петербурге. Его сыновья Осип и Виктор закончили С.-Петербургский университет, вели винокуренное производство и имели свидетельство на право заниматься золотым и рудным промыслом в Западной и Восточной Сибири.

О высоком качестве минусинской продукции того времени говорят многочисленные награды международных выставок – Большая Золотая медаль на выставке в Антверпене, награда парижской выставки, на которой Даниловы представляли русскую водку вместе с известными фирмами П.А. Смирнова и Н.С. Шустова, призы выставок в Мадриде, на острове Корсика, в Парижской национальной академии и даже в Тунисе. Винокурение производилось сезонно – с ноября по апрель, летом завод вставал на ремонт, а осенью шла закупка сырья.

В 1906 г. на заводе проживало 75 семей рабочих и служащих, из них 68 – в собственных домах. 16 домохозяев состояли на постоянной службе у завода, получая жалование от 200 до 300 руб. в год. 45 хозяев работали поденно или сдельно, зарабатывая в среднем 200-250 в год. Остальные 18 домохозяев не имели непосредственного отношения к заводу, а обслуживали нужды его населения (мясники, шорники, кузнецы и др.).

Минусинский ликероводочный строили надежно, на века... И по сей день в заводском комплексе сохранены и используются здания первых цехов, в единый процесс включены и самые современные технологические линии, и спиртохранилище, чьи уникальные чаны безотказно служат с 1904 г.

В 2004 г. «Минал» отметил 100-летие со дня образования ликеро-водочного производства и десятилетие акционерного общества, куда вошли в 1994 г. Знаменский спиртзавод и Минусинское Ликероводочное производство, образовав, единое предприятие с законченным технологическим циклом – ОАО «Минал». Все эти годы «Минал» оставался визитной карточкой Красноярского края.

До 2002 г. ОАО «Минал» являлся крупнейшим предприятием по выпуску алкогольной продукции в Красноярском крае. Мощности его ликероводочного производства – 800 тыс. декалитров в год. Ассортимент продукции – свыше 30 наименований водки, настоек, ликеров, бальзамов и винных напитков – изготавливались только из натуральных продуктов.

Один из старейших в Сибири производителей подлинно русской водки, предприятие, основанное еще в 1863 г., сохраняло все исконные традиции винокурения: производство спирта на основе лучших сортов ржи и пшеницы с использованием просо и ячменя для солодоращения, не применяя искусственные ферменты в технологическом процессе. Для производства настоек и наливок – ягоды и травы, которые в изобилии растут в Минусинской котловине и верховьях Саян. Но в основе всего – мягкая речная и родниковая вода, придающая неповторимый вкус минусинским напиткам.

Фирменные водки «Данилов», «Серебро Сибири», «Славянские зори» неоднократно награждались золотыми, серебряными и бронзовыми медалями Всероссийских смотров «За отличное качество продукции» и Международных дегустационных конкурсов алкогольной продукции 1997-2000 гг. Кроме призовых мест АО «Минал» был удостоен специальных дипломов за высокий уровень дизайна в оформлении витрин предприятия, а также отраслевого знака «Прогресс» за внедрение современного оборудования.

Современные технологии и лабораторное оборудование высшего класса в числе единичных предприятий России позволяли «Миналу» выпускать спирт «Суперлюкс» с полным отсутствием сивушных масел, метанола, пропанола, по своим качественным показателям превышающий российский ГОСТ и удовлетворяющий самые жесткие международные стандарты.

АО «Минал» – предприятие, от налогов которого в значительной мере зависел городской и краевой бюджеты. Предприятие помимо законных отчислений занималось широкой благотворительной деятельностью. Оно ежегодно оказывало большую спонсорскую помощь в развитии детских учреждений (детские дома, приюты, школы). Помогало ветеранам и инвалидам, молодежным организациям, спортивным и культурным учреждениям. В проведении XXXII чемпионата мира по вольной борьбе внесло 5 тыс. долларов. Для детской городской библиотеки выделили 3 тыс. руб. на подписку на II полугодие. Предприятие помогало не только в Минусинске, но и в прилегающих районах края, поддерживало общественно-значимые мероприятия в краевом центре.

У «Минала» немало было собственных проблем, но по давним традициям русского меценатства предприятие считало просто необходимым делиться своими возможностями на благо соотечественников.

Кроме меценатства завод решал социальные вопросы в создании нормальных условий для работы всего коллектива. Всех очень вкусно кормили в двух столовых ОАО «Минал». Для всех работал отлично оборудованный здравпункт, в состав которого входили физио- и массажный кабинеты. Заболевшему работнику больничный лист на первые три дня болезни выписывали здесь же, а в случае необходимости давали направление к любому специалисту ЦРБ или Абаканской республиканской больницы, с которыми у «Минала» было соглашение. Гордостью завода был стоматологический кабинет, оснащенный современным немецким оборудованием стоимостью в кон. 90-х гг. в 500 тыс. руб. Обслуживание проводилось бесплатно. Недешево стоило заводу содержание таких прекрасных кабинетов, но затраты эти были оправданы и окупались они в производственных цехах предприятия.

В 1994 г. завод был приватизирован. 51 % пакета акций предприятия находится в управлении ФГУП «Росспиртпром».

С 2002 по 2004 г. на ОАО произошла смена руководства. За этот короткий период качество продукции резко упало. В два раза упали объемы продаж, появилась задолженность по налоговым выплатам. Несмотря

на существенное ухудшение на заводе, федеральное руководство не принимало никаких действий, сознательно подводя предприятие к банкротству. К водке ФГУП «Росспиртпром» относятся алкогольные напитки компаний «Кристалл», «Люкс», «Росалко». Все эти водочные предприятия находятся в центральной полосе России. И экспортировать низкотехнологическую продукцию в Сибирь с этих заводов таким компаниям намного выгоднее, чем производить ее на территории нашего края. Поэтому «Росспиртпром» спланировал акцию, направленную на уничтожение ликероводочного производства в Минусинске, чтобы избавиться от «Минала», так как такого качественного спирта, как на Знаменском спиртзаводе, не производят нигде за Уралом.

27 февраля 2006 г. на «Минале» введена процедура наблюдения, как одна из стадий банкротства. Сегодня весь производственный цикл: водочное и спиртовое производство – остановлены. 180 специалистов предприятия, из которых 152 человека – рабочие – уволены. Люди лишились рабочих мест, не получают зарплату, бюджет теряет львиную долю налоговых платежей. Кроме того, Красноярский край лишился своей гордости и визитной карточки – ОАО «Минал». И если «Росспиртпрому» безразлично будущее ОАО, оно не безразлично жителям города Минусинска.

План вывода завода из кризиса есть. Самый оптимальный вариант – в рамках процедуры наблюдения – разделить спиртовое и водочное производство. Приобрести Знаменский завод в краевую собственность и сделать его государственным предприятием Красноярского края. Обеспечить оборотными средствами и дать возможность работать спиртовому производству в Знаменке. Т. о., запустить водочное производство в Минусинске.

С этим планом ознакомлена администрация Красноярского края, направлено письмо губернатору. Сохранение производств на территории края – приоритетная задача Совета администрации. Сегодня по всему краю ведется работа по восстановлению промышленных предприятий. «Минал» станет одним из основных плательщиков налогов в бюджет Минусинска и сохранит рабочие места.

Литература

1. Газета «Власть труда» от 26 января 2006 г.
2. Газета «Власть труда» от 2 февраля 2006 г.
3. Газета «Надежда и мы» от 19 сентября 2000 г.
4. Газета «Регион» от 10 декабря 2004 г.
5. Отдел статистики г. Минусинска.

2009

Н.В. Майнагашева,
г. Абакан

Макромицеты Государственного природного заповедника «Хакасский»

Государственный природный заповедник «Хакасский» находится на территории Республики Хакасия и включает в себя 9 участков общей площадью 274,6 тыс. га. Выделяют степную, лесостепную и горно-таежную группы участков. Семь кластерных участков расположены в пределах степного и лесостепного поясов растительности в левобережной части Минусинской котловины, общая площадь которых составляет 27,7 тыс. га (Заповедник ..., 2001).

На каждом из семи участков можно наблюдать наличие куесто-грядовый рельеф, скальные обнажения, имеющие различные очертания, а также возвышенности в виде правильных конусов, напоминающих миниатюрные вулканы и голубые озера (Заповедник..., 2001; Куминова, 1976).

Древесно-кустарниковая растительность в степной части заповедника встречается на северных и северо-восточных склонах горных возвышенностей в виде перелесков и небольших колков и лишь на отдельных участках имеются небольшие лесные массивы. Древостой большей частью смешанный и представлен березой и лиственницей с небольшой примесью осины. Подлесок хорошо развит и состоит из

караганы, спирей, шиповника и кизильника. Кустарниковые заросли встречаются и вне леса – пологам (Заповедник..., 2001; Заповедники Сибири, 2000).

Горно-таежная группа охватывает 2 участка: Малый Абакан, расположенный в среднегорной и высокогорной части северного макрасклона Западного Саяна. Общая площадь – 104,5 тыс.га.; Заимка Лыковых занимает южную оконечность Республики Хакасия, располагается в верховьях реки Большой Абакан на стыке Абаканского и Шапшальского хребтов: общая площадь – 142,4 тыс. га (Заповедник ..., 2001).

В распределении растительного покрова Малого Абакана четко выделяют два пояса – высокогорный и горно-таежный. Абсолютные высоты колеблются от 700 до 2000 м н. ур. м. горно-таежный пояс занимает более 80 % территории и на большей своей части представлен таежными темнохвойными лесами, реже распространены подгольцовые кедровые леса (Заповедники России, 1999). Были обследованы: таежные темнохвойные леса представлены кедром и пихтой, которые образуют смешанные кедрово-пихтовые или пихтово-кедровые насаждения. Небольшую территорию занимают таежные кедрово-лиственничные леса. Темнохвойно-березовые леса встречаются небольшими участками в долинах рек и нижних частях склонов. Типичными сообществами являются таежные леса с кустарничково-зеленомошным, реже травяно-зеленомошным покровом (Куминова, 1976); смешанные долинные леса с кустарничковым подлеском и травяно-кустарничково-зеленомошным покровом встречаются в поймах рек (река Карасума), слияние рек Карасума и Кабансуг. Древостой смешанный из березы, кедра, пихты, ели, древовидных ив, реже лиственницы и осины. Здесь развиты горные лесные, горные подзолистые и дерново-подзолистые почвы. Для горно-таежного участка характерны горные подзолистые почвы. Они свойственны пихтовым и пихтово-кедровым зеленомошным лесам.

Коллекционные сборы проводились в различных вертикальных поясах на территории участков заповедника. Микобиота заповедника «Хакасский» все еще остаётся малоизученной. Имеющаяся литература дает сведения о локальной изученности ее территории.

Исследования макромицетов на юге Средней Сибири были начаты в кон. XIX в. Первые сведения представлены Ф. Тюменом и Н.М. Мартьяновым (Беглянова, 1972), обработавшими сборы по Минусинскому округу, где было выявлено 127 видов макромицетов. Планомерные исследования шляпочных грибов на юге Красноярского края были начаты М.И. Бегляновой в 1954 г. и продолжались до 1971 г. Общая площадь исследованной территории равнялась приблизительно 225 тыс. кв. км. В нее вошли административные районы Красноярского края и современной Республики Хакасия. В результате данных исследований была собрана самая обширная коллекция в Средней Сибири, основу которой составили агариковые грибы. Коллекционные сборы макромицетов проходили преимущественно в подтаежных лесах и в южной тайге бореальной зоны. Исследованиями также был охвачен редколесно-таежный пояс южной части Енисейского края. Часть материала собрана в степных и горно-таежных поясах Минусинско-Хакасской котловины, эпизодически обследованы Западно-Саянские высокогорные комплексы. В результате многолетних микологических исследований М.И. Бегляновой в южной части Красноярского края выявлено 769 видов агариковых грибов, отмечено их распространение в Красноярском крае и в мире, указаны съедобные и ядовитые виды, проведены таксономический, экологический и географический анализ выявленной микобиоты (Беглянова, 1972).

Определенный вклад в изучение макромицетов на юге Средней Сибири был сделан И.В. Каратыгиным (1965), Э.Х. Пармасто (1965), А.Л. Яворским (1975), М.В. Ноздренко (1965), Н.В. Перовой (1970), а также Л.В. Паршиной и Н.П. Кутафьевой (1976, 1978). Крупный вклад в изучение биоты макромицетов южной части Красноярского края сделан Н.В. Перовой (1970, 1998), (Беглянова, 1971), (Беглянова, 1973), (Беглянова, Паршина, 1976), П.П. Кутафьевой (1978) Красноярского края. Для Хакасии известны работы Т.А. Максимовой (1999, 2005). Однако биологическое разнообразие макромицетов на территории заповедника «Хакасский» в частности, до сих пор остается мало изученной. Немногочисленные работы посвященные грибам описывают микобиоту отдельных районов Красноярского края, в основном его южной части. Участки заповедника «Хакасский» и сегодня остаются малоисследованными в

микологическом отношении. Т. о., данные исследования должны заполнить пробел в исследовании микобиоты заповедника.

В 2006 г. начато планомерное изучение микобиоты шляпочных грибов заповедника «Хакасский», которое продолжается в настоящий момент. Целью исследования было определение биологического разнообразия микобиоты заповедника «Хакасский». Задачи: выявить видовой состав макромицетов; провести систематический анализ выявленных видов; изучить распространение макромицетов; установить приуроченность к определенным типам леса; провести учет урожайности основных съедобных видов; проведение сбора и гербаризация материала; выявить редкие виды грибов.

При идентификации материала использовались отечественные и иностранные литературные источники (Беглянова, 1972; Васильева, 1973; Сосин, 1973; Нездоймино, 1996; Низшие растения..., 1990; *Nordic Macromycetes*, 1997 и др.). таксоны расположены в соответствии с системой, принятой в 8-ом издании «Словаря грибов Айнсворта и Бисби» (*Hawksworth et al.*, 1995). Расположение видов внутри родов производится в алфавитном порядке. Сокращения авторов при грибных таксонах приводится в соответствии с электронной базой данных <http://www.indexfungorum.org/names/names.asp>. Методика сбора материала и гербаризация образцов была основана на работах отечественных авторов (Беглянова, 1973; Коваленко, 1980; и др.).

Результаты исследования показали. Всего было собрано 800 образцов макромицетов, в результате идентификации отмечено 175 видов из 22 семейств и 7 порядков.

Практически все выявленные виды являются представители класса *Basidiomycetes* (169 видов, или 60,5%). Основу микобиоты составляет порядок *Agaricales*. Ведущими по числу видов семействами выступают *Cortinariaceae*, *Tricholomataceae*, *Russulaceae*, на долю которых приходится 99 видов обнаруженных макромицетов. Прочие семейства представлены 3-4, реже 1-2 видами.

Анализ трофической принадлежности идентифицированных макромицетов показывает преобладание группы микоризообразователей (38). На долю сапротрофов приходится (137), из них 31 вид (17,71%) приурочены исключительно к древесине различных стадий разрушения, остальные 106 видов поселяются на лесной подстилке различного состава, на почве, во мхах, а также способны осваивать несколько типов субстрата.

По числу видов и особенностях таксономического и экологического состава макромицет различных типов лесов, а также участков заповедника сильно различаются. Например: в кедровнике бруснично-зеленомошном (КБЗ) (участок Малый Абакан) отмечены 121 вид; лиственнично-березовый разнотравный (ЛБ) (участок Подзаплоты, Холл-Богаз) отмечены 69 видов; степь (участок Иткуль) отмечены 4 вида.

Несомненный интерес представляют находки редких видов и видов занесенных в Красную книгу. Из редких находок следует отметить *Hericium coralloides* (Fr.) Pers. (Красная книга РСФСР, 1988) и *Largermannia gigantean* (Batsch.ex Pers.) Rostk. (Красная книга Хакасии, 2001). Плодовые тела Гериция коралловидного отмечены на валежной лиственной породе – березе, которая находилась в угнетенном состоянии. *Largermannia gigantean* (Batsch.ex Pers.) Rostk, плодовые тела которой встречаются в горных и равнинных степях, предпочитая плодородные почвы. Данный вид произрастает чаще единичными экземплярами. Также были отмечены впервые единичные находки *Lepiota lignicola* P.Karst.; *Sacc* (Красная книга РСФСР, 1988; Красная книга Красноярского края, 2005; Красная книга Алтайского края, 2006; Красная книга Новосибирской области, 2008). *Helvella crispa* (Scop.) Fr. и *Geastrum fimbriatum* Fr., плодовые тела встречаются на почве и на зеленомошной подстилке. Эти виды отмечены один раз небольшими группами на лесостепных участках.

Данная работа позволяет сделать вывод о значительном видовом разнообразии микобиоты заповедника «Хакасский» и указывают на необходимость дальнейших исследований грибов на территории заповедника «Хакасский».

2009

С.С. Макарова,
п. Прихолмье

История создания поселка Прихолмье

Поселок Прихолмье – «молодой», создан он в 20-е гг. XX в. Долгое время Прихолмье именовали «селом» и только недавно администрация официально закрепила за ним статус «поселка». В газете «Власть труда» от 24 апреля 2001 г. Прихолмье значится «селом», но уже в Уставе Прихолмского сельсовета от 11 декабря 2007 г. определен официальный статус – «поселок».¹ По дате образования поселка Прихолмья указываются 1929, 1930, 1931 гг.

В статье «Село Прихолмье» в газете «Власть Труда» от 24 апреля 2001 г. автор пишет, что образовалось Прихолмье в августе 1929 г. До этого времени на этом месте существовал строительный отдел, рабочие приезжали на лошадях из соседних сел – Большая Иня и Тесь. Вместе с тем, в анкете хозяйства значится: «Енисейский совхоз «Овцевод» № 122 Всесоюзного объединения овцеводческих трестов, организован 17 января 1931 г.»²

Возникает вопрос – какую дату считать датой основания совхоза? Парадокс, но все три: 1929 г. – подготовка строительства объекта, 1930 г. – период организации хозяйства, 1931 г. – официальное признание.

В нач. 1930-х гг. в стране было развернуто движение по формированию коллективных хозяйств. В Минусинском районе с 1 декабря 1930 г. было начато строительство Минусинского зерносовхоза. Это хозяйство должно было стать трестом, ему даже придумали соответствующее название «Зернотрест». В отчете тех лет экономистами планировалось: «на строительство требуется 180 плотников, 15 столяров, 6 печников. 4 кузница со своим инструментом, 150 разнорабочих, из которых часть будет выбрана на курсы строителей. Все рабочие обеспечиваются квартирами, продуктами, рабочим выдается по 1 кг хлеба, и остальные продукты по нормам Наркомторга. Рабочие должны иметь справки от сельсоветов».

Строительство было развернуто сразу на десяти хуторах в радиусе от 2 до 30 км. Центральная усадьба первоначально находилась в с. Большая Иня. Позже контора совхоза была перенесена на центральный хутор. Долгое время Прихолмье напоминало планету, вокруг которой группировались спутники-фермы. В народе их именовали «хутора». Неправомерность названия была замечена в 1970-е гг. – тогда по решению райсполкома предлагалось переименовать центральную усадьбу – в поселок Холмогорский, 1-ую ферму – в поселок Притубинский, 2-ую ферму – в поселок Суходольный. В 1975 г. названия поселков были окончательно утверждены: Прихолмский, Притубинский, Суходол.

Первые домики в п. Прихолмье были построены на существующей и ныне улице Зеленой. Всего улиц по воспоминаниям жителей было около пяти (до наст. вр. они не сохранились). Строились у реки, это было обусловлено тем обстоятельством, что воды, пригодной для питья, было мало и ее старались брать из ключей. А чистая, «хорошая» вода находилась в районе моста и в районе хутора.

Первыми строили помещения подсобного хозяйства: конюшню, птичник. В совхозе собирались разводить коров, лошадей, птицу, свиней, и позже овец. Овцеводство на долгое время стало самой доходной отраслью села. Из жилищного комплекса самой первой появилась «почта» и потом, магазин, детский сад, клуб. За время существования совхоза людей проживало в нем много. По-разному приводила их сюда судьба: кого-то как поселенца, на короткое время, кого-то надолго, а кого-то навсегда.

Существует легенда о создании с. Прихолмье. Будто ехали по дороге люди. У одной из телег отвалилось колесо. Переселенцы, вероятно, никуда не торопились. Пока они чинили колесо, решили здесь же и поселиться. «Пока суд, да дело – село и подоспело».

В 1931 г. в колхозе было 216 дворов и 648 жителей. В 1937 г. рядом с больницей был поставлен саманный домик – школа, пол в школе был земляным. В 1930 гг. в двух классах обучалось 6-7 учеников и была всего одна учительница Ирина Романовна Кожедубова. Здание современной школы появилось в 1960 г. Местный клуб возник в 1953-1954 гг.³

Строительство в совхозе шло быстро, и тому была своя причина. Дело в том, что одним из направлений в строительстве было изготовление саманного кирпича (смесь глины и соломы). Из газеты того времени: «При въезде в совхоз пирамиды, сложенного самана производят впечатление раскинутых палаток военного лагеря. Самана изготовлено 364 тыс. штук. Количество целиком обеспечивающее объем строительства».⁴ Изготовление самана считалось исключительно женским делом, здесь работало 180 женщин. Труд был тяжелым – в глине и по локоть в воде трудились сельчанки. Женщины составляли 30 процентов от общего количества занятых на изготовлении стройматериалов.

Одновременно велось строительство 20 кошар. За год было построено более 200 разных строений. Вот как об этом пишет газета: «Благодаря передовой ударной работе строителей совхоза, планы стройки перевыполнены».

Качество строительства порой вызывало справедливое нареkanie – саман крошился, отслаивался, быстро разрушался. Причиной назывался низкий профессионализм привлеченных рабочих. Но причина была в самом материале – саман недолговечен. Быстрота в изготовлении, пожалуй, единственный его плюс. На территории совхоза строился кирпичный завод. На его строительство государство выделило баснословную по тем временам сумму – 1 млн. 90 тыс. руб. Но, деньги, отпущенные на строительство, быстро окупались.

Совхоз быстро становился зажиточным, сохранив в качестве основы два производственных направления: зерновые и животноводство. В нач. 1960-х гг. у совхоза было 28026 га земли, из них 16934 пашни. Основные культуры: пшеница, овес, ячмень, гречка, картофель, кукуруза, многолетние травы. поголовье животных в совхозе составляло: 39000 овец, 2600 свиней, 500 лошадей, 2000 крупно рогатого скота.

По первому плану совхозу было дано задание: укомплектовать, стадо овец в 17 тыс. голов, обеспечить стадо кормами, убрать 16 тыс. 700 га сенокосных угодий, поднять 3 тыс. га паров для посевов. В распоряжении совхоза находилось 10 тракторов и 300 лошадей. Позже план был увеличен до 22 тыс. голов. Строительство стало комсомольской стройкой. Райком ВЛКСМ не раз направлял комсомольцев района на сеноуборку и др. работы.

Из отчета совхоза за 1931 г.: «Было закуплено 34495 грубошерстных овец, 1106 лошадей, 693 овцы, 12 коров. Техника: 10 тракторов». Механическая тяговая сила в совхозе стала применяться только с августа. Первые трактора «Фортзон-Путиловец» прибыли в хозяйство в конце июля, и без прицепного инвентаря. Трактористы не имели опыта вождения, многие привлеченные впервые видели трактора. Все это приводило к удорожанию стоимости работ, перерасходу горючего. 65 % грузоперевозок выполнялось на лошадях. Причем лошадей покупали у крестьян, ликвидирующих свое хозяйство, т.е. лошади были не из лучших. Корм из-за неорганизованности был не заготовлен в достаточном количестве.

Из акта обследования совхоза за март 1932 г.: «Енисейский совхоз занимает территорию 46013 га, совхоз имеет 5 участков с 10 хуторами, кошар – 24, в стадии строительства 3 кошары, жилых домов – 96, ветлечебниц – 1, бань крестьянских – 12, амбаров для зернохранения – 63, гаражей – 4, пожарных сараев – 2, салотопок – 1, изоляторов – 4, конюшни – 2. В совхозе построена электростанция».⁵

С момента организации совхоз приобретает специфическую направленность – овцеводство. В хорошие годы с одной овцы настригали 5,5 кг шерсти. Стрижка овец всегда была самой ответственной порой в хозяйстве. В ней участвовали все жители – «от мала до велика» – чабаны, рабочие совхоза, домохозяйки, пенсионеры, школьники.

Примечания

¹ Газета «Власть труда». «Устав Прихольмского сельсовета Минусинского района Красноярского края.» 11 декабря 2007 г.

² Шадрин А.А. «Земля Минусинская» 1998 г.

³ Хронология села.

⁴ Материалы школьного музея. Ин № 89

⁵ Там же. Ин № 39.

Литература

1. А.А. Шадрин. «Земля Минусинская». Красноярск издательство «Горница», 1998 г. 250 стр.
2. Хронология села.
3. Материалы школьного музея. Ин № 38, №89, № 39.
4. Газета «Власть труда». – «Устав Прихольмского сельсовета Минусинского района Красноярского края». – 11 декабря 2007 г., № 141/1
5. Газета «Власть труда». – «Село Прихольме». – 24 апреля 2001 г.

2009

В.А. Перезова, Г.Г. Чепелева,
г. Минусинск

История и современность кондитерского производства в Красноярском крае

В наст. вр. сибирский рынок кондитерских изделий различают две особенности. Максимальные доли на рынке принадлежат крупным федеральным производителям (ОАО кондитерское объединение «Красный октябрь», «Коркунов», «Бабаевское», «Сладко» и др.) и иностранным холдингом (Украина, Беларусь и т. д.), и в тоже время Сибирские производители работают на локальных рынках, предпочитая концентрироваться на местных рынках, где имеются стабильные объемы продаж. Самым крупным местным производителем является ЗАО «Краскон», стабильно развивающееся в сложившихся жестких условиях конкуренции, ответственный работодатель и налогоплательщик. Доля кондитерских изделий ЗАО «Краскон» на рынке Красноярского края составляет 52 процента, макаронных – 22 процента.

Красноярская кондитерско-макаронная фабрика была создана в 1942 г. на базе артели «Энергия» и имела в своем составе три цеха: карамельный, конфетный и пряничный. В 1943 г. в состав фабрики вошла макаронная фабрика.

В 1958 г. на месте пряничного цеха было налажено производство ириса, неглазированных конфет, драже и мармелада. В 1963 г. в состав фабрики вошла макаронная, а в 1976 – шоколадная фабрика. В 1992 г. предприятие было приватизировано, а в 1998 г. после очередной смены организационно-правовой формы получило свое нынешнее название – ЗАО «Краскон».

В состав современной фабрики «Краскон» входят три цеха: два из них производят кондитерскую продукцию, один – макаронные изделия. Мощность для производства кондитерских изделий составляет 10 тыс. тонн в год, для производства макаронных изделий – 8 тыс. тонн в год. На фабрике работают 850 человек, из них 92 специалиста с высшим образованием, 145 специалистов со среднеспециальным образованием. «Краскон» производит более 240 наименований кондитерских изделий, в том числе шоколадные конфеты, зефир, ирис, мармелад, карамель, драже, вафли, более 50 видов наборов шоколадных конфет в коробках, а также 15 видов макаронных изделий из муки высшего сорта. Мощность для производства кондитерских изделий составляют 10 тыс. тонн в год. К новогодним праздникам «Краскон» ежегодно готовит серию сладких детских подарков.

Основу ассортимента фабрики составляют группы шоколадных конфет – пралиновые, помадные, вафельные, сбивные. В 2000 г. «Краскон» установил линию производства карамели с начинкой. В 2003 г. линию по производству карамели в шоколаде.

Одно из последствий достижений фабрики – полная модернизация макаронного производства. Мощность для производства макаронных изделий на прежнем оборудовании составляли 8 тыс. тонн в год при производительности одной из имеющихся четырех линий 400 кг в час. В декабре 2003 г. установлена новая линия по производству макаронных изделий «Акор-1000». Ее мощность – 1 тонна в час. Технологические параметры линии таковы, что работа осуществляется круглосуточно. В месяц изготавливается 500-700 тонн. На новом оборудовании «Краскон» выпускает 8 видов макарон: перья,

рожки, рожки фигурные, спираль, лапша (завиток), вермишель, рожки для фарша. Основной поставщик сырья – ЗАО «Назаровское».

Продукция «Краскона» много раз завоевывала медали на выставках разных уровней. В 2000 г. шоколадная конфета «Краскоша» и набор шоколадных конфет «Командор» включены в справочник «Сто лучших товаров в России». В 1999 г. – медаль Красноярской ярмарки за производство набора шоколадных конфет «Натали», а также медаль за высокие качества конфет «Птичье молоко». В 1998 г. – медаль Красноярской ярмарки за производство набора шоколадных конфет «Юбилейный». В 1996 г. – диплом Красноярской ярмарки за разработку и производство шоколадных конфет «Красноярье».

С сентября 2008 г. в ассортименте конфет глазированных шоколадной глазурью появились новинки. Данная серия конфет представлена семью видами: «Сибиринка» – новый оригинальный продукт с железной начинкой на основе черники с ярко выраженным вкусом и ароматом сибирской ягоды; «Оршад – миндальное молочко» – оригинальная конфета с незабываемым благородным вкусом и ароматом миндаля; «Багира шоколадная» – конфета с молочно-шоколадной начинкой с добавлением лесного ореха; «Масленица» – конфета с праздничным вкусом сгущенного молока, меда и ореха; «Шокошоу» – продукт с нежной шоколадно-ореховой начинкой с добавлением молотых вафель; «Золотой цитрон» – конфета с пикантной молочной начинкой с добавлением цитрусовой подварки; «Магдалина» – конфета с оригинальной молочной начинкой с клубнично-банановым ароматом. Неповторимые вкусы этих конфет, несомненно, поднимут настроение и порадуют потребителей. Любители сладкого будут рады попробовать еще одну новинку от «Краскона». Это глазированное шоколадной глазурью печенье под названием «Сакраменто» с различными фруктово-желейными начинками. Разнообразие вкусов удовлетворит потребность любого сладкоежки. К новой продукции ЗАО «Краскон» – конфеты, глазированные шоколадной глазурью, «Красноярские», «Птичка молочная» и «Созвездие», признаны победителями Всероссийского Конкурса «100 лучших поваров России» 2008 г., получив звание Дипломантов Конкурса.

На швейцарской линии АД/ТЕМА с применением новейших технологий освоено производство шоколадных конфет «Ассорти» с различными начинками на основе натурального шоколада: с шоколадной начинкой (нежная начинка с шоколадным вкусом и подчеркнутым вкусом апельсина); с помадно-сливочной начинкой (с нежно молочно-сливочным вкусом); с помадно-шоколадной начинкой (с ярко выраженным вкусом рома с шоколадом).

В наст. вр., потребитель обращает внимание не только на сам товар, но и на его упаковку. ЗАО «Краскон» заботится о своих потребителях и готов радовать их красочной и удобной упаковкой. Поэтому, с марта 2007 г. покупатели могут приобрести уже полюбившиеся макаронные изделия ТМ «Корона» в новой картонной упаковке с «окошечком». Фасовка по 450 г является одной из наиболее удобной для хозяек, к тому же – на обороте упаковки размещены рецепты блюд из макарон, что поможет хозяйкам без особых усилий разнообразить рацион своей семьи.

Формирование нового ассортимента на предприятии ЗАО «Краскон» осуществляется за счет применения нового экологически чистого натурального сырья, использования местного интродуцированного конфетных масс и совершенствования рецептур. Так, в состав фруктово-желейных конфет входит пектин – желирующий студеобразователь, также местные плоды и ягоды, как красная и черная смородина, облепиха, красная рябина, черника, вишня, малина.

2009

С.Н. Ростовцев, В.А. Перезовова,
г. Минусинск

Правоохранительные органы Минусинского округа (уезда), XIX – нач. XX вв.

В старых учебниках истории Россию называли полицейским государством, имея в виду не только отсутствие политических свобод, но и заселение полицейских. Полицейская система была малочисленной.

После крестьянской реформы 1861 г. произошла и реформа полицейского управления. Царское правительство стремилось к увеличению власти и авторитета полицейских органов, эффективности их воздействия на широкие массы населения. Полицейская реформа была принята в форме «Временных правил» об устройстве полиции. В Минусинском округе это было окружное полицейское управление, с 1898 г. – Минусинское уездное полицейское управление. В кон. XIX в. весь уезд делился на участки станowych приставов и участки полицейских урядников:

1-й стан. Новосёловская волость (с. Новосёлово), Комская волость (с. Комское);

2-й стан. Бейская волость (с. Бейское), Иудинская волость (д. Иудино), Таштыпская волость (с. Таштып), Аскизская инородная Управа (с. Аскизское), Каптыревская волость (с. Каптырево);

3-й стан. Ермаковская волость (с. Ермаковское), Шушенская волость (с. Шушенское), Лугавская волость (с. Лугавское), Восточенская волость (с. Восточенское), Сагайская волость (с. Сагайское), Моторская волость (с. Моторское), Тигрицкая волость (с. Тигрицкое);

4-й стан. Курагинская волость (с. Курагинское), Имисская волость (с. Имисское), Кочергинская волость (с. Кочергинское), Шалаболинская волость (с. Шалаболинское), Паначевская волость (с. Паначевское), Кнышинская волость (с. Кнышинское), Мало-Минусинская волость (д. Малая Минуса);

5-й стан. Абаканская волость (с. Абаканское), Белоярская волость (с. Белоярское), Идринская волость (с. Идринское), Знаменская волость (д. Знаменка), Абаканская инородная управа (с. Усть-Абаканское).

На весь Минусинский уезд было пять станowych приставов и 28 полицейских урядников (один урядник на волость). Это ещё раз подтверждает, что полиция в то время была малочисленной но, несмотря на это, успешно вела борьбу с преступностью. На полицию возлагался и контроль за поведением ссыльных.

В связи с созданием Енисейской губернии и образованием в её составе Минусинского округа, волостное село Минусинское было преобразовано в город. «Открытие» города состоялось 14 января 1823 г. в собрании чиновников. Открывал город окружной судья Кузнецов, т.е. в это же время был создан Минусинский окружной суд. Располагался он в специальном построенном здании для «присутственных» мест (ныне улица Красных Партизан, д.1).

Вместе с окружным существовал и земский суд, занимающийся более мелкими делами. Окружной суд рассматривал гражданские дела, а также уголовные дела в пределах своей компетенции: о должностных преступлениях, о бродягах и беглых, кражах и грабежах, о несчастных случаях с гражданами, вовлекших смертельный исход. Рассматривались дела об убийствах и изнасилованиях, но окончательный приговор выносили вышестоящие суды.

Окружной суд делился на уголовные и гражданские отделения (столы). Сначала канцелярия была общей, но дальнейшее делопроизводство было разделено. Гражданский стол рассматривал дела о недвижимости, споры о земельной собственности, производил ввод в наследство, утверждал духовные завещания, купчие крепости и крепостные акты на землю и дома.

Штат окружного суда состоял из председателя, товарища (заместителя) председателя и членов суда – окружных заседателей, позднее ещё и окружных следователей, а также канцеляристов, переписчиков, курьеров и сторожей.¹

В кон. 60-х гг. XIX в. произошла судебная реформа. В ноябре 1864 г. утверждены судебные уставы, состоящие из четырёх основополагающих актов: Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях налагаемых мировыми судьями». Эти уставы представляли собой ряд буржуазно-демократических принципов: гласность, устность и состязательность. Мировой суд – выборный орган, создавался как в городах, так и в уездах. Окружной суд – суд первой инстанции, рассматривающий все уголовные дела.

После реформы в России были введены две системы судебных учреждений: суды с избирательными судьями и суды с назначаемыми судьями – это мировые судьи и окружные суды. В Сибири эта реформа прошла в кон. XIX в. Институт Мировых судей был введён в Енисейской губернии в 1898 г. В связи с административной реформой Минусинский окружной суд был ликвидирован в 1898 г.

Минусинский уезд составлял мировой округ и делился на участки:

1-й участок: г. Минусинск;

2-й участок: Центр – с. Абаканское. Волости – Абаканская, Салоинская, Никольская, Идринская, золотые прииски;

3-й участок: Центр – с. Ермаковское. Волости – Ермаковская, Моторская, Сагайская, Тигрицкая, прииски по реке Амыл, Усинский край;

4-й участок: Центр - с. Курагинское. Волости – Курагинская, Паначевская, Кнышинская, Шалаболинская, Имисская;

5-й участок: Центр – с. Бейское. Волости – Каптыревская, Бейская, Аскизская инородная управа, Южная часть Абаканской инородной Управы (до р. Б. Ерба), прииски западной части уезда;

6-й участок: Центр – г. Минусинск. Волости – Кочергинская, Мало-Минусинская, Восточенская, Лугавская, Шушенская;

7-й участок: Центр – с. Новосёлово. Волости – Новосёловская, Комская, Знаменская, часть Абаканской инородной Управы (к северу от р. Б. Ерба).

В каждом участке находился мировой судья, который рассматривал мелкие уголовные и гражданские дела. Мировому судье иск предъявлялся в письменной форме, а ответчик вызывался повесткой. Во время рассмотрения иска обе стороны давали словесные показания, в процессе которых учитывались показания свидетелей, письменные документы. Каждая сторона имела право нанимать адвоката. Мировой судья единолично принимал решения, оглашал его и выдавал истцу исполнительный лист, который предъявлялся им в органы полиции, в волостное правление или судебному приставу при мировом суде.

Компетенция, структура, состав и делопроизводство волостных судов определялись «Наставлением» и другими общероссийскими и местными указами. В соответствии с «Наставлением» волостной суд подчинялся к вышестоящим судам, надзирал за соблюдением законности и «добронравия» в волости. В его компетенцию входили учёт населения и регистрация отходов из волости, сбор податей, организация выполнения повинностей и надзор за питейной продажей. К полицейским обязанностям волостного суда относилась борьба с побегами, волнениями (сходбищами и сборищами) крестьян, распространение слухов и «лжеклевет», исправление «лихих» и недоброхотных крестьян, пересечение пьянства, бродяжничество, проституции, колдовства. Волостной суд должен был охранять «мир и тишину православной святой церкви», заботиться о нищих, сиротах и вдовах, требовать от крестьян почтения к «старшим начальникам». В обязанности волостного суда входили, надзор за соблюдением элементарных санитарных мер и весов, ценами на продовольствие, ремонтов мостов, дорог и переправ, застройкой поселений и состоянием построек, а также организация борьбы с пожарами. Этот суд должен был проводить предварительное следствие по уголовным делам с последующей передачей обвиняемого, истца и свидетелей в вышестоящий суд. Маловажные дела он мог разбирать сам. В его компетенцию входила регистрация сделок с недвижимостью.

В каждой волости Минусинского уезда избирался состав волостного суда. В него входили староста и два выборных, избравшиеся крестьянами на три года. Делопроизводство вёл волостной писарь. Волостными судьями были обычно малограмотные крестьяне и судили они не по писаным законам, а по совести, на основании имеющихся доказательств. Судьи слушают, вникают в каждое дело и решают его так, как находят правильным. Волостной суд имел право рассматривать гражданские дела до 30 руб. Иски свыше 30 руб. волостному суду неподсудны. По уголовным делам – мелкие кражи, драки, буянство – можно засудить виновного до семи суток тюремного заключения. Драки с поножовщиной и членовредительством волостному суду были неподсудны.

Всю административную и полицейскую власть в волости осуществлял старшина, который служил по выбору волостного схода. Старшина и всё волостное правление подчинялось крестьянскому начальнику. Полицейским чином был урядник. Но он стоял на государственной службе и не подчинялся старшине, однако обязан был оказывать ему содействие. Урядник был подчинён становому приставу. Старшина и заседатель смотрели на урядника, одетого в форменный полицейский мундир, как на официального представителя власти.

Урядник каждый день, когда находился в служебных разъездах, являлся в волость в полном параде, то есть в мундире с погонями, в фуражке с кокардой, при сабле и револьвере. Вместе со всеми работниками он узнавал и обсуждал местные новости или что-нибудь рассказывал о своих героических подвигах во время разъездов по волости. Как и все полицейские, он служил в своё время на действительной военной службе, и по увольнении в запас его назначили полицейским урядником в волость. Урядник получал жалованье 25 руб. в месяц, готовое обмундирование, 100 руб. в год на содержание лошади и 54 копейки на ремонт своего оружия. В его ведении находилось 18 деревень. Уряднику по должности приходилось разъезжать по волости и заниматься этими делами. Приедет, произведёт допрос, кого надо посадит в «кутузку», а все материалы дознания пошлёт становому приставу.

Дела совсем незначительные, например: о краже курицы, гусёнка, поросёнка, дела об угрозах, драках и оскорблениях, к уряднику отношения не имели. Они состояли в ведении сельской полиции – старосты, сотского, десятского. Но если по поводу таких происшествий поступали жалобы, то приходилось заниматься и ему. Обычно урядник допрашивал воров, драчунов и буйнов с резиновым брусом четверти три длиной и пальца три шириной. «Огреет» им человека раз-два, он и не виноват, да в чём угодно сознаётся. Либо обходится на допросах без резины, а выколачивает признание простым рукоприкладством. В урядники подбирались физически сильный человек, держал себя очень гордо, так как был уверен, что наведёт в волости закон и порядок.

В деревне от общества назначался сотский. Если в деревне случалась какая-нибудь драка или кража, то сразу бежали за ним. Когда в деревню приезжал старшина, то он всё время при себе держал старосту. А когда приезжал урядник, то он требовал сотского. Так, что сотский был настоящей полицейской властью и прямым помощником урядника по разным дракам, кражам, убийствам и т.п. Поэтому в сотские выбирали мужиков здоровых и самостоятельных, чтобы они могли любую драку развести, а в случае чего встряхнуть, кого надо как следует.

Десятский считался в деревне тоже полицейской властью, но только самой маленькой. В десятские звали самых бедных.

В соответствии со Сводом производство по уголовным делам подразделялись на три этапа: следствие, суд, исполнение приговора. Осуществлением первого и третьего этапа производства занималась полиция. На полицию возлагались также судебные функции по незначительным, маловажным правонарушениям. Следствие производилось, когда имелось извещение или донесение об известных извещавшему признаках преступления: жалобы потерпевшего, донесений прокуроров и стряпчих о ставших им известных преступлениях, явки с повинной. Предварительное следствие могло начинаться по собственному усмотрению полиции.

В законе предусматривались определённые гарантии обеспечения интересов подозреваемого, обвиняемого. На стадии следствия допускалось, например, присутствие депутатов от сословий для наблюдения за ходом следствия и ограждение подозреваемого от неправомерных действий полицейских чиновников. В целях более полного обеспечения обвиняемому возможности воспользоваться законными средствами защиты на следствии могли присутствовать прокуроры и стряпчие.

Следствие могли производить нижние земские суды, Управы благочиния и различные присутствия, состоявшие из полицмейстеров, частных приставов и следственных приставов уголовных дел. Следствие по маловажным делам, как же и суд по ним, производили в основном квартальные надзиратели.²

О работе правоохранительных органов в то время рассказывают документы, которые хранятся в архивах и ждут своих исследователей.

Примечания

¹ М. Ф. ГАКК (МУ АГМ). Ф. 81. О. 1. Д. 19.

² Журнал «Советская милиция», №7, 1990 г. С. 37.

История музея села Шалаболино

Шалаболино – село старинное, ему 290 лет, имеет богатую интересную историю. Интересны и судьбы людей. Собрать материал о селе, о людях, которые жили в нем – это значит сохранить духовное богатство села.

В 70-е гг. XX в. была первая попытка создать при школе музей. Связано это с именем Алексея Васильевича Червякова, учителя истории (бывшего жителя и защитника Сталинграда). Музею Алексей Васильевич отдал много сил. После его отъезда работу продолжил молодой историк Моторин Евгений Васильевич. Ими был собран богатый материал об участниках Великой Отечественной войны.

Иван Федорович Еськин, руководитель Курагинского районного музея писал о Шалаболинском музее: «...В этом музее собрана богатейшая коллекция минералов, все минералы привезли из туристических походов учащиеся школы. В 1977 г. пополнилась коллекция костей древних животных, уже имевшихся в музее: это бивень, зубная челюсть и другие кости мамонта. Пополнилась также коллекция нумизматики, учащиеся собрали около 120 денежных знаков, в частности деньги богатого крестьянина Попова, которые были обнаружены при ломке продовольственного склада, принадлежавшего когда-то ему. Особенно объёмной работой в этом году был сбор предметов быта у односельчан: экспонаты музея пополнились самоваром с шестью мировыми медалями выпуска 1890 г., старинными утюгами, наборами глиняных изделий, маковкой с церкви, несколькими иконами, несколькими учебниками Закона божьего и другими предметами домашнего обихода».¹

Но просуществовал этот музей недолго. В 1980 г. во время отпуска учителей, все экспонаты были выброшены в коридор, т.к. школе потребовалось помещение для столовой. Несколько лет всё это хранилась в кладовках, частично в кабинетах, естественно, что при таком отношении много экспонатов пропало.

В сер. 80-х гг. XX в. страна готовилась к встрече 40-летия Победы над фашистской Германией. Были выделены деньги для открытия музеев, памятников, для фотографирования участников войны.

Именно ветераны войны вложили много сил в создание музея. Они им гордились. Всегда приходили в музей на встречи, просто помочь работе краеведов. Зародилась традиция, родственники ветеранов, после их смерти, приносили в музей личные вещи, фото, медали, ордена. В это время сформировался состав первого поколения краеведов: Дима Стрелецкий (трагически погиб 17 июля 2009 г.), Оксана Мезерова, Таня Ралдугина, Лариса Комарова, Володя Пушкарев и др. Им предстояло изучить все имеющиеся документы, собрать новый материал, оформить стенды, составить тексты экскурсий. 9 Мая 1985 г. все село присутствовало на открытии музея.

Он стал центром краеведческой работы. Это был практически детский клуб, куда порой собиралось до 25 человек. Здесь с самого начала закладывались принципы свободы личности, творчества, что особенно ценилось. У каждого своя тема, свой план работы, никто никого не понукал. Это развивало самостоятельность, трудолюбие и уважительное отношение друг к другу. Каждый здесь находил дело по себе. Обстановка в коллективе сложилась дружеская, творческая, много юмора, и это привлекало ребят. Постепенно выработались правила: никаких разборок, учиться убеждать в своей правоте, никакой грубости, уважать друг друга. Музей активно действовал. Имена краеведов были известны в районе. Большую помощь в организации музея оказал Еськин Иван Федорович, директор Курагинского музея. Именно благодаря ему ребята съездили на краевые чтения, которые состоялись в краевом Доме пионеров. Сотрудничали краеведы и с учеными пединститута. В книге «Памятники истории и культуры Красноярского края», составленной Быковой Г.Ф., есть упоминание о Шалаболинском музее.² Первые краеведы создали музей, собрали большой материал, заложили музейные традиции. Их опыт продолжает использоваться новыми поколениями краеведов, дополняя и приумножая его.

В 1998 г. в здании, где находился музей, возник пожар. Сам музей не пострадал, но было отключено отопление, электричество. Музей остался бесхозным, помещение отдали под склады. Все, что было

собрано краеведами, находилось в ужасном состоянии: разбитые витрины, документы валялись на полу, грязь. Исчезли многие лучшие экспонаты. Казалось, что здесь никогда не существовал один из духовных центров села. Только через два года с возвращением в школу руководителя музея, встал вопрос о его возрождении. Выделили в школе помещение в 12 кв. м, в нем начало работать новое поколение краеведов. Им пришлось начинать все с нуля, так как были прерваны все связи. Начинает формироваться новое поколение краеведов: Лена и Таня Бобылевы, Володя Дайлидов, Лена Белоногова, Таня Колесникова. На основе материалов краеведов первого поколения они составили свои, дополнив их новыми документами. Возродилась исследовательская работа, которая стала основным направлением в работе музея, проводились экскурсии, хотя на такой площади это было сложно.

Расцвет исследовательской работы падает на период 2002-2008 гг. За это время третье поколение краеведов создало много интересных, глубоких работ. Они выходят с ними за пределы района, края. Их работы публикуются в Интернете, напечатаны в сборниках, труды ребят находят признание. В это время краеведы заводят дружбу с учеными – А.Л. Заико, Н.И. Дроздовым, которые работали на Шалоболинской писанице.

В 2006 г. краеведческий кружок был переименован в объединение «Моя малая Родина». Оно к этому времени пополнилось новым составом. Это Дима Величко, Павел Петров, Денис Бочкарев, Илья Николаев, Саша Коржов, Саша Крашенинникова. А вокруг них объединилось много ребят, которые не занимались исследовательской работой, но помогали в организации вечеров, праздников, убирали в музее. Эти годы были очень продуктивны.

С мая 2008 г. краеведческое объединение «Моя малая Родина» работает на базе МУ Централизованного Шалоболинского сельского Дома Культуры. Используя возможности ДК появились новые формы работы – музейные встречи. Материалы музея используются в школе на уроках истории края, на классных часах, краеведческих конкурсах, в сельских мероприятиях.

Сейчас главная задача – это возрождение музея, который снова оказался без помещения, без средств к существованию. Мы делаем все, чтобы сохранить его как духовный центр. Музей необходим селу.

Примечания

¹ Еськин И.Ф. Отчет о работе музеев Курагинского музея. 1977 г. Архивы Курагинского музея. Ф.1.о.4 д. 132 с. 9.

² Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярское книжное издательство. Т. III. С. 130.

2009

В.С. Степанова,
г. Красноярск

Взгляд на эпоху глазами простого человека

Устная история как междисциплинарный метод исследований в истории и обществоведческих науках переживает этап бурного развития, и является одним из динамично развивающихся направлений исторических исследований новейшего времени.

Предмет устно-исторического подхода – жизнь отдельных людей, а любая жизнь представляет интерес. К тому же основан он просто на устной речи и не требует особого литературного дара.¹

Устная история является одновременно и древним, и новым методом исторического исследования. «Устная история – многозначное понятие, включающее процесс формирования исследователем нового источника на основе опроса очевидцев исторических событий и их интерпретации».²

Широко используемый термин «устная история» появился относительно недавно и само его возникновение крайне важно для будущего. Но это не означает, что столь же ново и собственно понятие устной истории. На самом деле устная история возникла одновременно с историей как таковой. Она была первой разновидностью истории. И лишь совсем недавно умение обращаться с устными источниками перестало считаться качеством, присущим великому историку.

На современном этапе устно-исторические исследования проводятся во всем мире, созданы центры устной истории при университетах, архивах, музеях, библиотеках. В 1970-е гг. историки-хроникеры разных стран объединились в Международную ассоциацию по устной истории, которая с 1978 г. один раз в два года проводит международные конгрессы по устной истории.³

Мы бы хотели рассмотреть восприятие Великой Отечественной войны глазами обычного человека. Своими воспоминаниями о военном времени с нами поделилась Соловьева Тамара Борисовна.⁴

К моменту начала войны Тамаре Борисовне было 5 лет. Жили они с родителями в Орджоникидзеграде, перед войной переименованном в Бежице. В числе эвакуированных прибыли в Красноярск.

Постановлением Совета по эвакуации, который был образован в июне 1941 г., в Красноярск, в глубокий тыл, первоначально направили 18 предприятий и около 80 тыс. человек. Первые эшелоны с эвакуированными предприятиями стали прибывать в Красноярск в конце августа 1941 г. На начало ноября приехали или начали подходить вагоны с оборудованием 23 предприятий из районов страны, которым грозила немецко-фашистская оккупация.⁵

В начале августа 1941 г. по указанию Государственного Комитета Оборона в Красноярск прибыли первые составы с оборудованием крупного машиностроительного завода «Красный профинтерн» из поселка Бежица (пригород Брянска). Накануне Великой Отечественной войны завод выпускал 28% всех производимых в стране паровозов, 100% большегрузных вагонов и платформ, мостовые, монтажные, металлургические краны, кузнечное оборудование, оборудование для гидроэлектростанций и др. Это огромное предприятие предстояло разместить на правом берегу Енисея на строительной площадке «Сибтяжмаша». Строительство Сибирского завода тяжелого машиностроения только-только начиналось.⁶

«Наш эшелон прибыл на станцию Злобино рано утром, я спросила у папы: «Где мы?». Он ответил: «В Красноярске». Я сказала: «Это же не город». На станции обветшалый домик, колодец, и поля, насколько хватало глаз, а направо небольшой поселок, ныне Первомайский. У меня разочарование, что это не город».

Рабочим, служащим и инженерно-техническим работникам планировали предоставить жилье в Красноярске, а членам их семей в ближайших районах: Советском, Емельяновском, Козульском, Сухобузимском, Манском, Уярском, Назаровском, где можно было разместить около 30 тыс. человек. Краевой центр всех прибывающих принять не мог, так как испытывал все возрастающий дефицит жилья.

«Где сейчас ул. Щорса, где стоят гаражи ТЮЗа, разместили огромные солдатские палатки, семье – по топчону, соорудили столик. Мужчины и подростки устанавливали оборудование, станки, ставили столбики с названием цеха. Жили мы так до глубокой осени. Когда полетели «белые мухи», дети начали болеть, семьи разместили в Березовском районе, деревнях Есауловка и Терентьевка, мужчины раз в неделю-две приходили проведывать».

Жили там все зиму, я болела, чуть ноги не отнялись. Нас с мамой, приютили дедушка и бабушка, у которых сын на фронт ушел, организовали детсад. Детей туда, женщины в колхозе работали. Зимой рабочие по ночам строили бараки, чтобы семьи привезти. Когда их построили, все в бараки переехали, а осенью, когда рабочие подвели цеха под крышу, папа с другими ушел на фронт добровольцем со сталинской бригадой (78 добровольческой)».

В большинстве случаев к вновь прибывшим местные жители относились терпимо, но были и исключения. «Когда папа ушел на фронт, я – в детсад, мама работала в подсобном хозяйстве, одеть было нечего. Был голод, простывали, болели. Я заболела, температура, врачи сказали надо горячее молоко. Мама пальто продала, ходила в тужурке, пошли в Первомайский поселок искать молоко, коров не было у многих. В третьем доме мама попросила молоко, мы ждали у калитки, и нам крынку молока в ноги вылили, и сказали: плохо, что вас фашисты не расстреляли. Оказывается там жили сосланные кулаки, обозленные на советскую власть».

Уходя на фронт папа купил новые санки. Где сейчас рынок Злобино, были землянки, там жили люди из Средней Азии, сосланные, а мы дети пешком с саночками добираемся до верха и катимся вниз, а у них это потолок. Вышел среднеазиат, наругался и выхватил у меня санки, я так плакала».

Большая часть того, что производилось в тылу поставлялось на фронт, не был исключением и Красноярский край. «Был такой голод. И тут объявление, что Кировский торг организует тех, кто хочет поехать на заготовку продуктов для фронта на несколько месяцев, до осени. Село Вознесенка Агинского района. Туда же приехали семья сосланных поляков из Хосты, мама, папа две девочки: Поля и Климка. Жили в двухэтажном доме. Потом две женщины приехали из Ленинграда, одна с мальчиком, другая с девочкой. Мы все в этом доме жили. А внизу сушилка для овощей, в подвале. Заготавливали бруснику, чернику. Сыпят, по сторонам мусор отходит, в бочки закатывают без сахара и отправляют. Мы там и остались. Мне 8 лет, в школу, во время ВОВ с 8 лет, так как дети ослаблены. Когда я заболела, у меня вылез чирый, мама водила меня за реку к фельдшеру, он мне показался очень интеллигентным. Школа была в Преображенке. У меня одноклассники спрашивали: почему платья короткие и нарядные. Мы привезли их с запада, здесь тогда такие не носили. Там было много волков, много двойных огней со стороны гор идет. С бани мама вынесла, дом рядом, мы вышли, и сарай и там два огня, волк сидит. Страшно».

После окончания войны встал вопрос, что делать с эвакуированными предприятиями, людьми? «В 45 году осенью, многие хотели на родину, папа маму отговорил. Бесплатно поезд товарный, а некоторые съездили и возвращались обратно в Красноярск». Тамара Борисовна осталась жить в Красноярске, закончила КГПИ историко-филологический факультет. Всю жизнь посвятила преподаванию.

Это несколько фактов из жизни отдельного человека. В них как сквозь призму отражается общее течение истории, жизнь человека это одна грань многогранного исторического процесса. Из этих отдельных граней составляется единое целое, весь исторический процесс.

К наст. вр. изучение методами устной истории исторического сознания, эмпирического опыта широко используется многими направлениями зарубежных гуманитарных исследований, такими как «обыденная история», или «история повседневности» (Германия), «слуховая история» (Канада), этнология, локальная и рабочая история (Англия), социальная история (Франция).

Устная история — это история, построенная вокруг людей. Она наполняет жизнью историю как таковую и расширяет ее масштаб. Она позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди безвестного большинства народа. Она побуждает преподавателей и студентов к совместной работе. Она привносит историю внутрь сообщества, чтобы затем сделать ее общим достоянием. Она помогает наименее защищенным людям, особенно старикам, обрести достоинство и уверенность. Она способствует контактам — а значит и взаимопониманию — между социальными классами и между поколениями. А отдельным историкам и тем, с кем они делятся мыслями, она дает ощущение принадлежности к определенному месту и времени. Одним словом, она помогает людям полнее ощущать себя людьми. И, что не менее важно, устная история бросает вызов общепризнанным историческим мифам, авторитарности суждений, заложенной в научной традиции. Она способствует радикальному преобразованию социального смысла истории.⁷

Примечания

¹ Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003 г.

² Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. - Барнаул : БГПУ, 2008 г. - Стр. 11

³ Кузнецов Н.П., Суринов В.М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. - 1980 г. №1. -С.73-76

⁴ Тамара Борисовна Соловьева, род. в г. Бежицы 29 февраля 1936 г. В Красноярске проживает с 1941 г. Закончила КГПИ, работала учителем истории и обществоведения в школах города. Общий трудовой стаж 39 лет.

⁵ <http://www.ikz.ru/siberianway/krasnoyarsk/20.html>

⁶ <http://librari.cross-ipk.ru/RK/t-vov.html>

⁷ Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003 г.

Роль Минусинского уездного ревкома в становлении «гражданского мира», 1919-1920 гг.

Эта работа охватывает события в г. Минусинске в 1920 г., время Гражданской войны в России. 13 сентября 1919 г. в городе вновь побеждает Советская власть, колчаковцы уходят из города, уезда. Приказы уездного революционного комитета за 1920 г. передают «дух времени». Что же происходило в городе и уезде? Как устанавливали гражданский мир? Так, читая документ, который называется «Приказ № 1»,¹ узнаем, что, в Минусинске – это время – чрезвычайное, введено военное положение, в городе необходимо соблюдать строгий революционный порядок, т. к.: «творятся всевозможные бесчинства, хулиганства, убийства, грабежи, самочинные обыски».² На улицах города было нередко «появление граждан и солдат крестьянской армии в нетрезвом виде».³

Строгость и чрезвычайность документов побудила взглянуть на историю города (1920 г.) через призму материалов архива г. Минусинска, т.к. учебной литературы по этому периоду недостаточно. Итак, приказ № 1 датирован 07 февраля 1920 г., подписан: временным Военным комиссаром Сургуладзе и секретарем – Киселевым. Временный комиссар приказывает: «немедленно (приказ) провести в жизнь заведывающему Уездной милицией»⁴ (орфография того времени – авт.). Приказ № 2 по гарнизону г. Минусинска (18 февраля 1920 г.)⁵ подтверждает, что на улицах города были беспорядки. Некоторые красноармейцы гарнизона уличались в противозаконных действиях по отношению к гражданам. Данный приказ подписан начальником гарнизона Лапшовым, начальником штаба Блешко. И Лапшов, и Блешко пишут в приказе: «Считаю такое действие позорищем для честного борца за освобождение всего трудового народа, предупреждаю, что, замеченные в подобных поступках, будут предаваться суду военно-революционного трибунала».⁶ Итак, действовали суды военного времени. Для изучения этого вопроса вернемся в 1919 г.

Восьмой Крестьянский съезд был созван комиссией по делам с Монголией в пос. Верх-Никольское, 15 декабря 1919 г.⁷ В материалах съезда говорилось о необходимости восстановления судов, т. к. продолжались провокационные алимации со стороны белых и красных. Съезд решил, что «необходимо восстановить суды. Производить суд над русскими, (те, кто совершил – авт.) мелкие проступки местными сельскими судами. Важные же преступления – как грабеж, убийство, должны разбираться совместно с монгольскими уполномоченными... на основании международного договора».⁸ В документах указывалось, за какие преступления высылали русских за пределы Урянхайского края. Так, за злоумышленное убийство преступник высылался на территорию русского государства, где предавался суду русского закона.⁹

На девятом Крестьянском съезде (январь 1920 г.) Судебной секцией была выработана и представлена инструкция для соединенного суда Революционного трибунала при Минусинском Уездном совете, волостных и сельских судов Минусинского уезда. 5 февраля 1920 г. Уездный, Армейский, Городской Советы, Бюро профессиональных союзов всю власть передали Уездному Революционному Комитету (далее – Уревком). Поэтому суды должны были работать при этом объединенном органе власти – Уревкоме. Судам предлагалось руководствоваться уставами, ранее изданными, в особенности, уставами, изданными в 1861-1864 гг., но при условии народовластья. Суд должен быть чести и совести, скорый и справедливый.

Соединенный Суд. Включал: 7-9 членов суда, в него входили 2 члена революционного суда, пять волостных судей, называемых по очереди из каждой волости, 1 председатель от Армейского Совета и 1 председатель от Военно-Революционного суда. Этот суд разрешал дела гражданского и уголовного характера по апелляционным и кассационным жалобам на решения Революционного трибунала. «Никакие заявления граждан и протоколы...не бывши решаемы в трибунале, не рассматриваются Соединенным судом».¹⁰ Решение Соединенного Суда окончательно и обжалованию не подлежало.

Суд Революционного трибунала при Уездном Совете. В этом суде было от 5 до 7 членов. Судьи избирались заседанием объединенного совета. Постоянный состав – председатель и 2 члена суда. Этот суд

решал все важные, трудные, сложные уголовные дела. Все дела, за исключением важных, разбирались при открытых дверях. Совещания членов суда происходили при закрытых дверях. Дела в Революционном Трибунале решались большинством голосов членов суда, открытой баллотировкой. Защита при разборе дел – допускалась. «Революционному трибуналу подсудны: дела гражданские исковые от 10000 руб. и уголовные с наложением наказания: от 10 месяцев до 20 лет общественных работ».¹¹ В Революционном Трибунале предусматривалось производство дел по жалобам на решения волостных судов. Для засвидетельствования актов, сделок, договоров и т.п., при Революционном трибунале организуется нотариальный отдел.

Волостной Суд. При каждой волости организовывался волостной суд. Состав – 1 судья, от 4 до 6 членов, избранных волостным съездом. Заявления принимались как словесные, так и письменные. Размер содержания членов суда, расходы, разъезды и прочее – за счет волостных сборов. Волостному суду были подсудны более или менее маловажные дела гражданского и уголовного характера. Наказание: от 1 месяца до 10 месяцев общественных работ. Пункт 9 «Присужденные для наказания к общественным работам, отбывают наказание или при волостном совете, или же отправляются в Минусинский дом заключения».¹² При разборе дел в волостном суде защита не допускалась.

Сельский Суд. Организовывался при каждом сельском обществе, имевшем не менее 200 домохозяев. Членов суда – 3 человека, избирались из членов сельского совета (из них: 1 председатель, 2 члена суда). Подсудны: дела важные, исковой ценностью до 5 тыс. руб. и уголовные, как то, появление в пьяном виде в публичном месте, нанесения оскорбления на словах, истязание животных, нарушение тишины и спокойствия и прочие. Если возникли споры семейные по разделу имущества, семьи и пр., то возможно собрать сельский сход и обсудить разногласия на сходе. Инструкция разрешала составление отдельного приговора.

Деятельность органов судебной власти. Из документов о сельском сходе поселения Верх-Никольского 16 июля 1920 г., документ так и называется: «Приговор».¹³ Речь идет не о разделе имущества, а о судьбе человека, лишить его свободы или нет. Так как в поселке было 70 домохозяев, а не 200, как положено было по «Инструкции», «ходатайство» для сельского суда писал сельский сход. Итак, обсуждали жителя поселка, Дмитрия Уюсова, «...дать или не дать ему одобрительный приговор... (Он) Не арестовывал жителей поселка (при первой Советской власти – авт.), в свержении первой советской власти не участвовал, а был заложником за Подхребетенский район. Уюсов жил и в Урянхее, и был за Советскую власть в Урянхее... поэтому просим следственную комиссию Уюсова как благонадежного человека в политическом отношении к Советской власти освободить... Что, и подписываем неграмотные...».¹⁴ На документе – 60 разных подписей. Почерк не везде одинаков. Видимо, кто-то сам подписывался, не секретарь. Имеется и печать сельского общества, но надпись на ней неразборчива. Хочется верить, что Д. Уюсова оставили на свободе.

Далее рассматриваю работу Коллегии Военно-Революционного Трибунала. Например, документ: «7 апреля 1920 г., контролер сберегательной кассы Минусинского Уфинотдела Ложкин Сергей мною задержан и находится под арестом в отделе Военревтрибунала 5 армии 27 стрелковой дивизии. Арест произошел за пьянство. Военный следователь Реввоен трибунала – Ревотский».¹⁵ Далее задержанными (почти всеми) занималась уголовно-следственная комиссия. Эта комиссия приняла всё делопроизводство и инвентарь от военно-революционного суда и следственной комиссии. Сотрудники должны были произвести сортировку дел. Дела, относящиеся к подсудности революционного трибунала, отправлять в Губернскую чрезвычайную следственную комиссию, вместе с содержащимися под стражей. Дела же уголовного характера, подсудные местному народному суду, оставлять для такового, отпустив, кого возможно из заключенных, под поручительство организаций. На всех заключенных, содержащихся без предъявления обвинения (видимо имелись таковые), составить списки, со своими заключениями и представить в Уревком на предмет освобождения.¹⁶ Основанием для подобного распоряжения послужило решение Ревкома от 5 февраля 1920 г. Т. е. произошло переформирование военно-революционного суда и следственной комиссии при Армейском Совете Рабоче-крестьянской армии. Вновь сформирована при Уездном Ревкоме уголовно-следственная комиссия. Ей передавались всё делопроизводство и инвентарь.

При этом должна была быть составлена особая сдаточная опись делопроизводства и инвентаря. (Поручение от 06 февраля 1920 г.).¹⁷ Всё делопроизводство должен был принять заведующий Уголовно-следственным отделом Носков. Об этом свидетельствует документ от 9 февраля 1920 г.¹⁸ С 23 февраля Председателем Уголовно-следственной комиссии был Бояринцев, один из лидеров Минусинского революционного движения, заведующий Отделом Управления – Сургуладзе, Председателем Ревкома – Каулин.¹⁹

Копия постановления от 10 марта 1920 г. дает представление о работе Коллегии Военно-Революционного Трибунала 5 армии. В распорядительном заседании судьи ознакомились с делом Сургуладзе Сергея. Его обвиняли в попытке присвоить часы и брошку. Судьи, «принимая во внимание, что Сургуладзе, в числе других многочисленных обязанностей, был казначеем Минусинского уездного ревкома, и кроме денег у него хранились под отчетом разные драгоценные вещи. Из числа, каковых Сургуладзе 10 марта сего года при переноске денежной кассы из одного помещения в другое, взял и положил себе в карман брошку и часы только потому, что они не помещались в кассу, а так же из опасения, чтобы их не утащили во время переноски кассы, что является вполне правдоподобным. Так как все вещи находились у Сургуладзе под отчетом. (Коллегия) постановила: настоящее дело производством прекратить ввиду полной недоказанности преступления, приписываемого тов. Сургуладзе... Подписи под документом: Председатель Реввоентрибунала 5: Сорокин. Член Коллегии: Эзерман. Вридзамчлена: Гарбовецкий».²⁰ Сбоку постановления надпись черными (уже выцветшими) чернилами: «к сведению». С обратной стороны подписи: «1/IV20 года. Вх.№ 1034. Минусинск, Уездный Ревком, для сведения, секретарь Каулин». Эта копия постановления убеждает: в невиновности Сургуладзе С.К., и в скором и справедливом рассмотрении дела, и в действии судебной системы того времени. Тут какая-то гражданская справедливость прослеживается: подсудны все, даже бывший председатель Армейского Совета и Солдатского ревкома не боялись быть справедливыми!

Есть документы, говорящие о лояльности к подчиненным. Это протокол № 2 заседания объединенного Совета от 06 января 1920 г. Председатель: Шелестов. Повестка: увольнение Гребенюка. Говорили: «Несмотря на то, что председатель (фин. надпись неразборчива) отдела Гребенюк было уже не раз говорено, поставлено на вид поведение его в нетрезвом виде во время заседаний Совета. И после этого он не изменил своего поведения, и даже выписал спирт из армейского Совета. Постановили: тов. Гребенюк – исключить из членов Совета, о чем довести до сведения его избирателям с тем, чтобы вместо него выставить другого представителя в Совет».²¹ Здесь прослеживается административная мера в отношении Гребенюка, несудебная.

Вот человек уже осужден. Документ озаглавлен «Товарищу Кравченко».²² Пишет партизан 1 Манского полка 1 эскадрона, который находился в доме лишения свободы, осужденный на 5 лет принудительных работ. Его осудил трибунал 27 дивизии (как военного человека). Имя: Григорий Греков, родом из Вятской губернии. Он просит тов. Кравченко помочь ему вступить в свой партизанский отряд «...и дать врагу народа последний толчок, и чтобы они не поднимали головы на нас, пролетариев».²³ Григорий Греков извиняется перед своими боевыми товарищами, пишет: «...могу оплатить тысячу раз своим трудом для блага народа, но в настоящее время только приношу ущерб народу. Ем даром народный хлеб и рву одежду зря. И ничего пользы не даю своим товарищам. Известный своим дорогим товарищам Григорий Греков».²⁴ Внизу этого прошения написано: «В чрезвычайную комиссию. Подпись: Сургуладзе».²⁵ С обратной стороны этого документа дата – 27 августа 1920 г. Есть отметки бюро записей: что осужденный отбывает наказание, был судим Реввоентрибуналом 27 дивизии, срок закончится в мае 1925 г. Прочсть эти записи трудно, т. к. с обратной стороны документ залит фиолетовыми чернилами.

Подводя итог своему исследованию, могу сказать, что, в 1920 г. в г. Минусинске и уезде, были сформированы и осуществляли свою деятельность суды нескольких инстанций: Соединенный суд – он осуществлял высшую судебную власть. Суд Революционного Трибунала при уездном Совете, а с 5 февраля – при Уездном Ревкоме. Действовали и осуществляли правосудие в уезде Волостные и Сельские Суды. Документов, по которым можно изучить деятельность следственных комиссий или непосредственного заседания суда, вынесения приговора, в архиве – крупницы. Возможно, их ещё не исследовали профессионально. При изучении документов подследственных или уже осужденных выяснилось, что

военных людей, солдат Крестьянской армии (партизан) и красноармейцев, судили Революционные Военные трибуналы 27 дивизии, расквартированной в это время в г. Минусинске для наведения и поддержания порядка, Решения выносила Коллегия Революционного Военного Трибунала 5 Армии. Невоенных граждан Минусинска и его уезда Советская власть в период с февраля 1920 г. судила на основании инструкций, ряда правил, определяющих судебные действия под именем гражданского и уголовного процесса, посредством которых новая власть старалась сохранить гражданский мир вновь завоеванной Советской республики.

Примечания

¹ МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», « Приказы и обращения Уревкома, протоколы заседаний объединенного Совета, списки волостей уезда, отделов и подотделов Уревкома», оп. 1, д. 1 л. 60

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 65

⁶ Там же.

⁷ Там же. л. 6

⁸ Там же.

⁹ Там же. л. 9

¹⁰ Там же. л. 58.

¹¹ Там же, л. 58a

¹² Там же, л. 59

¹³ МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», опись 1, дело 2, л. 40

¹⁴ Там же.

¹⁵ МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», опись 2, дело 1, л.189

¹⁶ МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», опись 1, дело 1 « Приказы и обращения Уревкома, протоколы заседаний объединенного Совета, списки волостей уезда, отделов и подотделов Уревкома», л.7.

¹⁷ Там же, л. 8

¹⁸ Там же, л. 29

¹⁹ Там же, лл. 42, 43

²⁰ МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», опись 2, дело 1, л.188

²¹ МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», опись 1, дело 5, л. 17

²² МУ МГА фонд 24 «Минусинский Уездный ревком», опись 1, дело 2, л.38

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

2009

Е.В. Ткачева,
г. Минусинск

Они сражались за Родину (о ветеранах Великой Отечественной войны Минусинского сельскохозяйственного колледжа)

65 лет прошло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Но стремительный бег времени не изгладил из памяти наших людей подвиг советского народа и армии, которые нанесли сокрушительное поражение фашистской Германии и ее саттелитам, отстаивали свободу и независимость своей Родины и спасли человечество от фашистского порабощения. Все годы, прошедшие после войны мы жили под мирным небом, не считая «горячих точек». Сегодня дети, внуки и правнуки

Великой Отечественной войны вновь вспоминают подвиги своих отцов, дедов и прадедов, участников войны. С каждым годом они уходят от нас, а оставшиеся в живых становятся ещё дороже. Традицией в нашем колледже стало чествование ветеранов войны и труда в День Победы: Козина Василия Николаевича, Петрова Константина Валентиновича, Соловьева Михаила Гавриловича, Любяшкина Вениамина Ефимовича, Фирсова Василия Семеновича, Легкого Михаила Афанасьевича, Решетникова Федора Ивановича, Довгаль Ивана Трофимовича, Беляева Сергея Елизарьевича, Максимову Анну Ивановну, Крюкову Антонину Филипповну, Тимофееву Ольгу Ивановну, Шабалина Ивана Николаевича, Комарова Михаила Филатовича, Ковалёва Николая Ивановича, Матушкина Марка Григорьевича, Васильева Ивана Степановича, Ковригина Александра Александровича, Гаранова Якова Ивановича, Лобова Ивана Борисовича, Монастыршина Александра Георгиевича, Яковлева Прокопия Константиновича, Мальцева Степана Ивановича, Долганина Николая Александровича, Чуйкина Николая Михайловича, Великого Ивана Георгиевича, Зиновьева Михаила Игнатьевича, Вакулина Михаила Васильевича, Филимонова Георгия Ивановича, Чучалина Александра Кириловича, Великого Ивана Георгиевича, Смоскова Алексея Ивановича.

Вехи истории Советской России прослеживаются в судьбах ветеранов. В 1938 г. японская военщина предприняла вооружённое нападение на СССР в районе оз. Хасан, а в мае 1939 г. – на р. Халкин-Гол на территории Монголии. Одним из участников этих боёв был Ковригин А.А. (мастер производственного обучения), позднее участвовал в Великой Отечественной войне. В 1945 г. 24 июня Ковригин А.А. прошёл по Красной площади с другими советскими солдатами и офицерами – участниками Парада Победы в специально сшитой для этого события гимнастерке, которую впоследствии, будучи мастером производственного обучения, передал в музей колледжа.

В 1939 г. в ноябре началась советско-финская война. В боях на Карельском перешейке участвовал Яков Иванович Гаранов. Он вспоминал: «...Бои были кровопролитные, т.к. вражеская линия обороны была укреплена дотами, дзотами и ежами. В Великой Отечественной войне я сражался в 127 отдельной стрелковой бригаде, участвовал в разгроме 16 немецкой армии, освобождал Смоленск, в 1944 г. опять попал на Карельский перешеек, а потом в 1945 г. с боями прошел Польшу, Чехословакию Германию».

Самой тяжелой из войн, пережитой нашей страной, была Великая Отечественная война. Она потребовала от советского народа гигантского напряжения всех сил и средств, и миллионов жертв. О первых днях войны в своих воспоминаниях Михаил Филатович Комаров рассказывал: «С группой товарищей из г. Артемовска 9 апреля 1941 г. Я был призван в 130 танковый полк 210 мотострелковой дивизии. Служил в г. Осиповичи Белорусской ССР. 22 апреля прибыли в часть, а 22 июня 1941 г. началась война. Было воскресенье, по распоряжению дня вечером полк смотрел кинофильм «Разгром Юденича», а днем мы были на тактических занятиях и до 16 ч. не знали о том, что началась война. В начале фильма наш взвод вызвали дежурить. После боевого расчета в полной боевой готовности мы легли спать. После окончания фильма был дан отбой, и тут же через 5 минут подалась команда «боевая тревога». Наш взвод вскочил 1-м и выбежал на улицу. В городе горели уже дома. В небе был слышан гул моторов немецких самолётов.

Следующая бомба попала в столовую, где 10 мин. назад полк смотрел кино. Еще несколько бомб было сброшено в районе ж/д станции, где были разрушены жилые дома. В домах военного городка не было стекол. В понедельник 23 июня наша дивизия покинула военный городок и вышла на фронт».

Под Москвой 5 декабря 1941 г. Красная Армия перешла в контрнаступление и отбросила врага от столицы на 150-200 км на запад. Победа под Москвой развеяла миф о непобедимости фашистской Германии. Сталинградская битва (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) явилась началом коренного перелома в ходе войны, а Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.) – завершением коренного перелома, после которого немцы навсегда потеряли стратегическую наступательную инициативу.

Участниками Московской и Сталинградской битв были преподаватель черчения, завуч по учебной работе Лобов Иван Георгиевич и преподаватель экономических дисциплин Соловьев Михаил Гаврилович. Фирсов Василий Семенович воевал на Ржевском направлении под Москвой. Лобов Иван Борисович окончил в Минусинске среднюю школу №3, учился в лесотехническом техникуме, окончил Новосибирскую

школу радиотелеграфистов. Был отправлен в кавалерийские войска в г. Бейск, под Москвой был тяжело ранен. После госпиталя получил 10 дней отпуска, но ему не удалось приехать домой. Снова был ранен, два раза перенес тиф. Под Сталинградом 26 августа 1942 г. попал под первую бомбардировку. Из воспоминаний Ивана Георгиевича: «Наша часть стояла в д. Ахтуби на левом берегу Волги, переправлялись в Сталинград по горячей Волге под бомбежкой ... Брали штаб Паульса, был ранен, дошел до Берлина.. По службе был в Лондоне и Париже».

После 2-х месяцев учебы в г. Вольске Саратовской обл. в Могилевском пехотном училище была отправлена (в сентябре 1942 г.) маршем дивизия в Сталинград, в составе которой воевал преподаватель Соловьев Михаил Гаврилович. Он вспоминал: «Я был наводчиком 120 миллиметрового миномета. Враг был в городе. У нас была задача наступлением с севера пробиться через немцев к нашим в город. Наше наступление было слабо поддержано авиацией, артиллерией, танками, потери были большие. От полка осталось около сотни бойцов, которые были направлены в другую дивизию. В ночь с 18 на 19 ноября 1942 г. мне было приказано установить связь от батареи до наблюдательного пункта полка. Только поднялся на балки, у меня кончился провод на катушках. Обрато возвращаться – не успею вернуться к рассвету, дальше идти – конец провода боюсь потерять. Потом слышу, кто-то по склону балки поднимается ко мне. Оказывается наш боец, у него катушка связи. Я быстро соединил провода и пошёл дальше.

19 ноября пошли в наступление, в результате которого враг был окружен. 31 января южная группировка немцев в Сталинграде вместе с Паульсом сдались в плен. На нашем участке в районе тракторного завода враг оказывал упорное сопротивление. 1 февраля после артподготовки немцы начали сдаваться в плен. Помню сдалась группа человек 14, одеты все были плохо. На себя натянули одеяла и разное тряпье, в пилоточках. Среди этой группы был один русский, добровольно перешедший к немцам. Предателей не прощали. Он был тут же расстрелян. 2 февраля немцы сдавались уже не группами, а колоннами (40 тыс. человек) на нашем участке фронта. Вечером установилась тишина, фронт ушел на запад на 300-400 км от Сталинграда. Самая радостная минута была та, когда немцы в нас не стреляли, а мы в них. Мы с ними стали, объясняется, кто как мог. Мы у них стали спрашивать, почему они не сдавались раньше. Продуктов, одежды, обуви у них не было. Ели конину, дохлую. Они отвечали, что не было приказа сдаваться в плен. А сейчас разве был? На этот вопрос некоторые отвечали: «Гитлер капут», другие молчали. Мы им говорили: «Вам капут, вы же истощенные, больные, обмороженные». 2 февраля получил ранение. После госпиталя направлен в район Курской дуги. Оттуда с боями – до станции Камаричи, в Белоруссию, в Польшу. После ранения за р. Нарев направлен в часть. Потом - поездка на Восток. Война с Японией».

Одной из героических страниц войны является оборона Ленинграда. Блокада города на Неве длилась 900 дней и ночей. Чуйкин Николай Михайлович – электромонтер, вспоминал о боевых эпизодах этой героической эпопеи: «Свою фронтовую биографию я начал в 18 лет в марте 1943 г. на Ленинградском фронте в 1220 Гаубичном артиллерийском полку, входящем в состав 18 отдельной гвардейской артиллерийской дивизии прорыва резерва Ставки. Мне не пришлось испытать всю тяжесть блокады, т.к. соотношение сил в 1943 г. начало меняться не в пользу фашистов. Артобстрелы были затруднены, т.к. действующие огневые точки противника немедленно подавлялись огнем нашей артиллерии и штурмовой авиацией. «Черная смерть» прозвали наши самолеты фашисты. «Горбатые» и «Ишачки» – любовно называли же эти МИГи и Илы наши солдаты. Потребовался почти год для подготовки полной ликвидации блокады Ленинграда: улучшались позиции, совершенствовалось мастерство воинов в повседневных боях местного значения. Весной 1944 г. войска фронта после 2-х часовой артиллерийской подготовки устремились вперед, в течение нескольких дней не только ликвидировали блокаду Ленинграда, но и полностью вышвырнули фашистов за пределы Ленинградской области».

Большой вклад в победу над врагом внесли советские партизаны. Ковалев Николай Иванович-преподаватель ТОЭ, 1-ый председатель Государственной комиссии по защите дипломных проектов, создатель лучшей лаборатории ТОЭ среди с/х техникумов Российской Федерации, воевал в рядах партизан на территории Смоленской области, а затем в Белоруссии. Николай Иванович вспоминал: «Партизаны 1-ой Смоленской бригады не имели пушек, минометов. Основным оружием были винтовки, пулемет, автомат, граната. Вооружение было отечественное и трофейное. Основным способом борьбы была засада»

В результате одной из таких засад партизанами было уничтожено более полусотни гитлеровцев, желавших увезти в рабство молодежь в Германию».

Летом 1944 г. главный удар наши войска нанесли в Белоруссии, разгромив центральную группировку противника (операция «Багратион»). В этой операции участвовал бывший разведчик, лаборант Марк Григорьевич Матушкин, который вспоминал: «В Красную Армию я был призван в феврале 1943 г. из с. Очуры, Бейского района. Был зачислен в 105-й стрелковый полк в г. Ачинске. Проучился до июня месяца, потом направлен на фронт. На фронте был зачислен в 16-ю дивизию, в 20-ю отдельную разведроту, во 2-й взвод. 13 декабря 1943 г. генерал приказал нам взять «языка». В 12 часов мы вышли из своей траншеи в полный рост в белых маскировочных халатах. Прошли метров 300 и залегли. Вперед выдвинулся сапер, чтобы прорезать проволочное ограждение немцев. Мы стали выползать за немецкие проволочные ограждения. Выползли и стали ждать до 6 часов утра. Два немецких пулеметчика около дзота закурили и весело заговорили, затопилась печка в дзоте. Наступило утро, больше лежать нельзя - обнаружат. Мы поползли на пулемет. Немец заметил нас и крикнул: «Рус». Мы вскочили, бросили 3 гранаты и упали, пока взорвались, потом опять вскочили и бегом к пулеметчикам. Когда подбежали, то один стоял в траншее с поднятыми руками и говорит: «Пан капут». 2-й пулеметчик подбежал к дзоту, мы его пристрелили. В амбразуру дзота бросили гранату. Немца схватили за руки, стали вытаскивать из окопа, но он оказался тяжелым. Вытащить не смогли, тогда схватили его за волосы, он сел, оперся в брусья руками и вылез. Мы схватили его за полы куртки и поволокли на спине к своей траншее. За выполнение этого задания я был награжден орденом Красной Звезды и получил месячный отпуск».

В ожесточенных боях 1944 г. советские войска нанесли сокрушительные удары по войскам противника и, очистив от захватчиков советскую территорию, начали свой освободительный поход в страны Юго-Восточной и Центральной Европы.

Василий Николаевич Козин – мастер производственного обучения, преподаватель техникума, рассказывал об участии в этом походе: «Первое боевое крещение я принял на 4-м Украинском фронте в пределах Карпат, на границе с Чехословакией. Был зачислен в 10-ю Гвардейскую механизированную бригаду 5-го Гвардейского Зимовниковского корпуса, которая участвовала в прорыве. Хорошо помнится огненный шквал орудий «катюш», период артподготовки перед наступлением, от выстрелов невозможно было слышать разговор с солдатом, который стоял рядом. Наши армейские подразделения продвинулись на 60-70 км вперед. В этих боях погиб мой сродный брат Козин Николай. Немцы окопались в предгорье Карпат и остановили продвижение наших войск, перешли в контрнаступление, т.к. наши бойцы не выдержали: большинство были молодежь (18-19 лет). Контратаки немцев были отбиты. Меня отправляют в штаб батальона узнать, почему нарушена связь. Пробираясь к командному пункту, я увидел ужасы войны наяву. Приходилось прятаться от снарядов и пуль, падать на землю, за воронки из-под снарядов и за подбитые танки. Видел убитых немецких солдат. Вылезал из воронки и увидел, что на меня смотрит немец, а он мертвый. Приходилось перешагивать через трупы немцев. Все они казались живыми, смотрящими на меня. Наш 5-ый гвардейский механизированный корпус был переброшен под Берлин. 31 марта 1945 г. под Берлином мой командир, адъютант, я и шофёр поехали на другой участок боев нашей бригады. По дороге мы попали под обстрел. Здесь я был тяжело контужен. Был направлен в госпиталь, где пролежал почти 6 месяцев. Целый месяц я не имел слуха и речи, но потом все восстановилось».

16 апреля 1945 г. началось грандиозное сражение за германскую столицу, Берлин. 2 мая Берлин пал. 8 мая подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. 9 мая миллионы советских людей с народами освобожденной Европы праздновали День Победы. Спустя 3 месяца Советский Союз, желая приблизить наступление мира на нашей планете, объявил войну Японии.

Участник войны с Японией зам. директора по хозяйственной части Любяшкин Вениамин Ефимович об этих событиях вспоминал: «Я в возрасте 17 лет в июне 1943 г. был призван по комсомольскому набору на флот, в г. Владивосток, где обучался 11 месяцев в учебном отряде флота на рулевого. В мае 1944 г. меня направили на военно-морскую базу Де-Кастри, где я служил на тральщике, минировал и разминировал морские поля. В ноябре 1944 г. – переведен в штаб военно-морской базы Де-Кастри на штабное судно рулевым. 9 августа 1945 г. началась война с Японией. Перед нами была задача – освободить от японцев

Южный Сахалин. В конце августа во взаимодействии с частями Дальневосточной армии и морской пехоты корабли подошли в тыл японцев и заняли порт Отомари, где японцы сдавались безоговорочно. 2 сентября 1945 г. война закончилась. В Отомари мы простояли до января 1946 г. и ушли на Курильские острова, на остров Итуруп со своими кораблями». 2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Наступил долгожданный мир.

С каждым годом уходят из жизни живые свидетели тех грозных, героических событий, а последующие поколения будут узнавать о войне из книг, фильмов, учебников, экспонатов музеев.

2009

Н.М. Шулгина,
г. Минусинск

От «Минусинского некрополя» к Городу-памятнику

Мысли о создании книги очерков об историческом прошлом города и судьбах его лучших представителей «от времен оных донине» появились у сотрудников газеты «Надежда и Мы» еще лет десять тому назад. Однако рабочие будни как-то не способствовали оформлению этих мыслей в практическое русло, хотя краеведческие темы всегда были самыми желанными на страницах «Надежды». Особенно весомыми стали эти публикации после возвращения в родной город В.С. Плехова, педагога и краеведа. Человек потрясающей эрудиции, выйдя на пенсию, он со всем жаром души принялся осуществлять свои отложенные до времени задумки о создании цикла материалов об архитектурных памятниках Минусинска и своих земляках, век назад создавших славу нашему городу.

За три года газета опубликовала восемь десятков его очерков и заметок. И все они были наполнены фактами, почерпнутыми из документов городского архива, фондов музея им. Н.М. Мартьянова, воспоминаниями старожилов, в числе которых была его старенькая тетушка. Как мечтал он о добротном иллюстрированном путеводителе по городу и его окрестностям. Как многое успел сделать...

К сожалению, внезапная смерть Валерия Сергеевича оборвала все его и наши планы, оставив только моральные обязательства перед памятью об этом исследователе. Мы не могли забыть, что он однажды в юбилейном поздравлении газете написал: «... благодаря «Надежде» мои краеведческие изыскания стали востребованными. Думаю, что слова признательности газете за обращение к наследию прошлого разделят со мной и читатели, и авторы-краеведы...». Завещанием нам стало его радиоинтервью 2001 г., где он рассказал о судьбе снесенного в одну ночь кладбища в г. Кяхте на границе с Монголией и прочитал свои стихи.

Кто-то очень верно сказал, что «кладбище подобно музеям и библиотекам, хранящим память о давно ушедшем времени и именах». И, казалось бы, если в музее невозможно иметь сведения о каждом, если в принципе нельзя оставить жизнеописание всех из нас, то уж кладбище-то должно хранить все имена, ибо без могилы не обойтись. Но, и могилы не вечны, иногда только изустные рассказы и воспоминания людей сохраняют память о достойном человеке.

В Минусинске тоже в нач. 80-х гг. прошлого века, когда Старое городское кладбище было закрыто, шли разговоры о перенесении могилы Н.М. Мартьянова к зданию основанного им музея, что можно расценить как начало ликвидации погоста, где в течение XIX-XX вв. нашли последний приют около 70-100 тысяч наших земляков.

Кладбище это уже претерпело разграбление в нач. 30-х гг. прошлого века, когда с разрешения властей на металлолом изымались кованые кресты и оградки, и резекцию территории в кон. 60-х гг., когда на месте захоронений воинов, умерших от ран в эвакогоспиталях, были построены гаражи автопредприятия. Окруженное жилыми кварталами, кладбище представляло собой труднопроходимую территорию в 13 гектаров, где без проводника-старожила трудно было отыскать чью-либо могилу за малым исключением. Только к Братской могиле и к памятнику Н.М. Мартьянова вели бетонные дорожки, а развалины других монументальных надгробий скрывались в зарослях крапивы и кустарников.

И вот в сентябре 2008 г., наткнувшись в Интернете на объявление о конкурсе проектов «Культурные инициативы и журналистика», организованном газетой «Культура», АНО «Единство культуры и журналистики» при поддержке Фонда Форда (США), наше Информационно-издательское агентство «Надежда и Мы» составило свой проект «Минусинский некрополь» и успешно защитило его.

В рамках проекта предусматривалось составление небольшого сборника очерков о прошлом города на основе газетных публикаций прошлых лет (100 страниц формата А 5) и буклета. Однако, в процессе создания рукописи, над которой трудились штатные сотрудники редакции и наши внештатные корреспонденты, авторам стало ясно, что запланированный объем не может создать у читателей полного образа. На те же средства удалось увеличить объем книги в четыре раза. На 200 страницах А 4 формата разместились более 40 очерков, цветные и черно-белые иллюстрации и мартиролог более чем на 1200 фамилий.

Топографическая экспедиция № 7, базирующаяся в городе, предоставила схематическую карту Старого кладбища, на основе которой нами была создана схема расположения 176 наиболее сохранившихся надгробий дореволюционного времени и часть памятников советской эпохи. Фотосъемками было охвачено около двух тысяч захоронений. Перечень фамилий, выявленных в процессе многодневных обследований кладбища, послужил отправной точкой поисков сведений о минусинцах, покоящихся здесь.

У минусинцев есть счастливая возможность пополнять родники памяти: в городском архиве и в фондах краеведческого музея находится множество документальных свидетельств давно прошедших времен и событий, отголоски которых в какой-то степени отразились и на судьбах их прямых предков. Время не только стирает в памяти черты умерших и факты их биографий, оно неумолимо и к очерканиям самого города: пожары и наводнения, изменения статуса, – все влияет на его облик. Но бывают моменты, когда эта завеса приоткрывается.

В нашем случае, исследуя картографический материал втор. пол. XIX в., хранящийся в архиве и музее, участниками проекта «Минусинский некрополь» выявлено одновременное существование в городе трех кладбищ. (Из них только одно – действующее.) На копии плана г. Минусинска 1853 г., оригинал которого был одобрен и собственноручно подписан 6 апреля 1856 г. императором Александром II, как об этом явствует пометка енисейского окружного землемера, обозначены границы города в пределах улиц: Минусинской, Михайлова, Новокузнецкой, Пушкина и Затубинской (здесь намеренно даны современные их названия, т. к. на плане улицы не поименованы).

За городской чертой с юго-восточной стороны ул. Октябрьская упиралась в запроектированную ограду «Бывшего кладбища». Будущая ул. Утро Сентябрьское должна была пересечься с ул. Мартынова на юго-западном углу «существующего кладбища» (обозначим его для простоты под № 2). Дорога в Большую Иню проходила между этим кладбищем, «предполагавшимся к уничтожению» (так и указано на плане) и северо-западной стороной третьего, проектируемого кладбища.

Чем не угодило горожанам «Бывшее» кладбище, и почему к сер. 1850-х гг. они не только забросили его, но и другое, «Существующее», наметили закрыть, неизвестно. Будущий, третий погост и Сретенская церковь разместились под сенью сосен, от которых ныне остались единичные деревья. С момента создания плана прошло 156 лет. Кладбище теперь находится в окружении жилых кварталов. Еще до революции территория, разделявшая «второе» и «третье» кладбища постепенно была занята могилами, а дорога на Большую Иню прошла по ул. Комсомольской.

По словам тех, чьи родственники похоронены в западном углу кладбища, еще в сер. 1970-х гг. здесь была видна старинная плита с указанием, что под ней покоится прах надворного советника, погребенного в 1854 г. Напрашивается вывод о том, что западная часть Старого кладбища – это ничто иное, как сохранившаяся юго-восточная часть кладбища № 2, частично попавшего в советское время под застройку (гаражи АК-1517). Где-то здесь, вероятно, находятся и могилы декабриста Н.А. Крюкова и его близких...

Повсеместно новые захоронения перекрывали забытые могилы. Т. о., возраст Старого кладбища надо исчислять со времени открытия кладбища № 2.

В течение осени 2008 – весны 2009 гг. на Старом кладбище велось благоустройство могил силами волонтеров Кадетского корпуса и Медицинского техникума: из-под дерна, завалов листвы, ветвей и остатков венков были освобождены частично несколько надгробных плит. На субботниках работал коллектив ветеранов Минусинской геологоразведочной экспедиции и частные лица.

На страницах газеты «Надежда и Мы» было опубликовано 24 материала под рубрикой «Минусинский некрополь», в т. ч. анкета с вопросами о том, как сохранить малые кладбищенские архитектурные формы.

Кладбище – это «город в городе». Только его «жители» не выходят навстречу путникам, а смотрят на него с сотен фотографий. Как и в обычном населенном пункте, бедные «дома»-памятники здесь перемежаются с богатыми, старинные – с современными. Кладбище – это тоже модель общества. И конфессиональная, и социальная. В «городе мертвых» мы легко можем отыскать признаки того, что разделяет (или объединяет) людей при жизни: религия, общественное положение, профессия. Все это проявляется в оформлении могилы, типе памятника, материале, из которого он изготовлен. А, значит, изучение кладбищ – такой же важный источник информации о жизни людей в определенную эпоху, как и остальные.

Постепенно педагоги средних учебных заведений, к которым редакция обратилась за помощью в благоустройстве могил, от недоуменных вопросов: «Что детям делать на кладбище?» переходили к активному сотрудничеству. Это радовало авторов проекта едва ли не больше, чем находки ярких фактов в архивных документах: без осознания необходимости сохранения наследия прошлого в глазах общественности города, и особенно среди подростков, наша инициатива осталась бы лишь слабыми потугами изменить судьбу кладбища.

В июне 2009 г. рукопись книги «Мир праху, честь имени. Минусинский некрополь» была сверстана и вышла в свет. Первым ее увидел священник Спасского собора иерей Сергей Круглов. С его подачи о сборнике узнали читатели «Живого журнала» и еще до презентации нам начали поступать заявки на книгу. Это был знак, что книга состоялась, а искренние отзывы минусинцев произнесенные на презентации стали для авторов наградой за труды. Мы поняли, что надо непременно продолжать начатое: исследовать, писать, искать финансовые средства на новое издание.

«Все эти люди, весельчаки, имели утро свое, полдень свой и вечер, теперь все поглощены одной ночью. Почему ночному караульщику не освятить мимоходом эту ночь, не помянуть живым словом почивших на ее темном и молчаливом лоне?» Этими философскими строками П.А. Вяземского открывается одна из глав книги о тех тысячах погребенных на Старом минусинском кладбище, кто не стяжал громкой славы, но с их именами все же связаны большие и малые страницы истории нашего города.

За любым памятником на могиле, будь то покосившаяся деревянная пирамидка или современная нежно-розовая плита саянского мрамора, биография Человека. Каждый из них неповторим, и каждый – чей-то кровный родственник. В благодарность за сделанное ими и по велению совести все мы, по большому счету их потомки, в долгу перед памятью ушедших. Все вместе и каждый по-своему они, как и те, что лежат на Новом кладбище, создали Минусинск таким, каким мы его видим сейчас.

Придет в свое время черед и нашему поколению отправиться в мир иной. Что оставим мы в наследство нашему городу и будущим его жителям, своим детям, внукам, правнукам? Чистую протоку? Благоухающие цветами леса? Красивые новые здания или хотя бы сохраненные старинные особняки? Память о выдающихся умом и замечательных своей добротой людях? Так хочется надеяться, что потомки не разочаруются в нас...

2009

Раздел V. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Л.Н. Борзенко
с. Каратузское

Сибирский Островский (к 100-летию Григория Григорьевича Каратаева)

В с. Каратузском на тихой улочке Ярова стоит небольшой домик. На нем висит мемориальная доска, извещающая о том, что здесь с 1935 по 1960 гг. жил поэт Григорий Григорьевич Каратаев.

Родился Григорий Каратаев 26 ноября 1909 г. в д. Крестик Ермаковской волости в большой и дружной семье Григория Михайловича и Прасковьи Егоровны Каратаевых. Вскоре от болезни умирают братья, в семье из детей остаются двое: старшая сестра Ниса (Анисья – 1908 г. р.) и Григорий.

В 1919 г., окончив первый класс, Григорий вместе с родителями переезжает в г. Минусинск. Здесь он заканчивает пять классов. В 1924 г. вступает в комсомол. Семнадцатилетним юношей его направляют в д. Ус в Туву, затем в с. Бея Минусинского р-на (ныне Хакасия) секретарём суда.

Проработав секретарём около трех лет, он устраивается линейным монтером на телефонную станцию. «...Престижную, по тем временам, работу, – писал его близкий друг, Евгений Анатольевич Матросов. – Ведь шоферы, монтеры, трактористы несли новую жизнь в деревню».

В августе 1929 г., 19-летний паренек, Гриша Каратев, по долгу службы, был отправлен искать повреждение на линии. Когда он обнаружил оборванный провод, то забрался на телеграфный столб для устранения неисправности. Но вдруг, столб стал падать... Травма оказалась очень серьезной. Лечение, поездка в г. Томск – и... суровый приговор врачей: «Жить будете долго, но ходить – никогда».

Любимая девушка, прождала год, но, не надеясь на его выздоровление, вышла замуж. Чтобы отвлечь Гришу от переживаний, семья сменила место жительства.

В 1935 г. Каратаевы переехали в с. Каратузское и обосновались здесь навсегда. Однажды в гости к Каратаевым зашла молодая женщина – Екатерина Ивановна Чулошникова. Представилась редактором районной газеты. Увидев в каких стесненных условиях живет семья, она предложила им свою, недавно выделенную ей квартиру по ул. Ярова, 14. Так началось их знакомство, впоследствии переросшее в крепкую дружбу.

Екатерина Ивановна рассказала Григорию о Николае Островском и познакомила с его творчеством. Она сумела растормошить Гришу, заставила задуматься о жизни и забыть, хоть ненадолго, о его недуге. Подбирала и приносила ему разные книги, которые они затем бурно обсуждали. Убедив Григория, что ему надо учиться, буквально вложила в его руку карандаш и тетрадь. Так стали появляться первые несмелые стихи.

*Но вот в часы бессонные,
Однажды при луне,
Вдруг строчки перезвонные
Согрели душу мне.
Счастливое мгновение!
Художник, ты поймёшь
И робкое волнение,
И сладостную дрожь.*

Упорная работа дала результат. Свое первое серьезное стихотворение Григорий Григорьевич посвятил А.М. Горькому, узнав о его смерти. Потом его стали печатать в районной газете «Сталинский путь», в газете «Красноярский рабочий», журналах «Сибирские огни» и «Енисей».

Лишь немногие стихи Г. Каратаева позволяли догадываться, как нелегка его жизнь. Человек железной воли, деятельный по натуре, полный жизненной энергии, он научился побеждать боль.

Григорий Григорьевич преклонялся перед жизненным подвигом и мужеством Николая Островского. В его произведениях он черпал духовные силы, учился преодолевать собственные трудности.

«Сибирским Островским» называли его друзья. Но впервые поэта Каратаева так назвала жена Н. Островского, автора романа «Как закалялась сталь» – Раиса Порфирьевна. Григорий Григорьевич никогда не позволял себе подобное сравнение, считая, что жизненный подвиг Островского неизмеримо выше.

В течение десяти лет Р. Островская активно общалась с семьей Каратаевых. Часть их переписки с поэтом хранится в московском музее Н. Островского (сейчас он называется «Преодоление»), а часть в далекой Шепетовке. Она подарила Г. Каратаеву книгу Н. Островского «Как закалялась сталь. Рожденные революцией». А также буклет о музее Н. Островского в Москве с дарственной надписью. (Книга и буклет, подаренные Г. Каратаеву хранятся в Каратузском районном краеведческом музее).

Григорий Григорьевич не любил говорить о своем недуге. При встрече с друзьями был весел и бодр. А если человек приходил к нему впервые, Каратаев шутил, задавал вопросы, т.е. старался создать непринужденную атмосферу, чтобы посетитель не испытывал неловкости, находясь у постели больного. Друг поэта, Е.А. Матросов в своем очерке, посвященном 80-летию поэта, писал: «...С утра до поздней ночи у Каратаевых были люди самых разных профессий и возрастов... Григорий был очень обаятельным человеком, великолепно играл на баяне. Русские романсы, народные песни сменялись стихами Есенина, Маяковского, Багрицкого, Пастернака...».

Однажды произошел курьезный случай. Сотрудники одной из краевых редакций, долгое время сотрудничавшей с Каратаевым, но ничего не знавшие о трагедии поэта, предложили Григорию Григорьевичу, если он будет в Красноярске, «непременно зайти». Никто из них и не догадывался, что автор проникновенных стихов уже многие годы прикован к постели.

Началась Великая Отечественная война... К этому времени Г.Г. Каратаев уже приобрел известность талантливого поэта. Его стихи печатались в районной и краевых газетах. В те годы личные проблемы отодвинулись на второй план. Друзья поэта уходили на фронт. В тылу труд был не менее тяжел. Г. Каратаев очень переживал из-за своей вынужденной беспомощности: да, он не мог ходить, но это не означало, что он бездействовал. Его грозным оружием стало перо.

Ниса Григорьевна, сестра поэта, рассказывала: «В годы войны Гриша много писал. Его печатали в газетах. В работе забывался. Бывало, боли донимают, а он все к бумаге тянется. Хотелось ему хоть чем-то людям помочь. Помню, все говорил: «Вернутся наши фронтовики, как я им в глаза смотреть буду?». Он свято верил в победу над врагом и вселял эту веру в других. В стихотворении «Я верю» (1941), есть такие строки, адресованные другу Георгию Мартьянову:

*Не поддамся сомненьям тревожным,
Верю: кончатся скоро бои,
И, покрытые пылью дорожной,
Ты протянешь мне руки свои.*

Из дома Каратаевых друзьям на фронт шло бесчисленное количество писем. В них – и вера в победу и тревога за тех, кто насмерть бился с врагом. Он призывал земляков «бить толково, по-сибирски», «за мирный дом над буйною рекой». Солдаты бережно хранили письма поэта, читали стихи однополчанам.

Особой темой в творчестве Г. Каратаева была женщина-сибирячка, женщина-мать. Он прославлял их боевой и трудовой подвиг:

*Ты не привыкла унывать,
В труде росла, в труде мужала.
И в дни войны – жена и мать,
Не сникла, духом не упала.*

И вот она, долгожданная Победа! 9 мая, в среду, эта радостная весть молниеносно облетела всю округу. Люди собрались на митинг. Ниса Григорьевна вспоминает: «Мы Гришу на улицу вынесли. Он баян

взял, и вокруг него вся наша улица собралась. Кто поет, кто пляшет. И всю ночь почти... А утром я отнесла в редакцию новое стихотворение – «В день Победы».

Г.Г. Каратаев награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 1958 г. вышел первый прижизненный сборник его стихов «В строю» трёхтысячным тиражом. Е. Матросов, находившийся в те дни в Красноярске, прислал другу-поэту телеграмму: «Вышла твоя книга. Успех небывалый. Поздравляю».

Г. Каратаев ушел из жизни 13 июня 1960 г.

В 1963 г., уже после смерти поэта вышел сборник стихов «Облака», который был быстро раскуплен. В 2004 г. сборник переиздан в издательстве «Март» (г. Абакан). О жизни и творчестве поэта Г.Г. Каратаева написана книга «Победи себя» (автор – Ю. Чернышов).

Григорий Каратаев и сегодня остаётся символом мужества, борьбы, стойкости, жизнеутверждающего оптимизма.

2008

М.В. Злобин,
г. Минусинск

К 80-летию со дня рождения В.А. Чивилихина

Владимир Алексеевич Чивилихин – коренной сибиряк, знаменитый русский писатель. Родился 7 марта 1928 г. в г. Мариинске Кемеровской области, в многодетной семье железнодорожника, но детство и юность его прошли в г. Тайга. Дом, где родился писатель в Мариинске, сохранился до наших дней. Дом, где 17 лет прожил В.Чивилихин в г. Тайга не сохранился. Вспоминая детство, он говорил о себе так: «Родился я в Мариинске, а крестился в Тайге». «...Числю Тайгу своей родиной и память о ней, как подземная родниковая вода, долгие годы, обретая чистоту, независимо текла и неслышно переплескивалась темными гротами, пока не проточила себе выход...». (В.Чивилихин «Тайга»).

На станции Тайга, как обычно сами тайгинцы ее называли, В. Чивилихин окончил в школе №2 семилетку на «отлично», с похвальным листом. В 1941 г. в 13 лет поступил работать учеником слесаря в паровозное депо. Когда из Ленинграда эвакуировали техникум «Паровозное хозяйство МПС и в 1942 г. разместили его в железнодорожном ремесленном училище, школьная учительница посоветовала способному мальчику поступить в этот техникум, куда он был принят без вступительных экзаменов. В каникулы кочегарил на паровозе, чтобы помочь многодетной семье. Отец его к этому времени погиб на работе, где он служил главным кондуктором на грузовых поездах. Ни по возрасту, ни по зрению для работы на паровозе Владимир Чивилихин не подходил, но шла война.

Мне довелось в 1945-1946 гг. учиться с В.А. Чивилихиным. В этом учебном году, после окончания в 1945 г. Знаменской средней школы (Минусинский район), я был принят на второй курс. Чивилихин был на четвертом курсе – выпускник 1946 г. Я хорошо помню то время и студента 4-го курса В. Чивилихина – высокого, в очках и часто в окружении студентов-однокурсников. Он пользовался авторитетом среди однокурсников, как рассказчик и организатор спортивных игр. Классно крутил «солнце» на турнике в физкультурном зале и никто, видно, не подозревал, что он в будущем будет известным талантливым сибирским писателем.

По окончании техникума он с дипломом техника паровозного депо выехал через Москву в г. Чернигов, к своей старшей сестре, которая после освобождения этого города вновь вернулась на прежнюю свою работу – медсестрой в военном госпитале. Город был до основания разрушен, и жить пришлось в подвальном помещении.

Работая на разных работах, он посещал в свободное время в какой-то степени восстановленную городскую библиотеку и изучал древнюю историю русского славянского города. А когда в руки попала

книжица «Слово о полку Игореве», то чтение полностью его захватило; многое из того, что он раньше читал о черниговских князьях, стало более понятным. Это явилось отправной точкой к подборке исторических материалов для написания романа-эссе «Память». Вел дневник. Только через три года после окончания техникума и в результате тщательной подготовки к экзаменам он в 1949 г. поступил на факультет журналистики Московского Государственного Университета. Учился и одновременно стал сотрудником газеты «Комсомольская правда». По окончании МГУ В. Чивилихин развернул кипучую деятельность: «жадно жил, изучал характеры, постоянно находился в ближних и дальних поездках, вмешивался в экономические, житейские и общественные споры, выступал на страницах печати с острыми статьями, порождавшими огромную читательскую почту».

О своей встрече с будущей женой В.А. Чивилихин вспоминал: «Мне шел уже тридцатый год, я начал тяготиться газетной работой, часто болел, и будущее представлял не ясным». И вот, этот «пожилой» молодой человек на площади Ногина у памятника гренадерам русско-турецкой войны 1877-1878 гг., вдруг встречает юную студентку-сибирячку... Той девушкой была Елена Владимировна Чивилихина – правнучка декабриста Н.О. Мозголевского (ветвь: Варвара Николаевна Мозгалевская и Степан Зотикович Юшков). Ее двоюродная бабушка – историк, декабристовец – Мария Михайловна Богданова. Со смехом она до сих пор вспоминает, что первое свидание было назначено ей на лекции в Политехническом музее, а он ничего смешного в этом не находил. Вскоре после того свидания он лег в больницу, а она тайком от врача, носила ему сигареты. Казалось, они оба, среди всех своих забот и волнений, всегда жили под страхом потерять друг друга.

В 1957 г. Владимир Чивилихин опубликовал свою первую документальную повесть «Живая сила». Затем последовали книги – «Про Клаву Иванову», «Елки-моталки», «Пестрый камень», «Земля в беде», «Шведские остановки», «Серебряные рельсы». За последнюю повесть писатель удостоен в 1966 г. премии Ленинского комсомола. В 1977 г. за книгу «По городам и весям» он стал лауреатом премии Российской федерации имени А.М. Горького. В 1980 г. вышла его книга «Светлое око» – размышление о времени и о себе, ставящая вопросы сегодняшнего природопользования, звучащая как призыв к желанной гармонии между людьми и окружающей их средой. В то же время возник жгучий интерес писателя к прошлому, от которого зависит нынешнее и будущее. В 1982 г. В. Чивилихин за роман-эссе «Память» удостоен Государственной премии СССР. «Немногие, даже славные русские города, могут гордиться тем, что взрастили талант такого масштаба, какой, достался от родных корней, живительной силы сибирской природы, закалился и окреп в первых житейских и трудовых уроках». Писатель неоднократно приезжал в Тайгу, дарил свои книги землякам на встречах в локомотивном депо, проводил читательские конференции по его произведениям. Писательский его авторитет помог решить вопрос о выделении здания для городской библиотеки.

Опубликовал статью в «Комсомольской правде» о том, что Тайгинский техникум железнодорожного транспорта, созданный на базе техникума МПС, эвакуированного из Ленинграда в 1942 г., размещен в низком одноэтажном здании бывших механических мастерских и продолжает вот уже 30 лет в нем находиться. И не отвечает элементарным требованиям учебного заведения. Вскоре после этого выступления в газете началось строительство нового учебного комплекса, открытие которого состоялось в 1972 г. Комплекс, состоящий из учебного и лабораторного корпусов, общежитий, хозяйственного корпуса с котельной, полигона – это маленькая железная дорога на территории техникума с действующим подвижным составом. Такого полигона не имеет ни одно учебное заведение ж/д транспорта даже в Москве и Петербурге. В наст. вр. техникум преобразован в Тайгинский институт инженеров железнодорожного транспорта, а бывший техникум вошел в него, как факультет для подготовки техников-механиков электровозного хозяйства. При институте имеется музей истории учебного заведения. Есть стенд жизни и творчества писателя В.А. Чивилихина, здесь же экспонируется 20 книг написанных писателем и подаренных в разное время еще техникуму.

Роман «Дорога» написан на примере жизни писателя Гарина-Михайловского. Автор изображает российскую действительность кон. XIX в. Острые, злободневные рассуждения о русском характере, о развитии государства. В. Чивилихин, собираясь писать роман о Великой Сибирской дороге, исследовал

жизненный путь, дорогу своего героя, инженера-изыскателя и проектировщика стальных магистралей, замечательного, русского писателя Гарина-Михайловского.

В этом романе герой назван «Гариным» и писатель поясняет почему. Но издатель, вернее, составитель данной книги, вдова писателя Елена Владимировна решила оставить за главным героем его настоящую фамилию «Михайловский», т. к. действие публикуемого происходит, главным образом, до выбора героем себе псевдонима.

Книга «Дорога» была издана тиражом в 100 тыс. экземпляров. На экземпляре книги, посланном в г. Тайга, в техникум МПС, Елена Владимировна на титульном листе сделала запись: «Читателям тайгинской библиотеки в память о вашем земляке, Владимире Чивилихине, страстно любившем Сибирь и свою малую родину Тайгу. С уважением Е. Чивилихина. 5 ноября 1989 г.».

Этот экземпляр книги выставлен в экспозиции музея Тайгинского института ж/д транспорта.

В статье «О Памяти», которая впервые была опубликована 25 мая 1984 г. в газете «Советская Россия» за две недели до внезапной кончины писателя, Чивилихин писал: «Деятельность наших музеев стала огромным и отрадным явлением общественной жизни России. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в год их посещает около 50 миллионов человек... Не раз я бывал в Минусинском музее имени Н.М. Мартянова, первом в Сибири, основанном более ста лет назад скромным провизором Николаем Михайловичем Мартяновым, что затерянный в просторах Сибири городок Минусинск благодаря своему музею «становится знаменитостью почти всесветной». И в этой же статье: «Вот уже немало лет историки, писатели, музейные работники, культурная общественность, любители, интересующиеся нашим далеким революционным прошлым, мечтают о музее декабристов в Москве, хотя бы в качестве филиала Исторического. Я высказал эту идею в «Памяти» и читатели дружно поддержали ее в своих письмах»...

«Музей декабристов», созданию которого В.А. Чивилихин отдал много времени и сил, открыт в 1986 г., как филиал Государственного исторического музея. Но открыт не там, где вначале предполагал писатель, а в отданном для этих целей доме Муравьевых-Апостолов, в котором родились три декабриста в т.ч. казненный С.И. Муравьев-Апостол».

Там же в статье «О памяти» В.А. Чивилихин сообщает: «Выскажу одно наболевшее предложение. До войны в Российской Федерации существовало и успешно работало Общество краеведов, которое поддерживал и опекал сам Максим Горький. Следовало бы подумать о том, чтобы восстановить его. Дело это не потребует особых организационных усилий, практически повсюду, где живут люди, есть краеведы, и им надо объединиться хотя бы в секции при организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры... Предложение о создании Общества краеведов, высказанное в «Памяти», я повторяю потому, что многие читатели его горячо поддержали в своих письмах».

Появление такой статьи в газете меня приятно удивило и я подумал: «А не явилось ли это поводом для создания в Минусинске «Музея декабристов» и клуба «Краевед» при Минусинском музее имени Н.М. Мартянова по инициативе тогдашнего директора музея В.А. Ковалева?». Именно в эти годы разрабатывалась в музее концепция для открытия «Музея декабристов», осуществлялась реставрация усадьбы декабристов А.А. и Н.А.Крюковых. Открытие музея состоялось 13.08.1997 г., а создание клуба «Краевед» – в 1985 г. А появление в кабинете директора музея, над его рабочим столом, портрета В.А. Чивилихина, вскоре после смерти писателя – дань уважения писателю-сибиряку.

В 1986 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла, уже посмертно, книга В. Чивилихина «Жить главным». Издание книги было подготовлено вдовой писателя – Еленой Владимировной Чивилихиной. Книга вышла сборником, в состав которого вошли не опубликованные ранее, из архива писателя, повести: «Шуми, тайга, шуми!», «Тайга шумит!», «Пятилетие Кедрогграда». А также старые очерки, многочисленные выступления писателя. Предисловие к книге выполнил писатель Сергей Вакулов. О писателе он сказал: «Владимир Алексеевич Чивилихин обладал острым аналитическим умом и это было в нем главным. Как человек он притягивал к себе каждого, кто хоть раз попадал в «магнитное поле» его ума, его интеллекта и обаяния. Силу этого притяжения, на ряду со многими счастливыми, довелось испытать и мне... Каждая встреча с ним обогащала меня духовно, будила творческую мысль, заряжала бодростью, верой в жизнь, в торжество добра и справедливости. Поражала доскональностью знания им предмета, о котором он

отваживался писать. Вычитанное из книг – ладно, этим он не хвастался, хотя редкую книгу брал в руки с трепетом душевным, но добытое им из государственных или частных архивов буквально окрыляло его, делало счастливейшим человеком! Как он светился весь, как торжествовал, когда говорил: «Послушай, что я раскопал!». Великую силу слова он понял еще в юности, запоем читая все, что попадалось под руку!».

Еще в юности, одним из самых дорогих и памятных мест в городе Тайге для писателя оставалась городская библиотека. Он писал когда-то в дневнике: «О, книги, что бы я делал без вас в тяжелые дни. Без всякой задней мысли скажу, что книги поддерживают меня и крепко поддерживают. Откуда бы я брал бодрость и жизнерадостность?»

Став москвичом, писателем, лауреатом, он сохранил теплые чувства к книгохранилищу юности и помог ему остаться источником радости для других читателей.

Литература

1. Роман-эссе «Память» в 2-х томах. В. Чивилихин. Изд. 1982 и 1984 гг. изд. «Современник»
2. «Серебряные рельсы» В. Чивилихин.
3. «Шведские остановки» В. Чивилихин. «Роман-газета» №23 1977 г.
4. «Пестрый камень» В. Чивилихин.
5. «Про Клаву Иванову» В. Чивилихин.
6. «Жить главным» В. Чивилихин. «Молодая гвардия» 1986 г.
7. Газета «Советская Россия» от 25 мая 1984 г.
8. «Русские писатели». Биографический словарь
9. «Дороги». Роман. В. Чивилихин, посмертное издание. Составитель Е.В. Чивилихина.
10. Тайгинский техникум железнодорожного транспорта. г. Тайга. Музей техникума.

2008

Н. Калеменева,
г. Минусинск

Дмитрий Лавров и Тесь. Новые факты

Работа с архивными документами по уточнению биографии художника Василия Ивановича, в особенности его сестры Екатерины, открыла новые факты из жизни художника-иконописца Дмитрия Ивановича Лаврова.

Передо мной лежит огромная, толстая книга. Открываю первую страницу. Старинной витиеватой вязью выведено: «Метрическая книга Енисейской Духовной консистории Минусинского округа Тесинской Богородице-Казанской церкви для записи родившихся и умерших за 1878 год». Перелистываю страницу – и ...оторопело смотрю на знакомую мне подпись. Вот так сюрприз! Откуда в этой книге подпись Дмитрия Ивановича Лаврова – друга детства Сурикова? Того самого Лаврова, вместе с которым в декабре 1868 г. санным обозом будущий художник Василий Суриков уехал на учебу в Санкт-Петербург. Оба были красноярцами, обоим было по двадцать лет, оба увлекались живописью. Дмитрий был воспитанником Красноярской духовной семинарии. Суриков ехал поступать в Академию художеств, а Лавров – в Троицко-Сергиевскую Лавру обучаться иконописи.

«Ехать нам очень весело с Лавровым – все хохочем, он за мной ходит, как нянька: укутывает дорогой, разливает чай, ну, словом, добрый и славный малый»¹, – так писал Суриков домой из Томска. На память об этом долгом путешествии осталась фотография: они с Лавровым сфотографировались в Екатеринбурге. В Москве на вокзале друзья простились. Дальше у каждого был свой путь. Суриков стал знаменитым художником. Лавров – скромным священником, безвестным иконописцем.

Известно, что Лавров вернулся в Сибирь через три года – в 1871 г. Красноярский епархиальный совет направил его в Аскиз, в Петропавловскую церковь (современный Аскиз – центр Аскизского района Хакасии). Здесь был самый старый и самый большой приход на территории инородческой управы. Он был основан еще в 1770 г. Вначале была деревянная Петропавловская церковь (построена 1776-1772 гг., в 1831 г. сгорела), в 1851 г. был построен каменный храм.² Молодому иконописцу поручили отреставрировать иконы и привести в порядок церковную утварь. Он прожил в Аскизе много лет. Кроме икон Дмитрий Лавров писал пейзажи и портреты местных жителей. Несколько его работ хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартянова. По заказу Русского этнографического музея Лавров изготовил много гипсовых масок с местных жителей – качинцев, сагайцев, кайбал, бельтыр. Заказ этот он получил через Мартянова – основателя Минусинского музея. В архиве Минусинска сохранилось несколько писем Лаврова к Мартянову, посланных им из Аскиза. Вот в этих письмах я впервые и увидела подпись Лаврова.

И вдруг теперь вижу его подпись в метрической книге Тесинской церкви. Читаю: исправляющий должность псаломщика Димитрий Иванов Лавров. Все верно – тот самый Лавров, друг Сурикова. Значит, он служил в Тесинской церкви вместе с отцом Феодосием Токаревым. А считалось, что Лавров больше двадцати лет безвыездно пробыл в Аскизе. Но как долго он жил в Теси? Может, месяц-другой, заменяя кого-то, например, неожиданно заболевшего или скоропостижно умершего священника? Что ж, полистаю книгу, а вдруг найду в ней ответ на этот вопрос.

Мелькают фамилии и имена родителей новорожденных – в основном жителей сел Большой и Малой Ини, Колмаково, Шошино. Крестьяне Осколковы, Самковы, Трухины, Пашенных... Много Колмаковых.

Вот еще примечательная запись: 26 ноября 1878 г. родился и в этот же день был крещен сын Лаврова и жены его Феоктистии Гавриловны (он женился в Аскизе на дочери местного крестьянина). Мальчику дали имя Иннокентий. Об этом Дмитрий Иванович делает в книге запись собственноручно. Крестил он младенца вместе с отцом Феодосием Токаревым. А кто же восприемники?

Так называли в старину крестных отца и мать, поскольку именно им следовало воспринимать дитя из купели при обряде крещения. Оказывается, восприемниками были дочь отца Феодосия Александра и сортировщик Минусинской почтовой конторы Николай Захарьев Ярцев. Александра Токарева (старшая дочь священника Феодосия Токарева), которой увлекся Василий Суриков, когда в юности гостил у сестры Екатерины в Теси.

Что же удивительного во втором восприемнике сына Лаврова – Ярцеве? Так это же не просто почтовый служащий, а настоящая легенда Минусинска!

Сын священника, после окончания Томского духовного училища, он вдруг становится не церковным служащим, а чиновником. И сделал довольно успешную карьеру – дослужился до должности помощника столоначальника Енисейской казенной палаты в Красноярске. Но потом все бросает и отдается своей пламенной страсти – театру. Он возвращается в Минусинск, организует кружок любителей сценического искусства и ставит спектакли. Потом создает настоящий народный драмтеатр. Актерами в нем были чиновники и купцы, домохозяйки и учителя, приказчики и мастеровые. И, конечно же, – сам Ярцев – человек удивительно талантливый. А кроме того музыкально одаренный – много лет он был регентом церковного хора Минусинского Спасского собора. Человек, стоявший у истоков Минусинского драмтеатра, – вот кто был крестным отцом сына Лаврова. Понятно, что Дмитрий Иванович, если не дружил, то был хорошо знаком с Ярцевым: крестными обычно не бывают случайные люди. И сейчас выбору крестных придают большое значение. А уж в то время – тем более. Посторонний или малознакомый человек не мог им стать. Роль крестного отца была так велика, что если рождался ребенок вне брака, то ему обычно давали отчество крестного. Жаль только, что сынишка Лаврова прожил недолго. В июне 1880 г. в метрической книге появляется запись о том, что сын Лаврова Иннокентий умер в возрасте 1 год и 4 месяца. Погребен он был в ограде Тесинской церкви.

Страница за страницей перелистываю всю пухлую книгу – с января 1878 по декабрь 1883 гг. И до самой последней страницы везде вижу подписи Лаврова. Значит, он прожил в Теси не меньше 5 лет. Кроме

Иннокентия в Теси у Лавровых родились еще двое детей: 6 января 1881 г. – дочь Агния, восприемники – жена отца Феодосия Надежда Ивановна и псаломщик Шалаболинской церкви Александр Иванович Подгорбунский; 23 марта 1883 г. – сын Гавриил, восприемники – учитель приходского училища с. Тесь Петр Андреевич Онисимов и жена потомственного почетного гражданина Павла Алексеева Марфа Осипова. Круг знакомых у Лаврова был широк. Видимо, с годами он не утратил своих главных качеств – общительности, доброжелательности и веселого нрава. Это и располагало людей к нему.

Известно, что всего у Лаврова было 12 детей. Десятый ребенок, сын Георгий, родится в Назарове. Он закончит рисовальную школу, созданную в Красноярске при содействии Сурикова. Станет известным скульптором, создаст много памятников, в т. ч. – скульптурный портрет друга детства своего отца – художника Василия Сурикова. Но отцу не суждено знать о судьбе сына: Дмитрий Иванович умер, когда Георгию было всего девять лет. На руках у вдовы осталось четверо малолетних детей. И старшие дети помогали матери поднимать их на ноги. В т. ч. и Гавриил, родившийся в Теси.

А что же отец Феодосий? Последняя запись, оставленная им в метрической книге Тесинской церкви, датирована 22 мая 1883 г. Дальше до конца книги идут записи рукой Лаврова и священника Иоанна Рязанского. Отец Феодосий с этого времени становится благочинным Минусинского Спасского собора.

Примечания

¹ Суриков В.И. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977.

² Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. Красноярск, 1995. С.132.

2009

Т.С. Комарова,
г. Красноярск

Письма А.В. Андрианова к Г.Н. Потанину

Этнограф, археолог, гидрограф, историк, публицист, путешественник – таков перечень занятий Александра Васильевича Андрианова. Его политические взгляды вызвали неоднозначные суждения как его современников, так и исследователей более позднего времени. Безжалостный век сравнительно рано оборвал жизнь талантливого человека. Потомкам осталось его ценнейшее научное наследие.

Александр Васильевич – уроженец Тобольской губернии. В 1879 г. сдал экзамены на естественно-историческое отделение Петербургского университета и вскоре же отправился с Григорием Николаевичем Потаниным в северо-западную Монголию в качестве коллектора. С 1880 г. начинаются его многочисленные экспедиции на Алтай, в Нарымский край, Кузнецкий Алатау, Минусинский округ. Коллекции путешественника нашли себе место в Эрмитаже, Московском историческом музее, Академии наук, музеях Минусинска, Красноярска, Иркутска. Поисковая деятельность, часто носившая любительский характер, выполнялась на профессиональном уровне.

Многочисленные статьи, очерки А.В. Андрианова публиковались в трудах Русского географического общества (РГО), его отделах и подотделах. Вышли книги «Очерки Минусинского края» и «Город Томск в прошлом и настоящем». В 1880-е гг. Александр Васильевич редактировал «Сибирскую газету» и газету «Сибирская жизнь». Основная служба Андрианова была связана с акцизными сборами. Служебная зависимость трудно уживалась с личной независимостью. Неуживчивый, прямой, острый на язык он не всегда вызывал положительное отношение. При создании Красноярского подотдела Русского географического общества, взгляды Андрианова на цели и задачи его, не совпали с мнением другого организатора Подотдела – В.М. Крутовского.

Особый разговор о политической деятельности Александра Васильевича. Он примыкал к политическому движению, получившему название областничества, суть которого кратко сводилась к следующему: Сибирь является колонией Европейской России, Сибирь же имеет свои, особые интересы и

задачи, решить которые может только местное сибирское общество в условиях свободной деятельности. В 1913 г. был выслан в Минусинский уезд в с. Ермаковское.

Минусинск, Красноярск, Иркутск, Томск были постоянными пунктами служебного и житейского перемещения Александра Васильевича, обремененного немалочисленной семьей. 1917 г. расколол Россию, начались великие перемены, при которых жизнь Адрианова сложилась драматически. В годы Гражданской войны он примкнул к так называемой сибирской контрреволюции, поддержавшей правительство Колчака. После освобождения Томска отрядами Красной гвардии, 22 декабря 1919 г. последовал его арест ЧК и расстрел в марте 1920 г.

А.В. Адрианов долго был забыт, только со временем стали приоткрываться его труды и сама его личность, приобретая уже другое описание и осмысление. Александру Васильевичу было присуще на протяжении всей его жизни: где бы он не находился и не работал, его желанной и любимой родиной всегда оставалась Сибирь.

Публикуемые письма А.В. Адрианова адресуются Григорию Николаевичу Потанину, географу, этнографу, публицисту, путешественнику и руководителю сибирского областнического движения.

Письма А.В. Адрианова хранятся в Красноярском краевом краеведческом музее в фонде Г.Н. Потанина, который насчитывает 2700 ед. хр. – 550 корреспондентов.

№ 1 Минусинск, 30 октября [18]94 г.

Дорогой мой, Григорий Николаевич.

Полгода назад получил Ваше письмо и не ответил до сих пор – простите. Одна из причин этого та же, что бывает при встрече двух друзей после долгой разлуки – они не знают о чем начать речь. Ваше письмо застало меня в разгар снаряжения на раскопку курганов в округе (*Минусинском – здесь и далее прим. авт.*), на присланные Арх(еологической (комис)сией средства. Затем, на раскопках, среди безлюдной степи, в первой половине мая, я простудился, заболел *ischias'om*, к которому после еще присоединился ревматизм, и прохворал до августа; лето жил на соляном озере и когда мне стало лучше, производил тут же раскопки. Уехав с озера, я начал раскопку курганов в третьем месте, но через два дня работы на дне сырой и холодной ямы, во время дождей (уже в августе), вновь заболел *ischias'om* и окончательно оправился только в сентябре; а тут как раз началось сахароведение на одном заводе, винокурение и мне пришлось уехать в Минусинск. Вот 6-й день как я дома. Лежа в постели без движения, я получил скорбную телеграмму о смерти нашего незаменимого друга Ядринцева,¹ и не мог, к сожалению, ничем откликнуться своевременно. Теперь я снова смогу работать.

Из письма Вашего вижу, что Вы поглощены разработкой излюбленной теории происхождения мифов еще больше, чем прежде и из мира легенд, кажется, не хотите выходить. Я рассчитывал ныне летом собрать для Вас материал, так как самые большие раскопки были намечены в долине Абакана, среди инородцев, где бы я прожил не менее месяца, но болезнь расстроила мои планы. Будущим летом я, надеюсь, забраться на Абакан ради раскопок, а пока собираю сведения о сказочниках в разн(ых) частях системы Абакана; таких у меня записано уже 5 человек, подлежащих разгрузке. Если удастся зимой съездить – съезжу, хоть это и сомнительно. Пока я мог бы послать Вам несколько сказок – одни из них записаны мною у инородцев, другие моей сестрой в Курганск(ом) окр(уге) и третьи моей старшей дочерью здесь, в Минусинске; есть у меня также небольшой запас песен, заговоров, присказок и проч(его), с которыми не знаю пока, что делать. Послал бы я Вам, но не имею Вашего адреса, боюсь посылать на удачу, как вот это письмо. Дайте, пожалуйста, Ваш адрес и укажите время, в течение которого можно им пользоваться. На счет собирания сказок у минусинских инородцев у меня есть еще вот какое сомнение, которое прошу развеять. Два-три года назад на Абакане собирал сказки Катанов,² сам инородец и уроженец Абакана; как бы мне не повторить его работу; так как материал Катанова еще не напечатан, то необходимо с ним списаться и спросить его во-1-х, каких сказочников в Минусинском окр(уге) слышал и от них записывал, а во-2-х, какие сказки от них записал. Вам есть о чем спросить Катанова, от которого Вы при случае можете получить и изъять нужные для меня сведения; если же Вы писать ему не будете, то напишу я. На другие вопросы Вашего письма пока не могу дать ответа – давно я забросил заниматься собиранием легенд

и сказок и прочего. Приходится теперь писать о себе. Я утвержден теперь в должности акцизного надзирателя и материально обеспечен в достаточной степени, хотя, по-прежнему, кроме долгов ничего не имею; излишние траты и роскошь позволяю себе только в выписке книг, инструментов и в обучении детей. Детей поджидаю 1-го. Две дочери (*Маша и Вера, род. в 1881 и 1889 гг. – авт.*) учатся в гимназии – в 1-ом и 4-ом классах; отдельно у учительницы они обучаются французскому и немецк(ому) языкам, обе обучаются пению, а старшая, кроме того, и музыке (рояль); каждая из них получает по детскому журналу. Очень бы хотелось обучать их рисованию, но в Минусинске этого нельзя. Сын (*Саша, род. 1882 г. – авт.*) в Красноярске, во 2-ом кл(ассе) гимназии. Думаю и его учить рисованию и музыке, но в этот год нечем будет платить.

Крестник Ваш Гриша (*род. 1887 – авт.*) с осени начал учиться и теперь уже читает и пишет. Дети все здоровы, меньшая (*Люба, род. 1893 г. – авт.*) летом перенесла дизентерию – эту язву Минусинска. Хотел бы все отдать на возможно лучшее воспитание и образование детей, но как это сделать, не знаю. Попрошу Вас дать мне совет и потолковать с Вашими друзьями – куда всего лучше направить детей по окончании гимназич(еского) курса; если за границу – то куда именно. Анюта (*Анна Ефимовна, жена – авт.*) возится с хозяйством и детьми; знакомства не ведет, ибо здесь женщины в ее положении – пользуются отчуждением. Ради развлечения она развела целый двор птицы (штук полтораста) держит коз, овец, коров, лошадей, собак. Устроили во дворе садик и цветник, на свой, конечно, счет; осенью же устроим парник. Цветов у нас бывает масса.

У самого меня служба и разъезды по округу отнимают много времени, а также и семейные заботы; кроме того, я состою председателем двух учреждений минусинских – Общ(ества) попеч(ения) о начальн(ом) образов(ании и переселенческого) комитета, где хоть и немного, а все же есть работа и забота. В свободное время занимаюсь чтением и писанием и, если в округе, игрой в винт (*карточная игра – авт.*); без этого занятия нет возможности обойтись, – самая атмосфера пропитана запахом винта и только за ним люди оживляются и развязываются языки. По счастью, здесь пьянства нет, оно не в моде. Теперь я занят двумя работами одновременно – приведением в порядок материала моих летних раскопок (я раскопал 45 курганов) и составлением отчета о них, и приведением в порядок моей переписки с Н.М. Ядринцевым, которой хочу предпослать небольшой очерк из моих с ним сношений. Его писем у меня уцелело более 60. Хочется мне ныне же зимой выполнить и еще 2 работы – закончить начатую статью о полезных ископаемых Енисейской губ(ернии) и о фауне соляного озера (Тагарского), на котором я лечился; собранных мною животных Мартъянов³ обещал разослать для определения. Кроме того, у меня лежит дов(ольно) значительный и ценный материал из трех моих поездок к осяткам и самоедам Нарымского края, иллюстрацией к нему служат около 100 сделанных мною фотографий типов, групп, видов, сцен шаманского культа и проч(его). К сожалению, с началом этой работы произошел казус, затянувший обработку интересного материала вот уже на 5 лет. Казус я Вам расскажу, в надежде получить от Вас или через Вас совет, как мне поступить. Все поездки в Нарымский край совершены мною в бытность секретарем статистич(еского) комитета. Материал двух первых поездок тогда же был обработан и подготовлен к печати, на что в одном из заседаний комитета было дано благосклонное разрешение членов. Но это было последнее при мне заседание, затем меня заставили подать в отставку, выдав за статью 200 руб(лей) в виде вспомоществования. В течение последних 5 лет я не устал наводить справки о моей статье через Макушина,⁴ Войцеховского⁵ и всех ездивших из Минусинска в Томск знакомых, дважды писал Тобизену,⁶ прося дать мне копию со статьи, так как по глупому своему обыкновению никогда не имею черновиков со своих писаний, а между тем необходимо было, ради единства, также обработать и остальной материал. Сначала меня уведомляли, что статья «скоро» будет напечатана, потом появились нелепые извинения на счет того, что от комитета нельзя добиться определенного ответа и, наконец, неделю тому назад получил письмо от Макушина, что статья моя исчезла и что найти ее нет никакой надежды. Восстановить ее, при своей слабой памяти, я решительно не могу и старые занятия давно прекратил. Материалы, конечно, остались в записных книжках. Могу ли я жаловаться на комитет, предъявить к нему иск и выйдет ли что из этого? Следует ли опубликовать в печати этот факт или нет? Вот такого рода советов я прошу у Вас. Не оставляю я занятий и фотографией, в которой совершенствуюсь и накапливаю материал; ныне я затратил на

материалы и пополнение более 300 руб(лей); между прочим, выписал моментальный аппарат для съемок сцен и специально инородцев, которые не соглашаются сниматься обыкновенным путем.

Хотел бы накопленный материал послать на Нижегородскую) выставку, но не знаю, как это устроить: нельзя ли через Географическое общество). В (18)95 году я предполагаю все-таки написать книжку об инородцах Нарымского края, но где ее печатать? Не согласится ли И.М. (Сибиряков⁷ – авт.) издать ее с рисунками? Самому мне издавать ее будет не по средствам. А жаль материала – он весьма ценный и во многом обстоятельный, т.к. я произвел полную перепись населения тех волостей, в которых был, причем собран специальный материал о вымирании инородцев; много интересного по шаманству. Потолкуйте с кем-либо об этом и известите.

Будущим летом, предполагаю забраться на Абакан для производства раскопок; буду при этом заниматься этнографией и фотографированием инородцев и собиранием для Вас сказок. В этой области у меня также есть одна начатая работа – составление каталога этнографического отдела ischias'om, Минусинского музея по моему плану, каталог должен дать полную и цельную картину быта и верований минусинских инородцев; перечень же музейного материала будет служить наглядным пособием к тексту. Мысль издания обширного каталога музея, в котором от каждого отдела будет особый том, принадлежит мне; я же нашел и средства для этих изданий, один том которого, сельскохозяйственный отдел, в прошлом году вышел из печати. Этнографический отдел я оставил за собой, а для остальных отделов подождем охотников.

Вообще же живется в Минусинске плохо. Этот угол – застойная лужа, в которой для умственной жизни нет места. Единственный интеллигентный человек – Мартьянов, но и тот специализировался на коллекционировании и систематизации музейного материала до того, что ничем больше не занимался и почти ни о чем другом не говорит; я, поэтому, сижу дома и тягочусь бывать где-либо, так как такая побывка, помимо Мартьянова, сопровождается неизбежным винтом. Есть потребность в беседе с живыми людьми, есть нужда в совете, обмене мыслью, в освежении, без которых работа не спорится, но все это мне недоступно теперь. С наслаждением пишу это письмо и с грустью думаю о том, когда я получу вновь от Вас письмо. Теперь у меня одни Вы, дорогой мой, остались, с кем я жажду поговорить, – других я растерял. Пишите забываете меня советом и поддержкой. Изредка пишу в «Восточное обозрение», но с отделом у меня как-то не завязывается отношений.

Сердечно преданный Вам Адрианов. Анюта шлет Вам самый сердечный привет.

№ 2 Минусинск, 13 ноября 1894 г.

С величайшей скорбью прочел я, дорогой Григорий Николаевич, тяжелое известие о потере Вами незаменимого друга и помощника – Александры Викторовны.⁸ Поклонитесь от меня праху близкого и мне человека, память о котором я всегда буду уважать.

Утешить Вас в горе я не могу и не буду; я пишу потому, что не могу не писать, потому что слишком неожиданна весть о смерти хорошего человека, и сердце не хочет мириться с свершившимся фактом. Для меня почти нет сомнений в том, что со смертью Александры Викторовны должны закончиться Ваши исследования по Китаю и Монголии. Так как успех их подорван. И если Вы не хотите рисковать своей жизнью, благословите милый Вашему сердцу Китай и возвратитесь в Сибирь, которая в Вас теперь особенно будет нуждаться. Железная дорога вызовет, наверное, ломку в крае и нужны хорошие стражи, чтобы оберечь родину от нежелательных и вредных влияний, облегчить ей переход к новым формам отношений.

Возвращайтесь же скорее к землякам, которые все разделяют Ваше горе и в совместной с Вами жизни сделают его, быть может, не столь жгучим.

Будьте здоровы, берегите себя для живых! Сердечно Вам преданный Адрианов.

P. S. Я живу в Минусинске. Служу акцизным надзирателем. Семья моя вся жива и здорова. Детей шестеро. Старший сын (Александр – авт.) учится в Красноярской гимназии, две дочери в Минусинской. Второй год я занят составлением очерка Енисейской губ(ернии), который месяца через 3-4 закончу, – это будет целая книжка.

№ 3 Томск, 19 марта 1900 г.

Дорогой Григорий Николаевич! Я, кажется, писал Вам о своей поездке в Томск; здесь я проживу, примерно, до второй половины апреля. Я все поджидал от Вас ответа на свое письмо и не дождался, – может быть потому, что или Вас нет в Питере, или письмо мое не дошло по назначению, или, наконец, Вы позабыли ответить. Но, не ожидая ответа, встретилась надобность ещё Вам написать, по просьбе П.Н. Крылова.⁹ В 1892 г. он сделал путешествие в Урянхайскую землю, кажется, по Вашей инициативе, в долины Бей – и Ха-Кемов (*Бий-Хем и Ка-Хем – истоки Енисея – авт.*). Коротенький отчет об этой поездке, с картою, был напечатан в «Известиях» Общества. Впоследствии он послал Вам подробный отчет об этой поездке, объемистую рукопись, с просьбой о напечатании ее в изданиях Общества. С тех пор прошло несколько лет, но никакого ответа, ни сообщения о судьбе рукописи П.Н от Вас не получил, – очевидно, Вы забыли об этом. Помимо большой неловкости, в таком случае получается еще и вредное убеждение, что не стоит особенно хлопотать и трудиться, когда на тебя даже внимания не обращают. На днях я прочел черновую копию рукописи И.Н. Крылова о его поездке и нахожу ее интересной; она содержит подробные сведения о пройденном пути и дает богатый материал для картографии неведомого края и подробнейшие определения высот; кроме того он собрал горн(ые) породы, и как специалист – ботаник – хороший материал по флоре края. Правда, Крылов не владеет хорошим описат(ельным) языком, у него много длиннот, полное отсутствие этнографического материала, ничего нет по фауне и т.п., но это не лишает его труд интереса. Я предлагаю П.Н. поместить его труд в будущих изданиях Красноярского отдела Геогр(афического) общества или, если долго ждать, в «Известиях» Вост(очно)- Сибир(ского) Отдела. Но прежде чем что-либо решать, необходимо получить тот или другой ответ от Вас, Григорий Николаевич. Пожалуйста, очень прошу, не позабудьте написать Порфирию Никитичу о судьбе посланного Вам его дневника. А может быть, и Географическое общество станет его печатать, или оно решило хранить его работу в рукописи?

Может быть, Вы найдете час времени сообщить мне, на каких условиях дается Минусинскому музею субсидия в 2000 руб (лей). Есть ли какие-нибудь обязательства, не согласные с Уставом музея, есть ли определенные требования, на что именно будут расходоваться эти деньги. Мартыанов об этом очень беспокоится. Мне было бы также интересно знать, когда организуется Красноярский отдел, с какого времени ему отпустят деньги и проч. А всего интереснее узнать, как удалось Петру Петровичу (*Семёнов¹⁰ – авт.*) исхлопотать деньги на целый ряд вновь открывающихся отделов Геогр(афического) общ(ества), в особенности как это удалось по отношению к Минусинскому музею, когда ему, благодаря грубейшим передержкам Тертия Филиппова,¹¹ было отказано в субсидии.

Если первое мое письмо получали – о поездке на Ус, о фонографе и проч(ем) то по пути ответьте уж и на него. Я в Томске квартирую у П.Н. Крылова, в Университете.

Преданный Вам Адрианов

№ 4 Красноярск, 7 декабря 1901 г.

Дорогой мой Григорий Николаевич!

Ответом на письмо замедлил поневоле. Каждый день захожу к Крутовскому¹² с целью побеседовать о важнейшем нашем деле и не могу его поймать – он сильно занят своими лечебн(ыми) делами, сбором в Россию и делами Подотдела. Лид(ия) Сим(онова)¹³ мне вчера сказала, что он уже приготовил Вам письмо, но содержание его я не знаю. Приходится мне самому давать ответ. Мой ответ на Ваш вопрос – согласен ли я на ведение «Байкала» с Н.П.¹⁴ во главе, но под условием, чтобы его я потонуло в сформированном около газеты редакционном кружке, коллективному голосу которого, а отнюдь не Н.П должно принадлежать veto. С практич(еской) стороны в еженедельной газете такое ведение дела вполне осуществимо, а необходимость его, коллективного ведения газеты, для меня не подлежит сомнению, так как ясное, определенное и строго выдержанное направление издания составляет весь его *raison d'être* (право быть – фр.) одной возможности Вам или кому другому проводить свои идеи, для меня мало, так как тот же Н.П. или кто другой может их в том же или соседнем номере их разрушать и огромным большинством читателя вертеть по своему желанию.

Если я соглашаюсь на комбинацию Н.П. с такими оговорками, то, потому, что я не могу ему доверять и потому, что не вижу иного выхода из крайне трудного положения. Н.П. большой пессимист, едва способный чем-либо улесться; в «Байкал» он не верит совершенно, пока газета хоть на минуту останется в руках Ив. Ив. (Попов – авт.).¹⁵ И если, насколько я понимаю Н.П., он берется за это дело, то только в силу потребности к чему-нибудь кроме игры в карты, приложить свой ум, в силу честолюбия и желания занять видное положение. Этого для меня бы довольно было, чтоб не вступать в кружок, над которым в качестве его главы возвышается Левин. Но и расстраивать эту комбинацию я считаю невозможным, так как не вижу другой. Нас оч(ень) мало, мы рассеяны и к тому же слабы и бедны, – при таких условиях вести газету нельзя. Сколько я ни думал над комбинацией Ив. Ив-ча, я не находил в ней ничего соблазнительного. Газета «Байкал» фактически должна быть изъята из его рук и быть совершенно независимой от него, от Лянды,¹⁶ Старынкевича¹⁷ и К°, – по-моему, это коренное условие, и не сделай предложение Левин, «Байкал» нужно сейчас же купить (Вам, я думаю, Багашев¹⁸ уступил бы его без денег, если откровенно изложить ему положение дел). Печатать его также следует не у Ив.Ив., а у Макушина – там типография поставлена лучше, там не будет зависимости от типограф(ских) расчетов и, наверное, сделают кредит. С этой стороны комбинация Левина, как независимого от Ив. Ив. человека, меня удовлетворяет, тем более, что он дает средства и звание ответств(енного) редактора, способного за себя постоять. Зная работоспособность Левина, склад его ума, я питаю тайную надежду на то, что он втянется в работу и мало помалу начнет исповедовать областническую веру. Но для этого нужно, чтоб командиром, хозяином «Байкала» был не Левин, а кружок и Вы, как его глава. Если же оставить Левина во главе газеты фактически и работать в «Байкале» с надеждой на возможность проводить свои идеи, то из этого, я уверен, ничего не выйдет. Левин не способен образовать кружка ни по складу своего ума, ни по манере своих отношений. Левина везде не любят за его пессимизм, за его страсть к разрушению, за его страсть к противоречиям. Если выдвинуть этот аргумент и заявить, что сибиряки, в случае уклонения от основного направления, разбегутся из «Байкала», я полагаю, Н.П. примет условие коллективного редактирования газеты. Для чего, в самом деле, городить огород, когда мы и теперь можем с удобством писать почти всё, чего не захотим, и в «Вост(очном) обозр(ении)» и в «Сибирс(кой) жизни»? Я только и понимаю под «Байкалом» свой орган сибиряков, с ясно выраженной тенденцией по всем отделам. Именно дела в органе, а не в некоторых его частях, не в некоторых статьях. Идея областности у нас можно сказать растворилась, как растворилась интеллигентная группа сибиряков в нахлынувшей массе интеллигенции в Сибирь. Подчас я сам хорошенько не знаю, какому богу молюсь и не смею обмолвиться словом, не зная, найду ли поддержку, указание, разъяснение.

Что же говорить о молодежи, попавшей в этот водоворот, что сказать о студентах-сибиряках, которые положительно растворены в тех 70-80% студентов, наехавших в наш университет с Кавказа, Малороссии, Волги? Я не буду топтаться на месте, т.п. моя мысль Вам понятна. По этим соображениям я считаю необходимым превратить «Байкал» целиком в строго выдержанный по направлению орган.

Чтоб это была твердыня чисто сибирских желаний, стремлений, чтоб на нем воспитывалась наша молодежь, чтоб в нем находили свою опору колеблющиеся старики. И не Левину стоять во главе такого органа. Если же Н.П. не согласится быть только одним из членов редакционного) кружка, не согласится подчиняться решению большинства, тогда, по-моему, из «Байкала» ничего не выйдет и принимать предложение Н.П. не стоит. Дело ведь не в сибирском материале, который охотно помещали бы и все вообще сибир(ские) издания, а в освещении его, в точке зрения. Представьте, что Н.П. с нею не согласен, – что тогда? Я бы, наприм(ер), не стал работать при таких условиях. Для меня Н.П. не авторитет и быть только поставщиком материала не стоит. Вы говорите, что из разговора с Н.П. вынесли, что «нам можно проводить свои идеи в его журнале». Один разговор никогда не вылепит сути дела, никогда не устранил могущих возникнуть недоразумений. А они, я не сомневаюсь, будут, и потому следует добиваться возможности проводить свои идеи в нашем журнале. Вот тут-то мне и хотелось посоветоваться с Крутовским, так как Н.П., согласившись остаться на этих условиях ответств(енным) редактором, может потребовать от кружка материального участия в газете. В этом требовании он будет прав, и я лично, напр(имер), готов обязаться известной суммой ежегодного взноса на газету. Но, ведь мы все народ

малоимущий, наших взносов может не хватить и надо пополнять дефициты из какого-либо постороннего источника. Поиметь этот последний нужно, и Крутовский много, мне кажется, мог бы в этом помочь.

Итак, мое заключение: «Байкал» обязат(ельно) взять от Попова и не печатать его в типографии «Восточного обозрения», – это первое условие при всяких комбинациях; вести его кружком сибиряков под Вашим руководством — это второе условие; если Н.П. на эти условия согласен, его предложения следует принять; если не согласен, возникнет целый ряд затруднений, из которых надо подумать, как выбраться, а именно, найти редактора, которого бы утвердили, и найти средства.

Мы устраиваем, вопреки желаний Мартьянова, юбилей музей – разослали около 250 извещений, причем я послал, минусинскому город(скому) голове целую программу праздника, который едва укладывается в 2 дня; вероятно, я поеду в Минусинск на юбилей делегатом. Подписка на капитал имени Мартьянова уже начата; Данилов¹⁹ дал 500 руб(лей), двое Кузнецовых²⁰ – 400 руб(лей), Е.П. Кузнецова²¹ – 100 руб(лей), ежегодно, Минус(инская) дума 100 руб(лей) ежегодно. Если так пойдет дело, то ежегодная сумма из этого капитала на расходы по исследов(анию) определяется в 300 руб(лей). Что-то скажет наше общее собрание Подотдела 10 декабря?

Матов²² продолжает усиленно работать. Принес мне для прочтения новый очерк «На покой» (из жизни одного учителя) и начал уже два друг(их) очерка – «Порша» и из деятельности) Муравьева-Амурского.

Передайте мой искренний привет всем друзьям, а Таисии Мих(айловне) в особенности! (Фарапонтова²³ – авт.).

Преданный Вам Адрианов.

P.S. Прошу Т.М., навести справку у Аркадия Асинкрит(овича) Громова,²⁴ удалось ли ему достать кандалы с подканд(альниками); если нет, то надеется ли он их достать и когда, а если нет, то нельзя ли их добыть через Пророкова²⁵ или кого другого, и когда они будут добыты, передать их забайкальскому эфиопу, сиречь Першину.²⁶

Из России дурные вести – нельзя сомневаться, что в феврале по всем нашим университетам повторится студенческая история, только с еще большею силою. Ходят упорные слухи о предстоящей отправке Ванновского. Положение об охране пожаловало и в Сибирь – Томск уже объявлен в этом положении.

№ 5 Красноярск, 2 мая 1902 г.

Дорогой Григорий Николаевич!

Я тоже на этих днях прихворнул и совсем было улегся в постель, но сейчас ничего, работаю. Всю пасху и часть страстной я провозился с песнями, которых набралось больше 170 шт(ук), все их я переписал, рассортировал, сделал примечания, насбирал даже новых песен. Печатание подвигается, но оно затянется дольше, чем я полагал, с одной стороны потому, что я ошибся на счет объема книжки, которая вм(есто) 7 предполагаемых листов будет не менее 12, а с другой стороны потому, что в типографии увеличилась работа и теперь вместо двух человек книжку набирает один. Напечатано уже 6 листов, 7-й набирают (больше 100 страниц набрано) и конца сказок не видно, все еще идут мои сказки от Палкина (*Палкин В.А. – собиратель сказок в Бийске – авт.*), а потом пойдет Ваша, моей сестры, потом бывальщины, заговоры, пословицы и потом уже песни; сказки займут не менее 8 печатн(ых) листов. Тем не менее, в мае книжку кончим, я не устаю беспокоить типографию.

Нумерация сказок изменена, и я думаю, чтоб согласовать №№ в предисловии, придется сделать особое примечание, поправку. О Тархе Тараховиче я напому.

С Коном²⁷ история. Усинский пограничн(ый) началн(ик) объявил ему распоряжение генер(ал)-губернат(ора) не выпускать его за пределы округа и Кон до того растерялся, что вернулся в Минусинск. На посланную мною Григорьеву²⁸ телеграмму нет никакого ответа, боюсь, что с убийством Сипягина и воцарением Плеве, это предприятие погибнет, – вряд ли П.П. Семенову удастся, что сделать.

У нас к 18 апреля (1 мая нов(ого) ст(иля)) во множестве по городу распространялись прокламации, полиция забегала, казаки целыми взводами заездили, расправляя плети, но все прошло тихо; после

арестовали 2 рабочих «по подозрению». Арестовали ещё трех молодых людей, которые отправились на несколько дней на Столбы рисовать с натуры; арестовала их полиция (и теперь в тюрьме сидят) без ведома прокурорского надз(ора) по распоряжению Вашего знакомого Сазонова,²⁹ теперь исправл(яющего) должность) губернатора, только за то, что они мало нарисовали и мало израсходовал красок. А на Столбах их накрыли в виду слухов, что там фабрикуются прокламации и работают на гектографе. У нас жизнь идет до тошноты вяло. Наши общественные деятели сидят по углам и брюзжат, да друг друга едят. А бедствия неурожая всё ярче и резче обозначаются.

В Подотделе у нас до сих пор не было ни одного заседания, и мы скоро будем изображать «лебедь, щуку и рака». Кто такой Солярский³⁰ – ей богу не знаю, но я уж больше не стану с ним сражаться, ну его. И так намололи довольно!

Просить Вас сходить к Айгустовым,³¹ я думаю, не следует теперь, для Вас это затруднение, а особой необходимости пока нет; вчера Айгустов прислал письмо, из которого видно, что он берет на себя бразды правления по дому. К тому же в июне или июле предстоит служебная поездка в Томск, по крайней мере, на неделю. Впрочем, если Вас не затруднит прогулка к нам в сад, сходите, посмотрите, поговорите со стариком Айгустовым; нам нужно, чтоб он вносил деньги в Думу, в уплату за участок земли, прикупленной к усадьбе; нужно, чтоб деньги вносились исправно. Кроме того, желательно узнать у Вологодского³² существующие цены на квартиры в Томске; Айгустов платит нам по 35 руб. в месяц за весь дом – верх и низ и флигелек-кухня во дворе; в его пользовании весь двор со службами; роща сад. Не мало ли он платит; может быть, нам не мешает увеличить доходность имущества, не нарушая справедливости. Со вчерашнего дня на Енисее началась навигация.

6 мая ждут Я.А. Макерова,³³ он снаряжается в экспедицию в Восточный Алтай от Министерства двора. Подробностей не знаю. Наши все шлют Вам свой привет.

Преданный Вам Адрианов.

№ 6 Красноярск, 13 сентября 1903 г.

Дорогой Григорий Николаевич! Ваше письмо, адресованное Подотделу 24 мая с. г. с предложением напечатать особой книжкой находящийся в Вашем распоряжении этнография(еский) материал, было доложено распорядит(ельному) комитету в первом после летних каникул его заседании 10 сентября. Комитет постановил выразить Вам благодарность за предложение и высказал желательность такого издания под Вашей редакцией в Томске, в виде книжки «Записок», не отступая от усвоенной комитетом внятности этого рода изданий. При этом комитет предложил желательным включение находящихся в его распоряжении материалов – сказок и бывальщин, собранных П.Е. Островских³⁴ в Туруханском крае у различных инородцев, а затем сказок и песен, записанных моими детьми у крестьян Красноярского уезда – весь этот материал займет, предварительно, три печатных листа. Прежде окончательного решения приступить к печатанию материалов, комитет покорнейше просит Вас не замедлить сообщением ему справки относительно объема и стоимости намеченного издания.

С искренним уважением и преданностью, имею честь быть Вашим покорным слугой правитель дел Адрианов.

№ 7 Красноярск, 4 октября 1903 г.

Дорогой Григорий Николаевич! Спешу ответить на Ваше письмо. Сборник по фольклору будет составлять второй выпуск 1-го тома «Записок» по этнографии. Для образца, какой нужен формат, какую бумагу, шрифт, тест обложки – посылаю книжку «Записок» Подотдела со сказками. На обложке придется лишь изменить номер выпуска, да указать, что он издается под Вашей редакцией. Посылаю Вам все имеющиеся у меня по фольклору материалы, а именно – 3 сказки и 111 песен, записанных моей дочерью Ниной от крестьянок Красноярского уезда, и материал П.Е. Островских из Туруханского края, состоящий из 6 сказок, 1 легенды, 8 бывальщин и 31 песни.

За приглашение благодарю – непременно им воспользуюсь, только все еще не знаю, когда выйду. У меня теперь самая горячая рабочая пора, когда по Подотделу, по службе и по своим научным работам

многое нужно закончить до отъезда. По этой же причине вынужден отказаться от составления статейки для задуманного сборника в пользу воскресных школ. В особом пакете посылаю только что вышедшую из печати мою книжку «Очерки Минусинского края» – примите ее как выражение моего искреннего уважения и преданности Вам. Я послал сегодня в редакцию «Сиб(ирской) жизни» экзempl(яр) этой книжки для отзыва, и я был бы рад, если б этот отзыв мне пришлось выслушать от Вас, оч(ень) жалею, что в книжку не попали несколько фототипий, для которых я выслал Ф.П. Романову³⁵ фотографии своей работы.

Преданный Вам Адрианов

№ 8 Красноярск, 23 мая 1904 г.

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

П.Е. Островских просит, если не началось печатание «Записок по этнографии», выслать ему сказки и песни, им доставленных из Туруханского края; по-видимому, он придает своему материалу преувеличенное значение и намерен составить из этого материала и дополнений к нему специальный выпуск, посвященный Туруханскому краю. Адрес Островских такой: А.П. Зиновьевой для передачи П.Е. Островских, Порхов Псковский губ(ернии), имение Ветчи.

Островских находится здесь в продолжительном отпуске и, по-видимому, готовится к участию в экспедиции Бутурлина³⁶ в Туруха(нский) край, в качестве этнографа. Я его просил все-таки списаться предварит(ельно) с Вами и послать лучше всего в Ваши руки имеющийся у него новый материал; поэтому, вы немного подождите отсылать материал по фольклору. Не найдете ли возможным уведомить нас, в каком положении находится 2-й выпуск «Записок по этнографии», и как Вы думаете приступить к его изданию.

Преданный Вам Адрианов.

№ 9 Иркутск, 13 июля 1905 г.

Дорогой Григорий Николаевич!

Меня самого оторопь берет от той быстроты, с которой события идут одно за другим, самому мне нестерпимой становится медленность, с какою мы раскачиваемся. Полторы недели я возился с переговорами, пока, наконец, удалось собраться в числе 9 человек и потолковать. Как будто собрались областники, но, убив вечер в разговорах, потеряли время и отложили вопрос о формировании Иркут(ского) комитета на неопределенное время, а последующие разговоры в одиночку то с тем, то другим, убедили меня, что ко времени намеченного в Томске съезда в августе мы ничего не успеем сделать.

Или я не умею сделать порученного дела и не знаю здесь людей, с которыми можно бы вступить в сношения, или таковы сложившиеся обстоятельства. Главная цель Областного Союза – недопущение черносотенных элементов в Госуд(арственную) Думу и увеличение ее состава сибирскими голосами из прогрессивной партии – непременно осуществить иным способом – в Иркутске есть несколько уже готовых организаций, которые между прочим, преследуют эту самую цель, – таков сибирский союз инженеров, насчитывающий здесь несколько десятков членов, таковы Общество распротр(анения) народн(ого) образов(ания), Общество учащихся и учащихся, таков сибирский союз социалистов-революционеров и социал-демократич(еский), в этом направлении идет работа в Общ(ественном) собрании, в Общ(естве) приказчиков и др. Зачем, говорят, еще Областной Союз, который тем самым суживает свои задачи, нужно ли примыкать к новому союзу, когда каждый и без того состоит членом какого-нибудь, а то и в нескольких союзах. Да и что такое это областничество сибирское – неизвестно, по крайней мере, сибирские областники не познакомили нас до сих пор со своими основными тенденциями, они уклоняются от этого, не показывают своей программы. Дескать, во времена Ядринцева программа областности была ясной, но с тех пор почти все, о чем хлопотали сибиряки, Сибирь получила. И т. д. и т. д. Заехали в лес, из которого всегда не скоро выберешься... Так стоит дело. Хотелось мне обратиться к другим, но этих других в городе нет – паче как весь земельно-устроительный отряд на работах по деревням, другие уехали в Россию или за границу, третьи живут по дачам и желают использовать лето... Так стоит дело. Напечатанные экз(емпляры) проекта основн(ого) полож(ения) областного Сибир(ского) Союза и предисловие к нему,

экземпляр которого прилагаю, лежат, и я не знаю, кому их раздать. Тратить все время на бесплодную политику по теоретическим вопросам нет никакого желания, да и некогда, правда, сказать. К тому же в нашей земской комиссии, где мне приходится мучиться, дел по горло, потому что из 35 человек полного ее состава, на заседания приходят по 8-9 человек, и то не в виде постоянной группы, а постоянно меняющихся, как бы случайных посетителей, которым надо объяснять, что было на прежних заседаниях. Я готов признать собственную неспособность наладить дело, не умею, но научите, что и как сделать! А ведь земская комиссия при Отделе есть уже готовая организация и до(ольно) разнообразная по составу. Вот в августе, в половине, здесь предстоит съезд учителей сельских, ожидают, что соберется человек до 100. Попробую воспользоваться этим, хотя, боюсь, как бы их не разогнали.

Прилагаемую корреспонденцию передайте в ред(акцию) «Сиб(ирского) Вестн(ика)». Наш управляющий акц(изными) сборами Злотковский,³⁷ заскорузлый, тупой чиновник, застывший на канцелярском деле, типичный бюрократ, который любое усмотрение жандарма, губернатора, полицейского, чиновника Главного Управления неоплаченных сборов отдаст за все законы божеские и человеческие. Сохранение status quo – его евангелие. Мои товарищи по акц(изному) управл(ению) говорят, что этот господин хуже прежнего, Хлодовского³⁸; что, как ни тяжело было с ним, все-таки с Х(лодовским) можно было говорить иногда как с человеком, а в Злотковском - ни я, ни другие, человека пока не видали. Самым недвусмысленным образом он шпионит за всеми и, вероятно, организует это дело при помощи сторожей и их общеизвестных способов.

Я задыхаюсь в этой атмосфере и рвусь удраить отсюда, и боюсь, как бы не пришлось это сделать круто, при помощи отставки. Делая все уступки забастовавшим в складе рабочим, он нам высказал сожаление, что нельзя воспользоваться урядником, который бы набил им морды – это был бы настоящий ответ на петицию.

У меня кончила 8 кл(асс) гимназии Нина, с званием домаш(ней) учит(ельницы); в этом же звании состоит и Маня. Кажется, они хотят лишь учительствовать, обе – хорошие девушки, которых я могу рекомендовать не только как их отец. Поговорите, пожалуйста, с П.В. Вологодским, не может ли он им предоставить места учительниц или их помощниц в какой-либо из подведомств(енных) ему городских школ, и если может, тогда они подадут прошение; Нина приедет в Томск в половине августа.

Жму Вашу руку. Преданный Вам Адрианов

Примечания

¹ Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894) – географ, этнограф, археолог, историк, публицист, писатель, издатель и редактор газеты «Восточное обозрение».

² Катанов Николай Федорович (1862-1922) – востоковед, профессор Казанского университета, секретарь, а затем председатель «Общества истории, археологии, этнографии», впоследствии декан восточного факультета

³ Мартьянов Николай Михайлович (1844-1904), ботаник, краевед, основатель Минусинского музея в 1877 г.

⁴ Макушин Петр Иванович (1844-1926) книгоиздатель и книготорговец, один из основателей книжного дела в Сибири, общественный деятель.

⁵ Войцеховский Н.И. – окружной горный инженер, золотопромышленник.

⁶ Тобизен Герман Августович (род. 1846) – томский губернатор в 1890-1896 гг.

⁷ Сибиряков Иннокентий Михайлович (1860-1905) – золотопромышленник, общественный деятель, меценат.

⁸ Потанина Александра Викторовна (1843-1893) – член Русского географического общества с 1887 г.

⁹ Крылов Порфирий Никитич (1850-1931) – ботаник, профессор Томского университета.

¹⁰ Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827-1914) – географ, ботаник, энтомолог, путешественник; почетный член Петербургской академии наук. С 1873 г. вице-председатель Русского географического общества.

¹¹ Филиппов Т.И. (1825-1899) – почетный член РГО. В указываемое время государственный контролер.

¹² Крутовский Владимир Михайлович (1856-1938) – врач, журналист, общественный деятель.

¹³ Крутовская Лидия Симоновна (1861-1953) – окончила высшие женские курсы Лесгафта в Петербурге, учительствовала некоторое время в воскресных школах; член совета Общества вспомоществования учащимся Енисейской губернии.

¹⁴ Левин Николай Петрович (1858-ок.1904) – журналист, член ВСОРГО.

- ¹⁵ Попов Иван Иванович (1861-1942) – революционер-народоволец, общественный деятель, писатель.
- ¹⁶ Лянды Станислав Адамович (1855-1915) – ссыльный поляк, член редакции газеты «Восточное обозрение». Жил в Иркутске в 1889-1906 гг.
- ¹⁷ Старынкевич – польский ссыльный, входил в кружок, группировавшийся вокруг «Восточного обозрения».
- ¹⁸ Багашев Иван Васильевич (1843-1919) – историк, краевед, журналист.
- ¹⁹ Данилов Виктор Александрович (ум. 1906) – купец и золотопромышленник, меценат, член Красноярского подотдела ВСОРГО.
- ²⁰ Вероятно, Кузнецов Петр Иванович (1818-1878) – купец I гильдии, золотопромышленник, меценат, неоднократно избиравшийся городским головой, и его сын Иннокентий Петрович (1851-1917) – археолог, этнограф, автор печатных трудов по истории Сибири.
- ²¹ Кузнецова Евдокия Петровна (1846-1913) – дочь П.И. Кузнецова.
- ²² Матов А.М. - канцелярский служащий первого окружного акцизного управления в Красноярске, самодеятельный писатель.
- ²³ Фарафонтова Таисия Михайловна – журналист, этнограф, биограф Н.М. Ядринцева.
- ²⁴ Громов Аркадий Асинкритович – казначей бесплатной народной библиотеки в Иркутске.
- ²⁵ Пророков Р.С, возможно, чиновник Иркутской казённой палаты.
- ²⁶ Першин Дмитрий Петрович (ок. 1870 - после 1927) – этнограф, журналист (псевдоним Дм. Даурский), член ВСОРГО
- ²⁷ Кон Феликс Яковлевич (1864-1941) - этнограф, антрополог, писатель
- ²⁸ Григорьев Александр Васильевич (1848-1908) – секретарь Русского географического общества с 1883 по 1903 гг.
- ²⁹ Сазонов И.Н. – енисейский вице-губернатор.
- ³⁰ Солярский – чиновник. Автор статьи к вопросу о запрещении араки, опубликованной в «Сибирской жизни» 16 марта 1902 г.
- ³¹ Айгустов Н.Н. – чиновник Томского губернского суда. Снимал дом у В.А.Адрианова.
- ³² Вологодский Петр Васильевич (1863-1925) – юрист, журналист, общественный деятель. Сотрудничал в сибирских периодических изданиях.
- ³³ Макеров Яков Антонович (1860-1940) – геолог. С 1884 по 1908 гг., находясь в штате Петербургского университета, производил разведки месторождений золота в Забайкалье и Амурской области, на Алтае.
- ³⁴ Островских Петр Евгеньевич (род. 1870) – этнограф.
- ³⁵ Романов Ф.П. – издатель «Сибирско-торгового промышленного календаря» в Томске в 1893-1911 гг.
- ³⁶ Бутурлин Сергей Александрович (род. 1872) – орнитолог. Автор многих работ по орнитологии, охотоводству, промыслам
- ³⁷ Злотковский К.И. – управляющий акцизом в Иркутской губернии и Якутской области после 1905 г.
- ³⁸ Хлодовский М.Н. – управляющий акцизом в Иркутской губернии с 1905 г.

Литература

1. Яворский Г. Н.М. Мартьянов. Кр. кн. изд., 1969 г.
2. «Сибирский вестник». 22 июня 1905 г.
3. Сагалаев А.М., Крюков В.М., Г.Н. Потанин. Опыт осмысления личности. Новосибирск. 1991 г. «Байкал», № 6,1991. Комарова Т.С. Письма И.В. Палибина к Г.Н. Потанину. Дэвлет М.А. 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А.В.Адрианова. Страницы истории Алтая. Барнаул, 1994 г.
4. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902) Казань, 1902 г.
5. Город Томск. Томск, 1912 г.
6. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...». Письма Г.Н.Потанину. Изд. Томского университета. 2007 г.
7. Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения).
8. Кемерово, 2004 г.
9. Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981 г.

2008

Е.А. Родин,
г. Красноярск

Вейнбаум Григорий Спиридонович: человек и революционер

Вейнбаум Григорий Спиридонович родился в бессарабском г. Рени в 1891 г. в семье учителя Ренинского трехклассного училища. В 1905 г. семья переезжает в Петербург. Будучи гимназистом, Г.С. Вейнбаум знакомится с марксистской литературой и приобщается к революционной работе. В 1909 г. после успешного окончания гимназии с серебряной медалью Вейнбаум поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В это же время под псевдонимом «Валентин» Григорий становится пропагандистом рабочих кружков Выборгского района Петербурга. На партийной конференции РСДРП(б) его избирают сначала в районный, а затем в Петербургский горком партии большевиков.

10 декабря 1910 г. за революционную деятельность студент Вейнбаум Григорий Спиридонович приговорен к ссылке на поселение в д. Подгорную Яланской волости Енисейской губернии. «Он сразу привлек к себе внимание и любовь товарищей своим веселым, открытым характером, умением передавать свои знания, поднимать большие политические вопросы и объединять вокруг себя людей», – писала об этом революционере старый большевик А.В. Померанцева.

В период ссылки Григорию Вейнбауму приходилось жить очень бедно и Спиридон Иванович Вейнбаум – отец ссыльного, из Петербурга обратился к енисейскому губернатору с просьбой перевести сына в город, где он мог бы устроиться на работу. Но просьба была отклонена.

В д. Подгорной Г.С. Вейнбаум пользовался популярностью и авторитетом у крестьян, нелегально обучал крестьянских детей грамоте. Узнав об этом, священник Иоанн Вазингер обратился к губернатору с просьбой разрешить Вейнбауму обучать его сына.¹ Хотя просьба была отклонена по причине того, что «ссылнопоселенцам педагогической деятельностью заниматься воспрещается», этот факт говорит как об уважении этого человека местным населением, так и о его склонности к педагогической деятельности.

Этим не исчерпывается деятельность Григория Спиридоновича в ссылке. Продолжая вести революционную работу, Вейнбаум создал нелегальную организацию ссыльных «Касса взаимопомощи» в целях оказания материальной помощи нуждающимся ссыльным и для содействия их побегам. Владея несколькими иностранными языками, Г.С. Вейнбаум переводил иностранную литературу, участвовал в нелегальных организациях ссыльных, писал статьи против критиков марксизма.

Во время ссылки Вейнбаум подружился с двумя ссыльными болгарскими – В. Димитровым и А. Джоровым, др. ссыльными. В октябре 1913 г. он был доставлен губернской властью в г. Енисейск, где устроился в контору золотопромышленника Власова конторщиком. Там он проработал до своего нового ареста 1 мая 1914 г. за пропагандистскую деятельность. После кратковременного пребывания в енисейской тюрьме, его водворили под строгий надзор полиции в глухое с. Каргинское Маклаковской волости Енисейского уезда.

В 1914 г. разразилась Первая мировая война, к которой Г.С. Вейнбаум занял ленинскую позицию, в частности, в письмах, которые писал Григорий Спиридонович в августе 1914 г. в Томск Х.С. Грингофу говорилось: «...под ширмой войны с внешним врагом каждое правительство... попытается раздавить свое рабочее движение...», «Под знаком борьбы с рабочим движением и развернется ход событий».² Енисейский большевик видел в «братоубийственной резне» борьбу против революции, против пролетариата и трудящихся всех стран. Эту идею, как многие другие, Григорий Вейнбаум широко пропагандировал среди политических ссыльных.

После четырех лет ссылки, по закону, ссыльные перечислялись в крестьяне, и в связи с этим в нач. июня 1915 г. Г.С. Вейнбаум обратился в Енисейскую губернскую тюремную инспекцию. Губернские же власти различными способами затягивали решение данного вопроса по той причине, что Григорий Спиридонович Вейнбаум числился как особо опасный политический преступник. В ожидании решения

вопроса о причислении его к крестьянам, Г.С. Вейнбаум проживал в с. Казачинском Енисейского уезда, где продолжал вести революционную работу. Здесь же познакомился с будущей женой Адой Лебедевой.

19 апреля 1916 г. решением иркутского генерал-губернатора Г.С. Вейнбаум был причислен в крестьяне. Он переселился в г. Минусинск, где право на жительство ранее получила его жена. Григорий Спиридонович устроился на работу в посредническое товарищество кооперативов Минусинского уезда инструктором, затем перешел в отделение русско-азиатского банка. Осенью 1916 г. его избрали в руководящий состав Минусинской организации РСДРП. Здесь же его застало известие о Февральской революции в Петрограде. В тот же день большевики под председательством Вейнбаума проводят партийное собрание, где решается вопрос о создании профсоюзов и Совета рабочих и солдатских депутатов. По решению Красноярской партийной организации Вейнбаум и Лебедева переезжают в Красноярск. В апреле 1917 г. Григорий Спиридонович был введен в состав постоянного комитета РСДРП.

По свидетельству участника тех событий Г. Чесмочакова, для мальчишек, продававших газеты на улицах, Вейнбаум был «настоящим молодежным вожаком» и кумиром, потому как был близок к ним и обещал «организовать... школу, где будут учить грамоте, газетному делу...».³ С мая по июль 1917 г. ему было поручено редактировать газету «Красноярский рабочий». На Вейнбаума выбор пал неслучайно. Публицистические способности Григория Спиридоновича проявились еще в начале его пути на поприще революции. В 1908-1910 гг. он написал ряд прокламаций, изданных петербургским комитетом РСДРП, входил в состав редколлегии нелегальной большевистской газеты. Для иллюстрации необыкновенной работоспособности Григория Спиридоновича стоит сказать, что для бесперебойного выпуска «Красноярского рабочего» Вейнбауму приходилось чуть ли не сутками находиться в редакции, состав которой насчитывал три человека: главный редактор Г.С. Вейнбаум, секретарь редакции Д.Е. Архипова, корректор Л.И. Субботина.

В июле Г.С. Вейнбаум оставляет пост главного редактора, но продолжает входить в состав издательской коллегии газеты. Параллельно с этой нелегкой работой, Григорий Спиридонович выполняет большую работу: «страстный пропагандист» выступает с лекциями и докладами на митингах и собраниях в различных городах Сибири. По словам Г. Чесмочакова, «лекции, особенно на международные темы, многочисленные выступления, беседы, которые вел талантливый... эрудированный Вейнбаум, всегда выслушивались с огромным вниманием и живейшим интересом».⁴

После победы Советской власти в Красноярске 29 октября 1917 г. «его талант трибуна и организатора развернулся в полную силу».⁵ Вейнбаум ведет активную работу с населением: выступает на митингах, разъясняет политический смысл происходящих в стране событий... и вскоре после революционных дней становится главой исполкома Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Подводя итоги свершившейся революции в различных городах, Вейнбаум сформулировал главный тезис своего выступления: решение всех наболевших вопросов «в наших руках», в случае неудач «винить некого».⁶

Григорий Спиридонович оставил после себя очень мало написанного. Несколько статей в газете «Красноярский рабочий» за 1917 г., в которых Г. Вейнбаум обрушивается с критикой на меньшевиков и эсеров. В статьях «Кучка смутьянов» и «Назовитесь, кто вы?» Вейнбаум обвиняет эти партии в их критике деятельности большевиков. Опровергается их тезис о том, что власть захвачена узкой группой людей и издан декрет о мире. В целом, идеи Вейнбаума повторяют положения ленинских идей.

В этой должности Григорий Спиридонович смог проявить себя как талантливый руководитель и осуществить многие мероприятия новой власти. Задачи на ближайшее будущее для Исполкома Совета Вейнбаум определил в одном из своих докладов, сделанных на пленарном заседании Красноярского Совета Рабочих и Солдатских депутатов: борьба со спекуляцией, обеспечение безопасности жителей города, необходимость национализации, «необходимость широкого развития культурно-просветительской работы в деревне»...⁷ Под руководством Вейнбаума национализирована промышленность, золотые прииски, железные дороги, речное судоходство, транспортные и торговые предприятия, разработаны проекты постройки в Красноярске заводов сельскохозяйственных машин и кожевенных изделий, добыто несколько пудов золота и т.д.

Подтверждение тезиса о высоких интеллектуальных качествах Григория Спиридоновича мы можем найти в книге члена РСДРП(б) А.К. Цветкова-Просвещенского «Между двумя революциями (1906-1916 гг.)». Этот человек, прошедший через ссылку и знавший Г. Вейнбаума лично, писал о нем как о высокообразованном человеке с изумительной памятью, с прекрасными знаниями нескольких иностранных языков, истории и дипломатии.

Свидетельством этому служит подготовленный и изданный при его непосредственном участии «Краткий словарь иностранных слов», включавший объяснение значений 1866 слов. Главную причину издания этого справочника Г.С. Вейнбаум сформулировал так: «Наша общественно-политическая литература... изобилует иностранными словами... Настоящий словарик является попыткой придти в этом отношении на помощь читателю из народа».⁸ Сказанное подтверждает, что этот человек максимально использовал свои обширные знания для дела, которое любил и которым жил – революционной борьбы.

Находясь в должности председателя исполкома, Г.С. Вейнбаум был еще и членом Центрального исполнительного комитета Советов Сибири. В нач. 1918 г. Совнарком РСФСР утвердил Вейнбаума в должности народного комиссара по иностранным делам Сибири. В апреле этого же беспокойного года атаманом Семеновым был поднят мятеж белогвардейцев в Забайкалье, а во Владивостоке высадились японцы. По просьбе Григория Вейнбаума в Красноярск были отправлены войска Красной армии, но в конце мая вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса по железнодорожной линии от Пензы до Иркутска.

Для Григория Спиридоновича эти события оказались роковыми. Приняв решение об эвакуации, Вейнбаум вместе с другими товарищами отплыли 18 июня в Туруханск. В пути красная флотилия была обстреляна: часть большевиков попала в плен, другая часть сумела скрыться в тайге. Григорий Спиридонович вместе с другими руководителями большевиков был захвачен белочехами недалеко от Туруханска и посажен в тюрьму. Как поистине мужественного человека, преданного своему товарищескому долгу, Вейнбаума характеризует следующий случай. В пути следования, захваченному в плен Г.С. Вейнбауму был предложен план побега на лодке. Но, находясь вместе со своим товарищем Яковлевым, который сильно болел, Григорий Спиридонович заявил, что не бросит больного Яковлева и своих товарищей.

По прибытии в Красноярск, Вейнбаум со своими товарищами оказался в тюрьме (его жену А. Лебедеву, Т.П. Марковского, С.Б. Печерского убили, не доведя до тюрьмы). Но, несмотря на трагические события личного характера, Григорий Спиридонович даже в неволе продолжал революционную работу: пытался установить связь с внешним миром, составлял тексты листовок, работал с большевиками-подпольщиками.

Неудачная попытка освобождения руководителей-большевиков из тюрьмы привела к тому, что 25 октября 1918 г. в 4 часа утра Григория Спиридоновича и его соратников: Я.Ф. Дубровинского, В.Н. Яковлева, А.Ф. Парадовского расстреляли.

Г.С. Вейнбаум был пламенным революционером, отдавшим всю свою жизнь борьбе за идеалы и за претворение их в жизнь. Можно по-разному относиться к социалистическому прошлому нашей страны, как угодно трактовать революционные события 1917 г., но в данном случае перед нами пример деятельности человека, который исполнял свою работу в меру своих возможностей, талантов и образования, и с этим трудно поспорить. Вейнбаум – человек с необычной судьбой, который оставил свой заметный след в истории региона. В честь этого деятеля одной из центральных улиц г. Красноярска было присвоено его имя.

Примечания

¹ Эмексузян В. Я с верой взираю в грядущее. // Красноярский рабочий. - 1977 г., 4 августа.

² Там же.

³ Чесмочаков Г. На штыках родился новый день // Красноярский комсомолец. - 1968 г., 13 ноября.

⁴ Чесмочаков Г. Председатель Енисейского губисполкома // Metallург. – 1977, 11 октября.

⁵ Бузулаев П. Пламенный трибун // Красноярский рабочий. – 1968, 24 октября.

⁶ Эмексузян В., Попов К. Я с верой взираю в грядущее // Красноярский рабочий. - 1989 г., 7 ноября.

⁷ Пленарное заседание Красноярского Совета Рабочих и Солдатских депутатов с участием Совета Крестьянских депутатов Красноярского уезда // Красноярский рабочий. – 1917 г., 21 декабря.

⁸ Богданович К. Словарь, составленный Г. Вейнбаумом // Красноярский рабочий. – 1974 г., 12 апреля.

2008

В.Ф. Буров,
г. Абакан

А.В. Адрианов. Первый экологический проект Южной Сибири (115 лет со дня публикации)

Имя Александра Васильевича Адрианова широко известно в среде археологов и историков Южной Сибири. Он принадлежит к числу исследователей, которые внесли весомый вклад в изучение древней истории края. Но это лишь констатация известных фактов личной биографии ученого. Его многогранная деятельность должным образом еще не изучена и не осмысленна. Среди множества занятий и увлечений А.В. Адрианова «белым пятном» для исследователей остается их экологическая составляющая, предвосхитившая многие современные экологические проекты в области культуры. Начало этому было положено 115 лет тому назад выходом в свет 14 июля 1884 г. в Томске бесплатного Приложения к «Сибирской газете» под общим названием «Курганография Сибири» с подзаголовком «Обращение ко всем любителям старины и изучения края».

Введение в научный оборот понятия «курганография» предполагало со стороны исследователя не просто научное описание древних памятников, но и утверждало их культурную значимость для человечества, выражало гражданскую позицию ученого в вопросе о нашем отношении к этим удивительным свидетелям исторических эпох. Благодаря этому, древние памятники переставали быть достоянием только каких-то местных этнических групп или профессиональных археологов, но обретали статус общечеловеческих ценностей. «Со своей стороны, – писал в своей «Курганографии» А.В. Адрианов, – я поставил себе задачей посильное ознакомление с сибирской курганографией, как путем раскопок, так и путем собирания расспросных сведений, которые особенно важны для того, чтобы объять сразу в целом, весь относящийся материал к местонахождению и количеству курганов. На основании этих сведений, я предлагаю составить курганографическую карту Сибири, на которой будут отмечаться находения курганов, их расположение и, по возможности, количество. Труд этот, сознаюсь, не по силам одному человеку, он требует участия множества людей, рассеянных во всех концах и захолустьях Сибири; но я не теряю надежду на то, что найду сочувствие и поддержку людей, сознавших пользу научного изучения древнейшей истории человечества, прошедшего по первым ступеням развития, прогресса».¹

Сказанное позволяет заключить, что именно А.В. Адрианову принадлежит пальма первенства в постановке проблем экологии культуры, экологии нравственности в российской науке. До него, да и что греха таить, после него, эта проблема не ставилась в столь четком и ясном контексте, как проблема взаимодействия человека и культурно-исторической среды обитания. Конечно, в течение XVIII – XIX вв. были созданы определенные предпосылки для осмысления древнего наследия и его роли в духовной жизни общества. Необходимость археологических исследований как задачи, стоящей перед цивилизованным обществом, осознавалась представителями передовой российской науки. К их числу, безусловно, надо отнести и А.В. Адрианова. Но дальше этого дело не пошло. Превращение памятников старины в исторический источник и только, непонимание его включенности и роли в культурно-историческом ландшафте приводило к бездумному разрушению исторической среды обитания сибирских этносов.²

Это прекрасно понимал А.В. Адрианов, но, к сожалению, его усилия остались, в целом, незамеченными как со стороны общественности, так и со стороны официальной власти. На все просьбы о предоставлении средств на картографирование древностей, направленные в Императорскую Археологическую комиссию, ответ всегда был один: у комиссии средств нет. В одном из писем 1887 г.

графине П.С. Уваровой (она была ответственным секретарем Московского археологического общества), испрашивая средства на проведение исследований, он писал: «Свою цель маленького провинциального работника я вижу в том, чтобы принести посильный труд на умножение научного материала на пользу Сибири». ³ Потребовалось более ста лет, чтобы вернуться к вопросу, поставленному исследователем. В связи с этим становится понятным, почему понятие «курганография» не нашло должного понимания и было забыто. А.В. Адрианов опередил свое время, и оно его жестоко наказало, подвергнув незаслуженной карательной репрессии в лице революционной ЧК.

Занимаясь изучением Минусинских древностей, собирая фольклор, ученый меньше всего думал о своем престиже первооткрывателя. Стремясь сохранить для будущего бесценные памятники истории и культуры, он решил, в первую очередь, создать археологическую карту края. Уже первые раскопки, проведенные в 1883 г., свидетельствуют об его стремлении подвести серьезную научную базу под дело охраны и использования южно-сибирских древностей. Рассылая свою «Курганографию» подписчикам газеты, А.В. Адрианов обращается к жителям Минусинского округа с просьбой помочь ему в составлении археологической карты. С этой целью он просит присылать в адрес газеты сообщения и описания древностей. Конечно, сегодня трудно сказать, сколько подобных сообщений было получено от местных жителей. Скорее всего, его надежды на любителей старины и краеведов не оправдались.

Ученого беспокоило, что хозяйственное освоение новых сибирских территорий русскими крестьянами-переселенцами коренным образом преобразовывало древние ландшафты Минусинской котловины. В связи с этим он отмечал, что «правый берег Енисея в Минусинском округе, отличающийся плодородием земли и обильный курганами некогда, скоро совсем потеряет не только листы интересной книги, но и целые главы. Крестьяне распахивают курганы, уничтожают, выбрасывают всё им ненужное, утилизируя металлические находки, плиты с надписями и рисунками и пр. (Один из 4-хгранных камней с руническими письменами взят был из Шуши, где служил порогом в волостном правлении. Другой камень с письменами (там же) служил точилом, так что письма стерлись). Немало есть просто хищников, разрывающих курганы с корыстной целью добычи воображаемых драгоценностей, которых в действительности сибирские курганы не содержат. Немало есть и любителей, которые раскапывают курганы с якобы научной целью, но, не будучи подготовлены к этой работе, они, не подозревая того сами, ведут дело хищников, бесцеремонно уничтожая драгоценный материал по истории древнего человека». ⁴

Т. о., менялась среда привычного обитания коренных жителей края, что медленно, но с удивительным постоянством оказывало воздействие на культурно-психологический склад местного населения, вело к интенсификации процессов изменения в области этнической психологии. Усиление этих процессов наблюдается в пореформенный период, когда в Сибирь хлынул поток новых поселенцев приведший к дальнейшему размыванию этно-культурной среды. Сибирский крестьянин, избавившийся к этому времени от чувства страха перед «чуждыми» могилами, смотрел на сибирские древности как на природный объект, и его отношение к ним было насковзь утилитарно, основанное на голом практицизме.

Все это беспокоило А.В. Адрианова и заставляла снова и снова искать возможности для осуществления своего экологического проекта. В одном из своих отчетов по копированию древних писаниц Енисейской губернии он сообщает следующее: «С увеличением населения в виде переселенческого потока начало усиливаться и истребление древних памятников, не имеющих никакого значения в глазах невежественного населения и столь же невежественной администрации, не способной принять каких-либо действенных мер к их охране». ⁵

В своих обращениях к властям он подчеркивает важность охраны «драгоценных остатков от разрушения и расхищения, что может и даже обязана принять на себя местная администрация. Во всех странах такие памятники составляют собственность государства, и наше правительство охраняло бы их, разрешая производить раскопку только ради научных целей и лицам подготовленным для этой работы... Но мудрено ли, что в такой отдаленной стране, как Сибирь, эти меры не достигали цели. Здесь только отделы географического общества и местная администрация могут воспретить раскопку курганов как с хищническими целями, так и с распашкой, напомнив в этом случае о каре, какой угрожает закон за самовольные раскопки». ⁶

Помимо этого он обращается за помощью в сборе сведений о древних памятниках к отделам географических обществ, сельским священникам, заседателям, волостным и сельским писарям, хорошо знающим свои участки, ко всем любителям старины и изучения родного края. Исследователь уверен, что вся эта гигантская работа по сбору и описанию древних памятников может быть выполнена лишь дружными усилиями многих людей.

В 1903 г. А.В. Адрианов становится ревизором управления акцизными (налоговыми) сборами Енисейской губернии. Чтобы возобновить свою работу по составлению археологической карты Южной Сибири, на свои средства он составляет и издает в дополнение к «Курганографии» «Наставления к собранию материалов для археологической карты Енисейской губернии для акцизных разъездных надсмотрщиков». Государственным чиновникам предлагалось опрашивать жителей и осматривать курганы и другие древние памятники, описывать их, наносить на карту. Всем своим подчиненным – сборщикам налогов А.В. Адрианов вручил брошюры «Наставлений» и «Курганографии», записную книжку и карту уезда.

Многие чиновники проявили заинтересованность к этому поручению. Работа шла полным ходом до 1909 г., но затем по неизвестным причинам прекратилась. За это время А.В. Адрианов собрал не только материалы по картографированию древних памятников, но и обследовал около 60 енисейских писаниц, сняв со многих копии-эстампы.⁷ Он видит свой долг ученого и гражданина и вообще долг времени в «тщательном исследовании курганного периода в Сибири», чтобы «по массе уцелевшего материала восстановить историю древнего народа, сделать ее доступной каждому человеку».⁸

В «Курганографии» и «Наставлениях» четко прослеживается стремление ученого к систематизации сведений о древних памятниках Минусинского края, желание придать процессу описания и составления археологической карты строго научный характер. С этой целью в «Курганографии» прописываются ряд пунктов, в которых указывается какие именно сведения нужно собирать в первую очередь. Первое, на что, по его мнению, необходимо обратить внимание: «...1). близ какого селения, в каком направлении и расстоянии от него находятся курганы. Расстояние от курганов до ближайшей реки и озера и т.п. Есть ли и где именно городки, городища? 2). Где помещены курганы: на горе, скате, на равнине или низменности, в полях, лугах или лесах? 3). Сколько в каждом данном месте находится курганных насыпей, как они взаимно расположены и по какому направлению? Не было ли когда в данном пункте произведено раскопок и с какой целью? Что найдено при раскопках и где находится? Не разрушаются ли курганы размывом рек, распашкой, возведением построек и проч.? 4). Какую форму имеют курганы – полушара, конуса или продолговатую? Нет ли вокруг их следов рва или вала? Из какого материала сделаны насыпи – чернозема, камней крупных или мелких и проч.? 5). Какой величины курган: сколько шагов в окружности, сколько в высоту? 6). Как называются курганы местными жителями, и что они рассказывают об их происхождении, данности? Нет ли курганов, с которыми связаны особые предания или даны особые названия? Нет ли курганов плоских, выложенных на поверхности плитами в виде каких-либо фигур? 7). Нет ли на курганах, или возле них стоящих одиноко больших каменных столбов, так называемых «баб»: желательно знать их величину и иметь кусок породы, из которой они сделаны. Нет ли на «бабах» надписей, рисунков, изваяний человеческого лица или каких-либо животных? В таком случае необходим рисунок, по возможности точный.

Наряду с этими сведениями очень желательно собирать отдельные находки, которые нередко попадают при рытье канав и ям, при распашках как-то: каменные, костяные, глиняные, железные, чугунные, медные, золотые, серебряные вещи, по большей части составляющие содержимое могил. Если такие вещи нельзя приобрести за деньги (об условиях покупки можно предварительно списаться со мной), то желательно иметь рисунок с вещей в натуральную величину, а с крупных – в уменьшенном виде, причем необходимо описание предмета и указание: где, когда и при каких условиях он найден».⁹

Наряду с этим, А.В. Адрианов большое значение придавал сбору и изучению артефактов каменного века, когда человек не знал металлов и все необходимые орудия труда изготовлял из различных пород камня: кремния, яшмы, кварцита, роговика и пр. Их нахождению при проведении различных хозяйственных работ часто сопутствуют кости древних животных, на которых охотился древний человек. Это может помочь по крупницам воссоздать древнейшую историю человека, «накоплению знаний и разработке материала, для которого Сибирь представляет собой настоящее складочное место».¹⁰

Как видим, в области изучения и картографирования минусинских древностей была проведена огромная работа. Она заложила основы экологических проектов будущего, дала нам в руки путеводную нить, указала в каком направлении необходимо двигаться, чтобы гармонизировать взаимоотношения человека и культурно-исторической среды обитания. Однако проблема «человек – древности», несмотря на экологический кризис, переживаемый современным человечеством, не получила глубокого теоретического осмысления. Объяснение этому, очевидно, надо искать в том поверхностном отношении к проблеме, которое бытует повсеместно.

В этой ситуации приходится ограничиваться лишь риторическим вопросом: существует ли вообще какие-либо предпосылки для подобной гармонизации? Как определенные тенденции общественного развития подобные предпосылки, конечно же, существуют. Они заложены в самом механизме закона культурной преемственности, действие которого не подвластно волюнтаристским устремлениям людей. Но превращение этих тенденций в действительную реальность – дело не столь быстрое, как нам хотелось бы. Достижение гармонии между прошлым и настоящим произойдет не завтра и не в ближайшем будущем. Слишком глубоко в психологии людей засело то, что таким пышным цветом распустилось на почве советского тоталитаризма, застоя, показухи, идеологической лжи и сегодняшнего всеобщего оподления, оглупления, озверения и судорожного рвачества. И нет пока повода для бодренького оптимизма, так как силы торможения сильны и существуют повсеместно.

А.В. Адрианов постоянно подчеркивал огромную насыщенность Южной Сибири археологическими памятниками и стремился способствовать их разумному использованию. Его бескорыстие, жертвенность и скромность – настоящий духовный подвиг, вызывающий огромное уважение.

Примечания

¹ Адрианов, А.В. Курганография Сибири (Обращение ко всем любителям старины и изучения края). Приложение к «Сибирской газете» / А.В. Адрианов / Хакасия: живая старина в научно-популярных статьях, интервью и очерках. Книга для чтения по историческому краеведению, издание второе, испр. и доп. / Составитель В.Ф. Буров. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. – С. 254.

² Буров В.Ф. «Свои» и «чужие». Минусинские древности в контексте современной культурологии / В.Ф. Буров. – Абакан: книжное издательство «Роса» ХРИПКиПРО, 1997. – С. 95.

³ Севастьянова Э.А. У истоков. След на земле / Э.А. Севастьянова / Хакасия: живая старина в научно популярных статьях, интервью и очерках... – С. 227.

⁴ Адрианов А.В. Указ. соч. – С. 253.

⁵ Севастьянова Э.А. Указ соч. – С. 229.

⁶ Адрианов А.В. Указ соч. – С. 253.

⁷ Севастьянова Э.А. Указ. соч. – С. 230.

⁸ Адрианов А.В. Указ. соч. – С. 253.

⁹ Там же. – С. 255-256.

¹⁰ Там же. – С. 257.

2009

Н.Е. Буцаева,
г. Минусинск

Сказитель земли Сибирской (о художнике К.Т. Луканине)

Богат и неповторим колорит Саянских гор, раскинувшихся на юге Красноярского края. Красивы отроги вершин, покрытые сибирской тайгой, чистые зеркала ледниковых озер, альпийские луга. Но есть в этих краях место совершенно особенное. И расположено оно не так далеко от оживленных транспортных путей, у 242 км знаменитого Усинского тракта (около 180 км от Минусинска).

Каменный город – известная достопримечательность природного парка «Ергаки», которая относится к памятникам природы Красноярского края. Узкая экологическая тропа ведет круто вверх и открывает взору неведомый и таинственный мир. Нагромождения скал, так похожих на древние развалины, будоражат воображение. «Существует легенда о могучем Саянском народе, жившем в этом городе и погибшем в неравном бою с ордами татарского хана. Его скалы действительно напоминают могучих богатырей, злых ведьм, стены крепости, гроты, а мощные кедровые деревья на вершинах – чудовищных змей, страшных драконов, фантастических птиц».

Легенда действительно потрясает. В ней воспеты крепость семейных уз, отвага и смелость людей, стоящих на самом краю жизни, самопожертвование ради близких и любовь, способная выдержать все испытания и победить любое горе. Описаны в легенде и самые тонкие грани предательства, то, к чему может привести эгоизм, зависть, обман.

Когда смотришь на эти скалы, встает перед глазами ночь страшной битвы, и веришь, так оно и было. Еще журналист Юрий Свинтицкий в газете «Искра Ильича» от 3 июня 1972 г. писал: «Из тумана один за другим выступают каменные исполины. Каких только образов не рождается при их виде... Вот застыла в вечном покое многоступенчатая сторожевая башня. Зайдешь чуть сбоку и увидишь внимательных стражников, ни на минуту не спускающих взора с далеких перевалов, откуда может появиться враг. А вот и окаменевшие навеки рыцари в тяжелых доспехах, всегда готовые к сражению, всегда начеку. Могучая, непоколебимая сила во всем их облике».

Одним из первооткрывателей «Каменного города» в Саянах был Константин Трофимович Луканин. Страстный путешественник, художник... Он исходил эти места вдоль и поперек, создал множество рисунков, он же привел сюда и первые туристские группы. Именно Луканин, человек, умеющий тонко чувствовать окружающий мир и его красоту, является автором легенды о каменном городе.

Родился К. Т. Луканин 24 февраля 1912 г. Жизнь этого человека была тесно связана с г. Минусинском. Отец – Трофим Михайлович, перевез семью в город, чтобы дать детям образование. Природа Енисея, ее красота и живописность поразили воображение Константина Трофимовича. Далее были годы учебы в школе, педучилище, работа депутатом Горсовета, переезд в г. Сталино, работа учителем. И еще – тайная страсть рисование.

Профессиональное образование по живописи К. Луканин так и не получил, учеба в московском промышленно-художественном техникуме им. М.И. Калинина оборвалась в связи с известием о смерти отца. Луканин возвращается домой, в Минусинск. Теперь он был главой многочисленной семьи. Затем были работа, Великая Отечественная война, лагерь – и снова работа. Он никогда не рисовал войну, она ломала жизни, более близки ему были мирное небо, природа. Он рисовал акварели, графические рисунки, выполненные тушью и пером.

К. Т. Луканин по праву называл себя отцом Сибирской мозаики. Он первый начал работать с деревом для создания мозаичных полотен. Впервые создавать мозаики он начал в 1946 г. в лагерях Мурманска, где отбывал свой срок. Удивительное чувство дерева позволили К. Т. создать и деревянные скульптуры. Работал он с деревом, ценя его естественность и только иногда позволяя себе править природу. Так появились его работы корнепластики. Коллекции работ К. Т. Луканина в музее им. Н. М. Мартыанова составляют 234 акварели, 147 работ графики и 5 работ корнепластики.

В последние годы жизни К. Т. Луканин «влюбился» в Саяны. Цикл рисунков связан с легендой, которую написал Константин Трофимович. В 1959 г. во время поездки на этюды в Туву из окна автобуса заметил художник причудливые скалы. В 1961 г. приехал туда специально со своими учениками. До конца своих дней рисунками и легендами рассказывал К. Т. Луканин о Каменном городе. «Светлица Ои», первой красавицы племени, «Крепость», где должны были обвенчаться Оя и сын вождя Кулумыс, «Буреломная ведьма», мать предателя Змеиго, «Борзай», верный пес Кулумыса. В фондах музея хранится тетрадь, в которой Константин Трофимович собственноручно записал легенду.

Кемеровская студия телевидения сняла два фильма с его участием: «Рождение легенды» и «Саянская легенда». В 1980 г. Константин Трофимович в последний раз выступал по красноярскому телевидению – и снова о Каменном городе. В 1984 г. К. Т. Луканина не стало. Но живы его легенды. По-

прежнему идут в Саяны люди с рюкзаками. Он остался в памяти настоящим сибирским Художником: живописцем, скульптором, художником слова, – «сказителем земли Сибирской».

Литература

1. Абрамова Р.Н. «Чудо каменного городка». Газета «Регион», от 11 июля 1997 г., 2 стр.
2. «Ергаки. Жемчужина Саян». Информационный бюллетень. № 8, август 2008 г.
3. Лебеденко Н.В. «Сказ о земле Сибирской», план-конспект тематической экскурсии, июль 1991 – январь 1992 гг.
4. Свинтицкий Ю. ««Каменный» город Саян». Газета «Искра Ильича», № 3, от 3 июня 1972 г., 3 стр.
5. Сковородникова В. «Каменное чудо Саян». Газета «Красноярские профсоюзы», № 12, от 16 – 22 марта 1990 г.
6. <http://www.ergakitour.ru>
7. <http://www.ergaki-park.ru>

2009

Т.Е. Верещагина,
г. Туран

В. Ян. Вехи жизни

В январе 2010 г. исполнится 10 лет, как Комиссия по литературному наследию В. Яна, отметила в последний раз юбилей писателя в Москве. В этом году исполнится 135 лет со дня рождения В. Яна.

Первая веха – рождение. Родился будущий писатель 22 декабря 1874 г. (по ст.ст.), в Киеве, в «домике с вишневым садочком», в семье Григория Андреевича Янчевецкого и Варвары Помпеевны Магеровской.

Григорий Андреевич был один из шестерых детей потомственного сельского священника на Волыни, с. Опарисы Дубенского уезда Кременецкой губернии.

Он не последовал семейной традиции, и, окончив 1871 г. филологический факультет Киевского университета, стал преподавать древние языки. Увлечшись древнегреческой литературой, переводил Гомера, Феокрита, Ксенофонта, Павсания. Друзья называли его «Последним Гомеридом»

В 1872 г. он женился на Варваре Помпеевне Магеровской, внучке запорожского казака Остапа Магро, сотника казачьих частей графа Алексея Розума (Разумовского). Остап Магро отличился в Семилетней войне, окончившейся в 1760-м г. победным взятием русской армией Берлина. Он был награжден медалью «За взятие Берлина», кстати, сохранившейся до наших дней, получил звание дворянина и хутор Громековку на Полтавщине. Через год в молодой семье появился сын Митя, еще через год – второй сын Вася, будущий известный писатель Василий Ян.

Второй важный отрезок жизни – это годы детства, юности, получение образования. После блестящего завершения Ревельской мужской гимназии, Василий Янчевецкий поступил в Петербургский Университет на филологический факультет, деньги на учебу зарабатывал своим трудом.

В эти годы семья жила в Киеве, Санкт-Петербурге, Риге, Ревеле (Таллин). Вот поэтому в комиссии по Литнаследию В. Яна были представители: из Киева – Лидия Павловна Александрова, доцент Киевского Университета, из Санкт-Петербурга писатели Захар Львович Дичаров и Александр Иванович Шалимов, из Таллина – Хильда Вендстрем и Ингрид Койт, заместители директоров двух учебных заведений, бывших мужских Александровской и Николаевской гимназий в г. Ревеле, которыми в свое время управлял отец писателя Григорий Андреевич Янчевецкий. Ригу представлял журналист-краевед Леонид Анатольевич Флаум.

Следующий, самый большой период в жизни писателя можно назвать «Время скитаний», или как он сам говорил «Колесо с крючком». В самое первое свое «скитание» будущий писатель отправился сразу же после окончания университета. Пешком, или подсаживаясь на попутную телегу, с котомкой на плечах,

он обошел, чуть ли не всю северную и среднюю полосы России, итогом стала первая его книга рассказов «Записки пешехода».

Следующее путешествие при помощи издательства газеты «Новое Время» было по дорогам Северной и Южной Англии, которое он со знакомым англичанином Б. Пейрсом проделал на велосипеде.

В Англии «колесо с крючком» его вновь зацепило и перенесло в Среднюю Азию, о которой его старший брат Дмитрий писал: «Будущее России – в Азии».

Трехлетняя служба в Канцелярии Закаспийской области, жизнь в столице Туркмении Ашхабаде дали ему возможность в составе разных экспедиций побывать в Северной Персии, посетить Хивинское ханство, Бухарский эмират, проехать вдоль границ Афганистана и Индии и не раз пересечь пустыню Кара-кумы.

Уже тогда возникла мысль написать книгу о Великих завоевателях Азии. Путешествия по ней давали богатейший материал наблюдений и переживаний. К сожалению, позднее все дневники, записи тех лет погибли в пожарах гражданской войны и революций.

Начало русско-японской войны застало его в Белуджистане, но «колесо с крючком» вновь переметнуло молодого и энергичного «скитальца» через всю Россию и Сибирь на Дальний Восток, в Маньчжурию.

С окончанием войны он вновь вернулся в Среднюю Азию, теперь уже в Ташкент, где в качестве статиста Сырдарьинской Переселенческой партии целый год разъезжал по Голодной степи в поисках мест для новых поселений.

Средняя Азия в Комиссии по литературному наследию писателя В. Яна была представлена многими людьми, но самые постоянные и активные – это Какабай Курбанмурадов, туркменский поэт и ученый, переведший почти все творчество В. Яна на туркменский язык, это ученый-историк Георгий Гайкович Меликов, работавший в Туркменской Академии наук, это Татьяна Константиновна Лобанова – кандидат филологических наук, сотрудница Академии наук Узбекистана, узбекский писатель Тимур Пулатов.

В 1907 г. Янчевецкий с женой Марией Бурмантовой и приемной дочерью Женей, возвратился в Петербург. Но тяга к путешествиям не закончилась. По заданию газеты «Россия», где Янчевецкий был ночным редактором, вместе с семьей он едет в морское путешествие по Ближнему Востоку. Едет в составе экспедиции на пароходе «С. Витте» в Русское Заполярье – острова Колгуев и Вайгач, Новая Земля, Югорский Шар, предгорья Северного Урала.

Летом 1911 г. в составе делегации русских журналистов он побывал в Белграде, столице Сербии, где проходил 10-й конгресс славянских журналистов. Осенью того же года предпринял очень опасное путешествие в малодоступный район Персии, где скрывался бывший шах Ирана Моххамед-Али. Рискуя собственной жизнью, Василий Григорьевич все же нашел экс-шаха и взял у него интервью для Петербургского Телеграфного Агенства.

В эти же годы, параллельно с работой в газете, он преподавал в 1-й Петербургской гимназии, среди его воспитанников были будущие знаменитости – поэты В. Рождественский, писатель Е. Федоров, драматург В. Вишневский.

В эти годы Василий Янчевецкий опубликовал множество статей с мыслями о том, каким он видит образование современного молодого человека. Эти статьи не потеряли, на мой взгляд, своего значения и сегодня. В частности он писал: «В наилучшем воспитании детей залог будущего счастья России. Школа должна выпускать образованных, энергичных, здоровых людей, которые могли бы успешно бороться за свою жизнь, за жизнь своей семьи, за свободу и независимость своей Родины.

Нужно развивать в детях силу желания... нужно закалять тело, приучать к борьбе, упорству в достижении целей.

После борьбы творчество должно быть вторым основанием школы. Специализация – вот третье основание школы будущего. Школа должна не только давать образование, она должна научить юношу самостоятельно работать».

И Янчевецкий не только писал, не только призывал, но и сам создавал для детей летние лагеря, отряд разведчиков, все это, вкуче с журналом «Ученик», издаваемым на его деньги, чуть не довели семью до полного разорения.

В это время у Янчевецкого появился сын Миша от второй жены Ольги Петровны Виноградовой. Первая жена – умерла еще в 1909 г. от холеры. Ее дочь – Женя – продолжала жить с Василием Григорьевичем на правах его законной дочери.

В 1912 г. он принял предложение СПТА и поехал в качестве его корреспондента на Балканы, которые в то время называли «пороховой бочкой Европы». Это несколько авантюрных и очень опасных лет жизни в Стамбуле, Бухаресте, Яссах.

Когда в России началась гражданская война, Янчевецкий принял решение вернуться на Родину. В час испытаний он предпочитал быть вместе со своим народом, несмотря на много заманчивых предложений работы от иностранных телеграфных агентств. Ему удалось занять собственную типографию в железнодорожном вагоне, в котором они путешествовали по всей России, а к осени 1918 г. оказались в Омске, где их и застал колчаковский переворот.

Каковы были взаимоотношения Василия Янчевецкого с колчаковским правительством и самим Колчаком, Василий Григорьевич воспоминаний не оставил. Кроме того, что он замыслил написать трагедию «Колчак», ведь он был непосредственным свидетелем всего того, что тогда происходило в Омске. Но замыслы так остались замыслами. Есть воспоминания писателя Дмитрия Четверикова, которого Янчевецкий спас от призыва в колчаковскую армию, как спас и многих других молодых людей призывного возраста. В их числе – писатель Всеволод Иванов, известный своими «Партизанскими повестями». Несколько раз Янчевецкий спасал от гнева властей и известного в то время сибирского писателя и художника-футуриста Антона Сорокина. Эпопея «на колесах» закончилась в Ачинске, когда был взорван эшелон, с которым следовали и походная типография, и семья Янчевецких.

Пережив зиму 1920-го г. в Ачинске, летом того же года Василий Григорьевич с 8-летним сыном Мишей и секретаршей Марией Алексеевной, которая по сути стала его третьей, гражданской женой, решили ехать дальше, в далекий и неведомый Урянхайский край, а возможно, и дальше. Купили коня и тарантас, и по разбитым проселочным дорогам, через отроги Кузнецкого Алатау, Абаканской степью, а затем Усинским колесным трактом через Саяны шли, и наконец, через 2 месяца дошли до поселка Уюк, где и остановились на целый год. Вот с этого момента началась новая, вторая жизнь Василия Янчевецкого, который именно здесь в далеком, захолустном поселке Уюк станет Василием Яном, именно здесь на афишах из коричневой, оберточной бумаги впервые появились эти три буквы: «В. Ян», ставшие его псевдонимом отныне на всю остальную жизнь.

Янчевецкие поселились в пустовавшей до них школе, где стали жить и учить деревенских ребят. Василий Григорьевич оставался верным своим принципам – детей нужно не просто обучать, но и пробуждать в них стремление к прекрасному. Легче всего это было сделать через театр. А потому и стал писать пьесы – сначала для детей, а потом и для взрослых и ставить их здесь же, в единственном классе школы. Это были пьесы: «Красноармейская звезда», «Красная шапочка», «Илаяли», «Сваха из Моторского»

В Уюке у Яна появилось много друзей, среди них бывшие партизаны Ефим Колесников и Казанцев, с которым они вместе ходили в тайгу на охоту. Многие его знакомые по Уюку стали прототипами героев его будущих рассказов и романа «Батый». Жительница п. Уюк по прозвищу Опалениха стала одним из главных женских образов с тем же прозвищем во второй книге трилогии «Нашествие Монголов», романа «Батый». Есть там и упоминание о знахаре Барыбе, тоже жившем в те годы в Уюке. По воспоминаниям жительницы п. Уюк, Марфы Андреевны Дубовской, Опаленихой эту очень смелую женщину прозвали за то, что в масленицу она устраивала скачки на паре лошадей через горящие копны сена, своего рода цирковое представление. По воспоминаниям Вассы Захаровны Висляевой-Кирдяшиной, была эта Опалениха очень независимой, сильной женщиной – жила одна и делала всю мужскую работу не хуже любого мужчины, при этом была очень доброй и ласковой к детям, которые иногда ее дразнили – ходила она в мужской одежде и еще курила. Ходить в мужских штанах и курить, тогда для деревни это было более чем странно. И на Яна эта Опалениха, очевидно, произвела сильное впечатление, став, впоследствии, пожалуй, самым интересным и сильным женским образом в его «Батые».

Однако, кроме друзей, в Уюке были и недоброжелатели. Один из них, бывший писарь Фома Ф., написал на него донос в г. Красный, о том, что он подозревает в нем беглого белого генерала. Этот донос чуть было не стоил жизни будущему автору «Нашествия монголов». Выручил Иннокентий Георгиевич Сафьянов, отпустив с миром арестованного учителя, и семья Янчевецких сразу же покинула Уюк.

Следующей станцией «Колеса с крючком» был г. Минусинск. Только что закончилась гражданская война, Минусинск был в разрухе и запустении, даже школы временно не работали, про газеты и говорить нечего. О привычной работе мечтать не приходилось. Хозяин квартиры, где удалось устроиться на временное жительство, предложил работу возчика, благо у Янчевецких было две своих лошади, но дело это оказалось совсем не простым для городского жителя и пришлось переквалифицироваться в сторожа-контролера мучного склада, но и здесь ждала неудача – свалившаяся гряда мешков с мукой сломала ему ногу.

Только весной 1922 г. Янчевецкому удалось найти нужную работу – он стал техническим редактором минусинской газеты «Власть труда». Параллельно с газетой, Василий Григорьевич активно работает с местным городским театром, куда предложил все свои пьесы, начатые еще в Уюке и законченные в Минусинске зимой, пока лежал со сломанной ногой. Это были пьесы и для детей, и для взрослых. Кроме написанных в Уюке, появились «Невеста красного партизана», «Нита», «Сват из Каратуза», «Деревня, проснись!». Автором пьес на афишах значился В. Ян. Кроме того, была задумка написать пьесу о жизни Ленина в Шушенском, для чего писатель ездил в Шушенское записывал рассказы местных жителей о В.И. Ленине. Было создано два варианта набросков для будущей пьесы, но сама пьеса так и не была написана.

В 1923 г. Янчевецкие уезжают в Москву, где В. Ян наряду с работой в Госбанке продолжает заниматься по мере возможностей творчеством: организует детский театр, пишет для него пьесы, читает для детей лекции по искусству. Он много ходит по выставкам, на театральные постановки. Особенно его привлекали импрессионисты и театр Мейерхольда. Пишет отзывы и рецензии в московские газеты и журналы.

В 1926 г. появилась новая возможность уехать в Среднюю Азию в качестве экономиста-финансиста Узбекского Сельхозбанка. Несмотря на крайнюю занятость на работе, он выкраивает время для посещения Самаркандских древностей, а затем акварелью и масляными красками впечатления художника переносит на картины и зарисовки. Несколько своих картин он подарил в местный музей, в том числе «Каракумы зимой» и «Вид на Самарканд».

Здесь же им была написана пьеса «Худжум», которая была переведена сначала на узбекский, а потом и на таджикский язык и шла во многих театрах городов Средней Азии, и даже была привезена в Москву на театральную Олимпиаду народов СССР, где имела огромный успех. Возвращение из Самарканда в Москву в 1928 г. стало окончанием огромного периода жизни В. Яна – странствований «По подносу Вселенной».

Начался новый период, новая веха жизни – путешествия по страницам книг. Теперь Василий Ян нигде не служил, а занялся исключительно литературной работой. За последние 25 лет его жизни, с 1928 по 1953 гг. было создано все то, что оказалось «главным делом жизни». Уже в 1928 г. публикуются его рассказы «В песках Каракума», «Письмо из скифского стана», «Загадка озера Кара-Нор».

В 1931 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла его замечательная повесть «Финикийский корабль», еще через два года появилась повесть об Александре Македонском «Огни на курганах», и повесть «Спартак», а затем либретто балета аналогичного названия.

В эти же годы им была написана большая остросюжетная повесть «Энигма», о войне США с Японией, о применении страшного сверхмощного оружия, но эту повесть забраковали, рецензент счел невероятными события, описанные в «Энигме». Спустя 14 лет все, что было написано в этой повести, произойдет на самом деле.

В 1934 г. вышла повесть о великом американском изобретателе Роберте Фультоне. Чтобы написать эту книгу, автор должен был сам изучить точную механику, паровые машины, кораблестроение. Писатель специально познакомился с часовых дел мастером, чтобы познать секрет точного хода и узнать, что такое балансир.

В эти же годы им написана большая рукопись книги «Два канала», о строительстве Панамского и Беломорско-балтийского канала. Рукопись эта была утрачена в годы войны издательством при эвакуации.

Несмотря на то, что многие вещи, написанные Яном в сер. 1930-х гг., были отвергнуты редакциями и издательствами, он не унывал, фантазия в нем кипела как у юноши, хотя уже был далеко не молод. «Образы прут из меня, как яйца из курицы», – записал он в своем дневнике.

Вскоре появилась новая тема и новый образ, которые заслонили все остальное. Новый, 1935 год и свое 60-летие писатель встретил с головой погруженный в написание романа о «Потрясателе Вселенной» Чингис-хане. Этому образу и теме нашествия монголов будут посвящены оставшиеся 20 лет жизни писателя.

Его романы «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю», будут приниматься и не приниматься издателями, будут вдребезги раскритикованы рецензентами, но, в конце концов, напечатанные, вызовут бурю восторга у читателей, и будут издаваться и переиздаваться до сегодняшнего дня на многих языках и во многих странах.

В. Янчевецкий при жизни удостоится славы в виде Сталинской Премии первой степени. Произошло это во время войны, в апреле 1942 г. Писатель был в это время в эвакуации, в Ташкенте. 100 тыс. руб., которые полагались при премии, он частично отдал в фонд Обороны, раздал долги и опять остался дервишем, Хаджи-Рахимом, ничего не имеющим за душой, кроме горячей любви к своей Родине, своим близким людям.

В эвакуации он познакомился с Николаем Леоновым, с которым подружился на всю оставшуюся жизнь. Обоих влекли к себе просторы Средней Азии, любовь к Туве, в которой Леонов родился и вырос, любовь к поэзии, которой увлекались оба.

Умер Василий Григорьевич 5 августа 1953 г. на даче в Звенигороде, где в последний раз встретился со своим сыном Михаилом, до того воевавшим, а затем проведшим пять лет в Воркутлаге, и жившем в Воронеже. Последний свой роман писатель так и не увидел напечатанным, он появится лишь через некоторое время после его смерти.

2009

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

Род Мозгалевских в истории Урянхайского края и Тувы

Род Мозгалевских известен в Урянхайском крае с 1892 г., наряду с первыми русскими купцами Сафьяновыми, Садовскими, Бяковыми, открывшими там свои торговые фактории.

Мозгалевские – выходцы из Минусинска. Их дед – декабрист Николай Осипович Мозгалевский (1801-1844 гг.), дворянин, офицер и член тайного Общества соединенных славян, за участие в восстании 1825-1826 гг. был приговорен к ссылке в Сибирь. Свое наказание он отбывал с 1836 г. на поселении в Минусинском округе и Минусинске, где скончался в 1844 г. от заболевания туберкулезом легких.

Мозгалевский был новатором–садоводом, выращивал яблони и вишни, табак и арбузы. Он занимался успешно хлебопашеством, приучал к труду своих детей. Минусинцы почитали его как первого учителя французского языка, автора рукописных учебников.

В семье Н.О. Мозгалевского было 8 детей. У одного из сыновей – Александра Николаевича также была многодетная семья (10 детей). Его сын Владимир Александрович (1872-1934 гг.) в юности работал учеником аптекаря Н.М. Мартянова в Минусинске, постигая азы фармацевтики.

В 1892 г. Владимир Александрович поселился в урочище Толба Тоджинского хошуна Урянхайского края, а в 1906 г. к нему приехал брат Валентин Александрович с Амыльских золотых приисков Минусинского уезда. Усадьбы обоих братьев Мозгалевских располагались рядом близ устья р. Хамсара. Они завезли плуги, бороны, сенокосилки, конные грабли. Мозгалевские ввели посев ржи, выращивали картофель, капусту, огурцы и другие овощи, получая хорошие урожаи. Они первыми построили мельницу, завезли

породистых быков, коров и лошадей с Алтая, имели по 30 голов скота. Тувинское и русское население уважало Мозгалевских за постоянную помощь в освоении земледелия, разведении племенного скота, за обучение их детей грамоте и возможность пользоваться богатой библиотекой этой семьи. Мозгалевские также сплавливали строевой лес, вели торговлю скотом, пушниной, рыбой, отправляя товары на плотах вниз по Енисею в Минусинск.

Владимир Александрович Мозгалевский имел «золотые руки»: мог починить любую технику, владел токарным, бондарным, шорным и сапожным ремеслами. Кроме того, он открыл рудное золото на ручье, притоке р. Харал, впадающей в р. Бий-Хем выше п. Тоора-Хем. Рудопоявление на ручье Мозгалевского занесено в «Кадастр полезных ископаемых Красноярского края и Тувинской АССР».¹

В Туве Владимира Александровича прозвали «Карасал» – «черная борода». Он прекрасно владел тувинским языком и служил по необходимости переводчиком у русских. Владимир Мозгалевский состоял в Иркутском подотделе Русского Географического общества, организовал метеорологическую станцию на Толбе и передавал ценные сведения по личным наблюдениям в Красноярск, Иркутск, Томск. Владимир Александрович любил музыку, хорошо играл на скрипке, гитаре и кларнете, имел полный комплект струнных инструментов. У него была солидная аптека на усадьбе, и он успешно лечил тувинцев от многих болезней.

Братья Мозгалевские участвовали в политической жизни Урянхайского края. Так Валентин Александрович был делегатом V съезда представителей русского населения и 9 хошунов Тувы. 16 июня 1918 г. участники этого съезда единодушно решили провести в жизнь предложение Минусинского Совета о поддержке трудовых аратов по созданию своего независимого государства.

В Национальном музее имени Алдан-Маадыр Республики Тыва хранится фотография, на которой среди участников V съезда – Валентин Александрович Мозгалевский.² Созданию молодой Танну–Тувинской республики противились местные нойоны при поддержке монгольских феодалов. Братья Мозгалевские не раз подвергались арестам. В 1919 г. Владимир Александрович Мозгалевский был вынужден навсегда покинуть Туву. Вместе с семьей он переехал в с. Каратуз Минусинского уезда, где работал помощником управляющего лесотреста по Енисейскому и Тувинскому районам лесосплава.³ В 1922 г. Владимир Александрович переехал на жительство в г. Минусинск, затем в п. Уяр Красноярского края, где и умер в 1934 г. в возрасте 62 лет.

В семье Владимира Александровича было 3 сына и 3 дочери. Средний из сыновей – Михаил Владимирович (1908 – 1941) в 1925 г. был направлен Минусинским уездным комитетом комсомола в Танну-Туву для организации работы среди тувинской молодежи, как уроженец Урянхайского края, хорошо знавший язык и обычаи этого народа. На фотографии, которая хранится в Национальном музее Тывы, Михаил – участник конференции членов Тувинского Революционного Союза Молодежи (1926 г.). В 1927–1941 гг. М.В. Мозгалевский служил в Красной Армии, награжден орденом Ленина (1936 г.) и медалью в честь 20-летия РККА (1938 г.) В 1941 г. Михаил Владимирович пропал без вести в боях под Москвой.⁴

После отъезда из Тувы Владимира Александровича Мозгалевского в Тодже осталась семья его брата Валентина Александровича, который работал заготовителем пушнины и заведующим кооперативным союзом промысловиков с 1922 г.⁵ В 1937 г. он скончался и похоронен в Тодже. У Валентина Александровича было 14 детей (11 сыновей и 3 дочери). 8 сыновей были участниками Великой Отечественной войны, четверо из них погибли. В п. Тоора-Хем Тоджинского района стоит обелиск в честь воинов, павших в боях за Родину. Среди них фамилии четырех родных братьев Мозгалевских – Михаила (погиб под Смоленском), Виктора (под Сталинградом), Валентина (в Белоруссии) и Владимира (под Оршей).⁶

Четверо других братьев Мозгалевских – Борис, Алексей, Александр, Константин вернулись с войны живыми, проживали в разных городах страны.

В Туве в п. Тоора-Хем жил Константин Валентинович Мозгалевский (1908 - ок. 1991 гг.). До войны он работал бухгалтером кооперативных организаций Тувы, в 1929 г. женился на Фунтиковой Таисье Семеновне, отец которой Семен Григорьевич Фунтиков был волостным писарем в п. Туран. Константин Валентинович Мозгалевский прошел дорогами войны всю Европу, за боевые заслуги награжден орденом Красной звезды, медалью «За отвагу». С 1946 по 1969 гг. К.В. Мозгалевский трудился бухгалтером,

старшим ревизором облпотребсоюза Тувы. Выйдя на пенсию, работал сторожем в Национальном музее им. Алдан-Маадыр в г. Кызыле.⁷

Дети Константина Валентиновича – Евгений, Виктор, Владимир проживали и трудились на различных предприятиях Тувы. Виктор Константинович (1938 г.р.) – бригадир лесхоза, плотогон, охотник и рыбак – живет в Тора-Хеме. Имеет двух детей – Александра и Ольгу, живущих там же. Его брат Владимир Константинович (1935 – ок.1988 гг.) был строителем в п. Тора-Хем. Евгений Константинович (1931 г.р.) – уроженец г. Кызыла, трудился электромехаником в «Сельэлектрострое», затем шофером. В наст. вр. в Кызыле живут его дочери – Любовь Гололобова и Галина Беленкова.

Потомки фронтовиков Мозгалевских также оставили свой след в истории Тувы. Сын Виктора Валентиновича – Николай (1937–2000 гг.) – уроженец Шагонара, киномеханик и строитель, жил в п. Сарыг-Сеп, в 2000 г. переехал в г. Саяногорск, где и умер. Его сын Виктор Николаевич Мозгалевский (1963 г.р.) служил майором в милиции Сарыг-Сева. Выйдя в отставку, он перебрался вместе с семьей на жительство в г. Омск.

Сын Бориса Валентиновича – Виктор Борисович Мозгалевский (1929-2001 гг.), после окончания Абаканского сельхозтехникума работал мелиоратором в п. Чаа-хол в 1949-1950 гг. до призыва в Советскую Армию. В последующие годы жил и работал в Абакане, работал преподавателем в техническом училище.

Т. о., в историю Урянхайского края и Тувы (Тывы) шесть поколений потомков декабриста Н.О. Мозгалевского вписали свои имена – внуки, правнуки, праправнуки, прапраправнуки и т.д. Они стали достойными продолжателями своего предка, который был представителем передовой культуры.

Примечания

¹ Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М.Мартьянова (АМКМ). Ф.3. Оп.1. Д.22 – Лл.73, 91.

² Там же. Д.17 – Лл.28 – 30.

³ Там же. Д.22 – Л.6.

⁴ Там же. Д.26.

⁵ Там же. Д.17. – Л.24.

⁶ Там же. Д.12– Лл.1, 97.

⁷ Там же. Д.19. – Л.93-94.

2009

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

Мартьяновы и Барташовы: связь поколений

Н.М. Мартьянов, провизор вольной аптеки доктора А.В. Малинина, прибыл в Минусинск в 1874 г. Идея создания местного публичного музея, выношенная Николаем Михайловичем и поддержанная городским головой, купцом И.Г. Гусевым, нашла одобрение и помощь у других представителей делового мира Минусинского округа.

Одним из первых минусинских купцов – золотопромышленников, ставший единомышленником и близким Мартьянову человеком, был П.О. Барташов. В нач. 1860-х гг. Петр Осипович, минусинский крестьянин, владевший многочисленными золотыми приисками в Минусинском округе, купил свидетельство купца II гильдии.

На его средства были изготовлены первые витрины для экспозиций Минусинского музея, оснащались научные экспедиции сотрудников.

Семья П.О. Барташова принимала активное участие в пополнении музейных коллекций. Из отчетов местного публичного музея за 1876-1898 гг. известно, что Барташовыми подарены гербарии, минералы, окаменелости, насекомые, этнографические предметы. Сын Петра Осиповича – Николай Петрович состоял

сотрудником музея и в 1887 г. подарил дрофу, пойманную в Уйбатской степи. Сегодня чучело этой редкой птицы украшает экспозицию отдела природы.

Такое тесное сотрудничество Барташовых с Н.М. Мартьяновым и созданным им музеем было неслучайным, ведь эти замечательные люди дружили семьями на протяжении десятков лет.

По воспоминаниям внучки купца П.О. Барташова – Л.И. Нардовой,¹ основатель рода, Петр Осипович, женился в 1857 г. «в преклонном возрасте» на 15-летней Елизавете Павловне Печкиной, выданной замуж против ее воли. Тем не менее, семья была дружная, крепкая, в которой родились шестеро детей. Из них выжили три дочери и сын (двое детей умерли в младенчестве).

Семья Барташовых постоянно жила на прииске Михайловском, на р. Узунжул, притоке р. Камышта, в 40 верстах (43 км) на запад от с. Аскиз. Петр Осипович был энтузиастом развития глухого уголка Минусинского округа. Он провел от реки оросительные каналы, имел хорошие луга, успешно занимался племенным животноводством, опытами в садоводстве и огородничестве. Получая хорошие урожаи и доходы от умелого хозяйствования, Барташовы щедро наделяли хакасов и местных крестьян продуктами и молодняком скота.

Их дочери Анна Петровна и Мария Петровна изучали медицину в Петербурге, поэтому в поместье отца имелась солидная аптека. Жена и дочери Петра Осиповича постоянно оказывали медицинскую помощь местным жителям, крестили их детей, дарили новорожденным крестики и приданое. Мария Петровна и Елизавета Петровна, будучи студентками Бестужевских женских курсов, обучались также игре на рояле и вокалу у известного композитора Анатолия Константиновича Лядова, профессора Петербургской консерватории. Сестры Барташовы обладали такими хорошими голосами, что А.К. Лядов даже приглашал их петь в Мариинский театр, но девушки скучали по родным и вернулись в Сибирь.

Сын П.О. Барташова – Николай Петрович выстроил на Узунжуле церковь, где проводил службы священник, которого приглашали по праздникам из Аскиза. Хакасы, обученные хоровому пению сестрами Барташовыми, исполняли обедню Чайковского. Иконы для церкви были написаны художниками В.И. Суриковым, Д.И. Каратановым, Ивановым, отдохавшими в соседнем поместье купца И.П. Кузнецова.

Л.И. Нардова вспоминала: «В семейной церкви Барташовых в 1901 г. венчались вторым браком Н.М. Мартьянов и Е.К. Малинина. В гостиной дома купца девушки причесывали невесту и пели свадебные песни, подарили ей красиво вышитые полотенца. Новобрачные стояли на коленях, а хозяйка Елизавета Павловна Барташова благословляла их иконой».²

Летом на Узунжуле жило обычно много гостей из Петербурга, Томска, Красноярска, Минусинска – это ученые, художники, политссылные. Они музицировали, писали картины, собирали гербарии и минералы, раскапывали курганы. Ежегодно гостили здесь и Мартьяновы с детьми. Гости называли Узунжул «земным раем».

У Барташовых была богатая библиотека с произведениями русских и зарубежных писателей, журналами «Нива» и «Вокруг света». Все три дочери купца – Мария, Анна и Елизавета – обладали даром художественного чтения. Став студенткой политехнических курсов в Петербурге, Лидия Ивановна, внучка купца, писала своей крестной Марии Петровне Барташовой о Нине Мартьяновой, вспоминая совместное чтение романа И.С. Тургенева «Братья Карамазовы».³

В такой творческой обстановке среди молодежи завязывались дружеские и романтические отношения. Сыновья Н.М. Мартьянова, Евгений, Александр и Николай, гимназисты из Красноярска, были влюблены в девочек Барташовых. О прекрасных летних вечерах в Узунжуле не раз вспоминал в своих письмах и А.Н. Мартьянов. Шура был серьезно влюблен в Лиду и мечтал с нею обвенчаться, как его отец с Е.К. Малининой. Однако из-за необходимости получить образование в столице переписка Шуры и Лиды со временем прекратилась, и влюбленные расстались (в Минусинском музее сохранились их письма).⁴

На протяжении многих лет Барташовы поддерживали семью Мартьяновых, выручая их в трудных жизненных ситуациях. Так, в 1911 г. М.П. Барташова выслала деньги А.Н. Мартьянову во время его учебы в Красноярской гимназии.⁵ А в 1912 г. она выслала 240 руб. в Швейцарию Е.К. Мартьяновой, очевидно, для лечения дочери Нины Николаевны от туберкулеза легких (сохранилась квитанция Сибирского

Торгового банка о переводе денег).⁶ Родная мать Нины – Апполиария Александровна 34 лет умерла в 1895 г. от той же болезни легких, оставив сиротами четверых малышей в возрасте от 2 до 7 лет.

О близких отношениях с Мартьяновыми говорит следующий факт: в 1891 г. умер глава рода П.О. Барташов, и все его имущество унаследовала вдова, Елизавета Павловна. По ее просьбе опись документов на оформление наследства составил собственноручно Н.М. Мартьянов (этот документ также сохранился).⁷

Спустя столетия, Н.Н. Мартьянова и Л.И. Нардова совершили поездку по местам своего детства, посетив Минусинск, Абакан, Узунжул (ныне Узунчул). Они были в восторге от чудесной природы Хакасии. Но в Узунчуле уже никто не жил, не стало и церкви, а на заброшенном кладбище подруги не нашли родных могил.

Л.И. Нардова – специалист – метролог Ленинградского госуниверситета, выйдя на пенсию в 1956 г., написала интересные воспоминания о роде Барташовых и семье Мартьяновых, а ее внучка Елена Ефимовна Долгина, жительница Петербурга, в 2006 г. передала в дар Минусинскому музею раритетные документы семьи втор. пол. XIX – нач. XX вв. в объеме 800 листов. Эти бумаги, пережившие все революции, войны и ленинградскую блокаду, имеют хорошую сохранность.

Л.И. Нардовой не стало в 1984 г. (ей было 92 г.), а ее подруга Н.Н. Мартьянова, профессор химии МГУ, скончалась 7 годами ранее, в 1977 г. в возрасте 86 лет. Таким образом, дружба двух замечательных семейств Мартьяновых и Барташовых, проверенная временем, насчитывает уже 130 лет.

Примечания

¹ Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова (АМКМ) Ф.2., оп.2, д.2, л.2.

² Там же. Ф.2, оп.2, Д.2, Л.22.

³ Там же. Ф.2, оп.2, Д.1, Лл.73-74.

⁴ Там же. Ф.2, оп.2, Д.1, Лл.103, 159-160.

⁵ Там же. Ф.2, оп.2, Д.1, Л.198.

⁶ Там же. Ф.2, оп.2, Д.1, Л.209.

⁷ Там же. Ф.2, оп.2, Д.5, Л.18.

2009

Л.Н. Ермолаева,
г. Минусинск

Художник Ф.Г. Кушнарев и его собрание в Минусинском музее

1920-е гг. занимают особое место в развитии культуры в стране и в отдельных районах, это время становления новой культуры – пролетарской, охватывающей все слои населения и развитие самостоятельного творчества. Особенно это проявилось в художественном творчестве.

В январе 1926 г. в Новосибирске было организовано общество сибирских художников «Новая Сибирь», у его истоков были художники Лекаренко А.П. и А.В. Воцакин. Летом 1925 г. они побывали на этюдах в Хакасии.

Филиалы общества создавались в городах Сибири – Иркутске, Барнауле, Омске, Минусинске. Общество ставило цель – найти стиль способный преобразению Сибири и подготовить единую краевую выставку, опираясь только на самостоятельных художников. В 1927 г. общество проводит первую Всесибирскую выставку живописи, скульптуры, графики, архитектуры. От Минусинской группы были представлены работы художников Заковряшина А.Г., Лисовского Г.Л., Ивакина П.И., Чистякова Н.Н. Общество «Новая Сибирь» просуществовало до 1929 г.

В 1926 г. с 1 по 8 мая в Минусинске работала Первая выставка живописи и графики, которая была организована А.Г. Заковряшиным. Эта выставка стала шагом к созданию в Минусинске группы художников

«Новая Сибирь». Группа минусинских художников провела 3 выставки – в 1926, 1927 и 1928 гг. На всех были представлены работы самодеятельного художника Федора Георгиевича Кушнарера.

Федор Георгиевич Кушнарер родился 14/27 февраля 1878 г. в Воронежской губернии. Закончил 2 класса церковно-приходской школы. В 1895-1898 гг. работал учеником у золотых и часовых дел мастера И.Ф. Ковтуна. В октябре 1899 г. Ставропольская ремесленная управа присвоила Ф.Г. Кушнареру звание часового ремесленника. С этого времени он работает самостоятельно – занимается изготовлением золотых и серебряных изделий, а также ремонтировал часы и предметы для церкви.

В 1901 г. семья Кушнарерых переселилась в Сибирь в Минусинский округ. Жили в Каратузе, Малой Ине, затем в Минусинске. В Минусинске Федор Георгиевич открыл ювелирную и часовую мастерскую, которая находилась по ул. Новоприсутственной (ныне Октябрьская), рядом с домом Вильнера Г.М., здание не сохранилось. В 1920-е гг. Кушнарер жил с семьей в с. Малая Иня, где занимался пчеловодством. По возвращении в Минусинск он работал в тресте совхозов инструктором по пчеловодству. С 1953 г. жил в Красноярске, в 1968 г. переехал в Кемерово, где и умер в 1968 г.

Ф.Г. Кушнарер был творческим человеком, он увлекался фотографией, знал литейное дело, умел сложить печь и сварить сыр, играл на музыкальных инструментах домре и балалайке, пел в хоре. Рисовать он начал с 1907 г. в Минусинске. Рисованию учился у профессионального художника А.Ф. Куркульского. Куркульский А.Ф. состоял в Пермском обществе любителей живописи, валяния и зодчества. Как и когда он попал в Минусинск, пока точных сведений нет. Предположительно – был выслан.

Первые работы Ф.Г. Кушнарера – «Ручей Иней», «Река Уса» (1910 г.), «Березки весной» (1913 г.), «Сосновый лес при солнечном освещении» (1916 г.) получили высокую оценку Куркульского. Ф.Г. Кушнарер участник многих художественных выставок – 1926, 1927, 1928, 1947 гг. – в Минусинске, 1958 и 1958 гг. – в Красноярске. Работы, представленные на выставках были отмечены и дипломами. Особенно успех имела картина «Таштыпская тайга» (1957 г.), получив диплом III степени.

По жанру и технике работы Кушнарера различны – графика и живопись, пейзажи и натюрморты. Также различны и сюжеты его картин – город и его окрестности, сельские мотивы, природа и др. В графических и акварельных работах много рисунки старого Минусинска и Красноярска: «Протока, мост» (1931 г.), «Зима, протока, мост» (1931 г.), «Дома Минусинска» (1952 г.), «Дровяной склад» (1953 г.), «Колхозная лесопилка и мельница» (1953 г.), «Красноярск, товарная пристань» (1953 г.). «Парк в Красноярске» (1953 г.), «Минусинский дворик» (1950-е гг.), «Минусинское кладбище» (1930-е гг.) т др.

В Минусинском музее им. Н.М. Мартянова хранятся работы Кушнарера Ф.Г. (более 100 ед.), которые передала дочь художника Галина Федоровна в 1988-1991 гг. В 1993 г. в музее работала выставка «След на земле», на которой были представлены работы Кушнарера. В наст. вр. работы Ф.Г. Кушнарера экспонируются в музее Декабристов в г. Минусинске.

Литература

1. Материалы Минусинского музея им.Н.М. Мартянова.
2. Архив МКМ оп.1., д. 831, л.49
3. МКМ, ОФ 8564 (фонд документов по Ф.Г. Кушнареру)
4. Материалы Интернета.

2009

Л.Н. Ермолаева,
г. Минусинск

Георгий Павлович Сафьянов и Минусинский музей

«6 (ст. ст.) января 1913 г. скончался Георгий Павлович Сафьянов – первый и самый искренний друг Музея, появившийся на самой заре возникновения этого учреждения и до конца дней своей жизни связанный с ним родственными узами».¹

В Минусинске многое связано с этой фамилией: есть улица – проезд Сафьяновых, сохранился дом Сафьяновых, в районе пос. Селиваниха находилась Сафьяновская заимка. Эта фамилия вписана в революционную историю города – связь семьи с политическими ссыльными, участие в установлении советской власти в городе и уезде.

Глава семейства – Георгий Павлович Сафьянов (1850-1913 гг.), городской голова в 1887-1891 гг., купец, золотопромышленник.

Г.П. Сафьянов много сделал для исследования Тувы. В 1879 г. он написал записки об Урянхайском крае, которые хранятся в Минусинском музее.

Исследователи, путешественники обращались к помощи Сафьяновых по организации экспедиций в Туву. «...Из русских жителей Урянхай лучше других знают край и сойотов братья Сафьяновы..., – отмечал инженер Радевич, – ... Георгий Павлович, живущий летом на усадьбе на р. Тапсе, а зимой в Минусинске, в свое время, с 1871 г., изъездил Урянхай по всем направлениям, исследовал все местные пути, и проложил многие новые тропы. Он проследил и положение русской границы по Саянскому хребту, посетив все уцелевшие пограничные знаки, в подлинности коих, впрочем, сомневаться.

Живя в Урянхае, оседло и семейно, Сафьяновы... оказывают широкое и радушное гостеприимство всем русским проезжим людям и путешественникам по Урянхаю, и каждому охотно помогают в выполнении его задач своими богатыми сведениями, многолетним опытом и обширными местными средствами и связями».²

Г.П. Сафьянов был членом комиссии по Усинским и Урянхайским делам, собранной при Усинском Пограничном Управлении.³ Г.П.Сафьянов поддержал идею Н.М. Мартьянова по созданию музея в Минусинске, который приехал в 1874 г. в Минусинск. В письме 4 апреля 1874 г. к Н.Ф. Леваковскому (в Казань) Мартьянов писал: «Скажу, что не только не жалею о России, но напротив – от души благодарю судьбу, которая дала мне возможность оставить душливую немецкую сферу, в которой я томился много лет на этот хорошенький уголок отдаленной Сибири... Между минусинцами я встретил несколько лиц, которым не чужды интересы науки и, в особенности, естествознания – учитель Попов, промышленник Сафьянов...».⁴

Г.П. Сафьянов принимал участие в экскурсиях и поездках по Минусинскому округа, которые проводил и организовывал Н.М. Мартьянов. В период 1875-1913 гг. Г.П. Сафьянов активно участвовал в собирании коллекций для музея. Вот некоторые сведения из отчетов музея:

- 1875 год. Подарил редкую древне-персидскую медаль.⁵
- 1876 год. Собрал для музея «коллекцию естественно-исторических предметов из Усинского края и Саянов».⁶
- 1877 год. «...подарил музею свою домашнюю библиотеку, более чем из 100 томов и 25 руб. деньгами, причем содействовал организации библиотеки энергичным обращением к местному обществу, в котором он был влиятельным членом».⁷
- 1878 год. «...череп изюбря (марала)».⁸
- 1879 год. Этнографические предметы по сойотам.⁹
- 1890 год. «Г.П. и А.П. Сафьяновы – сойотские этнографические предметы...».¹⁰
- 1891 год. «Растения из пограничной Сойотии..., татарское седло с серебряной насечкой, орнаменты которого, по мнению видевшего их д-ра Мартина, происходят из Ост-Индии».¹¹
- 1893 год. «Предметы медного и железного века...». В Образовательный отдел Г.П.Сафьянов передал «...китайские счеты».¹²
- 1894 год. Предметы по этнографии.¹³
- 1895 год. Горные породы и минералы. Сойотская соха и сойотские лекарства; «...коллекция (17 шт.) курительных трубок разных народов».¹⁴
- 1896 год. «...Шкура дикого кабана из пограничной Сойотии и рога джима и косули...». «В библиотеку музея поступили книги от Е.П. Сафьянова».¹⁵
- 1898 год. Принадлежности ламаиского богослужения у сойот»¹⁶ «...Этнографические коллекции, характеризующие быт сойотов».¹⁷

– 1900 год. «...Из пожертвований самый ценный дар – каменная баба от П.И. Сафьяновой, доставленная с немалыми затруднениями с верховьев Енисея. Эта статуя изображает человека в молитвенной позе, в плоской, плотно облегающей голову шапке с крестообразным швом, подобной нынешним китайским шапкам. В руках статуи, сложенных на животе, находится сосуд в виде вазочки. Высота статуи – 9 сантиметров, высота до плеч – 68 см., ширина у плеч – 38 см. Статуя изваяна из мелкозернистого серого гранита замечательно чисто, вся отполирована. Находилась она на степном берегу Енисея, близ фактории купца Г.П. Сафьянова, в Урянхайской земле», «...голова горного барана ... и козла».¹⁸

– 1901 год. «...Интересная, остроумная сойотская игрушка – ящичек со змеею, выскакивающей при его открывании», «...камень с хорошо сохранившимися тюрскими рунами, взятый на берегу Енисея в Сойотии», «... новую форму боевого молота из с. Усинского».¹⁹

– 1903 год. Шкуру горного барана из соседней Монголии»²⁰

– 1908-9 год «...Шкуры двух косуль и шкура белой лисицы (альбинос) очень редкой и ценной».²¹

– 1910-11 год «...белый северный олень с Кемчика и шкура Джима».²²

Г.П. Сафьянов был членом комитета музея многие годы, будучи главой города (1887-1891 гг.), его председателем. В это время решался вопрос о постройке здания для музея, с 1887 по 1890 гг. велось строительство. Г.П. Сафьянова внес 332 руб.²³

17 мая 1887 г. на закладке здания, он произнес речь, в которой выразил надежду «на поддержку своего общества и сочувствующих этому учреждению добрых людей». Он почитает себя счастливым, что «город будет иметь собственный дом для музея и библиотеки, польза которых с достаточной ясностью умела сказаться за истекшее десятилетие».²⁴

«После закладки здания состоялось публичное заседание Комитета, открытое речью Городского головы Г.П. Сафьянова, неутомимого сотрудника Музея, за все десять лет его существования. Познакомив слушателей с материальными средствами, собранными на постройку здания, Г.П. закончил свою речь следующими словами: «Хотя цифра эта (13057 р. 50 к.) по смете будет не достаточна для окончания постройки, но строительный комитет вполне надеется на поддержку своего Общества и сочувствующих этому учреждению добрых людей и смело приступает к постройке здания. Сегодня мы имели счастье совершить закладку дома, и Комитет решил в публичном заседании выразить свои мысли и чувства по этому поводу.

Открывая настоящее заседание, я почитаю себя вполне счастливым что, по милости Бога и добрых людей, наш город будет иметь собственный дом для Музея и библиотеки, польза которых с достаточной ясностью уже успела сказаться за истекшее десятилетие».²⁵

В 1887 г. Минусинский городской голова Георгий Павлович Сафьянов направил на Сибирско-Уральскую промышленную выставку этнографическую коллекцию по тувинцам (сойотам) «...юрту в натуральную величину со всеми принадлежностями домашней обстановки».²⁶ За представленную коллекцию Г.П. Сафьянов был удостоен золотой медали Императорского Общества любителей естествознания и этнографии при Московском Университете.²⁷

20 мая 1890 г. состоялось торжественное открытие Музея, на котором присутствовали представители городской Думы, учителя, депутаты Красноярской городской Думы. Г.П. Сафьянов также произнес приветственную речь.

А.В. Адрианов считал, что феномен быстрого роста популярности минусинского музея обязан участию в этом деле Г.П. Сафьянова. Со смертью Г.П. Сафьянова «с Минусинского горизонта сошла самая крупная фигура» – писал Адрианов.

В музее, после смерти Г.П. Сафьянова, была устроена экспозиция. В наше время также была создана выставка. К сожалению, на старом городском кладбище на месте, где похоронен Георгий Павлович сохранился только надмогильный склеп, памятника или надгробия нет.

Примечания

¹ Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею за 1913 г., С. 1

- ² Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей). Составил Вс.Родевич, начальник партии исследования системы Верхнего Енисея. (Издание Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог). С.-Петербург, Типография Министерства Путей Сообщения (Товарищества И.Н. Кушничев и К). 1910. с. 44-45.
- ³ . Там же, с.169.
- ⁴ Муниципальное Учреждение «Архив Города Минусинска (МУ АГМ). Ф.73. О.1. Д.20. Лл.12, 13.
- ⁵ Отчет за 1913 г., л.2
- ⁶ Там же
- ⁷ Отчет за 1913 г., л.2.
- ⁸ Там же
- ⁹ Отчет за 1913 г., л.2
- ¹⁰ Отчет за 1890 г., с.12
- ¹¹ Отчет за 1891 г., с.5, 6
- ¹² Отчет за 1893 г., с.6, 8
- ¹³ Отчет за 1894 г. с.7-8
- ¹⁴ Отчет за 1895 г., с.5, 6, 8
- ¹⁵ Отчет за 1896 г., с.6, 19.
- ¹⁶ Отчет за 1898 г., с.8.
- ¹⁷ Отчет за 1913 г., обл.2
- ¹⁸ Отчет за 1900 г., с.13, 14
- ¹⁹ Отчет за 1901 г., с.11, 12
- ²⁰ Отчет за 1903 г., с.15
- ²¹ Отчет за 1908-1909 гг, с.12
- ²² Отчет за 1910-1911 гг., с.12
- ²³ Отчет за 1913 г., л.2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Кон. Исторический очерк. с.88.
- ²⁶ Газета «Восточное Обозрение», 1887 г., № 28. с.4.
- ²⁷ Мартыановские краеведческие чтения. – Сб., вып.1, 1999 г., с.46-47

2009

А.Е. Калюга,
п. Курагино

Курагинский самородок

Часто бывает так, что живет рядом с нами человек, видим его изо дня в день, но как-то не замечаем его присутствия. А вспоминаем о нем лишь тогда, когда его уже нет.

Александр Георгиевич Шароватов в этом отношении счастливое исключение. Двадцать лет его нет рядом с нами, но для курагинских краеведов он, как и прежде остается образцом служения своей малой Родине. Родился Александр Георгиевич 7 ноября 1918 г. в крестьянской семье Шароватовых Георгия Ивановича и Наталии Семеновны в с. Пойлово. В 1928 г. поступил в Пойловскую начальную школу, которую закончил в 1932 г. Затем с 1932 по 1935 гг. продолжил учебу в Курагинской школе, где окончил 7-мь классов.

В ноябре 1935 г. А. Шароватов вернулся в с. Пойлово, работал в колхозе «Совет труда». Там же в апреле 1938 г. вступил в комсомол. В феврале 1939 г. он был призван на службу в ряды Красной Армии, которая продлилась долгих семь лет.

В годы Великой Отечественной войны Шароватов воевал на Ленинградском, Северо-Западном, 3-ем Украинском фронтах. Прошел Финляндию, Норвегию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию,

Австрию и Германию. На фронте в 1944 г. был принят в ряды КПСС. После окончания войны Александр Георгиевич вернулся в родные места с боевыми наградами: орденом Красной Звезды и 3-мя медалями «За боевые заслуги».

Бравый фронтовик был замечен районными органами власти и рекомендован на ответственные должности, где также добросовестно трудился: 1946-1953 гг. – заведующим отделом физкультуры и спорта, 1953-1957 гг. – инспектором и заведующим отдела культуры, 1957-1958 гг. – заведующим отделом кадров Курагинского райисполкома.

Он постоянно повышал свой образовательный уровень. В 1948-1949 гг. Александр Георгиевич продолжил учебу в Курагинской вечерней школе и получил восьмилетнее образование. В 1951-1952 гг. окончил двухгодичную вечернюю партийную школу при Курагинском РК ВКП(б), а также различные курсы переподготовки по профилю работы.

С 1959 г. и до выхода на пенсию (в 1978 г.) связал свою судьбу с железной дорогой. Работал инспектором отдела кадров, строймастером, прорабом, заместителем председателя и председателем стройкома Головного ремонтно-строительного поезда № 38 (ГОРЕМ-38). Побывал с ним в г. Тобольске, г. Абакане. Строил «трассу Мужества» – железную дорогу Абакан-Тайшет. Закончил трудовой путь охранником военизированной охраны этой железной дороги.

Александр Георгиевич всегда занимал активную жизненную позицию, принимал активное участие в общественной жизни. Избирался членом комитета комсомола колхоза, секретарем комсомольской организации артиллерийской дивизии, членом бюро Курагинского РК ВЛКСМ, председателем товарищеского суда и народным заседателем, членом партийного бюро ст. Курагино, членом Курагинского районного и поселкового Советов ветеранов. Был членом профсоюза, общества «Знание», пропагандистом, членом Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, членом общества охотников и рыболовов, членом Всесоюзного спортивного общества «Локомотив», членом научно-технического общества, внештатным корреспондентом районной газеты «Заветы Ильича».

В памяти курагинцев Александр Георгиевич остался как краевед и патриот Курагинского района. Еще с детства запали ему в душу рассказы односельчан о нелегкой крестьянской судьбе, байки и предания, которые с яркостью проявились в нем в зрелом возрасте. Интерес к истории родной земли подтолкнул его к сбору воспоминаний очевидцев событий, привел его в архивы и музеи городов Минусинска и Красноярска, где он был одним из активных исследователей.

Его привлекали разнообразные темы: «История Ирбинского железодельного завода», «Социал-демократы в сибирской ссылке», «Золотые прииски на территории района», «Партизанское движение», «Участие курагинцев в Великой Отечественной войне» и др. Он вел обширную переписку с гражданами района, а также с теми, кто вложил свой труд в развитие района и проживал ранее на его территории, через различные службы вел их активный поиск на территории страны.

В его личном архивном фонде, находящимся на хранении в архивном отделе администрации Курагинского района, имеется переписка с потомками ссыльных революционеров: Лепешинской О.П., Окуловой И.И., редакциями газет «Правда», «Красноярский рабочий», учреждениями и школами района, Советами ветеранов и многими другими.²

Его статьи печатались в районной газете «Заветы Ильича». Как нельзя лучше это плодотворное сотрудничество охарактеризовал новогодний кроссворд, опубликованный в 1988 г., где фамилия краеведа была зашифрована под следующим пунктом: «Внештатный корреспондент газеты, знающий биографию района гораздо лучше, чем свою собственную. Газета публикует по несколько его материалов в месяц, а читатели все говорят «мало!»».³

Итогом его исследовательской и краеведческой работы стала книга «История Курагинского района» в 13 частях. Она охватывает значительный период – от глубокой древности до кон. 80-х гг. XX в. Сначала она была в рукописном виде, потом он ее собственноручно напечатал на печатной машинке и переплел, вклеил фотографии. Этот экземпляр хранится в его архивном фонде. Вскоре, после завершения этого труда, Александра Георгиевича не стало.

Через двадцать лет, в 2007 г., потомки осуществили его мечту и напечатали первые пилотные экземпляры. Инициатором этого значимого дела стал Глава района Е.Г. Турчанов, который возглавил редакционную коллегию.

В предисловии к книге к.и.н. Б.Е. Андюсев отметил, что некоторые утверждения автора являются спорными, но, тем не менее, она будет интересна читателям и полезна краоведам.⁴ Александр Георгиевич был интересным и разносторонним человеком. Он писал не только статьи, но и басни, стихи, пьесы, рисовал и даже пытался научиться играть на фортепиано, который приобрел по случаю.

Он являлся членом Совета Минусинского музея, заведующим сектором краеведения районного Совета ветеранов, членом клуба «Краевед» южных районов Красноярского края, созданного Мартьяновским музеем и Минусинским архивом.

Александра Георгиевича можно назвать и родоначальником краеведения в районе. В архивном фонде Курагинского райисполкома есть протокол № 2 от 26.01.1948 г., которым был утвержден районный «Комитет Краеведческого общества» под его председательством.⁵

Заместитель редактора районной газеты «Заветы Ильича» В.В. Креков так характеризовал увлечение краеведением А.Г. Шароватова: «У каждого человека есть свое хобби. Но у многих оно личное, а хобби Александра Георгиевича – краеведение – служит многим». По его инициативе в п. Курагино появились улицы и переулки, названные в честь знаменитых людей: братьев Бухаркиных, Аникиенко, Лепешинских. С группой старожилов отыскал на месте бывшей церковной ограды могилу декабриста А.И. Тютчева.

Александр Георгиевич встречался и общался с районными краеведами: Е.М. Климкиной, В.Т. Посоховым, Н.В. Челеевым, И.Ф. Еськиным, Ф.П. Зыряновым. Благодаря его рекомендациям и помощи занялась исследованием периода репрессий района А.И. Фролова, дочь репрессированного председателя колхоза д. Покровка Курагинского района. Она составила Книгу памяти репрессированных граждан района, в которую вошли фамилии более 10 тыс. раскулаченных и около 500 человек расстрелянных и осужденных на каторгу и лагеря.

О Шароватове неоднократно писали корреспонденты районных и краевых газет, общественники. Их статьи «В гостях у фронтовика-краеведа», «Добрый след», «Высоко нести звание ветерана» раскрывают Александра Георгиевича как увлеченного, талантливого, самобытного и творческого человека, к которому тянутся люди.⁶

Часто сожалел он и том, что не имел специального образования. Корреспонденту газеты «Красноярский рабочий» Жоресу Трошеву как-то чистосердечно признался: «Быстрее бы все делал, не копался бы попусту, не искал бы известную знатокам литературу, не ломился бы в открытые двери, коли б грамоты было побольше».⁶

За свой многолетний труд Александр Георгиевич награжден орденами и медалями, ему присвоены различные почетные звания. Самая высокая награда – это благодарность и незабвенная память потомков о нем как о летописце Курагинского района, курагинском самородке.

Примечания

¹ Архивный отдел администрации Курагинского района. Фонд Р-141 «Шароватов А.Г.», о.1, дд.56, 57

² Там же. Фонд Р-182 «ГКУ «Редакция газеты «Тубинские вести», о.1, д.

³ Там же. Фонд Р-141 «Шароватов А.Г.», о.1, д131

⁴ Там же. Фонд Р-1 «Курагинский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет», о.1, д.712, л.24-25

⁵ Там же. Фонд Р-141 «Шароватов А.Г.», о.1, д.80, л.2, д.82, л.5, д.83, л.2

⁶ Там же. о.1, д.72, л.3

Писатель начинается с Родины (о В. А. Чивилихине)

*«Шумит, ходит под ветром золотая сибирская тайга.
Но только ли тайга шумит сейчас? Прислушайся – это время шумит...»
В. Чивилихин*

В каждое свое посещение железнодорожного музея в Абакане останавливаюсь надолго у экспозиции, посвященной великой стройке XX в., трассе Абакан – Тайшет...

Заставило же обратиться к этой теме посещение в прошлом году одного из городов Кузбасса – Мариинска. Здесь, 80 лет назад родился известный писатель, публицист, гражданин с большой буквы, лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, один из первых лауреатов премии Ленинского комсомола, автор романа-эссе «Память» – Владимир Алексеевич Чивилихин.

Владимир Чивилихин оставил нам огромное литературное наследие, которое интересно и значимо не только нам, сибирякам, но и широкому кругу читателей.

Работа и прочная дружба связывает меня с литературно-мемориальным музеем В.А. Чивилихина больше двух десятилетий. В памяти сер. 80-х, когда зарождался музей, реставрировались и обновлялись строения будущего Дома-музея, выстраивались образы будущих экспозиций, собирались материалы. Под руководством оргкомитета Всекузбасского литературного праздника, директора краеведческого музея, большого энтузиаста Виктора Петровича Бондаренко строители, художники, журналисты, любители художественного слова приближали открытие праздника. Он наступил 3 августа 1986 г. Огромному количеству гостей со всего Союза предстал Дом-музей В. А. Чивилихина. Это был первый большой литературный праздник, первые Чивилихинские чтения, посвященные Патриоту, Человеку, Писателю...

Многие люди имеют немалую заслугу в создании и сохранении литературного музея. Особо можно сказать о настоящем подвижнике, продолжателе творчества Чивилихина, его жене, верном друге и помощнице Елене Владимировне Чивилихиной. Благодаря ее бескорыстию, музей сохраняет произведения автора, личные вещи Владимира Алексеевича.

В 1998 г. Елена Владимировна в Москве передала в музей действительно уникальнейшую коллекцию шишек. Много лет писатель собирал свою коллекцию, кедровые шишки украшали стены его рабочего кабинета на подмосковной даче. Владимир Алексеевич писал: «И еще я собираю коллекцию хвойных пород. Есть у меня шишки и ливанского, и гималайского кедров, мексиканской и ситхинской елей, американской секвойи, аллепской сосны и японской криптомерии – всего пока 64 вида». Неудивительно, что работники музея обрадовались такому подарку. И нужно признать, что Елена Владимировна всегда передавала новые книги, документы, личные вещи Владимира Алексеевича безвозмездно в дар музею.

Творчество Владимира Алексеевича для нас – особое дыхание – ведь литературное творчество Чивилихина, заставляет думать, сопереживать о прошлом, настоящем, будущем... можно сказать, что Дом-музей не только сохраняет, но и передает энергетику духовности Владимира Чивилихина. Оттого, может быть, здесь в малых городах Сибири, на периферии сохранена духовность, силы, сострадание к ближнему человеку, природе, любовь к малой родине. Это не просто слова, это действия и поступки... Невозможно представить жизнь музея без многочисленных друзей творчества Чивилихина, людей которым не безразлична судьба нашей страны.

Первым из них можно уверенно назвать ученого, академика, писателя, публициста, героя очерков Чивилихина – Виталия Феодосьевича Парфенова. Многолетняя его дружба с Владимиром Алексеевичем скреплена общими идеями, взглядами на повседневную жизнь, стремлением к идеалам. Это человек, который на протяжении уже нескольких десятилетий продолжает работу, завещанную Чивилихиным. Без его помощи работу музея представить просто нельзя. От него получено множество документов, книг,

газетных публикаций, написанных Виталием Феодосьевичем, в музее много его изданных книг, в которых четко прослеживается главная тема творчества В.А. Чивилихина – «человек и природа»...

Читаем скупые строки автобиографии: «Я, Чивилихин Владимир Алексеевич родился 7 марта 1928 г. в г. Мариинске Кемеровской области в семье рабочего-железнодорожника Чивилихина Алексея Ивановича...

В 1942 г., окончив неполную среднюю школу, поступил в Тайгинский железнодорожный техникум, где прошел полный курс и получил диплом техника-механика паровозного хозяйства. С 1946 по 1949 гг. работал в депо Троицка и Чернигова, в железнодорожном училище №8 г. Узловая – техником, бригадиром, мастером, преподавателем.

С 1949 по 1954 гг. учился в МГУ, после чего получив диплом с отличием по специальности «журналист» около десяти лет работал в редакции «Комсомольская правда», затем, в качестве члена редколлегии, в журналах: «Молодой коммунист» (1964-65 гг.) и «Молодая гвардия» (1966-1972 гг.). В 1961 г. за книги: «Живая сила» (1957), «Серебряные рельсы» (1960) и «Шумы, тайга, шумы» (1960) был принят в члены Союза писателей...

Был делегатом IV, V и VI съездов Союза писателей СССР, II-V съездов писателей РСФСР. В настоящее время являюсь членом Правления Союза писателей СССР, РСФСР и Московской писательской организации...

Выпустил около 25 книг на русском языке и опубликовал в советской печати около ста статей и очерков по вопросам социальной экономики и культуры, начиная с 1946 г. Около двадцати моих книг вышло на иностранных языках и языках народов СССР. За повести «Серебряные рельсы», «Про Клаву Иванову» и «Елки-моталки» удостоен в 1966 г. звания лауреата премии Ленинского комсомола. За книгу «По городам и весям» (1977) присуждена Государственная премия РСФСР. В. Чивилихин. 2 февраля 1981 г.»

Вспоминаю одну из своих поездок в столицу в кон. 90-х. Нас, земляков писателя, радушно встретила Елена Владимировна. В памяти особо запечатлелся, запомнился рабочий кабинет Владимира Алексеевича. Светлый и уютный кабинет писателя. Вдоль стен книжные шкафы с многочисленными изданиями и материалами, стол с аккуратно расположенными письменными принадлежностями, рабочие записи, рукописи сложенные аккуратно в стопочки. Здесь же над столом возвышается настольная лампа с абажуром. Кажется, что Владимир Алексеевич только на минуточку отошел от своего рабочего места... На стопке рукописных листов лежали очки писателя...

Сегодня с большим интересом просматриваю, перечитываю материал Елены Чивилихиной, переданный для нашей газеты в 1998 г., накануне юбилея Владимира Алексеевича. Каждая строка, новый абзац вызывают неподдельный интерес к творчеству, интересам писателя: «Володя работал много, увлеченно, тщательно изучал проблемы, выверял и оттачивал свои мысли в беседах, переписке, спорах, статьях. Особенно в этом ему помогали книги. Однако он никогда не был собирателем их. В нашей библиотеке мало собраний сочинений, беллетристики. Все, что покупалось и заполняло полки книжных шкафов – это книги нужные для работы: природа, искусство и архитектура, воздухоплавание, космос и железные дороги, история, декабристы, Сибирь и Россия, мыслимые и немыслимые словари...

Мне удалось познакомиться с большой подборкой книг «Слова о полку Игореве» в библиотеке В.А. Чивилихина, изданных в различных типографиях, на разных языках, в разных форматах. Значимое оказалось библиографическое собрание. Писатель же просто работал над изучением этого истинного памятника русской словесности.

Большая дружба связывала В.А. Чивилихина с коллективом «Сибгипротранса» Новосибирска. На протяжении многих лет писатель неоднократно встречался, работал, переписывался с изыскателями. А когда в 1969 г. «Сибгипротранс» выпустил репринтное издание «Дневник А.М. Кошурникова», Чивилихин принял самое активное участие в уточнении этого издания.

Последняя запись из дневника начальника изыскательской экспедиции Александра Михайловича Кошурникова в первой редакции «Дневника»: «3 ноября. Пишу, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера, 2 ноября, произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел

вместе с плотом. Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу добраться я ему помог. Но на берег вытащить не мог, так он и закован напополам в воде. Я иду ползком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и пищи. Вероятно, сегодня, замерзну».

В письме к сибирским изыскателям от 4 октября 1976 г. В.А. Чивилихин настоятельно просит пересмотреть этот текст, сделать правки. Он сам лично работал в фондах Музея Революции с оригиналом «Дневника» сомневаясь в правках. Писатель считал недопустимым вносить самостоятельные правки в столь значимый, исторический документ.

Вот как вспоминал свои встречи с Чивилихиным ветеран Павликов: «Мы – изыскатели и проектировщики «Сибгипротранса» познакомились с В.А. Чивилихиным в кон. 1950-х, когда он собирал материалы для документальной повести «Серебряные рельсы» – о подвиге наших товарищей – изыскателях А.М. Кошурникова, А.Д. Журавлева и К.А. Стофато

Владимир Алексеевич побывал в наших изыскательских партиях на линии Абакан – Тайшет. Нас удивило, как этот журналист, скромный молодой человек в очках, в выдавшей виды кепочке, хорошо знает, как вести себя в тайге и неплохо разбирается в железнодорожном деле. И только позже, познакомившись с Чивилихиным поближе, мы узнали, что его детство и юность прошли в среде железнодорожников на станции Тайга...

Работая над «Серебряными рельсами», Чивилихин встречался со многими нашими изыскателями и проектировщиками, хорошо знавшими Кошурникова, Журавлева и Стофато. После издания «Серебряных рельсов» он не прервал связь с нами – коллективом «Сибгипротранса», стал в институте своим человеком. Бывая в Новосибирске, непременно приходил в гости, рассказывал и спрашивал о делах, жите-бытье.

Запомнилась декабрьская встреча 1968 г., когда Чивилихин привел в «Сибгипротранс» (показать музей им. А.М. Кошурникова) – Анатолия Степановича Иванова, автора романа «Вечный зов». Тогда же Владимир Алексеевич подарил музею четыре вновь вышедшие книги «Серебряные рельсы» – на русском, английском, немецком и испанском языках... Владимир Алексеевич был интересным собеседником, он умел и рассказывать, и внимательно слушать.

Благодаря повести «Серебряные рельсы» вся страна узнала о подвиге изыскателей. В.А. Чивилихину за его труд по увековечиванию памяти о наших товарищах – Кошурникове, Журавлеве, Стофато – присвоено почетное звание «Ветеран труда «Сибгипротранса».

На сегодняшний день напечатаны более двухсот изданий В.А. Чивилихина, книг, его публицистики, статей по вопросам литературы, вместе с изданиями его произведений на языках народов всего Союза, издания на арабском, испанском, французском, финском, немецком, венгерском и др. языках мира. Хочется посоветовать пытливному читателю обратить внимание на многочисленные произведения сибирского писателя, патриота В.А. Чивилихина. Пусть его пример отношения к окружающему миру найдет своих продолжателей и в слове, и в деле.

Литература

1. Чивилихин В. Память. Роман-эссе (В 2-х кн.) – М., Худож. лит., 1988 г.
2. Чивилихин В. Серебряные рельсы; Здравствуй мама! – М., Сов. Россия, 1984 г.– 240с.
3. Чивилихин В. Зеркало души. Сборник публицистики./Сост. Е.В. Чивилихина. – М., Сов. Россия, 1987 г. – 464с.
4. Сергованцев Н.М. Владимир Чивилихин – М.,: Сов. Россия, 1978 г. – 77 (Писатели Советской России)
5. Литературно-мемориальный музей В.А. Чивилихина. 20 лет спустя (1986-2006) / Сост. Е.В. Булавина и др., – Кемерово, Кузбассвузиздат – 2006 г.– 83с.
6. Кудряшов Ю. Писатель начинается с Родины. В.А. Чивилихин. Журнал «Абакан» №4 (12) 2008 г. – стр.21-27

Г. Толстова,
г. Красноярск

Певец Саян и сибирской тайги (о минусинском поэте В. Долгушине)

Длинный список репрессированных литераторов пополнился еще одним именем поэта В.А. Долгушина, автора сборника стихотворений «Саяны» (Минусинск, 1925). Чудом уцелевшая книга хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея. Второй экземпляр сотрудники красноярского Литературного музея скомплектовали в обменном фонде Российской государственной библиотеки (бывшей библиотеки им. В.И. Ленина). Книга, изданная в 1925 г. в Минусинске, оказалась в главной библиотеке страны. Вступительная статья А. Игрышенцева дает скупые биографические сведения об авторе, в ней Долгушин представлен как «певец Саян и сибирской тайги». Жизнь поэта В. Долгушина в его стихах:

*Я вышел из мрака дебрей
Суровой сибирской тайги,
И музу я там полюбил
Под пение снежной пурги.*

Виктор Долгушин родился в с. Таштыпском Минусинского уезда. В стихотворении «Батрак» поэт рассказывает о своем безотрадном детстве. После смерти отца он становится деревенским батраком и познает все тяготы подневольного труда – голод, непосильную работу, унижения:

<i>От обиды сердце ныло</i>	<i>И частенько о свободе</i>
<i>И давило грудь,</i>	<i>Сам с собой мечтал.</i>
<i>И не раз желанье было</i>	<i>Как бы вырваться на волю,</i>
<i>Навеки уснуть.</i>	<i>Кабалу стряхнуть,</i>
<i>И немало втихомолку</i>	<i>Позабыть бы злую долю,</i>
<i>Слез я проливал,</i>	<i>В людях горб не гнуть...</i>

Счастье улыбнулось ему в лице охотника Кузьмы, с которым он бежал в Урянхайскую тайгу. Его талант рождается на просторах сибирской земли. Приобретенных в начальной школе знаний ему не хватало. Пытливый ум любознательного подростка начинает развиваться под влиянием дикой нетронутой сибирской природы. Ему хотелось выразить свои ощущения от девственной красоты тайги, Саян. Долгушин пытается складывать свои первые стихи в годы проживания в Урянхайской тайге.

Школу жизни поэт проходит на фронтах Первой мировой войны и в годы революционных событий. Революцию он принял и увлекся идеями о светлом будущем. Долгушин, вернувшись в Сибирь, в 1919–1921 гг. участвует в партизанском движении. Поэт начал публиковаться в Минусинске в 1920 г. Увлечение стихами подвигло его на самообразование. Долгушин читает произведения русских классиков, упорно работает над своими стихами, понимая, как далеки они еще от настоящей поэзии.

Впервые стихи поэта появляются на страницах минусинской печати, Долгушин становится известным в читательских кругах уездного города, его стихи декламируют на литературных вечерах в Городском театре и на школьных праздниках.

Виктор Долгушин – поэт-самоучка. 1920-е гг. в литературе – время самобытных талантов. Первый сборник стихов поэта был выпущен редакцией минусинской газеты «Голос коммуниста» тиражом в 150 экземпляров, второй сборник стихов и прозы издан в период бумажного дефицита стараниями Уездного отдела народного образования тиражом всего в 5 экземпляров. Затем появляется поэтический сборник избранных стихов «Саяны», который вышел уже тиражом в 1000 экз., это было издание Минусинского уездного отделения Всероссийского союза рабочих полиграфического производства. В книгу вошли стихи, написанные в 1920-1924 гг. в Минусинске и в с. Таштып. В сборнике три цикла стихотворений: «Саяны», «Быт» и «Революционные мотивы». Самые проникновенные стихи написаны о Саянах, хребте Арадан, сибирской тайге. На страницах журнала «Сибирские огни» в те годы не раз упоминался поэт В. Долгушин. Критикуя за недоработку стихов, тем не менее, отмечали рост его литературного дарования.

В 1923 г. Долгушин начинает работать постоянным сотрудником газеты «Власть труда». На этом биографические сведения о поэте Долгушине обрываются. При комплектовании архива писателя А.В. Кожевникова, сотрудники Литературного музея вновь встретились с именем поэта В. Долгушина. Внимание вряд ли задержалось бы на рукописях неизвестного поэта, если бы не был известен сборник его стихов «Саяны». Архив Кожевникова представлял материалы, собранные писателем во время поездок по всей стране. Алексей Венедиктович часто бывал в Красноярском крае, особо любил Енисей и написал о сибирской реке книгу «Брат океана». Прежде всего, сотрудников музея интересовали материалы, связанные с Сибирью. Во время одной из поездок А. Кожевников нашел интересные стихи, написанные на крышке инструментального ящика в кузнице в 1931 г. Стихотворение «Поэтам революции» написано от первого лица и содержит интересные факты из жизни автора В. Долгушина:

*Но новая война
В лавинах бурных
По-новому вскипела вдруг,
И вот в рядах бойцов я
В туруханских тундрах,
И строю я советский порт...*

В 1931 г. автор этих строк не мог писать о репрессиях. Из содержания рукописи можно понять, что он работал на строительстве г. Игарки (факт строительства северных городов заключенными теперь известен). Дальнейшая судьба поэта-партизана пока неизвестна, предстоит поисковая работа по комплектованию материалов и реабилитации минусинского поэта. Часто результатом таких публикаций являются отклики родственников и краеведов. Сотрудники музея надеются на пополнение материалов о поэте В. Долгушине.

Представляем два стихотворения В. Долгушина из сборника «Саяны» (Минусинск, 1920 г.).

Тайга ночью

*Луна взошла и льет с небес
Свой свет на горы и на лес,
И не шелохнется тайга,
Лишь только ветерок слегка
На кедр тихонько набежит
И по вершинам про шумит.
И слышится в тиши ночной
Шум бурной речки под горой,
Иль долетит порой из тьмы
Внезапно крик ночной совы.
Между могучих двух елей
Горит костер, видать людей,
Вокруг костра они сидят
И скудный ужин свой варят...*

Арадан

*Среди Саян, поднявшись к небу
Своей скалистою главой,
Стоишь ты, Арадан суровый,
Покрытый шапкой снеговой.
Седые хмуро сдвинув брови,
И выше всех хребтов один
Вознесся мрачный и могучий,
Как будто грозный исполин.
Подняться на твои твердыни
Никто из смертных не дерзал,
И ни один из них седины
Твои ногой не попирал.*

2009

Т.Н. Феоктистова,
г. Абакан

Посланник судьбы

В Хакасии среди ученых хорошо известно имя Петра Ивановича Каралькина (1908-1990), талантливого организатора, этнографа. Петр Иванович до войны возглавлял Хакасский краеведческий

музей, а в послевоенный период работал в Хакасском научно-исследовательском институте, в Ленинградском музее этнографии народов СССР.

Петр Иванович родился в 1908 г. в д. Елтошь, Старо-Бардинского района, Алтайского края в бедной крестьянской семье. Азы начального образования получил в 1924 г. на базе пункта ликбеза, в 1931 г. прослушал рабфак при Томском государственном университете. В 1934 г. окончил Ленинградский институт народов Севера при ЦИК СССР. После окончания института работал инструктором национального отдела Запсибкрайисполкома в Новосибирске, занимался вопросами письменности алтайцев, хакасов, шорцев, кумандинцев. С 1937 г. работал в Ленинградском музее этнографии в отделе Сибири. В 1939 г. по рекомендации музея Наркомпросом РСФСР был командирован в г. Абакан на должность директора Областного краеведческого музея.¹

В 1930-е гг., когда ведущие музеи Москвы, Ленинграда должны были оказывать методическую помощь музеям в национальных территориях, Хакасский краеведческий музей был прикреплен к Ленинградскому музею этнографии. С целью оказания методической помощи в 1939 г. Хакасию посетила Л.Н. Терентьева, сотрудница Ленинградского музея этнографии. В докладной записке секретарю Хакасского Обкома ВКП(б) Терентьева отмечала отсутствие внимания к музею со стороны руководящих структур, скитание музея из одного помещения в другое, частую смену директоров, отсутствие учета хранения экспонатов, безобразное состояние фондов, выделяла, что хакасские этнографические изделия в экспозициях заменялись рисунками с большими текстами и цитатами. На бюро Хакасского Обкома партии Л.Н. Терентьева пообещала оказать содействие в решении кадрового вопроса.²

Так, 1 сентября 1939 г. Петр Иванович Каралькин начал новую свою трудовую деятельность в роли директора Областного музея Хакасии. Из воспоминаний Петра Ивановича: «Музей был размещен в деревянном доме, площадью 90 кв. м, вещи хранились в деревянной юрте, засыпанные песком и пылью. Отдел природы был заполнен чучелами животных, вещей почти не было кроме археологических предметов. Передо мной стояла главная задача – к 10-летию образования области (1940 г.) в музее показать основные достижения региона. О положении музея написал в газету «Советская Хакасия», заострив вопрос об юбилейной экспозиции и кто должен помогать музею. Был в Обкоме комсомола Хакасии, затем у председателя Облисполкома Н.П. Межекова. В нач. 1940 г. состоялось решение Облисполкома, согласно которому музей получил помещение во Дворце культуры, а крупные организации «Хакасолото», «Хакасуголь», «Хакаслес» должны были изготовить стенды, шкафы».³

С самого начала своей деятельности в Хакасии Петр Иванович проявил себя инициативным организатором. По его заявке Ленинградский музей этнографии выслал 16 манекенов. Сцены с манекенами были настолько естественными, что с манекенами пытались заговорить посетители. Проводил собирательскую и просветительскую работы, вел работу по учету и охране археологических памятников. Нужно отметить, что в Хакасии не было областного архива, как самостоятельного учреждения и многие архивы XIX в. оказались беспризорными. Среди населения ходили разговоры, что церковные архивы в Аскизе использовались на обертки продуктов. П.И. Каралькин зимой съездил в Аскиз на открытой грузовой машине, нашел архив в полусарайном помещении, где хранились и церковные книги XVIII-XIX вв. Также Каралькин взял на себя ответственность в оформлении и передаче из Минусинска архивов Абаканской, Аскизской, Койбальской, Кызыльской степных дум.

Уже в первый год своей работы Каралькиным была составлена книга поступлений, собрано 610 предметов музейного значения, среди них – геологическая коллекция, комплект церковной утвари, 25 томов церковного архива, вышитая национальная обувь, рукавицы, был выделен библиотечный фонд в количестве 1500 ед. хр., оформлена юбилейная выставка «Хакасия за 10 лет».

На выставке были представлены промышленность, сельское хозяйство, культурное строительство области. В разделе «Местная промышленность» экспонировались детские игрушки, одежда, обувь, хозяйственные предметы, а также продукция промышленного значения (уголь, сульфат, известь). В разделе «Сельское хозяйство» был представлен материал о колхозе им. Калинина Богградского района, как участнике ВСХВ. Но большой интерес для посетителей представлял раздел «Садоводство в Хакасии», где в качестве экспонатов были показаны 15 крупных сортов яблок: «белый налив», «боровинка», «белый анис» и др.⁴

Лето 1940 г. П.И. Каралькин провел на севере Хакасии, обследуя, вместе с сотрудником Красноярского музея, археологические памятники в районе рек Черный и Белый Июсс. Среди местного населения проводили разъяснительную работу об охране памятников. В этот год П.И. Каралькин собрал сведения об археологических памятниках Аскизского, Таштыпского, Ширинского районов, о старинных домах с художественной резьбой в бывших казачьих станицах. Полевые работы завершились в августе 1940 г., предварительными исследованиями китайского дворца, необычного памятника для Хакасии, относящегося к I в. до н. э., обнаруженного начальником дорстроя Усть-Абаканского района Купцовым.

Для пионеров-натуралистов музей разработал план по исследованию оз. Баланкуль, целью которого было измерение степени прогрева водоема, изучение растительности, сбор гербария. План геологического похода для учащихся школы № 1 г. Абакана предполагал ознакомление с процессами добычи полезных ископаемых в районе ст. Оросительный, Узунжуй, Изыхские копи.

П.И. Каралькин часто обращался за помощью к специалистам Ленинграда, Красноярска, Минусинска. Академику В.М. Алексееву удалось расшифровать надпись – иероглифы на керамических кругах черепичной крыши китайского памятника, обнаруженного около колхоза «Сила». Каралькин с помощью археолога Минусинского музея В.П. Левашовой оформил выставку «Древняя история Хакасии». Им были уточнены все ошибочно данные названия животным и птицам, а также проведено описание экспонатов по геологии, минералогии.

Шла своим чередом и многогранная работа директора музея. Для посетителей директор превращался в экскурсовода, дающего пояснения к выставленным коллекциям. В 1940 г. музей посетили корреспонденты газет «Учительская газета», «Красноярский рабочий», ленинградский журналист М. Колеснов, кино-экспедиция из Новосибирска.

Приходиться удивляться, как, несмотря на чрезвычайную занятость разноплановой музейной работой, П.И. Каралькин оперативно успевал публиковать собранные им материалы. В декабре 1940 г., в юбилейном сборнике «Возрожденная Хакасия» вышла его публикация «Древние памятники Хакасии», по материалам летней археологической экспедиции.⁵

1941 г. характеризуется в истории музея пополнением каменных стел из районов Хакасии, продолжением исследования «китайского дома» совместно с Красноярским, Минусинским краеведческими музеями, прибытием на раскопки из Москвы С.В. Киселева, Л. Евтюховой.

Но, началась Великая Отечественная война, изменившая все планы. 23 июня 1941 г. на раскопки приехал завхоз музея и вручил П.И. Каралькину мобилизационную повестку. Памятник законсервировали и все разъехались. В ОблОНО Каралькину дали выписку из Приказа № 231 от 28.06.1941 г., где в пункте № 8 значилось: «...и.о. директора назначить Орлову А.С. с правом распорядительства кредитами, прием экспонатов музея произвести путем опечатывания. Зам. зав. Хакасского ОблОНО Савельева».

Будучи в армии П.И. Каралькин служил рядовым, потом зам. политрука, старшим сержантом, командиром отделения инженерных войск и сотрудником дивизионной газеты, а рядом всегда держал блокнот и в короткие минуты отдыха, уединившись, тщательно прорисовывал простым карандашом орнамент национальной одежды, предметы быта, дополняя записи пояснительными текстами. А в письмах к В.П. Левашовой постоянно интересовался судьбой Хакасского музея. Варвара Павловна в письме от 16.03.1943 г. сообщала: «...Прежде всего, о Вашем Хакасском музее. В прошлом году он был свернут, т.к. все здание Дома культуры временно было занято. Все экспонаты свалены в кучу в кладовой и библиотеке. Тогда музеем заведовала какая-то «дама», которую отдали под суд, но не за музей, а за подделку карточек. В музей из архивного бюро взяли Боровникова. Я приезжала при нем и видела хаос во всей красе. Нашу знаменитую бронзовую маску-черта вытащила из кучи мусора. Боровникова сняли за пьянство. Сейчас музеем заведует ленинградский профессор Савчук, экономист, историк. Отдел природы и истории восстановлены почти в том же виде, как и при Вас. Отдел социалистического строительства откроется к 1 Мая. В нем прибавилось порядочно нового материала и оборудуется он в одном стиле с новой мебелью и на щитах, затянутых холстиной, разукрашенных хакасским орнаментом. По возможности военного времени, получается очень недурно. В Абакане сейчас живет московский этнограф, профессор С.А. Токарев. Он является добровольным консультантом музея».⁶

После окончания войны с Японией, по Указу Верховного Совета СССР П.И. Каралькин был демобилизован в декабре 1945 г. Вернувшись в Хакасию в нач. января 1946 г., Каралькин был принят в Хакасский научно-исследовательский институт истории и языка на должность зав. сектором истории.

Летом 1946-1947 гг. судьба сводит Каралькина с Хакасским музеем. В историко-бытовой экспедиции, организованной по инициативе ХакНИИЯЛИ, принимал участие и областной краеведческий музей. Целью экспедиции было изучение проблем этногенеза с составлением научного описания современного состояния культуры и быта хакасов. П.И. Каралькин был назначен руководителем экспедиции. География маршрута экспедиции ограничивалась Аскизским, Ширинским районами. Результатом экспедиции стало множество публикаций, монографий, а фонды Хакасского музея пополнились новыми экспонатами: это модель старинной детской люльки, сошник от плуга, зарисовки домов, резьбы карнизов с указанием мастера, строителя и даты постройки, сведения о колхозах, предметы русской этнографии.³

В октябре 1949 г. П.И. Каралькин был освобожден от должности зав. сектором истории ХакНИИЯЛИ, в связи с выездом в Ленинград на учебу в аспирантуру Института народов Севера. В 1952 г. Петр Иванович защитил диссертацию на тему «Расселение и племенной состав хакасов в VII-XIX вв.» и продолжил работу в Государственном музее этнографии народов СССР.

В 1962 г. Музей этнографии народов СССР командировал Петра Ивановича в Хакасию с целью приобретения этнографических предметов у населения, на что было выделено из бюджета музея 594 руб. Петр Иванович приобрел пого (нагрудное украшение хакасских женщин), хакасские рукавицы, хакасскую шубу, платье и несколько бытовых предметов.

В 1985 г., в одном из писем к директору Хакасского музея В.Н. Половниковой, Петр Иванович писал, что собирается побывать в Абакане и посетить музей. К сожалению, эта мечта ученого осталась неосуществленной. Петр Иванович умер в Ленинграде, в 1990 г.

Вероятно, архивные материалы П.И. Каралькина еще ждут своих исследователей, но уже сегодня является очевидным, что Петр Иванович был первым, кто заложил основы профессиональной музейной деятельности в Хакасии, содействовал сохранению исторической памяти региона, а его научные исследования позволили воссоздать традиционную материальную и духовную культуру хакасов кон. XIX в. не только в экспозициях Хакасского областного музея, но и в Государственном Этнографическом музее.

Примечания

¹ Архив Хакасского краеведческого музея (АХКМ). Ф.12. О. 12а. Д.1. Л.3.

² ГАРХ. Ф.2. О.1. Д. 607. Л.17.

³ АХКМ. Ф.12. О. 12а. Д.1. Л.11.

⁴ Отчет о работе Хакасского областного музея в 1939 г. // Хранится в библиотеке ХНКМ.

⁵ Отчет о работе Хакасского областного музея в 1940 г. // Хранится в библиотеке ХНКМ.

⁶ АХКМ. Ф.12. О. 12а. Д.1. Л.29.

⁷ Краткий отчет этнографической экспедиции ХакНИИЯЛИ в 1946-1947 гг. // Хранится в библиотеке ХакНИИЯЛИ.

2009

И.Г. Фёдоров,
г. Дивногорск

Хранитель истории (о К.В. Зырянове, создателе Дивногорского городского музея)

За свою жизнь Константин Владимирович Зырянов, «Почетный гражданин города Дивногорска», сделал немало добрых дел, но, пожалуй, главным явилось то, что он стал подлинным хранителем человеческой памяти, истории своего поколения. К.В. Зырянову посчастливилось создать три музея: Дивногорский «Трудовой Славы», музей в п. Усть-Мана, а также в с. Большая Кеть.

Родился Константин Владимирович Зырянов 3 июня 1922 г. в д. Большая Кеть Бельской волости Ачинского уезда (ныне Пировский район) в семье маломощных середняков Владимира Васильевича и Татьяны Ивановны. Деревню в XVII в. основал прямой предок Константина Владимировича – Поликарп Осипович, по прозвищу Зырян, потомки которого, после податной реформы Петра I получили фамилию Зыряновы.

В многодетной семье Зыряновых всегда было стремление к знаниям. Константин научился читать четырех лет от роду, а в семь лет пошел в школу в первый класс, поучиться в котором ему довелось всего месяц, уже в октябре его перевели во второй класс. Дальнейшее обучение он продолжил во вновь открытой Пировской средней школе, первый выпуск которой состоялся 16 июня 1941 г. Среди восьми человек, окончивших 10 классов, был и Константин Зырянов. За отличную учебу и активную общественную работу учителя сделали ему подарок – карманные часы. В мечтах у молодого выпускника было поступление в Алма-Атинский университет, на факультет журналистики, но через неделю началась война.

На фронт К. Зырянова не взяли, из-за увечий, полученных еще в детстве, и он поступил в Красноярский пединститут на литературный факультет. В ноябре 1942 г. ему пришла повестка из военкомата, согласно которой его назначили директором семилетней Ново-Николаевской школы Пировского района, в которой он также преподавал математику. В этой школе встретился он и со своей единственной любовью, пронесенной через всю жизнь – Зоей Павловной Станкевич, молоденькой учительницей русского языка и литературы. Спустя полтора года, 4 апреля 1944 г., они поженились и живут в мире и согласии вот уже 65 лет.

После войны молодая семья переехала поближе к Красноярску, в с. Вознесенское. Константин Владимирович работал учителем немецкого языка и, восстановившись на второй курс Красноярского пединститута, продолжил обучение на заочном отделении. Институт он окончил в 1951 г., а через три года был переведен учителем русского языка и литературы во вновь открытую среднюю школу п. Усть-Мана. И вот именно здесь он впервые осуществил свою давнюю мечту – создал музей, хранящий память об истории здешних мест. Мечта же эта музейная пришла к нему в первый послевоенный год, когда К.В. Зырянов, побывав в Красноярском краевом краеведческом музее, просто влюбился в него. «Для меня это был самый большой праздник в жизни», – так вспоминал об этом дне Константин Владимирович, спустя 63 года.

Официально школьный краеведческий музей п. Усть-Мана был открыт в 1964 г. Но первые экспонаты для будущего музея учитель К.В. Зырянов нашел еще в сентябре 1954 г., когда вместе со своими учениками, в качестве шефской помощи помогал копать картошку жителям д. Бирюса.¹ Последующие годы были наполнены исследовательскими походами вдоль берегов Енисея, Бирюсы, Маны, в которых учитель со своими учениками нашел много предметов, характеризующих деятельность человека от каменного и бронзового веков до периода русской колонизации этих мест. И велика была радость Зырянова, когда в 1963 г. его любимый Красноярский краеведческий музей принял первые экспонаты, найденные усть-манскими энтузиастами, в свои фонды. В дальнейшем краевой музей пополнился десятками предметов, найденными Константином Владимировичем и его учениками. Школьный Усть-Манский музей, впоследствии, стал одним из лучших школьных музеев России и ему было присвоено звание – «Народный музей».

Но жизнь распорядилась так, что по семейным обстоятельствам, Константин Владимирович вместе с женой, летом 1972 г. переехал в Пировский район, где работал завучем по внеклассной работе и учителем немецкого языка в Больше-Кетской средней школе. И, конечно же, Константин Владимирович не мог не создать музей и на своей родине. Вместе с учениками он развернул большую поисковую работу, организовал сбор предметов старины. 9 мая 1975 г. музей был торжественно открыт, что явилось знаменательным событием для всего Пировского района.² А в 1976 г. Больше-кетские музейные стали победителями краевого конкурса юных следопытов-этнографов и приняли участие во Всероссийском фестивале школьных музеев.

Спустя год, летом 1977 г., по приглашению горкома КПСС и горисполкома, К.В. Зырянов вернулся в Дивногорск, для организации музея «Трудовой славы». Началась напряженная работа, в ходе которой Константин Владимирович проявил себя и как умелый организатор, и как профессиональный историк, и

как творческий художник-экспозиционер. В результате ему удалось создать музей, посвященный не только строительству Красноярской ГЭС, но и всей истории Дивногорска: от палеолитических стоянок древнего человека, Знаменского Скита до 1980-х гг. XX столетия. За некоторыми экспонатами К.В. Зырянову приходилось ездить даже в Москву.³ Музей был торжественно открыт 4 ноября 1983 г., а через год, согласно рекомендации Министерства культуры РСФСР, включен в Красноярский краевой краеведческий музей в качестве филиала.⁴ Мечта Константина Владимировича сбылась полностью: он создал музей, признанный профессиональным на самом высоком уровне и стал полноправным сотрудником своего любимого краевого музея.

За свой выдающийся труд Константин Владимирович награжден двумя государственными наградами, удостоен звания «Почетный работник культуры Красноярского края». Дивногорцы отметили его вклад в развитие города званием «Почетный гражданин».⁵ А мы, работники городского музея, гордимся тем, что нашим учителем является выдающийся по своим заслугам в деле сохранения историко-культурного наследия края человек, Константин Владимирович Зырянов.

Примечания

¹ ДГМ (Дивногорский городской музей). О/Ф. Инвентарная книга №8 «Документы». № 2060 «Рукопись К.В. Зырянова о музее Усть-Манской школы». Л. 1.

² Там же. № 2054 «Рукопись К.В. Зырянова о музее Больше-Кетской школы». Л. 2.

³ Зыков В.П. Дивногорск. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1987. – 223с. С. 192

⁴ Фёдоров И.Г. Дивногорский городской музей. – Красноярск: Полиграф, 2008. – 16с. С. 5.

⁵ ДГА (Дивногорский городской архив). Ф.1, оп.1, д.86.

2009

Д.Ю. Хоменко,
г. Красноярск

Судьба провинциального чиновника (Н.В. Доброхотов – старший советник Енисейского губернского управления)

Николай Васильевич Доброхотов – потомственный дворянин, чиновник, в течение двадцати лет занимавший третий по значению гражданский пост в Енисейской губернии. Его жизнь в Сибири интересна для нас как пример жизни провинциального чиновника, занимавшегося активной общественной деятельностью; а его судьба после 1917 г. иллюстрирует, как складывались отношения между представителями енисейской интеллигенции и новой властью.

Н.В. Доброхотов родился 22 апреля (ст. ст.) 1863 г. в г. Ростове Ярославской губернии. Образование получил высшее: окончил Императорский Московский университет по историко-филологическому факультету. В 1889 г. был зачислен в хозяйственный департамент, в 1890 г. получил первый классный чин губернского секретаря. 20 марта (ст. ст.) 1898 г. Николай Васильевич получает назначение в Енисейскую губернию, исправлять должность советника губернского управления. В 1900 г. он был высочайше утвержден в этой должности.¹

Имеющиеся в распоряжении автора статьи сведения не дают ответа на вопрос, почему Н.В. Доброхотов оказался в Сибири. Было ли это его желание или решение начальства, хотел ли он сделать быструю карьеру в провинции или желал бескорыстно послужить Отечеству – можно только догадываться.

Хотя в течение долгого времени он занимал один и тот же пост (старшего советника Енисейского губернского управления – в ведомости на выдачу жалования он находился в третьей строчке – после губернатора и вице-губернатора²), нельзя сказать, что его карьерный рост остановился: он регулярно повышался в чине и Февральскую революцию 1917 г. встретил действительным статским советником.³

Николай Васильевич проявил себя активным общественным деятелем, как и многие представители чиновничьей интеллигенции. Около 20 лет он занимал пост исправляющего должность секретаря Енисейского губернского статистического комитета, который занимался различными делами, связанными с изучением губернии в экономическом, социальном и этническом отношении. Результатом работ комитета становились Памятные книжки Енисейской губернии. Они включали: Адрес-Календарь (персональный состав государственных учреждений), списки фабрик, общественных организаций, иную справочную информацию. Отдельный блок составляли статистические данные по населению губернии: численность населения по вероисповеданиям, по сословиям, динамика рождаемости и смертности. С 1913 г. учитывается этнический состав населения. Т. о., Памятные книжки – это весьма ценный источник для изучения населения, экономики, общественной жизни Енисейской губернии. Они носят справочный характер, и в этом их основное значение.

Членами комитета становились либо по избранию, либо по должности. В частности, по должности членами комитета были: губернатор, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, директор мужской гимназии, красноярский городской голова и некоторые другие должностные лица.⁴ Председателем комитета был Енисейский губернатор. Действительным членом по избранию мог стать любой, могущий «своими познаниями и опытною принести пользу Комитету».⁵ Среди них в разное время были И.Т. Савенков, А.А. Ярилов, Н.М. Мартыанов, Е.Ф. Кудрявцев, В.Ю. Григорьев, Г.В. Юдин, Вл.М. Крутовский и др. представители енисейской интеллигенции. Николай Васильевич был избран действительным членом в 1904 г.⁶

Комитет действовал на общественных началах, единственным, кто получал жалование, был секретарь. Именно под его редакцией выходили Памятные книжки, он организовывал сбор материала и отвечал за публикации.

Общественная деятельность Н.В. Доброхотова не ограничивалась только статистическим комитетом. Он был кандидатом в члены правления Енисейского губернского отдела российского общества покровительства животным,⁷ член правления Общества любителей музыки и литературы,⁸ Почетным мировым судьей в г. Красноярске.⁹ С началом Первой мировой войны Николай Васильевич вошел в состав Енисейского местного управления Российского общества Красного Креста, а его супруга, Надежда Васильевна – в Красноярский дамский комитет при Местном Управлении Красного креста.¹⁰

Долгие годы Н.В. Доброхотов состоял членом совета Ольгинского приюта трудолюбия для детей переселенцев. Этот приют был открыт в 1899 г. по инициативе управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги Статс-секретаря А.Н. Куломзина. Руководство приютом осуществлял совет, члены которого были приглашены председательницей, М.И. Плец (супругой Енисейского губернатора).¹¹ Впоследствии при приюте была организована молочная ферма, чтобы дети переселенцев росли в привычной им крестьянской среде. Во время русско-японской войны приют поставлял молоко в Харбин, для раненых и больных воинов.¹² Приют осуществлял деятельность за счет дотаций от Комитета Сибирской железной дороги, позже – от Переселенческого Управления.¹³

Николай Васильевич все годы существования приюта был членом совета, а на протяжении нескольких лет был членом ревизионной комиссии.¹⁴ На службу в Енисейскую губернию Н.В. Доброхотов приехал уже женатым человеком. Супруга – Надежда Васильевна, урожденная Виноградова, дочь надворного советника.¹⁵ Двое сыновей (Василий и Николай) родились в Ярославле, сын Сергей и дочь Любовь – уже в Красноярске.¹⁶ Известно, что старший сын Василий окончил красноярскую мужскую гимназию и два года отучился в Ярославском университете на юридическом факультете, но в августе 1918 г. вернулся домой.¹⁷

Февральская революция 1917 г. практически не отразилась на служебном положении Н.В. Доброхотова. Вместо губернатора Временное правительство назначило в Енисейскую губернию комиссара, Вл.М. Крутовского. Но система управления осталась прежней. Николай Васильевич занимал старую должность¹⁸ и числился помощником Енисейского губернского комиссара.¹⁹

Кардинальные перемены начинаются с приходом к власти большевиков. Николай Васильевич отказался подчиниться новому режиму и был взят под стражу 4 ноября (ст. ст.) 1917 г. Через 8 дней его

освободили под подписку о невмешательстве в дела губернии.²⁰ Деятельность Н.В. Доброхотова в революционное время позволяют сделать предположения о его политической позиции. Судя по тому, что он принял Февральскую революцию и остался на службе, а большевикам подчиняться отказался, его политические симпатии, скорее всего, были либеральными.

После увольнения со службы Николай Васильевич добывал средства к существованию путем продажи мебели, одежды. В мае 1918 г. устроился казначеем в лотерею.²¹ В нач. августа 1918 г., после прихода к власти Временного сибирского правительства, назначен начальником отдела печати, зрелищ и собраний.²² При Колчаке, по собственным словам Николая Васильевича, он заведовал распорядительным отделом, «которым я заведовал с 1899 г.».²³

В феврале-марте 1919 г. Николай Васильевич редактировал официальную часть правительственной газеты «Енисейский вестник». В официальной части публиковались приказы Управляющего губернией, Сибирского правительства, а так же различные объявления.

После восстановления советской власти Н.В. Доброхотов служил заместителем секретаря в «Гублескоме». В мае 1920 г. был арестован Красноярской ГубЧК и 29 июля (н. ст.) 1920 г. был приговорен к заключению в концентрационный лагерь на пять лет.²⁴ Он обвинялся в участии в контрреволюционной организации бывших офицеров под руководством атамана Каверина. После приговора Н.В. Доброхотов был направлен в Коркинские копи в качестве регистратора, где «составлял отчеты о движении работ заключенных».²⁵ 19 февраля (н. ст.) 1921 г. был вторично арестован, по новому обвинению, однако приговор вынесен не был, и Николая Васильевича вернули в лагерь.²⁶

О судьбе детей и супруги Н.В. Доброхотова у автора статьи имеются только отрывочные сведения. Известно, что средний сын, Николай Николаевич, при Колчаке прошел обучение в школе прапорщиков и служил «в 4-м Енисейском полку и 19 стрелковом полку».²⁷ Позже служил командиром роты в 1-ой Енисейской рабочей бригаде.²⁸

Старший сын, Василий Николаевич, арестованный в 1932 г., на следствии дал следующие показания относительно своей семьи: «брат Сергей ... в данное время работает на одном из заводов города Ленинграда. Второй брат Николай тоже живет в городе Ленинграде, и работает в Ленинстрое в должности бухгалтера ... где он [Николай Васильевич] в данное время и какая судьба его постигла не знаю, но думаю, что его уже в живых нет, возможно он умер, так как он был дряхлый и больной старик ... ».²⁹

Николай Васильевич Доброхотов не смог смириться с властью большевиков. Вероятно, это объяснялось и возрастом, и тем положением, которое он занимал до революции. Его дети, однако, смогли найти свое место в новых условиях. Поиск дополнительных сведений о судьбе младшего поколения Доброхотовых позволит более полно осветить процесс адаптации бывших дворян к жизни в Советской России.

Примечания

¹ ГАКК. Ф. 595. О. 45. Д. 75. Л. 94 об-95об;

² ГАКК. Ф. 595. О. 45. Д. 486. Л. 1 об-2;

³ Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. Красноярск, 1915 г. – с. 30;

⁴ Отчет о состоянии и занятиях Енисейского Губернского Статистического Комитета за 1906 г. Красноярск, 1907. – с. 2;

⁵ ГАКК. Ф.31. Оп.1. Д. 220. Л.4;

⁶ ГАКК. Ф.31. Оп.1. Д. 220. Л.4;

⁷ Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. Красноярск, 1903 г. – с.50;

⁸ Там же. – с.51;

⁹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 г. Красноярск, 1911 г. – с.125;

¹⁰ Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. Красноярск, 1915 г. с. 40;

¹¹ Отчет по общей организации дела в Ольгинском приюте трудолюбия для детей переселенцев в г.Красноярске за время с 1909 по 1914 г. Красноярск, 1914 г. – с. 1-3;

¹² Там же. – с. 4;

¹³ Там же. – с. 9;

- ¹⁴ ГАКК. Ф.485. О.1. Д.1. Л.1об;
¹⁵ Там же. Ф.595. О.45. Д.75. Л.95;
¹⁶ Архив РУ ФСБ по Красноярскому краю. Ф.7. Д. П-23569. Т.4. Л.121;
¹⁷ Там же. Д. П-7979. Л.7об.;
¹⁸ ГАКК. Ф.1813. О.2. Д.62. Л.42;
¹⁹ Там же. Ф.1800. О.2. Д.32. Л.16;
²⁰ Там же. Л.33;
²¹ Там же. Л.33об;
²² Там же. Д.42. Л.1;
²³ Архив РУ ФСБ по Красноярскому краю. Ф.7. Д.П-23479. Л.56;
²⁴ Там же. Д. П-23569. Т.2 Л.158.
²⁵ Там же. Д. П-23479. Л.56;
²⁶ Там же. Л.211;
²⁷ Там же. Д.П-7979. Л.7об.;
²⁸ Там же. Д.П-23569. Т.4. Л.121;
²⁹ Там же. Д. П-7979. Л.7об.

2009

А.П. Шекшеев,
г. Абакан

Иван Прохорович Бедро: политический деятель и ученый-селекционер (страницы жизни и деятельности)

Человеком, заметным в политической жизни Сибири и, в частности Минусинского края, оставившим след в науке, являлся Иван Прохорович Бедро. Минусинцы до сих пор хранят память о нем, запечатлев ее в названиях городских местностей, таких, например, как «сад Бедро». Недавно полученные от его внука Ю.Л. Вигорова¹ материалы позволяют значительно дополнить сведения о Бедро, в основном как об ученом-селекционере, а по некоторым вопросам его жизни дать исчерпывающий ответ.

Биография этого человека, как и у многих лиц, живущих в переломное время, когда какой-то факт из жизни, сообщенный правоохранительным органам, мог стоить головы, содержит, наряду с правдивыми, и сомнительные сведения, авторство которых принадлежало самому Бедро. В анкете задержанного, заполненной в 1920 г., он сообщил, что родился 3 декабря 1874 г. в украинской крестьянской семье, проживавшей в г. Лохвицы Полтавской губернии.² Однако, в метрическом свидетельстве, записанном в специальной книге Преображенской церкви местечка Смелого Роменского уезда той же губернии сообщается, что сын Иоанн у казака Прохора Алексеевича Бедро родился и принял «святое таинство крещения» 31 января 1874 г.,³ т.е. по-новому стилю – 12 февраля того же года. Согласно информации Ю.Л. Вигорова, предки Бедро – Бодрые и Рудые – являлись запорожскими казаками. Прямым потомком Ивана Прохоровича был Бедро – костоправ Запорожской Сечи.

Окончив Уманское (Киевская губерния) среднее училище земледелия и садоводства, Бедро учился в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии (ныне Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Москва). Исключенный за что-то с третьего курса, он некоторое время работал в земледельческих артелях Херсонской губернии и лишь затем для полного завершения учебы в академии сдал экзамен экстерном. В числе ее лучших выпускников он стажировался в питомниках и семеноводческих хозяйствах Германии и Франции, где изучал семеноводство овощных культур у знаменитых братьев Вильморенов и виноградарство на юге Франции. По возвращении Бедро создал плодовой питомник и садоводческое хозяйство в Лохвицах. Получив агрономическое образование, он всецело посвятил себя распространению соответствующих знаний среди крестьянства. С 1895 г. Бедро служил в кооперации:

будучи секретарем-агрономом при уездном сельскохозяйственном обществе, организовывал склады машин и семян, избирался членом правления этого общества, а с 1904 г. – председателем Песковского сельскохозяйственного общества, в составе которого создал восемь кооперативов. В 1905 г. он служил в Лохвицах агрономом уездного земства и заведующим опытным полем.

Пользуясь огромной популярностью среди населения, Бедро дважды избирался земским гласным Лохвицкого уезда от местных крестьян, отдав этой общественной деятельности шесть лет своей жизни.

С началом Первой русской революции 1905-1907 гг. Бедро принимает активное участие в политических событиях. За обсуждение на собрании Песковского общества, проходившего под его председательством, политических вопросов и пропаганду национализации земли Бедро был в административном порядке выслан на три года из Полтавской губернии. Но с выпуском царского манифеста от 17 октября 1905 г. вернулся в Лохвицу. В ноябре-декабре того же года Бедро стал членом Всероссийского Крестьянского союза, созданного для вовлечения крестьян в революционную деятельность. Понимая неизбежность своего ареста, Бедро в марте 1906 г. сдался властям и был определен в Полтавскую тюрьму. Состоявшееся 14-17 октября 1908 г. заседание Харьковской судебной палаты с участием сословных представителей, рассмотрев политическое дело Бедро, приговорило его к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на вечное поселение. Осенью 1909 г. он в этапном порядке был доставлен в Енисейскую губернию и поселен в д. Быстрой Минусинского уезда.⁴

Весной 1910 г. Иван Прохорович, с разрешения исправника и используя средства и имя своей жены, М.Г. Бедро, оставшейся в Лохвицах и владевшей там садовым хозяйством, приобрел на Тагарском острове под Минусинском 17 десятин земли и основал плодовый питомник и опытный сад. В условиях Минусинской Швейцарии они вскоре превратились в первую в сибирском регионе плодовую опытную станцию, названную Западно-Сибирской. Сначала он проводил испытания сибирских сортов ранеток и наиболее зимостойких сортов из северных районов России, Маньчжурии и Канады. Пытаясь акклиматизировать привозные растения, Бедро одновременно начал отбирать сеянцы сибирских и уссурийских плодовых деревьев и проводить их гибридизацию с северными русскими сортами. Через три года у него в саду было на изучении 75-100 сортов крупноплодной яблони и ранеток и 28 видов других плодовых и декоративных пород.

Начиная с 1914 г., Бедро ряд лет издавал каталог плодовых и декоративных растений, семян, овощных и цветочных культур. В 1915 г. в столичном издательстве вышла в свет его брошюра «Краткий отчет акклиматизационной помологической станции в г. Минусинске Енисейской губернии за 1911, 1912 и 1913 гг.».

Убедившись в непригодности для Сибири многих привозных сортов, Бедро перешел к выведению местных сортов путем гибридизации. Изучив более трёхсот сортообразцов различных пород, включая новые, – облепиху, абрикос, вишню, барбарис, сливу, садовую землянику, он первым из сибирских садоводов провел опыты по выявлению оптимальных форм кроны, разрабатывал способы предохранения культурных сортов от неблагоприятных зимних факторов, занимался изучением различных подвоев, способов прививки и окулировки.

Именно ему основоположником научного садоводства в Сибири и академиком, профессором Томского университета Н.Ф. Кащенко в связи с его переездом в 1911 г. из Томска в Киев были доверены гибридные сеянцы яблони. В Минусинске более двух тысяч растений были доведены до плодоношения. Из них Бедро выделил первые сибирские зимостойкие и полукультурные сорта яблони «Сибирская заря», «Сибирское золото», «Сибирская звезда», «Багрянка Кащенко» и др. Подводя итоги своим трудам, он, награжденный на Всероссийских и губернских выставках пятью золотыми и серебряными медалями, писал: «...Мы не только верим, но уже знаем, что Сибирь будет покрыта садами».⁵

По сообщению Вигорова, в Минусинске Бедро обрел и новую семью. После того как первая жена не решилась сопровождать его в сибирскую ссылку, он с помощью Мартьяновых женился на хакаске Федосье Константиновне Хариной из аала Биджа. В январе 1913 г. у них родился первенец, а в дальнейшем Бедро имел семью, состоявшую из жены, двух сыновей и дочери, вероятно, от первого брака, владел домом и хозяйством.

Судя по воспоминаниям большевиков, во время 300-летия дома Романовых (1913 г.) Бедро якобы подавал прошение на «высочайшее имя» для смягчения своей участи. Этот поступок был осужден политссыльными, а сам проситель будто-бы подвергался бойкоту. В 1915 г. Бедро был амнистирован, но остался работать в Минусинске. Здесь Бедро служил секретарем и председателем Минусинского уездного Союза кредитной кооперации, которая, предоставляя крестьянам ссуды, машины и семена, помогала им в развитии хозяйства. С началом революции 1917 г. Бедро возглавил одну из местных властей: избирался председателем Минусинского Комитета общественной безопасности. Защищая крестьянские интересы в земстве, он неоднократно конфликтовал с уполномоченным по снабжению уезда Бяковым и уездным комиссаром Тарелкиным. По свидетельству самого Бедро, в 1917 г. он по приглашению лохвицких крестьян посетил Украину, где был делегирован в Центральную Раду, избирался председателем областного съезда. Но, не разделяя взгляды «самостийников» на будущее Украины, он вернулся в Сибирь.⁶

Не разделяя взглядов ни большевиков, ни эсеров, не участвуя в их борьбе и пытаясь оградить крестьян от влияния представителей этих партий, Бедро и в Минусинском уезде продолжал выступать в качестве защитника народных интересов. Жители д. Быстрая 19 ноября 1917 г. делегировали Бедро с совещательным голосом на III Минусинский уездный крестьянский съезд, который и передал власть Советам.

На практике же случалось, что Бедро выступал против конкретных действий большевиков. Так, получив от центральных органов кредитной кооперации информацию о том, что Совнарком национализировал Московский кредитный банк, он, поддержанный еще двумя членами правления Минусинского уездного Союза кооперативных товариществ, 23 декабря 1917 г. написал циркуляр, в котором известил кооператоров и население об огосударствлении их денежных вкладов и призвал протестовать против этой акции путем направления телеграмм в адрес Всероссийского Учредительного собрания. Содержание циркуляра незамедлительно, посредством доноса, стало известным большевикам-членам Минусинского Объединенного исполкома. 29 декабря они постановили арестовать его автора, якобы «натравливающего» крестьян на Советскую власть, а сам циркуляр с соответствующими комментариями опубликовать в местных «Известиях». Еще находясь под следствием, Бедро, как представитель от кредитной кооперации Минусинского уезда и делегат 2-го Всесибирского съезда кооператоров, был избран членом Сибирской областной думы. Состоявшееся 6 марта 1918 г. заседание ревтрибунала, где рассматривалось его дело, проходило при поддержке присутствующими обвиняемого. Несмотря на это, Бедро за «погромную контрреволюционную деятельность» был приговорён к трём месяцам условного наказания.

Преследуемый властями, Бедро в январе 1918 г. все же нашел время составить «Атлас плодов» с описанием и рисунками 87 сортов ранеток, лучше других зарекомендовавших себя в климатических условиях Минусинска, создать рукопись будущего руководства по садоводству в Сибири, а затем написал и опубликовал в газете «Свобода и труд» «Письма из узилища» фельетонного характера. Большевики в дальнейшем, используя эти «письма», обвиняли Бедро в клевете на советскую действительность.⁷

В мае-июне 1918 г. избранный делегатом VI Минусинского уездного крестьянского съезда и кооптированный «для пользы дела» с совещательным голосом участником VII съезда Бедро, по мнению членов так называемой «Минусинской коммуны», стал «вдохновителем» антибольшевистского переворота в Минусинске и непосредственным участником формирования уездного комиссариата. Выполняя резолюцию VII съезда об увольнении со службы большевиков, комиссия Минусинского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, по инициативе Бедро, уволила машинистку О.Х. Педаяс и бывшего судью А.Н. Пономарева, которые являлись не только видными большевиками, но и лицами, имевшими прямое отношение к его осуждению. К тому же Бедро отказался составить протекцию большевику Г.Е. Пыталеву, пытавшемуся занять место садовника в Минусинской тюрьме.

На VII Чрезвычайном крестьянском съезде Бедро выступил против начавшихся грабежей городского населения «лицами с белозелеными нашивками», т.е. повстанцами-дружинниками, мобилизации крестьян в Добровольческую армию, а также высказал свое отношение к власти. Находившийся на том же съезде лидер губернских правых эсеров Е.Е. Колосов сообщил, что, когда его участникам была оглашена

информация о падении Советской власти и образовании Временного Сибирского правительства, присутствующий «кооператор Б., типичный правый демагог», произнес такую реплику: «Вот не успели свергнуть одно правительство, как появилось уже другое». Реплика, вспоминает Колосов, имела успех, так как чем-то отвечала настроениям собравшихся.⁸

В июле 1918 г. он как депутат был приглашен для участия в работе Сибирской областной думы. На ее заседании, имевшем место 15 августа 1918 г., Бедро избрали членом мандатной комиссии, а затем и бюро одной из четырех думских фракций – областников и беспартийных. Эсеры составляли почти половину думцев: депутатов насчитывалось 137 человек, но из 129 лиц, на которых имелись сведения, 60 относили себя к партии социалистов-революционеров. Такой состав думы вызывал недовольство ее беспартийных членов. Один из исследователей отмечал, что у Бедро не было своего мнения относительно его пополнения 21 представителем от Советов крестьянских депутатов.⁹ На самом же деле он, названный современником «действительным представителем народа, скромным членом Думы и человеком реальной жизни», проверяя мандаты делегатов, заявил об искусственном построении этого органа и необходимости расширения подлинного крестьянского представительства. Но высказанная им мысль усилиями эсеровских ораторов, таких как Колосов, оказалась «затушеванной».¹⁰ Его критические замечания по поводу эсеровского засилья в думе и предложение о пополнении думцев крестьянскими представителями не нашли среди депутатов положительного отклика. Поэтому он отказался от членства и работы в Сибоблдуме и вернулся в Минусинск, где в ноябре-декабре 1918 г. часто публиковался со статьями в газете «Труд» – «органе независимой мысли».

Во время вспыхнувшего в ноябре 1918 г. Минусинского крестьянского восстания, обреченного, по мнению Бедро, на поражение, он по просьбе знакомых жителей деревень Быстрая и Малая Минуса посетил их крестьянские сходы. По совету Бедро крестьяне этих деревень, несмотря на угрозы, исходившие от командующего правительственными войсками генерал-майора И.Ф. Шильникова, решили в данной ситуации соблюдать нейтралитет. Во время штурма повстанцами Минусинска, рассказывает сохранившаяся в его семье легенда, Бедро вышел навстречу их толпе, двигающейся по одной из дорог на пулеметы, и, уговорив ее подождать, тем самым спас людей от гибели. С появлением в местной тюрьме плененных мятежников он, пользуясь доверием гражданских властей, добился освобождения под его поручительство нескольких лиц. Позднее Союз кредитной кооперации в лице своего председателя отказал военному коменданту Минусинска в предоставлении белым войскам фуража.

Когда Бедро остался в Минусинске с вошедшими в город партизанами, белые, как свидетельствовал он в своих дальнейших показаниях чекистам, якобы подвергли его усадьбу артиллерийскому обстрелу.¹¹ Последний факт косвенно подтверждается и информацией, содержащейся в партизанской газете «Соха и молот» (19 ноября 1919 г.), о том, что белые 8 ноября того же года выпустили по Минусинску 20 снарядов со шрапнелью, которые, правда, не принесли городу и населению особого вреда.

Дружеские отношения сложились у Бедро с главкомом партизанской армии А.Д. Кравченко, человеком близким ему по политическим взглядам, прошлым агрономическим занятиям, социальной принадлежности, жизненным интересам и даже пристрастиям. Впоследствии его заместитель П.Е. Щетинкин показал, что Бедро оказывал партизанам всяческую материальную поддержку. Однако в Минусинске находились и лица, которые считали, что отношения между Кравченко и Бедро основывались лишь сугубо на совместной выпивке и игре в преферанс. Председатель Минусинского уездного Совета В.Г. Солдатов, человек большевистских убеждений, потом рассказывал, что толчком к росту среди партизан эсеровских настроений явилось появление на политической арене Минусинска агронома-садовода и «известного эсера» Бедро. Выступление приглашенного Бедро на уездном учительском съезде 15 октября 1919 г., в котором он призвал учительство к единению во имя достижения гражданского мира, произвело на делегатов настолько сильное впечатление, что ему, чтобы не политизировать работу съезда, пришлось отказаться от некоторых его тезисов. Согласно воспоминаниям Солдатова, Бедро являлся и посредником, передавшим Кравченко «Заявление группы офицеров», в котором эсеры предлагали последнему объединить усилия для окончательного свержения режима А.В. Колчака, а затем, выступив общими силами против Красной Армии, добиться провозглашения в Сибири власти Учредительного собрания.¹²

В дальнейшем внимание уголовно-следственной комиссии, созданной при Минусинском уездном ревкоме, привлекло содержание написанного Бедро газетного некролога, посвященного памяти зверски убитого неизвестными усть-абаканского общественного и кооперативного деятеля М.Г. Монастыршина. В заслугу убиенному Бедро вменил его тюремное заключение большевиками, активное, «в числе первых», участие в свержении Советской власти в 1918 г., а также «парализацию» в ряде сел выступлений крестьян в поддержку партизан.¹³

2 мая 1920 г. Бедро по доносу Педаяс и Пыталева, обвинивших его в антисоветской агитации, был арестован и препровожден в Красноярскую ГубЧК. На допросе 29 мая Пыталев показал, что Бедро, пользовавшийся авторитетом у служащих кредитных товариществ и населения, во время крестьянского восстания 1918 г. агитировал жителей д. Малая Минуса против «бандитов-большевиков». Допрошенная 1 июня Педаяс сообщила, что с ссыльным поселенцем Бедро была знакома с 1911 г., работая с ним в кредитном товариществе, знала о якобы присущих ему антисоветских настроениях. Она также заявила о проведении им в ноябре 1918 г. агитации против большевиков среди крестьян деревень Малая Минуса и Городок.

Поддержку ему оказали крестьяне д. Быстрая. 23 мая сходили, заявив, что Бедро своей деятельностью способствовал переходу населения на сторону Советской власти и спасал людей от карателей, высказал просьбу освободить его из заключения как «сторонника трудового народа». Еще большее впечатление на чекистов произвели показания Щетинкина, который на допросе 18 июня заверил их, что знает Бедро как человека, который каких-то действий против Советской власти не совершал. 20 июля Бедро под поручительство Щетинкина, Кравченко и подписку о невыезде был освобожден.

1 августа 1920 г. Бедро был вновь арестован и отправлен в Красноярский Дом лишения свободы. Председатель Минусинской уездной ЧК Т.И. Мордвинов причину задержания Бедро объяснил ему: «Нового дела никакого нет, а я арестовал вас, чтобы вас не убили...». 12 декабря за недоказанность вины Бедро был освобожден из-под стражи и направлен на службу в Минусинский уездный комитет труда. Но и на этом преследование Бедро не закончилось: 10 января 1922 г. ГубЧК все-таки приговорила его к одному году заключения в Красноярском концлагере. Обвинение Бедро являлось настолько шатким, что 11 ноября того же года Коллегия ГПУ на основании постановления ВЦИК была вынуждена освободить его досрочно.¹⁴

Между тем, на этом, вероятно, злключения Бедро не закончились. Данные Красноярского «Мемориала», опубликованные относительно политического преследования Бедро, правда, названного «Иваном Прокопьевичем» и выходцем из крестьян, свидетельствуют, что он, арестованный 31 июля 1920 г. и обвиняемый в «контрреволюционной агитации», был приговорен губернской ЧК 19 августа того же года к пяти годам заключения в ИТЛ (Исправительно-трудовом лагере).¹⁵ По свидетельству очевидца – Вл.М. Крутовского, Бедро находился в заключении вплоть до 25 апреля 1925 г.¹⁶

Вслед за арестом и заключением последовали и другие крупные изменения в жизни Бедро. Согласно справке КГБ, предоставленной Вигоровым, в 1922 г. он развелся с Федосьей Константиновной, а новая жена, В.А. Кононова, вскоре родила ему дочь.

Сделанные еще ранее Бедро дневниковые записи рассказывали о постоянных набегах неких лиц, которые ломали высаженные в лесу елки, и ежегодных развлечениях хулиганов, обламывающих ударами палок ветви подросших деревьев вплоть до земли. В апреле 1918 г., пишет он, какой-то хулиган, скорее всего «большевик», срезал у корня 11 саженцев 4-летних привитых яблонь в новом саду. «Не знаю, – заключает Бедро вопросом эту запись, – надолго ли хватит у меня терпения выносить все эти человеческие гадости?...». «Я так мало хочу... только изгородь, чтобы не портили и [не] увечили моих питомцев, – пишет он в другом месте и заканчивает эту грустную реплику широким выводом. – Да, видимо, Россия еще долго не будет видеть даже где надо поставить «изгородь»..., а будет ставить изгороди везде, но не там, где нужно...». В дневниках 1919 г. Бедро записал, что ему хочется еще многое сделать для России, Сибири.

За время заключения Бедро сад, переданный сначала опытной станции, а затем местной тюрьме, подвергся большим потрясениям. Оставшись без средств и рабочих рук, жена не могла справиться с садом, который пришел в запустение. Он, вернувшись, добился возвращения ему сада и, несмотря на массовую

гибель насаждений, вскоре привел его в полный порядок. Более того, у Бедро вызревает грандиозный план садоводства с использованием новых возможностей, заложенных советским строем. Вот, что он писал в 1925 г.: «... Применить в этом деле возможно шире коллективный труд! В самом деле, станция имеет сейчас в своем распоряжении свыше двух тысяч плодовых и плодоносящих яблонь гибридов Кашенко. Она может предоставить всем желающим сибирякам попробовать свое счастье в получении хороших выносливых сортов яблонь. Получая от станции семена гибридов, высевая их по всей Сибири, любители могут получить ... сотни миллионов саженцев. Получится бесконечное число сортов...».

В 1929 г. в саду Бедро имелись 6 десятин плодовых насаждений и ягодников со школой и питомником, на которых размещались 2 тыс. взрослых плодоносящих яблонь, груш, слив, абрикосов и вишен, 15 тыс. саженцев, в т.ч. 5 – уже готовых к отпуску, а также сеянцы гибридов первой и второй генерации. По мнению специалистов, в это время Бедро перестроился в своей селекционной работе. Она поражала их правильным подходом к подбору пар-производителей и остроумными приемами. В 1927-1929 гг. сад Бедро служил опытной базой Всесоюзного института растениеводства (ВИР), а в 1931 г., уже без него, был превращен в Минусинское плодово-ягодное опытное поле.

На основе ранее созданной рукописи Бедро написал первый учебник по сибирскому садоводству «Плодоводство в Сибири», вышедший двумя изданиями (Омск, 1925 и 1928 гг.). Второе издание начиналось с предисловия, написанного академиком Н.Ф. Кашенко. Эта книга стала на длительное время основным руководством, на котором выросли поколения сибирских садоводов. В 1925-1929 гг. Бедро сотрудничал с журналом «Сибирское садоводство», где опубликовал шесть статей.¹⁷

В канун массовой и насильственной коллективизации Бедро, как мог, помогал крестьянам. С применением государством «чрезвычайщины» в налоговой политике на хозяйство Бедро, очевидно, как «кулацкое», был наложен непосильный налог. Ознакомившись с садом и пытаясь спасти его от разорения, красноярский общественный деятель и садовод Крутовский осенью 1929 г. так оценил труд его хозяина: «И удивительнее всего то, что вся эта гигантская работа выполняется трудами рук семьи Бедро, которую составляют сам он, жена, двое сыновей-подростков... Никаких сбережений, никаких даже запасов у него нет, а жизнь семьи самая трудовая и скромная во всем, начиная с питания и кончая одеждой. На себя берется минимум, все остается саду... Научная часть работы интересна и проводится с удивительной последовательностью и энергией. План работ рассмотрен Институтом прикладной ботаники и новых культур (Ленинград) и одобрен им 20 апреля 1925 года. Работа имеет ввиду главным образом получение гибридных форм яблони, созданных в Сибири акад. Кашенко во второй и следующих генерациях...».¹⁸

Спасаясь от «раскулачивания», Бедро бросает опытную станцию, старый и новый сад и, приняв предложение главного инженера «Кузнецкстроя» И.П. Бардина, в 1930 г. уезжает в г. Сталинск (Новокузнецк). Назначенный на должность заведующего садово-парковым хозяйством этой строительной организации, Бедро в совхозе «Садово-парковое» заложил на площади сначала 180, затем 300 га большой плодово-ягодный сад. Однако по доносу, вероятно, вызванному трудоустройством ссыльных, он 18 февраля 1933 г. был арестован Сталинским городским отделом ОГПУ. Обвиняемый в принадлежности к контрреволюционной организации и антисоветских высказываниях, в потворстве бесхозяйственности и хищениям, якобы существующим в садово-парковом хозяйстве, Бедро 5 июня 1933 г. заседанием Особой тройки Полномочного представительства (ПП) ОГПУ Западно-Сибирского края был приговорен к трехлетней ссылке в Нарымский край. Осенью того же года он находился в Томской пересыльной тюрьме, а затем был отправлен на поселение в д. Подгорную Чаинского района Нарымского округа. Согласно советским изданиям, здесь и в Колпашево его будто бы использовали по садоводству, а также научным сотрудником Нарымской государственной селекционной станции. По освобождению, из-за состояния здоровья, Бедро уехал на Северный Кавказ, где в 1936 – 1940 гг., занимаясь декоративными породами, работал научным сотрудником Майкопской опытной станции ВИР.¹⁹

Этот отъезд спас его от нового преследования. Дело в том, что братья Крутовские, арестованные красноярскими чекистами, на допросах 20 августа и 2-3 сентября 1938 г., очевидно под воздействием незаконных методов, были вынуждены показать, что бывший «ссыльный эсер» Бедро после Гражданской войны состоял в «контрреволюционной организации областников», а в 1928 г., во время посещения ими

его сада в Минусинске, согласился участвовать в разведывательной деятельности в пользу Японии и с соответствующими сведениями из Сталинска приезжал к ним в Красноярск. После этого должен был последовать арест Бедро, как «японского шпиона», но случился сбой в работе спецслужб: его, вероятно, просто не нашли. В дальнейшем же старший Крутовский умер в тюремной больнице, а младший – отказался от своих показаний и был освобожден из тюрьмы.²⁰

Избегав по счастливой случайности ареста, Бедро, согласно информации, предоставленной Вигоровым, в 1940 г. поселился в станице Белореченской Краснодарского края. Здесь 28 января 1943 г. он и скончался. Реабилитация по всем делам, заведенным на Бедро советскими правоохранительными органами, состоялась (25 декабря 1963 г., 28 ноября 2003 г.), но уже после его кончины.

Такой была жизнь человека, защищавшего народные интересы конкретными делами, далекого от партийной шумихи, многое совершившего в науке и для минусинцев и мечтавшего сделать Сибирь садом.

Примечания

¹ Вигоров (с ударением на первом слоге) Юрий Леонидович – 1942 г. рождения, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН, кандидат биологических наук, проживает в г. Екатеринбурге, сын известного ученого-биохимика и дендролога Л.И. Вигорова (15 января 1913 – 13 марта 1976 гг.), рожденного как А.И. Бедро и вынужденного в 1937 г. из-за угрозы преследования сменить имя и фамилию.

² Архив Регионального управления ФСБ по Красноярскому краю (АРУ ФСБ). Д. П. - 6178. Л. 83.

³ Архив Вигорова Ю.Л. (АВ). Метрическое свидетельство. Л. 1.

⁴ АРУ ФСБ. Д. П. - 6178. Лл. 15, 83, 373; АВ. Справка Центрального Совета Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 14 марта 1929 г.; Справка Управления Комитета государственной безопасности по Кемеровской области от

⁶ ноября 1990 г.; Словарь-справочник. – М., Сельхозгиз, 1957. – С. 33.

⁵ Муравьев Г.А. Минусинское научное садоводство//Мартьяновские краеведческие чтения (1999 - 2002 гг.): Сб. докл. и сообщ. - Вып. II. - Минусинск, 2003. - С. 117; АВ. Справочное издание. С. 33-34.

⁶ Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917 -1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. - М.- Л., 1934. - С. 41; АРУ ФСБ. Д. П.- 6178. Лл. 15,83,373.

⁷ Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (МУАГМ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 396; АРУ ФСБ. Д. П.- 6178. Лл. 5, 13 - 15, 22, 28, 85, 89, 115, 120, 304, 356, 365, 369,373-375,383.

⁸ МУАГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. Лл. 11-12, 17; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. - Птрг., 1923. - С. 50.

⁹ Сибирь в период Гражданской войны. - С. 11-13; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917 - 1923 гг.). - Новосибирск, 2002. - С. 148.

¹⁰ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918-1920 гг. (Впечатления члена Омского правительства). – М., 2008. – С. 112.

¹¹ АРУ ФСБ. Д. П.- 6178. Л. 375

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Лл. 148 - 149, 151; Соха и молот. - 1919. - 22 октября

¹³ АРУ. Д. П.- 6178. Л. 13.

¹⁴ Там же. Лл. 22, 28, 304, 356, 365, 369, 383

¹⁵ Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Т.1, <http://www.memorial/krsk.ru/Articles/kr/1/b03.htm>.

¹⁶ Крутовский Вл. Прошлое и настоящее // Сибирское плодоводство и огородничество / Издание Омского общества плодоводства и садоводства. №3. – 1929. - 15 сентября. – С. 1

¹⁷ АВ. Справка Управления Комитета государственной безопасности по Кемеровской области от 6 ноября 1990 г.; Дневниковые записи; Справочное издание; Словарь-справочник. – С. 34.

¹⁸ Крутовский Вл. Прошлое и настоящее. – С. 1-3.

¹⁹ АВ. Справка Управления КГБ...; Справка Кемеровского областного суда от 11 ноября 1990 г.; Справочное издание; Словарь-справочник. -С. 34.

²⁰ АРУ ФСБ. Д. П.- 5906. Т. I. Лл. 18, 35, 111-112; Т. II. Лл. 245-246, 258.

Раздел VI. ОБРАЗОВАНИЕ

Е.А. Никифорова,
г. Минусинск

О перспективах развития туризма на юге Красноярского края

Туризм – интенсивно развивающаяся сфера деятельности, которая способна приносить большой доход, как в бюджет страны, так и отдельно взятого региона. По подсчетам специалистов в туристической деятельности занято свыше 200 млн. человек, каждое 8-е рабочее место создано в сфере туризма. В развитых странах туризм – значимая отрасль экономики, которая приносит до 11% поступлений в бюджет страны. Успех туристической деятельности – это результат продуманной государственной политики, но не отдельных частных лиц.

Согласно данным международных исследований в России сосредоточено 55% мирового культурно-исторического потенциала. Однако обширность территории, и как следствие рассредоточенность достопримечательностей, сдерживают развитие туризма в нашей стране (данный сдерживающий фактор далеко не единственный). При этом огромные просторы нашей страны, разнообразный ландшафт, суровые климатические условия привлекают любителей спортивного, приключенческого, экстремального туризма.

В этом ракурсе интересна территория Красноярского края. Туризм здесь находится практически в младенческом состоянии. В краевой Программе перспективного развития на 2004-2010 гг. туризм указан как одно из приоритетных направлений. Несмотря на данные программные решения, темпы развития туризма крайне низкие. В наст. вр. отдельные территории Красноярского края пытаются разработать региональные Программы развития туризма: Енисейск – религиозный туризм, Абан и Канск решают вопросы по созданию совместного тура, в который будут включены спортивная и культурная составляющие.

Как развивается туризм на юге Красноярского края? Каждая территория пытается прожить самостоятельно; при этом одни вполне успешно вписываются во внутренний российский туристический рынок (Ергаки, Шушенское), другие – в поисках собственного пути.

Какое место может и должен занять Минусинск в развивающемся туризме на территории Красноярского края?

Проанализируем конкурентные преимущества Минусинска и прилегающей территории. Во-первых, город Минусинск удачно расположен – почти в центре юга края. Выгодное географическое положение дает ряд преимуществ: доступ к информационной и законодательной базе, новым технологиям, которые к нам приходят из краевого центра; примерно одинаковое расстояние от Минусинска до окраинных мест юга края (это возможность для развития радиальных туристических маршрутов); близкое расположение к Хакасии дает возможность задействовать и ее туристические ресурсы при формировании собственного туристского продукта.

Во-вторых, Минусинск – единственный город на юге Красноярского края. Это центр социально-экономической, политической, культурно-досуговой жизни. Предприятия города создают необходимую экономическую базу, привлекают деловых партнеров (а это уже развитие делового туризма). Частная торговля существенно расширяет ассортимент. Наличие торговых площадей привлекает потенциальных покупателей и продавцов. Проводятся различные праздники, мероприятия спортивного, развлекательного характера. Городские праздники вполне могут приобрести статус региональных. Например, день Минусинского помидора привлекает не только жителей близлежащих населенных пунктов, к нам приезжают гости из Красноярска, Енисейска, Новосибирска. Сотрудники турфирм отдаленных городов

края интересуются нашим праздником с целью вписать его в свои туристические маршруты (есть ряд сдерживающих факторов).

В-третьих, город обладает значительным культурно-историческим потенциалом. Здесь находится известный в России и за рубежом музей им. Н.М. Мартьянова, а также его филиалы и Минусинский драматический театр. Красноярцы и жители Хакасии регулярно приезжают сюда на премьеры. Минусинск – город-памятник. В нем сохранилась каменная застройка кон. XIX – нач. XX в., подобного на юге края нигде не встретим. Минусинский Спасский собор снискал себе уважение жителей края и Хакасии (это возможность для развития религиозного туризма). Город связан с жизнью и деятельностью многих выдающихся личностей, здесь сложились свои традиции и появляются новые. Мартьяновские чтения интересны для людей науки. Данное мероприятие может стать основой для развития туризма в научных целях. На декабрьский бал стремятся попасть не только жители города. Это мероприятие привлекает своей эксклюзивностью на нашей территории. Нельзя упускать ветку первенства.

В-четвертых, природа Минусинска. Окрестности поражают гостей города своей живописностью: сосновый бор, Енисей, протока, малые озера, пруды... Мы привыкли к этой красоте и даже не ценим ее. Гости считают местную природу бесценной роскошью.

В-пятых, Минусинск располагает определенной инфраструктурой для развития туризма: средства размещения, объекты общественного питания, транспорт, досуговые центры, интернет-кафе. Конечно, инфраструктура не соответствует мировым стандартам, над сервисом нужно работать.

В-шестых, Минусинск - кузница кадров для сферы туризма. Красноярский краевой колледж культуры и искусства готовит специалистов среднего звена для гостиничного и туристического бизнеса. Его студенты имеют доступ к новым технологиям сферы туризма, получают качественное профессиональное образование. Например, летом 2008 г. трое студентов проходили практику в Турции и получили международные сертификаты.

Из всего вышесказанного следует, что Минусинск может позиционировать себя как туристический центр на юге Красноярского края. Что это даст Минусинску? Новые рабочие места, оживление экономической и культурной жизни города и, как следствие, экономическое и социальное благосостояние наших граждан.

Что же необходимо сделать для достижения конечного желаемого для нас результата? Создать команду, готовую работать на результат. В нее должны войти представители от администрации города, от музея, колледжа, частные предприниматели - владельцы турфирм, гостиниц, кафе, досуговых центров. На основе мониторинга разработать бизнес-план, четко определяя задачи и функции каждого субъекта, занятого в сфере туризма. Необходимо создавать собственные туристические продукты. Никто не знает все наши преимущества лучше, чем мы сами. Поэтому качественный туристический продукт по территории юга края можем создать только мы сами.

Претворение бизнес-плана в жизнь займет срок до 15 лет. Не нужно одновременно развивать все виды туризма. Необходимо определить приоритетные виды, способные в кратчайшие сроки дать экономический эффект. Можно разработать и Грантовые программы.

2008

В.А. Перезовова, С.В. Махина,
г. Минусинск

Научный потенциал Минусинского краеведческого музея в учебно-воспитательном процессе и формировании личности студента

Преподавание цикла социально-гуманитарных дисциплин в средне-специальных и высших учебных заведениях предполагает использование различных видов работ: аудиторных и внеаудиторных. Одной из форм внеаудиторных занятий является экскурсия по городу, по залам музея, знакомство с выставками и экспозициями. Своеобразным хранителем различных материалов по истории и культуре края являются

экспозиции музеев, их фонды. В музее можно получить консультацию научного сотрудника, прослушать беседу, побывать на интересном и познавательном мероприятии. Развиваются диалоговые формы общения с аудиторией, в студенте видят не только обычного посетителя, не только объект воспитательного значения, но и партнера, и собеседника.

В Минусинском музее есть тенденция создания культурной, образовательной, воспитательной концепции, что дает возможность выхода на «свою аудиторию». Музей является лучшим местом для осуществления творческих фантазий, атмосфера музея дает позитивный настрой, и, что немаловажно для студентов, материал лекций усваивается легче. Он имеет вековую историю. Это создает особую духовную ауру. Филиал Красноярского государственного торгово-экономического института (КГТЭИ) в г. Минусинске и Минусинский музей заключили между собой договор о сотрудничестве, на основании которого студенты и преподаватели филиала могут воспользоваться следующими услугами музея:

- экскурсионное обслуживание, в т.ч. внемузейные экскурсии;
- пользование материалами научной библиотеки и фондами музея;
- посещение экспозиционных залов музея и его филиалов;
- проведение мероприятий для студентов в музее (или институте);
- консультации специалистов музея по краеведению;
- выполнение экспозиционных и художественно – оформительских работ;
- рецензирование студенческих работ по краеведению;
- чтение лекций по краеведению.

Используется краеведческий материал, а значит, изучается история, традиции и обычаи, этнографическая культура, памятники истории и культуры, в рамках таких предметов как: «История Сибири»; «История купечества Сибири»; «История торговли»; «Эволюция торговли»; «Организация предпринимательской деятельности»; «Русский язык и культура речи»; «Культурология»; «Этика и эстетика»; «Товары народных художественных промыслов»; «История края»; «Материальная культура Сибири»; «Экология»; «Концепция современного естествознания».

Работа с источниками краеведения рассматривается как поисковая деятельность научного характера, направленная на объяснение исторических процессов, установление их связей и отношений, теоретическое и практическое обоснование фактов, выявление закономерностей посредством научных методов познания. В результате этой деятельности субъективный характер «открытий» может приобретать личностную значимость и новизну. Феномен исследовательской деятельности задает иной вектор движения знаний, через субъективное открытие – к себе, создает поводы для проявления внутренней активности.

В процессе изучения краеведения студенты вовлекаются в область настоящей научной работы, овладевают навыками и умениями поиска, исследования. У студента начинают формироваться способности анализировать, обобщать, сравнивать, собирать и обрабатывать полученную информацию. Краеведческие материалы студенты используют в докладах, рефератах, кратких сообщениях, курсовых работах, пытаются совместить научность с творчеством. Результаты научных исследований преподавателей и студентов представлены на Всероссийских научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых, а также на Межвузовских научных конференциях студентов и аспирантов. Лучшие работы опубликованы в научных сборниках.

При изучении дисциплин, где используется краеведческий материал, рассматривается ряд вопросов аналитического характера: связь местной истории; особенность местной истории; факторы развития (географическое положение, климат, этническая культура, экономика).

Важными источниками краеведения служат памятники истории и культуры, хранящие информацию по историко-культурному наследию. В этом плане очень хорошо дополняет теоретический материал экскурсий по историческим местам города, тематические экскурсии: «Декабристы в Минусинске»; «По декабристским местам»; «Невольные жители Сибири»; «Древняя история края»; «Предметы домашнего обихода русского населения Минусинского округа в кон. XIX в.»; «Минусинск купеческий»; «Минусинск – город памятник»; «Народы южного Енисея» и т.д.

Формы и методы изучения родного края разнообразны. Они зависят от целей и поставленных задач. Основные цели краеведческой работы: познавательная, воспитательная и исследовательская.

Исследовательская деятельность студента, на сегодняшний момент, наиболее значима и актуальна, поэтому научно-практические конференции, которые проводятся в филиале КГТЭИ, выстраиваются на культурных традициях научного и педагогического сообществ. Студенческие научно-практические конференции и семинары позволяют отследить охваченность студентов исследовательской работой; занятость преподавателей в организации исследовательской работы студентов; формирование у студентов навыков исследовательской деятельности.

Основные источники познания и приближения к науке – книги, периодические издания, изобразительная продукция. Местная периодическая печать является для студента-краеведа одним из главных источников фактического материала. Газетные статьи, заметки, репортажи – своеобразный документ своего времени. В этом его сила! И, конечно, своеобразным хранителем различных материалов по истории, культуре, этнографии края является научная библиотека музея. В этом направлении со студентами первого курса библиотекари провели такие мероприятия и беседы: «Раритетные издания», «Книгоиздатели России», «История образования в Минусинске кон. XIX в. – нач. XX в.», «Дары бесценные», «Редкая книга».

Воспитательная работа библиотеки музея огромна. По мнению академика Дмитрия Лихачева, всякая образованность создается чтением и книгами. Знакомство студентов с искусством и культурным наследием родного края оставило незабываемые впечатления.

На особое место выдвинулось такое направление работы со студентами, как театральные встречи. Музей декабристов разработал программу выступлений театра одного актера, а также мероприятия и беседы: «Ода чемпиону» (моноспектакль); «Сказание столетий»; «Светские игры и забавы XIX в.»; «Урок бального этикета»; «Ах, этот дивный вальс»; «Леди и джентльмены»; «Истинные благодетели Сибири»; «Невольные жители Сибири».

Ценность проекта «Театр одного актера» заключается не только в формировании творческого воображения, но еще и эффективный путь привлечения студентов как потенциальных посетителей. Ценность же самого спектакля в том, что театральная постановка ограниченно сочетает в себе элементы различных видов творчества – музыкального, драматического, словесного. Оказывает огромное влияние на сознание, чувства, вкусы, формирование эстетического отношения к действительности, развитие творческих качеств личности. Данная форма работы со студентами воздействует на интеллект и эмоции. Цель – распространение информации и передача знаний, развитие и воспитание личности, в том числе чувственно – эмоциональной сферы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что краеведческий музей призван раскрывать историю края с древнейших времен и до наших дней. Он является хорошим подспорьем в учебно-воспитательной деятельности вузов и техникумов и дает возможности разнообразить формы научно-методической работы. Имеющийся краеведческий материал – это хорошая база для нравственного, экологического и патриотического воспитания молодежи.

Литература

1. Мошкина М. Реализация студентами практики пробных уроков на краеведческом материале/М.Мошкина// Среднее профессиональное образование. Приложение. – 2008 г. №8. С.119-125.
2. Перезовова В.А. Филиалы ВУЗа как инновационный сегмент научно – образовательной политики в регионе / В.А. Перезовова// Экономика психология бизнес – 2005. №6-7.-С.227.
3. Попова Л. Музей как средство патриотического воспитания учащихся/Л. Попова// средне профессиональное образование. Приложение. – 2007 г. №1. – С.119-125.
4. Чикишева А. Неделя студенческой науки как форма организации исследовательской работы /А. Чикишева// Среднее профессиональное образование. Приложение. – 2006 г. №4. С.125-129.
5. Полишина О. Использование воспитательного потенциала музея в формировании личности студента/О. Полишина// Среднее профессиональное образование. Приложение. – 2006 г. №10. – С.140-149.

Нравственное и патриотическое воспитание средствами школьного музея (из опыта работы гимназии №1)

В последние годы, особенно в период подготовки и празднования 65-летия Великой Победы, активизировалась работа по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, стали более плодотворными связи с ветеранскими организациями. Широкое поле деятельности для молодых открывает работа в школьных музеях.

Сбор и исследование местного материала способствует развитию познавательных способностей, мышления учащихся, формированию навыков культуры труда, воспитанию гражданских чувств.

Музей в школе является центром воспитательной работы по патриотическому воспитанию учащихся, т.к. именно он осуществляет систему работы с ветеранами Великой Отечественной войны микрорайона.

В нашей школе организована шефская работа с ветеранами. Учащиеся и члены музея организуют встречи с подшефными ветеранами, поздравляют их с Днем рождения и общегосударственными праздниками, оказывают адресную социальную помощь.

Особо значима работа школьных музеев боевой славы и поисковая работа по месту жительства. Работа школьников по поиску ветеранов войны, живущих рядом с нами, записи воспоминаний имеют большое значение как в познавательно-образовательном, так и в научно-исследовательском плане.

Итак, актуальность данного направления работы школьного музея обусловлена необходимостью формирования у учащихся умения общаться с людьми старшего поколения; перенимать их жизненный опыт; заряжаться их оптимизмом и позитивным отношением к жизни; формировать свою активную жизненную позицию; воспитывать готовность к социально значимым поступкам и деяниям; формировать гражданское самосознание.

Работа школьного музея по патриотическому воспитанию позволяет решать следующие задачи: изучать историю малой родины, родного края, его прошлое и настоящее; укреплять преемственность поколений. Краеведческая работа формирует и развивает у школьников нравственные качества личности: коммуникабельность, умение общаться не только со сверстниками, но и с людьми старшего поколения; способность к сопереживанию и готовность прийти на помощь нуждающимся людям; чувство сопричастности к общему делу, к жизни школы, к истории края и страны. Члены музея истории школы являются активными участниками различных литературных конкурсов и интеллектуальных игр на уровне города.

Работа школьного музея проводится по нескольким направлениям: изучение местных традиций, народных преданий, обрядов; изучение истории г. Минусинска.

Школа собирает материалы об истории названия улиц. Оформлены стенды по истории школы № 10, гимназии № 1. Ведется работа по написанию экскурсии к экспозиции «Летопись школы № 10».

Школьники знакомятся с творчеством минусинских поэтов. За 2008-2009 учебные годы написана исследовательская работа на тему «Литературное Красноярье», где проанализировано, чем привлекает г. Минусинск живущих в нем поэтов Г.Г. Канкееву, Н.П. Кирсанову, Д. Тырышкину, их творчество. Проведены встречи с поэтессой Надеждой Петровной Кирсановой. На 2009-2010 учебный год планируются встречи с А.В. Зарубенко, В.П. Дружинкиной.

К 65-ой годовщине Победы проводятся мероприятия по сбору материала об участниках Великой Отечественной войны (проживающих в Доме ветеранов, по адресу проезд Сафьяновых, 9). Планируется подготовить выставку «Художники о войне», провести конкурс сочинений на тему «Герои живут рядом». В гимназии проходят «уроки мужества». Школьники оказывают ветеранам помощь на дому. Возрождаются старые традиции «тимуровского движения» и создаются новые.

Немаловажным свидетельством результативности работы является неугасающий интерес к этой работе самих членов детского объединения, их желание творить и создавать, а также внимание всего коллектива школы, учителей, учащихся, родителей, общественности к деятельности школьного музея.

2009

Н.П. Бражникова,
п. Зелёный Бор

Социально-политические перемены как условие развития исторического краеведения

Краеведческое движение зародилось в глубокой древности, т. к. с глубокой древности люди проявляли любовь и интерес к своей малой и большой Родине. В России оно оформилось в XIX в. и на протяжении своей истории испытывало взлеты и падения. Для этого движения было характерно соединение и одновременное развитие разных научных направлений краеведения: природного, исторического, художественного и т.д.

Новый интерес к краеведению возник 20-е гг. XX в. и связан был с событиями, «которые потрясли мир» и требовали осмысления витка российской истории, как на общероссийском, так и на региональном уровне». В отличие от предыдущих лет, активное участие в краеведческом движении на этом этапе принимала школа и школьные коллективы.

Некоторое оживление краеведческого движения выпало на послевоенные 1950-60-е гг. Для него особенно было характерно развитие общественного движения: летописание, деятельность сельских краеведов, устно-исторические исследования на темы колхозного строительства и Великой Отечественной войны.

Очередным всплеском в развитии краеведческого движения можно назвать последнее десятилетие XX столетия, когда слились вместе и научное краеведение, и общественное, и школьное, и государственное, что проявилось в создании и введении в школах регионального компонента. Толчком к оживлению современного краеведческого движения послужило очередное потрясение России, требующее его осмысления.

Особенностью развития краеведения в эти последние годы стало бурное развитие разных направлений научного краеведения: исторического, экологического, этнографического, художественного и т.д. Расширилась тематика исследований. Кардинальные изменения произошли в школьном и вузовском краеведении, по-прежнему высокими темпами развивается общественное краеведение при поддержке краеведческих исследований и изданий, как местными администрациями, так и коммерческими структурами. В этом сила современного краеведения.

Логика развития современного общества ориентирует систему общего образования на формирование личности, социально и функционально грамотной, способной прогнозировать направление, темпы социально-экономических реформ, осознающей степень своей ответственности за результаты преобразующей деятельности. Такое понимание социального заказа системе образования предполагает принципиальное обновление парадигмы образования, то есть объективно обуславливает особую значимость инноваций в педагогической сфере.

Ситуация, сложившаяся в российской системе образования в последнее десятилетие, предполагает расширение границ инновационного пространства. «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.» определяла приоритеты инновационных процессов в сфере обновления содержания и структуры образования и подчеркивала, что успешность реализации инновационных программ во многом будет определяться способностью образовательного сообщества правильно организовать процесс внедрения инноваций.

Стратегии внедрения инноваций, обеспечивающие целенаправленное обновление содержания деятельности школ, вооружающие педагогических работников необходимым инновационным инструментарием, на сегодняшний день недостаточно разработаны.

Одним из приоритетов развития общего образования является совершенствование образовательной деятельности с учетом историко-культурной специфики конкретных регионов. Школьное образование должно побудить учащихся к осмыслению проблем регионального развития, подготовить их к осознанному выбору направления профессиональной деятельности и перспектив личностного становления в условиях социокультурной реальности.

По мнению исследователей (А.Б. Бакушинский, Н.И. Ворновская, А.В. Даринский, П.В. Иванов, Д. Камерон, Д.С. Лихачев, Т.Н. Панкратова, М.Б. Решетников, Т.В. Чумалова, С.О. Шмидт, К.Д. Ушинский, М.Ю. Юхневич), использование краеведческого материала позволяет реализовывать идеи личностно-ориентированного обучения, удовлетворять образовательные потребности учащихся. Для чего необходимо работать над формированием исторического сознания, знания, мышления, памяти современной личности включать ее в коллективную память и традиции.

Историческое сознание – это совокупность транслируемых от поколения к поколению исторических знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, традиций, норм и стандартов поведения. Оно образует ядро социально-культурной самоидентификации индивидов, социальных групп, этносов.

Исторические знания – результат познавательной, мыслительной деятельности людей, включенный в процесс общественно-политической и трудовой жизни людей и означающий усвоение исторических фактов, хронологии, понятий законов науки, отражающих объективные закономерности исторического процесса.

Историческое мышление – рационально-логическая ступень познания исторической действительности, существенных, прежде всего, причинно-следственных связей и отношений, исторических процессов и явлений, в творческом продуцировании идей, теорий, в прогнозировании событий и действий. Историческое мышление предполагает преемственность приобретаемых от поколения; к поколению знаний, сохраняемых памятью; и фиксируемых средствами языка, с которыми историческое мышление находится в неразрывной связи.

Историческая память – способность индивида сохранять и воспроизводить в словесно-логической (устной и письменной), образной; эмоциональной, предметной форме, исторические знания, полученные в системе образования и культуре, в результате усвоения опыта старших поколений путем самообразования и общения, через аудио, видео средства, а так же события, участником и свидетелем которых был ее обладатель.

Коллективная память – память «совокупного субъекта», историческая память нации, народа, общества.

Традиции – определенные элементы социального и культурного наследия, являющиеся продуктом общественных отношений, человеческой деятельности и образа жизни людей, возникающие исторически и передающиеся от поколения к поколению, и которые сохраняются в определенных обществах или социальных группах на протяжении долгого времени. Какой должна быть структура и содержательная сущность инновационной стратегии, чтобы она позволила обеспечить внедрение в педагогическую практику инновационных образовательных проектов, разработанных на материале историко-культурного краеведения?

Можно предположить, что инновационные образовательные проекты, разработанные на материале историко-культурного краеведения, могут быть успешно внедрены в педагогическую практику, если:

- тематика и проблематика инновационных проектов будет актуальна и значима в условиях конкретной социокультурной среды;
- цель, задачи, содержание инновационных проектов будут восприняты субъектами инновационной деятельности как лично и профессионально значимые;
- инновационная политика администрации образовательного учреждения будет основана на осознании инновационной деятельности как приоритетного направления деятельности образовательного

учреждения и реализована через систему специальных мер, поддерживающих инновации на всех уровнях;

– в образовательном учреждении будет сформирована культурно-образовательная среда, создающая возможность для гармоничного протекания процесса инкультурации личности.

Для этого необходимо определить позицию официальной власти по отношению к узловым, поворотным историческим событиям разных эпох; разработать единую программу преподавания исторических дисциплин в системе школьного, специального и вузовского образования; ограничить негативизм в оценках исторического прошлого России, особенно в школьных курсах в рамках НРК, в средствах массовой информации.

2009

В.Я. Бутанаев,
г. Абакан

Научно-практическая деятельность кафедры археологии, этнографии и исторического краеведения ХГУ им. Н.Ф. Катанова (к 15-летию со дня образования)

В сентябре 1994 г. была создана кафедра археологии, этнографии и исторического краеведения (АЭИК) при историческом факультете ХГУ, организатором которой стал проф. В.Я. Бутанаев. Кафедра объединила под своим руководством Лабораторию этнографии и Лабораторию Археологии НИЧ ХГУ. Главной задачей кафедры стало чтение курсов национально-регионального компонента образования для студентов вуза, а также подготовка и издание научных монографий, книг и учебных пособий, связанных с учебным процессом и просветительской деятельностью.

За время 15-летней научно-практической деятельности кафедра АЭИК сделала значительные успехи в освещении и сохранении исторического прошлого Хакасско-Минусинского края. Сотрудниками кафедры была издана серия монографий, ставших важной вехой в исторической науке нашей республики и Южно-Сибирского региона. Было опубликовано более 400 печатных работ, среди которых 25 монографий. Ряд книг и статей опубликован в зарубежных изданиях (Швейцария, Финляндия, Турция, Япония, Соединенные Штаты Америки).

В научных кругах и среди населения республики получили широкое признание следующие монографии и учебные пособия.¹

В связи с острой проблемой сохранения и восстановления исторических названий на карте Хакасско-Минусинского края, а также в целях реализации программы развития государственных языков Республики Хакасия кафедра АЭИК подготовила к изданию и издала в 1995 году «Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края».

Большой вклад в дело изучения фольклора внесла кандидат исторических наук, доцент И.И. Бутанаева. Наиболее выразительные легенды и предания (кип-чоохи) были опубликованы ею в двух авторских сборниках «Хьhwv тамырлары» (Абакан, 1982.) и «Хоорай чоннын ndhtkkthw» (Абакан, 1996.) на хакасском языке, куда вошло 136 номинаций. К сожалению, тексты изданы без переводов на русский язык. Исключение составляют фольклорные произведения – «Пахлон-Тас», «Умыкание невесты», «Чанархус» и «Абахай-Пахта», изданные в книге «Колчан сердечных стрел» (Красноярск, 1995) и предание «Ярнак Оджен-бег» в книге «Сказания о великом хакасском князе Еренаке» (Абакан, 2006), где на основе авторских подстрочных переводов поэт А.В. Преловский сделал поэтическое переложение. Сейчас тексты упомянутых двух сборников переводятся на русский язык, и мы надеемся, что в следующем году они будут изданы.

Впервые систематизация хакасского исторического фольклора, рассматриваемого отдельной темой, проделана И.И. Бутанаевой в книге «Хакасский исторический фольклор» (Абакан, 2001). В 2008 г. ею подготовлена и издана работа «Мир хонгорского (хакасского) фольклора». Книги И.И. Бутанаевой

пользуются большим спросом за рубежом. В 2002 г. издана ее монография (в соавторстве с В.Я. Бутанаевым) «Енисейские кыргызы: фольклор и история» в Бишкеке (Кыргызстан) на кыргызском языке, а в 2007 г. это же издание переведено на турецкий язык и издано в Стамбуле (Турция).

В 2003 г. кафедрой АЭИК выпущена в свет коллективная монография «Археология Хакасско-Минусинского края». Авторами разделов являются А.И. Готлиб, В.С. Зубков, А.И. Поселянин, Ю.С. Худяков. Книга получила высокую оценку среди вузовской книги Сибири.

Доцентом А.А. Верником изданы книги «Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) (Красноярск, 2005) и «История Хакасии (с древнейших времен до нач. XX в.). Учебное пособие». (Абакан, 2006).

На основе указанных книг и учебных пособий разработаны рабочие программы, читаются лекции по истории Хакасии, ведутся специальные курсы и дисциплины специализации для студентов Хакасского государственного университета.

Под руководством профессора В.Я. Бутанаева выполнили научные исследования и успешно защитили кандидатские диссертации 10 аспирантов.²

Воспитанники кафедры АЭИК работают в Хакасском государственном университете, Тувинском государственном университете (Кызыл), Хакасском республиканском краеведческом музее, Институте археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в правительстве Республики Хакасия и успешно применяют полученные знания, как в науке, так и в образовательной системе.

Сотрудники кафедры АЭИК принимали активное участие не только в поиске и научном осмыслении традиционной культуры и языка хакасов, но и становились инициаторами процесса их возрождения.

Профессор В.Я. Бутанаев внес существенный вклад в дело изучения памятников древнетюркской письменности и историко-культурной лексики языков, как хакасов, так и тюрков Саяно-Алтая. Его «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» (30 печатных листов) продолжает существующую ранее в российской науке традицию создания тюркско-русских словарей, которую характеризуют лексические труды Л.З. Будагова, В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, Н.И. Ашмарина, Э.К. Пекарского, К.К. Юдахина. Исследования проф. В.Я. Бутанаева имеют международное значение и входят в корпус мировой тюркологии. В 2007 г. в Анкаре вышел еще «Хакасско-турецкий словарь» (объем – 630 стр.), который был подготовлен заведующим кафедрой АЭИК совместно с турецкими тюркологами.

Председатель постоянного Совета организации ТЮРКСОЙ за серию работ по истории и культуре Хакасии объявил профессора В.Я. Бутанаева первым в истории лауреатом международной премии за заслуги перед Тюркским миром. Генеральный директор «Тюрксои» (ныне посол Азербайджана в России), Полад Бюльбюль-оглы, вручая ему премию в г. Стамбуле, отметил: «Весьма примечательно, что первой в истории нашей организации Международной Премии ТЮРКСОЙ удостоился представитель братского хакасского народа, который, несмотря на свою малочисленность, вопреки всем историческим и ассимиляционным процессам, сумел сохранить и передать новым поколениям свой родной язык, привязанность к собственным истокам, истории и культуре. Сердечно поздравляем Вас с этой высокой наградой, которой отмечен многолетний труд ученого-энциклопедиста: историка, археолога, этнографа и лингвиста. Надеемся, что благодаря таким подвижникам науки, как Вы, будут созданы новые фундаментальные работы, проливающие свет на историческое прошлое нашей общей прародины – Тюркского мира».

Крупным событием в культурной жизни Хакасии стал выход в свет полного «Хакасско-русского словаря». Словарь готовился к изданию более тридцати лет, начиная с 1970 г. Новый словарь содержит около 22 тыс. слов современного литературного хакасского языка, включая устаревшие и диалектные лексемы. В приложении даны списки названий племенных и родовых подразделений, мужских и женских имен, а также материалы по хакасскому календарю, подготовленные проф. В.Я. Бутанаевым. Необходимость издания национально-русского словаря в Хакасии назрела давно. И сам выход в свет такого словаря, отражающий основной лексический состав хакасского языка, несомненно, явление положительное.

В 1999 г. был издан «Хакасско-русский историко-этнографический словарь». В нем насчитывается более 4 тыс. заглавных слов с оригинальными словарными статьями, отражавших старый быт и культуру хакасов. До сих пор подобной работы не было сделано ни в одной тюркоязычной республике Сибири.

Ежегодно археологи и этнографы кафедры АЭИК выезжают в экспедиции, как по Хакасии, так и соседние регионы Красноярского края и Тувы, а также в Монголию и Китай. В преддверии знаменательной даты – 300-летия вхождения Хакасии в состав России, правительство Республики Хакасия оказало финансовую поддержку в проведении научной экспедиции к китайским хакасам, а также выделило средства на издание результатов поездки. 23 мая – 8 июня 2005 г. под руководством проф. В.Я. Бутанаева была проведена этнографическая экспедиция к фууйским кыргызам (так ныне в Китае именуют хакасов, переселенных в Маньчжурию). В состав экспедиции вошли: В.Я. Бутанаев – заведующий кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения ХГУ, И.И. Бутанаева – доцент кафедры АЭИК, М.А. Чертыков – аспирант кафедры АЭИК, Ху Чжэнхуа – профессор Центрального университета национальностей Китая, У Чжанджу – проректор сельскохозяйственной академии г. Харбина и Ю.В. Курочка – главный специалист информационно-аналитического отдела аппарата правительства РХ. У Чжанджу – кыргыз по национальности, является председателем Хэйлуцзянской Ассоциации кыргызов и заместителем председателя комитета по делам национальных меньшинств и религий Хэйлуцзяна. В результате экспедиции получены материалы, проливающие свет на дискуссионные моменты проблемы истории енисейских кыргызов и их преемственности с хакасами. В настоящее время хакасы или фууйские кыргызы проживают в двух селениях: «Биш-иб» (Пять домов) и «Чити-иб» (Семь домов) расположенных по р. Нони в уезде Фууй провинции Хэйлуцзянь, в 300 км к западу от г. Харбина и недалеко от города Цицикар. Фууйские кыргызы пронесли сквозь века названия своих древних родов, что позволяет прояснить их происхождение. Среди них сохранились шесть родов, имена которых звучат следующим образом: табан, хапхан, эчиг, сайындар, буридир и хыргыс. Как мы выяснили, сеок «хыргыс» получил китайскую фамилию «Сьы», что вероятно связано с последним слогом имени «кыргысы». Слово «сыы» в китайском языке обозначает число «семь». Поэтому селение рода кыргызы ныне по-хакасски обозначается «чити иб» – т.е. семь домов. Род «хапхан» или «гапхандар» по-китайски носят фамилию «хан». Они сохранили звучание второго компонента своего родового этнонима. Сеок «табан» или «табындар» (по-монгольски значит число пять) носят китайскую фамилию «У», что является китайским переводом с монгольского – «пять». Поэтому селение табанов ныне по-хакасски обозначается «биш иб» – т.е. пять домов. Представители рода «эчиг» или «эчигдер» носят китайскую фамилию «ченг», что представляет сокращенную форму второго компонента их этнонима.

В результате работы экспедиции были выявлены правильные названия остальных двух родов, которые ранее обозначались как «билтир» и «сандыр». На месте было выяснено, что члены первого произносят имя своего сеока как «буридир», а по-китайски их фамилия обозначается именем «Ланг». Китайское слово «ланг» в переводе на русский язык значит «волк». Таким образом, становится ясным, что «буридир» происходит от тюркского слова «бури» (по-хакасски «gmh») – волк. Аффикс «дер» (дир) представляет окончание множественного числа. В таком случае этноним «буридир» – значит волки. Последний этноним «сандар» исследователи долгое время не могли отождествить с определенными родовыми именами тюрков Центральной Азии. Во время нашего опроса представителей данного рода было выяснено, что по-китайски эта фамилия звучит как «Сай» и представляет первую часть их этнонима. Т. о., этноним произносится «сайындар» и восходит к имени хакасского рода «сайын». В данном выражении второй формант «дар» представляет окончание множественного числа.

Родовой состав фууйских кыргызов подтверждает их родство с современными хакасами и, конкретно, с сагайцами, среди которых находятся сеоки: хыргыс, табан, хапхын, ичеге, сайын и gmh (xbnw gmh). Все указанные роды в XVII в. входили в состав Алтырского улуса Хонгорая. Благодаря тому, что хакасы, ныне называемые в Китае «фууйскими кыргызами», сумели на протяжении трехсот лет сохранить в памяти роды, к которым они принадлежат, получен абсолютно достоверный источник, свидетельствующий об этногенетической преемственности современных хакасов с кыргызами русских документов. По результатам экспедиции был издан красочный альбом «Хакасы из провинции Хэйлуцзянь»

(Абакан, 2006). За книгу «Хакасы из провинции Хэйлуцзян» представленную на конкурс «Лучшие книги года» правление Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) наградило кафедру АЭИК Почетной грамотой.

Сотрудники кафедры АЭИК принимают активное участие во многих значимых проектах, связанных с историей и культурой Хакасии. В 1998 г. выходит энциклопедия «Народы и религии мира», в которой раздел о хакасах был написан проф. В.Я. Бутанаевым. Около двухсот статей археологов и этнографов кафедры АЭИК представлены в двухтомной энциклопедии «Республика Хакасия» (Абакан, 2007-2008) и красочном альбоме «Сокровища культуры Хакасии» (М., 2008).

Итак, в 1990-е – нач. 2000-х гг. происходит возрождение и развитие самобытной традиционной культуры хакасов. Инициатором и активным участником этого процесса стала хакасская научная и творческая интеллигенция, а также кафедра АЭИК. Наиболее актуальными в культурной и этнополитической жизни хакасов остаются такие проблемы как сохранение и функционирование хакасского языка, развитие национального образования и подготовка педагогических кадров для национальной школы, восстановление ценностей традиционного мировоззрения на основе возрождения традиционной религии хакасов и сохранение историко-культурного ландшафта.

По оценкам хакасских ученых, успехи хакасского народа в этнокультурном строительстве в кон. XX – нач. XXI вв. оказались значительно большими, чем в политической или экономической сфере.

Успешность процессов этнокультурного строительства связывается и объясняется, прежде всего, фактом существования собственной государственности.

В целом надо отметить, что создание кафедры АЭИК ХГУ – это важный шаг развития этнографической науки в Южной Сибири, в результате которого разрешаются проблемы практического исследования не только коренных народов региона, но и русских старожилов, и более поздних переселенцев на благодатную землю Хакасии.

Примечания

¹ Традиционная культура и быт хакасов» (Абакан, 1996); «Этническая культура хакасов» (Абакан, 1998); «История енисейских кыргызов» (Абакан, 2000); «Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – нач. XX вв.» (Абакан, 2002); «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» (Абакан, 2003); «Степные законы Хонгорая» (Абакан, 2004), «Иллюстрированная этнография хакасов» (Абакан, 2004); «Традиционный шаманизм Хонгорая» (Абакан, 2006); «История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России» (Абакан, 2007) и «Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности)» (Абакан, 2008).

² С.А. Угдыжеков (по теме «Социальная структура раннесредневековых кыргызов», Томск, 2000), К.М. Торбостаев (по теме «Проблемы этногенеза хакасского народа». Улан-Удэ, 2001), В.А. Бурнаков (по теме «Мир невидимых» по традиционным воззрениям хакасов». Новосибирск, 2002), М.В. Дорина (по теме «Духовые и ударные музыкальные инструменты тюрков Саяно-Алтая (Опыт историко-этнографического исследования)», Томск, 2004), А.А. Кыржинаков. «Таежные промыслы хакасов в XIX-XX вв.». Томск, 2005), Н.В. Тутаркова (по теме «Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе (XIX - XXI вв.)», Томск, 2007).

2009

И.Я. Василишина,
г. Минусинск

Межведомственное партнерство: научно-исследовательская деятельность учащихся с использованием фонда научной библиотеки музея им. Н.М. Мартынова

Для обеспечения нового качества обучения и воспитания учащихся роль учителя в школе, действительно, велика. Однако, нельзя стать подлинно образованным человеком лишь на основе пассивного восприятия и запоминания программного материала, который излагает учитель.

Л.Н. Толстой справедливо утверждал, что знание только тогда знание, когда приобретено усилием своей мысли, а не памятью. Поэтому для учителя актуальными остаются: поиск новых форм и методов

активного обучения; отбор интересного и расширяющего кругозор содержания; создание условий для применения знаний в практической деятельности или нестандартной ситуации; личностное развитие учащихся.

Изучив методологические и дидактические аспекты исследовательской деятельности учащихся, приходим к выводу, что успешная организация этой работы будет способствовать: формированию познавательного интереса учащихся; развитию теоретического мышления; реализации ранее приобретенных знаний в рамках других форм обучения; выработке индивидуального стиля работы; активизации творческих способностей.

В свою очередь, одновременно с учеником у учителя будет возможность обогатить лингвистические знания, развить свои способности как научному руководителю, что немаловажно для профессионального самосовершенствования.

Опыт по использованию в работе англоязычной литературы, позволил сделать вывод, что тема «Англоязычная литература в фондах научной библиотеки краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова» будет интересна. Данная тема была предложена ученику 10 класса Марунько Антону.

Выбор темы был продиктован и существующей проблемой. В наст. вр. иноязычные фонды научной библиотеки Мартьяновского музея недостаточно описаны и практически не используются в полном объеме по ряду причин. Поэтому, осознавая роль книги – хранительницы знаний и человеческого опыта, значение английского языка в современном мире, важность чтения как одного из уникальных средств человеческого общения и культуры, мы посчитали своим долгом сделать книги на английском языке доступными для учителей, студентов, учащихся школ города.

Кроме этого, по результатам исследовательской деятельности можно составить электронную библиотеку, что расширит доступ и сделает литературу востребованной не только людьми, изучающими иностранные языки, но и специалистами различных областей знаний. Были поставлены следующие задачи: изучить иноязычные книги, хранящиеся в фонде; упорядочить и рассортировать издания; дать краткое описание содержания, их оценку, что важно для составления каталога (каталоги, снабженные аннотациями, т.е. краткими описаниям, особенно полезны для читателя).

Обработке исследовательских материалов предшествовала огромная подготовительная работа: оформление документов, разрешающих работу в научной библиотеке; ознакомление с режимом работы музея и библиотеки; знакомство с работой библиотеки; изучение истории научной библиотеки и знакомство с фондами; изучение Государственных стандартов описания литературы; изучение особенностей перевода англоязычной литературы разных стилей; изучение разнообразных видов словарей.

Настоящий исследователь получает истинное удовольствие, преодолевая трудности. В нашей работе тоже встретились трудности. Каким-то мы подчинились, в силу заведенного порядка, а какие-то преодолели совместными усилиями. Таковыми, например, явились: обязательное оформление и продление документов, разрешающих работу в библиотеке; работа с фондом в строго определенные дни недели и часы (что не всегда согласовывалось с учебным процессом); готический шрифт, затрудняющий прочтение; ветхость некоторых книг (отсутствие обложек, титульных листов, страниц), что требовало предельной аккуратности; перевод специальных терминов, характерных для некоторых областей знаний; сложность с установлением издателя и автора; запыленность книг.

В ходе работы стало очевидным то, что описание книг – процесс длительный и очень ответственный, а составление каталога невозможно без помощи специалистов, проверяющих историю появления книг в библиотеке.

По итогам работы А. Марунько была подготовлена презентация. В январе 2009 г. работа представлялась на IV школьной исследовательской конференции «Шаг в науку» в школе №16, где заняла I место и награждена Грамотой (за тщательный лингвистический анализ проблемы, высокую эрудицию по проблеме исследования, истинное сотворчество с руководителем) и на IV научно-практической конференции школьников в г. Минусинске «Старт в науку», в рамках Российской научно-социальной программы для молодежи и школьников «Шаг в будущее» (Диплом Управления образования за участие в конференции).

В марте 2009 г. – на VI региональной студенческой научно-практической конференции «Знание – история – поиск – творчество молодежи в культуре XXI в.», которая проходила в Красноярском краевом колледже культуры и искусства в г. Минусинске (Благодарственное Письмо за успешную деятельность в области учебного исследования и представление его результатов).

В апреле 2009 г. – на III региональной научно-практической конференции студентов и школьников «Общество, образование, молодежь: актуальные проблемы современности» в ФГОУ СПО «Минусинский сельскохозяйственный колледж», где заняла II место.

Выступления перед аудиторией позволили ученику побывать в роли докладчика и оппонента, что очень важно.

Личностные оценки ученика – «книга полезна как образец для современного книгопечатания», «удобна для пользования», «имеет большую ценность», «интересна при изучении», «может быть использована в качестве...», «заинтересовала меня как человека, увлеченного шахматами» и др. – свидетельствуют о глубоком проникновении в предмет исследования и об огромном воспитательном воздействии выбранной темы.

Подводя итог, можно сказать, что ученик, освобожденный от условностей традиционного учебного процесса и вовлеченный в исследовательскую деятельность на базе научной библиотеки музея:

- обучился исследовательской деятельности как образовательной технологии;
- получил значительный объем языковых знаний;
- расширил свой кругозор;
- научился демонстрировать результат своей деятельности, отстаивая свою позицию;
- приобрел социальные умения и навыки взаимодействия и общения;
- почувствовал значимость своего «я» в мире науки и личную ответственность за сохранение культурного наследия;
- подготовил себя к студенческой жизни.
- увидел перспективу своей деятельности, т. к. сегодня мы стали участниками проекта «Английский язык открывает старые книги», разработанного сотрудниками научной библиотеки музея.

Проделанная работа стала возможной благодаря заинтересованности и помощи сотрудников музея им. Н.М. Мартыанова и администрации школы № 16 (г. Минусинск).

Литература

1. Жуковский А.А., Малхасян А.Г. Как самостоятельно учиться. Пособие для учащихся вечерних и заочных школ. - М.: Просвещение, 1974. - 112 с.

2009

А.Л. Заика,
г. Красноярск

Современный музей археологии и этнографии в рамках ВУЗа (стратегические и тактические аспекты экспозиционно-выставочной деятельности)

Традиционно музеи древней истории, культуры, археологии и этнографии, создаваемые при исторических факультетах, соответствующих кафедрах преследуют своей целью предметное освещение исторических процессов на ранних стадиях развития человечества, и в той или иной мере включены в общий учебный процесс.

Вузовские музеи в концептуальном плане однотипны. Выставочный материал представлен по хронологическому принципу от древности к поздним периодам. Приоритетную роль играют древние технологии производства (обработка камня, кости, гончарство, плавка металлов), отведены площади для иллюстрации хозяйственной жизни, через предметы представлено развитие военного дела. Духовная культура отражена в виде предметов искусства, культовых изделий. Фрагменты наскального искусства

приводятся в качестве иллюстрации различных сторон жизни (охотничьи и скотоводческие сюжеты, батальные сцены). Как свидетельство развития духовной культуры петроглифы представлены в виде труднообъяснимых фантастических образов или более понятных сцен камлания шаманов.

Подобная стереотипная ситуация объясняется идеологическими установками прошлого столетия, когда музейное дело было поставлено на политические рельсы пропаганды приоритетов материального производства в древней культуре и антирелигиозной борьбы с «пережитками прошлого».

Соответственно, у любого посетителя создавалось впечатление, что древний человек являл собой примитивное существо. Древние объекты поклонения («идолы», «болваны», «истуканы») были либо не достойны внимания, либо иллюстрировали факты «мракобесия» отсталых народов, лишенных элементарных знаний об окружающем мире и из страха поклонявшихся силам природы.

Смена политической ситуации на рубеже тысячелетий повлекла за собой то, что сегодня многовековые достижения человечества в плане материальных ценностей, полученные в ходе повседневной практики, как набившие оскомину, уступили модным почитаниям забытых богов, древних форм магии, развитию «неошаманизма» и т.д. Это не удивительно. Кризис любой идеологической догмы рождает мозаичность всплывших, вышедших из «подполья» забытых и появление новых направлений, компенсирующих создавшийся вакуум в духовной культуре общества. Это характерно для любых переломных моментов в жизни общества. Печально другое. Спекуляция идеями. Меркантильный интерес в пропаганде идей. В буквальном смысле - торговля и конкуренция. Рынок душ. И, что тревожит, в данном случае нередко рыночной площадью стали выступать выставочные залы музеев. Сегодня традиционным формам подачи музейных выставок приходят на смену различные «инновационные» проекты, с экстравагантными вариантами экспозиций, непонятными для отечественного зрителя, воспитанного на исторических, культурных традициях своего отечества, города, села, рода, семьи. Но – понятного узкому кругу приверженцев очередного модного течения, которые прямо или косвенно выполняют заказ пропагандистов во многом чуждой для нас культуры. При позитивных моментах в плане свежих форм выражения определенной идеи, в них нет глубины содержания, того смысла, которым всегда отличалась русская культура.

Учитывая вышесказанное, возникает проблема формирования концепции современного отечественного музея, определения основных целей и задач музейного дела, теоретических и практических разработок в деле внешнего оформления и внутреннего содержания экспозиций. Актуальность проблемы остро ощущается на примере вузовских музеев, особенно, если они участвуют в деле формировании будущих педагогических кадров, и более того – гуманитарного направления.

Сегодня необходимо формировать платформу нового музея, взяв на вооружение лучшие традиции «старой» музейной школы с использованием современных выставочных технологий для успешной музейной работы.

В стратегическом плане вузовский музей (прежде всего – вузовский) должен нести функцию очага культуры. Любой музей древней истории, в рамках ВУЗа, должен выступать как центр учебной, просветительской, воспитательной работы для студентов и учащихся школ. В своей работе он должен ориентироваться на формирование и развитие научно- познавательного интереса к истории родного края, уважительного отношения к культурно-историческому наследию далекого прошлого, на сохранение и пропаганду памятников археологии, истории и культуры народов Сибири.

Соответственно, музеи в своих экспозициях должны проводить генеральную линию связи времен: от древности до современности.

Наряду с *временной вертикалью*, должна присутствовать *пространственная плоскость* исторических соответствий. Многие энциклопедические факты и события истории нашли свое отражение на местном уровне, причем, на десятки и сотни лет раньше общеизвестных, что и должно прозвучать в экспозиционно-выставочной деятельности.

Концептуально мы должны также кардинально поменять отношение к древней культуре и древнему человеку. Мы должны поменять отношение к древней культуре в плане расстановки приоритетов. В данном

случае необходимо несколько отходить от традиций популяризации материальных сторон жизни и показать определенные доминантные позиции духовной культуры в истории развития человеческого общества.

В тактическом плане выставочные залы должны представлять собой не вещевой склад и не витрину антикварной лавки. В то же время – не яркие витражи супермаркетов и не подиум восковых фигур, не аллегорические картины прошлого и не полигон ассоциативных железобетонных конструкций. Экспозиционное пространство должно быть организовано в русле определенной концепции.

В данном случае необходимо делать акцент на то, что архаичное человеческое общество на любой ступени организации (род, клан, племя) в большей степени объединяло единство верований. Любая родственная группа имела общего мифического предка, свои родовые святилища, культовые места и обладала более интернациональной системой мировосприятия, которая стимулировала межэтнические контакты, межрегиональные отношения. Межчеловеческие конфликты и в древней, и в недавней истории часто происходили под знаменем борьбы различных мировоззрений. И следствием их было не физическое истребление противника, а навязывание своей идеологии, своих приоритетов в духовной культуре через осквернение святилищ, поругание или уничтожение идолов, храмов и т.д. Т.е. только подорвав религиозные устои можно было считать победу над тем или иным народом достаточно полной. Даже в каменном веке на примере петроглифов можно наблюдать факты ритуального вандализма. Когда высеченные в камне образы объектов поклонения подчистую стирались и на их месте наносились привнесенные сюжеты.

Поэтому необходимо показать не столько, *что делал* древний человек, а – *о чем думал, во что верил, как воспринимал* окружающий мир. Традиционная настенная роспись выставочного материала должна быть связана с несущей стержневой идеей мировоззренческого характера в виде объемной конструкции, иллюстрирующей модель мироустройства, характерной для соответствующего этапа развития культуры. В данном случае она может выступать как метафора (мировая гора, река жизни и смерти, мировое дерево, мировое яйцо), так и реальная вещь, ее соразмерный или гипертрофированный дубликат (идол, изваяние, священный камень).

Учитывая ограниченность пространства вузовских музеев необходимо максимально полно использовать имеющиеся объемы для выставочной деятельности (ниши, оконные проемы, выступы несущих конструкций и т.д.). В экспозиционное пространство можно включить стены, пол, потолок помещения. Вместе с тем, при оформлении выставочного зала необходимо избегать угловых конструкций, при их наличии – сглаживать их сходящимися под тупым углом плоскостями, округлять пластичными материалами. Продуктивны арочные дверные проемы, дугообразные диорамы в углах помещения, скошенные плоскости боковых стенок вертикальных витрин, многоугольность подиумов и горизонтальных витрин и др. С одной стороны это будет не совсем рациональным использованием имеющихся площадей, с другой – способствовать психологически комфортному, гармоничному восприятию материалов экспозиции.

С целью акцентирования внимания посетителя на базовых позициях музейной выставки вообще и тематики очередного раздела, в частности, экспозиционная площадь должна быть затемнена, за исключением основных символов, объемы которых находятся в зоне локального освещения. Закольцовывать объем пространства может слегка подсвеченный размытый фон «псевдо-скального» неширокого фриза с эталонными образами петроглифов, расположенного у потолка по периметру стен зала. «Подвешенная» реальность предполагает соответствующее «закадровое» музыкальное сопровождение.

Гармоничное сочетание подобных внешних эффектов зрительного и акустического характера психологически настраивает посетителя на волну приобщения к чему-то таинственному, познанию скрытой за порогом веков человеческой реальности.

Последующее, более предметное восприятие экспозиции происходит по мере посещения витрин, подиумов, расположенных по траектории экскурсии. Во избежание распыленности внимания желательно использовать поэтапное включение их освещения. В результате, только на завершающем этапе экскурсии вся экспозиционная площадь предстает в полном объеме и в сознании посетителя воспринимается (после получения необходимой информации) как законченная картина развития древней культуры во всех ее проявлениях. В противном случае, когда в традиционных вариантах выставочный зал равномерно освещен,

и каждый объект ярко представлен, калейдоскоп зрительной информации мешает сконцентрировать внимание на очередном объекте экскурсии, не смотря на все усилия экскурсовода. Тем более, если посетители – группа школьников.

Немаловажное значение имеет форма этикетажа представляемого материала. Аннотации должны быть краткими и емкими по существу, сами этикетки – неброскими и не контрастировать с общим фоном. Иначе мы рискуем превратить витрину в лоскутное одеяло или выставку товаров с белыми заплатками ценников. Приоритет выставляемого раритета над сопровождающей и дополнительной информацией должен соблюдаться неуклонно. В то же время тематика любого раздела экспозиции, по необходимости, должна быть понятна без помощи экскурсовода. Соответственно, развернутая информация, с которой желает ознакомиться посетитель, может быть вынесена на периферию экспозиции и представлена в различных видах в зависимости от топографии и технического оснащения помещения.

Выставочный материал желательно размещать на вертикальных или наклонных легко сменяемых основах. Горизонтальная экспозиция предметов малоэффективна для их восприятия. То же касается низких горизонтальных витрин. Мобильность выставочного материала предполагает оперативность смены экспозиции, ее обновление, перемещение в учебных и научно-исследовательских целях, презентацию за пределами музея.

В наст. вр. не совсем этично помещать реальные останки погребенных при моделировании захоронений той или иной древней культуры. Обилие скелетов в экспозиции (даже в виде муляжей) создает опасность превратить залы музея в публичный кладбищенский склеп. Между тем, именно по формам погребального обряда, антропологическому типу погребенных, характеру сопроводительного инвентаря в науке производится идентификация многих древних культур. Соответственно, необходимо использовать другие формы презентации данной категории экспонатов. В частности, эффективны баннерные технологии с использованием прозрачных основ и внутренней подсветки. Когда, например, пластиковое полотно с качественным фото (желательно в реальный размер объекта) помещается внутрь смоделированной погребальной/надмогильной конструкции. Грамотно подобранное фото и умело поставленный свет, наряду с внешним объемным антуражем, помогут достичь желаемого результата. Более того, зрительно можно достичь эффекта наличия в экспозиции «подпольных ниш», «углубить» выставочное пространство. Получить необходимую информацию о захоронении, ознакомиться с погребальным инвентарем посетитель может на отдельном выносном стенде, полке витрины (замечено, что артефакты, выложенные вместе с реальным костяком, как правило, теряют свою аттрактивность).

Исходя из вышеизложенного ряда позиций концептуального плана возможно решение ряда задач: пробуждение интереса к древнему прошлому, уважение к нему, у посетителя появится гордость за богатство истории родных мест. Первичные эмоции патриотического характера в конечном итоге заложат краеугольный камень в воспитании гражданской ответственности за сохранение историко-культурного наследия своего Отечества.

2009

Т.А. Наумова,
г. Минусинск

Гражданское образование и патриотическое воспитание в общеобразовательной школе

Гражданское воспитание личности представляет собой важнейшую составляющую образовательного процесса не только в российской, но и в мировой образовательной практике. Глобальные перемены, происходящие в нашей стране в течение последнего десятилетия, направленные на развитие гражданского общества и правового государства, требуют всестороннего развития личности. Одной из важнейших задач современного российского гражданского образования является формирование таких базовых гражданских ценностей, которые, с одной стороны, имеют общедемократические основы, а с

другой стороны, опираются на социокультурные и исторические достижения российского народа, связывающие поколения российских граждан.

Современное общество заинтересовано в том, чтобы граждане были самостоятельны, могли активно действовать, принимать решения, гибко адаптироваться к изменяющимся условиям жизни.

Поэтому перед школой стоит задача по формированию выпускника, умеющего самостоятельно приобретать знания, успешно применять их на практике, находить выход из разнообразных возникающих проблем, чтобы на протяжении всей жизни была возможность найти в ней свое место; умение критически мыслить; в ситуациях нравственного выбора не забывать о совести; быть положительным, контактным в различных социальных группах и в коллективе.

Решение этих задач в условиях резкой социальной системы дифференциации и девальвации духовных ценностей – процесс сложный, многогранный, тонкий и деликатный, т. к. затрагивает сознание, душу человека, а также определенные парадигмы образования, рассматривающей ученика как субъекта деятельности.

Понимание гражданско-патриотического образования и воспитания, заключается в формировании нравственных качеств, т. к. патриотизм имеет силу в том обществе, где отношение к его пониманию и восприятию одинаково для всех граждан, независимо от занимаемого ими места, где каждый соотносит себя с пользой для общества, осознает, что сегодняшние деяния не выльются без него в завтра.

Исходя из такого понимания необходимо обращать внимание на воспитание патриотизма не только как любви к Отечеству, но и морально-нравственной, физической любви, когда воспитывается любовь к согражданам, желание делать добро, любовь к родной речи, желание жить и трудиться на родной земле.

Программа гражданского и патриотического образования и воспитания включает в себя три основных направления деятельности: урок, внеклассная работа, факультативные занятия.

Преподавание истории требует обновления, особенно в связи с переходом к профильному обучению. Изменения последних лет в социально-экономической жизни страны и в общественном сознании вынуждают общество опираться на то, что устоялось, не искажено временем, имеет ценность не для одного, двух, трех поколений людей, т. е. искать опору в краеведческих знаниях, в лучших традициях прошлого, в своей природе.

Важная роль комплексного изучения своей «маленькой» Родины была осознана в России давно. В нач. XX столетия такое изучение обозначили термином краеведения. Историческое краеведение сегодня – это сложное самостоятельное направление науки. В наши дни оно имеет огромное значение для общества. По словам Д.С. Лихачева, оно способствует формированию нравственной оседлости населения, чувства Родины. Не менее значимо краеведение и для развития личности. Знание и понимание природной, социокультурной специфики своего города (школы), осознание процессов, происходящих в непосредственной близости, помогает каждому человеку чувствовать себя комфортно, уверенно в этом мире.

Как можно применить краеведческий подход при преподавании истории в школе? Какие новые интересные формы учебно-воспитательной работы может предложить школьный музей?

В декабре 2002 г. состоялось открытие музея истории школы и боевой славы. Главной идеей данной педагогической технологии было создание оптимальных условий для формирования основ культурно-исторического мышления школьников. Задачи были сформулированы следующие: расширить исторический кругозор учащихся школы; выработать активную патриотическую позицию; сформировать личностное, эмоционально окрашенное отношение к историческим фактам; воспитать любовь и уважение к прошлому своего города, школы, края, Родины.

Технология рассчитана на работу с разновозрастным детским коллективом, не привязана к жестким срокам реализации ее этапов.

Т. к. в основе концепции музея лежит понимание обучения как процесса исследований, открытий на основе личного опыта и через продуктивную деятельность, то в процессе музейного занятия ребята не только приобретают новую информацию, но и «пропускают» эту информацию через собственные руки,

«ощупают» ее как результат своих личных открытий. Этому способствует такая организация работы музея, которая включает детей в активное общение с экспонатами.

Осваивая навыки экскурсоводческой работы, экскурсоводы получают возможность развития коммуникативных навыков. Они успешнее проходят социализацию, ведь после экскурсии, проведенной для учеников своей школы, повышается социальный статус ребенка.

Первоочередной задачей было создание актива музея, оборудование и оформление помещения.

Начали работу по созданию музея с формирования концепции, основных направлений и проекта переоборудования учебного кабинета в музей. Консультативную помощь оказали специалисты – сотрудники городского музея им. Н.М. Мартьянова. В результате переоборудования учебного кабинета получилось функциональное, оснащенное стендами, передвижными выставками, современное помещение школьного музея общей площадью 34,5 кв м. Был создан Совет музея. На первом заседании актива музея (все заинтересованные в работе музея учащиеся 5-11 классов) выбрали Совет музея, который поддерживал работу всего актива. Актив музея собирался один раз в две недели. Прошло разделение ребят по группам: Совет литературного отдела, поисковая группа, экскурсоводы, журналисты, фотокорреспонденты, оформители. Учащиеся изучали краеведческую литературу, посещали городские музеи.

В работе музея определились основные направления деятельности: «История школы № 16» – строительство, открытие и первый выпуск школы № 16; «Ветераны Великой Отечественной и локальных войн»; «Есть такая профессия защищать Родину»; «Профессия-учитель»; «Данс-класс»; «ДАР»; «О, спорт, ты – мир»; «Воспитательная работа в школе»,

В активе музея сложилась поисково-исследовательская группа, которая занималась сбором исторического материала. Ребята брали интервью у своих родителей, учителей, знакомых. Был составлен несложный опросник: биография учителя; какие традиции были в школе № 16; какие ребята запомнились, почему? Учились ли они в школе № 16? Когда? Что запомнилось?

Инициатива нашла поддержку со стороны родителей, учащихся, жителей микрорайона, которые с интересом отнеслись к работе музея. Учащиеся почувствовали себя хранителями времени, истории, традиций, стали ощущать себя частью истории семьи, школы, города, страны, стали понимать, что любовь к Родине, патриотизм начинается со знания, уважения и хранения памяти о своих родных, близких, знакомых.

Актив музея, опираясь на поисковую и исследовательскую работу учащихся, разработал ряд сценариев мероприятий. Это выставки, экскурсии, музейные уроки на следующие темы: «Листая школьные страницы», «Блокадные дни. Блокадные ночи», «Огненная дуга», «Город Сталина», «Безумству храбрых поем мы песню» (к 80-летию Зои Космодемьянской), «Город у Красного Яра». В музее отражена школьная символика – герб школы, гимн и Книга Почета, куда заносятся имена и фамилии учителей, получивших высокую оценку своей педагогической деятельности.

На базе школьного музея была разработана и реализована дополнительная образовательная программа гражданско-патриотического направления «Истоки» для учащихся 7-11 классов. За пять лет удалось реализовать три проекта: конкурс патриотической песни, конкурс рисунков «Война глазами детей», «Письмо ветерану», которые переросли рамки проекта и стали традициями школы. За время существования музея было проведено 64 экскурсии, музей посетили более 1,5 тысяч учащихся школы и гостей. В 2005 г. музей занял II место в ежегодном городском смотре школьных музеев, опыт работы в данном направлении был представлен на Краевом конкурсе музеев в 2006 г.

По инициативе школьного музея ежегодно проводятся встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, в канун памятных дат – 23 февраля, 9 мая, событий Великой Отечественной войны.

Школьники выявляют и развивают свои способности в журналистике, дизайне, учатся общаться с людьми разных возрастов, характеров, профессий, выбирают занятие по душе, самоутверждаются при поддержке друзей и педагогов. А это особенно важно для достижения успешности в жизни, т. к. не каждый может проявить себя в учебе или спорте, а в творчестве, общении – каждый, если только ему вовремя помочь, направить в нужном направлении, дать совет. Доказательством служит эффективность

занятий исследовательской деятельностью учащихся. Они стали призерами научно-практических конференций, конкурсов школьников и студентов городского, зонального, краевого и Всероссийского уровней: 2005-дипломант VI Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории XX в.», 2006 г. – победители городской научно-практической конференции «Старт в науку» (I, III места), работы опубликованы в сборнике исследовательских работ; 2007 г. – III место в научно-практической конференции «Старт в науку», дипломант IV студенческой научно-практической конференции «Знания – история – поиск – творчество молодежи в культуре XXI в.», финалист Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории России XX в.» в номинации «История политических репрессий», дипломант Всероссийского фестиваля исследовательских и творческих работ «Портфолио».

Развитие кругозора, коммуникабельности, умение владеть устной и письменной речью, формирование индивидуальной позиции, выбор профессии – все это составляющие непростой задачи развития личности ребёнка, которая стоит перед школой.

Музейная педагогика значительно расширяет возможности учителя, воспитателя в решении задач, связанных с историческим, культурологическим образованием. Она направлена на повышение внимания детей к окружающей действительности, помогает обнаружить вокруг себя реалии музейного значения, ценить подлинные вещи умерших эпох, семейные реликвии. Всё это делает жизнь учащихся более насыщенной и интересной, поднимают его культуру, развивает интеллект, дает ему в руки новый инструмент для познания мира.

2009

Е.А. Никифорова
г. Минусинск

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова как образовательный ресурс для студентов специальности «Туризм»

Мартьяновский музей – достояние не только нашего города, но и Красноярского края, всей Сибири. С момента своего рождения музей возложил на себя две основные функции: научное изучение региона и образование, просвещение его жителей. Эти функции были зафиксированы в Уставе Минусинского местного публичного музея. Сам Н.М. Мартьянов был организатором и участником многих научных экспедиций. В кон. XIX – нач. XX вв. сотрудники музея проводили просветительские беседы для посетителей данного учреждения – прообраз современных экскурсий. До наст. вр. эти функции свято выполняются сотрудниками музея: организуются научные экспедиции по югу Красноярского края, результаты которых доводятся до сведения экскурсантов.

За более чем 130-летнюю историю своей жизни музей накопил колоссальный объем информации, которая передается людям через различные выставки, выступления в СМИ, просветительские лекции. Результаты научной деятельности музея – это тот материал, который мы преподаватели с радостью используем в своей профессиональной деятельности. Материалы музея – научно достоверная информация, следовательно, особо ценная.

Работая в Красноярском краевом колледже культуры и искусства на специальности «Туризм», постоянно использую в учебной деятельности материалы музея: общедоступные сведения по истории и культуре нашего региона, материалы выставок, энциклопедию «Юг Красноярского края».

В конце учебного года задала своим студентам вопрос: «Какие занятия запомнились? Почему?» Студенты перечислили многие занятия, большая часть из них проходила вне аудитории – экскурсии и так называемые музейные занятия. А запомнились они тем, что «интересно, увлеченно работал экскурсовод», «большое эмоциональное воздействие экспонатов», «яркий рассказ и показ», «можно было прочитать, услышать и посмотреть» и т. д. Интересно, что информацию, полученную на экскурсиях, студенты

использовали как аргумент для подтверждения теоретических положений многих учебных дисциплин. Экспонаты музея, как правило, производят на экскурсантов сильное эмоциональное воздействие. Причем, чем старше предмет, тем больше он воздействует на человека.

При изучении ряда дисциплин без Мартьяновского музея как образовательного ресурса невозможно обойтись. Дисциплина «История и культура Красноярского края» преподается студентам на первом курсе. Среди них много приезжих, которые не знают истории Хакасско-Минусинской котловины. Экспозиции музея, благодаря хронологическо-тематическому принципу построения, позволяют практически полностью проследить историю региона, которая является частью истории всего края. При таком способе изучения учебного материала история из сухой и скучной (для многих ребят еще со школы) превращается в увлекательное занятие, где есть возможность не только услышать информацию, но и увидеть ее, а иногда и реально ощутить (например, приподнять кандалы или прикоснуться к каменному изваянию).

Дисциплина «Туристические достопримечательности Красноярского края и Сибири» занимает важное место в профессиональной подготовке будущих специалистов сферы туризма. Значительное время выделено в Программе дисциплины для изучения достопримечательностей нашего города. Мартьяновский музей является главным историко-культурным памятником Минусинска. С удовольствием вожу своих студентов в музей на обзорную экскурсию, которая позволяет познакомиться с культурно-познавательным потенциалом всего региона через разнообразные коллекции музея. Студентам нравится и пешеходная экскурсия «Минусинск купеческий», после ее посещения они с большим уважением относятся к исторической части Минусинска. Например, гостиница «Амыл» после экскурсии стала восприниматься студентами не только как средство размещения удручающего состояния, но и как памятник, свидетельствующий о бурном экономическом росте Минусинска. А проводят для нас эту экскурсию сотрудники музея.

Дисциплина «Туристское регионоведение в России» дает студентам знания о районировании в туризме, о факторах, влияющих на вычленение туристских регионов. При изучении ряда тем целесообразно провести занятия в музее. На материалах выставок «Природа края», «Народы Южного Енисея» раскрываются темы «Факторы регионализма» и «Региональные особенности Красноярского края».

Три дисциплины учебного плана специальности «Туризм» имеют непосредственное отношение к музею, так как исследуют его выставочную и экскурсионную деятельность: «Выставочная деятельность», «Экскурсионная деятельность» и «Организация экскурсионного сервиса». Студенты на конкретных примерах знакомятся с процессом организации выставок, изучают выставочное оборудование, оформление выставочного пространства. Работа экскурсовода становится предметом изучения для студентов: отмечается мастерство экскурсовода, методические приемы, которыми он владеет, а так же знание темы экскурсии. Студенты с удовольствием наблюдают за работой экскурсовода, отмечая положительные и, к сожалению, отрицательные моменты в его деятельности. Благодаря производственной экскурсии по музею, которую проводила Волова Т.В., у студентов изменилось отношение к музею, и теперь он воспринимается как живой организм. Эта экскурсия дала возможность увидеть музей изнутри и познакомиться с деятельностью всех его служб. Производственная экскурсия в музей становится необходимостью при изучении дисциплины «Организация экскурсионного сервиса». В рамках данной дисциплины в 2008-2009 учебном году студенты работали в залах музея над созданием тематических экскурсий. Для некоторых ребят первый опыт оказался весьма успешным.

Итак, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова является неисчерпаемым образовательным ресурсом для обучения студентов специальности «Туризм». Но таковым ресурсом музей может стать только в том случае, если сам преподаватель хорошо ориентируется в его материалах и имеет представление о методах использования этого богатства на своих занятиях.

Сотрудники музея разработали большое количество тематических экскурсий. Но их тематика, специфика не всегда соответствуют нашим учебным программам. Поэтому есть случаи взаимного непонимания и неудовлетворения результатом экскурсии. Чтобы избежать подобного недоразумения необходимо разработать методику подготовки к музейному занятию. Считаю, что музейное занятие предпочтительнее экскурсии: текст экскурсии составляется сотрудниками музея и утверждается на

методическом совете музея без учета наших потребностей. Музейное занятие разрабатывается непосредственно по заявке преподавателя и для определенной группы с учетом ее особенностей. С теми, кому интересны вопросы организации и проведения музейного занятия, готова поделиться своими наработками.

В заключение несколько рекомендаций:

1. Обзорная экскурсия по музею содержит огромный научно-информационный материал, дает представление о регионе в целом, но исчезает конкретика. Не заказывайте обзорную экскурсию, если в этом нет необходимости.

2. Обратите внимание на тематические экскурсии. Их содержание более полно раскрывает отдельную тему и надолго остается в памяти студентов.

3. К экскурсии должен готовиться сам преподаватель, и нужно мотивировать студентов. Студенты должны знать, что экскурсия – это не увеселительная прогулка, а работа для ума и души. Экскурсия не сможет дать ответы на все вопросы учебной темы, поэтому нужно представлять как донести до студента тот материал, который не найдет отражения в материалах экскурсии.

4. Музейное занятие предпочтительнее тематической экскурсии. Оно требует более тщательной подготовки, взаимодействия преподавателя и экскурсовода, но и дает больший положительный эффект. По сути своей музейное занятие имеет много общих черт с бинарным уроком. Музейное занятие должны проводить два ведущих – экскурсовод и преподаватель, каждый из которых выполняет свои функции, но при этом просветительская функция подчинена образовательной.

5. Экскурсия – мероприятие платное. Поэтому заранее подсчитайте ту сумму денег, которую студенты потратят на экскурсии по Вашей дисциплине, и сообщите им об этом в начале учебного года.

6. Используйте личные контакты, устанавливайте деловые связи с музеем. Убедите музей в том, что студенты – это постоянные посетители, и, следовательно, имеют право на скидку.

2009

Н.А. и В.А. Никулкины,
с. Курагино

Краеведение и Интернет

Изучение родного края позволяет осознать, что каждый человек – соучастник прошлого, настоящего и будущего, что корни человека – в истории и традициях семьи, своего народа, края, в котором живет человек. Изучая историю родного края, можно изучать и историю страны в целом. На небольших регионах, как на лакмусовой бумажке, отражаются все изменения, которые происходят в стране.

За последнее время предмет краеведения стал обращать на себя внимание. В распоряжении краеведов есть большое количество литературы, документов, но, как и прежде, вся эта информация разрознена, что затрудняет процесс изучения краеведения, прежде всего для школьников. Невозможно изучать историю родного края в отрыве от тех мест, где она вершилась. Особенно это важно для подрастающего поколения, чтобы этот предмет не превратился в очередной назидательный урок в душном кабинете. Поскольку это история региона, отдельного населенного пункта, и мы можем стать ее продолжением, и каким будет это продолжение – зависит только от нас. Хочется пробудить в ребятах интерес к тому месту, где они родились и выросли, чтобы спустя время, после окончания учебных заведений, они вернулись на свою малую родину и сделали свой вклад в ее процветание.

Время не стоит на месте. Дети порой быстрее взрослых осваивают новые технологии. Школы оснащаются компьютерами, всемирная сеть становится доступной каждому ученику. А что может предложить Интернет своему пользователю? Не каждый российский город имеет сайт в Интернете, который бы дал более или менее полное представление о его истории, инфраструктуре, культурной жизни. Преимущество интернет-изданий перед периодическими печатными изданиями на лицо: аудитория –

любая точка земного шара, накопление информации в одном месте за большой период времени, доступность этой информации, интерактивность выбранного формата позволяет каждому человеку в любое время воспользоваться информацией.

В январе 2004 г. начал работу Интернет-проект, в котором наша семья попыталась рассказать о Курагинском районе, нашей малой родине. За это время мы добились хороших результатов. Многие откликнулись на эту идею, и теперь у нас много соавторов, которые постоянно пополняют книгу жизни нашего района. Курагинский район оказался интересен не только людям, которые в нем проживают. Хорошие отзывы мы получаем из многих уголков России, ближнего и дальнего зарубежья. В этом году нам перевели несколько основных страниц на английский язык.

В своей работе мы постарались отразить разные стороны жизни района: здоровье, история, религия, туризм, творчество талантливых людей, экономика, культура. Единственная тема, которой не коснулись – политика. Конечно, это тоже часть истории, но как показывает практика, только время покажет, кто прав, а кто не прав. Это тема для отдельного проекта.

Ещё одна задача, которую попытались решить – вызвать интерес к району не только у его непосредственных жителей. Курагинский район, прежде всего – это удивительной красоты природа, уникальность географического положения, где есть всё, начиная от степных зон, заканчивая непроходимой тайгой и горами. Большой простор для развития туристической направленности и привлечения инвестиций.

Отрабатываются велосипедные и веловодные маршруты по нашему району. Маршруты абсолютно разные по уровню сложности, протяженности, но каждый из них по-своему интересен. Во время походов ведется дневник, по возвращении пишутся отчеты, которые иллюстрируются качественными фотографиями. Рассчитывая на абсолютно различную аудиторию, мы стараемся затронуть разные аспекты. Кому интересна техническая сторона подобных походов, описывается снаряжение, подробная нитка маршрута, возможные сложности, удобные места для ночевки. Особенностью отчетов становятся описание тех мест, которые мы проезжаем. Кратко описываем историю населённых пунктов, рассказываем о людях, которые прославляли эти места. Собирая информацию, многое познаем сами, и, конечно, появляется желание поделиться этими знаниями с окружающими.

В этом году состоялся трехдневный велосипедный поход от Курагино до охотничьей заимки Нижняя Тридцатка. Описывая маршрут, открыли много интересных, временами трагических, страниц истории. В частности, историю Усть-Можарской трудовой колонии, куда ссылались люди в период массовых репрессий со всей России.

Основной целью этого похода стало посещение могилы замечательного человека, героического изыскателя Александра Михайловича Кошурникова. Вспоминая этого человека и его товарищей, хотелось почтить их память и напомнить историю их подвига.

Недалеко от Нижней Тридцатки есть маленький поселок Жаровск, который привлек наше внимание историей жизни еще одного человека. Гелий Николаевич Боголюбов был сослан сюда из Ленинграда после расстрела отца. Александр Михайлович Кошурников стал его героем на всю оставшуюся жизнь. У Гелия Николаевича появилась задумка пройти пешком трассу Абакан-Тайшет. Для этого он получил пропуск, на прохождение «искусственных сооружений на дороге Абакан – Тайшет», то есть тоннелей и мостов. В мае 1987 г. он начал свой поход и прошел пешком 647 км. В последнее время именно этот маршрут, Курагино – Нижняя-Тридцатка пользуется популярностью у туристов, особенно красноярских. И очень обидно, что главной их достопримечательностью остается община Виссариона. В отчете мы постарались доказать, что история этого места началась задолго до появления Виссариона в этих местах.

В этом году с помощью интернета завязали знакомство с Петром Николаевичем Губониным, старшим преподавателем геодезии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета. Он поделился с нами уникальным материалом о своем деде, Николае Семеновиче Губонине, который в 20-е гг. прошлого столетия строил дороги по югу Красноярского края. Выдержка из письма: «Как уже было сказано, о работе деда в Енисейской губернии лучше всего рассказывает его собрание

стереоснимков количеством около 70 штук. По тем временам не много, но надо помнить, что после 1910-х гг. коллекция пережила две революции, две мировые и Гражданскую войны, годы репрессий, переезды и прочее. Да просто прошло почти целое столетие! Чудо, что вообще что-либо сохранилось».

Не так давно мы получили письмо из Америки, в котором Людмила Диангар сообщила о своей родственной связи с семьей Губониных. Сейчас мы продолжаем переписку с Людмилой.

Страницы учебников позволяют многое узнать, но когда посещаешь места, где создавалась история, общаешься с людьми, соприкасаешься с документами – эта история оживает. И теперь трудно подходить формально к новым фактам, которые стали известны. Возникает желание об этом, поделиться своими впечатлениями. Совмещая туризм и краеведение, хочется привлечь внимание большего количества людей. И интернет-технологии позволяют это сделать. Может кто-то захочет испытать свои силы и повторить наши маршруты, и тогда заинтересуется историей этих мест. Но главное, кого хотелось бы привлечь – это дети. Освоено несколько несложных, но очень интересных походов для детей школьного возраста. Здесь есть что посмотреть и о чем рассказать.

Отчеты помещаем на различных порталах туристической направленности, делимся своими наработками и получаем достойную оценку своей работе. Один из постоянных читателей Юрий (Германия) написал: «Отличный рассказ, с историческими экскурсами – как говорил Прутков: бросая камушки, наблюдай за кругами, которые они образуют, иначе это будет пустое проведение времени! Вы не только ездите и плаваете, что само по себе здорово, но еще и будите интерес к истории. В то время как основная публика просто тянет рюкзаки, не поднимая глаз. Спасибо! Просто, как и в прошлый раз, хочется в вашей компании побывать, проплыть, проехать».

Это дополнительный стимул для продолжения работы. А главное, что проект помогает соотечественникам, выходцам из Курагинского района, которые волею судеб оказались далеко от родины, хотя бы виртуально, но вернуться в места их детства. Об этом свидетельствуют многочисленные письма: «С удовольствием посмотрел фотографии! Еще раз убедился, в том какие красивые у нас места, как будто побывал дома!! Спасибо создателям сайта!!»; «Ребята! Вы – молодцы! Такой великолепный сайт! Так здорово сочетаете в нем и историю, и географию, и свою личную жизнь. Сам я окончил школу в Краснокаменске, затем окончил в 1981 г. исторический факультет Красноярского пединститута. Считаю, что краеведение в Курагинском районе можно смело преподавать, пользуясь Вашим сайтом. Спасибо Вам за труды!»

Отчеты занимают лишь малую часть всей информации, которая собрана за эти годы. Более пятисот страниц полезной информации, фотографии, позволяют многое узнать о нашем районе. Нельзя упускать времени, все меньше становится живых свидетелей ушедшей эпохи. Надо собирать информацию и делать ее доступной для общественности. Мы все свидетели того, что за последнее время история искажается, уничтожается, происходит подмен понятий и фактов. В наших силах сделать так, чтобы информация была доступна любому человеку.

2009

Г.Т. Харченко,
г. Минусинск

Зональная краеведческая конференция «Кто мы? Откуда?»

Ежегодно, начиная с 2001 г. в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина г. Минусинска проходит зональная краеведческая конференция «Кто мы? Откуда?», в которой принимают участие около 100 и более краеведов южной территории края – ветераны и школьники, учителя и библиотекари, специалисты архивов, музеев.

Первая конференция «Кто мы? Откуда?» была организована по просьбе учителей города. В то время учащимся было очень трудно куда-либо выехать, а ребятам необходимо было представлять свои работы, учиться выступать. Кроме того в это время начинали создаваться школьные научные общества.

Первая конференция прошла удачно. Участниками были краеведы юга края, старшеклассники школ, библиотекари. Заслушано 44 сообщения, 37 из них сделали юные краеведы. Заведующая библиотекой музея им. Н.М. Мартьянова Т.А. Ломенко рассказала, как начиналось изучение Сибири. Специалист архива Л.П. Чащина дала конкретные рекомендации о краеведческих документах, встречающихся в быту. А.А. Шадрин рассказал о деятельности городского клуба «Краевед». На конференции работали секции: «История сел, персоналии», «История, политика, культура», «Природа: геология, экология».

Гости из Абакана поделились накопленным опытом по проведению подобных конференций. В делегацию вошла Кабаева Людмила Николаевна – член Российского координационного Совета учащихся России (2001 г.). Она подсказала ряд идей по методике проведения подобных конференций.

Конференция прошла в апреле, а уже в сентябре начались звонки в библиотеку. Звонившие интересовались, когда будет следующая. И теперь ежегодно, в конце апреля, мы собираемся на очередную конференцию. В этом году прошла 10-я конференция.

Краеведы представляют свои исследования (сочинения, сообщения, рефераты) по итогам школьных экспедиций, городских, районных и школьных конференций, краеведческих марафонов и т.д.

Темы исследований краеведов Ермаковского, Идринского, Каратузского, Краснотуранского, Курагинского, Минусинского, Шушенского районов и г. Минусинска – это обращение к прошлому и современным проблемам южного региона края. Исследования посвящены природе и литературе; культуре и фольклору; истории населенных пунктов, учреждений и организаций; национальностям и отдельным личностям.

Материалы выступлений курагинских краеведов очень объемные, насыщенные различными архивными документами. Например, работы Дмитрия Калюги (11 класс) «За добро и справедливость» (о Фроловой А.И.) (2005 г.), «Колокол памяти стучит в мое сердце» (история Усть-Можарской трудовой колонии) (2006 г.). В работах представлены копии различных архивных документов (протоколы, ведомости...), копии личных документов (копии различных наградных документов, копии фотографий), письма, воспоминания и др.

Сообщения краеведов Идринского района обычно сопровождается демонстрацией бытовых предметов. Например, выступающие Куцакова Ольга с темой «Белорусские корни в моей родословной» (2003 г.) и Конопелько Настя – «Мордва в истории Большого Телека» (2003 г.) были одеты в традиционные народные одежды и по ходу выступления демонстрировали бытовые предметы, фотографии и т.д.

Выступления шушенцев строятся на итогах исследований, наблюдений и т.д. Интересна работа Куркиной М. и Штыковой О. (11 кл., с. Субботино), «Церковный раскол и старообрядческое движение: староверы среди нас» (2009 г.). Работа построена на наблюдениях и личном общении со старообрядцами. В сообщении Жигалина А. (10 кл.) «Фауна мелких млекопитающих Перовского лесничества национального парка «Шушенский бор» присутствуют статистические таблицы, итоги различных анализов (статистических, литературы, анализ маршрутов и т.д.).

В рамках конференции работают секции «Судьбы людские», «Летопись родного края», «Литературное краеведение», «Проблемы развития региона», «Природное наследие. Экология». Названия секций меняются в зависимости от заявленных выступлений.

На каждой конференции есть выступления посвященные родословию. Начало положили на первой конференции выступления краеведов Лыткина Н.И. «Род Лыткиных на юге края» и Зарубенко А.В. «Род Солдатовых в Минусинске. Древо рода Солдатовых». С начала проведения конференции, стало традицией присутствие представителей старшего поколения – дедушек и бабушек юных рассказчиков. И надо видеть, как они внимательно слушают своих продолжателей рода.

Много выступлений посвящено ветеранам Великой Отечественной войны, учителями, истории семей, судьбам родных.

По материалам конференции издаются сборники. Они различны по объему и форме, по тематике. В работе над сборниками активное участие принимают работники Минусинского архива. Всего издано 7 сборников «Кто мы? Откуда?», в них вошли 356 работ.

В последние годы краеведы стали активно использовать новую форму выступления – презентации. При создании таких презентаций, краеведы очень часто используют уникальные фотографии, документы. В этом году, с применением компьютерных технологий было создано электронное издание «Минусинск и минусинцы», где мы попытались соединить выступление и презентацию. Это первый выпуск, материал здесь расположен в хронологии. Большая часть материала осталась пока неиспользованная, но предполагается издать тематический диск с материалами минусинских краеведов и диски с материалами по каждому району.

2009

Н.Н. Шумаева,
п. Шушенское

Комплексная краеведческая экспедиция как ресурс исследовательской деятельности школьников

Экспедиция как форма научно-поисковой, исследовательской деятельности традиционно используется в образовательном процессе высших учебных заведений. Она формирует у студентов практические навыки проводить наблюдения, измерения, изучать и описывать объекты в естественных природных условиях. Такая форма работы способствует развитию у молодежи интереса к знаниям, расширяет кругозор, учит рассматривать факты и явления окружающей действительности во взаимосвязи, делать самостоятельные выводы и обобщения. Плюс здесь в том, что после экспедиции нет нужды подбирать, искать какую-нибудь проблему, решая которую можно написать хорошую исследовательскую работу. У ребенка уже в полевых условиях рождается куча вопросов: «А почему...?», «Как...?», «А что будет, если...?».

В 2006 г. педагоги школы № 2 совместно с сотрудниками музея-заповедника «Шушенское» рискнули провести первую летнюю краеведческую экспедицию с учащимися по комплексному изучению природы, истории и культуры с. Дубенского Шушенского района и его окрестностей.

Так появился совместный проект «ПИК»: Природа. История. Культура. Постоянными партнерами СОШ № 2 стали отдел молодежной политики администрации Шушенского района, историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Шушенская центральная библиотека, Шушенский сельскохозяйственный колледж. Кроме того, в каждой экспедиции принимают участие школы, библиотеки и музеи тех сельских территорий, где проходят поисково-исследовательские работы.

Финансирование экспедиций осуществлялось отделом молодежной политики администрации района (сумма на питание), грантовыми проектами РУСАЛа «Не исчезай, мое село!» (2007 г.), «Малая родина: прошлое и настоящее» (2008 г.), авторами которых были непосредственные участники экспедиций, и МОУ Шушенским центром туризма и краеведения, который постоянно снабжает нас снаряжением, а в 2009 г. оказал финансовую поддержку, как участникам проекта «Маршрут 294».

Стремясь преодолеть однообразие книжного образования, организаторы экспедиции поставили цель и определили основной ее смысл: помочь учащимся на основе неформальной практической деятельности лучше узнать свою малую родину; глубже понять особенности ее природы, истории и культуры, и главное, проследить взаимосвязь с природным, историческим и культурным наследием Красноярского края и России в целом, тем самым побудить их к участию в созидательной деятельности.

Если первая экспедиция выполняла функцию разведочно-туристической с элементами исторического исследования и географической рекогносцировки, то в последующем перед каждым специализированным отрядом стояли конкретные задачи по изучению исследуемой территории:

1. Географический – изучение компонентов природного комплекса: рельефа, почв, погодных условий, водных ресурсов;
2. Биологический – наблюдение и изучение животных и растений, сбор и оформление гербариев, коллекций насекомых;
3. Геолого-топографический – глазомерная и инструментальная топографическая съемка местности, составление абрисов, профилей, отбор образцов горных пород и минералов;
4. Историко-этнографический – опрос и анкетирование старожилов и ветеранов производства в населенных пунктах, сбор раритетных фотографий, орудий труда и быта, составление топонимического словаря;
5. Литературный – поиск самобытных поэтов, сказителей, хранителей сказов, былей, легенд; сбор и запись фольклорного материала;
6. Экологический – наблюдение и анализ состояния природной среды, составление экологической карты.

В 2009 г. появилось новое гидрологическое направление – изучение водных ресурсов Шушенского района и их использования для нужд населения.

Традиционно в каждой экспедиции исследовательская работа сочетается со спортивными и туристическими мероприятиями. Это позволяет участникам получать уникальные возможности познавательного, духовно-нравственного и физического развития, а также принимать непосредственное участие в разработке туристических маршрутов, начиная от формирования идеи, заканчивая составлением и проработкой маршрута.

Итоги очередного «полевого» периода традиционно подводятся в музее школы № 2 на декабрьской краеведческой конференции. Участники экспедиции и гости – педагоги и ученики других школ, рассказывают о своих наработках, обмениваются новостями, интересными фактами и находками. Впоследствии эти сообщения ложатся в основу исследовательских работ, с которыми ребята выступают на конференциях и участвуют в конкурсах различных уровней – от районного до федерального.

Всего проведено четыре комплексные краеведческие экспедиции численностью от 22 (2006 г.) до 54 (2009 г.) человек – учеников 8-11 классов и преподавателей. С 2008 г. в них принимают участие школьники г. Красноярска, г. Усть-Кут Иркутской области и г. Новосибирска.

За этот период собран солидный материал. Дополненный архивными находками, анализом публикаций специалистов разных областей, он лег в основу исследовательских работ школьников, которые практически все получили высокие оценки специалистов-рецензентов: «Ступени Дубенской «пирамиды» (определение причин происхождения необычных частых ступеней на террасах левого берега реки Ашпа – автор Герасимова К., руководитель Лобанова Т.А.); «Золотая история Шушенского района» (авторы Матэко А., Ульянова К., руководитель Шумаева Н.Н.); «Влияние внешней среды на рост растений в окрестностях села Сизая» (автор Давид К., руководитель Косых Н.Н.); «Определение химического состава водных источников в районе села Сизая и их пригодности для нужд населения» (авторы Воронкевич А., Попова В., руководитель Омелик Г.Н.); «Зависимость типов растительных сообществ от изменения высоты местности» (автор Жаворонкова Я., руководитель Косых Н.Н.); «Я в деревне живу и об этом ничуть не жалею» (автор Коротаяева Е., руководитель Волкова Е.А.).

Выпускники школы 2009 г. Акунченко Е. и Болдырев О., авторы исследовательской работы «История горнорудного дела» (руководитель Лобанова Т.А.), стали дипломантами Заочной краевой геологической Олимпиады-2009, а как участники XXXV Сибирской геологической Олимпиады при Сибирском отделении РАН, получили дополнительные баллы для поступления в Новосибирский госуниверситет. Коротаяева Е., автор работы «Легенды Присяянья» (руководитель Волкова Е.А.), стала дипломантом краевого форума «Молодежь и наука». Герасимова К., Акунченко Е. и Болдырев О. в 2009 г. стали дипломантами краевого молодежного проекта «Новый фарватер» в номинации «Научно-техническое творчество молодежи. Исследовательские проекты» (руководители Лобанова Т.А., Косых Н.Н.).

Кроме этого, ребята самостоятельно создали три фильма, один из которых «ПИК-3» (авторы Акунченко Е., Болдырев О.) стал победителем V Международного молодежного фестиваля информационных технологий Архангельск-2008.

Участники экспедиции – и взрослые, и дети, работая единой командой, проявляют свои индивидуальные способности, развивают личные качества. Обычной стала взаимозаменяемость ребят в отрядах, появились и постоянные специалисты – спецкоры, видеооператоры, организаторы досуга, аналитики, повара, хозяйственники. И главное, у школьников явно прослеживается мотивация к осознанному профессиональному выбору.

При школьном музее создан клуб юных краеведов «Ноушата». Цель – приобщение учащихся младшего школьного возраста к поисково-исследовательской деятельности.

Практика проведения комплексных экспедиций показала, что подобная краеведческая работа не только имеет право на жизнь, но должна развиваться, привлекая к участию студентов ВУЗов края и его окрестностей, педагогов, ученых с целью формирования разнообразных связей в исследовательской деятельности и образовательной системе. Объединяясь, возможно ставить и более широкие задачи, такие, как: сохранение и популяризация одного из важнейших культурно-исторических регионов Южной Сибири; получение и профессиональный отбор экспериментального материала, представляющего научную ценность; подготовка квалифицированных юных исследователей; практическая природоохранная и просветительская деятельность в населенных пунктах региона в целях охраны природы, сохранения исторического и культурного наследия Присаянья.

И, как результат, воспитание чувства гражданственности и патриотизма в среде студентов и школьников, высокого нравственного, культурного потенциала и физического совершенства.

2009

Основные сокращения

авт. – автор	перв. четв. – первая четверть
в. – век	пл. – площадь
в т.ч. – в том числе	п., пос. – поселок
втор. пол. – вторая половина	пр. - прочее
втор. четв. – вторая четверть	р. – река
г. – город, гора, год (при названии)	с. – село
гг. – годы	сс. - села
г.р. – год рождения	см – сантиметр,
д. – деревня	См. – смотри
дд. - деревни	св. – святой
др. – другие	Св. – святитель
ед. - единица	сев. – северный
ед.хр. – единица хранения	сер. – середина
ж.-д. – железнодорожный, железная дорога	т – тонна
и.о. – исполняющий обязанности	т.н. – так называемый
кбм – кубометр	т.о. – таким образом
км – километр	тыс. – тысяча
млн. – миллион	хр. – хребет
м – метр	ц – центнер
млрд – миллиард	чел. – человек
наст. вр. – настоящее время	числ. – численность
нач. – начальный, начало	шт. – штук
обл. – область	юж. – южный
оз. – озеро	яз. – язык

Аббревиатуры,

встречающиеся

в

тексте

АААКК	Архив агентства администрации Красноярского края
АН	Академия наук
АГМ (он же МФГак МУ АГМ, МГА)	Архив г. Минусинска (Минусинский филиал Государственного архива Красноярского края, Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска»
АМЗТП	Архив музея-заповедника «Томская Писаница»
АМКМ	Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова
АО АКР	Архивный отдел администрации Курагинского района
АРУ ФСБ	Архив регионального управления ФСБ по Красноярскому краю
ВГИК	Всероссийский государственный институт культуры
ВППШ	Высшая партийная школа
ВЧК	Всесоюзная чрезвычайная комиссия
ВРК	Военно-революционный комитет
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАЗК	Государственный архив Забайкальского округа
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАНИИО	Государственный архив новейшей истории Иркутской области

ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАРХ	Государственный архив республики Хакасия
ГВК (РВК)	Горвоенкомат (райвоенкомат)
ГИЭМЗ «Шушенское»	Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»
ГИМ	Государственный исторический музей
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ИРГО	Иркутское русское географическое общество
ИРКИСВА	Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (в археологическом, историческом, лингвистическом этнографическом отношениях)
КГПИ, КГПУ им. В.П. Астафьева	Красноярский государственный институт, университет
КГТЭИ	Красноярский государственный торгово-экономический институт
ККИМК	Красноярский культурно-исторический музейный комплекс
КККМ	Красноярский краевой краеведческий музей
ККУК	Красноярское краевое училище культуры
КузГПА	Кузнецкая государственная педагогическая академия
КФЭК	Красноярский финансово-экономический колледж
МКМ	Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова
МУК, МБУК	Муниципальное учреждение культуры, Муниципальное бюджетное учреждение культуры
ООШ	Общая образовательная школа
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской Империи
РАН	Российская академия наук
РГО	Российское географическое общество
РГСУ	Российский государственный социальный университет
РМАТ (Новокузнецк)	Новокузнецкий филиал Российской филиал Международной академии туризма
РСДРП (б), (м)	Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков, меньшевиков
СА	Советская археология
СГТУ	Сибирский государственный технологический университет
СМАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН	Сибирское отделение Российской Академии наук
СОШ	Средняя общеобразовательная школа
ТГПУ	Томский государственный педагогический университет
ХГУ (АГПИ) им. Н.Ф. Катанова	Хакасский государственный университет (Абаканский пединститут)
ХНКМ им. Л.Р. Кызласова	Хакасский национальный краеведческий музей
ХакНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦБС	Центральная библиотечная система
ЦХДНИ КК	Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

Список авторов

Аланд Елена Юрьевна, научный сотрудник, Таштыпский краеведческий музей, с. Таштып, Республика Хакасия

Аранова Надежда Очировна, научный сотрудник, Хакассский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан, Республика Хакасия

Аргамонова Надежда Яковлевна, д.и.н., профессор, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Бакшт Дмитрий Алексеевич, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Баранцева Наталья Анатольевна, к.и.н., ХГУ им. Н.Ф. Катанова,

Баташев Михаил Семенович, ст. научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

Баус Антонина Ивановна, методист, Первомайская сельская библиотека, с. Первомайское, Республика Хакасия

Баяндин Леонид Николаевич, директор музея, краеведческий музей Алтайского района, с. Белый Яр, Республика Хакасия

Белошапкина Галина Михайловна, руководитель школьного музея, Гимназия №1, г. Минусинск

Бернятцкая Тамара Милентьевна, директор музея, Краснотуранский историко-этнографический музей, с. Краснотуранское

Борзенко Любовь Николаевна, директор музея, Каратузский районный краеведческий музей, с. Каратуз, Каратузский район

Борисова Алла Павловна, член общества, Красноярское краевое историко-родословное общество, г. Красноярск

Боярченко Ольга Ивановна, главный хранитель, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Бражникова Наталья Петровна, учитель истории и обществознания, СОШ №47, п. Зеленый Бор, Минусинский район

Броднева Адель Владимировна, директор музея, Литературный музей им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Буров Виктор Федорович, к.ф.н., доцент, ХТИ - филиал Сибирского федерального университета, г. Абакан, Республика Хакасия

Бутанаев Виктор Яковлевич, д.и.н., профессор, ХГУ им. Н.Ф.Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Буцаева Наталья Евгеньевна, методист, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Вагнер Юлия Александровна, мл. научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Василишина Ирина Ярославовна, педагог английского языка, СОШ №16, г. Минусинск

Вдовин Александр Сергеевич, к.и.н., КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Верещагина Татьяна Евгеньевна, директор музея, Туранский музей имени Сафьяновых, г. Туран, Республика Тува

Воеводин Трофим Викторович, ст. научный сотрудник, Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», г. Кемерово, Кемеровская область

Волова Татьяна Владимировна, заведующая филиалом №1, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова, г. Минусинск

Волченков Юрий Павлович, гл. хранитель, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское, Шушенский район

Голованенко Наталья Александровна, заместитель директора, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Гончаров Александр Евгеньевич, СибГАУ им. Академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск

Грек Олесь Григорьевич, журналист, Член Союза журналистов России, Засл. работник культуры РХ, г. Саяногорск, Республика Хакасия

Григорьев Андрей Александрович, к.и.н., доцент, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Дмитриева Светлана Михайловна, научный сотрудник, историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»,

Дрепак Валентина Николаевна, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское, Шушенский район

Дыртык-оол Майя Оюновна, гл. специалист отдела истории, Национальный музей им. Алдан Маадыр, г. Кызыл, республика Тува

Дэвлет Марианна Арташировна, д.и.н., научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва

Ермакова Ольга Петровна, вед. методист, Литературный музей им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

- Ермилова Валентина Васильевна**, научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова, г. Минусинск
- Ермолаева Людмила Николаевна**, директор музея, Засл. работник культуры РФ, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск
- Жарников Захар Юрьевич**, научный сотрудник, СФУ, г. Красноярск
- Заика Александр Леонидович**, к.и.н., КГПУ им. В.П. Астафьева,
- Зверева Любовь Яковлевна**, заведующая музеем, Музей природы, с. Ермаковское, Ермаковский район
- Злобин Михаил Васильевич**, краевед, г. Минусинск
- Зубков Валерий Серафимович**, к.и.н, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия
- Зыкова Татьяна Алексеевна**, аспирантка, 2 курс, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия
- Ивашенко Галина Петровна**, преподаватель, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск
- Калеменова Наталья Алексеевна**, журналист, газ. «Надежда и мы»,
- Калюга Антонина Евгеньевна**, начальник архивного отдела Курагинского района, с. Курагино, Курагинский район
- Калюга Дмитрий Владимирович**, студент СФУ, с. Курагино, Курагинский район
- Карелин Николай Михайлович**, ассистент, СибГАУ им. Академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск
- Катина Елена Михайловна**, директор музея, Курагинский районный краеведческий музей, с. Курагино, Курагинский район
- Китова Людмила Юрьевна**, к.и.н., КГУ, г. Кемерово
- Ключников Тимофей Александрович**, ст. научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск
- Ковалева Ольга Витальевна**, к.и.н., Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск
- Комарова Тамара Семеновна**, вед. специалист, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск
- Коновалова Ольга Викторовна**, д.и.н., профессор, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
- Краснопеева Надежда Петровна**, руководитель музея, СОШ №4 им. М.П. Хвостанцева, г. Минусинск

Кудельская Лилия Аркадьевна, гл. библиотекарь, научная библиотека Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Кудряшов Юрий Тимофеевич, гл. редактор, журнал «Абакан»,

Лебедева Вероника, научный сотрудник, Музей-усадьбы им. В.И. Сурикова, г. Красноярск

Леонова Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, г. Новосибирск

Леонтьев Евгений Викторович, ст. научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Леонтьев Николай Владимирович, ст. научный сотрудник, член Германского археологического института, Почетный работник культуры Красноярского края, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Лысенко Данил Николаевич, ст. научный сотрудник, ООО «Красноярская геоархеология», г. Красноярск

Майнагашева Наталья Владимировна, аспирант, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Макарова Светлана Сергеевна, учитель истории, Прихольмская СОШ № 4, с. Прихольме, Минусинский район

Махина Светлана Васильевна, ведущий библиотекарь, научная библиотека филиала КГТЭИ, г. Минусинск

Махно Юрий Карпович, доцент, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Медников Дмитрий Михайлович, ассистент, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Минор Олеся Вячеславовна, аспирант НГУ, г. Абакан, Республика Хакасия

Морозова Анастасия Игоревна, студентка, 4 курс, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Морозова Елена Владимировна, к.б.н., филиал КГТЭИ,

Москвитина Марина Викторовна, мл. научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Наумова Татьяна Александровна, зам. директора по учебно-воспитательной работе, СОШ №16, г. Минусинск

Негодина Ирина Ивановна, зав. филиалом № 2, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Никифорова Елена Анатольевна, преподаватель, ККККиИ,

Никулкин Владимир Алексеевич, краевед, с. Курагино, Курагинский район

Никулкина Наталья Анатольевна, краевед, с. Курагино, Курагинский район

Орехова Наталья Алексеевна, ст. научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

Осиновская Людмила Анатольевна, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское, Шушенский район

Павленко Олег, член объединения «Моя малая Родина», с. Шалаболино, Курагинский район

Первозова Валентина Александровна, к.х.н., профессор, филиал КГТЭИ, г. Минусинск

Петров Антон, член объединения «Моя малая Родина», с. Шалаболино, Курагинский район

Пилипенко Владимир Семенович, краевед, г. Новокузнецк

Погребняк Александр Иванович, к.и.н., доцент, филиал КГТЭИ,

Поселянин Александр Иванович, к.и.н., ХГУ им. Н.Ф. Катанова,

Пшеницына Маргарита Николаевна, к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт – Петербург

Родин Егор Александрович, студент, КГПУ им. В.П. Астафьева,

Романченко Мария Васильевна, педагог, СОШ№ 9, с. Алексеевка, Курагинский район

Ростовцев Сергей Николаевич, преподаватель, краевед, филиал КГТЭИ, г. Минусинск

Сазонова Ольга Михайловна, магистрант 1 курс, НГУ, г. Новосибирск

Салчак Людмила Монгушовна, гл. специалист отдела истории, Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тува,

Семочкина Валентина Федоровна, руководитель краеведческого объединения «Моя малая Родина», с. Шалаболино, Курагинский район

Сидорина Елена Юрьевна, заведующая научной библиотекой Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск

Скоробогатова Наталья Николаевна, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское, Шушенский район

Степанова Варвара Сергеевна, студентка, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Суровцева Валерия Леонидовна, учитель истории, ООШ №5,

Терентьева Валентина Ивановна, зам. директора, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»,

Тертышникова Галина Прокопьевна, педагог, Гимназия №1,

Тихомиров Никита Михайлович, методист, Дивногорский городской музей, г. Дивногорск

Ткачева Елена Викторовна, руководитель музея, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск

Толстова Галина Александровна, к. фил.н., Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

Тугужекова Валентина Николаевна, д.и.н., профессор, директор ХакНИИЯЛИ, г. Абакан

Тюндешева Кунари Викторовна, студентка, 4 курс, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Федоров Игорь Геннадьевич, директор музея, Дивногорский городской музей, г. Дивногорск

Феоктистова Татьяна Николаевна, к.и.н., директор музея, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан, Республика Хакасия

Харченко Галина Трофимовна, заместитель директора ЦБС, г. Минусинск

Хоменко Денис Юрьевич, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Чепелева Галина Григорьевна, к.б.н., профессор, КГТЭИ, г. Красноярск

Чернышева Вера Геннадьевна, заведующая издательским отделом, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск

Шахов Павел Сергеевич, Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, г. Новосибирск

Шекшеев Александр Петрович, к.и.н., г. Абакан, Республика Хакасия

Шестаков Александр Николаевич, заведующий научно-выставочным отделом, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск

Шрам Дарья Владимировна, студентка, 4 курс, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

Шумаева Наталья Николаевна, руководитель школьного музея, СОШ № 2, п. Шушенское, Шушенский район

Шумская Наталья Александровна, преподаватель, филиал КГТЭИ, г. Минусинск

Шунина Нина Михайловна, гл. редактор газ. «Надежда и мы», г. Минусинск

Мартьяновские краеведческие чтения (2008-2009)

(Сборник докладов и сообщений). Выпуск 6